This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P Slav 605.10.2 (1883, no. 9)

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

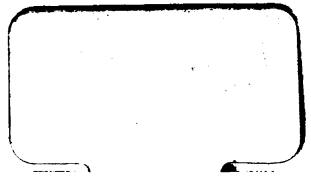
Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

P Slav 605.10.2 (1883, no. 9)

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER



РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

КНИГА IX.

МОСКВА.

1883.

Редакція и главная контора журнала: Леонтьевскій п., 21.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ:

Въ Москвѣ — Петровскія торговыя линіи.

Въ С.-Петербургѣ — при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°.

Въ Кіевѣ — при типографіи И. Н. Кушнерева и К°, Елисаветинская улица, д. Михельсона.

Δ
P Slav 605, 1C. 2 (1883, no. 9
✓

ПОПРАВКА.

Въ августовской книжкѣ *Русской Мысли*, въ статьѣ: «Театръ и школа сценическаго искусства»—вкрались двѣ важныя опечатки, которыя считаемъ необходимымъ исправить. На стр. 196, строка 14, напечатано:

„...что этому разуму противорѣчитъ Высшій Разумъ...“ Слѣдуетъ исправить такъ: „...что этому разуму *не* противорѣчитъ Высшій Разумъ“.

На послѣдней строкѣ страницы 206 напечатано:

„и образовавшихся въ гимназіяхъ“. Слѣдуетъ: „неполучившихъ образованія въ гимназіяхъ“.

Keller

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY JUL 24 1912

Printed in Germany

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ. Некрологъ.	I
II.	МЫСЛИ НАДЪ ГРОБОМЪ ТУРГЕНЕВА. Стихотв.—**Л. Пальмина.**	IV
III.	ВЛАСЪ. Поэма, изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ, **Людвика Кондратовича.** Переводъ съ польскаго.—**Л. И. Пальмина.**	1
IV.	ЦАРСКІЙ КАБАКЪ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.—**И. И. Дитятина.**	34
V.	МАГИСТРЪ И ФРОСЯ (Ихъ первые шаги въ жизни). Повѣсть. Гл. V—X. *Окончаніе.*—**А. С. Шабельской.**	73
VI.	ВѢРА И ЗНАНІЕ.—**Л. Лопатина.**	127
VII.	А. Н. СѢРОВЪ. Біографическій очеркъ. Гл. III. *Окончаніе.*—**В. Баскина**	169
VIII.	КРЕСТЬЯНЕ ВЪ БАЛТІЙСКОМЪ КРАѢ. Гл. III и IV. *Окончаніе.*—**С. С. Шашкова.**	189
IX.	О ВЛІЯНІИ ПРОГРЕССА НА БѢДНОСТЬ. Гл. I—V.—**Н. З.**	235
X.	СИБИРСКІЕ КОЛОНИЗАТОРЫ: I—**Изъ «золотой молодежи».—Мишлэ**	294
XI.	ЖІАНЪ И ГАНСЪ. Повѣсть **Марка Монье.** Гл. I—IV. Переводъ съ французскаго.	305
XII.	ПОЛИТИКА РОССІИ И ПРУССІИ ВЪ ЭПОХУ, ПРЕДШЕСТВОВАВШУЮ ПЕРВОМУ РАЗДѢЛУ ПОЛЬШИ. *Окончаніе.*—**В. К.**	1
XIII.	ВОПРОСЪ О ПРЕОБРАЗОВАНІИ МѢСТНАГО УПРАВЛЕНІЯ ВЪ ЗЕМСКИХЪ СОБРАНІЯХЪ.—**В. С.**	23
XIV.	УКАЗАНІЯ НА БОГАТСТВА СѢВЕРНОЙ ПОЛОСЫ РОССІИ.—**П. І. Черкасова.**	56
XV.	БИБЛІОГРАФІЯ:	
	«Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка: Царица Прасковья». *М. И. Семевскаго.* С.-Пб. 1883 г.—«Кометы и падающія звѣзды». *С. П. Глазенапа.* 1883 г.—«Завоеваніе Ахалъ-теке». *А. Маслова.* С.-Пб. 1882 г.—«Совѣты русскимъ землевладѣльцамъ». *К. Дмитріева.* Тула. 1883 г.—«Записки о Восточной Румеліи». *В. В. Яшерова.* Москва. 1883 г.—«Большая Медвѣдица». Романъ *В. Крестовскаго.* С.-Пб. 1883 г.—«Караси и щуки». Юмористическіе разсказы *Н. А. Лейкина.* С.-Пб. 1883 г.—«Записки степняка». Очерки и разсказы *А. Эртеля.* С.-Пб. 1883 г.—«Стихотворенія» кн. *Д. Н. Цертелева.* С.-Пб. 1883 г.—**Е. Н.**	71

Стр.

«Бисмаркъ, Вагнеръ, Родбертусъ». *Морица Вирта* (Bismarck, Wagner, Rodbertus, drei deutsche Meister» Moritz Wirth. Leipzig. 1883).—«Вліяніе природы на развитіе собственности». *Людвига Феликса* («Der Einfluss der Natur auf die Entwicklung des Eigenthums». Ludwig Felix. Leipzig 1883).—«Статистика новаго времени». *Кольба* («Statistik der Neuzeit». G. Fr. Kolb. 1883. I. Lieferung).—**В. А. Гольцева** 90

Приложеніе: БУРНОЕ ВРЕМЯ. Историческій романъ Т. Т. Ежа.
Переводъ съ польскаго . . . . . 289—320

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

(некрологъ.)

Еще однимъ высокоталантливымъ писателемъ меньше,— 22 августа скончался нашъ дорогой русскому сердцу Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ вдали отъ родины, въ Буживалѣ, близъ Парижа.

Иванъ Сергѣевичъ родился въ г. Орлѣ 28 октября 1818 г. Отецъ его, Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ, былъ полковникомъ Елисаветградскаго кирасирскаго полка, квартировавшаго въ Орлѣ. Тамъ онъ женился на Варварѣ Петровнѣ Лутовитиновой, оставилъ службу и скончался въ 1835 г. Варвара Петровна скончалась въ 1850 году, дожившн до глубокой старости. До 12-лѣтняго возраста Иванъ Сергѣевичъ росъ въ семьѣ, окруженный гувернерами - иностранцами; у него было два брата, одинъ старше, другой моложе его. Затѣмъ его отвезли въ Москву и отдали сперва въ частный пансіонъ, а потомъ передали на попеченіе директора Лазаревскаго института. На 16 году И. С. Тургеневъ поступилъ въ Московскій университетъ на филологическій факультетъ и въ слѣдующемъ году (1835), послѣ смерти отца, перешелъ въ Петербургскій, изъ котораго въ 1837 году выпущенъ дѣйствительнымъ студентомъ, а еще черезъ годъ получилъ степень кандидата. Въ томъ же 1838 г. онъ отправился въ Берлинъ, гдѣ въ теченіи двухъ лѣтъ слушалъ курсы знаменитыхъ въ то время профессоровъ Ранке, Ганса, Цумпта, Вердера. На литературное поприще Иванъ Сергѣевичъ выступилъ въ началѣ сороковыхъ годовъ не особенно удачными стихотворными произведеніями, которыя онъ

подписывалъ буквами Т. Л. Эти неудачи едва совсѣмъ не отвратили его отъ писательства; но, къ счастью, онъ скоро оставилъ юношеское увлеченіе стихотворною формой и вышелъ на свою настоящую дорогу, на которой съ первыхъ же шаговъ успѣлъ занять видное мѣсто повѣстями: «Андрей Колосовъ», «Три портрета», «Бреттеръ» и въ особенности своими чудными «Записками охотника», первый очеркъ которыхъ — «Хорь и Калинычъ» — былъ напечатанъ въ 1-й книжкѣ *Современника* 1847 года. Отдѣльнымъ изданіемъ «Записки охотника» вышли въ 1852 году съ одобренія предварительной цензуры; но вскорѣ книга была запрещена, и самъ авторъ подвергся крупнымъ непріятностямъ: его арестовали, продержали нѣкоторое время въ заключеніи при полиціи и выслали на житье въ Орловскую губернію. Поводомъ къ этому послужило его «Письмо о Гоголѣ», напечатанное въ № 32 *Московскихъ Вѣдомостей* 1852 г. «Письмо» это не представляетъ собственно ничего нецензурнаго; но за то «Записки охотника» явились настоящимъ яркимъ протестомъ противъ крѣпостного права, господствовавшаго тогда во всей своей силѣ. Въ нихъ впервые сказалась вся чуткость, вся жизненность, почти вдохновенность таланта Ивана Сергѣевича,—таланта, доходившаго до геніальности въ своей отзывчивости ко всѣмъ явленіямъ, идеаламъ и увлеченіямъ пережитой нами эпохи съ 1848 года до настоящаго времени.

Мы не станемъ здѣсь перечислять послѣдующихъ произведеній И. С. Тургенева,—ихъ всѣ знаютъ на память. Тѣмъ не менѣе не можемъ воздержаться и не упомянуть о «Рудинѣ», «Наканунѣ», «Отцахъ и дѣтяхъ» (февр. 1862 г. *Русск. Вѣстн.*), составившихъ настоящую эпоху, схватившихъ новый типъ въ самый моментъ его появленія. Всѣ послѣдующія его произведенія писаны за границею, куда И. С. Тургеневъ совсѣмъ переселился съ 1863 г. Въ этихъ произведеніяхъ уже чувствуется постепенное ослабленіе его

связи съ родиной, угасаніе его чуткости къ тому, что въ ней живетъ и чѣмъ живетъ она... Здѣсь не мѣсто для оцѣнки литературной дѣятельности И. С. Тургенева,—можно только одно сказать, что его смерть есть невознаградимая потеря для Россіи, и не для нея одной. Покойный Иванъ Сергѣевичъ давно уже занимаетъ почетнѣйшее мѣсто въ средѣ европейскихъ писателей; многія его произведенія переведены на всѣ европейскіе языки; его имя пользуется въ чужихъ краяхъ большею извѣстностью, чѣмъ имя котораго-либо изъ современныхъ русскихъ писателей. Оно впрочемъ и понятно: его идеи были не исключительно русскими идеями, а общечеловѣческими, какъ и его идеалы, возвышавшіеся надъ всякими національными особенностями; въ его герояхъ, во всѣхъ изображенныхъ имъ лицахъ сквозь ихъ несомнѣнно чисто - русскіе характеры всегда видѣнъ былъ человѣкъ, — не тотъ «все-человѣкъ», о которомъ говорилъ Ѳ. М. Достоевскій, а тотъ, котораго разумѣли Шекспиръ, Шиллеръ, Гоголь, Викторъ Гюго и Тургеневъ.

Мысли надъ гробомъ Тургенева.

Гаснутъ яркія звѣзды одна за другой,
Что свѣтили такъ ясно когда-то.
Въ храмѣ музъ стало меньше лампадой одной,
Даль грядущаго тьмою объята.
Гаснутъ яркія звѣзды умчавшихся дней...
Ты сіялъ поколѣніямъ тоже
И угасъ... Мы стонимъ надъ могилой твоей.
Гдѣ же новыя звѣзды? О, Боже!
Гдѣ же ихъ ужь давно ожидаемый свѣтъ?
Область мысли подъ тьмой безъисходной.
Гаснутъ прежнія, гаснутъ, а новыхъ все нѣтъ...
Гдѣ-жь сіянье звѣзды путеводной?
Или дымная гарь современныхъ костровъ
Царство мысли свободной затмила,
И, при гаснущемъ блескѣ надъ прахомъ гробовъ,
Тщетно новаго ждемъ мы свѣтила?
Такъ прощай же! Ты жизненный путь совершилъ.
Мы твой прахъ окропляемъ слезою.
Труденъ, теменъ восходъ для грядущихъ свѣтилъ...
Тяжко свѣту ихъ биться со тьмою.

Л. Пальминъ.

ВЛАСЪ.

(поэма изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ.)

Людвика Кондратовича.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Печальный край Полѣсья, ты съ дѣтства мнѣ знакомъ,
Какъ будто изъ тумана мерцаешь ты въ быломъ!
Порой, какъ призракъ, видитъ задумчивый мой взоръ
Необозримыхъ окомъ твоихъ болотъ просторъ,
Твоихъ лѣсовъ угрюмыхъ дремучій темный кровъ,
Извилистыя рѣки межъ ивъ и тростниковъ,
Крылатыя дружины докучливыхъ слѣпней
И мотыльковъ зеленыхъ межъ листьевъ и вѣтвей,
И эту тишь лѣсную, что возмутитъ на мигъ
Порой полетъ апста, да журавлиный крикъ,
Или въ рѣкѣ спокойной плеснувшая волна
Вслѣдъ за весломъ лѣнивымъ рыбачьяго челна.

Какую-то встрѣчаю я тайную красу
Въ пескахъ Полѣсья желтыхъ, и въ сумрачномъ лѣсу,
И въ хатахъ деревенскихъ, убогихъ и кривыхъ,
Въ церквахъ, соломой крытыхъ, среди погостовъ ихъ,
Что искривленныхъ елей кровъ темный осѣнилъ,
Гдѣ маленькая хатка надъ каждой изъ могилъ,
Гдѣ съ прахомъ старыхъ предковъ въ могилахъ здѣсь и тамъ
Потомковъ поздній пепелъ смѣшался пополамъ.

Окружена водою и чащею лѣсовъ,
Здѣсь жизнь людей все та же отъ глубины вѣковъ;
Обычай отъ вѣка не измѣнялись здѣсь;

Языкъ, одежда—тѣ же, складъ жизни тотъ же весь;
Сюда духъ вѣка новый прокрасться не успѣвъ,
Не тронулъ ни понятій, ни пѣсенокъ напѣвъ;
Какъ у славянъ носили вдали вѣковъ былыхъ—
Такіе же кафтаны и бороды у нихъ;
Такими-жь топорами дубовый рубятъ лѣсъ;
Въ такихъ же храмахъ просятъ спасенья у небесъ;
Какъ встарину, питаютъ ихъ рыба, просо, медъ,—
Все то же, лишь быть-можетъ нужды побольше гнетъ...
Порою жница пѣсню на нивѣ сложитъ тамъ,
Быль первый разъ разскажетъ отецъ своимъ дѣтямъ,
Когда внезапно вспомнитъ, минувшимъ весь объятъ,
Что̀ на селѣ случилось десятки лѣтъ назадъ.
То о дворѣ господскомъ, то про село разсказъ
Даетъ для вечерники рѣчей большой запасъ.
При смоляной лучинѣ, гдѣ дѣвицы прядутъ,
А хлопцы вяжутъ сѣти, когда вокругъ пойдутъ
У старикозъ разсказы про давніе года,
Такъ всей душой и сердцемъ отдашься имъ тогда,
Что долго не забудешь и нѣсколько ночей
Тебѣ все будетъ сниться быль стародавнихъ дней
Съ печальнымъ или страшнымъ характеромъ своимъ,
И передашь невольно потомъ ее другимъ.
Такую быль услышать пришлось однажды мнѣ
Изъ времени француза въ родимой сторонѣ.
Не все я могъ запомнить,—простите-жь, если въ ней
Иное ускользнуло изъ памяти моей;
Не знаю даже, правда-ль,—объ этомъ вамъ судить:
Когда тревожно сердце забьется, можетъ-быть,
Когда невольно слезы запросятся изъ глазъ,—
Такъ ужь навѣрно, значитъ, правдивъ и весь разсказъ.

II.

Какой уѣздъ—не знаю и чья земля была...
Въ густой осокѣ рѣчка глубокая текла;
Надъ рѣчкой мостъ на сваяхъ, гнилой, полуживой;
Предъ мостомъ узкой гребли, на полверсты длиной,
Валежникомъ и грязью покрытой полоса,
По сторонамъ же топи, болота и лѣса;

А у опушки лѣса, надъ самою рѣкой,
Охотничья избушка—пріютъ полужпвой.

Темнѣлъ осенній вечеръ; на все вокругъ легла
Холодная, сырая и пасмурная мгла;
Изъ чащи темныхъ сосенъ, по сумрачнымъ лѣсамъ,
Желтѣли вѣтви кленовъ, рисуясь здѣсь и тамъ;
Еще желтѣй березка изъ сумрачной тѣни
И красная осина сквозили какъ огни.

Въ такіе дни невольно тоска сжимаетъ грудь,
Какъ будто что утратилъ, или ждешь чего-нибудь:
Природа умираетъ, и будто вмѣстѣ съ ней
Скорбишь страданьемъ травокъ и вянущихъ вѣтвей;
Чело тогда угрюмо и дума тяжела,
Какъ сѣрыхъ тучъ по небу нависнувшая мгла.

Вотъ какъ-то странно гдѣ-то вблизи раздался вдругъ
Охотничей разгульной, веселой пѣсни звукъ.
Изъ лѣса показалась за нимъ толпа господъ.
За ихъ плечами ружья; блеснулъ огонь—и вотъ
У нихъ изъ трубокъ искры посыпались струей,
Какъ будто волчьи очи сверкнувъ во тьмѣ ночной,
И вся толпа, быть-можетъ, числомъ до двадцати
И съ говоромъ и съ пѣньемъ разгульнымъ по пути,
Какъ будто хоръ бѣсовскій, возникшій изъ болотъ,
Вдоль узкой гребли къ хатѣ охотничьей идетъ.

III.

Въ оконцахъ бѣдной хатки уже огонь блеститъ,
На лавкѣ тамъ хозяинъ Власъ Прохоровъ сидитъ,
Старикъ лѣсничій, лысый, съ сѣдою бородой,
Въ изношенной сермягѣ, но бодрый и прямой,
Лосинымъ подпоясанъ мохнатымъ кушакомъ,
А за поясомъ сумка съ охотничьимъ ножомъ.
Баранья бурка, шапка, двустволка на стѣнѣ
Съ барсучьей торбой видны при трепетномъ огнѣ;
Обтянутая лыкомъ и фляжка тамъ виситъ,
Да заяцъ, что сегодня въ лѣсной глуши убитъ.
Трепещущее пламя, мигая изъ печи,
По закопченной катѣ льетъ красные лучи.

Тамъ въ комнаткѣ сосѣдней порою изъ окна
Красотка лѣтъ въ шестнадцать при отблескѣ видна
Въ льняномъ и бѣломъ платьѣ, а голубой корсетъ
Округлыхъ формъ рисуетъ весь дѣвственный разцвѣтъ;
Бѣжитъ коса по шейкѣ, упавши парой змѣй;
Надѣтъ платочекъ бѣлый на головѣ у ней;
На шеѣ мѣдный крестикъ блеститъ въ лучахъ огня,
Отъ искушеній сердце невинное храня.
Вотъ весь нарядъ дѣвичій,—не поразитъ онъ взоръ,
Но Богъ, который дивно далъ лиліи уборъ
И въ спѣющей калинѣ зажегъ румянца жаръ,—
По дѣвственному лику разсыпалъ больше чаръ,
Очамъ подъ черной бровью власть чудную онъ далъ,
Чтобы въ сердца глубоко огонь ихъ западалъ,
Задумчивостью томной слегка чело облекъ,
На щечкахъ загорѣвшихъ цвѣтъ пурпура зажегъ
И дивно распуститься велѣлъ въ краю лѣсномъ
Цвѣтку всѣхъ въ мірѣ краше—во образѣ людскомъ.

IV.

Вотъ отворились двери, и въ хату вся заразъ
Взошла толпа пришельцевъ. Узналъ ихъ старый Власъ—
Всѣхъ въ эту же минуту—и самъ имъ былъ знакомъ:
То все паны сосѣди, извѣстные кругомъ,
Помѣщики и лица различныхъ должностей
И шляхты засцянковой здѣсь нѣсколько людей.
«Зачѣмъ? Ужели ночью собрались господа
На волка или лося охотиться сюда?
Но волка въ это время нигдѣ и не сыскать,
Ни о какой облавѣ нельзя и помышлять...
На слѣдъ медвѣдя въ ульяхъ, быть-можетъ, кто попалъ?
Не лось ли по сосѣдству изъ чащи забѣжалъ?»
Такъ Власъ терялся въ мысляхъ насчетъ гостей своихъ
И, между прочимъ, думалъ, гдѣ спать положитъ ихъ.
Соображеній полный, взглянувъ на лавки, онъ
Пришельцамъ отдалъ въ поясъ почтительный поклонъ.
— «Здорово Власъ!»—изъ пановъ одинъ проговорилъ,
Сосѣдъ хотя и полный остаткомъ юныхъ силъ,
Но усъ его, когда-то чернѣвшій, былъ ужь сѣдъ.

Онъ былъ въ кафтанѣ польскомъ со сборками одѣтъ;
При немъ ружье и шпага была на кушакѣ,
Что кортикомъ зовется на мѣстномъ языкѣ,
Въ рукахъ же—дротикъ, будто онъ въ бой на вепря шелъ.
Старикъ пытливымъ взоромъ пришедшаго обвелъ,
Почтительно три раза отдавъ ему поклонъ,
Отвѣта пана ждалъ онъ, въ раздумье погруженъ.
— «Послушай,—тотъ промолвилъ,—ты знаешь здѣсь пути,
И ночью въ Чортовъ островъ насъ можешь провести?
Такъ проводи же, только не медля и сейчасъ!»
Тутъ, въ страшномъ изумленьи, взглянулъ на пана Власъ,
Какъ будто панъ не въ полномъ разсудкѣ говорилъ,
И крестъ, помимо воли, Власъ дважды сотворилъ.
— «Вести васъ въ Чортовъ островъ теперь, въ ночи, къ чему?
Тамъ ни волковъ, ни вепря не сыщемъ въ эту тьму...
Волковъ же въ этомъ мѣстѣ и вовсе нѣтъ; притомъ
Гдѣ есть, такъ это только при озерѣ Гниломъ,—
Я, слава Богу, знаю!»—
— «Тутъ рѣчь не про волковъ.
Съѣшь ужинъ, если только онъ у тебя готовъ,
Да поскорѣе въ островъ сейчасъ же проводи,
Да и ружье, пожалуй, на случай заряди!»—
Такъ Бальтазаръ Капота, дворецкій экономъ,
Вскричалъ и грозно объ столъ пристукнулъ кулакомъ.
То былъ старикъ плечистый, хоть ростомъ не большой.
Онъ несъ бочонокъ водки за мощною спиной,
При сумкѣ же, дичиной наполненной биткомъ,
Три окорока были, съ воловьимъ языкомъ.
Недоумѣнья полный, плечами Власъ пожалъ:
«Паны рехнулись, что ли?—въ умѣ онъ размышлялъ.—
Взялись Богъ вѣсть откуда, какъ громъ надъ головой.
Охота темной ночью... да это мнѣ впервой!...»
Тутъ онъ съ поклономъ робкимъ рѣшился имъ сказать:
— «Панамъ вельможнымъ развѣ нельзя тутъ ночевать?
Конечно, неудобно, да вамъ не въ первый разъ...
На лавкахъ и на сѣнѣ я размѣстилъ бы васъ,
А чуть забрежжетъ утро, я разбужу пановъ
И за ручьемъ Пановскимъ попщемъ мы волковъ,
А въ островѣ,—хоть палкой ихъ загоняй туда,—
Ни одного во вѣки не встрѣтишь никогда».

Схватилъ тутъ Власа шляхтичъ мускулистой рукой,
Съ усами по колѣни, высокій и сухой,
Въ ушатой шапкѣ, въ куртkѣ бараньей; онъ ружьемъ
Три раза стукнулъ объ полъ, оперся и потомъ
Съ насмѣшкой, постоянно скользившей по устамъ,
Сказалъ:—«Ты старъ, голубчикъ, а глупъ не по лѣтамъ,
Облава да охота сидятъ въ башкѣ твоей...
Тутъ, братецъ, не до зайцевъ, а дѣло поважнѣй,—
Не вепрей, а похуже слѣдимъ мы здѣсь звѣрка,
Что̀ съ буквы *к* начавшись, кончается на *к*,—
Дичину, что съ нагайкой и съ пиками летитъ,
Какъ вѣтеръ, а порою въ корчмѣ у васъ шумитъ...
Ну, все не догадался?... Что за простакъ ты, Власъ!»—
— «Стой, Валентинъ, и стѣны подслушать могутъ насъ!—
Прервалъ другой и началъ вполголоса потомъ:—
Тутъ гребля, тамъ лѣсочикъ,—ну, видишь дѣло въ чемъ:
Они идутъ по греблѣ, а мы въ лѣсу сидимъ,
Шаговъ въ полсотнѣ пулю пошлемъ изъ чащи къ нимъ...
Межъ греблей же и лѣсомъ болото, знаешь, тамъ, —
Пока до насъ достигнутъ, сперва пойдутъ къ чертямъ.
Ну, вотъ, теперь ты понялъ? Поможешь намъ во всемъ?»
Отведши Власа, долго съ нимъ такъ шепталъ вдвоемъ.
Старикъ блѣднѣлъ и лобъ свой крестомъ лишь осѣнялъ.
Порой погромче возгласъ до прочихъ долеталъ,
И снова Власъ шептался, кивнувши головой:
— «Останутся сироты, а госпожа—вдовой...
Пожитки и имѣнье мы все въ лѣсу густомъ, —
Будь, панъ, спокоенъ въ этомъ,—схоронимъ и спасемъ...
А въ хатѣ у Василья, въ лѣсу, у ручейка,
И госпожа и дѣтки пріютъ найдутъ пока...
Самъ чортъ ихъ тамъ не сыщетъ... Тамъ безопасно жить.
А если дворъ пустуетъ, дворъ можно и спалить,—
Теперь война, извѣстно...» Власъ снова зашепталъ.
Тѣмъ временемъ изъ шляхты кто рюмку въ руки взялъ,
Кто изъ дорожной фляжки хлебнулъ глотокъ большой;
Тамъ запалили трубки, и разговоръ живой
У шляхты завязался о битвахъ и войнѣ,
А панъ тихонько съ Власомъ шептался въ сторонѣ
И наконецъ предъ паномъ сталъ на колѣни Власъ:
— «Соколикъ мой, панòчку! Господь помилуй насъ!

Дай въ островѣ надежнѣй убѣжище найти!
Я-жь буду паче глаза дѣтей твоихъ блюсти;
А если я открою, гдѣ вы, тогда скорѣй
Да разразятся громы надъ головой моей!»
У пана со слезами Власъ ноги цѣловалъ;
Панъ, старика поднявши, въ объятьяхъ крѣпко сжалъ;
А шляхта, что стояла, кругомъ ихъ обступивъ,
Вся мужика спѣшила обнять наперерывъ
По-братски, съ теплымъ чувствомъ, и въ этотъ мигъ святой
Слилась слеза холопа съ шляхетскою слезой.
А въ тѣхъ слезахъ (ихъ шляхтичъ отъ вѣка не зналъ)
Святой зародышъ братства взаимнаго лежалъ.

V.

Но слезы лить не время,—уже пѣтухъ поетъ.
Всѣ обнялись по-братски другъ съ другомъ въ свой чередъ.
Власъ зарядилъ двустволку, баранью шапку взялъ,
Охотничій кафтанъ свой надѣлъ и подвязалъ
Къ нему барсучью торбу и, поклонясь панамъ,
Сказалъ:—«Въ часъ добрый, съ Богомъ, пора въ дорогу намъ!
Я черезъ лѣсъ кратчайшимъ васъ проведу путемъ.
Дорогой не курите, да говорить тишкомъ,
Чтобъ услѣдить за нами не могъ бы кто-нибудь.
Благослови насъ Боже, пошли намъ добрый путь!»
Такъ шапки скинувъ шляхта и осѣнясь крестомъ,
Пошла во слѣдъ за Власомъ въ безмолвіи ночномъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Ужасная година съ надеждой пополамъ...
Огонь, и кровь, и слезы мѣшались здѣсь и тамъ;
Шли тучи войскъ на сѣверъ безсмѣнной чередой,
Двѣ половины міра сходились въ страшный бой.
Кроваво было поле, гдѣ сильныхъ бой сзывалъ,
Но слабый кровь и слезы горчѣе проливалъ.
Шелъ къ небу стонъ съ Полѣсья изъ избъ и деревень,—
Свершали тамъ злодѣйства солдаты каждый день:
Обидятъ старца нагло, избу его сожгутъ,
Скотину перерѣжутъ и далѣе уйдутъ.

Съ той стороны, съ другой ли — послѣдній рядовой
Безчинствовалъ, ничьею не сдержанный рукой.
Мелькнетъ козачья пика, или вестфальскій штыкъ,—
Навѣрно стонъ и слезы услышишь въ тотъ же мигъ.
Изъ дальнихъ деревенекъ, гдѣ жилъ убогій людъ,
Взывать о правосудьи—напрасенъ былъ бы трудъ...
И селянинъ деревья родныя проклиналъ,
Гдѣ стонъ и вопли горя шумъ лѣса заглушалъ.

II.

Все юное шляхетство объялъ мятежный пылъ;
Надѣясь, что возможно въ избыткѣ свѣжихъ силъ
Возстановить изъ праха, что въ немъ погребено,
Подъ знамена французовъ несло всю жизнь оно.
Не многіе остались въ родныхъ своихъ мѣстахъ.
Чья житница, сгорѣвши, разсыпалась во прахъ,
Кого сильнѣй и злѣе стегнулъ козачій бичь,
Тотъ въ лѣсъ бѣжалъ, чтобъ пулей враговъ своихъ настичь.
Лишь только дѣти Дона съ депешею порой
Поскачутъ мимо лѣса дорогою глухой, —
Какъ разъ изъ-за болота иль изъ колосьевъ нивъ
Просвищетъ пуля, въ сердце козачье угодивъ.
Порой же на бивакѣ, когда, передъ костромъ,
Воткнувши въ землю пики, отрядъ уснетъ кругомъ,
Шляхетская ватага, какъ туча комаровъ,
Богъ вѣсть откуда грянетъ врасплохъ на козаковъ,
Разсѣетъ ихъ въ отвагѣ воинственной своей,
Съ собой захватитъ мигомъ добычу и коней,
Оставивъ только трупы, гдѣ былъ жестокій бой,
И безъ слѣда исчезнетъ опять въ глуши лѣсной.

III.

Отъ гребли отдѣленный болотами и рвомъ,
Дремучій Чортовъ островъ, такъ названный кругомъ,
Всегда былъ грознымъ мѣстомъ проѣзжимъ козакамъ,
Когда по узкой гребли они тянулись тамъ;
Градъ выстрѣловъ оттуда ихъ осыпалъ, найдя
Для мѣткихъ пуль шляхетскихъ мишень въ лицѣ вождя;
Лишь первый выстрѣлъ—трупы ужь валятся кругомъ...

Бѣлина, старый чашникъ, той шайки былъ вождемъ;
Съ нимъ шли служить отчизнѣ паны окрестныхъ селъ:
Съ коморникомъ Шелигой хорунжій Вжосекъ шелъ,
Панъ мостовничій Курдешъ, подсудокъ Просця съ нимъ,
Съ Заблоцья, съ Заозерья, съ Замостья и своимъ
Достоинствомъ два пана извѣстные кругомъ:
Панъ Бальтазаръ Капота, Вжозовскій—экономъ.
Гдѣ-жь прячутся: въ болотѣ, въ деревьяхъ ли лѣсныхъ,
Имъ обо всемъ извѣстно и—никому про нихъ.
Отрядъ ли послабѣе, обозъ ли провезутъ,—
Какъ будто громъ изъ тучи, они ужь тутъ какъ тутъ.
И не устанутъ биться, не убѣгутъ назадъ,
Пока, забравъ добычу, не разобьютъ отрядъ.
Сегодня здѣсь, тамъ завтра,—дружина козаковъ,
Лѣсъ окруживши, тщетно для нихъ готовитъ ловъ;
Отряду половину придется потерять,
А шляхта гдѣ-то скрылась, чтобъ выскочить опять.
Кто пищу имъ, однако, и водку достаетъ?
Откуда шайка пули и пороху беретъ?
Откуда войскъ движенья извѣстны имъ вполнѣ?
Другъ тайный есть, навѣрно, у нихъ на сторонѣ.
Но кто, когда, откуда? Со множествомъ трудовъ
По деревнямъ искали, пытали у жидовъ,
Но тщетны всѣ старанья, и въ городъ донесли,
Что шайка вырастаетъ какъ будто изъ земли.

IV.

Гдѣ жены ихъ и дѣти? Гдѣ вещи и стада?
Дома ихъ опустѣли, въ нихъ жизни ни слѣда;
Чего огонь не тронулъ и не унесъ солдатъ,—
Закопано все въ землю, лѣса въ глуши хранятъ.
Но гдѣ и какъ? Все тщетно... Въ безмолвіи своемъ
Дремучій лѣсъ не выдастъ того, что скрыто въ немъ.
Гордясь довѣрьемъ шляхты и преданные ей,
Охотникъ ли, рыбакъ ли, въ упорности своей,
Поп, давай имъ денегъ, иль силою стращи,—
Не выдадутъ, что скрыто у нихъ въ лѣсной глуши.
Среди непроходимыхъ и дебрей и болотъ,
Куда смѣльчакъ охотникъ одинъ лишь забредетъ,

Убогія избушки чернѣютъ тамъ и тутъ,
Въ нихъ панскія семейства нашли себѣ пріютъ.
Баюкая младенца, тамъ робкая жена
Молитву шлетъ за мужа, тревогою полна.
Убогая шляхтянка тамъ въ безпокойномъ снѣ
На жесткомъ сѣнѣ грезитъ о другѣ въ тишинѣ.
Крестьянинъ загрубѣлой, но любящей рукой
Шляхетскаго младенца баюкаетъ порой;
То иногда стругаетъ игрушку для него,
На время оторвавшись отъ плуга своего,
То утѣшаетъ пани съ радушіемъ своимъ:
«Не плачьте, панъ вернется и цѣлъ, и невредимъ.
Богъ милостивъ! Напрасно не портите очей.
Пошлетъ Господь и счастье взамѣнъ тяжелыхъ дней!»
Крестьянка же простая, какъ любящая мать,
Спѣшитъ скорѣй барчонка занять и приласкать,
Его балуетъ медомъ и ягодкой лѣсной,
Предъ нимъ же извиняясь:—«Не сладко, милый мой...
Барчатъ, извѣстно, холятъ и кормятъ сладко ихъ,
У насъ же, у убогихъ, и лакомствъ нѣтъ такихъ.
Бѣдняжка отощаетъ у насъ, простыхъ людей...
Ѣшь, панычъ, мой соколикъ, да выростай скорѣй!
Когда большой ты будешь, я, старая тогда,
Приду къ тебѣ, и, вспомнивъ про прежніе года,
Сухарикъ бѣлый смочишь ты въ дорогомъ винѣ
И дашь, припомнивъ няньку, полакомиться мнѣ...»
Такъ этотъ деревенскій, сермяжный, бѣдный людъ
Давалъ семействамъ панскимъ охрану и пріютъ.
День проводили въ хатѣ, когда-жь сгущалась мгла,
Не безопасна кровля изгнанникамъ была:
Нежданно темной ночью могли напасть на нихъ,—
Огонь и лай собачій могли бы выдать ихъ.
Тогда въ лѣсу скрывались, или порой въ челнѣ
Переѣзжали рѣку въ вечерней тишинѣ,
И тамъ на стогѣ сѣна, или на мху сухомъ
Скитальцы отдыхали и забывались сномъ.
Крестьянинъ же стерегъ ихъ и не смыкалъ очей,
Отъ звѣря охраняя или отъ злыхъ людей.
Порою, ночью темной, когда свободенъ путь,
Придетъ семью провѣдать изъ шляхты кто-нибудь,

Жену утѣшитъ въ горѣ, дѣтей благословитъ,
Слезу прольетъ украдкой и вновь къ своимъ спѣшитъ;
Съ крестьяниномъ же встрѣтясь порой лѣскомъ глухимъ,
Запасъ извѣстій новыхъ снесетъ друзьямъ своимъ.
Такъ мимо зоркой стражи, разставленной вокругъ,
Былъ неразрывно связанъ родныхъ сердечный кругъ,
И облегчалось горе взаимною слезой
Подъ кровомъ хлопской груди, подъ сѣнію лѣсной.

V.

Но свѣтлыя мгновенья бывали не всегда,—
Дни цѣлые, недѣли тянулись иногда,
И никакихъ скитальцы не знали бы вѣстей,
Когда-бъ не Власъ усердный со службою своей:
Къ шляхетскимъ семьямъ въ хаты ходилъ онъ каждый день
И навѣщалъ оттуда лѣсовъ дремучихъ сѣнь,
Кого зашитымъ въ шапкѣ обрадовавъ письмомъ,
Кому бутылку водки сыскавъ въ мѣшкѣ своемъ;
Тамъ табаку найдется большой картузъ однимъ,
А тутъ же хлѣбъ, и просо, и ветчина другимъ.
Власъ въ городѣ имъ порохъ и пули покупалъ,
А если и видали, что онъ въ лѣсахъ блуждалъ,
Такъ что-жь?—о подозрѣньяхъ не заходила рѣчь:
Лѣсникъ, извѣстно, долженъ участокъ свой стеречь.

VI.

Излишнихъ подозрѣній чтобы избѣгнуть, Власъ
Дочь молодую къ бандѣ въ лѣсъ посылалъ не разъ.
Питомица лѣсная, отважна и смѣла,
Свой лѣсъ родимый знала, въ глуши его взросла.
Богъ вѣсть куда, бывало, зайдетъ она порой,
Блуждая за грибами и ягодой лѣсной.
Но въ пущахъ недоступныхъ, далекихъ отъ жилья,
Ей всѣ деревья были старинные друзья.
И хоть зашла бы въ чащу, гдѣ ужъ не проползетъ,
Но къ дому путь по вѣтру, по солнышку найдетъ.
Хоть за сто верстъ готова плыть въ челнокѣ она,
Какъ мотылекъ порхаетъ среди болотъ безъ дна;
Не страшно ей съ медвѣдемъ сойтись въ лѣсу глухомъ,

На злого-жь человѣка готова хоть съ ножомъ.
Въ родномъ лѣсу ей было привольное житье.
Нося для шляхты письма, и пищу, и питье,
Гдѣ ей пельзя тропинки найти какой-нибудь,
Тамъ напрямикъ свершаетъ она отважный путь,
Черезъ густой орѣшникъ и заросли спѣшитъ
И пѣсенкою сердце въ дорогѣ веселитъ,
И, за спину взваливши съ припасами мѣшокъ,
То ягодку дорогой срываетъ, то цвѣтокъ.

VII.

Но нечего бояться волковъ и злыхъ людей,—
Дремучій лѣсъ и пѣсня опаснѣй и страшнѣй:
Они навѣютъ чары, они обворожатъ...
Поберегись, красотка, въ нихъ скрытъ волшебный ядъ!
Но юное сердечко Оксанѣ не сберечь,
Самой ей сладко пѣсней дѣвичью грудь разжечь;
О соколѣ крылатомъ, что золотомъ горитъ,
О рыцарѣ, что храбро лихихъ татаръ громитъ.
Ту пѣсню, правда, пѣла старуха-бабка ей,
Татаръ уже не слышно съ давно забытыхъ дней;
Но юность легковѣрна и пылкостью полна,—
Перетолкуетъ пѣсню по-своему она,
И милый образъ встанетъ передъ ней въ воздушномъ снѣ
То въ соколиныхъ перьяхъ, то въ рыцарской бронѣ.
Съ тѣхъ поръ, какъ, ополчившись, паны вступили въ бой,
У молодой Оксаны есть милый соколъ свой;
Точь-вточь, какъ въ пѣснѣ, Яномъ зовется онъ притомъ,
На головѣ венгерка и сабелька при немъ;
Кровь съ молокомъ, красавецъ, глаза огнемъ горятъ,
Усы и брови черны, а молодецкій взглядъ,
Точь-вточь какъ будто въ пѣснѣ, чаруя, сердце жжетъ,
Точь-вточь какъ будто къ пѣснѣ, враговъ онъ храбро бьетъ.
Но въ настоящемъ Янѣ та разница, что онъ
Еще милѣй, чѣмъ въ пѣснѣ, и пламеннѣй влюбленъ.

VIII.

Рисуя милый образъ въ волшебныхъ грезахъ сна,
Не хлопцемъ деревенскимъ Оксана плѣнена.

Высокъ старинным родомъ ея избранникъ Янъ—
То близкій по сосѣдству очеретовскій панъ.
Пріѣхалъ статный, стройный, какъ богатырь въ бронѣ,
Точь-вточь какъ будто въ пѣснѣ, на вороном конѣ.
Въ окошко стукнулъ,—это случилось безъ отца,—
Къ нему Оксана вышла и стала у крыльца;
Спросилъ, какъ можно въ островъ проѣхать межъ болотъ
И гдѣ панъ чашникъ битвы съ козачествомъ ведетъ...
Оксана указала ближайшій путь въ лѣса,
И вспыхнула румянцемъ стыдливая краса;
Онъ попросилъ напиться,—воды достала вмигъ
И рукавомъ закрыла пылающій свой ликъ.
Но трепетъ и волненье однако трудно скрыть...
Скакунъ заржалъ и тоже, какъ видно, проситъ пить,
Но ведра такъ велики, колодецъ же далекъ,
И юный рыцарь-соколъ ей не помочь не могъ,—
Съ коня спрыгнулъ на землю онъ легкою ногой
И слѣдомъ за Оксаной повелъ на водопой.
Тамъ общими трудами, волненія полны,
Ведро на верхъ втащили они изъ глубины.
Конь за троихъ напился, но очи молодца
Жаднѣе пили чары дѣвичьяго лица.
Но вотъ онъ, попрощавшись, пустился по пути,
Она-жь очей не въ силахъ отъ лѣса отвести.
Такъ потому-то, вѣрно, когда велитъ сходить
Отецъ ей въ чащу лѣса и шляхту навѣстить,
Она то ярко вспыхнетъ, то полотна блѣднѣй,
И, сбросивши одежду вседневную, скорѣй
Разрядится какъ въ церковь,—ребенокъ изъ ребятъ!—
И корольки надѣнетъ, и праздничный нарядъ;
Взойдя же въ чащу лѣса и волю давъ мечтамъ,
Своей любимой пѣсней зальется звонко тамъ.
О, сколько скрыто въ сердцѣ мечтаній золотыхъ!
Съ кѣмъ подѣлиться?... Пусть же хоть лѣсъ услышитъ ихъ...
А какъ на сердцѣ тяжко, когда узнаетъ вдругъ,
Что изъ лѣсу уѣхалъ ея сердечный другъ,
Что онъ въ объѣздъ назначенъ и въ ту минуту онъ
Захваченъ въ плѣнъ, быть-можетъ, иль пикою пронзенъ!...
Повѣсивши головку, домой она идетъ,
Изъ глазокъ льются слезы, тоска ей сердце жметъ.

И шумъ лѣсной не милъ ей, какъ утренней порой,
Одинъ лишь образочекъ Владычицы Святой
Ея мольбы и горе услышать могъ вполнѣ:
Зачѣмъ такъ сердце ноетъ, зачѣмъ такъ горько мнѣ?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Въ глуши пустынной лѣса горятъ костры въ ночи,
Дрожа, мигаютъ въ чащѣ ихъ красные лучи;
Надъ лѣсомъ, извиваясь, клубами дымъ бѣжитъ,
Что мигъ—то фантастичнѣй, что мигъ—мѣняя видъ,
Каскадомъ искры сыплетъ и въ сумракѣ ночномъ
То чуднымъ змѣемъ вьется, то огненнымъ орломъ,
Крыломъ дрожащимъ вѣетъ изъ царства темноты
И разсыпаетъ отблескъ на желтые листы,
По стеблямъ травъ мигаетъ, по мху и по кустамъ
И сонныхъ птичекъ въ чащѣ пугаетъ здѣсь и тамъ.
Пылаетъ съ трескомъ хворостъ, и ярко надъ костромъ
Съ вязанки новой искры возносятся столбомъ
И будто на пожарѣ, при заревѣ огней,
Чернѣютъ силуэты толпящихся людей.
То чашникова шляхта среди глуши лѣсной
Свои одежды сушитъ и варитъ ужинъ свой,
Въ бесѣдѣ отдается событіямъ дневнымъ.
Вино струится въ чарки, изъ трубокъ вьется дымъ.
Бѣлина, старый чашникъ, разлегшись подъ сосной,
Задумчиво на пламя глядитъ въ тоскѣ нѣмой;
По сморщеннымъ ланитамъ изъ неподвижныхъ глазъ
Сбѣгаютъ тихо слезы въ раздумья грустный часъ.
И мудрено-ль, что въ горе душой онъ погруженъ:
Вчера еще поутру узналъ отъ Власа онъ,
Что умерла внезапно любимая жена,
Что не при церкви даже схоронена она,
А гдѣ-то въ дикой чащѣ, среди пустынныхъ мѣстъ,—
Что тамъ надъ милымъ прахомъ одинъ сосновый крестъ,
Что ангела прекраснѣй въ гробу она была
И что съ мольбой о мужѣ и братьяхъ умерла.
Грудь мужа будто ножикъ пронзила эта вѣсть...
Но все литвинъ-спартанецъ способенъ перенесть,

Чтобъ только не ослабить отваги у друзей
Своей печали видомъ и горестью своей.
А каждому тамъ было, по-истинѣ сказать,
О чемъ поплакать вволю, о чемъ погоревать:
Тотъ впасть въ печаль и думы могъ о семьѣ больной,
Тотъ—о сгорѣвшемъ домѣ осеннею порой;
Но каждый между братьевъ своей печали гнетъ
На жертву общей цѣли, какъ на алтарь, несетъ,
Къ своей отчизнѣ милой всѣмъ сердцемъ обращенъ
И жертвами своими въ душѣ гордится онъ.
Охъ, впереди такъ много еще перенести!
Быть-можетъ и погибель ждетъ скоро на пути.
Валятся листья, осень, день каждый холоднѣй,
Военная добыча все рѣже и скуднѣй.
День ото дня труднѣе скрываться по лѣсамъ
И нужно къ регулярнымъ примкнуть уже войскамъ.
Межъ тѣмъ нужда и холодъ, да пули козаковъ
Грозятъ имъ всѣмъ, но каждый на все идти готовъ.
Закалены герои въ лишеніяхъ своихъ
И никого погибель не устрашитъ изъ нихъ.

II.

Прилегши на котомку усталой головой,
Панъ Курдешъ что-то тихо поетъ, а подъ сосной
На мокромъ мху поодаль панъ Валентинъ лежитъ,
Худой, но въ сажень ростомъ, и безмятежно спитъ;
Оленину панъ Вжосекъ на вертелѣ печетъ,
Подсудокъ Просця къ Богу мольбу усердно шлетъ,
Другіе чистятъ ружья, бесѣдуя кругомъ.
Всѣ веселы и бодры и всѣ полны огнемъ.
Панъ Бальтазаръ Капота всталъ, покачалъ главой,
Взялъ пѣнковую трубку, кисетъ табачный свой;
Набивши, головню онъ пылающую взялъ
И Курдешу со взглядомъ таинственнымъ сказалъ:
—«Остаться ли на свѣтѣ, или погибнуть намъ,—
Панъ мостовничій, это извѣстно небесамъ,
А я, какъ вы хотите, одинъ даю совѣтъ,
Что, взявши ружья въ руки, ужь ихъ бросать не слѣдъ!»—
—«Что до меня, отсюда удралъ бы я домой,

Да домъ-то, къ сожалѣнью, не существуетъ мой...
Какіе-то злодѣи подкрался тайкомъ
И,—чтобы чортъ побралъ ихъ,—спалили цѣлый домъ...
Но горю и невзгодѣ помочь съумѣю я:
Въ дому сестры въ Овруцкѣ съ дѣтьми жена моя,
Въ карманѣ есть деньжонки, рука моя сильна,—
Попробую, что дальше мнѣ принесетъ война...»
Такъ молвилъ Курдешъ:—«Ясно какъ на ладонѣ мнѣ,
Что насъ враги осилятъ, иль мы враговъ въ войнѣ.
Да, панъ Капота, если намъ счастье Богъ пошлетъ,
Польются къ намъ рѣкою и деньги и почетъ;
Когда-жь я буду взысканъ счастливою судьбой,
То ужь фольваркъ себѣ я отстрою не такой...
А если я подъ пулей козацкою паду,
Тогда квартиру лучше въ шести доскахъ найду...
Какъ будто бы по пальцамъ я все разсчелъ, повѣрь...
А знаешь, панъ Капота, не выпить ли теперь?»
—«Вотъ *bene dictum!*—Просця тутъ имъ проговорилъ
(Онъ часто по-латыни ввернуть словцо любилъ).—
И я готовъ помочь вамъ... Вѣдь правда же, что тотъ,
Кто въ Божью милость вѣритъ, во-вѣкъ не пропадетъ
На свѣтѣ понапрасну, отъ смерти же своей,
Друзья, *mortalis homo* не избѣжитъ, ей-ей!
Не лучше ли же въ полѣ убитымъ пулей быть,
Чѣмъ протянуться дома, гдѣ будутъ бабы выть?
Не правда ли, *qui volet*, *qui nolet*— всѣ идемъ,
Забравши наши ружья, мы въ битву со врагомъ?
Вотъ, *gratia exempli*, всѣхъ мудрецовъ совѣтъ;
Панъ чашникъ такъ же мыслитъ!»—
—«Все правда, слова нѣтъ,—
Сказалъ Капота, чарку всю осушивъ до дна,—
Но только, видишь, скверность встрѣчается одна:
Отрѣзаны отъ войскъ мы, зима же на носу,
И перемремъ, пожалуй, мы съ голода въ лѣсу...
Когда придется выйти изъ этихъ дикихъ мѣстъ?
Пока проглянетъ солнце, роса намъ очи съѣстъ...
Вѣдь на зиму намъ корма никто тутъ не припасъ».—
—«А развѣ мало мяса оленьяго для насъ?—
Вскричалъ сердито Вжосекъ, тряхнувши головой
Передъ костромъ, гдѣ ужинъ приготовлялъ онъ свой.—

А что-жь, мы развѣ бабы? Избави Боже насъ,
Чтобы, имѣя пули и пороху запасъ,
Въ лѣсу обильномъ дичью да не найти ѣду!
Ужель съ огнивомъ мерзнуть на зимнемъ холоду?
Стыдися, панъ Капота!—
—«Такъ, такъ, ты правъ, мой панъ!—
Вскричалъ очеретовскій владѣлецъ, юный Янъ.—
Ни холодъ насъ, ни голодъ, повѣрьте, не убьетъ
Съ подобными друзьями, какихъ намъ Богъ даетъ.
Пожертвовать готовы намъ жизнью и душой
Охотникъ и рыбакъ нашъ, крестьянинъ нашъ простой...
Когда насталъ для шляхты тяжелый, трудный часъ,
Они рукою братской поддерживаютъ насъ,
Даютъ семействамъ нашимъ охрану и пріютъ,
Стада на пашню взяли, имѣнья берегутъ,
Рискуя, ходятъ въ городъ и покупаютъ тамъ
Припасы, порохъ, пули и все, что нужно намъ.
Панъ Вжосекъ, вѣдь, не правда-ль, не дуренъ ужинъ твой?
Панъ Валентинъ, вѣдь сладко вкушаешь ты покой?
Какъ пуля пана Просци была вчера мѣтка!
Какъ смачно панъ Капота дымилъ изъ чубука!
Панъ Курдешъ, чарку водки вѣдь славно пропустить?
За это долженъ хлопа за все благодарить!
Черезъ пикетъ козачій тайкомъ прокрался онъ,
Не побоялся смерти, или попасть въ полонъ,
Купилъ намъ все, что нужно, и поскорѣй спѣшитъ,
А дочери—ребенку безсильному—велитъ
Нести черезъ болота онъ тяжесть свыше силъ,
Чтобъ ты имѣлъ заряды, чтобъ кушалъ ты и пилъ...
По милости его ты пьешь чарку не одну,
А въ этотъ мигъ твою же голодную жену,
Быть-можетъ, хлѣбомъ кормитъ крестьянская рука,
И никогда измѣна подъ кровлей мужика
Тебѣ не угрожала, или семьѣ твоей.
Посмотримъ, какъ минуютъ невзгоды горькихъ дней,
Чѣмъ ты за все достойно вознаградишь народъ!»—
—«Иначе смотритъ каждый на вещи въ свой чередъ,
Но мы пристрастно судимъ порою объ иномъ,—
Замѣтилъ панъ Капота, бжозовскій экономъ:—
Панъ превозноситъ хлоповъ такъ сильно потому,

Что очень полюбилась дочь Власова ему...
Никто и не мѣшаетъ... Прекрасно... Ха-ха-ха!
Я съ молоду, признаться, самъ былъ не безъ грѣха...
Но если увѣрялъ бы меня хоть цѣлый свѣтъ,
А все-жь во мнѣ довѣрья къ холопскимъ чувствамъ нѣтъ!»
Янъ, вспыхнувъ, на Капоту взоръ гнѣвный обратилъ,
Но вдругъ орѣшникъ желтый надъ нимъ зашелестилъ,
И юноша, вскочивши съ пылающимъ лицомъ
И взявши пистолеты, лежавшіе при немъ,
Въ кусты юркнулъ поспѣшно подъ старою сосной,
И—будто не бывало—исчезъ во тьмѣ лѣсной.
Капота громкимъ смѣхомъ во слѣдъ захохоталъ:
—«Клянусь, онъ на свиданье къ красоткѣ убѣжалъ!
Панъ мостовничій, были такими вѣдь и мы!...
Не разъ, не сто... и счесть ли такихъ свиданій тьмы?...»

III.

—«Охъ, панычъ, милый панычъ!—въ прерывистыхъ словахъ
Оксана говорила, дрожа и вся въ слезахъ,—
Помилуй Матерь Божья! Господь да сохранитъ!
Какое-то несчастье павѣрно вамъ грозитъ.
Что день козачьи лодки мелькаютъ безъ числа...
Жидъ-арендаторъ часто къ намъ ходитъ изъ села
Гдѣ Кýрдешъ, гдѣ панъ чашникъ?—онъ спрашивалъ не разъ,
Не рѣдко мимоходомъ помянетъ и про васъ,—
Какое за рѣкою названіе лѣсовъ
И сколько нынче сѣна тамъ набрано стоговъ.
Опасности не видитъ пока отецъ мой въ немъ,
Мнѣ-жь страшно, словно хочетъ нежданно грянуть громъ.
Жида подкупитъ дьяволъ за нѣсколько грошей...
Ахъ, панычъ, уходите изъ лѣса поскорѣй!»—
—«Оксана! зимній холодъ уже не за горой,
Въ дорогу наши кони готовы за рѣкой.
Совѣтуетъ намъ чашникъ, чтобъ ранѣе зимы
Съ войсками Шварценберга подъ Слуцкомъ стали мы.
Теперь же съ двѣ недѣли, ль съ мѣсяцъ, можетъ-быть,
Въ глуши лѣсовъ окрестныхъ осталось намъ пробыть.
Скажи отцу, чтобъ зорко за всѣмъ онъ примѣчалъ:
Куда пойдутъ козаки, гдѣ Эртель генералъ.

Узнавъ расположенье отрядовъ и полковъ,
Удобно можемъ выходъ найти мы изъ лѣсовъ».—
—«Легко сказать!—Оксана промолвила въ отвѣтъ.—
До слезъ другихъ вамъ, панычъ, заботы, видно, нѣтъ!...
Затѣете со смертью вы страшную игру,
А я безъ васъ, быть-можетъ, съ отчаянья умру...
Перенести-ль мнѣ это? И такъ ужь каждый часъ
Мнѣ все на умъ приходитъ, что нѣтъ на свѣтѣ васъ...
И до тѣхъ поръ тревожно вся ноетъ грудь моя,
Пока сама при встрѣчѣ васъ не увижу я.
А что-жь со мною будетъ, когда ни отъ кого
Объ васъ ужь не услышу я больше ничего?
Когда терзаться буду я мыслію одной,
Что ты упалъ, мой милый, подъ пулей роковой?
Когда и знать не буду въ отчаяньи моемъ:
Какъ объ тебѣ молиться—объ мертвомъ иль живомъ?
«Почаевская Дѣва Святая! какъ во мнѣ
Болитъ и ноетъ сердце, вся грудь моя въ огнѣ!
О, какъ ребенокъ малый, глупа я, Боже мой!
Вѣдь вы же здѣсь остаться не можете зимой!
Еще сегодня утромъ отецъ мнѣ говорилъ,
Что непріятель всюду козаковъ размѣстилъ,
Что здѣсь подъ каждой елью засады можно ждать,
Что могутъ васъ козаки въ ночи врасплохъ застать,
Что вамъ бы и отвага тогда не помогла,
Въ виду громадныхъ войскъ ихъ, громадныхъ безъ числа...
Отецъ Христомъ и Богомъ клянется, что для васъ
День каждый очень дорогъ и дорогъ каждый часъ,—
За мигъ нельзя ручаться,—что лучше до поры
Для хитрости по лѣсу вокругъ разжечь костры,
Самимъ же черезъ чащу, подальше отъ огней,
Сѣвъ на коней, пуститься въ дорогу поскорѣй.
Ступайте же!... Обѣдню отслужимъ мы за васъ...
И тамъ, и тамъ погибель грозитъ вамъ каждый часъ!...
О, бѣдная я, Боже!... Вся голова въ огнѣ...
Зачѣмъ, зачѣмъ вы сердце такъ истерзали мнѣ?
Безъ васъ и свѣтъ не милъ мнѣ... Зачѣмъ, о Боже мой,
Полна объ васъ, мой панычъ, я думою одной?...
А знаете, что, панычъ? Останьтесь съ нами тутъ,
Пріятели же ваши пускай одни уйдутъ...

Ближайшіе сосѣди—и тѣ не будутъ знать...
Пріютъ для всѣхъ безвѣстный мы можемъ вамъ сыскать.
Войну здѣсь проживете, найдете тутъ покой,
Весной же, Богъ поможетъ, вернетесь и домой!»—
Такъ молвила Оксана, волненія полна,
И руки цѣловала у милаго она.

IV.

— «Оксана дорогая, ты славы мнѣ милѣй,
Спокойствія дороже, дороже жизни всей!
Но у меня, Оксана, долгъ нерушимый есть,—
Меня къ моей дружинѣ приковываетъ честь.
О, сталъ бы я позорный измѣнникъ и злодѣй,
Когда передъ грозою оставилъ бы друзей!
Мы быть вождю покорны обязаны во всемъ,
Есть власть надъ всѣми нами: панъ чашникъ намъ вождемъ;
Священной цѣпью связанъ съ друзьями каждый братъ,
Остаться ли, уйти ли—пускай они рѣшатъ.
А здѣсь ли оставаться, идти ли дальше въ бой,—
Оксана дорогая, вездѣ, вездѣ я твой!
Не бойся, что коварно откроютъ нашъ пріютъ,
Иль силою открытой враги насъ разобьютъ...
Намъ не страшна темница, позоръ намъ не грозитъ,—
Нѣтъ, бой на жизнь и на смерть, бой страшный закипитъ!
А мы или пробьемся съ оружіемъ въ рукахъ,
Иль трупами средь боя всѣ вмѣстѣ ляжемъ въ прахъ.
Не дайте нашихъ труповъ на пищу для воронъ...
Скажи отцу, чтобъ въ память курганъ насыпалъ онъ.
Поставьте на вершинѣ большой дубовый крестъ,
Когда-жь закинетъ случай ксендза близъ этихъ мѣстъ,
Пускай его на лодкѣ сюда перевезутъ,
И пусть онъ панихиду по насъ отслужитъ тутъ.
Что-жь, милая, ты плачешь, дрожитъ рука твоя,—
Тебя я огорчаю, тебя пугаю я?
Знать самъ Господь солдату сулилъ удѣлъ такой!»—
— «Ахъ, замолчите, панычъ, соколикъ милый мой!—
Оксана отвѣчала.—О, сердце какъ щемитъ!
Ужель мнѣ пережить васъ? Господь да сохранитъ!
Живую закопаютъ пускай меня сперва,

Пусть у несчастной треснетъ отъ боли голова,
Пусть въ омутѣ глубокомъ я прежде утоплюсь,
Но жить безъ васъ на свѣтѣ я не хочу, клянусь!»—
И, трепетно рыдая, отчаянья полна,
Къ груди его припала безъ памяти она.
Ее онъ жарко обнялъ, и грустный этотъ часъ
Кипучія лобзанья въ нихъ вызвалъ первый разъ.

V.

Но чистый, добрый ангелъ Оксану охранялъ:
Осенній вѣтеръ тучи по небу разогналъ;
Вдругъ полный яркій мѣсяцъ имъ въ очи засвѣтилъ
И въ плачущей Оксанѣ сознанье пробудилъ.
Смирилъ воитель юный порывъ кипучій свой
И вспомнилъ, что къ оружью звалъ долгъ его святой.
Ужь слезы у Оксаны не льются изъ очей.
— «До утра!—онъ промолвилъ, сжавъ крѣпко руку ей.—
Молись! Что ни сулитъ намъ судьба въ грядущихъ дняхъ,
Богъ чистую молитву услышитъ въ небесахъ».
Тутъ Янъ пошелъ сквозь чащу, предъ блещущимъ костромъ.
Ужь половина шляхты уснула крѣпкимъ сномъ.
Въ обходъ пошли другіе; лишь чашникъ въ тишинѣ
Въ костеръ кидаетъ сучья при трепетномъ огнѣ,
На пламя грустно смотритъ, поникнувши челомъ,
И думою несется къ дѣтямъ въ родимый домъ,
И шлетъ привѣтъ прощальный страдающей души
Къ кресту, гдѣ спитъ въ могилѣ жена въ лѣсной глуши,
И, сдерживая слезы, что рвутся изъ очей,
Онъ въ думахъ дѣлитъ горе средь любящихъ друзей,
И у небесныхъ духовъ, что смотрятъ въ міръ земной,
Узнать онъ словно хочетъ сокрытый жребій свой...
Но, видно, не веселый нашелъ онъ приговоръ
Въ небесной тайной урнѣ,—не радостенъ былъ взоръ...
Ружье и пистолеты онъ осмотрѣлъ потомъ
И, завернувшись буркой, прилегъ передъ огнемъ.
Но старческія вѣжды не скоро сонъ смежитъ,—
Боль сердце разрываетъ и голова горитъ.
Ахъ, юношей и старцевъ не одинаковъ сонъ!
И Янъ прилегъ: улыбкой ликъ юный осѣненъ;

Онъ въ нѣгѣ развалился, мечты его горятъ,
Надъ нимъ любви и славы видѣнія парятъ.
Ихъ ждетъ одно и то же на-утро, но зачѣмъ
Тому могила снится, а этому Эдемъ?
Мысль одного гнѣздится въ могилахъ и гробахъ,
Другому міръ нашъ тѣсенъ,—онъ въ звѣздныхъ небесахъ!
А надъ главой обоихъ, когда огонь погасъ,
Одно и то же филинъ кричалъ въ полночный часъ.
Такимъ предвѣстьемъ мрачнымъ, зловѣщимъ крикнулъ онъ,
Что Бальтазаръ Капота очнулся и сквозь сонъ
Стрѣльнулъ куда-то влѣво, откуда слышалъ крикъ;
Но сычъ на ель другую вспорхнулъ и въ тотъ же мигъ
Вновь стонъ и дикій хохотъ раздались въ тишинѣ,
Капоту же подрало морозомъ по спинѣ,
И проворчалъ онъ:—«Скверно,—кричитъ передъ бѣдой!...
Уснуть, пожалуй, завтра придется подъ землей!...»
Тутъ взялъ онъ пистолеты, курки ихъ осмотрѣлъ,
Зѣвнулъ, перекрестился и... снова захрапѣлъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Недугъ лихой и лютый есть тяжкій Божій бичъ,
Когда угодно Богу имъ смертнаго постичь.
И мудреца, что мыслью въ просторъ небесъ парилъ,
И рыцаря, что царства отважно покорилъ,
Господь повергнетъ въ немощь и возвѣститъ надъ нимъ:
«Ты—тлѣнъ и прахъ, сынъ міра, передъ лицомъ Моимъ!»
Когда порой владыкѣ безъ силъ придется слечь
И немощно роняетъ перо онъ или мечъ,
Тѣснится къ изголовью толпа врачей вокругъ,
И каждаго волнуетъ лихой его недугъ,
И все, что есть въ природѣ-ль, въ наукѣ ли людской,
Что можетъ дать больному и помощь и покой,—
Все съ жаркимъ попеченьемъ разсыплютъ передъ нимъ,
Чтобъ изъ борьбы со смертью онъ вышелъ невредимъ.
Когда же на соломѣ, простертый на землѣ,
Томится сельскій Лазарь въ гниломъ своемъ углѣ,
Его не окружаютъ заботы и труды...
Запекшіяся губы попьютъ простой воды,

Да знахарки-старухи убогая рука
Простое зелье сваритъ изъ травъ для бѣдняка;
Всѣхъ тонкостей наука не станетъ изощрять,
Его не будутъ пищей отборной подкрѣплять,
А плачъ жены несчастной, рыдающей надъ нимъ,
Терзаетъ злѣе сердце ему бичомъ другимъ.
Такъ угасаетъ бѣдный и такъ идетъ къ концу,
Предавъ и духъ и тѣло небесному Отцу,
И даже въ жгучей мукѣ удерживаетъ стонъ,
Чтобы никто не думалъ, что очень боленъ онъ,
И, закаливши силы въ терпѣніи святомъ,
Ведетъ борьбу со смертію геройски и тайкомъ.

II.

Несчастный Власъ томится давно чахоткой злой,
Онъ свой недугъ хотѣлъ бы скрыть передъ самимъ собой;
Но слышитъ онъ, что смерти необорима власть,
Что съ каждымъ взрывомъ кашля теряетъ жизни часть...
Хотѣлъ бы встать съ постели, чтобъ шляхтичамъ помочь,
О ихъ врагахъ развѣдать, но .. старику не вмочь.
Сильнѣе крѣпкой воли болѣзни тяжкій гнетъ...
И встать съ одра болѣзни онъ силы не даетъ.

III.

А какъ лѣснымъ скитальцамъ приходится горька
Въ дни горя и невзгоды отлучка старика!
Печальная Оксана хотя къ друзьямъ своимъ
Приходитъ ежедневно и носитъ пищу имъ,
Порой недоброй вѣстью встревожитъ ихъ она,
Но—ни свинца на пули, ни пороху зерна!
Лишь Власъ одинъ все это могъ шляхтѣ покупать...
Теперь онъ встать не въ силахъ, не можетъ разузнать,
Что дѣлается въ свѣтѣ, куда войска идутъ,
Какой пикетъ козачій разставленъ тамъ и тутъ.

IV.

Дружина пала духомъ: ей старика недугъ
Пришелся горекъ; плохо безъ Власовыхъ услугъ!
Тревоженъ чашникъ: вѣсти объ войскѣ никакой...

Хорунжій помышляетъ тайкомъ уйти домой,
Взоръ Яна тоже грустенъ и облакомъ одѣтъ,
Панъ Валентинъ тоскуетъ о томъ, что водки нѣтъ,
Канота же злорадно одно твердитъ панамъ:
—«Я говорилъ: холопу бѣда ввѣряться намъ!
Служилъ, пока наживы и заработка ждалъ,
Теперь же безъ оглядки, какъ волкъ, отъ насъ удралъ...
Ха-ха! я знаю Власа ужь многіе года.
Не даромъ плѣшь, не даромъ съ лопату борода!
Наслышался, что выгодъ не получить отъ насъ,—
Смѣкнулъ себѣ, размыслилъ и... измѣнилъ сейчасъ.
О, лишь узнаю вѣрно, то клятву вамъ даю:
Не пощажу я хама,—какъ пса его убью!»

V.

А Власъ какъ свѣчка гаснетъ, болѣя и скорбя,
И самъ же упрекаетъ въ бездѣйствіи себя;
Лишился силъ послѣднихъ, осунулся лицомъ.
Старуха варитъ зелье какое-то при немъ,
Слѣдитъ за жизнью старца она почти одна,—
Оксана вся въ заботы теперь погружена:
То шляхтѣ носитъ пищу, то ходитъ за отцомъ,
То хочется узнать ей о соколѣ своемъ...
Но только скорбь и горе любовь ей принесла,
Одно воображенье она лишь разожгла;
Лишь люди со своею обычной пустотой
Ея святое чуство покрыли клеветой;
Лишь въ воскресенье въ церкви, когда слеза на грудь
Падетъ у ней и сладко о миломъ ей вздохнуть,
Сосѣдки ту слезинку толкуютъ въ зло и грѣхъ,
Наморщатся старухи, а межъ товарокъ смѣхъ.

VI.

Всѣ Власовы сосѣди забыли о больномъ,
Лишь добрый арендаторъ къ нему заходитъ въ домъ,
По старой дружбѣ фляжку съ собою принесетъ
И спроситъ мимоходомъ: какой тутъ слухъ идетъ
О лѣсѣ и о шляхтѣ и о стрѣльбѣ ночной,—
Вѣдь подъ Майданомъ Старымъ вчера былъ, слышно, бой...

Вѣдь шляхтичи на-диво отчаянны въ бояхъ
И прячутся такъ ловко въ болотахъ и лѣсахъ...
Вѣдь вовсе ни почемъ имъ козацкія войска, —
И снова выпьетъ чарку, смотря на старика.
Но умный Власъ на-стражѣ и съ нимъ молчитъ всегда:
То, головой кивнувши, онъ подтвердитъ жида,
То, въ смыслѣ отрицанья, тряхнетъ онъ бородой:
— «А я почемъ же знаю, что тамъ въ глуши лѣсной?
Имъ лучше вѣдать, мнѣ же и дѣла вовсе нѣтъ.
Насколько миль тутъ пущи! Я вышелъ ужь изъ лѣтъ,
Чтобы тонуть въ болотахъ, бродить межъ старыхъ пней...
Я тамъ хожу, гдѣ ближе, гдѣ дичь найти вѣрнѣй.
Тамъ, дальше, гнѣздъ медвѣжьихъ не сыщешь по лѣсамъ,
А въ Чортовъ островъ ходитъ, какъ слышно, дьяволъ самъ!...
Сказать по правдѣ, чорта я съ роду не видалъ,
А лишь отъ старожиловъ кой-что объ немъ слыхалъ,
Что будто бы въ болотахъ чертей несмѣтный рой
И что жиды тонули тамъ съ фурами порой!»
Такъ отвѣчаетъ старый, а по сѣдымъ усамъ
И вѣра и насмѣшка играютъ пополамъ.

VII.

Тутъ хитрый жидъ отвѣтилъ:—«Пустая рѣчь твоя!
Подъ Дмитрія Святого былъ на базарѣ я
И отъ жидка тамъ слышалъ,—онъ никогда не лжетъ,—
Что въ лавкѣ тамъ и порохъ и пули Власъ беретъ,
Приходитъ очень часто и... забираетъ тьму...
А для чего такое количество ему?...
А для чего козацкій кафтанъ ты продавалъ
И фунтъ въ четыре злота табакъ тамъ покупалъ?
А старое вино ты не бралъ тамъ иногда?
Э, умный, не обманешь ты глупаго жида!
Да не пугайся,—я вѣдь шучу съ тобой, повѣрь!
Ну, выпьемъ, да серьезно поговоримъ теперь.
«Вѣдь, правда, всѣмъ снабжаешь ты шляхтичей своихъ?
А что за польза въ этомъ? Нѣтъ ни гроша у нихъ!
Спаленные дворы ихъ другіе заберутъ
И рано или поздно козаки ихъ побьютъ;
И такъ безъ насъ, конечно, ихъ переловятъ, братъ...

Теперь же обѣщаютъ за каждаго дукатъ...
А тамъ ихъ слишкомъ двадцать,—не шутка, милый мой...
Дукаты же раздѣлимъ мы пополамъ съ тобой...
Казаковъ хоть сейчасъ же могу я привести,
А ты имъ въ Чортовъ островъ покажешь какъ пройти...
Когда начнется стычка, мы тотъ же мигъ, вдвоемъ,
Дукаты наши взявши, изъ лѣса утечемъ...
Вотъ такъ шляхетской спѣси мы носъ утремъ съ тобой!
Не правда-ль, панъ милѣйшій, совѣтъ не дуренъ мой?...»

VIII.

Тутъ съ крикомъ, въ страшномъ гнѣвѣ, рванулся вдругъ старикъ,
Но разразился кашлемъ ужаснымъ въ тотъ же мигъ.
Онъ кашлялъ долго, тяжко, но вотъ, вздохнувъ вольнѣй,
Вскочилъ съ своей постели... Изъ сумрачныхъ очей
Блеснулъ огонь сквозь сѣтку налитыхъ кровью жилъ,
Жида рукою мощной онъ въ ярости схватилъ
И палкой, что у печки стояла въ сторонѣ,
Отвѣсилъ градъ ударовъ злодѣю по спинѣ.
Жидъ страшно обозлился, кричалъ и бился онъ,
Пока толчкомъ изъ двери не выкинутъ былъ онъ.
Со злостью и со страхомъ пустился онъ бѣгомъ:
—«Ай-ай!—кричалъ онъ громко,—я запалю твой домъ!
Тебя убить велю я!... Гвалтъ, гвалтъ! Скорѣй сюда!»
Но Власъ, утративъ силы, ужь не слыхалъ жида.
Когда пришла Оксана съ старухой наконецъ,
Лежалъ онъ неподвижный и блѣдный, какъ мертвецъ,
И еслибъ не ворочалъ зрачки такъ страшно онъ,
Когда-бъ съ дыханьемъ тяжкимъ не вырывался стонъ,
То можно было думать, что взрывъ послѣднихъ силъ
На вѣки искру жизни въ болящемъ угасилъ.
Его снесли на лавку, вкругъ взоромъ онъ блуждалъ
И наконецъ чуть слышно: «Іуда!»—прошепталъ.

IX.

Исполнилъ жидъ угрозу и черезъ часъ-другой
Гремѣлъ ужь конскій топотъ предъ самою избой.
Вкругъ зазвенѣли сабли, мелькнуло много пикъ,

И, потрясая стѣны, раздался грозный крикъ.
Тутъ кто-то громче вскрикнулъ, и въ тотъ же мигъ весь домъ
Козаки обступили съ оружіемъ кругомъ;
Въ избу вбѣжалъ урядникъ, за нимъ же на крыльцѣ
Прокрался жидъ, хоть блѣдный, но съ наглостью въ лицѣ,
И, указавъ на лавку, смиренно онъ сказалъ:
—«Вотъ, ясный панъ, онъ самый!... Теперь и захворалъ?
А какъ съ людями драться, такъ онъ совсѣмъ здоровъ?...
Какъ съ шляхтой заговоры водить въ глуши лѣсовъ
И относить ей порохъ и пули и ножи—
Такъ онъ куда какъ ловокъ... О, Боже, накажи!»—
—«Власъ Прохоровъ—ты самый? Ну, отвѣчай, болванъ!»
Вскричалъ урядникъ, Власа рванувши за кафтанъ
И угрожая старцу свирѣпою рукой,
Стегнулъ его козацкой нагайкой ременной;
Еще руки желѣзной ударъ былъ занесенъ,
Какъ вдругъ козакъ воскликнулъ: —«Ужь умираетъ онъ!»
Власъ Прохоровъ однако еще не умиралъ,
Онъ вздрогнулъ, заметался, отъ боли задрожалъ
И, въ ослабѣвшей груди собравъ остатокъ силъ:
—«За что меня вы бьете?»—спокойно онъ спросилъ.
—«Не бойся, Власъ!»—отвѣтилъ тутъ съ кротостью козакъ,—
Но въ страшномъ преступленьи ты обвиненъ, бѣднякъ,
Что будто бы ты шляхтѣ давалъ надежный кровъ
И порохъ и оружье носилъ ей въ глушь лѣсовъ,
Что ты съ ней въ заговорѣ и знаешь, гдѣ притонъ...
А это—бунтъ, и страшно казнитъ тебя законъ,—
Тебя вѣдь разстрѣляютъ... Одно спасенье тутъ:
Открой сію-жь минуту бунтовщиковъ пріютъ,
А иначе... оковы и плети... знаешь самъ...»—
—«И безъ того я скоро предстану небесамъ,
А судъ Господній будетъ для грѣшника добрѣй,
Когда умру, присяги не измѣнивъ своей.
Крестомъ священнымъ клятву панамъ я далъ моимъ,
Что никогда на свѣтѣ не измѣню я имъ,
Что буду, какъ святыню, ихъ тайну я хранить...
Ужели-жь вы хотите мнѣ душу погубить?
Нѣтъ, жизнь мою безъ страха, охотно положу...
Гдѣ скрыта шляхта—знаю, но вамъ я не скажу!»—

—«А, что, ужь самъ сознался,—сознался, бунтовщикъ?
Возмитесь-ка по-свойски,—все выскажетъ старикъ!
Пускай подъ плетью скажетъ, не захотѣвъ добромъ,
Гдѣ спрятаны у шляхты шкатулки съ серебромъ!...
Велите же скорѣе стегать нагайкой, да!...
А какъ помретъ,—Богъ милуй,—не скажетъ ужь тогда!»—
Такъ на ухо тихонько жидъ козаку шепталъ.
—«Да замолчи ты, нехристь!—тотъ грозно закричалъ.—
Теперь пытать плетями? Вѣдь умираетъ онъ!
Вѣдь онъ не жидъ-собака, а какъ и мы крещенъ!...
Къ тому же присягалъ онъ, и видно изъ лица,
Что вѣренъ клятвѣ этой онъ будетъ до конца...
Знай, вѣрующій въ Бога крещеный человѣкъ,
Святую клятву давши, ей не измѣнитъ ввѣкъ!
Не во-время, проклятый, сюда привелъ ты насъ...
Вонъ убирайся въ сѣни,—онъ кончится сейчасъ!»

X.

Тутъ страшнымъ, тяжкимъ кашлемъ закашлялся больной.
Оксана подбѣжала и трепетной рукой
Приподняла больного... Вотъ онъ затихъ чуть-чуть;
Въ прерывистомъ дыханьи хрипитъ, слабѣя, грудь
Все тише съ каждымъ разомъ, а неподвижный взоръ,
Послѣдней искрой жизни свѣтившійся въ упоръ,
Тускнѣлъ; свинцовой мглою въ немъ покрывался свѣтъ,
И лишь уста шептали: «Нѣтъ, не скажу вамъ, нѣтъ!...»
Тутъ разстегнувъ чамарку, досталъ козакъ изъ ней
Свой шейный мѣдный крестикъ отъ кіевскихъ мощей
И тихо въ руки старцу онъ братскою рукой
Вложилъ его и молвилъ: «Дай Богъ душѣ покой!
Ты честенъ былъ и смерти прекрасной заслужилъ!»
Поклонъ тутъ въ ноги старцу онъ набожно свершилъ.
А тотъ священный крестикъ сжималъ еще рукой,
Вздохнулъ и... дочь узнала, что стала сиротой.
Въ отчаяньи упала усопшему къ ногамъ,
Съ рыданьями и воплемъ, и быстро къ небесамъ
Слиявсь полетѣли за духомъ старика
Стонъ дочери несчастной съ молитвой козака.
Оксана трупъ сжимаетъ въ отчаяньи своемъ,

Кладетъ на сердце руку, но жизни нѣтъ ужь въ немъ.
Лобъ охладѣвшій старца цѣлуя, слезы льетъ.
Козакъ молитву кончилъ: «Господь васъ да спасетъ!
Миръ вамъ! Теперь прощайте!»—сказалъ и вышелъ вонъ
И даже не заплакалъ. Привыкъ, должно-быть, онъ
Къ видамъ смертей различныхъ... Вотъ, можетъ-быть, и самъ
Сегодня же умретъ онъ, лишь только по лѣсамъ
Дорогою обратной поѣдетъ изъ села,—
Какъ разъ засвищетъ пуля и выбьетъ изъ сѣдла.
Вѣдь мы же—христіане, всѣхъ ждетъ одинъ конецъ:
Душа пойдетъ на небо, и милостивъ Творецъ...

XI.

—«Не все, вельможный пане, испорчено пока!—
Жидъ говоритъ тихонько, отведши козака.
Замѣтилъ панъ дѣвчонку? Красотка не дурна...
Ведетъ съ однимъ изъ банды интрижку тамъ она...
Ужь я навѣрно знаю, жидокъ знакомый мой
Мнѣ разсказалъ, объ этомъ провѣдавъ стороной.
А этимъ можно славно воспользоваться намъ...
Въ лѣсъ побѣжитъ, навѣрно, она сказать панамъ,—
Предупредить, что случай такой-то и такой,—
Что господа козаки пришли большой толпой
И что отца не стало... Ну, словомъ, обо всемъ...
А я въ кусты запрячусь тѣмъ временемъ тайкомъ,
И только выйдетъ—слѣдомъ и я пойду за ней,
Какъ Богъ пошлетъ дорогу, между болотъ и пней.
Меня не примѣчая, такъ будетъ все идти,
А я мелкомъ деревья отмѣчу по пути.
Межь тѣмъ паны козаки, насъ подождавши тутъ,
Пусть издали, тихонько, за нами вслѣдъ пойдутъ;
Но только, ради Бога, пусть не кричатъ они...
А путь, ужь знайте, вѣренъ, гдѣ я замѣтилъ пни.
Какъ будто бы по ниткѣ, по тѣмъ значкамъ тогда
Дойдутъ паны козаки до самаго гнѣзда;
Тогда-жь по уговору заплатите мнѣ вы,
Панъ ясный, по червонцу съ шляхетской головы!
Головъ ихъ слишкомъ двадцать—однихъ простыхъ ребятъ,
За чашника же дайте еще одинъ дукатъ...

Нѣтъ, чашника, мой пане, сказать по правдѣ вамъ,
За тридцать злотовъ развѣ,—дешевле не продамъ...
Онъ самому мнѣ дорогъ: я хлопоталъ, ходилъ,
Потратилъ сколько водки, а Власъ меня побилъ...
А сколько натерпѣлся я страха по лѣсамъ?!
Не уступлю дешевле... Господь пусть видитъ самъ!»—
— «Ахъ, жидъ проклятый, вправду, ты, видно, не дуракъ
И съ насъ возьмешь дукаты!—захохоталъ козакъ.—
Пусть такъ, отродье ада, но Боже сохрани,
Чтобъ какъ не ускользнули изъ нашихъ рукъ они!
Тогда тебя въ минуту я пристрѣлю, какъ пса!...»—
— «Согласенъ, панъ, согласенъ!... Отправимся въ лѣса...
Запрячемся въ орѣшникъ,—она сейчасъ пойдетъ...
Когда-жь не угадалъ я, пусть Богъ меня убьетъ!»

XII.

Уже осенній вечеръ надъ островомъ виспитъ,
Товарищей сзывая, панъ чашникъ въ рогъ трубитъ.
Разбросаны одежды, намокшія дождемъ,
Оружье безъ зарядовъ, забыли всѣ объ немъ:
Хотя не оставляютъ ихъ пищею дневной,
Но вѣсти о козакахъ съ недѣлю никакой.
— «Да, нужно къ войску ѣхать,—сомнѣнья больше нѣтъ!—
Воскликнулъ чашникъ.—Ѣхать намъ нечего домой.
Власъ, видно, измѣнилъ намъ... Ужь вѣетъ и зимой;
Что день, въ лѣсу труднѣе,—онъ облетѣлъ ужь весь.
Скорѣй, пока измѣна насъ не сгубила здѣсь!»—
— «Скорѣй, вполнѣ согласенъ!»—панъ Курдешъ повторилъ.
— «Скорѣй!»—хорунжій Вжосекъ за нимъ проговорилъ.
— «Скорѣй!»—вскричала шляхта.
Но въ этотъ мигъ въ кустахъ
Оксана вдругъ мелькнула. Зловѣщій лучъ въ глазахъ,
Идетъ стопой неровной, въ чертахъ ея лица
Отчаянье разлито и блѣдность мертвеца.
Безъ силы повалилась вдругъ чашнику въ ногамъ:
— «Паны, скорѣй скрывайтесь! Грозитъ погибель вамъ!
У насъ козаки были, они идутъ на васъ.
Отца ужь нѣтъ на свѣтѣ,—не болѣе какъ съ часъ
Скончался... Кто-жь схоронитъ несчастнаго отца?
Паны, скорѣй бѣгите!... О, горе безъ конца!»

XIII.

Едва сказала это, какъ по лѣсу вокругъ
Копыта загремѣли, раздались крики вдругъ,
Блеснули пики,—мигомъ, какъ громъ, отрядъ напалъ.
— «Я говорилъ—измѣна!—Капота закричалъ.—
Измѣна!—говорилъ я. Добра въ холопахъ нѣтъ!
Эй, гдѣ-жь пороховница? Эй, гдѣ-жь мой пистолетъ?»
Тутъ засвистали пули, загрохоталъ ихъ градъ.
Оружье шляхта ищетъ, бросаясь не впопадъ,
Но не набиты ружья, въ смятенье каждый впалъ.
Подъ пулею козацкой хорунжій трупомъ палъ.
Свое ружье коморникъ набилъ, хотѣлъ стрѣльнуть,
Прицѣлился, но пика ему вонзилась въ грудь
Такъ сильно, что сломалось и древко пополамъ...
И застоналъ онъ, очи возведши къ небесамъ.
Тутъ Янъ Очеретовскій, неустрашимо смѣлъ,
Черезъ кустарникъ въ помощь бѣжать къ нему хотѣлъ,
Всей силой продирался, пока же прибѣжалъ,
Удара два—и трупомъ уже коморникъ палъ.
А въ эту же минуту, обвившись вкругъ змѣей,
Арканъ внезапно свиснулъ надъ юной головой,
И прежде, чѣмъ опасность Янъ смѣлый увидалъ,
Ужь былъ онъ крѣпко связанъ и на травѣ лежалъ.
Стоналъ отъ боли рядомъ, вдали отъ всѣхъ, одинъ,
Подъ конскими ногами измятый Валентинъ,
Другіе всѣ въ разбродѣ; вонъ въ дерево плечомъ
Упершійся Бѣлина нацѣлился ружьемъ;
Ужь двухъ козаковъ пулей онъ мѣткою свалилъ,
Но въ рукопашной схваткѣ ружье вдругъ уронилъ
И сломанною саблей, могучій какъ Самсонъ,
Трехъ козаковъ плечистыхъ отважно рубитъ онъ,
На каждый изъ ударовъ отвѣтивши своимъ,
И, видно, упадетъ онъ, но не поддастся имъ.
Не отгадать козакамъ, кто вдругъ имъ помѣшалъ:
За чашниковъ въ резервѣ панъ Бальтазаръ стоялъ,
Въ орѣшникѣ скрываясь, и изъ вѣтвей кустовъ
Онъ изъ двустволки выстрѣлъ ужь сдѣлать былъ готовъ.
Ружье свое удобно уставивъ межъ вѣтвей,
Онъ цѣлился, куда бы могъ выстрѣлить вѣрнѣй,
И вдругъ навелъ не вправо, но влѣво выстрѣлъ свой,

Гдѣ бѣдная Оксана стояла подъ сосной.
Несчастная такъ сильно была поражена,
Что словно безъ сознанья глядѣла вкругъ она.
Не блѣдность, не румянецъ въ чертахъ ея лица,
Но тонъ зловѣщій, желтый, точь-вточь у мертвеца...
Когда-жь, схвативши Яна, враги связали тамъ,
Лишь горькая усмѣшка скользнула по устамъ
У ней, но ни слезинки, не дрогнули черты...
Тутъ злобно панъ Капота ей вскрикнулъ:—«Это ты,
Ты привела козаковъ, проклятая змѣя!
Любуйся пане, Яне, избранница твоя
Исполнила задачу коварную свою!
Пусть я умру, но прежде измѣнницу убью...»
Сказалъ, спустилъ курки онъ и вразъ изъ двухъ стволовъ
Два выстрѣла мгновенно сверкнули изъ кустовъ,
И трупъ Оксаны павшей кровь мигомъ облила,
Изъ сердца брызнувъ струйкой и съ юнаго чела...
Но ничего не видѣлъ въ дыму пороховомъ
Панъ Бальтазаръ, укрывшись въ убѣжищѣ своемъ;
Когда же дымъ разсѣялся и трупъ онъ увидалъ:
— «Теперь отомщены мы!»—онъ чашнику вскричалъ,
Но не успѣлъ окончить, какъ мигомъ былъ пронзенъ
Козацкой пикой въ сердце и, заметавшись, онъ
Палъ на земь, испуская свирѣпый дикій крикъ
И, обливаясь кровью, скончался въ тотъ же мигъ.
Бой утихаетъ съ каждой минутою слабѣй,
И видя то убитыхъ, то связанныхъ вождей,
Упала духомъ шляхта, угаснула душой;
Кой-гдѣ раздастся выстрѣлъ по временамъ глухой,
Иль кто-нибудь застонетъ, и, оглашая лѣсъ,
Тѣ звуки вторитъ эхо, или болотный бѣсъ.
Вѣсь лѣсъ какъ будто стонетъ въ пустынной наготѣ,
Козацкое *ура* же сильнѣй, чѣмъ стоны тѣ.
По знаку эсаула отрядъ донцовъ запѣлъ.
Рой вороновъ, закаркавъ, отвсюду налетѣлъ,
Какъ туча, надъ добычей любимою своей.
А топотъ лошадиный все тише и слабѣй,
Все глуше звуки пѣсни, смолкаетъ стонъ въ тиши,
Да старый дубъ листами послѣдними шумитъ,
Какъ будто бы молитву за души ихъ творитъ.

Спасибо, дубъ старинный! Молись, молись за нихъ!
Ксендзъ не придетъ въ пустыню святить могилы ихъ
И лишь псаломъ, быть-можетъ, споетъ небесный клиръ:
«Во Бозѣ почившимъ спасеніе и миръ!»

ЭПИЛОГЪ.

Такъ Чортовъ островъ кровью шляхетской заалѣлъ.
Подпалъ неволѣ тяжкой, кто въ битвѣ уцѣлѣлъ.
А тѣхъ, чью грудь такъ пылко мечты и чувства жгли,
Однихъ зарыли въ землю, другихъ же въ плѣнъ свезли.
Но казни избѣжали всѣ, кто остался живъ,—
Всѣхъ царь велѣлъ простить, ихъ былое позабывъ.
Надъ прахомъ же почившихъ сѣнь дружную простеръ
Дубовъ и темныхъ сосенъ нависнувшій шатеръ.
Холопскій пепелъ съ панскимъ смѣшался за одно,
Румяная калина имъ вскормлена давно;
Тамъ на однѣхъ могилахъ мохъ сизый и цвѣты,
А на другихъ—крапивы угрюмые кусты.
Надъ островомъ же цѣлымъ, гдѣ дремлетъ темный боръ,
Старинное преданье витаетъ до сихъ поръ,
Чтобъ молодежи было о чемъ поговорить
На долгой вечеринкѣ, когда бесѣды нить
Ведется за работой, а дѣвушки не разъ
Поплачутъ объ Оксанѣ, и сонъ бѣжитъ отъ глазъ,
Ровнѣе будетъ пряжа, длиннѣе нитка въ ней,
И долгій зимній вечеръ проносится скорѣй.

Л. Пальминъ.

Царскій кабакъ Московскаго государства.

„... наличные доказывать ужасный вредъ, нанесенный народной жизни безграничнымъ увеличеніемъ кабаковъ. ...*Въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ* болѣе двухъ милліоновъ крестьянъ пропили всѣ принадлежности своего хозяйства".

(Москов. Вѣдомости 1883 г., № 98.)

Должно-быть мы еще разъ наканунѣ приготовленій къ величайшимъ реформамъ нашего времени, къ реформамъ... кабака. Не даромъ же столпъ всяческихъ основъ и краса нашей печати вдругъ снова поднялъ вопросъ о реформахъ этого учрежденія. Въ трехъ апрѣльскихъ нумерахъ подрядъ газета возилась съ кабакомъ, трактуя о его значеніи и въ помѣщичьемъ хозяйствѣ, и въ сельскомъ крестьянскомъ быту, притомъ какъ съ точки зрѣнія экономической, такъ и нравственной. Она забила въ набатъ и въ своихъ передовыхъ статьяхъ, и въ корреспонденціяхъ, и въ статьяхъ съ заглавіемъ; она снова требуетъ «реформы кабака» и устами самой маститой редакціи, и устами служителя алтаря, ведущаго съ народомъ религіозныя бесѣды, протоіерея Д. Богоявленскаго: «Отъ народа о кабакахъ»,—и, наконецъ, устами «бывшаго откупныхъ дѣлъ мастера» В. А. Кокорева. Весь этотъ походъ открылся въ газетѣ замѣткой—«Проектируемыя мѣры противъ пьянства». Изъ послѣдней замѣтки видно, что правительственная комиссія, состоящая при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и имѣющая цѣлью «всестороннюю разработку мѣръ по взысканіямъ за такія нарушенія питейнаго устава, которыя не сопряжены съ интересами казны», кончила свои занятія, выработавъ проектъ наказаній за указанные проступки противъ питейнаго устава.

Очевидно, что эта комиссія, подобно другимъ, смѣнила собою по отношенію къ вопросамъ кабацкой реформы, вѣроятно,

всѣмъ еще памятныхъ «свѣдущихъ людей», въ дѣятельности которыхъ спачала извѣстную роль, а потомъ и исключительную, игралъ кабацкій вопросъ. Свѣдущимъ людямъ была поставлена нелегкая задача возведенія кабака въ такое учрежденіе, которое въ одно и то же время служило бы по возможности обильнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ и чуть ли не источникомъ народной нравственности. Съ этой точки зрѣнія обсуждался кабацкій вопросъ и въ извѣстной части нашей печати; нѣкоторые органы ея пошли такъ далеко въ этомъ направленіи, что въ реформѣ кабака видѣли все и вся; заботы о ней они ставили на первый планъ въ ходѣ всей внутренней жизни государства: преобразуйте кабакъ и вы спасете отъ всѣхъ золъ и народъ, и государство. Ничего другаго не нужно: преобразованъ кабакъ,—преобразуется весь строй народной и государственной жизни... И закипѣла работа перьевъ охраняющихъ публицистовъ и мозговъ свѣдущихъ людей, изъ коихъ нѣкоторые стояли еще ближе «къ питейному дѣлу», чѣмъ теперь выступившій публицистъ г. Кокоревъ, «не имѣющій къ нему,—по увѣренію *Московскихъ Вѣдомостей*,—никакого прикосновенія». Много было наговорено и много было написано по этому поводу. Но какъ неожиданно вопросъ всплылъ и поставленъ былъ *на такую* точку зрѣнія, такъ неожиданно, если не еще неожиданнѣе, онъ исчезъ... вмѣстѣ съ печальной памяти «свѣдущими людьми». Прошло полтора года. Министерская коммиссія «тихо и благородно» разрѣшила многосложный вопросъ, низведя его въ предѣлы очень неширокія. Все дѣло ограничилось, какъ видно изъ *Московскихъ Вѣдомостей*, тѣмъ, что коммиссія проектировала мѣры къ обезпеченію извѣстнаго уровня нравственности въ лицѣ кабацкихъ сидѣльцевъ и ихъ хозяевъ—Колупаевыхъ съ Разуваевыми; ради этой цѣли имѣется въ виду не ограничиваться одними «одобрительными свидѣтельствами», но и требовать — какъ отъ тѣхъ, такъ и отъ другихъ—залоговъ; устанавливается скала наказаній сидѣльцевъ и хозяевъ за нарушеніе постановленій питейнаго устава; далѣе—предполагается привлечь къ надзору за кабацкими дѣятелями, «независимо отъ акцизныхъ чиновниковъ и полиціи..., также лицъ по общественному выбору» — гласныхъ въ городахъ, или особо выбранныхъ для этого лицъ. Наконецъ, въ довершеніе всего, имѣется въ виду «предоставить мѣстнымъ жителямъ городовъ и селеній изыскивать *наиболѣе дѣйствительныя* мѣры къ уменьшенію пьян-

ства», которыя впрочемъ заранѣе заботливо сводятся къ двумъ «мѣрамъ»: учрежденію «обществъ» (вѣроятно, трезвости) и составленію приговоровъ о желаніи вовсе закрывать питейныя заведенія,—разумѣется, съ одобренія и разрѣшенія «начальства»*).

Вѣроятно, проектъ этотъ, пройдя надлежащія инстанціи, превратится въ законъ и кабацкій вопросъ разрѣшится если не «на вѣки нерушимо», то впредь... до образованія новой коммиссіи, если старая будетъ упразднена.

Значитъ, какъ и слѣдовало ожидать, все кончилось вполнѣ благополучно и всякіе охранители должны бы, казалось, отнынѣ мирно сидѣть «подъ смоковницами своими». Но это только казалось бы,—на то они и охранители. Вѣроятно, инстинктивно, нюхомъ чуя, что не все еще *прочно* установилось, что не сегодня-завтра опять могутъ на поверхность общественной жизни всплыть всякіе проклятые вопросы переустройства ея, этой жизни,—вопросы, такъ ненавистные охранителямъ, любящимъ миръ и тишину... гніенія,—они, эти охранители, уцѣпившись за проектъ коммиссіи, снова поднимаютъ вопли о гибели отечества, благодаря кабаку, «подъ повсемѣстнымъ, непрестаннымъ, растлѣвающимъ дѣйствіемъ котораго не могли не расшататься и общественный строй, и семейный бытъ, и все хозяйство нашего крестьянина». Кабакъ—корень всѣхъ золъ; онъ пошатнулъ «три главные устоя» экономической жизни нашего злополучнаго отечества: «народный кредитъ, сельское хозяйство и денежный курсъ». Смущаетесь?... Напрасно,—дѣло простое: «*исправленіе курсовъ* достигается только посредствомъ благоустройства сельскаго хозяйства»; а послѣднее «немыслимо безъ согласованія винокуренія съ интересами земли и безъ уничтоженія кабака»; съ послѣднимъ фактомъ — въ тѣсной связи и польза для крестьянскихъ «кредитовъ».

Трудно яснѣе поставить вопросъ: кабакъ—вотъ фокусъ, въ которомъ соединяются всѣ нити общественно-государственной жизни; реформируй, замѣни «лавочкой» или «казенной винной лавкой»—и все, моргнуть не успѣешь, измѣнится и переродится:

*) Представители медицинскаго департамента предлагали, между прочимъ, запретить кабаки вблизи центровъ скопленія рабочаго люда и „ограничить торговлю спиртными напитками въ мѣстахъ общественныхъ народныхъ гуляній". Но коммиссія не приняла ни того, ни другого, ибо это повело бы „къ *существеннымъ измѣненіямъ* въ дѣйствующихъ законоположеніяхъ: устройство распивочныхъ заведеній близъ фабрикъ не воспрещается"!! Убѣдительно, потому что ясно.

«семейнный и общественный бытъ крестьянъ» окрѣпнетъ и очистится, «народный кредитъ» создастъ изъ ничего все; «сельское хозяйство» (помѣщиковъ) зацвѣтетъ аки кринъ; а желтенькая бумажка будетъ стоить ... даже больше рубля! И не нужны будутъ никакія ненавистныя реформы, всѣ эти «либеральныя» учрежденія, порядки: «казенныя винныя лавки» и «мелкія винокурни»—дадутъ отечеству искомое благополучіе.

Торопитесь же созданіемъ того и другого и тѣмъ удовлетворите «общее желаніе всей Руси» узрѣть, наконецъ, «картину, на которой видны обновленныя усадьбы, сооруженія мелкихъ *винокурень*, стада коровъ, пьющихъ *винокуренную* барду, поля съ массой удобренія, дѣтей съ горшкомъ молока и съ кускомъ хлѣба безъ примѣси шелухи и мякины, мясное варево на крестьянскомъ столѣ..., *у всѣхъ* веселыя лица, кромѣ огорченныхъ кабачниковъ»! А веселѣе всѣхъ, разумѣется, у хозяевъ «винокурень» и хозяевъ «лавокъ»... Вотъ какова могучая сила реформы кабака! Какіе порядки, включая и «правовый», гдѣ-нибудь и когда-нибудь дали что-либо подобное *)?

Впрочемъ, сердобольныхъ охранителей можно заподозрить, по ихъ писанью о кабацкой реформѣ, и въ стремленіи къ реформѣ,—вѣроятно, въ видѣ добавочной къ кабацкой, хотя нѣсколько иного свойства,—въ стремленіи слишкомъ ужь прозрачно выглядывающемъ изъ-подъ сентиментальнаго соуса писаній о дѣлахъ кабацкихъ.

«Въ теченіе *послѣднихъ двадцати лѣтъ*»,—вопіетъ лишившійся, «вслѣдствіе превратностей фортуны», своихъ откупщицкихъ «стяжаній»**) г. Кокоревъ,—разорились два милліона крестьянъ. «Удивляются,—восклицаетъ редакція, пріютившая на страницахъ своей газеты проектъ обновленія Руси обездоленнаго фортуной откупщика,—что снятіе крѣпостного ига не повело къ ожиданному улучшенію быта крестьянъ; но какое улучшеніе возможно, когда все доброе, что было въ освобожденіи, парализовано наложеннымъ на народъ болѣе тяжкимъ и общимъ, чѣмъ крѣпостное, губительнымъ кабацкимъ игомъ?» Велика, мы видѣли, сила кабака преобразованнаго, велика она и въ кабакѣ настоящемъ; зло, причиняемое имъ, даже и... не вѣроподобно можно сказать,—зло, причиняемое въ теченіе *послѣднихъ двадцати лѣтъ*. Что же такое произошло приблизительно двадцать лѣтъ

*) Статья г. Кокорева: „Нужды и потребности". *Моск. Вѣд. 1883 г., № 98.*

**) Тамъ же, передовая статья.

назадъ?—Освобожденіе крестьянъ и уничтоженіе откуповъ. Благодаря-жь какому изъ этихъ двухъ событій два милліона спились? Сказать, что благодаря отмѣнѣ откуповъ,—такъ нѣтъ: въ статьѣ г. Кокорева мы встрѣчаемъ такія авторитетныя слова: «неоспоримая польза акцизной системы состоитъ въ томъ, что она освободила *продажу вина отъ монополіи откупа*». Ужь не въ отмѣнѣ ли менѣе тяжкаго, чѣмъ кабацкое, «крѣпостного ига»?... Но это ужь слишкомъ.

Бывшій откупщикъ предлагаетъ ввести полную свободу торговли спиртными напитками въ лавкахъ наравнѣ со всякими товарами и тѣмъ двинуть дѣло дальше по тому пути, на который оно поставлено отмѣной откуповъ и введеніемъ акцизной системы. Маститая же редакція снова приглашаетъ отечество вернуться хоть въ кабацкомъ дѣлѣ «домой»—къ «казенной питейной монополіи», къ системѣ «казенныхъ лавокъ съ ведерной и раздробительною продажей питей, расположенныхъ на значительномъ одна отъ другой разстояніи» и завѣдуемыхъ людьми выбранными и рекомендованными «при участіи лучшихъ земскихъ силъ».

Что-жь, насъ давно уже зовутъ «домой» изъ бѣговъ, да мы и ѣдемъ туда, если еще не пріѣхали, такъ-сказать, во многихъ отношеніяхъ,—отчего-жь не вернуться туда же и съ нашимъ кабакомъ и не построить его на старый ладъ,—патріархальный ладъ,—если этотъ ладъ обезпечивалъ когда-нибудь «и общественный строй, и семейный бытъ, и все хозяйство нашего крестьянства». А когда мы жили «дома», ни мало не зараженные чумнымъ сосѣдомъ съ Запада; когда мы всецѣло были «самобытны», насколько это было возможно, пройдя «баню бытія» татарскаго; когда, слѣдовательно, все и вся творили мы, въ лицѣ нашихъ предковъ, изъ себя самихъ и ради насъ самихъ; когда, притомъ, всѣ мы были едины тѣломъ и духомъ; когда власть была едина и сильна; когда между нею и народомъ никакихъ средостѣній не было: тогда «казенная питейная монополія» царила въ лицѣ «кабака его великаго государя и царя московскаго». А обокъ съ казенною монополіей имѣло мѣсто, какъ увидимъ, нѣчто въ родѣ кокоревскихъ мелкихъ винокурень. А разъ и то и другое изъ основныхъ началъ предлагаемой системы уже существовало и притомъ въ тѣ времена древляго благочестія и исконнаго русскаго велелѣпія, къ которымъ такъ настойчиво стремятся возвратить наше безбожное и растлѣнное время,—было бы,

думается намъ, грѣхомъ не ознакомиться съ кабацкимъ дѣломъ этого времени. Вѣдь если такъ полезно обращаться къ исторіи прошлаго, въ видахъ возвращенія въ нѣдра онаго, по всяческимъ другимъ вопросамъ, то почему-жь не заглянуть въ него и по данному, имѣющему надъ всѣми остальными вопросами нашей внутренней жизни, по увѣренію «охранителей», такое доминирующее значеніе?

Это полезно и необходимо тѣмъ болѣе, что и тогда, два слишкомъ столѣтія назадъ, какъ теперь, заботились, и никакъ не менѣе энергично, и о томъ, чтобы «кабакъ царскій» или «продажное питье» доставляли возможно большій доходъ государству и наносили возможно меньше зла населенію вообще, волостному же сельскому въ частности.

I.

„Учинить заказъ всякимъ людемъ накрѣпко, чтобъ опричь *государевыхъ кабаковъ* на посадахъ и въ уѣздахъ... продажнаго питья ни у кого не было".

(Изъ наказа воеводамъ 1649 года.)

„... Къ царскаго кабака денежному сбору въ вѣрные головы и въ цѣловальники выбрать людей добрыхъ и пожиточныхъ".

(Оттуда же.)

Рано на Руси «питіе», этотъ источникъ ея «веселія», обратилось и въ источникъ казенныхъ доходовъ—сначала въ формѣ особаго сбора съ «питей» и продуктовъ, изъ которыхъ приготовлялись эти послѣднія, а потомъ въ формѣ того, что теперь называютъ «казенной питейной монополіей», а тогда называли «царскимъ кабакомъ», или, нѣсколько позже, «кружечнымъ дворомъ».

Мы займемся лишь послѣднею формой и познакомимъ читателя съ царскимъ кабакомъ и кружечнымъ дворомъ за время ихъ процвѣтанія въ періодъ Московскаго государства отъ второй половины XVI столѣтія, когда кабаки только-что появляются на Руси въ видѣ казеннаго государственнаго учрежденія, и до конца XVII столѣтія.

Питейная монополія государства, какъ и всякіе другіе доходы его, устанавливалась и развивалась вмѣстѣ съ увеличеніемъ государственныхъ потребностей съ одной стороны и распространеніемъ «питья» съ другой. «Царскій кабакъ», какъ государственное учрежденіе въ смыслѣ финансоваго источника, по-

является вмѣстѣ съ возникновеніемъ Московскаго государства и развивается и усложняется вмѣстѣ съ развитіемъ и усложненіемъ послѣдняго. Не нужно указывать на то, что если еще Владиміръ—«Красное Солнышко»—утверждалъ, что «Руси есть веселіе пити», то его потомки, цари московскіе, съ гораздо большимъ основаніемъ могли утверждать относительно своихъ «христіанъ православныхъ», что и имъ, хотя быть-можетъ не всегда, «веселіе» пити, но «зѣло за обычай» пити и пити много. А если и веселый князь Красное Солнышко извлекалъ изъ питія не одно веселье, но и кое-какіе доходы, то мрачные цари московскіе искали въ немъ «великіе и богатые прибыли», забравъ постепенно въ свои руки «питіе» во всѣхъ отношеніяхъ — и производство его, и продажу. Самый мрачный и благочестивый изъ нихъ — Иванъ Грозный — начинаетъ ставить по городамъ «корчемные дворы», которыми завѣдывали приказные царскіе люди. Кажется, послѣ покоренія Казани на Руси появляется первый «*кабакъ*» *), построенный въ Москвѣ, на Балчугѣ, исключительно для опричниковъ. Отсюда съ московской грязи (Балчугъ—по-татарски — грязь) кабакъ очень быстро распространяется, подъ именемъ «*царскаго* кабака», по всѣмъ селамъ и градамъ Московскаго государства, замѣнивъ собою корчмы **).

Всякое хмѣльное питье можно получать лишь въ царскомъ кабакѣ, т. е. въ государственномъ, такъ какъ производство этого питья и торговля имъ—исключительное право царя московскаго, какъ главы государства.

Завѣдываніе царскимъ кабакомъ по городамъ и уѣздамъ поручалось *царскимъ намѣстникамъ*, а потомъ—смѣнившимъ ихъ *царскимъ воеводамъ*. «Держати *намѣстнику кабакъ*, а на кабакѣ медъ, вино и пиво», говорится въ царскихъ грамотахъ послѣдней четверти XVI вѣка, данныхъ на имя намѣстниковъ царскихъ въ сѣверныхъ городахъ. Съ подробностями организаціи царскаго кабака въ широкомъ смыслѣ слова мы знакомимся по памятникамъ, дошедшимъ до насъ отъ XVII столѣтія, времени воеводскаго управленія городами и уѣздами Московскаго государства. Почти въ каждомъ «наказѣ», который получалъ воевода въ Москвѣ изъ царскаго Приказа, отъѣзжая на мѣсто своего назначенія, мы встрѣчаемся съ цѣлыми страницами, трактующими о томъ, какъ радѣть ему, воеводѣ, о «прибыли его

*) Татарское слово, означающее постоялый дворъ.

**) *Прыжовъ*: „Исторія кабаковъ въ Россіи“, стр. 49 и 50.

великаго государя и царя», т. е. о государственныхъ доходахъ, причитающихся съ отданной въ завѣдываніе воеводы области. Вотъ на этихъ страницахъ и можно найти почти все, что касается «казенной питейной монополіи», или, говоря языкомъ того времени, царскаго кабака. Великая заботливость московскаго правительства выражалась въ отношеніи кабака на этихъ страницахъ воеводскаго наказа. Оно и понятно: «прибыли» съ царскаго кабака составляли чуть ли не важнѣйшую статью, важнѣйшій источникъ прибылей государства Московскаго вообще. Объ этомъ можно безошибочно заключить уже изъ одной указанной нами заботливости о правильномъ, бездоимочномъ и своевременномъ полученіи этихъ прибылей. На это указываетъ и масса статистическаго матеріала, въ видѣ всякаго рода книгъ и выписокъ изъ нихъ кабацкихъ сборовъ и всякихъ вообще государственныхъ доходовъ, дошедшаго до насъ отъ второй половины XVI и всего XVII столѣтія и хранящагося въ архивахъ *). Благодаря именно этому послѣднему обстоятельству, московское правительство и выработало ту организацію царскаго кабака, которая была, повторяемъ, не чѣмъ инымъ какъ именно «казенною питейною монополіей», къ коей такъ вожделѣетъ глава литературныхъ охранителей и съ которой мы сейчасъ познакомимся.

Воевода царскій, представлявшій собою во ввѣренной ему области власть царя московскаго, вѣдать посадскіе и волостные кабаки непосредственно не могъ, а приказнымъ служилымъ людямъ, говоря нашимъ языкомъ — своимъ чиновникамъ, находившимся въ подчиненіи воеводы, московское правительство скоро перестало вѣрить. Оно обратилось и въ управленіи кабака къ излюбленному имъ началу,—началу, выработанному вѣковою общинно-мірскою жизнію русскаго народа: оно, какъ во многихъ другихъ отрасляхъ мѣстнаго, областного управленія, обратилось къ

*) Въ XIII томѣ „Исторіи Россіи“ *Соловьева* приведена, въ видѣ иллюстраціи той же мысли, небольшая выпись изъ книгъ таможеннаго и кабацкаго и всякаго рода сборовъ города Устюга Великаго за 1670 годъ. Изъ этой выписи видно, что изъ всей суммы сборовъ съ этого города — около 10.000 руб. — кабацкіе составляютъ почти *половину*, а бо́льшую половину—таможенные сборы, кои не взимались въ Московскомъ государствѣ развѣ только съ воды да воздуха. А Устюгъ, по выраженію историка, „средній по богатству городъ“!

Въ 1620 году Михаилъ Ѳеодоровичъ и патріархъ Филаретъ объявили торговымъ людямъ, что „по грѣхамъ въ Московскомъ государствѣ во всемъ скудость... Кромѣ таможенныхъ пошлинъ *и кабацкихъ денегъ* государевымъ деньгамъ сбору нѣтъ“. *Прыжовъ*, стр. 127.

началу выборному. Оно заставило посадско-городскія и уѣздно-волостныя общины поставлять «къ его великаго государя кабацкому сбору» служилыхъ людей изъ собственной среды по выбору. Эти избранники общества, составляя цѣлую лѣстницу іерархическую, завѣдывали не только сборами, а и всѣмъ «питейнымъ дѣломъ» въ самомъ широкомъ смыслѣ, вѣдая производство хмѣльныхъ питей, продажу ихъ въ кабакахъ, постройку этихъ послѣднихъ, какъ и самыхъ винокурень, медоварень и пивоварень, и, наконецъ, преслѣдованіе корчемства, т. е. тайной продажи «питья» помимо царскаго кабака. Эта іерархія выборныхъ служилыхъ людей царскаго кабака состояла изъ такъ называемаго «кабацкаго *) головы съ товарищи» и подчиненныхъ ему «цѣловальниковъ». Головы стояли въ извѣстныхъ подчиненныхъ отношеніяхъ—не всегда, впрочемъ, и не вездѣ—къ мѣстному воеводѣ или такъ-называемому «губному старостѣ», если этотъ послѣдній замѣнялъ собою нерваго **).

Таможенный и кабацкій голова даннаго города выбирался обыкновенно изъ среды посадскаго населенія другого города; въ особенно важные по таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ города, вродѣ, наприм., Архангельскаго городка съ Холмогорами, кабацкихъ головъ поставляло торгово-промышленное населеніе самой Москвы. Несомнѣнно, такой порядокъ выработался только впослѣдствіи, а сначала каждый посадъ поставлялъ голову къ царскому кабаку изъ собственной среды; къ нему правительство обратилось, очевидно, ради вѣрнѣйшаго обезпеченія «государевыхъ прибылей».

Въ 1646 году въ наказѣ мезенскому воеводѣ уже въ видѣ общаго правила приказывается «къ таможенному и къ *кабацкому сбору* головъ выбирать *изъ иныхъ городовъ*»; а изъ товарищей и цѣловальниковъ вездѣ выбирало изъ своей среды посадское или волостное населеніе той мѣстности, въ которой находился кабакъ: «велѣно быти *въ Чердыни* у нашего кабацкаго сбору головѣ *Усольцу* (т. е. жителю Соли Камскія), а съ нимъ *цѣловальникамъ Чердынцамъ* выборнымъ людемъ», говорится въ царской грамотѣ 1637 года; а изъ такой же грамоты 1635 го-

---

*) Кабацкіе головы были всегда вмѣстѣ и *таможенными;* то же надо замѣтить и относительно цѣловальниковъ. Мы вездѣ будемъ называть, для краткости, и тѣхъ и другихъ кабацкими.

**) *Губной староста*—выборный человѣкъ, которому поручались уголовныя дѣла извѣстной категоріи и который иногда заступалъ мѣсто воеводы.

да видно, что у *Соли* Камскія «кабацкаго сбору въ головахъ» былъ чердынецъ, котораго въ этомъ году смѣнилъ присланный изъ Перми выборный голова.

Обыкновенно воеводѣ, въ томъ общемъ наказѣ, который онъ получалъ передъ отъѣздомъ изъ Москвы, или въ спеціальномъ, изданномъ ad hoc, предписывалось выбирать «къ таможенному и кабацкому сбору *головъ изъ посадскихъ лучшихъ людей*, а *цѣловальниковъ* къ тѣмъ головамъ—изъ посадскихъ и уѣздныхъ людей». Выборы головъ производились всѣми посадскими людьми и ихъ старостами, а цѣловальниковъ—и посадскими, и уѣздными вмѣстѣ, и ихъ старостами и земскими судейками, гдѣ таковые еще существовали. Въ такъ-называемыхъ дворцовыхъ селахъ, принадлежавшихъ лично царю и выдѣленныхъ относительно управленія изъ уѣзда въ особую административную единицу, и головы и цѣловальники избирались исключительно крестьянами и изъ собственной среды: такъ въ грамотѣ 1659 года на имя *прикащика*, вѣдавшаго дворцовое село Дужмово въ Суздальскомъ уѣздѣ, предписывается «къ таможенному и кружечнаго двора сбору выбрать въ вѣрные головы и цѣловальники *изъ крестьянъ*». Какъ производились самые выборы, насколько вмѣшивался въ нихъ воевода, губной староста или какой-нибудь городовой прикащикъ, въ случаѣ если послѣдніе замѣняли въ данной области перваго, мы не знаемъ; да процедура подобныхъ выборовъ никогда и не опредѣлялась закономъ или правительственнымъ распоряженіемъ,—въ этихъ распоряженіяхъ предписывалось лишь избирать къ кабацкому дѣлу «людей добрыхъ и *прожиточныхъ*», т. е. по возможности наиболѣе экономически состоятельныхъ,—такихъ, «которые бы *были вѣрны*, которымъ бы въ государевомъ кабацкомъ сборѣ *мочно* было *вѣрить*, а не воровъ и не бражниковъ»,—и притомъ стараться выбрать такихъ, которымъ бы это государево дѣло «было за обычай», то-есть людей болѣе или менѣе опытныхъ. Когда выборы произведены, воевода долженъ потребовать отъ посадскихъ и уѣздныхъ людей выборныя записи на имя каждаго избраннаго: «а какъ голову посадскіе и уѣздные люди цѣловальниковъ выберутъ, — говорится въ одномъ изъ царскихъ наказовъ воеводѣ 1646 года,—и ты-бъ на тѣхъ людей у посадскихъ... взялъ *выборы крѣпкіе*, мірскихъ людей и отцовъ ихъ духовныхъ *за руками* (то-есть за подписями); а въ выборѣхъ (записяхъ) велѣлъ писаться посадскимъ и уѣзднымъ лутчимъ людемъ». Такимъ способомъ правительство московское га-

рантировало *вѣрность* головъ и цѣловальниковъ, ихъ благонадежность; а «будетъ выберутъ,—прибавлялось въ наказахъ,—воровъ и худыхъ людей, и въ государевой казнѣ ихъ сбору учинитца недоборъ и тотъ недоборъ велимъ доправить вдвое на нихъ на посадскихъ и на уѣздныхъ людехъ, да имъ же отъ насъ (государя) быти въ великой опалѣ». Получивъ «выборы за руками», воевода долженъ былъ «тѣхъ голову и цѣловальниковъ велѣть въ церквѣ попу по *Чиновной книгѣ* привести къ *крестному цѣлованью* (отсюда—цѣловальникъ), *къ вѣрѣ* (отсюда—*вѣрный* голова) на томъ, что имъ сбирати на насъ (великаго государя) кабацкую прибыль съ великимъ радѣньемъ, *въ правду*». И головы и цѣловальники кабацкіе выбирались «погодно», то-есть стало-быть на одинъ годъ, что имѣло цѣлью съ одной стороны не дать слишкомъ нажиться людямъ недобросовѣстнымъ, а съ другой,—что, какъ увидимъ, имѣло мѣсто гораздо рѣже,—не разорить долгою службой дѣйствительно «вѣрныхъ» чиновъ и цѣловальниковъ, несшихъ государеву службу дѣйствительно «въ правду». Дѣло въ томъ, что всѣ эти выборные люди несли свою службу безвозмездно; для чего, между прочимъ, такъ и настаивала Москва, чтобы выбирались къ кабацкому сбору «животами прожиточные» люди.

При вступленіи въ отправленіе своихъ обязанностей новые головы и цѣловальники принимали отъ старыхъ весь кабацкій инвентарь—«питье и всякіе запасы», зданія, чаны, кубы, кади и т. п. по росписи и по оцѣнкѣ посадскихъ незазорныхъ людей, произведенной «въ правду, по крестному цѣлованью, что чего стоитъ»; при этомъ за оставшіеся отъ предшествовавшаго года «запасы кабацкіе, за вино, и за пиво, и за медъ пѣсной и за кислой, и за хмѣль, и за солодъ»—новые головы и цѣловальники должны уплатить старымъ по указанной оцѣнкѣ «изъ своего сбору, изъ перваго мѣсяца».

Всѣмъ доходамъ (съ продажи питей) и расходамъ (по винокуренію и вообще по содержанію кабака) головы и цѣловальники должны были вести особыя книги—«имянно, порознь (то-есть по статьямъ), помѣсячно». Вотъ для веденія этихъ-то книгъ головы и цѣловальники, въ огромномъ большинствѣ случаевъ безграмотные, и должны были имѣть при кабакахъ особый штатъ людей — «дьячковъ и подъячихъ», которые тоже должны были быть выборными: въ одной царской грамотѣ конца XVII вѣка на имя вятскихъ посадскихъ людей—«*дьячковъ* велѣно и впредь вы-

бирать *изъ мірскихъ людей*, по очередѣ добрыхъ»; въ другой грамотѣ того же времени на имя вятскаго воеводы велѣно на Вяткѣ и во всѣхъ пяти городахъ и въ волостяхъ... у кружечныхъ дворовъ у денежныхъ сборовъ... быть *подъячимъ* по мірскимъ выборамъ, а безъ мірскихъ выборовъ въ подъячихъ никому быть не велѣно»; и на этихъ излюбленныхъ людей выборы подавались воеводѣ тоже «за руками».

Въ какихъ же отношеніяхъ ко всѣмъ этимъ выборнымъ людямъ царскаго кабака стоялъ мѣстный представитель московскаго центральнаго правительства? Вотъ чѣмъ отвѣчаютъ намъ на этотъ вопросъ воеводскіе наказы: «и во всемъ надъ головою и цѣловальники и надъ дьячки *смотрѣлъ бы еси* (ты, воевода) *накрѣпко*, чтобъ они ни въ чемъ не воровали..., кабацкими деньгами не корыстовались и хитрости ни которые не чинили..., во всемъ бы государю искали прибыли»; другими словами, воеводѣ поручался за кабацкими дѣятелями надзоръ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Ему, воеводѣ, головы и цѣловальники обязаны были отчетностью не только по документамъ, но и реальною: сборныя кабацкія деньги и тѣмъ деньгамъ «книги» кабацкія служилые люди должны были «приносить воеводѣ въ съѣзжую избу, за ихъ руками, *по четверти* года»; здѣсь, въ съѣзжей избѣ, передъ воеводой учитывались головы и цѣловальники; воевода смотрѣлъ, «чтобъ въ расходъ лишняго не приписывали, а покупали-бъ кабацкіе запасы прямою цѣною, а въ винныхъ бы и въ пивныхъ варяхъ хитрости ихъ не было». Иногда всѣ кабацкіе сборы предписывалось приносить въ съѣзжую же избу. Воевода получалъ даже право, замѣтивъ, что головы и цѣловальники государевой казной корыстуются, «чинить имъ наказанье, сыскавъ про то допряма», а наказавъ, онъ могъ ихъ и «отставить»; одинъ наказъ первой половины XVII столѣтія уполномочиваетъ даже воеводу вообще, если онъ замѣтитъ, что «люди худы и къ сбору не годятся», прогнать ихъ, предварительно «сосчитавъ», и требовать новыхъ выборовъ. Деньги, получаемыя въ кабакахъ за «питье», цѣловальники должны были опускать въ особые ящики, запечатанные печатью кабацкаго головы, который вынималъ ихъ оттуда каждую недѣлю или каждый мѣсяцъ *).

Но не въ этомъ только выражались отношенія воеводы къ выборному кабацкому персоналу. Онъ долженъ былъ оказывать

*) Отсюда—требованіе платить за питье *мелкими* деньгами; вѣроятно, даже такъ, чтобы не было необходимости давать сдачи.

послѣднему всякое содѣйствіе при отправленіи имъ своей высокой государственной важности функціи: «и ты бы,—пишется въ одной грамотѣ конца XVII вѣка къ воеводѣ,—по сей нашей грамотѣ непремѣнно... въ кабацкомъ сборѣ чинилъ ему (кабацкому головѣ) *всякое вспоможенье*», которое, какъ видно изъ той же грамоты, выражалось главнымъ образомъ въ томъ, чтобы «на ослушниковъ и для выемки... корчемныхъ питей и иныхъ... кабацкихъ дѣлъ давать... стрѣльцовъ и пушкарей и разсыльщиковъ». Какъ это «вспоможенье» было важно для кабацкихъ головъ, видно изъ одной ихъ челобитной, въ которой они бьютъ царю челомъ на воеводу въ томъ, что онъ не даетъ имъ стрѣльцовъ и приставовъ, отъ чего «его государевой казнѣ чинитца недоборъ великій»: стрѣльцы эти и пристава нужны были кабаку для взысканія такъ-называемыхъ «напойныхъ» денегъ, то-есть долговъ. А эта нужда головъ и цѣловальниковъ, какъ увидимъ дальше, была больше чѣмъ настоятельною.

Дѣло не кончалось, однако, отчетностью только передъ воеводой, — головы кабацкіе должны были въ опредѣленные сроки пріѣзжать со своими книгами и сборами въ Москву; сроки эти— отъ мѣсячнаго до годичнаго, «какъ пригоже», устанавливались, несомнѣнно, смотря по разстоянію отъ Москвы тѣхъ городовъ, изъ которыхъ ѣхали головы. При этомъ, сплошь и къ ряду, Москва требовала, чтобы вмѣстѣ съ головой къ московскому отчету ѣхали не только цѣловальники, но и дьячки съ сборными записными тетрадями *).

Такъ было организовано кабацкое дѣло въ тѣсномъ смыслѣ слова, какъ продажа казенныхъ хмѣльныхъ питей. Но эти «питья» не только продавались, но и производились казной же, и производились, какъ уже было вскользь замѣчено, тѣми же кабацкими головами и цѣловальниками, которые и имѣли при каждомъ почти кабакѣ винокурню, пивоварню и проч.

Если царскіе кабаки и кружечные дворы XVII вѣка представляли собою не что иное какъ «казенныя лавки» нашихъ охранителей, то такъ-называемые погреба и поварни, состоявшіе при кабакахъ, были не чѣмъ инымъ какъ тѣми маленькими, мелкими винокурнями, къ коимъ такъ вожделѣетъ бывшій откупщикъ.

Голова при каждомъ кабакѣ курилъ вино и заготовлялъ пиво и медъ самъ или сдавалъ все это производство, какъ видно изъ

*) *Прыжовъ*, стр. 78.

различныхъ актовъ XVII столѣтія, особымъ «подрядчикамъ», которые обязывались выкурить и поставить въ кабакъ къ опредѣленному сроку опредѣленное количество вина.

Разъ на-лицо и «казенныя лавки», и «мелкія винокурни», должны быть на-лицо и тѣ явленія, которыя приписываются питейному строю, на этихъ двухъ началахъ основанному, т. е. 1) отсутствіе корчемства (благодаря одинаковымъ цѣнамъ вина); 2) потребленіе вина «въ мѣру средствъ и дѣйствительной надобности» *) и 3) наконецъ — та идиллія, которая такъ заманчиво нарисована г. Кокоревымъ и въ которой фигурируютъ и «обновленныя усадьбы», и херувимо-подобные ребятенки, уписывающіе вкусный хлѣбъ, и тучныя коровы, и т. д. Это непремѣнно должно было быть въ Московскомъ государствѣ, разъ все и вся зависитъ отъ извѣстной организаціи кабацкаго дѣла. Вѣдь это дѣло, мы видѣли, организовано на началахъ, кои, будучи положены въ основу кабака намъ современнаго, по увѣренію ихъ пропагандистовъ, переродятъ наше отечество. И какъ просто, стройно, почти изящно это дѣло организовали московскіе администраторы, если смотрѣть на него изъ прекраснаго далека и исключительно сквозь призму тѣхъ правительственныхъ грамотъ, наказовъ, памятей, съ коими мы ознакомили читателя. Лучшаго трудно и желать,—тутъ все: и «казенная монополія», и «лучшія земскія силы», коихъ современные сторонники монополіи еще только стремятся привлечь къ дѣлу.

И, несмотря на всю эту стройность и красоту организаціи, сочетанія правительственнаго начала съ земскимъ, дѣйствительная, жизненная сторона кабацкаго дѣла Московскаго государства ни сама по себѣ не представляла ничего заманчиваго, привлекательнаго, о возстановленіи чего слѣдовало бы ратовать въ наше время, ни тѣмъ болѣе не создавала вокругъ себя ничего подобнаго кокоревской картинкѣ.

Прежде чѣмъ обратиться къ этой жизненной сторонѣ дѣла, мы остановимся еще нѣсколько на самой организаціи кабака. Дѣло въ томъ, что московское правительство, очевидно вынужденное къ тому, очень скоро стало само то тамъ, то здѣсь разрушать стройность «кабацкаго дѣла», отступая отъ системы намъ уже знакомой: въ перемежку «съ вѣрной» системой выборныхъ головъ и цѣловальниковъ мы встрѣчаемся съ *откупами* и, если можно такъ выразиться, *жалованными кабаками*.

*) *Моск. Вѣдомости*, № 98, передовая статья.

Едва ли не съ самаго появленія «царскаго кабака» въ Московскомъ государствѣ, параллельно съ кабацкими выборными головами, имѣютъ мѣсто и *откупщики*. Нѣкоторыми наказами и грамотами воеводамъ прямо предоставляется отдавать царскіе кабаки на вѣру выборнымъ людямъ или на откупъ, «какъ пригоже» и *какъ государевой казнѣ прибыльнѣе*. Мы не можемъ, за неимѣніемъ статистическихъ данныхъ, сказать категорически, въ *какой мѣрѣ* одна система преобладала надъ другой, но можно смѣло утверждать, что вѣрная система до половины XVII столѣтія преобладала; съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича преобладаетъ откупная, но въ концѣ столѣтія она уничтожается. Всѣ полтора столѣтія, нами взятыя, московское правительство колебалось между двумя системами. Откупная—куда выгоднѣе: получилъ деньги, даже впередъ, и спокоенъ; а тамъ откупщикъ выбирай ихъ съ кабака, какъ знаешь. Но было что-то, что заставляло Москву отказываться отъ этой системы: думать надо, что въ этомъ случаѣ она руководилась опасеніемъ, какъ бы, согласно съ указаніемъ челобитной посадскихъ города Дмитрова (1632 года), *населеніе* «для откупщиковъ продажъ и великаго ихъ насильства *въ конецъ не погибло*». Сплошь и въ ряду мы встрѣчаемся съ такими фактами, что одинъ годъ кабакъ на откупу, а другой—*на вѣрѣ* у выборныхъ людей. До насъ дошли кое-какія указанія о томъ, какъ сдавались царскіе кабаки на откупъ. Самая отдача на откупъ, вѣроятно съ торговъ, производилась въ Москвѣ, въ ея центральныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, приказахъ. Любой состоятельный человѣкъ могъ взять тотъ или другой областной кабакъ на откупъ. Но мы имѣемъ акты, изъ которыхъ видно, что правительство иногда стремилось привлечь къ откупу людей той мѣстности, въ которой лежалъ сдававшійся на откупъ кабакъ. Такъ, напримѣръ, во второй половинѣ XVII вѣка въ Суздалѣ сдавались кабаки на откупъ такимъ образомъ: воеводѣ велѣно было прокликать черезъ такъ-называемыхъ «бирючей» по улицамъ и базарамъ въ торговые дни приглашеніе желающихъ—посадскихъ и крестьянъ—взять кабаки на откупъ; если находились желающіе, то они должны были, записавшись въ мѣстной съѣзжей избѣ у воеводы и взявъ поручныя записи,—вѣроятно, въ нихъ «прожиточности»,—ѣхать къ Москвѣ *). Если же не находилось желающихъ, то воевода долженъ

*) *Прыжовъ*, стр. 73.

былъ велѣть земскимъ людямъ выбрать изъ своей среды правдиваго и пожиточнаго человѣка и поставить его къ сборамъ на кружечныхъ дворахъ.

Иногда кабаки сдавались на откупъ цѣлой общинѣ. Такъ въ первой половинѣ XVII столѣтія «староста и посадскіе во всѣхъ посадскихъ людей мѣсто» города Дмитрова бьютъ челомъ царю Михаилу Ѳеодоровичу велѣть отдать имъ, дмитровцамъ, «тотъ дмитровскій кабакъ въ откупъ не для прибыли», а чтобъ отъ грабежей откупщиковъ «въ конецъ не погибнуть». Они предлагали откупную сумму больше той, какую платилъ откупщикъ; когда въ Москвѣ откупщики «наддавать» отказались, царь, по докладу приказнаго дьяка, велѣлъ отдать кабакъ челобитчикамъ.

Есть много указаній на откупы крестьянскіе: кабакъ вмѣстѣ съ мѣстнымъ торгомъ, мельницей и тому под. брала на откупъ крестьянская община: «*кабакъ* и торжокъ (т. е. пошлины съ продаваемаго на торгу) того же села *за крестьяны*», или «кабакъ на откупу тое-жъ *волости* за всѣми крестьяны», т. е. кабакъ откупала цѣлая волость. Вѣроятно, и во всѣхъ этихъ случаяхъ крестьянскія общины откупали кабаки, какъ и дмитровцы, не ради прибыли, а чтобы въ конецъ не погибнуть отъ грабителей-откупщиковъ. Откупщики общины, разумѣется, вѣдали кабакъ черезъ своихъ выборныхъ.

Къ хищничеству откупщиковъ прибавились «недоборы»; корчемство приняло огромные размѣры; откупщики, какъ и вѣрные кабацкіе головы, стали оказываться въ долгахъ и московское правительство ничего не выигрывало. Въ 1681 году по всему государству Московскому откупа кабацкіе были запрещены: кабаки повсюду велѣно отдавать «на вѣру» выборнымъ людямъ *). Но откупъ исчезъ лишь не надолго и какъ будто лишь ради того, чтобы болѣе полнымъ цвѣтомъ распуститься по градамъ и весямъ Россіи XVIII вѣка.

Не мало нарушалъ общій строй кабацкой системы Московскаго государства и еще одинъ видъ кабаковъ, кабаковъ *частныхъ лицъ*, кабаковъ жалованныхъ, какъ мы ихъ назвали. Еще въ XVI вѣкѣ, т. е. вмѣстѣ съ появленіемъ царскаго кабака, въ составъ боярскаго «кормленья» — вознагражденья за царскую службу—сталъ входить и этотъ кабакъ: царь жаловалъ своихъ бояръ, слугъ царскихъ, вмѣстѣ съ доходами съ суда, доходами

*) *Соловьевъ*: „Исторія Россіи", т. XIII, стр. 317.

таможенными и *кабацкими*. Городъ отдавался боярину съ тамгою (таможенныя пошлины) и «кабакомъ». Во второй половинѣ XVII вѣка оказались частные кабаки, принадлежавшіе не только боярамъ, но и дѣтямъ боярскимъ, дворянамъ, вообще лицамъ низшихъ разрядовъ служилыхъ людей.

Но *въ сущности* ни откупные, ни жалованные въ кормленье кабаки отъ *основного начала* кабацкаго дѣла въ Московскомъ государствѣ не представляли ни малѣйшаго уклоненія; ни тѣ, ни другіе ни на іоту не уклонялись отъ начала казенной монополіи: и тѣ и другіе были кабаками *царскими*; измѣнялась лишь нѣсколько система завѣдыванія, управленія ими—вотъ и все.

Исключеніе изъ этого основного начала составляла привилегія извѣстныхъ классовъ населенія курить вино, варить пива и меды «про себя», т. е. на собственную потребу. Этимъ правомъ издавна пользовались монастыри, служилый классъ и высшій слой торгово-промышленнаго населенія. Въ нѣкоторыхъ воеводскихъ наказахъ въ видѣ общаго правила предписывалось «*лутчимъ людемъ* давать пиво варить и медъ ставить» для собственнаго потребленія на большіе церковные праздники и особенно семейные—крестины, свадьбы, именины; при этомъ иногда дозволялось «вино горячее» имъ курить «не отъ велика», т. е. понемногу, также дозволялось, а иногда приказывалось «вина горячаго и лутчимъ людямъ курить не давать» *). О выкуренномъ винѣ, пивѣ и медѣ «лучшіе люди» должны были заявлять воеводѣ и съ явки платить установленную пошлину. «А *серединимъ* и *молодчимъ* людемъ,—говорится въ одномъ наказѣ первой половины XVII вѣка,—пива варить и меду ставить (а тѣмъ болѣе вина курить) *отнюдь никому не давать*» **). Такъ-называемые «гости», этотъ высшій слой московскаго торгово-промышленнаго населенія, всегда, вмѣстѣ съ другими привилегіями своего званія, получали право винокуренія. Въ концѣ XVII столѣтія помѣщикамъ и вотчинникамъ и всякихъ чиновъ людямъ служилымъ дозволялось курить вино у себя въ помѣстьяхъ, вотчинахъ, на своихъ дворахъ. Позволялось съ запасами вина своего куренія пріѣзжать на службу въ Москву,—разумѣется, съ усло-

*) Пиво и медъ курить лучшимъ людямъ по наказу 1646 года воеводѣ мезенскому дозволяется „не повелику, по чети или по двѣ".

**) Въ наказѣ, приблизительно того же времени, *псковскому* воеводѣ позволяется „для ихъ нужи" и *крестьянамъ* пиво варить и медъ ставить; это дозволяютъ имъ и въ другихъ уѣздахъ.

віемъ «явить» его и оплатить небольшимъ сборомъ. Иногда дозволялось какъ служилымъ людямъ, такъ и торговымъ курить вино и держать его «про себя» даже не оплачивая его никакими пошлинами.

Монастырямъ и соборнымъ попамъ и лицамъ духовнаго званія вообще запрещалось только кабаки держать и вообще продавать вино или другія хмѣльныя питья. Можно было бы привести массу указаній на то, какъ широко монастыри пользовались правомъ производства хмѣльнаго питья; но мы ограничимся лишь указаніемъ, что только въ концѣ XVII столѣтія патріаршею грамотой ко всему духовенству издается «крѣпкій заказъ» курить вино протопопамъ, попамъ, дьяконамъ и церковнымъ причетникамъ. Случалось, что монастыри имѣли и собственные кабаки, для продажи питей своего куренья, и не въ видѣ корчемства, о чемъ поведемъ рѣчь дальше, а съ разрѣшенія самого царя, даже того самаго Алексѣя Михайловича, который предписывалъ, напримѣръ, новгородскому воеводѣ «по сыску чинить наказаніе, буде монастыри учнутъ торговать виномъ». Такъ, знаменитый въ то время своею ярмаркой (теперь Нижегородская) Макарьевскій монастырь ставилъ во время этой ярмарки свои кабаки у волжскаго перевоза, которые конкурировали съ кабаками поволжскаго села Лыскова. Монахи жаловались царю на этихъ конкурентовъ, и царь велѣлъ лысковскіе кабаки снести, а монастырскіе оставить *).

Разумѣется, такого рода кабаки и право частнаго куренья вина и пива съ медомъ—уже нарушеніе «казенной питейной монополіи»; но за то развѣ такое право частныхъ лицъ не содѣйствовало, съ точки зрѣнія г. Кокорева, развитію «сельскаго хозяйства», новенькихъ усадебъ, сытости крестьянина и его скота? Вѣдь каждое помѣстье, каждая вотчина, каждый монастырь имѣютъ свою винокурню: отсюда—масса барды, ergo скотъ сытъ, а отсюда—обиліе молока и удобренія, ergo крестьяне (т. е., вѣроятно, *и крестьяне*; г. Кокоревъ въ сущности не объясняетъ, какимъ образомъ *дворянскія* винокурни будутъ утучнять *крестьянскій* скотъ) сыты, и въ концѣ концовъ—всеобщее благоденствіе, какъ и подобаетъ тому быть въ Московскомъ государствѣ, гдѣ, по увѣренію ненавистниковъ нашего злосчастнаго времени, все и вся благоденствовало.

Теперь взглянемъ на это кабацкое благоденствіе.

*) *Прыжовъ*, стр. 59.

II.

„... вамъ бы воеводамъ о томъ порадѣти чтобъ кабацкій сборъ былъ больше прежнихъ годовъ, чтобъ нашей казнѣ была прибыль".
(Изъ наказа воеводѣ начала XVII столѣтія)

„... а пашенные крестьяне отъ того кабака многіе одолжали и обнищали".
(Изъ воеводской челобитной того же времени.)

Еще въ началѣ XV столѣтія святитель православной церкви Кириллъ Бѣлозерскій писалъ можайскому удѣльному князю, умоляя его не заводить въ своей вотчинѣ корчмы, «занеже, господине,—говоритъ святитель,—то велика пагуба душамъ, крестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнутъ». Проходитъ почти полтораста лѣтъ—и другой пастырь церкви, митрополитъ новгородскій Ѳеодосій, по поводу открытыхъ въ Новгородѣ царскихъ кабаковъ вопіетъ къ царю Іоанну Грозному: «Бога ради, государь, потщися и помысли о твоей вотчинѣ, о Великомъ Новгородѣ, что ся нынѣ въ ней чинитъ? Въ корчмахъ безпрестани души погибаютъ..., въ домехъ, и на путехъ, и торжищехъ убійства и грабленія великія..., прохода и проѣзда нѣтъ». Кабацкая казенная монополія вполнѣ развивается съ привлеченіемъ земскихъ силъ къ питейному дѣлу и... жалобы пастырей церкви на пьянство растутъ.

Могутъ возразить, что этимъ жалобамъ не слѣдуетъ особенно довѣрять: быть-можетъ онѣ порой представляли собой простыя риторическія преувеличенія. Не будемъ имъ особенно много вѣрить, хотя, напримѣръ, Грозный, должно-быть, новгородскому митрополиту повѣрилъ,—въ Новгородѣ кабаки царскіе исчезли (на время, разумѣется),—а обратимся къ показаніямъ болѣе достовѣрнымъ, ко всякаго рода царскимъ грамотамъ, достовѣрнымъ актамъ верховной власти Московскаго государства. И мы получимъ то же печальное свидѣтельство, что получили и отъ святителей церкви. Выписанный нами эпиграфъ, взятый именно изъ такого непреложнаго источника, уже заставляетъ предчувствовать характеръ показаній вообще.

Въ 1652 году имѣла мѣсто съ теперешней точки зрѣнія важная реформа кабака. Ознакомьтесь съ ея характеромъ—и вы увидите, что она вызвана тѣми явленіями, на которыя указывали вышеназванные святители и на которыя мы слышимъ всеобщія жалобы въ настоящее время, исходя изъ которыхъ рату-

ютъ наши современные кабацкіе реформаторы,—огромнымп размѣрами народнаго пьянства п обнищаніемъ народа, которое п тогда, какъ теперь, тоже выводили чуть ли не изъ одного кабака. Чѣмъ же, какъ не этими явленіями, вызваны были такія, наприм., мѣры кабацкой реформы 1652 года: въ *кружечныхъ* дворахъ, смѣнившихъ отнынѣ кабаки, *не продавать вина больше чарки одному человѣку*; на самомъ дворѣ (кабакѣ) пить не позволять, т. е. продажа допускалась только *на вынос* (хлопочатъ теперь и объ этомъ); всѣ посты: Петровъ, Успенскій, Рождественскій и Великій—вино запрещается, «для постнаго времени», продавать вовсе, а также «и о Свѣтлой недѣлѣ»; запрещалось продавать его по постнымъ днямъ, средамъ и пятницамъ, и по воскресеньямъ даже; не допускалась продажа вина на кружечныхъ дворахъ лицамъ духовнаго званія; отнынѣ на этихъ дворахъ-кабакахъ предполагалось продавать лишь одно вино *). Всѣ эти мѣры изобрѣтены царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ по совѣту «съ отцомъ своимъ святѣйшимъ патріархомъ Никономъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ окольничи, и со всѣми нашими думными людьми о *кабакахъ*». Такъ важенъ былъ этотъ вопросъ «о кабакахъ» въ глазахъ московскаго правительства.

Въ данномъ случаѣ правительство московское заботится о «кабакахъ», какъ разсадникахъ пьянства, безнравственности и всякихъ золъ въ этомъ родѣ. И оно имѣло повидимому всѣ основанія къ заботамъ,—со всѣхъ сторонъ неслись къ нему вопли о пьянствѣ: пьютъ служилые люди, пьетъ духовенство, пьютъ посадскіе, пьютъ уѣздные, волостные, крестьяне.

Въ 1623 году писали царю верхотурскіе воеводы, что «*служилые люди, стрѣльцы* и козаки на верхотурскомъ кабакѣ *многіе пропились*» и отъ государевой службы «многіе отбыли». Московское войско православное трудно было согнать съ кабака: «солдаты по вся дни собираются,—билъ челомъ въ Москву коломенскій кабацкій голова,—на государевомъ коломенскомъ кружечномъ дворѣ... и играютъ зернью и карты..., и какъ де онъ, голова, учнетъ ихъ съ государева кружечнаго двора разбивать... и они де его съ товарищи бранятъ и хотятъ бить, и съ кружечнаго двора нейдутъ, чинятся сильны». Дошло дѣло до того, что однажды въ Николинъ день, 6-го декабря, когда кружечный дворъ,

*) *Соловьевъ*: „Исторія Россіи“, т. XIII, стр. 106; *Прижовъ*, стр. 130; „Акты Истор.“, т. IV, № 74.

въ силу указаннаго нами закона 1652 года, былъ запертъ, тѣ же «солдаты» той же Коломны до того «чинились сильны», что «собрався на государевъ кружечный дворъ человѣкъ съ двѣстѣ и больши, учали... ломать подставы и питье кабацкое лить и цѣловальниковъ, волоча изъ избы, бить кольемъ и дубинами до смерти». Получилось что-то въ родѣ цѣлаго буита кабацкаго: голова ударилъ въ набатъ; двое были убиты, имъ «пробили головы до мозгу, и руки и ноги переломали». Кабацкіе выборные люди «едва государеву казну отстояли»; кабакомъ въ концѣ концовъ солдаты вовсе завладѣли *). Воинству не уступали въ пьянствѣ и безобразіяхъ и мирные служилые люди, тоже часто чинившіеся сильны. Такъ, наприм., управляющій одного села помѣщика князя Репнина, появившись въ сосѣднемъ городкѣ Лухѣ съ невиннымъ намѣреніемъ поколотить тамошняго воеводу, ради чего его сопровождала толпа вооруженныхъ дубинами и ослопами людей, и исполнивъ это свое благое намѣреніе, направился наградить себя и своихъ помощниковъ во царевъ кабакъ, который и разнесъ немедленно въ дребезги, разогнавъ стойщиковъ и цѣловальниковъ **). Но такимъ путемъ удовлетворять винную жажду могли служилые люди только тогда, когда «чинились сильны», а при обыкновенномъ порядкѣ вещей для этой цѣли приходилось и имъ прибѣгать къ обыкновеннымъ средствамъ—деньгамъ, а нѣтъ ихъ—къ животамъ, сирѣчь движимому имуществу, которое часто и пропивалось, что называется, до послѣдней нитки. Доходило дѣло до того, что въ кабакѣ не только оставляли зипуны, шапки, сапоги, рубахи, но даже *шейные кресты*, разъ они представляли какую-нибудь цѣнность. Такъ, отъ конца XVII столѣтія сохранился любопытный въ данномъ отношеніи актъ. Уфимскій воевода шлетъ къ игумену одного монастыря подъячаго съѣзжей избы и при немъ «память», въ которой предписываетъ этого подъячаго «держать до государева указу въ монастырѣ въ смиреньи на цѣпи и дать ему... епитимью и покамѣстъ онъ правильную заповѣдь не исправитъ, съ цѣпи не освобождать и велѣть повседневно быть у всякой божественной службы... во всякой кротости и цѣломудріи». За что же царскій служилый человѣкъ претерпѣваетъ это суровое «цѣпное» наказаніе?... Объ этомъ сообщаетъ намъ та же воеводская «память», изъ коей вид-

*) „Ак. Истор.“, т. IV, № 74. Указанія на подобнаго рода казусы сплошь и къ ряду встрѣчаются въ памятникахъ.

**) *Прыжовъ*, стр. 135.

но, что подъячій претерпѣваетъ «за его дуровство и *за поруганіе православные христіанскіе вѣры*», а поруганіе это онъ совершилъ «на кружечномъ дворѣ, снялъ съ себя *крестъ да закладывалъ въ пропой, на вино!*» А за такого рода «поруганіе православной вѣры», не покайся подъячій чистосердечно въ своемъ преступленіи, ему предстояла «по указу великаго государя» и по Уложенію,— какъ сообщаетъ тотъ же воевода игумену,— смертная казнь, такъ какъ «таковымъ ругателемъ», именно, «довелось чинить смертную казнь», заключаетъ благочестивый воевода. Увы, оказывается, ни православная христіанская вѣра не могла бороться съ соблазнами «казенной питейной монополіи», ни самая смертная казнь не могла удержать отъ прелестей царскаго кабака.

Не могли отъ нихъ воздержаться и люди, началами православной вѣры, казалось бы, наиболѣе всѣхъ другихъ проникнутые— служители алтаря, проповѣдники началъ этой вѣры. Обратитесь къ постановленіямъ Стоглаваго собора половины XVI столѣтія, загляните въ «поученія», перелистуйте записки иностранныхъ путешественниковъ, ознакомьтесь съ правительственными актами и грамотами—и васъ поразятъ тѣ опустошенія и раны, кои причиняли царскій кабакъ и кружечный дворъ Московскаго государства среди духовнаго воинства. Мы не будемъ здѣсь останавливаться подробно на явленіяхъ этого рода; ограничимся однимъ, двумя. Желающихъ отошлемъ къ книгѣ некоего Борисова: «Описаніе города Шуи»,—въ концѣ коей приложены подлинные акты; среди ихъ не мало свидѣтельствъ о самыхъ возмутительныхъ формахъ господства мѣстнаго кабака среди духовенства посадскаго. Въ 1666 году царь запрещаетъ являться кабацкимъ головамъ и цѣловальникамъ съ продажнымъ кабацкимъ питьемъ во время сборища богомольцевъ, въ дни большихъ праздниковъ, подъ стѣны знаменитаго хранителя древляго благочестія—Бѣлозерскаго монастыря, ибо соблазны кабака губятъ не только стекающихся на поклоненіе святынямъ богомольцевъ, но и самихъ обитателей монастыря: «и отъ того кабака бываетъ братьѣ безчинье и смута великая»,—говоритъ царская грамота. Нѣсколько позже новгородскій «преосвященный Корнилій», смущенный пьяною слабостью подчиненнаго ему низшаго духовенства, рѣшается принять такія мѣры противъ соблазновъ кабака: онъ приказываетъ своимъ «подъячимъ» ловить «въ Великомъ Новгородѣ *на кружечныхъ дворахъ* священниковъ и дьяконовъ и іеромонаховъ,

и монаховъ и старицъ» и приводить ихъ «въ митрополичъ розрядъ»; туда же рекомендуется приводить и тѣхъ, «которые изъ тѣхъ чиновъ (только-что перечисленныхъ) явятся въ рядѣхъ и по улицамъ пьяни». При этомъ преосвященный считаетъ нужнымъ угрожать исполнителямъ этого указа пеней въ случаѣ оплошнаго исполненія его, чтобы «на то смотря инымъ неповадно было отпущать и потакать» пьяницамъ «тѣхъ чиновъ» *). Вспомнимъ, наконецъ, и общее постановленіе собора о кабакахъ, запрещающее лицамъ духовнаго званія ходить въ кабаки и кружечные дворы **).

Если такъ бушевалъ кабакъ среди охранителей и пастырей, каковы же должны были быть результаты его дѣятельности среди охраняемыхъ и пасомыхъ.

Въ тѣхъ же, упомянутыхъ нами, актахъ «Описанія г. Шуи» не мало указаній, даже прямо жалобъ, челобитій на то, какъ тотъ или другой посадскій человѣкъ «пьетъ на кабакѣ безобразно... и зернью и карты играетъ *и жену и дѣтей своихъ бьетъ и мучитъ не по закону*». Поборола, стало-быть, питейное начало «казенная питейная монополія». И это имѣетъ мѣсто, разумѣется, не въ одной Шуѣ, отъ которой случайно сохранились памятники. Со всѣхъ градовъ Руси несутся жалобы этого рода. Со всѣхъ же весей ея стономъ идутъ жалобы и заявленія, что «крестьяне многіе пашенные отъ того кабака пропилися, одолжали и обнищали», «въ конецъ погибли», «въ рознь разбрелися».

Массы пьютъ въ Московскомъ государствѣ много и неправильно, пьютъ именно такъ, какъ теперь они пьютъ: набѣгомъ, рѣдко, но мѣтко; пьютъ по большимъ праздникамъ, пьютъ на ярмаркахъ, богомольяхъ, престольныхъ праздникахъ.

Мы уже видѣли, правительство запрещаетъ кабацкіе наѣзды подъ Бѣлозерскій монастырь: тамъ за смутой великой среди братіи монастыря «у *питуховъ* (изъ богомольцевъ) *брани и бои* многіе отъ того кабака». Изъ-подъ Макарья съ ярмарки одна другую погоняютъ жалобы, что «отъ того кабацкаго питья, отъ пьяныхъ людей... большая обида», что «у кабака», подъ самымъ монастыремъ, «скоморохи съ медвѣди, пляски и всякіе бѣсовскіе игры чинятца». По свидѣтельству царской грамоты на имя владимірскаго воеводы, въ воеводство послѣдняго «въ Боголюбовѣ монастырѣ... въ день празднества Пресвятой Богородицы Боголюби-

*) „Акты историч.“, т. V, № 203.

**) Всѣ приведенные казусы—послѣ этого постановленія собора.

вой... съѣзжаютца *всякихъ чиновъ* многіе люди по обѣщанію своему молиться, и изъ Володимера пріѣзжаютъ же къ тому монастырю кабацкіе головы и цѣловальники съ виномъ и со всякою питейною продажей, и *многіе отъ того пьяные* люди... во время святаго пѣнія чинятъ драки и бои великіе... и смертные убивства чинятъ и *тою питейною продажей* кабацкіе *головы многихъ богомольцевъ* приводятъ въ безчинство *и отъ Божія церкви и отъ святаго пѣнія отлучаютъ*». На то же самое указываетъ въ своей грамотѣ на имя настоятеля Боголюбскаго монастыря и святѣйшій московскій и вся Руси патріархъ.

Кабакъ «отлучаетъ отъ Божія церкви»! Онъ запустошаетъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, святыя «чудотворныя мѣста». Земскіе старосты и крестьяне Устюжскаго уѣзда бьютъ челомъ царю Михаилу Ѳеодоровичу о такой великой напасти, причиненной имъ «его великаго государя» кабакомъ: есть у нихъ, на селѣ Приводинѣ, церковь «во имя Николы Угодника», а въ церкви этой стоитъ чудотворная икона того же Угодника. «На два Николина дня»—9 мая и 6 декабря—и «на Благовѣщеньевъ день» издавна въ сельскій храмъ этотъ, къ чудотворной иконѣ пріѣзжаютъ «помолитися многіе молебщики и тѣмъ молебщикамъ отъ чудотворнаго Николина образа милость и прощенье живетъ великое», что, понятно, привлекаетъ все больше и больше «молебщиковъ» благочестивыхъ. Но должно-быть врагъ рода человѣческаго не могъ примириться съ такимъ проявленіемъ московскаго благочестія и вздумалъ одолѣть его, избравъ для этого такое вѣрное средство, какъ все тотъ же «царевъ кабакъ». «Многіе молебщики» видимо собирались въ такомъ великомъ количествѣ, что радѣтели царскихъ кабацкихъ доходовъ, зная слабости къ прелестямъ питій даже и «молебщиковъ», не упускали случая появляться съ этими питьями на «чудотворное мѣсто», какъ выражаются челобитчики; въ результатѣ получилось слишкомъ знакомое явленіе: кабакъ, къ великой радости исконнаго врага человѣчества вообще, московскаго православнаго христіанства въ частности, побѣдилъ. Цѣловальники «ставились съ тѣмъ питьемъ *близко церкви*» и притомъ со всѣми спутниками кабака, со всей его *казенной* обстановкой—съ зернью, картами, скоморохами и всяческими сатанинскими играми», съ стрѣльцами, приставами, ярыгами. И пошелъ, на соблазнъ благочестивыхъ христіанъ, дымъ коромысломъ: «многіе пьяные люди приходятъ въ церковь съ шумомъ и крикомъ, и въ томъ ихъ крику пѣнья Бо-

жія не слышать. Царь государь,—вопіютъ православные челобитчики,—смилуйся, пожалуй, не вели цѣловальникамъ съ продажнымъ питьемъ пріѣзжать... *Чудотворное мѣсто пустѣетъ*!»*)

Царь смиловался, запретилъ пріѣзжать на чудотворное мѣсто съ кабакомъ. Другого отвѣта отъ царя въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ подобныхъ, ждать было нельзя: могъ ли иначе поступить благочестивый царь московскій? Съ этой точки зрѣнія онъ не могъ, охраняя православіе земли Московской отъ всяческой порухи, не предпринимать и общихъ мѣръ. Онѣ, мы видѣли, и предпринимались, вродѣ, напримѣръ, мѣръ 1652 года. Принимала съ своей стороны мѣры и сама церковь въ лицѣ ея патріарховъ, митрополитовъ, епископовъ, обращавшихся къ народу съ увѣщаніями и поученіями о грѣховности пьянственнаго житія.

Но царскій кабакъ былъ силенъ не однѣми прелестями «питія», а и тѣмъ своимъ качествомъ, благодаря коему изъ него въ настоящее время стремятся сдѣлать «казенную монополію», а въ періодъ Московскаго государства онъ былъ царскимъ: онъ силенъ былъ тѣмъ, что былъ, какъ мы уже видѣли, главнѣйшимъ источникомъ доходовъ «его великаго государя». А какъ таковой, его немыслимо было повсюду преслѣдовать, закрывать; приходилось, какъ разъ наоборотъ, всюду поощрять его, развивать и тѣмъ «чинить прибыль государевой казнѣ». Вотъ почему и тогда, какъ теперь, Москва, преслѣдуя одною рукой кабаки, реформируя ихъ съ цѣлью сокращенія пьянства и разоренія народа, другою всячески, въ сущности, охраняла и лелѣяла ихъ. И реформировали-то ихъ въ то время ради одной только цѣли, чтобъ «чудотворныя мѣста не пустѣли», да «поругательные дѣла» не очень бы ужь плодились по лицу земли Московскаго государства. Разореніе народа не особенно смущало и безпокоило православную Москву.

Докладываютъ въ Москву воеводы, видимо въ отвѣтъ на требованіе, откуда «чинить прибыль государевымъ кабацкимъ доходамъ», что на ихъ кабакѣ всѣ пропились, одолжали, обнищали; доходамъ кабацкимъ грозитъ огромный «недоборъ»; что, по ихъ мнѣнію, кабакъ нужно бы закрыть, чтобы вдосталь все не разорить; по крайней мѣрѣ, нужно бы «отъ кабацкаго питья унимать», но что безъ царскаго указу они «унимать не смѣютъ».

*) Изъ „Приказныхъ дѣлъ старыхъ лѣтъ“ архива мин. иностр. дѣлъ.

Ждутъ этого указа. Онъ не замедлилъ получиться, но съ отвѣтомъ для челобитчиковъ совсѣмъ неожиданнымъ: «и вы пишите къ намъ,—говорится отъ имени царя,—*не радѣя о нашемъ дѣлѣ*, что кабакъ хотите отставить... Прежъ васъ многіе на Верхотурьѣ воеводы бывали, а о тонъ кабакѣ къ намъ не писывали..., и вы, дѣлая лѣностію своею и не хотя намъ служити, пишите къ намъ не дѣломъ». За этимъ выговоромъ слѣдуетъ такое предписаніе: «и вы-бъ велѣли учинить заказъ крѣпкій, *чтобъ на кабакѣ... не пропивалися...* и сами бы есте къ тому призирали почасту, *чтобъ... кабацкихъ денежныхъ доходовъ передъ прежними годы собрати съ прибылью...*, чтобъ кабацкій сборъ былъ больше прежнихъ годовъ, *чтобъ нашей казнѣ была прибыль*». Разрѣшить трудную дилемму, чтобъ въ одно и то же время на кабакѣ не пропивались и его доходы увеличивались, предоставлено было воеводамъ привлеченіемъ къ кабаку какихъ-то людей; кромѣ мѣстныхъ: «а *опричь тутошнихъ* служилыхъ людей и пашенныхъ крестьянъ *пить на кабакѣ будетъ кому*» *). Другого отношенія къ дѣлу Москва знать не хотѣла. Она всегда нуждалась въ деньгахъ, кабакъ—одинъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ ихъ, значитъ—изъ него и приходилось черпать, и черпать возможно обильнѣе и энергичнѣе. Въ виду этого она иначе къ кабаку и не могла относиться, какъ съ постояннымъ требованіемъ присылать на Москву кабацкіе сборы безъ всякаго недобора, собирать ихъ *съ большимъ радѣніемъ*, собирать ихъ каждый годъ не только безъ недобора, но и по возможности *съ прибылью*. Объ этомъ, мы уже видѣли, должны были заботиться воеводы; въ этомъ, и только въ этомъ, должны были состоять всѣ заботы радѣтелей доходовъ царскаго кабака—кабацкихъ головъ и цѣловальниковъ, которымъ за нерадѣніе и недоборы кромѣ очень рѣдкихъ и очень уважительныхъ причинъ грозило лишеніе животовъ и наказаніе нещадное.

Съ Устюга Великаго пишетъ въ Москву кабацкій голова, что «его государевѣ казнѣ чинится недоборъ великій», потому что въ кабакѣ городскомъ и кабакахъ волостныхъ «передъ прошлымъ годомъ не изошло твоего государева вина въ полы (т. е. половины); *питуховъ не стало:* многіе люди оскудѣли и въ напойныхъ деньгахъ отъ прошлаго головы стоятъ на правежѣ». Этому челобитчику отвѣчали еще проще и въ извѣстной степени ко-

*) „Акты историч.“, т. III, № 122.

роче, безъ поученій: «пишешь воровски, хочешь воровать: велимъ доправить вдвое», т. е. взыскать изъ личнаго имущества сумму вдвое больше недобранной *). И обыкновенно угроза не оставалась пустою фразой,—доправляли. Если нельзя было взыскать недостающее изъ личнаго имущества головъ и цѣловальниковъ, обращались къ *общественному*, доправляли изъ собственности «міра» посадскаго или крестьянскаго: «и тѣ недоборы доправить *на мірскихъ людехъ*». А чтобъ, какъ говорится въ одномъ изъ царскихъ указовъ, «на то смотря инымъ неповадно было такихъ воровъ къ такимъ государевымъ дѣламъ выбирать», то, «порастрясши мірскіе животишки», Москва тѣмъ же мірскимъ людямъ грозила еще «учинить наказаніе безо всякой пощады» **).

Московское правительство, однако, не требовало отъ кабацкихъ головъ, обращаясь къ нимъ съ такими предписаніями, невозможнаго, оно не ставило ихъ въ совсѣмъ безвыходное положеніе; оно давало имъ всѣ *средства* къ исполненію своихъ требованій: разрѣшало дѣйствовать въ своей сферѣ «*безстрашно*», по выраженію одной грамоты, и совѣтовало «никакого себѣ *опасенія не держать*», собирая кабацкія государевы деньги: оно разрѣшало имъ отпускать въ долгъ вино «питухамъ» ***): оно, мы уже видѣли, предписывало своимъ воеводамъ всячески содѣйствовать кабацкимъ головамъ во всемъ и главнымъ образомъ въ сборѣ долговъ «напойныхъ денегъ».

Наконецъ московское правительство, въ видѣ особаго царскаго пожалованія, поощряло къ неупустительной кабацкой дѣятельности воеводъ и головъ похвалою въ примѣръ прочимъ и наградами: головамъ и цѣловальникамъ, въ случаѣ учиненія ими прибыли противъ прошлыхъ лѣтъ, «дарили какую-нибудь вещь,

*) „Приказныя дѣла стар. лѣтъ“ въ арх. мин. иностр. дѣлъ.

**) Если голова съ цѣловальниками или мірскіе люди оказывались несостоятельными или не хотѣли добровольно платиться своими „животами“, правительство пускало въ ходъ *правежъ*, средство тогда въ Московскомъ государствѣ примѣнявшееся къ дѣлу при взысканіяхъ. Правежъ состоялъ въ слѣдующемъ: должника ставили у Приказа (въ Москвѣ) или у Съѣзжей избы въ городахъ и били батогами по голымъ ногамъ по часу въ день; правежъ производился, пока продолжалось засѣданіе, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, а по другимъ—отъ восхода солнца до 10 или 11 час. утра. Такимъ образомъ „правили“, пока деньги не уплачивались самими должниками или кѣмъ-либо за нихъ. Предполагаютъ, что сначала несостоятельныхъ должниковъ „заправляли“ до смерти. Позже правежъ продолжался, кажется, не дольше мѣсяца. За помѣщиковъ стояли на правежѣ крестьяне (сначала холопи).

***) Изъ одной грамоты, встрѣченной нами въ архивѣ мин. иностр. дѣлъ, видно, что „на кабакахъ въ долги давать больше гривны не велѣно“.

сукно и т. п., смотря по человѣку» и, разумѣется, по прибыли, имъ учененной *).

Съ одной стороны угрожаемые, а съ другой поощряемые, служилые выборные люди по «казенной питейной монополіи» Московскаго государства и пускали въ ходъ, ради «государевой» и, разумѣется, своей прибыли, всяческія средства. Усердію ихъ не было предѣловъ. «Я, государь,—доносилъ царю Михаилу Ѳеодоровичу одинъ изъ радѣтелей,—правилъ твои государевы доходы нещадно, *побивалъ на смерть*» (на правежѣ). Средство энергическое, но не всегда, разумѣется, вѣрное: вѣдь можно побить людей на смерть много, а получить мало,—все зависитъ отъ состоятельности побитыхъ.

Головы и цѣловальники обращались къ другимъ, менѣе трагическимъ, но болѣе вѣрнымъ средствамъ не только добрать, но и перебрать. Они старались обставить царскій кабакъ, во-первыхъ, по возможности соблазнительнѣе, увеличивая его, и такъ довольно могучую для московскаго человѣка, притягательную силу всяческими прелестями въ глазахъ питуховъ, начиная съ различныхъ невинныхъ забавъ, вродѣ гуслей, скомороховъ и т. п. игръ сатанинскихъ, переходя къ картамъ, зерни и заканчивая «непотребными жёнками»; во-вторыхъ, наровили кабацкими сѣтями опутать возможно большій районъ. Число кабаковъ на каждый городъ и уѣздъ опредѣлялось въ Москвѣ, и головы кабацкіе по своему усмотрѣнію открывать новыхъ, понятно, не могли; но такъ было по опредѣленію правительства и совсѣмъ иначе—въ дѣйствительности. Мы уже видѣли, какъ головы и цѣловальники старались не пропустить ни одного людnаго мѣста, ни одного сборища: они, памятуя вѣроятно совѣтъ царскихъ грамотъ—«*питуховъ отъ кабаковъ не отгонять*» **), усердно уловляли ихъ, привлекали, поспѣвая за ними съ своими «продажными питьями» на ярмаркахъ, богомольяхъ, чудотворныхъ мѣстахъ; мало того, по свидѣтельству одной челобитной посадскихъ лю-

*) У Прыжова (стр. 82 и 83) приведены интересные случаи такихъ наградъ. Такъ, наприм., ярославскій кабацкій голова Кучумовъ за прибыль въ 1.500 р., доставленную имъ въ теченіе года, получилъ серебряный вызолоченный ковшъ, украшенный орломъ и фигурами, изъ коихъ одна держитъ въ рукѣ книгу (кабацкихъ доходовъ?) съ надписью: „*тако вѣрую*“. Почти въ то же время получилъ чайный ковшъ и другой посадскій человѣкъ съ надписью: „за приборъ кружечнаго двора“ и съ изображеніемъ *пеликана, терзающаго грудь и кормящаго дѣтей своихъ*.

**) „Акты историч.“, т. IV, № 12.

дей и крестьянъ, головы раздавали вино и пиво на руки сторожамъ и рабочимъ, служащимъ при кабакахъ, а тѣ «то вино и пиво съ кабака по домамъ. которые коло кабака живутъ, разносятъ» *). Но и этихъ средствъ было мало,—пускались въ ходъ иныя, совсѣмъ уже другого порядка. Позволялось имъ въ кредитъ отпускать на гривну,—они отпускали на рубли, разсчитывая потомъ получить ихъ съ питуховъ «правежемъ великимъ» съ помощью воеводскихъ стрѣльцовъ и приставовъ; недовольствуясь такъ или иначе разрѣшеннымъ кредитомъ, они пускали въ ходъ и *закладъ:* «и въ долгъ *и подъ закладъ* въ тотъ году *питье давали*», пишетъ одинъ кружечный голова, объясняя, почему тогда сборъ былъ больше **). Въ одной челобитной посадскихъ и уѣздныхъ людей Усольскаго уѣзда разсказываются такія вещи о дѣятельности кабацкихъ головъ, присланныхъ съ Москвы: «на должниковъ приклепываетъ на многихъ многіе деньги и кабацкимъ цѣловальникамъ на питуховъ многіе деньги приписывать велитъ»; мало того, изощрялся получать «по застойнымъ записямъ» съ должниковъ два раза одинѣ и тѣ же деньги, а замѣтивъ деньги у пришедшаго въ кабакъ, какъ наивно разсказываютъ челобитчики, «*для прокладу не пить*, велитъ тѣхъ питуховъ ковать въ желѣзо..., въ тюрьму сажать..., на правежѣ бить на смерть», чтобъ вынудить ихъ оставить эти деньги въ кабакѣ. Такъ дѣйствовалъ «прошлый» голова, а «нынѣшній» перещеголялъ и прошлаго: этотъ уже прямо деретъ деньги «*великимъ правежемъ* въ полтора и больше раза»; «онъ написываетъ многіе лишные деньги» даже на тѣхъ, которые «въ кабакахъ мало и бывали»; а кто туда заглядываетъ, по слабости своей, почаще, выходитъ оттуда, что называется, голъ какъ соколъ: кто придетъ,—повѣствуютъ челобитчики,—«грошовую чарку выпить и того съ кабака не спущаютъ, а смѣчаютъ сколько его животовъ есть» и уже «спущаютъ» тогда, когда всѣ эти «животы» заберутъ. Вся эта дѣятельность царскаго кабака привела челобитчиковъ, по ихъ заявленію, въ

*) Изъ дѣлъ архива мин. иностр. дѣлъ. Въ одной челобитной головъ, объясняющей недоборъ сравнительно съ прошлогоднимъ головами, прямо говорится, что тѣ „питье продавали и въ уѣздахъ: на праздники и на ярмарки съ питьемъ ѣздили". *Прыжовъ*, стр. 81.

**) Намъ часто въ „Приказныхъ дѣлахъ" архива мин. иностр. дѣлъ попадались такъ-называемыя судныя дѣла, возникавшія по поводу этихъ кабацкихъ закладовъ, и замѣчательно, что приказы разбирали ихъ, нисколько не смущаясь тѣмъ, что заклады никогда не разрѣшались.

такое положеніе: «отъ кабацкихъ великихъ наклеповъ одолжали и осиротали» они «и головы своя въ кабалишка поработили и женишна и дѣтишка скитаютца промежъ дворы..., а промыслишка у насъ, сиротъ твоихъ, не стало: день стоишъ на правежѣ, а къ ночи въ тюрьму сажаютъ, а искупитися намъ, сиротамъ твоимъ, нечѣмъ» [1]).

Мы видѣли, что воеводамъ порученъ былъ надзоръ за дѣятельностью кабацкихъ головъ, между прочимъ и за тѣмъ, чтобъ тѣ «на питуховъ напойныхъ денегъ не приписывали». Но эти слуги его великаго государя, пріѣзжавшіе въ города покормиться за свои «службишки», надзирали больше въ интересахъ этого кормленья. Покойный Соловьевъ приводитъ по этому поводу слѣдующее показаніе одного цѣловальника, заимствуя его изъ архивныхъ дѣлъ: «будучи у сбору на кружечномъ дворѣ воеводамъ въ почесть для *царскаго величества* и для высылки съ казною къ Москвѣ и для долговой выборки... харчемъ и деньгами носили не по одно время»; и носили, разсказываетъ добродушно цѣловальникъ, «по волѣ, а не отъ какакихъ нападковъ» [2]). Ради полученія харчей пожирнѣе да пообильнѣе и денегъ побольше, воевода готовъ былъ смотрѣть сквозь пальцы на всякія продѣлки головъ и цѣловальниковъ, съ которыхъ, порой, не прочь былъ содрать лишнее и всяческими «нападками», какъ свидѣтельствуютъ и тѣ царскія грамоты, кои, выражаясь мягко, рекомендуютъ «великаго государя казною (кабацкою) не корыстоваться», и тѣ челобитныя головъ и цѣловальниковъ, въ коихъ доказывается, что «учинились у нихъ тѣ недоборы отъ воеводскихъ налогъ и приметовъ» [3]), и, наконецъ, тѣ указы, коими «воеводамъ и приказнымъ людямъ кружечныхъ дворовъ головъ и цѣловальниковъ» повелѣвалось «въ сборахъ ни въ чемъ не вѣдать» [4]).

Въ виду всего этого можно повѣрить свидѣтельству терпѣвшихъ и вообще современниковъ, что кабакъ царскій дѣйствительно былъ бичомъ Московскаго государства, но онъ былъ и источникомъ доходовъ для него.

Что жалобы челобитчиковъ посадскихъ и крестьянъ и заявленія воеводъ, кабацкихъ головъ и цѣловальниковъ о разоренiяхъ, если не производимыхъ, то развиваемыхъ кабакомъ, не были иллюзіей, изо-

---

[1]) Изъ „Приказныхъ дѣлъ стар. лѣтъ“ архива мин. иностр. дѣлъ.
[2]) „Исторія Россіи“, т. XIII, стр. 110.
[3]) „Акты историч.“, т. V, № 10.
[4]) Тамъ же.

браженіемъ преувеличивающей фантазіи первыхъ и изобрѣтательной хитрости вторыхъ, лучшимъ доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что московское правительство иногда должно было сдаваться передъ обстоятельствами и отступаться отъ своего руководящаго принципа кабацкой финансовой пошлины—«а недоборъ доправить вдвое». Доводы челобитчиковъ въ доказательство невозможности не только перебрать, но даже и добрать порой, были такъ вопіюще убѣдительны, что Москва сдавалась на эту убѣдительность и издавала рѣшеніе — съ такихъ головъ и цѣловальниковъ «недоборовъ не править». Но что же это были за случаи?

Всѣ, какіе намъ попадались въ архивныхъ дѣлахъ и печатныхъ памятникахъ, почти исключительно сводятся къ одному—«мірской скудости», которая происходила «отъ хлѣбныя дороговли» или «хлѣбнаго недороду», съ чѣмъ въ связи часто указывается и на «торжишка малые» у населенія, которое поставляло питуховъ царскому кабаку. Московское правительство и въ этихъ случаяхъ туго сдавалось, неохотно отказывалось отъ своихъ доходовъ, не скоро рѣшалось ихъ «изъ докладу выложить»; оно обыкновенно на особенно убѣдительныя и настойчивыя челобитныя головъ отвѣчало постановленіемъ произвести о челобитчикахъ «сыскъ», да и этимъ постановленіемъ не всегда отвѣчало на первую челобитную, на каковую обыкновенно отвѣчало, какъ мы видѣли, рѣшеніемъ: «недоборъ править на немъ головѣ» или на выборныхъ людяхъ—вдвое. Исчерпавъ только всѣ средства *), оно обращалось, какъ бы для очищенія совѣсти, къ сыску «про кабацкій недоборъ», не совершился ли онъ нерадѣньемъ головы съ цѣловальниками: «Не пили-ль они и не бражничали-ль..., кабацкими деньгами не корыстовались ли?» Поставивъ рядъ такихъ и подобныхъ вопросовъ, правительство приглашало отвѣтить на нихъ «весь посадъ и уѣздъ, архимандритовъ и игуменовъ, и протопоповъ и дьяконовъ по священству, а посадскихъ и уѣздныхъ всякихъ людей по государеву крестному цѣлованью»; и въ томъ случаѣ, когда такой повальный обыскъ давалъ въ

*) Мы наткнулись въ архивныхъ дѣлахъ на такой казусъ: Двинскій воевода доноситъ, что цѣловальникъ съ одного кабака сбѣжалъ, не внесши 40 слишкомъ рублей кабацкихъ денегъ, а получить ихъ съ крестьянъ, его выбравшихъ, нельзя, ибо „розбрелися въ рознь“. Изъ Москвы велятъ доправить деньги—„на женѣ и на дѣтяхъ“ цѣловальника, „а будетъ не можно—*на выборныхъ*“, которые „розбрелися“ уже!

результатѣ одинъ общій отвѣтъ, что за головой и цѣловальниками духовенство, посадскіе и крестьяне не знаютъ «никакого дурна», слѣдовалъ, но докладѣ всего дѣла царю, уже указанный нами отвѣтъ: недоборъ не доправлять *).

Головы иногда добивались отпущенія имъ недобора въ посадскихъ (городскихъ) кабакахъ, ссылаясь на общее «оскуданіе» населенія указаніемъ на очень любопытное обстоятельство: главными «питухами» въ посадскихъ кабакахъ были служилые люди, числомъ которыхъ обусловливались и кабацкіе государевы доходы. Намъ встрѣтилось нѣсколько кабацкихъ дѣлъ, въ коихъ недоборы объясняются, въ связи съ оскуданіемъ всего населенія, именно этимъ обстоятельствомъ. Такъ, вяземскій кабацкій голова доноситъ въ 1637 году, что у него въ этомъ году оказался, сравнительно съ прошлымъ, недоборъ по городскому кабаку потому, что въ прошломъ году «было въ Вязьмѣ многимъ всякимъ людямъ *осадное сидѣнье* и *потеря у нихъ въ тѣ поры была великая*; а въ нынѣшнемъ году изъ Вязьмы многіе люди посланы на государеву службу въ Одоевъ и *тѣ люди въ Вязьмѣ на кабаки и питухи были*». Въ томъ же году и въ Можайскѣ былъ недоборъ — потому, что никакихъ «прибылыхъ» людей въ городѣ не было, а «*служилыхъ* людей убыло»: посланы на государеву службу въ другіе города; «а которые въ Можайску люди небольшіе и тѣ отъ хлѣбные дорожали оскудали, и на кабакѣ было пить некому» **).

Чѣмъ ближе къ концу семнадцатаго столѣтія, тѣмъ случаи, такъ сказать, *прощаемаго* недобора кабацкаго чаще и чаще, хотя всякій разъ сопровождались длинною процедурой сыска, и кончилось тѣмъ, что издано было, какъ общее правило, постановленіе, что если «за вѣрными» кабацкими людьми «никакого дурна» не окажется, — недоборовъ съ нихъ не править уже въ силу того обстоятельства, что они стоятъ у дѣла *на вѣрѣ*, за крестнымъ цѣло-

*) Все дѣлопроизводство по такимъ сыскамъ достигало обыкновенно очень почтенныхъ размѣровъ еще прежде, чѣмъ попадало въ Москву; здѣсь, для доклада царю, въ приказахъ подбиралась къ каждому дѣлу куча дѣлъ *примѣрныхъ*, въ коихъ при таковыхъ же условіяхъ послѣдовало въ свое время отпущеніе недоборовъ цѣловальникамъ. Вотъ въ этихъ-то *примѣрныхъ* дѣлахъ и фигурируетъ вездѣ „хлѣбная дороговля“ и разоренье.

**) Изъ „Приказныхъ дѣлъ“ архива мин. иностр. дѣлъ. Въ 1639 году кабацкій голова г. Устюга билъ челомъ, что у него недоборъ учинился потому, что „стрѣльцы и всякіе люди... держатъ у себя табакъ продажной безпрестани и *многіе люди кабацкаго питья не купятъ, а покупаютъ табакъ и напиваются имъ*“.

ваніемъ. Несомнѣнно, другого исхода и быть не могло: всѣ сыски вели къ одному концу—«дурна» никакого никогда за кабацкими дѣятелями не оказывалось; взыскивать недоборы на «выборныхъ», т. е. избирателяхъ, очевидно, стало рѣдко возможнымъ за ихъ оскуданіемъ. Приходилось *вѣрить* этимъ дѣятелямъ, которые чинили недоборъ дѣйствительно лишь въ томъ случаѣ, когда никакія уже средства ни къ чему не вели: взять было или не съ кого, или нечего. Мы видѣли, къ какимъ средствамъ прибѣгали головы и цѣловальники. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ эти выборныя *земскія* должности избирались люди съ самой беззастѣнчивою совѣстью, способные на все. Не даромъ же «цѣловальникъ» до нашего времени — времени уничтоженія откуповъ—былъ синонимомъ продувной шельмы. Это значеніе цѣловальникъ получилъ чуть не съ момента возникновенія царскаго кабака. Въ послѣдней четверти XVII вѣка въ средѣ московскихъ властей явилась даже мысль не приводить выборныхъ кабацкихъ дѣятелей къ крестному цѣлованью—въ видахъ охраненія святости этого послѣдняго: до того «изворовались» цѣловавшіе крестъ въ *вѣрной* службѣ. На соборѣ 1679 года московскій патріархъ предлагалъ съ выборныхъ головъ и цѣловальниковъ на кабакахъ и кружечныхъ дворахъ не брать крестнаго цѣлованья, «къ зѣрѣ не приводить»; патріархъ всероссійской православной церкви, блюститель религіи и нравовъ Московскаго государства, до того извѣрился въ доброкачественность послѣднихъ, что въ этомъ частомъ цѣлованіи креста видѣлъ однѣ ложныя клятвы и великое «душевредство». Онъ предлагалъ ограничиться одной денежною пеней и угрозой добирать все недобранное ворами—головами и цѣловальниками—съ избирателей. На два года крестное цѣлованіе и было отмѣнено, но «воровство многое» ни на волосъ не уменьшилось, и присяга снова была возстановлена *): бояре не убѣдились доводами патріарха и думали, что «*безъ подкрѣпленія вѣры опасно*»; въ этомъ подкрѣпленіи они все-таки видѣли нѣкую узду на православныхъ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ Московскаго государства.

Къ такому положенію вещей привела «казенная питейная монополія» Московскаго государства съ ея земскими представителями. Иначе и быть не могло: ея исключительною цѣлью была государственная «прибыль», ради обезпеченія коей только и

*) *Прыжовъ*, стр. 74.

привлекались земскіе органы. Что оставалось дѣлать этимъ послѣднимъ при всеобщемъ оскуданіи? — Или разоряться самимъ, или разорять другихъ. Люди съ совѣстью, знавшіе цѣну клятвамъ передъ крестомъ, всячески старались избѣжать лестнаго довѣрія «міра» и Московскаго государства; его съ легкимъ сердцемъ принимали на себя люди, не обремененные тяжкимъ грузомъ совѣсти. Результатъ—какой-то бѣшеный кабацкій грабежъ.

Въ заключеніе укажемъ еще на одну сторону кабацкаго строя Московскаго государства—развитіе *корчемства*.

Прожектеры современной «казеиной питейной монополіи», какъ одинъ изъ солидныхъ доводовъ въ пользу своего «прожекта», выдвигаютъ положеніе, что «казенная монополія устраняетъ корчемство». Можетъ-быть это и такъ; можетъ-быть *они* и изобрѣли какія-либо усовершенствованія и махинаціи въ своей системѣ, имѣющія повести къ такому благому результату; но *Московское государство*, потратившее на изобрѣтеніе средствъ къ достиженію таковой цѣли не мало изобрѣтательности, силъ, денегъ и батоговъ, потратило все это напрасно: корчемство царило обокъ съ кабакомъ, нанося огромный ущербъ «прибылямъ» Московскаго государства, развращая и разоряя народъ. Другого результата и получиться не могло: ради «прибылей» въ царскомъ кабакѣ вино продавалось по такимъ высокимъ цѣнамъ, сравнительно съ его стоимостью, что соблазнъ корчемства былъ болѣе чѣмъ великъ *).

Москва выбивалась изъ силъ въ борьбѣ съ корчемствомъ. Прежде всего при организаціи самого кабака были приняты мѣры противъ корчемства: во-первыхъ, на кабакахъ должны были вестись «книги», въ которыхъ точно записывалось, кому и для чего продано вино въ количествѣ ведра и больше, причемъ покупщику выдавалось удостовѣреніе («память») «на то вино... къ которому дни или на свадьбу или на крестины и на сколько дней... *для того, чтобы сверхъ того не купилъ кто корчемнаго питья*»; во-вторыхъ, головы и цѣловальники сами должны были слѣдить за корчемствомъ, для «выимки» котораго (захвата съ поличнымъ), мы видѣли, они имѣли право требовать отъ воеводъ вооруженную силу. Дальше, правительство изобрѣтало

*) „Какую выгоду получала казна отъ вина,—говоритъ покойный Соловьевъ,—видно изъ того, что ведро вина въ 1674 году стоило 20 алтынъ, а продавалось по рублю", въ раздробь же доходило *до двухъ* рублей. „Исторія Россіи", т. XIII, стр. 109.

всевозможныя наказанія для корчемниковъ, начиная съ пени и кончая смертною казнью; притомъ наказаніямъ этимъ иногда подвергались какъ производители и продавцы корчемнаго вина, такъ и его потребители—«питухи». И тѣхъ и другихъ били рублемъ, били и дубьемъ. Кромѣ пени, «торговой казни» или ссылкѣ въ Сибирь предшествовало отобраніе имущества у корчемниковъ. У тайныхъ винокуровъ вино, запасы и вся посуда отбирались на государя; у служилыхъ людей, привозившихъ изъ уѣздовъ (изъ своихъ имѣній) вино въ Москву тайно, для продажи, отбирались «за ту вину» вотчины и помѣстья, которыя приказано было «роздавать въ роздачу челобитчикамъ», т. е. доносчикамъ. Если въ корчемствѣ попадались крестьяне, имъ предписывалось «сѣчь руки», а потомъ «ссылать въ Сибирь»; если корчемниками оказывались дворцовые крестьяне, торговые люди, у нихъ «дворы и животы» отбирались «на государя», а ихъ самихъ, послѣ «торговой казни», отправляли въ Сибирь. Даже «и тѣмъ людемъ быть въ наказаньѣ и въ ссылкѣ» полагалось, «кто съ неявленнымъ виномъ (къ себѣ) во дворъ пуститъ» *). И все-таки ничего не помогало. Корчемствомъ, чуть ли не главнымъ образомъ, занимались именно тѣ, кому было поручено наблюдать за нимъ. Какъ это ни странно, имъ часто промышляли тѣ самые кабацкіе головы и цѣловальники, коимъ поручены были царскіе кабаки. Мы не говоримъ уже о такомъ корчемномъ воровствѣ, какъ подмѣшиваніе воды въ вино или продажа его въ не указанное время **),—часто головы продавали вино помимо завѣдываемаго ими царскаго кабака; тѣ стрѣльцы и солдаты, съ вооруженною помощью которыхъ головы должны были производить корчемныя выимки, сплошь и къ ряду не только этимъ выимкамъ не содѣйствовали, а прямо противодѣйствовали имъ, защищая корчемниковъ и сами обращаясь въ нихъ. Мы уже видѣли, что они разносили кабаки и били цѣловальниковъ, когда эти кабаки были закрыты по закону 1652 года. Въ той же жалобѣ головы кабацкаго указывается, что «солдатскаго строя служилые люди приходятъ на кружечный дворъ и продаютъ вино изъ флягъ въ

*) „Доп. къ Акт. Истор.“, т. IV, № 62; т. V, № 40; т. III, № 18. Отъ 1645 г. до 1666 года.

**) Въ одномъ изъ указовъ царя Алексѣя Михайловича мы встрѣчаемся съ угрозой головамъ и цѣловальникамъ за торговлю виномъ въ дни запрещенные закономъ 1652 года отбирать дворы и животы и ссылать въ Сибирь; Сибирью же и отобраніемъ помѣстій грозятъ и воеводамъ, не усмотрѣвшимъ такого корчемства.

чарки явно», когда эти дворы заперты «въ запрещенные дни». Въ 1614 году бѣлозерскій кабацкій голова доносилъ въ Москву, что стрѣльцы занимаются корчемствомъ: «какъ пріѣхалъ на Бѣлоозеро стрѣлецкій голова Иванъ Ушаковъ и онъ далъ стрѣльцамъ волю въ городѣ держать продажное питье, и ему (кабацкому головѣ) *тѣ стрѣльцы чинятца сильны, вынимать* у себя того продажнаго *питья не даютъ*» [1]). У Соловьева разсказанъ случай столкновенія—въ концѣ XVII ст.—изъ-за корчемства стрѣльцовъ съ солдатами въ самой Москвѣ,—столкновенія, перешедшаго почти въ правильный вооруженный бой, въ которомъ на одной сторонѣ было 800 человѣкъ, на другой—1.300; стрѣльцы явились съ приказнымъ подъячимъ сдѣлать выимку корчемнаго питья у солдатъ Нѣмецкой слободы, и тѣ защищались вооруженно [2]). Въ центрѣ Москвы, обокъ съ царскимъ дворцомъ, въ самомъ Кремлѣ, въ томъ самомъ Приказѣ Земскомъ, который вѣдалъ главнымъ образомъ тогдашнюю полицію, корчемство было организовано на самыхъ широкихъ началахъ. Въ подметномъ письмѣ на имя царя разсказывалось, что въ земскомъ дворѣ собрались многіе воры изъ ссылокъ, бѣглые солдаты [3])... *торгуютъ виномъ* и табакомъ..., вино продаютъ въ чарки, въ ковши и въ склянницы и подъ заклады даютъ, а заклады принимаютъ таишные и розбойные и сами пьяныхъ грабятъ». Эти корчемники организовались въ правильныя артели, между членами коихъ и дѣлилась корчемная прибыль, которая съ вина и табаку, по словамъ автора письма, «сходитца на мѣсяцъ рублевъ по тысячѣ и больши». А Земскаго Приказа «*начальные люди* про то ихъ воровство право вѣдаютъ, да покрываютъ, потому что они и *съ ними во всемъ дѣлятца*» [4]). Начальные люди не одного Земскаго Приказа прикрывали корчемниковъ,—изъ того же самаго дѣянія извлекали выгоды начальные люди и другихъ приказовъ, какъ оказалось въ концѣ XVII вѣка. Если у правительства не было силъ бороться съ корчемствомъ въ самой Москвѣ, въ средоточіи всяческихъ властей, то что же происходило «въ городахъ», гдѣ все вѣдали, въ качествѣ представителей высшаго надзора, воеводы, получавшіе, какъ мы видѣли, солидные кормы съ каба-

---

[1]) „Акты Историч.“, т. III, № 44.

[2]) „Исторія Россіи“, т. XIII, стр. 222.

[3]) Эти бѣглые всякаго рода состояли главнымъ образомъ въ *метельщикахъ*, счищавшихъ улицы во время царскихъ выходовъ.

[4]) *Прыжовъ*, стр. 91 и 92.

ковъ и заботившіеся по преимуществу объ этихъ «кормахъ»? О происходившемъ можно догадываться уже изъ того факта, что сплошь и къ ряду воеводы устранялись отъ завѣдыванья кабаковъ царскихъ и для этого изъ Москвы высылались особые люди, или, напримѣръ, изъ того, что правительство само заявляло о покровительствѣ воеводами корчемниковъ и грозило имъ въ случаѣ такого ихъ «для своей бездѣльной корысти» поведенія всякими карами. Воеводы шли даже и дальше простого покровительства корчемству: *они занимались имъ и сами;* на это есть указанія относительно сибирскихъ воеводъ, которые, имѣя право везти съ собою изъ Москвы опредѣленное количество питій на свой обиходъ, «возятъ съ собою,—какъ говоритъ царская грамота 1680 года,—многіе вина и меды... *для торговли*» *). Для производства этой торговли воеводы, подъ надзоромъ своихъ родственниковъ, устраивали открыто кабаки, на которыхъ торговля производилась, какъ и на царскихъ, съ закладомъ, боемъ, грабежомъ и т. д. **).

А какая масса труда и денегъ затрачивалась на борьбу съ корчемствомъ!

Итакъ, разоренный войнами и всякими поборами, народъ Московскаго государства еще пуще разорялся царскимъ кабакомъ. Само Московское государство, въ значительной степени жившее доходами съ питей, теряло солидную долю этихъ доходовъ благодаря такому разоренію народному и корчемству, которое опять-таки разоряло нашъ же народъ. Гдѣ же причина такого положенія?—Мы не беремся отвѣчать сами на этотъ вопросъ; ограничимся тѣмъ отвѣтомъ на него, который дали въ XVII столѣтіи лучшіе люди Московскаго государства, хотя, правда, и зараженные обаяніями уже и тогда, по мнѣнію москвичей, погибшаго Запада. Извѣстный Юрій Крыжаничъ, будучи уже въ Сибири, писалъ о пьянствѣ на Руси. По его словамъ, можно обойти весь свѣтъ широкій «и нигдѣ не найти такого мерзскаго, гнуснаго и страшнаго пьянства, яко на Руси». И причину этого

---

*) „Акты Историч.“, т. V, № 51, II. Грамота предписываетъ верхотурскимъ воеводѣ и кабацкому головѣ отбирать у проѣзжающихъ въ Сибирь воеводъ такое *лишнее* вино и за упущенія въ этомъ случаѣ грозитъ воеводѣ опалой, а кабацкому головѣ „разоренiемъ и казнью безо всякой пощады“. По этому уже можно судить, какъ развито было *воеводское корчемство.*

**) *Соловьевъ:* „Истор. Россіи“, т. IX, стр. 401.

страшнаго зла Московскаго государства, такъ поразившаго ученаго серба, онъ видитъ главнымъ образомъ въ «самоторжіи», царскомъ кабакѣ: «а тому причина есть корчемное самоторжіе или кабаки». И объясняетъ онъ это такъ: кромѣ царскаго кабака, вина нигдѣ достать нельзя и выпить его негдѣ, кромѣ того же кабака, который хуже свиного хлѣва и питье на которомъ, продаваемое по бѣсовски-дорогой цѣнѣ, хуже помой; да и эти *адскіе кабаки* не подъ руками у народа, почему люди, дорвавшись до питья, дѣлаются «жадны, безстыдны и почти бѣшены»: какую посудину ни подай, «они считаютъ за заповѣдь божію и государеву выпить ее въ одинъ духъ». Если,—говоритъ онъ,—иногда и варилось вино съ приказнаго позволенія дома, то въ этомъ позволеніи предписывалось выпить свареное «въ три или четыре дня», отсюда—и упиваются черезъ силу. «Всія злости и неподобія,—восклицаетъ Крыжаничъ въ заключеніе,—и грѣхоты, и тщеты постуды всего народа исходятъ изъ проклятаго корчемнаго самоторжія!» *) Туже самую мысль поддерживалъ и знаменитый любимецъ царя Алексѣя Михайловича — Ординъ-Нащокинъ. Онъ также все зло видѣлъ въ царскомъ кабакѣ, въ замѣнъ котораго предлагалъ вольную продажу вина съ уплатой въ пользу казны извѣстнаго процента съ вырученной отъ продажи суммы. Онъ даже, будучи воеводой во Псковѣ, добился введенія своей системы въ этомъ городѣ, гдѣ она и примѣнялась въ теченіе... *двухъ лѣтъ*. Смѣнившій его Хованскій, великій радѣтель московскихъ порядковъ, истребилъ это «новшество», возстановивъ царскій кабакъ на откупу.

Оригинально объясиялъ авторъ неудавшейся реформы питейнаго дѣла привязанность Москвы къ царскому кабаку въ одномъ изъ своихъ писемъ къ царю: «На Москвѣ нерадятъ о государевыхъ дѣлахъ ей дурно. Царь, *думные дьяки* занимаются хитростями и *кружечными* дѣлами».

Предоставляемъ читателю рѣшить, взводилъ ли въ данномъ случаѣ пылкій новаторъ напраслину на царскихъ совѣтныхъ людей, или говорилъ правду.

Прошло больше двухъ сотъ лѣтъ, а кабацкій вопросъ остается все тѣмъ же вопросомъ, и рѣшить его наровятъ все такъ же. Неужели теорія итальянца Вико о круговращеніи въ исторіи примѣнима и къ россійскому кабаку? Прошло болѣе двухъ сотъ лѣтъ,

*) Мы цитировали Крыжанича по Прыжову, стр. 115 и 116.

и снова хотятъ вернуться вспять къ кабацкому «самоторжію», прóклятому лучшими людьми Московскаго государства.

И теперь, какъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, хотятъ изъ кабака извлекать возможно больше на нужды государства, и теперь, какъ тогда, *только въ немъ самомъ*, въ его организаціи хотятъ видѣть альфу и омегу зла и добра народнаго.

Правда, недавно какія-то губернскія коммиссіи, большинство, указали, какъ на причину пьянства, на невѣжество народа и его экономическое положеніе. Но это, очевидно, зараженные «вѣяніями», плохіе «патріоты своего отечества»,—настоящіе же думаютъ чуть не обновить отечество возстановленіемъ чего-то вродѣ царскаго кабака Московскаго государства.

И. Дитятинъ.

24 апрѣля.

МАГИСТРЪ и ФРОСЯ.

Ихъ первые шаги въ жизни.

ПОВѢСТЬ.

V *).

На другой день,—это было воскресенье,—Петръ Ивановичъ не пришелъ и книгъ никакихъ не прислалъ. За то Терезія влетѣла, какъ вихрь, въ ея комнату и объявила, что сегодня они идутъ на славянскій балъ, и что ее, Фросю, вѣроятно, братъ поведетъ туда.

Фрося удивилась,—она ничего не слышала объ этомъ балѣ.

Терезія даже руками всплеснула.

— Сорокъ лѣтъ австрійское правительство запрещало славянамъ собираться вмѣстѣ. Тамъ будутъ славяне не только со всей Вѣны, но и изъ окрестныхъ городовъ. Это будетъ нашъ праздникъ! — воскликнула она. — Вы должны идти съ нами, вы должны услышать наши пѣсни! Вы увидите, какъ чехи будутъ танцевать «бесѣду». Тутъ она нагнулась къ уху Фроси и стала шептать:

— Ея тетенька, вѣдь, тоже богемка, но она скрываетъ это. Здѣсь многіе чехи отреклись отъ своихъ, но Августъ, братъ ея, говоритъ, что лучшіе работники въ Вѣнѣ—богемцы.

Явилась г-жа Творшекъ и въ свою очередь начала уговаривать Фросю идти съ ними; она увѣряла, что весь домъ пойдетъ и что ей даже опасно оставаться одной. Нельзя было не согласиться съ справедливостью ея доводовъ, она только не знала, какъ посмотритъ на это ея братъ.

— О, не безпокойтесь,—воскликнула г-жа Творшекъ, — мы сейчасъ пошлемъ Августа спросить объ этомъ.

---

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

Господина Соколова не застали дома и Фрося рѣшилась уже идти безъ его согласія.

Ей никогда не случалось бывать на общественныхъ балахъ, но въ пансіонѣ и потомъ на вечерникахъ у своихъ знакомыхъ она всегда танцевала съ большимъ увлеченіемъ. Теперь она невольно улыбалась, думая о томъ, что ея хозяйка, которую она не могла себѣ иначе представить, какъ въ кухонномъ передникѣ или за перчаточнымъ станкомъ, вдругъ вывезетъ ее на первый балъ. «Смѣшно будетъ». Но она не знала заграничной жизни. Тамъ даже дѣйствительно кухарки умѣютъ, если захотятъ, быть изящными и нарядными, а г-жа Творшекъ, въ своемъ лиловомъ шелковомъ платьѣ и кружевной шляпѣ, имѣла очень внушительный видъ. Терезія была, точно весенняя бабочка, вся свѣтлоголубая, воздушная. Фрося, увидавъ ихъ, почувствовала необходимость вынуть изъ сундука свои лучшіе наряды. Она разсердилась, надѣвая свое свѣтлосиреневое платье, отдѣланное бѣлыми лентами: оно оказалось и узко, и коротко. Зеркало отразило въ себѣ ея прекрасную грудь и плечи,—они были окружены теперь горячей кистью любви, которая есть лучшій художникъ,—но Фрося не умѣла собою любоваться. Она торопилась, раскраснѣлась, даже шея ея покрылась красными пятнами; но все же, когда она перевязала свои прекрасные, вьющіеся волосы черною лентой и вышла къ своимъ спутницамъ, Терезія всплеснула руками и поцѣловала ее. Г-жа Творшекъ посмотрѣла на двухъ молодыхъ дѣвушекъ торжествующимъ взглядомъ, который ясно говорилъ: «Какова дѣвушка, которую я поведу на балъ!» Гг. Карлъ и Августъ, оба завитые, раздушоные, въ свѣтленькихъ панталончикахъ и синенькихъ сюртучкахъ, поняли свою тетеньку и почтительно поклонились Фросѣ.

Они отправились пѣшкомъ, и долго же пришлось имъ идти—цѣлыхъ два часа! Августъ, ведшій Фросю, просилъ ее какъ можно крѣпче опираться на его руку, а Терезія для примѣра висѣла на рукѣ своего жениха. Бѣдная Фрося нѣсколько разъ садилась на тумбу и отказывалась идти дальше; но сегодня было воскресенье и мѣста въ общественныхъ каретахъ нельзя было достать ни за какія блага міра. Пришли они къ Швендеру всѣ сѣрые отъ пыли, измученные и красные.

Нижняя зала была уже биткомъ набита народомъ. Обязательный распорядитель, пробираясь въ толпѣ и безпрерывно извиняясь, провелъ ихъ къ лѣстницѣ, ведущей наверхъ. Нѣсколько

мужчинъ тотчасъ встали и уступили свои мѣста на широкихъ каменныхъ ступеняхъ дамамъ. Вечеръ давно начался: пѣлись богемскія, моравскія и польскія пѣсни, а въ антрактахъ играла прекрасная музыка. Фрося съ наслажденіемъ отдалась обаянію того веселаго оживленія, которымъ были проникнуты всѣ, и среди нѣсколькихъ тысячъ славянъ въ первый разъ въ жизни она почувствовала наслажденіе исчезнуть въ толпѣ и раздѣлить съ ней всѣ ея радости и всѣ ея симпатіи.

Толпа вдругъ разступилась,—кто-то вошелъ; всѣ встали и раздалось оглушительное: «Слава, слава, слава!» Фрося тоже поднялась и кричала: «Слава, слава!» Г-жа Творшекъ, какъ истая онѣмеченная богемка, съ улыбкой снисхожденія посмотрѣла на нее, но она этого не замѣтила; ей хотѣлось знать, кого привѣтствуютъ. Это оказался Палацкій.

Опять кто-то вошелъ и опять раздалось: «Слава, слава», но уже не такъ оглушительно, какъ прежде. Пѣвцы запѣли слышанный ею отъ Терезіи чешскій патріотическій гимнъ: «Гдѣ домъ мой, гдѣ земля моя!» Одушевленіе охватило всѣхъ, со всѣхъ сторонъ слышалось подтягиваніе этому гимну, и Фрося вторила всѣмъ съ никогда неиспытаннымъ энтузіазмомъ. Какъ хорошо!

Но вотъ раздались два-три аккорда. Она вздрогнула и быстро вскочила на ноги. И понеслась пѣсня заунывная, грустная; она дышала безнадежностью необъятнаго пространства, точно что-то великое было погребено въ ней. Точно кто-то стоналъ въ ней и плакалъ. Это была пѣсня ея родины. Печальныя, снѣжныя равнины, тяжелая жизнь, безсильные порывы, тупое отчаяніе—все соединилось вмѣстѣ и вылилось въ тѣ звуки, которые заставляютъ дрожать русское сердце. Фрося была охвачена глубокимъ волненіемъ, слезы стояли въ глазахъ ея и родныя картины носились передъ ея отуманеннымъ взоромъ.

Но еще послѣдніе звуки не замерли, дрожали въ воздухѣ, а въ верхней залѣ уже раздавалась полька Штрауса: «Wein, Weib und Liebe!» Толпа хлынула туда и унесла съ собою Фросю. Взволнованная, съ незасохшими слезинками на рѣсницахъ, съ душой потрясенной грустными аккордами родной пѣсни, очутилась она совершенно одна среди возбужденныхъ красныхъ лицъ. Три молодыхъ человѣка подлетѣли къ ней просить ее на польку. Она, сконфуженная, оглядывалась подъ впечатлѣніемъ только-что слышанной русской пѣсни; она забыла нѣмецкую рѣчь,—это всегда

съ ней случалось, если воспоминанія родины овладѣвали ею. Произошла маленькая ссора. На выручку къ нимъ подошелъ какой-то господинъ съ почтенной наружностью и молодые люди отдались ему на судъ. Онъ взялъ Фросю подъ руку, вынулъ носовой платокъ и кинулъ жребій. Каждый кавалеръ послѣ тура польки возвращалъ Фросю подъ покровительство старика. Обращеніе его съ ней было исполнено такой граціозной предупредительности и чисто-отеческой заботливости, что Фрося склонна была думать, что стоитъ подъ руку съ какимъ-нибудь богемскимъ княземъ, или ужь по крайней мѣрѣ съ нѣмецкимъ барономъ.

Когда полька кончилась, онъ подъ руку съ ней прошелся нѣсколько разъ по залѣ.

— Вы англичанка?— спросилъ онъ ее, и когда узналъ, что она русская, то посмотрѣлъ на нее съ такимъ удивленіемъ, что Фрося невольно разсмѣялась.

Въ концѣ залы она увидѣла свою хозяйку, окруженную своими спутниками. Она имъ такъ обрадовалась, что даже захлопала въ ладоши. Г-жа Творшекъ искала ее, и всѣ они очень безпокоились. Тутъ покровитель Фроси съ одушевленіемъ разсказалъ, какъ молодые люди поспорили, кому танцевать съ ней, и какъ онъ помирилъ ихъ, причемъ иностранка вполнѣ отдалась на его судъ. Всѣ слушавшіе пришли въ восторгъ. Фрося, смутно понимавшая, что дѣло идетъ о ней, весело засмѣялась. Потребовали пива, и нѣсколько молодыхъ людей со старымъ джентльменомъ во главѣ выпили «брудершафтъ» и поклялись доставлять иностранкѣ самыхъ лучшихъ кавалеровъ и защищать ее, хотя никто не зналъ—отъ кого и отъ чего. Началась кадриль. Старикъ скомандовалъ привести распорядителя.

Явился молодой красавецъ-русинъ съ краснымъ бантомъ на рукавѣ, въ бѣлой сорочкѣ, вышитой заполочьемъ, въ широкихъ шароварахъ и лакированныхъ сапогахъ, точь-въ-точь какъ одѣваются малороссы.

— Малороссъ!—вскричала Фрося въ восторгѣ.

— Малороссъ,—отвѣчалъ тотъ и увелъ ее танцевать кадриль.

Русинъ восхищался праздникомъ, восхищался русскими. Фрося увидѣла, что это одинъ изъ тѣхъ добрыхъ славянъ, которые ненавидятъ нѣмцевъ и готовы признать надъ собой владычество Россіи.

— Вы хотите быть нашимъ подданнымъ?—спросила она.

Да, онъ желаетъ быть подданнымъ Россіи вообще и ея подданнымъ въ частности. Фрося благосклонно принимаетъ его подданство и обѣщаетъ самое широкое гостепріимство всѣмъ добрымъ славянамъ, которые предпочтутъ русскихъ этимъ противнымъ нѣмцамъ. Въ концѣ кадрили они оба до такой степени ненавидѣли нѣмцевъ, что готовы были тотчасъ вступить съ ними въ сраженіе.

Русинъ, согласно приказаніямъ ея защитниковъ, привелъ Фросю въ царство ея подданныхъ. Началось опять пивопитіе за ея здоровье. Фрося должна была пригубить одну изъ кружекъ, и эту кружку всѣ, перебивая другъ друга, распили. Всѣмъ было необыкновенно весело. Это было какое-то опьяняющее веселье.

На слѣдующую кадриль ей опять подвели красавца-распорядителя, находя, вѣроятно, что прекрасная иностранка можетъ танцевать только съ избранными.

Фрося была увѣрена, что новый ея кавалеръ-чехъ—тоже вѣрный ея подданный; и какъ же она удивилась, когда, въ отвѣтъ на ея покровительственныя заявленія сочувствія, добрый чехъ разразился потокомъ ругательствъ противъ Россіи. Фрося мгновенно почувствовала себя точно въ непріятельскомъ лагерѣ и къ концу кадрили должна была выслушать неопровержимыя доказательства того, что чехамъ незачѣмъ лѣзть къ народу, который при всемъ своемъ богатствѣ мретъ съ голоду. Патріотическое чувство Фроси было сильно возбуждено и она протестовала.

— Я былъ въ Россіи!—воскликнулъ чехъ:—я знаю, что у васъ не существуетъ средняго рабочаго класса. Какъ вы думаете, кто васъ окружаетъ?

— Князья, графы и бароны!—отвѣчала Фрося шутя.

— Васъ окружаютъ ткачи, шапочники, башмачники и столяры. Этотъ старый джентльменъ—ткачъ изъ Weringer Strasse, а молодые люди—подмастерья и работники. Попробуйте въ Россіи явиться куда-нибудь одной и окружить себя подобнымъ обществомъ.

Не знаю, было ли сильно въ Фросѣ демократическое чувство, но я съ достовѣрностью могу сообщить, что веселость ея не уменьшилась отъ того, что ее окружали ткачи и башмачники и что не всѣ добрые славяне желаютъ быть ея подданными.

На третью кадриль ей подвели русскаго князя. Этотъ послѣдній, какъ свойственно всѣмъ нашимъ соотечественникамъ, тот-

часъ сталъ распрашивать, кто она, и Фрося невольно пожалѣла, зачѣмъ ей не привели какого-нибудь сапожника,—тотъ, по крайней мѣрѣ, толковалъ бы о политикѣ, а ее оставилъ въ покоѣ. Она отвѣчала нехотя и въ первый разъ во весь вечеръ начала скучать. Князь разсказалъ ей, что онъ тотчасъ плясалъ съ богемской кухаркой, которая безпрестанно кидалась въ его объятія. Фросѣ оставалось только похвалить его за такой демократическій поступокъ. Онъ распространился, кромѣ того, о томъ, какъ онъ съ однимъ русскимъ пріятелемъ были выбраны въ распорядители, и прибавилъ, что она видитъ передъ собой истиннаго поклонника и защитника славянскаго элемента и что Россіи стоитъ только кивнуть пальцемъ, чтобы Чехія кинулась въ ея объятія,—должно-быть подобно той богемской кухаркѣ, которая постоянно кидалась въ объятія князя. Свѣтъ не видывалъ подобнаго сочетанія: русскій князь и—чешская кухарка! Европа должна была проникнуться благоговѣніемъ отъ столь невиданнаго зрѣлища и толкнуть демократическую чехію въ объятія царственной Россіи! Подъ конецъ онъ затянулъ пѣсню на тему, какое наслажденіе встрѣтить соотечественницу въ лицѣ таинственной незнакомки, отъ которой всѣ распорядители безъ ума.

Фрося несказанно была рада, когда кадриль кончилась. Она не пожелала идти съ княземъ внизъ познакомиться съ русскими и вернулась опять къ своимъ защитникамъ, гдѣ объявила, что не желаетъ больше танцевать съ русскими князьями. За этими словами послѣдовалъ взрывъ общаго восторга и Негг Августъ, вѣроятно вслѣдствіе убѣжденія въ несомнѣнныхъ демократическихъ чувствахъ Фроси, заявилъ со слезами на глазахъ, что она должна протанцевать съ нимъ «вальцекъ» *) и что если она не согласится, то онъ... Слезы помѣшали договорить, что̀ произойдетъ съ нимъ, бѣднымъ юношей. Госпожа Сватекъ имѣла торжествующій видъ,—она нѣкоторымъ образомъ вывезла Фросю въ свѣтъ и юноши, приходящіе отъ нея въ восторгъ, должны проникнуться немалымъ удивленіемъ къ ея особѣ.

Фросю уговорили танцевать совершенно незнакомый ей чешскій танецъ—«бесѣду», причемъ былъ брошенъ жребій всѣми присутствующими кавалерами, и счастье выпало на долю распорядителя, не желающаго быть подданнымъ Россіи. Остальная компанія возымѣла желаніе окружить танцующую пару; но пожилой

*) Вальсъ—по-чешски.

ткачъ изъ Weringer Strasse воспротивился этому самымъ настоятельнымъ образомъ и, ставъ позади танцующей пары, имѣлъ случай убѣдиться, что чехъ хотя и не желаетъ быть подданнымъ Россіи, но совершенно напрасно, потому что молодая русская могла бы повести его за собой куда угодно. Фросю смущалъ этотъ танецъ «бесѣда», гдѣ въ концѣ каждой фигуры музыка быстро играла, танцующіе плясали съ бѣшенымъ одушевленіемъ, причемъ объятія чеха были такъ близки и дыханіе его такъ горячо, что она невольно оглядывалась назадъ и каждый разъ встрѣчала ободряющій взглядъ стараго ткача, который говорилъ ей: «не смущайтесь, не смущайтесь, молодая дѣвица,—я за вами».

По окончаніи бесѣды ткачъ подалъ Фросѣ руку; молодой чехъ не посмѣлъ противиться и ушелъ внизъ, а старикъ, вернувшись на мѣсто, шепнулъ хозяйкѣ на ухо: «Die jungen sind ganz in sie verliebt!»

Началась мазурка. Фросѣ подвели только-что кончившаго курсъ доктора-поляка. Одинъ изъ молодыхъ людей вышелъ впередъ и произнесъ рѣчь. Фрося поняла только, что онъ приказывалъ поляку не бунтовать, покориться въ лицѣ прекрасной русской Россіи. Полякъ съ комичной покорностью преклонилъ передъ ней колѣно. Она величественно подала руку, и всѣ они цѣлою гурьбой отправились внизъ.

На эстрадѣ, окруженный мужчинами, стоялъ Петръ Ивановичъ въ черномъ фракѣ, съ краснымъ бантомъ, ясно обличавшимъ въ немъ распорядителя. Онъ весь вечеръ находился въ нижней залѣ, и до него смутно доходили отъ распорядителей слухи о какой-то русской красавицѣ. Теперь онъ съ кѣмъ-то серьезно разговаривалъ. Къ нему подошелъ князь и фамильярно хлопнулъ его по плечу. Въ это самое мгновеніе грянула музыка, и пары понеслись.

— Вы здѣсь разсуждаете о важныхъ матеріяхъ, — сказалъ онъ,—и не знаете, что одна изъ нашихъ соотечественницъ произвела революцію въ сердцахъ славянскихъ братьевъ.

— Гдѣ она?—поспѣшно спросилъ Петръ Ивановичъ.

— А вонъ она несется въ нервой парѣ.

«Какъ она неграціозно машетъ рукой,—думалъ князь про себя съ неподдѣльнымъ огорченіемъ,—совсѣмъ неграціозно».

Петръ Ивановичъ глянулъ и обомлѣлъ. Еслибы пары вдругъ понеслись передъ нимъ внизъ головами, еслибы потолокъ обру-

шился надъ его головой, и тогда-бъ онъ не былъ такъ пораженъ, какъ теперь. Въ первую минуту всѣ предметы точно закружились и запрыгали въ его глазахъ вмѣстѣ съ танцующими. Онъ напрягалъ зрѣніе, не смѣя вѣрить, она ли это, Фрося ли это, и убѣдился, что, дѣйствительно, это она. Онъ видалъ ее такой, сверкающей неподдѣльною веселостью и очаровательною простотой; но тогда никто не смотрѣлъ на нее, а теперь она—предметъ общаго вниманія; даже простенькое платье особенно выдѣляло ее изъ толпы. Мысль, что въ эту минуту всѣ спрашиваютъ о ней и восхищаются ею, сверкнула въ его умѣ, какъ молнія, и зажгла мучительное чувство ревности, доходящее до бѣшенства. Губы его дрожали, когда онъ говорилъ князю: это—моя родственница. Я совсѣмъ не зналъ, что она здѣсь.

Въ это время Фрося выдѣлывала какую-то замысловатую фигуру со своимъ кавалеромъ, который не уступалъ ей въ красотѣ и молодости и тоже обращалъ на себя вниманіе. Раздались позади ихъ легкія рукоплесканія; князь вторилъ имъ, а Петру Ивановичу хотѣлось разможжить голову этому поляку. Имъ овладѣло бѣшеное желаніе отнять Фросю у ея кавалера и отвести домой.

Съ этою цѣлью онъ сталъ пробираться средн толпы, что было не совсѣмъ легко сдѣлать, потому что толпа все тѣснѣе сдвигалась, а мѣсто для танцующихъ все болѣе и болѣе съуживалось. Протолкавшись кое-какъ, онъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Фроси наткнулся на г-жу Творшекъ, видъ которой немного отрезвилъ его. Она очень любезно пропустила его впередъ. Негг Карлъ, знавшій Петра Ивановича и стоявшій возлѣ Фроси, шепнулъ ей:

— Вашъ братъ здѣсь.

Фрося обернулась и протянула ему руку. Глаза ея говорили: «Мнѣ очень весело, но я тебя не забыла». Она опять понеслась, а Петръ Ивановичъ стоялъ и соображалъ, что ему дѣлать. Онъ осмотрѣлъ молодыхъ людей, окружающихъ Фросю, и увидавъ, что между ними не было ни одного русскаго, рѣшилъ увести ее. Когда она вернулась на свое мѣсто, онъ сказалъ ей по-французски, что немедленно уходитъ и желаетъ ее проводить. Фрося охотно повиновалась,—она утомилась отъ танцевъ и рада была освѣжиться, особенно если съ нею пойдетъ Петръ Ивановичъ. Защитники ея воспротивились этому самымъ настоятельнымъ образомъ: Негг Августъ объявилъ, что онъ умретъ, если она не

протанцуетъ съ нимъ «вальцекъ», а мазуристъ-полякъ наговорилъ цѣлую кучу чего-то такого, чего никто не понялъ; сюда же вмѣшались г-жа Творшекъ и старый ткачъ: они стали доказывать, что иностранка устала и что братъ имѣетъ полное право увести ее, особенно если она сама этого желаетъ.

Итакъ, Фрося съ Петромъ Ивановичемъ удалились. Когда оба распорядителя узнали, что ее увелъ какой-то братъ, то выразили положительное сомнѣніе, чтобъ это былъ братъ ея, на что г-жа Творшекъ и старый ткачъ сильно разсердились, а Негг Августъ разбилъ кружку и объявилъ, что никогда никого на свѣтѣ не любилъ такъ, какъ ее, и что онъ желалъ бы на ней жениться. Товарищи стали поддразнивать его и одинъ изъ нихъ воскликнулъ:

— Такая принцесса не станетъ сама стряпать и мыть тебѣ рубашки.

На это Негг Августъ отвѣтилъ:

— Sie wird scho *) lernen! O, sie wird scho lernen!

Когда Петръ Ивановичъ вышелъ съ Фросей на свѣжій воздухъ послѣ душной бальной атмосферы, она не думала его допрашивать, отчего онъ былъ на балѣ и отчего не сказалъ ей объ этомъ. Она довѣрчиво оперлась на его руку и, выслушавъ исторію, какъ онъ нечаянно попалъ сюда, увѣряла, что ей потому было такъ весело, что онъ невидимо для нея присутствовалъ здѣсь.

Воздухъ былъ такъ упоительно свѣжъ, небо глубоко и звѣздно, луна скрылась и разсвѣтъ занимался уже на востокѣ. Петръ Ивановичъ, на котораго общественный приговоръ имѣлъ громадное вліяніе, съ гордостью сжималъ руку Фроси. Онъ любилъ ее, какъ никогда прежде, и съ восхищеніемъ думалъ, что она его, его безраздѣльно.

Въ этотъ вечеръ онъ увидалъ ее въ совершенно новомъ для себя свѣтѣ. Онъ никогда не подозрѣвалъ, что эта робкая Фрося, чуждая всякаго тщеславія и, повидимому, не подозрѣвавшая о своей красотѣ, вдругъ привлечетъ на себя вниманіе такого многочисленнаго и разнообразнаго общества. Онъ менѣе всякаго простодушнаго ткача могъ понять, что прелесть ея заключалась не въ красотѣ,—ея въ строгомъ смыслѣ слова не было совсѣмъ,—но въ ея неподдѣльной простотѣ, въ отсутствіи гордаго сознанія

*) Богемцы простолюдины говорятъ вмѣсто schon—„scho“.

своего превосходства, въ умѣньи поддаваться общему настроенію, въ дѣтской довѣрчивости и той почти геніальной способности вдругъ, точно по какому-то вдохновенію, понять смыслъ народнаго увлеченія. Въ этотъ вечеръ, когда она опиралась на руку стараго ткача и танцевала съ подмастерьями, она ближе была къ народному празднику, чѣмъ многорѣчивый князь и Петръ Ивановичъ, и ей, не понимавшей славянскаго вопроса, всѣ охотно повѣряли свои симпатіи и антипатіи. Петръ Ивановичъ, увидавъ ее, почувствовалъ всю невыгоду своего положенія, какъ человѣка женатаго.

На дорогѣ у нихъ происходилъ слѣдующій разговоръ:

— Я, милочка моя, никакъ не подозрѣвалъ, что ты умѣешь такъ хорошо танцевать, право. Гдѣ ты этому научилась?

— Я и сама не знаю. Сегодня я все дѣлала точно по вдохновенію.

— Тебѣ, я думаю, надоѣли съ комплементами?

— Кажется, мнѣ никто не говорилъ никакихъ комплиментовъ,—я по крайней мѣрѣ не замѣтила,—но я отъ души веселилась. Я не помню, чтобы мнѣ когда-нибудь было такъ весело, какъ сегодня. А между тѣмъ я шла неохотно,—потому только, чтобы не остаться одной въ домѣ.

— Я жалѣю, что не видалъ тебя въ началѣ вечера,—сказалъ Петръ Ивановичъ.

— О, это было уморительное начало!—отвѣчала Фрося и подпрыгнула, вспоминая добродушное лицо стараго ткача.

Петръ Ивановичъ выспросилъ все до мельчайшихъ подробностей. Фрося изъявила желаніе ближе познакомиться съ этими добрыми славянами. Это желаніе показалось Петру Ивановичу очень опаснымъ, и теперь онъ еще болѣе желалъ удалить ее отъ постороннихъ взглядовъ. Его всю ночь мучила ревность. Опасности покуда еще не было; но опасность могла и можетъ быть, если она захочетъ воспользоваться всѣми своими свойствами.

Онъ упрекалъ себя, что все это время въ Вѣнѣ неглижировалъ ею, что въ головѣ ея могли помимо ея самой возникнуть разныя сравненія, разныя желанія и тому подобное. Въ концѣ концовъ онъ рѣшилъ уѣхать съ нею куда-нибудь хоть на время. Князь пришелъ къ нему на помощь: онъ уѣзжалъ на двѣ недѣли въ Парижъ и предложилъ Петру Ивановичу занять его дачу въ Дорнбахѣ. Петръ Ивановичъ съ радостью согласился и тотчасъ побѣжалъ сообщить объ этомъ Фросѣ.

Фрося въ немногіе часы, остававшіеся до утра, заснула сномъ праведницы. Ей и въ голову не приходило, чтобы балъ этотъ имѣлъ какое-нибудь вліяніе на чувства къ ней Петра Ивановича.

VI.

Дорнбахъ — это прелестное подгородное имѣніе графа Шварценберга — находится верстахъ въ трехъ отъ Вѣны. Скоро, вѣроятно, городъ подойдетъ къ нему очень близко. Оно столько же уединенно, какъ и многолюдно. Въ праздникъ, когда вся рабочая Вѣна устремляется сюда по желѣзноконной дорогѣ, его парки и лѣса наполняются шумной праздничною толпой, и любители уединенія могутъ спрятаться только въ своихъ собственныхъ дачахъ. Даже палисадники передъ домами, окруженные прозрачными рѣшетками, становятся доступными если не для ногъ, то для взглядовъ любопытныхъ.

Одну изъ такихъ дачъ съ хорошенькимъ палисадникомъ, всю розовую, обвитую плющомъ и дикимъ виноградомъ, занялъ Петръ Ивановичъ съ Фросей. Первая недѣля пролетѣла необыкновенно быстро. Они иногда бродили по лѣсамъ до изнеможенія. Петръ Ивановичъ все больше говорилъ; они не захватили съ собой ни одной книги и только прочитывали *Петербургскія Вѣдомости*, получаемыя княземъ. Въ концѣ второй недѣли Петръ Ивановичъ сталъ задумываться, а Фрося тревожно спрашивала себя, какъ они вернутся въ Вѣну и какъ станутъ жить опять. Дорнбахъ терялъ для нея всякую прелесть вслѣдствіе той неопредѣленности, какая предстояла ей. Петръ Ивановичъ всячески избѣгалъ говорить объ этомъ предметѣ, и когда Фрося однажды замѣтила, что такъ жить скучно, онъ обрушился на нее цѣлымъ потокомъ фразъ.

— Это потому происходитъ,—восклицалъ онъ,—что въ тебѣ мало поэзіи! Ты не умѣешь отдаться всецѣло какому-нибудь чувству такъ, чтобъ оно заглушило въ тебѣ всѣ остальныя требованія. Ты никогда не поймешь наслажденія переѣзжать съ мѣста на мѣсто, черпать новыя впечатлѣнія, наблюдать новыя лица и новые обычаи.

— Но, другъ мой,—воскликнула Фрося,—развѣ мы что-нибудь наблюдаемъ? Развѣ мы къ чему-нибудь присматриваемся? Во все пребываніе наше здѣсь мы не сказали двухъ словъ ни съ однимъ нѣмцемъ, если не считать нашей кухарки. Ты чув-

ствуешь отвращеніе къ нѣмецкимъ газетамъ. До сихъ поръ я живу здѣсь, въ Вѣнѣ, какъ жила въ Петербургѣ; тѣ же *Петербургскія Вѣдомости*, но тамъ онѣ были отраженіемъ жизни, насъ окружающей, а здѣсь кругомъ меня кипитъ жизнь, которой я совсѣмъ не понимаю, къ которой я даже подойти не могу, потому что ты презираешь ее.

— И имѣю на это полное право... Я презираю нѣмцевъ и знать не хочу ихъ нѣмецкой жизни! У меня есть свои заботы, свои интересы и стремленія, меня наконецъ занимаетъ природа, я упиваюсь ея прелестями и счастливъ; а вы этого не понимаете, и это есть недостатокъ поэзіи въ человѣкѣ, недостатокъ непосредственной наблюдательности, отсутствіе способности почувствовать прелесть чего-нибудь. Этимъ страдаетъ вся наша теперешняя молодежь.

— А ты самъ, ты не принадлежишь къ теперешней молодежи?—спросила Фрося.

— Нѣтъ, ужь извините, пожалуйста,—я иначе воспитанъ. Я умѣю откликнуться на все прекрасное. Во мнѣ нѣтъ того тупого непониманія красоты, какимъ вы отличаетесь и даже гордитесь.

— Кого ты подразумѣваешь подъ этимъ «вы»?

— Я?... Кого я подразумѣваю?—началъ Петръ Ивановичъ протяжно.—Тебя, твоего братца...

Фрося нетерпѣливо повела плечами, а онъ продолжалъ:

— Твоихъ пріятельницъ. Я, видите, не знаю молодежи!... Да я ее изслѣдовалъ вдоль и поперекъ: я возился съ нею цѣлыхъ пять лѣтъ.

— И къ чему же ты пришелъ?—спросила Фрося серьезно. Она начинала раздражаться.

— Я пришелъ къ очень интересному выводу. Я дѣлю молодежь на два разряда: мы, то-есть я и подобные мнѣ, составляемъ, если можно такъ выразиться, начало положительное, а вы — отрицательное. Вы вѣдь отворачиваетесь отъ всего, что носитъ названіе чувства; вы не ищете объясненія тому, чего вы не понимаете,—вы просто попираете его ногами; по-вашему древность—хламъ, красота—игрушка праздныхъ людей, любовь—никому ненужная роскошь. Вы, однимъ словомъ, реалисты,—закончилъ онъ,—или нигилисты: это все равно!

Фрося смотрѣла на него широко открытыми глазами. То смутное чувство страха передъ чѣмъ-то, которое она впервые

почувствовала въ гостинницѣ на Грабенъ, теперь въ эти нѣсколько мгновеній выросло въ ней. Его тонъ оскорблялъ ее. Ей стало больно за себя, но особенно за своего брата: онъ ли не умѣетъ любить, онъ ли не готовъ на всѣ жертвы! Неужели восхищаться природой—это такое великое свойство, что кто его не имѣетъ можетъ возбуждать справедливое негодованіе въ другихъ? Да притомъ онъ совсѣмъ не знаетъ Пимена,—какъ же можетъ онъ съ такой увѣренностью судить о немъ, если даже она, сестра его, не можетъ ничего утверждать въ этомъ отношеніи?

И она поспѣшила высказать свою мысль Петру Ивановичу.

— Я не могу судить?!—воскликнулъ онъ тономъ непреоборимаго авторитета.—Это для тебя нужно знать человѣка цѣлый годъ, со всѣхъ сторонъ разсмотрѣть и обнюхать его, а я рѣшаю по тѣмъ даннымъ, которыя сложились у меня въ умѣ, и я говорю, что братъ твой—реалистъ.

— Да что такое реализмъ, наконецъ? Объясни мнѣ, пожалуйста, какъ ты это понимаешь?

— Какъ я понимаю?... Я достаточно высказалъ свой взглядъ на этотъ предметъ. Это — извѣстное исканіе всюду и во всемъ полезности, это — желаніе все взвѣшивать, все мѣрить на аршинъ будто-бы общественной, а въ сущности—своей личной выгоды; это—сованье носа въ предметы всѣми уважаемые, отсутствіе образованнаго уваженія къ преданіямъ и извѣстнымъ традиціямъ, выработаннымъ цѣлыми поколѣніями. Вы даже Бога способны третировать en canaille.

Фрося вспыхнула.

Какое непонятное противорѣчіе составляло все то, о чемъ онъ говорилъ прежде, съ тѣмъ, что она сейчасъ отъ него слышала! Она живо вспомнила его мысли, которыя онъ высказывалъ о нѣкоторыхъ людяхъ; даже выраженія его врѣзались ей въ память и просились теперь на языкъ.

— Ты помнишь,—перебила она его,—что ты мнѣ говорилъ о Лютерѣ? Развѣ онъ не имѣлъ дерзости запустить руку, куда его предшественники не смѣли заглянуть, и произвелъ цѣлую революцію? Развѣ ты не говорилъ, что онъ отодралъ плѣсень, вѣками накопившуюся на католической религіи? А ты самъ, наконецъ, развѣ не хотѣлъ ты приподнять завѣсу и показать свѣту...

— Пожалуйста, пожалуйста,— остановилъ ее Петръ Ивановичъ рѣзко,—не сравнивай меня и Лютера съ русскими нигили-

стами! Прежде всего мы съ Лютеромъ—люди ученые, останавливаемся на серьезныхъ предметахъ, на такихъ предметахъ, отъ вѣрнаго пониманія которыхъ зависитъ благосостояніе государства; а вы, вы... копаетесь въ вашихъ личныхъ неудовлетвореніяхъ. Мы съ Лютеромъ подойдемъ къ чему-нибудь, вооруженные наукой; а вы, вы—голые люди, свободные отъ всякаго знанія, васъ мучитъ собственное неудовлетворенное самолюбіе, желаніе все попирать ногами, желаніе поставить свое «я» впереди всего! Вотъ хоть ты, напримѣръ: у тебя страсть копаться въ собственныхъ ощущеньицахъ; ей-богу, ты способна разрывать всякую навозную кучу. Ну, чего проще: я прихожу въ восторгъ отъ этихъ прелестныхъ горъ, отъ этого чуднаго воздуха, отъ того, что я весь могу отдаться наслажденію природой и любви къ тебѣ; тебя же точно червякъ какой-нибудь подтачиваетъ и вѣчно заставляетъ передъ всякимъ своимъ чувствіемъ поставить знакъ вопросительный и поломать надъ нимъ голову. Это ничего болѣе, какъ страсть къ резонерству, глупая страсть, ничѣмъ не объяснимая, такъ какъ у тебя никогда не найдется прямого отвѣта на вопросы, которые ты вѣчно задаешь себѣ; но это постоянное теребенье себя и другихъ доставляетъ немало неудобствъ людямъ, живущимъ съ тобой.

Онъ стукнулъ кулакомъ по столу и сталъ ходить по комнатѣ.

— Мы вѣчно ссоримся изъ-за пустяковъ,—сказала Фрося, подавляя въ себѣ волненіе и стараясь быть хладнокровной.—Это всегда происходитъ между людьми, которые не хотятъ прямо высказываться другъ другу. Предпринимая эту поѣздку, ты, вѣроятно, хотѣлъ именно мнѣ доставить этимъ удовольствіе. Я жалѣю, что раньше не догадалась объ этомъ. Можетъ-быть, дѣйствительно, ты поэтичнѣе меня и можетъ-быть я со своей грубой натурой совсѣмъ не заслуживаю такихъ изящныхъ и дорогихъ наслажденій,—что же мнѣ дѣлать съ собой? Но вѣдь мы вернемся въ Вѣну: ты—мужчина, ты можешь найти себѣ и общество, и развлеченія, а я?... Мнѣ опять предстоитъ сидѣть одной въ четырехъ стѣнахъ и ждать твоего прихода. Ты отлично знаешь, чего я боюсь и почему не могу восхищаться природой...

Петръ Ивановичъ безнадежно махнулъ рукой. Поѣздка эта не принесла желанныхъ результатовъ,—онъ думалъ, что она вполнѣ успокоитъ Фросю. Но насколько простиралось его пониманіе Фросиной натуры, онъ почувствовалъ, что въ эту поѣздку

еще настоятельнѣе поставился вопросъ: какимъ образомъ обставить эту безпокойную натуру такъ, чтобъ она не останавливалась слишкомъ долго на его особѣ и вообще на ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Притомъ послѣднія ея слова показали, какъ далеко способна эта дѣвочка проникать въ его собственныя мысли, и такъ какъ Петръ Ивановичъ всегда желалъ имѣть умственный перевѣсъ надъ ней, то его ужасно непріятно поразило это открытіе.

Имъ однако предстояло вернуться въ Вѣну, но какъ вернуться и какимъ образомъ повести жизнь?... Всѣ эти мысли невольно лѣзли ему въ голову, и весь слѣдующій за тѣмъ день прошелъ безъ всякихъ восторговъ съ обѣихъ сторонъ. Фрося все думала о послѣднемъ разговорѣ. Петръ Ивановичъ представился ей совсѣмъ въ новомъ свѣтѣ. Почему онъ можетъ и думать, и говорить, и даже бранить всѣхъ и все, а другіе не смѣютъ никуда совать свой носъ, какъ онъ выражается? Неужели Пименъ настолько хуже его, что о немъ можно говорить только съ пренебреженіемъ,— этотъ дорогой, благородный Пименъ?! Какъ она его теперь любила! А онъ презрительно смелъ ихъ всѣхъ въ одну кучу,—развѣ это не обидно? Конечно, Петръ Ивановичъ—человѣкъ недюжинный, но полководецъ не долженъ презирать своихъ солдатъ, съ которыми идетъ наказать врага или защитить угнетенныхъ. Она готова была нести за нимъ оружіе и кинуться по его первому слову на врага; но если онъ съ презрѣніемъ отнесется къ ней, будетъ ли это справедливо?... Какимъ-то холодомъ повѣяло на нее отъ Петра Ивановича. Она думала, что стоитъ ниже его, но она никакъ не желала всегда оставаться такой; а между тѣмъ слова Петра Ивановича безапелляціонно причисляли ее къ какой-то точно низшей породѣ людей, которымъ никогда не достигнуть высоты, на которой онъ находился. Да и высота ли это наконецъ?—Нѣтъ, нѣтъ! Прочь сомнѣнія!... Если отнять эту увѣренность, что же останется ей?

На другой день имъ предстояло возвратиться въ Вѣну. За чаемъ она робко спросила Петра Ивановича, какъ устроится ихъ будущая жизнь.

Петръ Ивановичъ не сразу нашелся, что отвѣтить. Приходилось говорить прямо,—вилять не было никакой возможности. Его поэтической душѣ стало тѣсно въ грудной клѣткѣ, нѣбо высохло и онъ, запинаясь, объявилъ ей, что жить вмѣстѣ имъ неприлично, что имъ нужно скрывать свои отношенія, а иначе

это дурно отзовется на его карьерѣ. Тутъ онъ распространился насчетъ разныхъ положеній, въ какихъ когда-либо находились различныя женщины, но Фрося первый разъ въ жизни совсѣмъ не слушала второй половины его разглагольствованій и, когда Петръ Ивановичъ хотѣлъ въ заключеніе своей рѣчи приласкать ее, отстранила его руку.

— Подожди,—сказала она,—я должна серьезно подумать объ этомъ. Я не была къ этому приготовлена.

И въ глазахъ ея сверкнуло что-то, еще невѣдомое для него.

Фрося надѣла шляпу и вышла изъ дому, не позволивъ Петру Ивановичу слѣдовать за собой. Онъ повалился на диванъ и думалъ, думалъ, но ничего не выдумалъ больше того, о чемъ тотчасъ сказалъ ей.

А она направилась въ паркъ.

Она шла быстро, никого не замѣчая. Ей встрѣчались цѣлыя толпы мужчинъ и женщинъ. Нѣкоторые останавливались, смотрѣли на нее и невольно думали, куда спѣшитъ въ такую пору эта одинокая, цвѣтущая женщина? Наконецъ, когда гуляющіе стали попадаться рѣже, Фрося свернула съ аллеи, углубилась въ чащу, гдѣ упала на траву и зарыдала.

Итакъ, все, что она смутно предчувствовала, стало для нея теперь дѣйствительностью: ее обманывали въ Вѣнѣ, ее привезли сюда, чтобъ оттянуть или позолотить горечь дѣйствительности, ее обрекаютъ на жизнь полную обмана и горечи. Для чего, для чего нужно прибѣгать къ этому, когда ихъ никто не преслѣдуетъ, когда они свободно отдались другъ другу? Для какого великаго дѣла, передъ которымъ она непремѣнно должна преклониться, нужна эта жертва?—Для того, что ему обѣщали мѣсто товарища прокурора, если онъ захочетъ, и только!

Боязнь общественной морали, боязнь того самаго общества, надъ которымъ онъ не разъ глумился, заставляетъ обречь ее на вѣчную ложь. Такъ вотъ къ чему привели ее надежды на жизнь съ нимъ, исполненную подвиговъ! Нѣтъ, нѣтъ, она не можетъ перенести этого! Всѣ лучшія силы души ея погибнутъ въ мучительномъ усиліи помириться съ постыдною ролью женщины, къ которой приходятъ тайкомъ и потомъ стыдятся показаться съ нею въ обществѣ. Она не дойдетъ до этого!

И, встряхнувъ волосами, она гордо подняла голову. Нѣтъ, нѣтъ!—твердила она и сжимала пальцы. Но глаза ея, устремленные въ даль съ сознаніемъ силы и рѣшимости, вдругъ точно

померкли. Какая-то отдаленная мысль, какое-то невыясненное сознаніе чего-то, подобно страшному призраку, стало подыматься изъ глубины души ея и наконецъ превратилось въ увѣренность. Да, здѣсь, въ тиши лѣса, одинокая, въ глубокой тоскѣ, она въ первый разъ сознала, что будетъ матерью и что задача ея жизни еще болѣе усложняется...

Когда она опять входила въ розовый домикъ, свѣчи уже были зажжены и Петръ Ивановичъ очень обрадовался, увидавъ ее; особенно пріятно поразило его выраженіе ея лица: ни тѣни суровости,—оно было мягко и кротко.

— Милый мой, — сказала Фрося, подходя къ Петру Ивановичу и кладя ему обѣ руки на плечи,—я не могу согласиться на подобную жизнь. Я прошу тебя серьезно подумать объ этомъ. Женщина, у которой есть хоть какое-нибудь самолюбіе, никогда не приметъ на себя такой унизительной роли. Представь, что я такое? Каждая самая простая работница, въ какихъ бы отношеніяхъ ни стояла она къ мужу, не теряетъ связи съ обществомъ, и ей есть названіе. Ты же меня обрекаешь на жизнь безъ имени!

— Фрося, ты съ ума сошла!... Что ты говоришь?—вскричалъ Петръ Ивановичъ.—Какъ тебѣ могутъ придти въ голову подобныя глупости? Вѣдь ты знаешь, что я не могу на тебѣ жениться, я не умышленно поставилъ тебя въ такое положеніе, и всѣ это знаютъ.

— Конечно, пусть всѣ это знаютъ. Но если мы будемъ жить вмѣстѣ, ты этимъ покажешь, что готовъ всегда защищать меня и самъ лично признаешь меня женой своей, дѣлая участницей всѣхъ твоихъ интересовъ.

— Но, голубушка, мое положеніе не позволяетъ мнѣ этого сдѣлать. Я самъ отъ того глубоко страдаю. Мнѣ нельзя опять вернуться въ университетъ, да я и самъ не захочу, развѣ только въ крайнемъ случаѣ. Мнѣ предлагаютъ мѣсто при петербургскомъ окружномъ судѣ; я могу сдѣлать блестящую карьеру, но для этого моя репутація должна быть безупречна, ничто, ни одна былинка сомнительности не должна прилипнуть ко мнѣ!

— Такъ ты лучше вернись въ университетъ,—заговорила Фрося,—продолжай работать. Вѣдь ты хотѣлъ заниматься, хотѣлъ писать книгу. Зачѣмъ тебѣ мѣнять болѣе благородный трудъ на карьеру? Не ты ли говорилъ, что истинную свободу и истинное удовлетвореніе слѣдуетъ искать въ научныхъ заня-

тіяхъ? Ахъ,—сказала она, снимая руки, и лицо ея освѣтилось какимъ-то кроткимъ свѣтомъ, вышедшимъ изъ глубины души ея,—быть-можетъ я—слабая, ничтожная женщина, требующая большой поддержки, но я этого прошу не для себя, а для нашего ребенка...

Наступила мучительная пауза, въ продолженіе которой Петръ Ивановичъ всталъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, а Фрося сидѣла, закрывъ лицо руками.

Первый разъ въ жизни онъ услышалъ отъ женщины, что она будетъ матерью его ребенка, но это извѣстіе, увы, не заставило его родительское сердце забиться отъ радости. Зачѣмъ этотъ ребенокъ? Онъ не желалъ его!... Что онъ будетъ дѣлать съ нимъ?... Въ немъ происходила сильная борьба отчаянія и жалости къ ней, и сквозь все это ясно пробивалось сознаніе, что если онъ теперь не успокоитъ ея, не приласкаетъ, она навсегда для него погибла.

Онъ подсѣлъ къ ней, положилъ ея голову къ себѣ на плечо и высушилъ ея слезы.

Было рѣшено, что они онять возвратятся въ Вѣну. Фрося поселится у своей прежней хозяйки и, если предположеніе ея о материнствѣ станетъ несомнѣнно, они переѣдутъ въ другой городъ и тамъ будутъ ждать... Петръ Ивановичъ не выговорилъ даже, кого они будутъ ждать: языкъ его точно прилипъ къ гортани. Бѣдный отецъ! Даже поэзія и Лютеръ не пришли къ нему на помощь.

VII.

Возвратясь въ Вѣну, Фрося застала свою комнату убранной къ ея пріѣзду; чья-то заботливая рука, какъ видно, тщательно стирала каждую пылинку, на столѣ красовался букетъ свѣжихъ цвѣтовъ. Терезія прыгала вокругъ нея и хлопала отъ радости въ ладоши.

Но что все это значило передъ ощущеніемъ той страшной пустоты, какая образовалась въ душѣ ея? Пьедесталъ, на которомъ стоялъ Петръ Ивановичъ, рушился въ эту поѣздку окончательно. И такъ скоро! Еще нѣтъ трехъ мѣсяцевъ, и уже цѣлая пропасть легла между ея прошлымъ и настоящимъ. Двѣ недѣли тому назадъ она, счастливая, веселая, собиралась ѣхать въ Дорнбахъ; она съ наслажденіемъ думала о томъ, что опять

они будутъ вмѣстѣ, опять повторится то счастливое время, какое они пережили въ Швейцаріи, и вдругъ тотъ, до котораго ей нужно было возвыситься, предсталъ передъ ней маленькимъ чиновникомъ съ тѣмъ почти дѣтскимъ испугомъ, какой изобразился на лицѣ его, когда она сказала ему, что будетъ матерью. Ужасъ охватывалъ ее при воспоминаніи объ этомъ; она никакъ не могла прогнать отъ себя этотъ жалкій, перепуганный образъ. Теперь всѣ его стремленія стали казаться ей ничтожными и призрачными. Неужели человѣкъ, честно идущій на борьбу за правое дѣло, можетъ бояться того, чего не испугалась она, дѣвочка? Нѣтъ, должно-быть и жизнь его будетъ такая же маленькая, какъ и онъ самъ.

И этотъ человѣкъ—отецъ ея ребенка! Но она сама его выбрала, сама! Теперь всѣ ея мечты о жизни съ нимъ, исполненной борьбы и стремленія къ совершенству, становились прошедшимъ, сладкимъ, но утраченнымъ сномъ. Навсегда утрачено то обаяніе его особы, которое было ей такъ дорого, которое согрѣвало ее, мирило ее съ ея ложнымъ положеніемъ. Она чувствовала невыразимую пустоту и холодъ вокругъ себя; даже состояніе борьбы и переходы отъ сомнѣнія къ вѣрѣ были гораздо отраднѣе. Первые дни по пріѣздѣ въ Вѣну она испытывала такое острое страданіе, что готова была кричать отъ боли. Неужели вся жизнь ея будетъ полна усилій подавить въ себѣ всякія стремленія, убить требованія, предъявляемыя природой, помириться съ отцомъ своего ребенка?

Какой ужасъ заключается въ сознаніи, что онъ трусъ! Боязнь общественной морали убила въ немъ проявленіе человѣческихъ инстинктовъ. Она не можетъ любить труса, никогда!

Письма ея въ Петербургъ сдѣлались сжаты и сухи; теперь она не повторяла на каждой страницѣ: «Я счастлива, счастлива, счастлива!» Какъ мучительно для нея было то, что она никакъ не могла оторвать своихъ помысловъ отъ своей теперешней обстановки и думать о чемъ-нибудь другомъ! Сознаніе этого несчастья точно стало поперекъ ея жизненнаго пути и захватило всѣ ея помыслы. Передъ ней лежали двѣ дороги: одна—съ нимъ, гдѣ она должна была ежеминутно чувствовать горечь разочарованія, ежеминутно сознавать, что человѣкъ, котораго она избрала, трусъ и имѣетъ мелкую душу; другой путь—это избавленіе отъ него, это возможность стряхнуть съ себя страданіе, и пусть оно только послужитъ ей очищеніемъ отъ всѣхъ ея недостатковъ,

пусть укрѣпитъ и закалитъ ее на жизнь, достойную названія человѣка... Но ея ребенокъ, ея несчастный ребенокъ!... Въ правѣ ли она отнять у него отца? Вѣдь она и безъ того ничего не можетъ дать ему... И опять—холодъ, опять пустота кругомъ, опять отчаяніе...

Часто, просыпаясь поутру, ей еще въ забытьи казалось, что кто-то умеръ недавно. Она старалась припомнить все свое знакомство съ Петромъ Ивановичемъ до мельчайшихъ подробностей, силилась увѣрить себя, что не все потеряно, что, можетъ-быть, онъ только не любитъ дѣтей, а во всемъ остальномъ онъ окажется достойнымъ любви ея; но ей это не удавалось: въ ней умерла вѣра въ него, умерла любовь, а то, что осталось въ душѣ, это — жалкія лохмотья, которыя не могутъ прикрывать наготы дѣйствительности.

Отношенія къ Петру Ивановичу совершенно измѣнились. Она не задавала ему никакихъ вопросовъ, и онъ не старался подняться въ глазахъ ея: онъ сдѣлался угрюмъ и молчаливъ; онъ почти уже не любилъ ея; его угнетала теперь лишь одна забота; онъ весь былъ поглощенъ желаніемъ избавиться отъ нежданнаго ребенка. Трудно маскировать свои отношенія къ такой женщинѣ, какъ Фрося, но еще труднѣе, если у нея будетъ ребенокъ; нужно во что бы то ни стало избавиться отъ него. Онъ силился увѣрить себя, что она виновата въ томъ, что онъ не желаетъ имѣть потомства; въ другомъ случаѣ онъ могъ проявить отеческую любовь, но съ ней, съ ней все трудно, и лучше разстаться совсѣмъ, чѣмъ имѣть ее съ ребенкомъ. Родившееся дитя не вырвешь у нея изъ рукъ,—онъ отлично понималъ это,— поэтому не слѣдуетъ допустить ему родиться. Какъ онъ раскаявался теперь, что заварилъ всю эту кашу! Ни съ одной женщиной въ мірѣ, думалъ онъ, не было бы у него столько хлопотъ, какъ съ этой дѣвчонкой, которая все взвѣшиваетъ, которая слова не проронитъ, чтобы не разобрать его до ниточки. Такъ ли онъ думалъ провести свое время за границей? Теперь придется застрять въ какомъ-нибудь городѣ, а потомъ, вернувшись въ Россію, имѣть дѣло съ такимъ братцемъ, какъ Пименъ Васильевичъ, который, несмотря на свой либерализмъ, укорялъ его въ томъ, что онъ завлекъ его сестру, и доказывалъ, что онъ обязанъ былъ при первомъ знакомствѣ объявить всѣмъ о своей женитьбѣ. Какъ онъ ненавидѣлъ этого Пимена Васильевича и какъ онъ ошибся въ сестрѣ его!...

Злость душила его, но нужно было дѣйствовать: каждая недѣля, каждый день приближалъ его къ роковой развязкѣ. Однако онъ принялъ твердое рѣшеніе и ничто не могло поколебать его. Онъ рѣшилъ поселиться вмѣстѣ съ ней у г-жи Творшекъ,—кстати тамъ еще есть одна комната, которая отдается,— и если ему удастся уговорить ее, они поѣдутъ въ другой городъ и отдѣлаются отъ этой непріятной исторіи.

Фрося ничуть не обрадовалась извѣстію, что Петръ Ивановичъ переѣзжаетъ къ ней. Она совершенно безучастно смотрѣла на возню, какая поднялась въ квартирѣ вслѣдствіе прибавленія новаго жильца. Терезія имѣла глубокомысленный видъ; обращеніе ея съ Фросей сдѣлалось почтительно, глаза, устремленные на нее, точно говорили: «Я знаю вашу тайну, но я съумѣю хранить и уважать ее!» И Фросѣ часто казалось, что не будь этой дѣвушки, положеніе ея было бы еще ужаснѣе. Петръ Ивановичъ продолжалъ называть ее сестрой своей. Онъ пригласилъ г. Карла давать ей уроки нѣмецкаго языка, а самъ часто запирался въ своей комнатѣ, но Фрося ежедневно слышала сѣтованіе его на то, что онъ не можетъ работать, не можетъ заниматься. Чаще всего онъ уходилъ изъ дому, причемъ попрежнему избѣгалъ брать ее съ собой.

Фрося занималась машинально, чтобы только убить время; но вскорѣ она возненавидѣла своего учителя. Произошло это слѣдующимъ образомъ:

Однажды она услыхала пронзительный крикъ Терезіи. Полагая, что съ ней случилось что-нибудь необыкновенное, она стремглавъ бросилась въ комнату г-жи Творшекъ. Картина, представившаяся ея глазамъ, заставила ее остановиться въ ужасѣ: Терезія, стоя на колѣнахъ, старалась отразить удары своего брата Августа, а Карлъ, прислонившись къ дверямъ, смотрѣлъ на эту сцену. Фрося, хотя мелькомъ взглянула на него, не могла потомъ забыть выраженіе его лица: это была покорность собаки, которую бьютъ. Г-жа Творшекъ съ поднятой вверхъ кухонной ложкой шипѣла. Неожиданное появленіе Фроси прервало эту отвратительную сцену. Августъ поблѣднѣлъ и бросился въ другую комнату: вѣдь она, эта иностранка, поразила когда-то его сердце. Терезія, пользуясь общимъ смятеніемъ, убѣжала вслѣдъ за Фросей.

Онѣ заперли двери, и Фрося съ сверкающими глазами объявила, что будетъ защищать ее и не дастъ въ обиду. Она была

исполнена негодованія и ужаса,—ей первый разъ въ жизни случилось видѣть, какъ бьютъ взрослаго человѣка, да еще такую прелестную дѣвушку. Онѣ сидѣли на диванѣ обнявшись и обѣ горько плакали. Какъ онѣ были обѣ несчастливы!

Терезія силилась убѣдить Фросю, что всему виной тетка, что дома никогда никто къ ней пальцемъ не притронулся: она была самая маленькая, и ее всѣ любили. О, какъ ее всѣ любили, еслибъ только она знала!... И дѣвушка захлебывалась отъ слезъ.

— Отчего же Карлъ не защищалъ васъ?

— Защищать!—вскричала она наивно:—развѣ онъ смѣетъ? Онъ боится потерять семьсотъ гульденовъ, обѣщанныхъ теткой.

Фросю больше всего возмущалъ Карлъ. Карлъ, этотъ ничтожный юноша, не смѣлъ защитить дѣвушку, которую любитъ, изъ боязни потерять семьсотъ гульденовъ! Это красивое, вѣчно улыбающееся лицо, эта привычка поддакивать всѣмъ и каждому были ей до крайности противны. Августъ—тотъ по крайней мѣрѣ былъ убѣжденъ, что тетка имѣетъ право учить его сестру; а Карлъ молчалъ и послѣ всякой непріятности совалъ ей въ руку леденецъ или пряникъ. Бѣдная дѣвушка вполнѣ удовлетворялась даже этимъ жалкимъ выраженіемъ участія. Любовь ея къ Фросѣ сдѣлалась восторженной послѣ этого происшествія.

Однажды Петръ Ивановичъ, указывая на уродливаго Карла глазами, проговорилъ:

— Вотъ какъ здѣсь учатъ! Этотъ молодой человѣкъ умѣетъ стенографировать по-гречески и по-латыни. Это не то, что наши классическія гимназіи!

— И прекрасно, что у насъ не то, — отвѣчала Фрося: — греческая и латинская стенографія убила человѣка въ этомъ юношѣ.

— Перестань!—неистово вскричалъ Петръ Ивановичъ.—Перестань,—я не могу переносить подобнаго невѣжества!

— Я всегда говорю, что думаю,—отвѣчала Фрося:—я имѣла случай наблюдать.

— Что же ты наблюдала? — спросилъ онъ. Въ голосѣ его слышалась насмѣшка и презрѣніе.

Фрося передала ему сцену съ Терезіей.

— Ну, такъ что-жь?—началъ Петръ Ивановичъ.—Все, что ты сейчасъ сообщила мнѣ, показываетъ только, что онъ понимаетъ силу обстоятельствъ и, не имѣя возможности управлять ими, пе-

реноситъ ихъ съ твердостью, не теряетъ любви къ дѣвушкѣ. Героизмъ иногда заключается въ терпѣніи и покорности.

Послѣднюю фразу онъ выговорилъ особенно торжественно, потому что адресовалъ ее Фросѣ; но она этого не поняла.

— Вотъ ужасъ! — горячо воскликнула она: — неужели ты желаешь и для русскихъ юношей такого умѣнья переносить силу обстоятельствъ—видѣть, какъ любимую дѣвушку бьютъ, и молчать изъ боязни потерять семьсотъ гульденовъ?

— Да, желаю, — отвѣчалъ Петръ Ивановичъ твердо. — Нашимъ юношамъ не мѣшаетъ отбросить лишнюю самонадѣянность и грубый эгоизмъ. А по-вашему сейчасъ возмутиться, разыграть сцену, закидать тетку каменьями, наговорить цѣлый коробъ разныхъ разностей, можетъ-быть составить по этому поводу сходку и выбрать предсѣдателя?...

Фрося молчала; онъ казался ей отвратительнымъ въ эту минуту. Петръ Ивановичъ продолжалъ:

— Вамъ нужно смириться,—всѣмъ вамъ нужно смириться!

— И достигнуть этого можно посредствомъ умѣнья стенографировать на древнихъ языкахъ?

— Непремѣнно; посредствомъ строго проведеннаго классическаго образованія,—отвѣчалъ онъ величественно.

— А я бы, — воскликнула Фрося,— скорѣй желала видѣть своего брата или сына простымъ дровосѣкомъ, чѣмъ классикомъ, подобнымъ этому Сватеку, который умѣетъ стенографировать на двухъ древнихъ языкахъ и виляетъ изъ-за денегъ передъ тетенькой. Какая тутъ нравственность? Такой юноша будетъ способенъ на всякую гадость; онъ продастъ все, что ему дорого, за мѣдный грошъ; такой юноша...

— Перестань, ради Бога перестань! — вскричалъ Петръ Ивановичъ, затыкая себѣ уши. — Твои разсужденія могутъ самаго покойнаго человѣка съ ума свести. Этакое невѣжество! Этакій нигилизмъ!

Онъ взялъ книгу и сдѣлалъ презрительный жестъ рукой, желая этимъ показать, что разговоръ конченъ.

Въ душѣ Фроси поднялась цѣлая буря противъ этого человѣка. О, сколько бы она могла наговорить ему,—ему, который очаровалъ ее напускнымъ благородствомъ своихъ стремленій,— ему, который струсилъ того, чего не испугался бы, быть-можетъ, простой поденщикъ.

Она встала и, хлопнувъ дверью, ушла въ свою комнату.

— Фурія!—пробормоталъ онъ себѣ подъ носъ.

Петръ Ивановичъ каждый день собирался приступить къ задуманному плану, но съ негодованіемъ замѣчалъ, что боится. Онъ почти пересталъ любить Фросю. Прежде она представлялась ему доброй, мягкой и покорной,—теперь, глядя иногда на ея красивыя черныя брови и складку, еще рѣзче обозначившуюся надъ переносицей, онъ бывалъ пораженъ ея сходствомъ съ Пименомъ; это обстоятельство увеличивало его нерѣшимость. Но времени нельзя было терять.

Онъ ежедневно жаловался, что не можетъ работать; Фрося не обращала на это никакого вниманія, и это его бѣсило до изступленія.

— Я погибаю,—воскликнулъ онъ однажды, бросая книги на полъ,—я положительно погибаю!

Фрося съ удивленіемъ подняла на него глаза.

— Ты будешь виновата,—заговорилъ онъ,—если я ничего за границей не сдѣлаю. Ты парализуешь мою энергію!

— Я тебя не просила переѣзжать сюда,—отвѣчала Фрося.—Живи себѣ отдѣльно; мнѣ теперь все равно.

— Конечно, вамъ теперь все равно, конечно! Разъ вы имѣете возможность удерживать меня при себѣ, вамъ не зачѣмъ заботиться о моей карьерѣ и о томъ, чтобъ я достигъ чего-нибудь. Я теперь закабаленный вами человѣкъ!

Фрося молчала: что могла она сказать на все это?

— Я не могу имѣть ребенка, слышите? — заговорилъ онъ злобно.—Я не хочу его! Вы должны меня отъ него избавить, иначе я погибну!

Фрося вскочила и съ испугомъ смотрѣла на него. Она почувствовала дрожь во всемъ тѣлѣ, точно прикоснулась къ чему-то отвратительному, и, не имѣя силъ справиться съ охватившимъ ее волненіемъ, быстро отошла къ окну.

Въ ней бушевала глубокая ненависть къ этому человѣку, кровь стучала въ виски. Она безсознательно смотрѣла на противоположный домъ; окна, двери—все слилось въ неопредѣленную картину; она крѣпко ухватилась за подоконникъ. Какой обезображенной, скомканной ей показалась ея жизнь! Какое поруганіе всѣхъ человѣческихъ чувствъ! Ребенокъ, для котораго она силилась помириться съ нимъ,—онъ не хочетъ этого ребенка. И какъ грубо, какъ ужасно!

Точно чья-то желѣзная рука сдавила ей горло и ей нечѣмъ было дышать. Она безумно повела глазами и распахнула окно. На одно мгновенье перспектива тотчасъ покончить съ собой, бросившись изъ окна, показалась ей безконечно привлекательной; еще секунда—и она, какъ снопъ, свалилась на полъ.

Когда она пришла въ себя послѣ продолжительнаго обморока, въ комнатѣ происходила суета невообразимая. Голова ея лежала на полу въ цѣлой лужѣ воды, руки ея держалъ какой-то незнакомый человѣкъ, а въ комнатѣ кто-то навзрыдъ плакалъ. Это была Терезія. Фрося попросила, чтобъ всѣ ушли и оставили ее одну.

Она очень медленно поправлялась и чувствовала себя разбитой, точно послѣ тяжелой болѣзни. Петръ Ивановичъ съ волненіемъ въ голосѣ разсказывалъ ей, какъ они долго не могли привесть ее въ чувство, какъ докторъ объявилъ, что, по всей вѣроятности, у нея лопнула артерія. Онъ просилъ ее простить ему, не помнить того, что произошло между ними. Фрося чувствовала полную апатію,—ей было все равно, что̀ бы ни говорилъ этотъ человѣкъ. Одного желала она—спокойствія, полнаго спокойствія, а этого-то ей и не давали.

VIII.

Опять потекли дни за днями, однообразные, скучные, не принося съ собой никакой перемѣны въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Петръ Ивановичъ былъ задумчивъ и подавленъ. Когда онъ увидалъ Фросю распростертой на полу, мысль, что быть-можетъ онъ убилъ ее, заставила его сердце забиться страхомъ и любовью, но это продолжалось не долго. По мѣрѣ ея выздоравливанія имъ по-прежнему овладѣло нежеланіе имѣть ребенка. Съ какой стороны ни разсматривалъ онъ свое положеніе, онъ думалъ, что ему нужно проститься съ надеждой сдѣлать блестящую карьеру,—отъ Фроси не отдѣлаешься, какъ отъ всякой другой женщины. За ней стоялъ братъ. Мысль его, безпрестанно вертясь около этого предмета, представляла ему Фросю виновницей всѣхъ его разбитыхъ надеждъ. Ему казалось непростительнымъ эгоизмомъ съ ея стороны не хотѣть пожертвовать ребенкомъ его будущему благополучію.

А Фрося? Материнство спасало ее отъ взрывовъ отчаянія и горя, но по временамъ ею овладѣвало такое страстное желаніе

ѣхать тотчасъ въ Петербургъ къ брату, что она едва могла справляться съ нимъ. Каждое письмо, получаемое ею съ своей далекой родины, заставляло ее на мгновеніе переживать всю горечь испытанныхъ разочарованій.

Теперь впервые, со всею впечатлительностью молодого, разбитаго сердца, она поняла, какая маленькая доля людей живетъ счастливо и какое ничтожное зернышко представляютъ ея страданія въ массѣ безконечно тяжелыхъ страданій людскихъ. Здѣсь, въ этомъ чуждомъ для нея городѣ, билась сильная, могучая жизнь, ничѣмъ не задерживаемая; она проявлялась и въ быстро растущихъ домахъ, и въ тѣхъ удобствахъ, какія невольно испытываетъ на себѣ всякій, и въ блѣдныхъ губахъ женщинъ, и съ мольбой устремленномъ взглядѣ нищаго. Какъ бы хотѣла она прислушаться къ этой жизни и потопить свое личное горе въ страданіяхъ массы. Къ несчастью, она стояла въ сторонѣ отъ всякой жизни, такъ одиноко, въ такой невозможности близко подойти къ ней, какъ можетъ только стоять женщина въ чужомъ городѣ и въ такомъ грустномъ положеніи.

Прошелъ августъ со своими знойными днями, когда не знаешь куда дѣться отъ жары, когда въ открытыя окна льется воздухъ подобно раскаленной лавѣ, и даже прохладныя ночи не могутъ остудить камня и желѣза. Ужасенъ городъ въ это время! Но вотъ наступила безконечная дивная южная осень. Мясники стали жаловаться, что очень мало продаютъ говядины. Вся Вѣна питалась фруктами. Цѣлыя горы сливъ, грушъ, яблокъ и винограда, рдѣя на солнцѣ и отливая золотомъ, возвышаются на базарахъ и на всѣхъ перекресткахъ. Школяры отпущены на виноградный сборъ. Какое-то ликованіе чувствуется въ воздухѣ, точно всѣ вдругъ насытились и повеселѣли. Г-жа Творшекъ предпринимала безпрестанныя прогулки за городъ. Фрося присоединилась къ нимъ. Петръ Ивановичъ не препятствовалъ ей въ этомъ,—это избавляло его отъ обязанности сопровождать ее самому. И куда-бъ они ни отправились, вездѣ они встрѣчались со школьниками. Если это случалось на конкѣ, кондукторы спѣшили затормозить вагоны, чтобъ остановить ихъ, а встрѣчный поѣздъ, украшенный разноцвѣтными флагами, торжественно проходилъ мимо. Женщины махали платками, мужчины бросали вверхъ шапки, радостныя привѣтствія наполняли воздухъ, редставители молодого поколѣнія, увѣнчанные виноградными ями, ликующіе и счастливые, уносились дальше. Завтра

ихъ опять повезутъ куда-нибудь. Они—цвѣтъ и надежда общества: въ лицѣ ихъ оно привѣтствуетъ свою будущность. Фрося никогда не видала ничего подобнаго у себя на родинѣ. Послѣ каждой такой встрѣчи она чувствовала приливъ бодрости; она забывала свои страданія и въ такія минуты очень ловко умѣла отпарировать Петру Ивановичу, особенно если онъ начиналъ свои издѣвательства надъ русскою молодежью. Какъ онъ бывалъ несносенъ!

Наступилъ ноябрь, дождливый, пасмурный съ безконечными вечерами. Единственное развлеченіе для Фроси было блуждать съ Терезіей по освѣщеннымъ улицамъ столицы. Ея квартира, съ полинялой шерстяной обивкой на мебели, съ темными закопченными потолками, казалась ей нестерпимой душной клѣткой; въ ней все напоминало объ ея разбитыхъ мечтахъ, объ ея утраченномъ идеалѣ. Петръ Ивановичъ никогда не бралъ ее съ собой, да она и не просила его объ этомъ; она по большей части находилась въ апатичномъ состояніи, только тѣ вечера, которые Петръ Ивановичъ проводилъ дома, составляли для нея истинную пытку. Они сидѣли обыкновенно въ одной комнатѣ за однимъ столомъ, такъ какъ имѣли всего одну лампу, и Петръ Ивановичъ ни за что не хотѣлъ купить другую. Теперь, поселившись съ ней, онъ проявлялъ самую мелочную, самую позорную скупость. Фрося ходила въ порванныхъ ботинкахъ, чтобы не унижать себя просьбой купить ей другіе. Петръ Ивановичъ въ вечера, о которыхъ я говорю, находилъ особенное наслажденіе раздражать ее. Онъ начиналъ обыкновенно сравнивать себя съ нею и ея братомъ; при этомъ онъ приписывалъ имъ то, чего у нихъ никогда въ мысляхъ не бывало. Фрося старалась выдержать подобную атаку хладнокровно, но иногда она уходила въ темную комнату и тамъ ложилась. Петръ Ивановичъ слѣдовалъ за ней и подъ прикрытіемъ мрака доходилъ до пафоса въ самовосхваленіи, а Фрося съ ненавистью думала въ такія минуты: «Если ты будешь властелиномъ міра и мнѣ предложишь раздѣлить судьбу твою, я откажусь отъ подобнаго счастья». Самый его голосъ, звучный, гибкій, манера говорить убѣдительно и красиво—все это возбуждало въ ней отвращеніе и она часто дрожала отъ ненависти къ нему. Къ этому присоединилось еще безпокойство о братѣ. Цѣлыхъ три недѣли не получала она писемъ, а потомъ пришла изъ Петербурга маленькая записочка, въ которой Пименъ извѣщалъ ее, что вѣроятно онъ скоро пріѣдетъ въ Вѣну.

Фросю такъ испугало это извѣстіе, что она готова была убѣжать куда-нибудь изъ Вѣны. По какому-то необъяснимому чувству, она не рѣшилась сообщить объ этомъ Петру Ивановичу, и съ ужасомъ ждала пріѣзда брата. Какъ она предстанетъ предъ нимъ, что онъ скажетъ? Какое горе причинитъ ему ея несчастье! Всѣ эти мысли, не переставая, волновали ее, и вотъ однажды вошла Терезія и объявила, что какой-то бѣлокурый господинъ изъ Петербурга спрашиваетъ ее. Ей потребовалось не мало времени собраться съ духомъ и выйти въ гостиную. Ноги ея подкашивались; она опустилась въ кресло прежде, чѣмъ успѣла разсмотрѣть лицо пріѣзжаго.

Гость былъ дѣйствительно блондинъ, но страхъ Фроси скоро прошелъ: то не былъ ея братъ, а человѣкъ совершенно незнакомый.

— Извините, пожалуйста,—заговорилъ онъ быстро:—по вашему волненію я могу заключить, что вы не меня ожидали видѣть. Всему причиной мое неумѣнье выражаться хорошо по-нѣмецки. Я такъ разсѣянъ, что забылъ взять свои карточки и, поднимаясь къ вамъ на лѣстницу, вспомнилъ, что даже письма къ вамъ не захватилъ съ собою.

При этомъ онъ еще разъ пошарилъ въ карманахъ, точно все еще сомнѣваясь въ своей разсѣянности.

— Но вы извините мою безцеремонность: сегодня я непремѣнно долженъ писать Пимену Васильевичу; я не могъ отложить моего визита, такъ какъ мнѣ велѣно было тотчасъ явиться къ вамъ и отрапортовать ему, что я видѣлъ васъ совершенно здоровой.

Выговоривъ залпомъ всю эту тираду, гость перевелъ духъ и засмѣялся. Его каріе глаза смотрѣли просто и весело. Фрося, думавшая сначала, что не совсѣмъ было деликатно не предупредивъ, прямо ввалиться въ комнату и причинить ей столько тревогъ, теперь сама засмѣялась и пригласила его садиться.

— Мнѣ очень пріятно будетъ сообщить вашему брату, что вы совершенно здоровы,—сказалъ онъ.

— Но вы даже не спросили меня, здорова ли я?

— Я это вижу! Я, знаете, докторъ и могу положительно утверждать, что физически вы совершенно здоровы.

Фрося сдѣлала нетерпѣливое движеніе, а докторъ поспѣшно прибавилъ:

— Конечно, я этимъ не хотѣлъ сказать, что предполагаю въ васъ какой-нибудь нравственный недугъ. На столько еще наша

наука не шагнула, чтобы заглядывать въ душу человѣка.—И онъ опять засмѣялся.

«Какъ онъ много смѣется»,—подумала Фрося.

— А братъ мой здоровъ?—спросила она, желая перемѣнить разговоръ.

— Вашъ братъ,—отвѣчалъ онъ, глядя на нее,—былъ боленъ, но теперь онъ внѣ всякой опасности.

— Вы говорите: внѣ опасности,—развѣ была опасность?

— Онъ перенесъ тифъ.

— Это ужасно!—вскричала Фрося и откинулась на спинку кресла.—Мнѣ никто ничего не писалъ объ этомъ... Это ужасно!

— Вы тревожитесь, когда онъ совершенно здоровъ,—что же было бы, еслибъ вамъ написали о томъ, что онъ боленъ?

— Такъ вы говорите, что братъ мой перенесъ тифъ?—спросила она опять.

— Да, тифъ у него былъ порядочный, но онъ перенесъ его безъ всякихъ послѣдствій, а это самое главное. Я боялся одно время за его легкія и вслѣдствіе этого вамъ, по всей вѣроятности, написали, что онъ будетъ въ Вѣнѣ. Мы думали послать его въ Швейцарію.

— Значитъ, вы лѣчили Пимена?—спросила Фрося.

— Да, преимущественно я. Мы съ нимъ большіе пріятели.

Фрося протянула гостю руку. Тотъ крѣпко пожалъ ее и прибавилъ:

— Пименъ Васильевичъ просилъ передать вамъ, что онъ будетъ совершенно покоенъ, если вы въ случаѣ надобности обратитесь ко мнѣ за совѣтомъ или за помощью.

«На что онъ намекаетъ?»—подумала Фрося.

— Но, конечно,—продолжалъ докторъ,—пока вы совершенно здоровы, моя помощь вамъ не понадобится.

— Благодарю васъ,—отвѣчала она.

— А теперь до свиданья, Евфросія Васильевна! — сказалъ онъ, вставая и ища шляпу.—Завтра я вамъ принесу письма. Но если желаніе прочесть ихъ въ васъ очень сильно, то я могу сдѣлать это и сегодня. Вотъ горе — всю жизнь искать шляпу! Не правда ли, дурной знакъ терять покрышку съ головы?... Такъ я сегодня принесу письма. До свиданья!

— Не безпокойтесь, пожалуйста, я подожду.

Онъ было вышелъ, но опять вернулся.

— Софья Петровна блистательно выдержала экзаменъ изъ стенографіи и ей ужь обѣщали мѣсто.

— Видите, сколько вы знаете хорошихъ вещей и такъ быстро уходите. Посидите еще,—проспла она.

— Завтра,—отвѣчалъ докторъ, —завтра мы съ вами потолкуемъ обо всемъ обстоятельно, а теперь до свиданія. Вѣдь я только сегодня пріѣхалъ въ Вѣну.

Онъ ушелъ, а Фрося продолжала сидѣть въ креслѣ. Чѣмъ-то безконечно дорогимъ и милымъ повѣяло на нее. Родина предстала предъ ней и точно укоризненно спрашивала: «что ты тутъ дѣлаешь? Тамъ женщины борятся, учатся, держатъ экзамены, а ты что? Молодыя силы души твоей тратятся на то только, чтобы помириться съ нимъ». Какой она жалкой и ничтожной казалась себѣ въ эту минуту, гдѣ были глаза ея! Какъ могла она увлечься подобнымъ человѣкомъ! «О, если я стряхну съ себя это иго,— думала она,—я никогда никому не отдамся. Я посвящу жизнь свою работѣ. Лучше переносить тяжелый трудъ, холодъ и голодъ, чѣмъ такое униженіе».

Пришелъ Петръ Ивановичъ. Ему еще въ передней сообщили о томъ, что кто-то былъ у нихъ. Когда Фрося отвѣчала на его вопросы, ей казалось, что она оскорбляетъ себя и тѣхъ—своихъ, и то, что ей было такъ дорого въ настоящую минуту.

— Надѣюсь, онъ не станетъ надоѣдать намъ своими визитами,—сказалъ Петръ Ивановичъ, высокомѣрно надувъ губы.

— Быть-можетъ онъ совсѣмъ не захочетъ бывать у насъ,— отвѣчала Фрося.

— Навѣрное знаю, что захочетъ, и если только дать поблажку, то сейчасъ же начнетъ просвѣщать васъ насчетъ вашего ужаснаго положенія.

— Какъ это возмутительно!—вскричала Фрося. — Меня совершенно незачѣмъ просвѣщать, — вы и такъ достаточно надъ этимъ поработали!

Она встала и ушла къ себѣ въ комнату.

Петръ Ивановичъ злился. «Еще недоставало, чтобъ сюда пріѣзжали разные пріятели братца!—думалъ онъ.—Знаю я, что это за народъ... Нужно его сразу отчалить такъ, чтобъ онъ не смѣлъ другой разъ явиться...» И Петръ Ивановичъ рѣшилъ весь день завтра не уходить изъ дому, чтобы не пропустить докторскаго визита.

Пробило двѣнадцать часовъ и раздался звонокъ. Петръ Ивановичъ такъ наэлектризовался предстоящимъ свиданіемъ, что даже вздрогнулъ.

— Никита Сергѣевичъ Гордѣевъ,—сказалъ докторъ, входя въ комнату, и быстро снявъ шляпу, сталъ вытирать потъ, собравшійся на лбу его крупными каплями.

«Вотъ мужицкое имя!»—подумалъ Петръ Ивановичъ и величественно протянулъ ему руку.

— Вамъ нужно сестру мою?—быстро спросилъ онъ.

Гордѣевъ вскинулъ на него глазами. Петръ Ивановичъ сконфузился, и сцена, вмѣсто величественной, вышла комичная. Чтобы скрыть свое смущеніе, онъ чуть не въ припрыжку подскочилъ къ двери и крикнулъ:—Фрося!—такимъ неестественнымъ голосомъ, что Гордѣевъ едва не прыснулъ отъ смѣха, а вошедшая Фрося очень удивилась, увидавъ улыбающееся и нѣсколько сарказтическое выраженіе лица доктора и сконфуженную фигуру Петра Ивановича.

— Вотъ я и явился,—сказалъ Гордѣевъ улыбаясь.—Я спѣшилъ вручить вамъ письма, навѣрное зная, что вы горите нетерпѣніемъ скорѣй прочесть, что вамъ пишутъ.

Фрося распечатала конвертъ и принялась сейчасъ же за чтеніе. Щеки ея покрылись яркимъ румянцемъ.

— Фрося!—внушительно замѣтилъ Петръ Ивановичъ,—ты можешь прочесть письма и послѣ. Не хорошо оставлять такимъ образомъ гостя.

Фрося подняла глаза, докторъ тоже взглянулъ на него, и оба они невольно улыбнулись.

— Я васъ попрошу, Евфросія Васильевна, читайте. Иначе, занимая меня съ письмомъ въ карманѣ, вы мысленно будете прогонять меня прочь, а я бы этого не желалъ.

— Конечно, вы правы,—сказала она и принялась снова за письмо.

Петръ Ивановичъ сидѣлъ на окнѣ и хлопалъ тросточкой по сапогу. Онъ хотѣлъ уничтожить доктора своей неприступностью и величіемъ, но первая фраза, сорвавшаяся съ его языка, была такъ не кстати, такъ неумѣстна, что онъ именно ей приписывалъ будто бы нахальную манеру, съ какой докторъ держалъ себя. А докторъ между тѣмъ ходилъ по комнатѣ, обмахиваясь платкомъ, и на лицѣ его ничего не выражалось, кромѣ легкой усталости и самаго невозмутимаго спокойствія.

— А, вотъ вы и кончили!—воскликнулъ онъ, останавливаясь и опускаясь въ кресло подлѣ Фросн.—Если что-либо требуетъ коментаріевъ, я къ вашимъ услугамъ. Право, Евфросія Васильевна, вы посмотрѣли бы теперь на Софью Петровну, сколько у нея дѣла! Осенью проектируется чтеніе публичныхъ лекцій, которыя прямо поведутъ въ университетъ.

— Но университета для нихъ не откроютъ,—замѣтилъ Петръ Ивановичъ.

— Отчего же? Цюрихскій давно открытъ! Можно надѣяться, что со временемъ ихъ откроютъ много.

— Вы, конечно, принадлежите къ числу поборниковъ женскаго вопроса? — спросилъ Петръ Ивановичъ, насмѣшливо улыбаясь.

— А вы не принадлежите?

— Я понимаю этотъ вопросъ гораздо шире ходячихъ, грошевыхъ мнѣній о немъ. Я понимаю, что женскій вопросъ еще не разрѣшится тѣмъ, что женщинамъ позволятъ ходить въ университетъ и слушать лекціи; напротивъ, эта мѣра скорѣй оттянетъ женщинъ отъ того дѣла, къ которому онѣ призваны самой природой и на правильное исполненіе котораго должны быть прежде всего обращены всѣ ихъ нравственныя силы.

«О, Господи, какъ высокопарно!»—подумалъ докторъ и только-что открылъ ротъ, чтобъ отвѣтить ему, какъ вниманіе его было привлечено Фросей.

Глаза ея сверкали, ноздри слегка вздрагивали. Она подошла къ Петру Ивановичу и твердымъ голосомъ спросила:

— Скажи, въ чемъ по-твоему разрѣшеніе женскаго вопроса и отъ чего университетъ можетъ на время отодвинуть женщину?

— Въ семьѣ и отъ семьи!—сказалъ Петръ Ивановичъ, не сморгнувъ, только легкая судорога скривила его ротъ.

Фрося нервно засмѣялась и вышла изъ комнаты.

Петръ Ивановичъ не ожидалъ подобной выходки. Онъ остался съ глазу на глазъ съ докторомъ. Этотъ послѣдній взялся за шляпу; лицо его уже не улыбалось.

— Вы пріѣхали сюда учиться? — спросилъ его Петръ Ивановичъ.

— Учиться,—отвѣчалъ онъ.

— Мы тоже постоянно заняты и потому не будемъ мѣшать другъ другу.

— Меня просилъ Пименъ Васильевичъ навѣщать его сестру. Если Евфросія Васильевна скажетъ, что не желаетъ видѣть меня, я долженъ буду повиноваться ея приказанію.

— Вашъ адресъ?—спросилъ Петръ Ивановичъ.

Докторъ вынулъ изъ кармана карточку и, написавъ на ней адресъ, вышелъ изъ дому.

«Что-жь это такое?—думалъ онъ.—Дѣла идутъ, кажется, хуже, чѣмъ Пименъ думаетъ. Что онъ такое: ревнивый деспотъ, или подлецъ?... Называетъ ее сестрой, а между тѣмъ она беременна... Какъ мнѣ написать Пимену? Чортъ знаетъ, гдѣ у нея были глаза выбрать такую дубину! А сама, кажется, имѣетъ еще дѣтское сердце. Нечего дѣлать, буду ждать, что она мнѣ напишетъ.

Когда Петръ Ивановичъ вошелъ въ комнату Фроси, она лежала на диванѣ вытянувшись, съ полуоткрытыми глазами.

— Ты какъ смѣешь устраивать мнѣ скандалы?—закричилъ онъ.

Фрося ничего не отвѣчала.

— Я знаю,—продолжалъ Петръ Ивановичъ,—что вашъ братецъ прислалъ этого соглядатая для того, чтобы слѣдить за мной и доносить ему... Встаньте сейчасъ и напишите ему, чтобъ онъ не смѣлъ являться къ намъ! Я его не желаю видѣть,—слышите?—не желаю!

Фрося продолжала лежать. Его грубый голосъ дѣйствовалъ на нее подавляющимъ образомъ.

— Слышите, что я вамъ говорю,—заревѣлъ Петръ Ивановичъ,—или прикажите васъ поднять?

— Если вы не уйдете отсюда, я не встану съ мѣста и не напишу ничего,—отвѣтила Фрося твердо.

— Сволочь!—прошипѣлъ онъ и хлопнулъ дверью.

Фрося не вскрикнула и не заплакала,—она продолжала попрежнему лежать съ вытянутыми ногами. Ея сухіе глаза смотрѣли въ пространство, но внутреннія слезы, болѣе жгучія и горькія, текли въ ней; это были слезы, которыя уносятъ красоту и молодость; эти слезы оставляютъ кровавые слѣды и ничѣмъ потомъ ихъ не изгладишь.

Прошелъ часъ прежде, чѣмъ она могла встать и написать письмо. Когда она опять легла, вошелъ Петръ Ивановичъ.

— О, Господи! — простонала Фрося. — Неужели она должна подвергнуться униженію примириться съ нимъ?

Онъ сталъ у ея кровати на колѣна и началъ говорить жалобныя слова, которыя казались ей въ эту минуту ужаснѣе всякой брани. Вѣдь онъ знаетъ, что ея братъ ненавидитъ его, что онъ нарочно подослалъ этого доктора. Ну, положимъ, не подослалъ, а тотъ самъ пріѣхалъ учиться; но развѣ можно не предупредивши ворваться въ чужой домъ? Развѣ не могъ Пименъ сдѣлать это деликатнѣе? Онъ, Петръ Ивановичъ, знаетъ, что не можетъ ничего дать ей, Фросѣ, но онъ не переставалъ любить ее, а она его ненавидитъ; онъ это чувствуетъ, онъ не можетъ не сознавать этого. Онъ боится этого доктора,—боится потому, что она можетъ совсѣмъ отъ него отвернуться. Нехорошо, что она такая злопамятная и не желаетъ забыть того, чего онъ никогда болѣе не повторитъ ей.

— Прости меня, моя голубушка!—заключилъ онъ свои разглагольствованія.—Я такъ несчастливъ, что часто не помню самъ, что говорю. Хочешь, мы куда-нибудь уѣдемъ?

Фрося ничего не хотѣла. Самое сильное желаніе ея было не видѣть его никогда, а если это невозможно, то умереть.

Петръ Ивановичъ, однако, не успокоился. Этотъ Гордѣевъ не покидалъ его ни на минуту; онъ чувствовалъ къ нему такую же ненависть, какъ къ ея брату. Выйдетъ ли Фрося погулять, онъ видитъ его около нея; раздастся ли звонокъ, ему кажется, что докторъ пришелъ. Это не была ревность,—это былъ страхъ, обиженное самолюбіе, сознаніе, что Гордѣевъ принадлежитъ къ нимъ, этимъ Пименамъ, Фросямъ, Сонямъ, которые стали ему на дорогѣ съ своими особыми взглядами, съ своими требованіями, которыя онъ не можетъ и не хочетъ признать. И онъ рѣшилъ бѣжать отъ Гордѣева.

Когда Фрося узнала объ этомъ, она пришла въ ужасъ. Какъ! опять новый городъ, гдѣ она не будетъ даже знать, что есть человѣкъ, къ которому, въ случаѣ невыносимаго страданія, она можетъ обратиться. Она, какъ утопающая, хваталась теперь за Гордѣева и Терезію. Если ихъ не будетъ, она не можетъ жить. Жизнь съ Петромъ Ивановичемъ въ чужомъ городѣ казалась ей могилой.

Это не было только разочарованіе въ человѣкѣ,—нѣтъ, послѣдняя сцена показала, что онъ можетъ употребить противъ нея даже насиліе. Зачѣмъ онъ везетъ ее изъ Вѣны? Что онъ задумалъ? Она ему больше не вѣрила, она боялась его,—боялась его безсердечнаго отношенія къ себѣ и своему ребенку. Она угова-

ривала его остаться, ссылалась на свое положеніе, на то, что ей нужна будетъ помощь знакомыхъ женщинъ,—все напрасно; и даже чѣмъ больше она его убѣждала, тѣмъ непреклоннѣе стоялъ онъ на необходимости уѣхать, какъ онъ выражался, «изъ этого проклятаго города. Ему нужно работать, а вѣнская атмосфера мѣшаетъ ему».

Разговоръ этотъ могъ опять кончиться какой-нибудь грубой сценой и потому Фрося умолкла, но ею овладѣло отчаяніе. Она задыхалась въ его присутствіи; она видѣла, что не можетъ уже больше оставаться съ нимъ съ глазу на глазъ. Нужно было предпринять что-нибудь, нужно было бѣжать, но какъ?... Она не смѣла сообщить ему, что желаетъ уѣхать, что не можетъ переносить его больше; она не могла заранѣе сказать, на что способенъ этотъ человѣкъ въ минуту гнѣва. Потомъ у нея не было ни гроша денегъ. Подъ вліяніемъ всего этого она рѣшилась повидаться съ Гордѣевымъ; ей нужно было опереться на кого-нибудь,—она была слишкомъ одинока.

Гордѣевъ, получивъ письмо, въ которомъ она его просила не приходить къ нимъ, не зналъ, что ему дѣлать. Онъ не любилъ мѣшаться въ чужія дѣла, особенно семейныя: «Кто ихъ тамъ разберетъ?»—думалъ онъ, но все же писать Пимену объ этомъ обстоятельствѣ не рѣшился. Онъ медлилъ. Слѣдующіе затѣмъ дни принесли ему столько хлопотъ, что онъ совсѣмъ забылъ о Фросѣ, когда, сидя за завтракомъ, получилъ отъ нея записку:

«Приходите въ 5 часовъ въ Volksgarten. Я буду ждать васъ въ храмѣ Тезея.—Фрося Акимова».

День былъ холодный и пасмурный. Онъ рѣшился идти раньше на свиданіе, чтобы не заставить ее ожидать себя и продрогнуть. Однако ему пришлось очень долго ходить взадъ и впередъ у храма,—такъ долго, что онъ начиналъ сердиться. «Должно-быть что-нибудь ее задержало»,—успокоивалъ онъ себя и ужь совсѣмъ было собрался уходить, какъ на поворотѣ въ алею, ведущую къ выходу, вдругъ увидалъ ее. Она шла тихо, видимо утомленная, и имѣла такой видъ, что Гордѣевъ поспѣшно приблизился къ ней и взялъ ее за руку. Фрося слегка отшатнулась,—она его не тотчасъ узнала. Потомъ лицо ея вспыхнуло и она устремила на него свои большіе глаза, лишенные блеска. У Гордѣева заныло сердце. Подобный взглядъ былъ ему очень, очень знакомъ. Такъ смотритъ больной на доктора передъ мучительной операціей. Во взглядѣ ея выражалась надежда, страхъ и

дѣтское довѣріе. Вѣдь онъ не растеребитъ ея душевной раны больше, чѣмъ слѣдуетъ; онъ пойметъ, какъ ей трудно было рѣшиться позвать его. Движимый братскимъ состраданіемъ, онъ бережно ее обнялъ и повелъ дальше. Они молча взошли въ средину храма; она слегка дрожала въ рукахъ его. Тусклый свѣтъ, падающій сверху, освѣщалъ колоссальную фигуру Тезея, которая застыла точно отъ холода, господствовавшаго здѣсь. Гордѣевъ снялъ пальто, разостлалъ его на мраморныхъ ступеняхъ и пригласилъ ее сѣсть. Садясь, она закашлялась.

— Вы кашляете,—сказалъ онъ съ участіемъ. — Это нехорошо. Ваша жизнь нужна теперь не однимъ вамъ, но и вашему ребенку.

— О, мой ребенокъ,—прошептала Фрося и, какъ дитя, припавъ къ нему на плечо, зарыдала.

Часовой, ходившій на площадкѣ и остановившійся было противъ входа, быстро отошелъ прочь и, нахмурясь, что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ.

Докторъ сжималъ ея руку, но ничего не говорилъ, ничѣмъ не утѣшалъ ея,—онъ зналъ, что слезы облегчатъ ее, что онѣ были лучше того состоянія, въ какомъ она находилась. Онъ далъ ей вволю наплакаться. Онъ снялъ съ нея шляпу и растегнулъ воротъ бурнуса. Черезъ нѣсколько минутъ Фрося подняла голову.

— Вы такъ добры ко мнѣ, а я такъ несчастна,—сказала она.

— Я это вижу,—отвѣчалъ онъ.

— Но я сама, сама во всемъ виновата.

— Полноте, не будемъ говорить о томъ, кто правъ, кто виноватъ. Лучше потолкуемте, что можно сдѣлать, чтобъ облегчить васъ. Ни призвать ли вашего брата?

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно,—воскликнула Фрося,—не дѣлайте этого! Я не хочу заставлять другихъ страдать. Скажите, вы ничего ему не писали?

— Ничего,—отвѣчалъ докторъ.

— Знаете, мы ѣдемъ изъ Вѣны. Здѣсь я еще могу выносить эту жизнь, но тамъ, въ чужомъ городѣ... я не знаю, что со мной будетъ! Я такъ одинока, — сказала она и опять заплакала.

Гордѣеву было больно смотрѣть на эту страдающую женщину, еще почти ребенка.

— Уйдемте отсюда,—сказалъ онъ,—здѣсь очень холодно и сыро, а вы кашляете.

Онъ помогъ ей встать. Они вышли изъ сада и направились черезъ гласисъ.

— Куда вы ѣдете? — спросилъ докторъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Я не знаю,—отвѣчала Фрося поспѣшно.—Я и знать объ этомъ не буду. — И она умолкла.

Они молча продолжали свой путь. У воротъ дома, гдѣ она жила, они остановились.

— Вы придете, если я позову васъ? — спросила его Фрося чуть слышно.

— Я прибѣгу на вашъ зовъ,—отвѣчалъ онъ поспѣшно.— Помните, Евфросія Васильевна, что я считаю вашего брата лучшимъ изъ людей и онъ другъ мнѣ!

Фрося вздохнула. Она чувствовала невѣроятную усталость и такую острую боль въ спинѣ, что та заглушила въ ней на время всѣ душевныя муки. Гордѣевъ не посмѣлъ проводить ее до дверей квартиры. Онъ почтительно поцѣловалъ ея руку и они разстались.

IX.

Петръ Ивановичъ вернулся домой ровно въ 6 часовъ. Узнавъ, что Фроси нѣтъ и что она ушла куда-то совершенно одна, онъ пришелъ въ ярость. Для него не было никакого сомнѣнія въ томъ, что она видѣлась съ Гордѣевымъ раньше и ушла теперь на свиданіе съ нимъ. Самолюбіе его было оскорблено. Онъ считалъ себя поруганнымъ въ самыхъ святѣйшихъ своихъ чувствахъ. Можетъ ли онъ любить и уважать женщину, которая нарушила святость семейнаго очага?—Никогда! Между ними все кончено, все... Онъ ходилъ по комнатѣ и величественно разводилъ руками. Зритель со стороны могъ принять его за сумашедшаго. То онъ вдругъ останавливался посреди комнаты въ трагической позѣ, складывалъ на груди руки и укоризненно смотрѣлъ въ пространство, то дѣлалъ величественный знакъ по направленію къ двери и прозносилъ почти вслухъ: «Вы можете возвратиться туда, откуда пришли,—я васъ больше не удерживаю». Да, онъ имѣетъ право сказать ей это, имѣетъ полное право. Она ругается надъ нимъ. Между ними все кончено, все, навсегда...

Пусть братецъ беретъ ее къ себѣ... Это плоды его воспитанія... И онъ шагалъ по комнатѣ. Онъ дышалъ свободно послѣ стольких мѣсяцевъ напряженнаго состоянія. Не онъ, а она порвала отношенія. Онъ—не мальчишка; у него есть принципы, нарушить которые онъ не позволитъ никогда никому!... Вдругъ какая-то мысль осѣнила его голову. Онъ зажегъ лампу, пріотворилъ дверь и позвалъ Терезію. Терезія вошла смущенная. Она не любила и боялась его.

— Куда ушла Freulen?—спросилъ онъ ее грозно.

— Не знаю,—отвѣчала она чуть слышно.

Петръ Ивановичъ подошелъ къ ней и взялъ ее за руку. Она испуганно попятилась назадъ.

— Nisht gut, — сказалъ онъ убѣдительно, — es ist sehr schlesht. — Голосъ его вибрировалъ.

Терезія, видѣвшая, какъ Фрося передавала записку комиссіонеру, покраснѣла до корней волосъ и готова была расплакаться. Петръ Ивановичъ торжествовалъ. Ему не нужно было никакихъ доказательствъ больше. Теперь онъ зналъ все.

— Идите, дитя, — сказалъ онъ протяжно и кротко, качая головой,—идите къ себѣ.

Терезія закрыла лицо передникомъ и уничтоженная бросилась вонъ изъ комнаты. Петръ Ивановичъ опять началъ ходить. Онъ испытывалъ даже нѣкоторое умиленіе, онъ думалъ: «я любилъ ее, но теперь долженъ разстаться, долженъ,—моя честь того требуетъ». Послышался слабый звонокъ, не дошедшій до его слуха, и черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошла г-жа Творшекъ. Она имѣла чрезвычайно странный видъ.

Петръ Ивановичъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее.

— Мнѣ вамъ нужно что-то сказать,—произнесла она тихо. Краска залила ея блѣдное лицо.

У Петра Ивановича мурашки заходили по спинѣ, въ головѣ его пошло все вихремъ, а г-жа Творшекъ переминалась съ ноги на ногу и видимо подыскивала слова для объясненія своего прихода.

— Нужно послать за докторомъ или за акушеркой,—выговорила она наконецъ.

Все запрыгало внутри Петра Ивановича, точно его окатили холодною водой.

— Гдѣ она?—спросилъ онъ поспѣшно.

Г-жа Творшекъ отворила дверь въ переднюю и Петръ Ивановичъ увидѣлъ Фросю: она стояла прислонившись къ стѣнѣ;

лицо ея было искажено страданіемъ. Терезія одною рукой поддерживала ее, а въ другой держала свѣчу. Ея широко открытые глаза смотрѣли съ такимъ ужасомъ на Петра Ивановича, что тотъ засуетился какъ школьникъ и началъ кричать: «доктора, доктора». Призванный докторъ съ печальнымъ видомъ объявилъ, что начинаются преждевременные роды вслѣдствіе смерти ребенка. Петръ Ивановичъ тоже вытянулъ лицо и заплатилъ доктору больше, чѣмъ слѣдовало. Сознаніе, что ребенка не будетъ, придало ему бодрости и онъ очень усердно ухаживалъ за роженицей. Старая акушерка имѣла свое собственное мнѣніе объ этомъ предметѣ. Она безпрестанно говорила доктору: «цѣлую вашу руку и слушаюсь», а матери шепнула на ухо, что ребенокъ живъ и что это такъ же вѣрно, какъ ея тридцатилѣтняя практика. И дѣйствительно, на вторыя сутки послышался слабый писк маленькаго созданьица. Петръ Ивановичъ, сидѣвшій въ смежной комнатѣ и съ жадностью прислушивавшійся къ тому, что происходило у Фроси, обомлѣлъ, услыхавъ этотъ жалкій голосокъ.

Итакъ, то, чего онъ ужасно боялся, свершилось: ребенокъ родился и былъ живъ. Онъ оперся головой на руку и чуть не скрежеталъ зубами; и въ то время, какъ торжествующая акушерка хлопотала около дѣвочки, стараясь какъ можно теплѣе укутать ее въ пуховую подушку, отецъ былъ въ отчаяніи; онъ готовъ былъ проклинать часъ, въ который зародился этотъ младенецъ,—онъ совсѣмъ не желалъ его, и къ тому же былъ такъ увѣренъ, что судьба сжалится надъ нимъ и ребенокъ родится мертвымъ. Вдругъ такое страшное разочарованіе!

Сначала Фрося ничего не чувствовала, кромѣ наслажденія избавиться отъ физическихъ мукъ. Въ нервыя минуты послѣ родовъ ее не могло бы огорчить извѣстіе о смерти ребенка, но когда дѣвочку прибрали и положили къ ней на кровать и она, слегка приподнявшись, взглянула на это маленькое сморщенное личико, въ ней вдругъ загорѣлась такая страстная любовь къ ней, что она готова была жизнь свою отдать за это безпомощное созданіе.

Въ комнатѣ никого не было; всѣ, уставшіе послѣ безсонной ночи, розбрелись отдыхать. Петръ Ивановичъ не являлся. Фрося лежала и думала: «если онъ придетъ теперь, и, склонившись надъ ней, скажетъ хоть одно ласковое слово, хоть взглянетъ на свое слабое дитя, она проститъ ему многое». Но онъ не являлся. Фрося смотрѣла на дверь и ждала. Тамъ былъ

свѣтъ, она слышала его шаги, но онъ не входилъ... Въ эту минуту она желала быть женой простого поденщика,—и тотъ, вѣроятно, былъ бы человѣчнѣе относительно ея. Она нагнулась къ дѣвочкѣ: малютка высвободила свои ручонки; маленькіе ея пальчики были безобразно худы; она вытягивала ихъ и при этомъ личико ея выражало страданіе. Двѣ крупныя слезы скатились ей на лобикъ.

Вошелъ Петръ Ивановичъ. Онъ медленно, держа руки въ карманахъ, приблизился къ кровати и имѣлъ такой видъ, точно сейчасъ получилъ пощечину.

— Ну, вотъ, и родила!—сказалъ онъ протяжно.

Фрося съ испугомъ посмотрѣла на него. Это былъ точно не его голосъ. «Что съ нимъ?»

— Жалкое созданіе...—прибавилъ онъ.—Ты не привязывайся къ ней слишкомъ.

— Ахъ, ради Бога, уйди, уйди!—проговорила она быстро. Она чувствовала, что сердце ея сильно забилось и кровь прилила къ головѣ.

Ребенокъ сталъ теперь для нея еще дороже. Она подозвала къ себѣ акушерку.

— У меня будетъ молоко?— спросила она.

— Конечно. А если нѣтъ, я вамъ доставлю прекрасную кормилицу,—отвѣчала старушка.

Фрося откинулась на изголовье. Ее начинала тревожить мысль, «будетъ ли у нея молоко». Эта мысль не покидала ее ни на мгновенье; она бросала ее то въ жаръ, то въ холодъ. Прошло два дня, въ продолженіе которыхъ Фрося чуть ли не сто разъ предлагала акушеркѣ этотъ роковой вопросъ. Ребенокъ безпрестанно икалъ и плакалъ,—его заливали ромашкой. Всѣ надежды были возложены на третій день, но и этотъ третій день не принесъ ей никакого утѣшенія. Женщины, окружавшія ее, приняли торжественный, сосредоточенный видъ. Фрося читала на ихъ лицахъ смертный приговоръ своему ребенку. Она выслала всѣхъ изъ комнаты и велѣла позвать къ себѣ Петра Ивановича.

— Намъ нужно взять кормилицу, — проговорила она голосомъ, въ которомъ слышались мольба и страхъ.

— Я не имѣю возможности этого сдѣлать,—отвѣчалъ онъ.— У насъ маленькія средства и ты это прекрасно знаешь.

— Но ребенокъ умретъ, если его не покормить сегодня же.

— Для этого есть коровье молоко.

— Семимѣсячное дитя не вынесетъ искуственнаго кормленія. Акушерка говорила мнѣ объ этомъ.

— Не вынесетъ, такъ что-жь дѣлать?...— отвѣчалъ онъ и махнулъ рукой.

У Фроси потемнѣло въ глазахъ, въ головѣ поднялся звонъ какой-то, холодъ и жаръ быстро смѣнялись въ ея тѣлѣ и ей казалось, что она ежеминутно можетъ потерять сознаніе.

— Успокой меня!—обратилась она къ Петру Ивановичу и протянула къ нему руки.

— Я говорю тебѣ, что ничего не могу сдѣлать. Намъ жить нечѣмъ.

— На колѣняхъ умоляю! Ради всего святого, успокой меня,—я съ ума схожу!

Она приподнялась и хотѣла встать съ постели.

Акушерка, видѣвшая изъ другой комнаты всю эту сцену, вбѣжала и насильно уложила ее.

Фрося сдѣлала движеніе рукой, чтобы Петръ Ивановичъ удалился,—она не могла его видѣть. Ее пронизала мысль, что онъ хочетъ уморить голодомъ ея ребенка. Кровь стучала въ вискахъ. Она на мгновеніе забывалась и когда приходила въ себя, то напрасно силилась что-то вспомнить. Память измѣняла ей. Только что она начинала неясно припоминать себѣ, что ей нужно, какъ опять забывалась. Наконецъ она почти крикнула:

— Подайте мнѣ мое платье!

— Никто ее не понялъ.

— Подайте мнѣ платье!—уже шипѣла она съ сверкающими глазами. Она забыла всѣ нѣмецкія слова. Акушерка и г-жа Творшекъ метались по комнатѣ какъ угорѣлыя и не знали, что имъ дѣлать.

— Терезія, Терезія!—кричала Фрося.

И дѣвушка, которую чуть не привязывали въ сосѣдней комнатѣ, чтобъ она не торчала безпрестанно у больной, влетѣла въ комнату. Она съ участіемъ нагнулась къ Фросѣ; ея каріе глаза впились въ нее, точно она желала прочесть въ глубинѣ ея души, что ей нужно.

— Доктора Гордѣева, позовите мнѣ доктора Гордѣева!—говорила Фрося такимъ страшнымъ шепотомъ, отъ котораго у Терезіи волосы подымались на головѣ. Несчастная мать вся вылилась въ этой мольбѣ.

— Доктора Гордѣева,—повторила Терезія.—У Ритгофа докторъ Гордѣевъ,—позвать?

Фрося кивнула головой и, схвативъ руку дѣвушки, прильнула къ ней горячими губами.

Терезія бросилась изъ комнаты. Она бѣжала такъ быстро, какъ только позволяли ея молодыя ножки, и громко повторяла: «докторъ Гордѣевъ, докторъ Гордѣевъ». Она боялась забыть это имя. Она съ инстинктомъ любящей женщины поняла, что Фросѣ грозитъ опасность отъ Петра Ивановича. Какая это опасность, она не знала. Она стрѣлой летѣла позвать другого на помощь.

Послѣ ухода Терезіи Фрося не теряла ужь больше сознанія,—ее ни на минуту не покидала мысль, что Петръ Ивановичъ хочетъ уморить голодомъ дѣвочку, и ей нужно сообщить объ этомъ Гордѣеву. Тамъ, въ глубинѣ ея самой, точно что-то двигалось, переливалось и шумѣло. Это что-то безпрестанно подступало къ ней и хотѣло охватить ее со всѣхъ сторонъ. Она силится успокоить себя,—ей нужно защитить свою малютку. Она всматривается въ противоположную стѣну и страстно, съ мучительною поспѣшностью, начинаетъ считать клѣтки узоровъ: «разъ, два, три,—разъ, два, три,—разъ, два, три». Ей кажется, что этимъ она продлитъ время и помѣшаетъ этому чему-то охватить себя. Въ залѣ раздаются шаги Петра Ивановича, и по мѣрѣ того, какъ они удаляются, она чувствуетъ себя покойнѣе; но вотъ шаги его приближаются, ее охватываетъ бѣшеное желаніе вскочить съ постели и преградить ему путь, и она торопливо считаетъ: «разъ, два, три,—разъ, два, три». Ребенокъ пищитъ; она нагибается къ нему и шепчетъ слова любви и нѣжности. Она защититъ ее; ее не дадутъ въ обиду; если не она, то другіе спасутъ ее. Сердце, какъ молотъ, до боли стучитъ въ ея груди. Она опять наклоняется къ дѣвочкѣ, и на этотъ разъ ей уже кажется, что та сложила ручонки и безмолвно молитъ ее о защитѣ. «О, какъ мучительно-долго тянется время!»—думаетъ она и безумно поводитъ глазами.

Вдругъ раздается звонокъ. Она приподнялась. На порогѣ показался Петръ Ивановичъ. Это что-то мгновенно охватило ее, она вскочила съ постели, схватила стулъ и бросилась на него. Изъ другой двери вбѣжали Гордѣевъ и Терезія.

Когда ее привязали къ кровати, Гордѣевъ вышелъ и обвелъ глазами комнату. Петра Ивановича нигдѣ не было. Минуту спу-

стя, онъ увидалъ, что тотъ, скорчившись, прижался за диваномъ. Доктору такъ стало гадко, что онъ незамѣченнымъ хотѣлъ проскользнуть изъ комнаты, но Петръ Ивановичъ вылѣзъ, лицо его было блѣдно и нижняя челюсть тряслась.

— Куда вы уходите?—спросилъ онъ жалобнымъ голосомъ.

— Не бойтесь,—отвѣтилъ Гордѣевъ,—теперь она ужь больше не встанетъ: вы ее убили!

Петръ Ивановичъ сѣлъ на диванъ. Лицо его искривилось судорогой. Онъ не могъ ничего сказать.

— Я иду телеграфировать Пимену Васильевичу, — сказалъ докторъ.

— Но вы не скажете ему,—безсвязно заговорилъ Петръ Ивановичъ,—тѣхъ жестокихъ словъ, что вы сейчасъ здѣсь говорили. Вѣдь вы ничѣмъ не можете доказать, ничѣмъ.

Изъ другой комнаты послышался прерывистый, горячечный бредъ Фроси. «Уморитъ голодомъ, убьетъ, убьетъ!»—твердила она. Петръ Ивановичъ опять задрожалъ.

— Спасите ее, докторъ, спасите,—говорилъ онъ и, схвативъ руку Гордѣева, прильнулъ къ ней губами.

Гордѣевъ выбѣжалъ изъ комнаты. Въ немъ бушевало чувство глубочайшаго презрѣнія къ этому человѣку. Онъ нѣсколько разъ вытеръ платкомъ руку, къ которой прикоснулись холодныя губы Петра Ивановича. Тотъ остался на диванѣ и вперилъ глаза въ свои бѣлые, красивые, длинные пальцы.

— Что дѣлать съ ребенкомъ?—спросила, подойдя къ нему, акушерка.

Петръ Ивановичъ вздрогнулъ, но не разслышалъ вопроса.

— Докторъ велѣлъ привесть кормилицу, — продолжала старуха.

На этотъ разъ Петръ Ивановичъ понялъ, что она говорила.

— Да, да, приведите, непремѣнно приведите!—отвѣчалъ онъ поспѣшно.—Я самъ пойду съ вами.

— Ее нельзя оставить одну.

Петръ Ивановичъ замялся,—ему стыдно было сознаться, что онъ боится оставаться съ ней.

— Что у нея?—спросилъ онъ тихо, указывая глазами на дверь.

Старуха покачала головой и заплакала. Ей было дѣйствительно жаль этой молодой погибающей жизни.

— Und sie war so geduldig, — добавила она съ нѣжностью въ голосѣ.

Петръ Ивановичъ отвернулся. Теперь онъ рѣшился остаться.

Но когда старуха вышла, на него опять напалъ страхъ: изъ сосѣдней комнаты доносился голодный крикъ дѣвочки и слабый бредъ матери: «убьетъ, убьетъ»—шептала она.

Петръ Ивановичъ сѣлъ въ уголъ и зажалъ себѣ уши. Лицо его выражало безсильную борьбу съ самимъ собой.

Въ такомъ положеніи засталъ его Гордѣевъ.

Петръ Ивановичъ все время былъ мраченъ и задумчивъ. Самое осязательное чувство въ немъ была боязнь столкновенія съ Пименомъ. Всѣ въ домѣ были противъ него. Г-жа Творшекъ взяла ребенка на свое попеченіе и совершенно игнорировала Петра Ивановича.

Гордѣевъ созывалъ консиліумы и распоряжался, какъ у себя дома. Петръ Ивановичъ не смѣлъ протестовать. Онъ все собирался переговорить съ нимъ, но страхъ мѣшалъ ему. Онъ чувствовалъ себя совершенно чужимъ въ своей собственной квартирѣ. Никто не хотѣлъ брать отъ него даже денегъ. Гордѣевъ платилъ за все, и Петръ Ивановичъ покорялся. Онъ безпрестанно ловилъ себя на счетѣ дней, когда долженъ пріѣхать Пименъ Васильевичъ, и, по его соображеніямъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ нельзя было ждать его раньше недѣли. Къ этому времени она могла умереть и онъ успѣетъ объясниться съ Гордѣевымъ. Вдругъ въ этотъ же самый день Пименъ вошелъ въ его комнату. Петръ Ивановичъ подбѣжалъ къ нему и съ нервною поспѣшностью сталъ стягивать съ его плечъ пальто, самъ едва сознавая, что онъ дѣлаетъ.

— Ради Бога, Петръ Ивановичъ, у васъ такой страшный видъ, что съ ней?

Петръ Ивановичъ молчалъ.

— Умерла?—задыхаясь, тихо спросилъ Пименъ.

— Нѣтъ.

Пименъ сѣлъ. Онъ чувствовалъ, что хотя она жива, но теперешнее состояніе ея равняется смерти.

Они молча сидѣли нѣсколько минутъ другъ противъ друга.

— Гордѣевъ что говоритъ?—спросилъ Пименъ.

— Говоритъ: плохо.

— Я пойду къ ней. Я хочу ее видѣть. Гдѣ она лежитъ?

— Нѣтъ, не нужно, ради Бога не нужно!—торопливо заговорилъ Петръ Ивановичъ, ловя его руку и насильно усаживая его въ кресло.—Не ходите, докторъ запретилъ. Когда она видитъ кого-

нибудь, сейчасъ начинаетъ бредить, а это ей вредно. Она такъ страшно бредила и только недавно успокоилась.

Въ это время кормилица пронесла черезъ комнату ребенка. Пименъ вскользь взглянулъ на нее.

— Что было причиной ея болѣзни?—спросилъ онъ.

— Преждевременныя роды,—отвѣчалъ Петръ Ивановичъ.

Пименъ Васильевичъ поблѣднѣлъ.

— Я думалъ, вы знаете объ этомъ,—сказалъ Петръ Ивановичъ, глядя на него съ недоумѣніемъ.

Пименъ Васильевичъ не зналъ даже о ея беременности,—Гордѣевъ телеграфировалъ ему только, что Фрося опасно больна. Онъ былъ такъ взволнованъ, что не рѣшался распрашивать дальше, боясь услышать что-нибудь ужасное.

— Хотите, я велю вамъ принесть дѣвочку?—спросилъ Петръ Ивановичъ и вышелъ изъ комнаты.

Черезъ минуту онъ возвратился и заявилъ, что ребенокъ спитъ и они могутъ идти посмотрѣть на него.

Тамъ, сидя у колыбели ребенка, эти двое людей, ненавидѣвшіе другъ друга, мирно бесѣдовали. Пименъ искренно жалѣлъ, что его дурныя отношенія къ Петру Ивановичу быть-можетъ лишили сестру многихъ удобствъ. Ей Петръ Ивановичъ не позволялъ брать отъ него денегъ. Онъ казался убитымъ и растеряннымъ, и Петръ Ивановичъ, глядя на него, испытывалъ что-то вродѣ душевнаго удовлетворенія. Это былъ первый день, что онъ дышалъ свободно. Онъ больше не боялся Гордѣева,—онъ былъ увѣренъ, что тотъ, видя ихъ хорошія взаимныя отношенія и горе Пимена, не захочетъ еще больше огорчать его. И онъ не ошибся.

Вотъ что чувствовали эти двое людей, когда въ заключеніе протянули черезъ колыбель другъ другу руки въ знакъ примиренія.

Пименъ не могъ долѣе двухъ дней оставаться въ Вѣнѣ. Дѣла призывали его въ Петербургъ, и, уѣзжая, онъ оплакивалъ сестру свою какъ мертвую,—въ это время не было никакой надежды на ея выздоровленіе.

Пока Фрося лежала на смертномъ одрѣ, Петръ Ивановичъ суетился и хныкалъ. Онъ даже мечталъ о томъ, какъ будетъ убитъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ ея смертью, и безсознательно радовался такому исходу. Пименъ беретъ ребенка себѣ и никогда не узнаетъ истины. А свѣтъ Божій такъ великъ! А совѣсть человѣческая такъ покладиста!

Но Фрося передышала всѣ сроки, назначаемые ей докторами для кончины, и наконецъ восторжествовала надъ смертью. Чего только не вынесетъ молодой женскій организмъ! Появилась надежда на ея выздоровленіе. Всѣ въ домѣ подняли головы, а Петръ Ивановичъ опустилъ свою долу. «Что-то будетъ?—думалъ онъ.—Какъ она встанетъ, съ какими мыслями и требованіями?»—И его сентиментальныя чувства смѣнились страхомъ; опять она стала ему грезиться съ поднятымъ стуломъ и онъ считалъ себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

Въ одинъ изъ такихъ тяжелыхъ для него дней была получена телеграмма изъ Италіи: жена его умерла. Онъ съѣздилъ туда и вернулся въ Вѣну съ совершенно чистою совѣстью. Послѣ долгихъ колебаній и желанія даже скрываться нѣкоторое время, онъ рѣшилъ однако жениться на Фросѣ. Вѣдь, если Пименъ Васильевичъ захочетъ, чтобъ онъ обвѣнчался съ его сестрой, то отъ него никуда не уйдешь, такъ лучше самому зажать всѣмъ рты своей благородной рѣшимостью. Мысль о женитьбѣ была ему очень непріятна,—онъ не любилъ Фросю,—но теперь онъ былъ по крайней мѣрѣ увѣренъ, что заставитъ ее повиноваться себѣ. Она должна будетъ выкинуть изъ головы всѣ свои бредни... На его рѣшеніе жениться имѣло вліяніе еще то обстоятельство, что Пименъ выразилъ желаніе подѣлиться съ сестрой своими средствами, а средства его обѣщали быть не маленькими. Конечно, Петръ Ивановичъ игнорировалъ послѣднее обстоятельство,—онъ черпалъ силы на этотъ подвигъ изъ болѣе благороднаго источника. Какъ бы то ни было, но, вернувшись въ Вѣну, онъ поражалъ всѣхъ своимъ нахальствомъ и требованіями.

Софья Байкова, пріѣхавшая ухаживать за Фросей по просьбѣ Пимена, чуть не вернулась обратно въ Петербургъ,—до того онъ былъ грубъ и неуступчивъ.

X.

Фрося открыла глаза точно послѣ долгаго томительнаго сна. Сонъ ея былъ дѣйствительно дологъ: онъ продолжался недель шесть. Въ теченіе этого времени она находилась между жизнью и смертью. Наконецъ, она сознательно открыла глаза. Взглядъ ея упалъ на противоположную стѣну, гдѣ рисовалась тѣнь отъ чьей-то наклоненной фигуры. Слабый свѣтъ разливался по комнатѣ. Она хотѣла что-то сказать, сдѣлала движеніе языкомъ и гу-

сами, но сама не слышала того, что говорила. Она машинально водила рукой по своему одѣялу и смотрѣла на освѣщенную стѣну, пока вѣки ея отяжелѣли и она опять заснула не тревожнымъ, мучительнымъ, но покойнымъ сномъ.

Проснулась она опять среди глубокаго мрака, царившаго въ комнатѣ. Теперь она испытывала величайшее наслажденіе сознавать и чувствовать себя. Она подняла руку, подержала ее въ воздухѣ и уронила потомъ какъ можно дольше въ сторону. Рука ея упала на что-то твердое, холодное, круглое. Фрося ощупала эту вещь со всѣхъ сторонъ и рѣшила, что это опрокинутая чашка; ей захотѣлось подвинуть ее и она такъ усердно это сдѣлала, что чашка полетѣла на полъ и разбилась, но Фрося не слышала стука разбитой посуды, за то особа, спавшая въ ея комнатѣ, проснулась и черезъ минуту въ комнатѣ опять разлился слабый свѣтъ. Къ кровати ея подошла женская фигура. Фрося всматривается и узнаетъ Соню. Она ее позвала по имени, но та спокойно продолжала поправлять одѣяло; тогда Фрося улучила свободную минуту, поймала ея руку и поднесла къ губамъ. Соня, обрадованная, нагнулась къ ней и что-то говорила, но Фрося опять ничего не слышала; она повела плечами и указала на свои уши. Фрося не была удивлена тѣмъ, что увидала около себя свою подругу. Все недавно прошедшее испарилось изъ ея памяти. Соня своимъ появленіемъ напомнила ей Пиѳена и Петербургъ. Ее занималъ вопросъ, почему она лежитъ и лишилась слуха. Когда Соня говорила, звуки ея голоса долетали до нея въ видѣ отдаленнаго безсвязнаго шума. Наконецъ Соня закрыла рукой ей глаза, показывая этимъ, что ей слѣдуетъ спать, и удалилась.

Фрося слегка дремала; она лѣниво подымала вѣки и наблюдала все происходящее въ комнатѣ. Неизвѣстно, много ли прошло времени, но въ комнату вошелъ какой-то господинъ и сталъ комически съ кѣмъ-то раскланиваться; она не видѣла другой фигуры, только на противоположной стѣнѣ вытягивались и изгибались двѣ тѣни. Онѣ напомнили ей пантомину, видѣнную ею когда-то давно, въ дѣтствѣ. Она тихо смѣялась.

Потомъ господинъ подошелъ къ ней и взялъ ее за руку. Это былъ Гордѣевъ, но Фрося не узнала его и рѣшила, что это должно-быть докторъ и что у него очень смѣшное лицо.

Ей безпрестанно хотѣлось говорить и она очень сердилась, что всѣ тотчасъ уходили и оставляли ее одну. Она отъ скуки

выдергивала нитки изъ своего пикейнаго одѣяла и царапала ногтемъ стѣну, а узоры на стѣнѣ подъ вліяніемъ ея пристальнаго взгляда принимали самыя фантастическія очертанія. Она видѣла и спину женщины, и хоботъ слона, и гигантскій безформенный цвѣтокъ. Физическое ея здоровье быстро возстановлялось; она много ѣла и часто порывалась встать, но голова ея была слаба и мало способна комбинировать то, что она видѣла вокругъ себя. Отдѣльныя явленія были для нея ясны, но она не могла послѣдовательно связать ихъ въ одно цѣлое и уловить нить тѣхъ смутныхъ отрывочныхъ воспоминаній, которыя вдругъ иногда подобно молніи прорѣзывали ея умъ и опять исчезали. Она безпрестанно спрашивала, почему не приходитъ Пименъ, и потомъ, когда начала слышать, ее очень удивило, что дѣвушка, прислуживавшая ей, не умѣетъ говорить по-русски.

Однажды она уснула и долго, долго спала. Вдругъ до ея слуха, сквозь смѣшанный шумъ, долетѣлъ сдержанный голосъ Сони, она открыла глаза и съ напряженіемъ стала прислушиваться. Разговоръ происходилъ въ ея комнатѣ за ширмами. Соня говорила:

— Уйдите, ради Бога, вѣдь вы знаете, что она еще очень слаба... Нужно остерегаться напоминать ей о прошломъ.

— Но теперь она спитъ. Я, кажется, имѣю больше другихъ правъ посмотрѣть на нее, — отвѣчалъ сердитый мужской голосъ.

При звукѣ этого голоса сердце Фроси затрепетало и изъ глубины души ея поднялась цѣлая толпа смутныхъ воспоминаній: развалины замковъ на горахъ, столбъ искристаго свѣта надъ Женевскимъ озеромъ, фантастическая колонна на Грабенѣ, чехи, музыка, храмъ Тезея, старушка-акушерка и наконецъ ребенокъ. Все это вихремъ пронеслось въ ея умѣ, она громко заплакала и отчаянно стала звать Терезію.

Опять наступилъ мракъ и опять явилась опасность за ея умственныя способности.

И вотъ, когда она вторично пришла въ себя, около нея никого не было, двери въ сосѣднюю комнату были отперты и тамъ возлѣ окна сидѣла женщина и кормила грудью ребенка. Фрося приподнялась на постели и напряженно смотрѣла на групу у окна. Она съ поразительной отчетливостью припомнила все прожитое ею съ Петромъ Ивановичемъ, и эти воспоминанія ужь больше не потрясли ее. Когда вошла Соня, она спокойно сказала:

— Подайте мнѣ моего ребенка.

Соня стремительно заперла двери и подошла къ ней.

— Подайте мнѣ моего ребенка,—повторила Фрося.

Когда, наконецъ, послѣ долгихъ просьбъ, ей положили дѣвочку на колѣни, она тихо заплакала и съ этой минуты установилась полная надежда на ея выздоровленіе.

Однако здоровье ея очень медленно возстановлялось. Она была задумчива и молчалива и вѣчно погружена въ самое себя, только одна Терезія умѣла вызвать улыбку на ея лицѣ. Гордѣевъ боялся, чтобъ она не впала въ меланхолію. При сильной физической слабости, въ ней видимо происходила какая-то борьба и ломка чего-то. Видно было, что она переживала трудное время. Всѣ съ напряженіемъ слѣдили за ней. На нее было больно смотрѣть. Ноги ей совсѣмъ не служили. Свѣтлые, вьющіеся волосы были сбриты во время болѣзни, заостренный носикъ рѣзко выдѣлялся на исхудаломъ лицѣ, глаза утратили свой блескъ и смотрѣли почти сурово, только пухлыя, дѣтски очерченныя губы выдавали ея крайнюю молодость.

— Соня,—сказала она однажды своей подругѣ,—если мои ноги откажутся служить мнѣ, я погибла.—И въ голосѣ ея слышалось отчаяніе.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этихъ словъ, когда въ комнатѣ никого не было, Фрося встала съ постели и, держась за мебель, прошла черезъ всю комнату. По мѣрѣ того, какъ она подвигалась впередъ, лицо ея прояснялось и, дойдя до кресла, стоявшаго у самой двери, она опустилась въ него сіяющая и счастливая. Теперь она спасена. О, какъ она страдала все это время! Она боролась съ призраками прошедшаго, и эти призраки одолѣвали ее; была роковая связь между ними и ея несчастными ногами. Она чувствовала, что пока не начнетъ ходить, ей не стряхнуть съ себя прошлаго, а съ другой стороны это прошлое какъ будто парализовало ея ноги и ея способность владѣть ими. Она ежедневно то умирала, то воскресала духомъ.

Каждый разъ, когда никого не было въ комнатѣ, она пробовала ходить, и послѣ каждой неудачной попытки передъ нею возникалъ грозный вопросъ: неужели она не встанетъ? Неужели ей суждено лежать, окруженной страшными призраками своей разбитой молодости?... Но вотъ сегодня ей ноги повинуются. Она спасена. Чтобы снова убѣдиться въ этомъ, она встала и направилась къ кровати поперекъ комнаты; ноги не измѣнили ей,—она дошла до цѣли и опустилась въ кресло, благоговѣйно скрестивъ

руки. Бѣлыя оборки кисейнаго чепца окружали подобно сіянію ея личико. Глаза ея кротко свѣтились. Она могла думать теперь о себѣ безъ страха и смущенія. Призраки прожитаго страданія разсѣялись, а будущее слилось въ одинъ обѣтъ: никогда, никогда она никого не полюбитъ, никому не дастъ она власти надъ собой. Ея жизнь будетъ полна труда и самоотверженности. Такъ сидѣла она, проникнутая экстазомъ. Это былъ экстазъ молодой монахини, отрѣшившейся отъ всѣхъ земныхъ благъ и перенесшей много страданій. Силы ея съ этого времени стали быстро возстановляться и вскорѣ она настолько окрѣпла, что сама пожелала объясниться съ Петромъ Ивановичемъ.

Тотъ вошелъ къ ней самонадѣянно, безъ малѣйшей любви, съ однимъ желаніемъ поразить ее благородствомъ своего намѣренія. Но при видѣ этого нѣжно вспыхнувшаго личика, этихъ большихъ сѣрыхъ глазъ, гдѣ свѣтилось еще пережитое страданіе, онъ, совершенно неожиданно для самого себя, почувствовалъ, что пришелъ къ женщинѣ, которую онъ когда-то любилъ и отъ которой ему трудно оторваться. Вмѣсто приготовленной напыщенной тирады, онъ быстро подошелъ къ ней и взялъ ее за руку.

— Фрося,—заговорилъ онъ,—тебя хотятъ оторвать отъ меня, тебя хотятъ вооружить противъ меня! Я знаю, мнѣ трудно было бы бороться съ твоими друзьями, еслибъ обстоятельства мои не измѣнились, еслибъ я не могъ сказать тебѣ: Фрося будь моей женой,—да, будь моей законной женой!

Фрося нѣсколько отодвинулась и смотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Я такъ и зналъ, что тебя это удивитъ; но это правда: жена умерла еще во время твоей болѣзни. Я не хотѣлъ говорить никому объ этомъ. Я ждалъ твоего выздоровленія,—я ждалъ, пока ты въ состояніи будешь разсуждать. Скажи, будешь моей женой?

— Нѣтъ,—отвѣчала она твердо.

Петръ Ивановичъ отшатнулся отъ нея и смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Почему?—глухо спросилъ онъ.

— Потому, что я больше не люблю васъ,—отвѣчала она.

— Слушай, Фрося, — заговорилъ Петръ Ивановичъ, садясь ближе къ ней и стараясь не смотрѣть ей въ лицо:—всякое общество управляется извѣстными законами, безъ которыхъ немыслимы никакія человѣческія отношенія. Это чувство законности и не-

законности нашихъ поступковъ до такой степени вкореняется въ убѣжденія и совѣсть большинства людей, что иногда помимо воли управляетъ не только нашими поступками, но даже и чувствами.

Фрося сдѣлала нетерпѣливое движеніе. Онъ такъ живо напомнилъ ей того Петра Ивановича, который мучилъ ее осенними вечерами.

— Я не скажу,—продолжалъ онъ,—чтобы всѣ законы были хороши: противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно возмущаться,—я хочу доказать тебѣ, совершенно неопытной въ жизни, смотрящей на нее сквозь идеальныя очки,—хочу доказать, что человѣку, который подобно мнѣ строго относится къ жизни, который проникнутъ уваженіемъ къ законности, трудно было отрѣшиться отъ всего того, что вкоренилось въ мои убѣжденія помимо меня самого. Нѣкоторыя правила,—сказалъ онъ торжественно,—я всосалъ съ молокомъ матери. Вотъ почему я не могъ не чувствовать неловкости въ положеніи непризнаннаго отца семейства. Но я всегда былъ проникнутъ уваженіемъ и любовью къ тебѣ. Это доказываетъ...

— Довольно, довольно!—заговорила Фрося, сжавъ виски и силясь не разрыдаться: каждое его слово причиняло ей страданіе.—Я не хочу ничего больше слышать о законности и незаконности чувствъ вашихъ. Вы бы могли избавить меня отъ подобныхъ разсужденій.

— Нѣтъ, не могу! Я долженъ объяснить свои поступки. Я долженъ попросить тебя забыть то ложное положеніе, въ которое я тебя невольно поставилъ. Мы оба страдали, и я быть-можетъ страдалъ больше тебя. Теперь, несмотря на то, что всѣ противъ меня, я пришелъ сказать тебѣ: будь моей женой. Я радъ, что это теперь въ моей власти.

— Но мнѣ этого не нужно, мнѣ ничего отъ васъ не нужно,—сказала она и встала съ мѣста.—Я совершенно сознательно шла съ вами на трудную жизнь. Я любила васъ. Мнѣ пріятно было пренебречь ради васъ тѣмъ чувствомъ законности, которое, какъ вы говорите, укореняется въ понятіи каждаго человѣка. Я могла все вынести кромѣ того, что вы заставили меня испытать. Я ничего отъ васъ не хочу, мнѣ ничего не нужно.

Ноги ея дрожали. Она не могла бѣжать отъ него. Она должна была его выслушать.

— Нѣтъ, нѣтъ,—заговорилъ Петръ Ивановичъ,—ты не имѣешь права разсуждать такимъ образомъ. Въ тебѣ говоритъ жен-

ское легкомысліе. Ты не знаешь, какъ свѣтъ относится къ женщинамъ въ твоемъ положеніи. Лишая своего ребенка отца, ты воспитаешь врага себѣ, который никогда не проститъ твоего отказа выйти за меня замужъ.

— Оставьте, Петръ Ивановичъ,—вскричала Фрося,—вы ни въ чемъ меня не убѣдите. Мой ребенокъ никогда не станетъ врагомъ матери, которая сдѣлаетъ для него все, что въ ея власти. А если это случится когда-нибудь, у меня хватитъ силы отвернуться отъ нея такъ, какъ я отворачиваюсь теперь отъ васъ. Оставьте меня. Я сказала вамъ все, что могла сказать. Мнѣ больше нечего говорить вамъ. Уйдите, ради Бога,—я не могу васъ слушать.

Она встала и хотѣла уйти, но Петръ Ивановичъ схватилъ ее за руку и насильно усадилъ въ кресло. Въ немъ происходила страшная борьба любви, злобы, ненависти и отчаянія.

— Я не выпущу тебя такимъ образомъ,—говорилъ онъ задыхаясь,—ты должна меня выслушать. Ты—слабая женщина, ты можешь идти въ жизнь, опираясь на чью-нибудь руку, и я самый близкій къ тебѣ человѣкъ. Я—мужъ твой, я отецъ твоего ребенка. Я одинъ могу тебя вывести изъ того ложнаго положенія, въ какомъ ты находишься. Что ты значишь безъ меня? Дѣвушка съ ребенкомъ... Никто не станетъ разбирать нашихъ отношеній. Между тѣмъ я могу тебѣ доставить многое. Я получилъ мѣсто. Мнѣ предстоитъ блестящая карьера и ты, какъ жена моя, будешь пользоваться почетомъ и уваженіемъ. Неужели можно предпочесть жизнь темную безъ имени тому, что я тебѣ предлагаю? Ты не найдешь себѣ мужа, который могъ бы уважать тебя, потому что общество противъ тебя, оно ужъ тебя заклеймило.

— Я не буду искать себѣ мужа, я не стану просить, какъ подаянія, уваженія отъ того общества, которое ужъ заклеймило меня,—у меня найдутся друзья. Но если я даже останусь одна, если мнѣ придется просить милостыню, я не протяну вамъ руки. Зачѣмъ вы мнѣ все это говорите? Вѣдь вы не разувѣрите меня въ томъ, что вы трусъ, что боязнь общественной морали заглушила въ васъ всѣ человѣческія чувства. Зачѣмъ вы стараетесь запугать меня? Я васъ больше не люблю, а главное—я не могу ужъ больше вѣрить тому, что вы говорите. Если я уступлю вамъ теперь, миръ между нами не долго продержится. Почемъ я знаю, какимъ вы будете общественнымъ дѣятелемъ? Мнѣ все это неизвѣстно. Вы могли проявить неслыханную жестокость даже от-

носительно вашего собственнаго ребенка. Ваше будущее для меня—потемки, но я отлично знаю, что рука, на которую вы мнѣ предлагаете опереться, можетъ наносить удары только слабымъ и беззащитнымъ. И я васъ презираю за это, презираю,—слышите?... Уйдите!—Она встала и ноги ея больше не дрожали.

Петръ Ивановичъ тоже всталъ и выпрямился. Лицо его поблѣднѣло и губы тряслись.

— Васъ, сударыня, окружаютъ люди, которые готовы утопить меня въ стаканѣ воды,—заговорилъ онъ.—Вы сами дѣвчонка съ превратными понятіями о жизни, а друзья ваши не имѣютъ никакого уваженія къ семьѣ и не понимаютъ ея святости,—они нигилисты! Я, какъ благородный человѣкъ, даю вамъ возможность выйти изъ вашего ложнаго положенія. Еслибы вы были честной матерью, вы бы думали теперь о своемъ ребенкѣ. Еслибы вы были хорошею христіанкой, вы бы постарались освятить нашъ союзъ. Но вамъ этого ничего не нужно. Думаете ли вы, что господинъ Гордѣевъ или кто другой не предпочтутъ вамъ честной дѣвушки? Вы горько ошибаетесь. Я исполнилъ свою обязанность; но если вамъ нравится, вы можете оставаться во мнѣніи свѣта развратницей. Я больше не приду къ вамъ!

— Терезія, Соня! — закричала Фрося, дрожа отъ ужаса и негодованія.

Петръ Ивановичъ выбѣжалъ изъ комнаты. Онъ прибѣжалъ въ свой номеръ, кинулся на диванъ и зарыдалъ отъ ярости.

— Убить,—кричалъ онъ, потрясая кулакомъ въ воздухѣ,—убить, растерзать!...

Онъ не любилъ ее, но еслибы была сила, которая бы заставила ее выйти за него, онъ бы женился на ней, чтобы тиранить ее, чтобы медленно убивать ее. Но нѣтъ, нѣтъ такого закона. «О, будьте прокляты законы, не могущіе отдать ее мнѣ въ руки,—шипѣлъ онъ,—будьте прокляты!» Онъ задыхался въ своемъ номерѣ. Фрося стояла передъ нимъ, и не одна,—за нею былъ цѣлый сонмъ: братъ, Гордѣевъ, Соня, даже та плеяда лицъ молодыхъ, дурно одѣтыхъ, которыя осмѣлились когда-то не слушать его лекцій; всѣ они теперь точно столпились и смѣялись надъ нимъ. «Какова!... Она не протянетъ ему руки за милостыней, она, опозоренная въ глазахъ свѣта, отворачивается отъ него!... Она не знаетъ, какой онъ будетъ дѣятель... Ха-ха-ха!... Онъ покажетъ имъ, каковъ онъ будетъ. Ни одинъ Пименъ Васильевичъ не выйдетъ у него изъ суда оправданнымъ...»

Онъ жаждалъ сочувствія; ему нужно было выплыться передъ кѣмъ-нибудь, и вотъ онъ побѣжалъ къ своему пріятелю князю, кинулся къ нему на шею и опять зарыдалъ.

— Убить ихъ! — кричалъ онъ. — Нигилисты, скоты, измѣнники!... Разнузданность, распущенность, беззаконіе!... Душить, душить ихъ всѣхъ, чтобъ ни одного не осталось!...

И, всхлипивая, съ проклятіями на устахъ, онъ разсказалъ князю исторію о дѣвушкѣ, которую онъ хотѣлъ вырвать изъ вертепа нигилистическаго разврата; онъ любилъ ее, и ее отняли, отняли, отняли!

— Семьи они не знаютъ, любовь имъ незнакома. Въ нихъ Бога нѣтъ, понимаете?—твердилъ онъ,—въ нихъ Бога нѣтъ!

— Horible, horible,—повторялъ князь, пораженный всей этой исторіей.

Петръ Ивановичъ продолжалъ:

— Я посвящу жизнь свою на преслѣдованіе этихъ людей,— они у меня все отняли, что я любилъ.

Князь, чтобы развлечь какъ-нибудь этого благороднаго страдальца, потащилъ его въ театръ.

Пименъ Васильевичъ не могъ пріѣхать за Фросей и потому ее и Соню провожалъ въ Петербургъ Гордѣевъ. На границѣ ихъ заарестовали и подвергли самому строжайшему обыску. Такой же точно обыскъ былъ произведенъ въ квартирѣ Пимена. Ни тамъ, ни здѣсь ничего не нашли. Что бы все это значило?... Пименъ и Гордѣевъ догадывались, но молчали,—они боялись огорчить молодую мать: маленькая, черноглазая дѣвочка очень напоминала ей своего отца.

Исторія моихъ героевъ только начинается. Когда-нибудь я разскажу о нихъ.

А. Шабельская.

ВѢРА и ЗНАНІЕ.

Наша статья есть продолженіе того, что въ прошломъ году было напечатано въ *Русской Мысли* подъ заглавіемъ «Опытное знаніе и философія», поэтому считаю необходимымъ предупредить читателя, что для полнаго ея пониманія необходимо знакомство съ первою моею статьею, ибо предлагаемая теперь есть только ея продолженіе и дальнѣйшее развитіе высказанныхъ въ ней мыслей. Въ моей прошлой статьѣ я разсматривалъ естественныя границы знанія эмпирическаго и философіи, на нихъ основанной. Выводъ былъ такой: *эмпирическая философія, вѣрная своимъ началамъ, ни въ какомъ смыслѣ не даетъ дѣйствительнаго знанія*; слѣдовательно, если наука должна быть тѣмъ, чѣмъ она была всегда въ глазахъ людей, ее искавшихъ и ей служившихъ, если она должна оставаться источникомъ и мѣриломъ истины, какъ этого хотятъ ея поклонники, *она не можетъ быть обоснована только эмпирически*. Какъ мы пришли къ такому выводу и что обозначаетъ этотъ терминъ—«эмпирическая философія»?

Подъ именемъ эмпирической философіи, какъ должны помнить читатели моей первой статьи, я разумѣю философію индуктивную, то-есть такую, которая отправляется отъ слѣдующихъ двухъ положеній: первое, человѣческому познанію доступны только явленія; второе, единственная основа достовѣрности, единственный методъ мышленія, доставляющій плодотворные результаты, есть *индукція*, отъ которой должна исходить и исходитъ всякая дѣйствительная наука и которая предшествуетъ всѣмъ дедуктивнымъ процессамъ, какъ опирающимся уже на нее. На это могутъ возразить, что оба эти утвержденія не связаны между собою внутреннею необходимостью, что можно принять эмпирическое начало

нашихъ познаній, не предполагая при этомъ, что единственный путь къ истинѣ есть непремѣнно индукція. И въ самомъ дѣлѣ въ послѣднемъ случаѣ возможны два взгляда, которые и встрѣчаются въ исторіи философіи. Во-первыхъ, можно утверждать, что точка отправленія для всѣхъ нашихъ выводовъ есть опытъ, не опредѣляя заранѣе логическихъ пріемовъ, которымъ должна слѣдовать мысль, его объясняющая. Во-вторыхъ, можно доказывать, что опытъ въ его грубой непосредственности—не только основаніе, но и предѣлъ подлиннаго знанія, что разумъ недостовѣренъ по существу, что всякія привнесенія разсудка къ даннымъ чувства только исключаютъ ихъ. Однако ни то, ни другое воззрѣніе нельзя назвать эмпирическою философіей. Первое, особенно если опытъ брать въ широкомъ смыслѣ всякаго непосредственнаго вѣдѣнія, никакъ не ведетъ къ признанію познаваемости только явленій; требованіе непосредственнаго усмотрѣнія, какъ основы философской истины, отличаетъ не только философовъ-мистиковъ, какъ увидимъ далѣе, но и многихъ философовъ-раціоналистовъ. Ясное подтвержденіе мы находимъ въ Декартѣ, который утверждалъ всю свою философію на непосредственной очевидности факта мышленія и выводовъ, изъ него вытекающихъ, что̀, однако, не мѣшаетъ ему быть раціоналистомъ и метафизикомъ. Второе воззрѣніе есть отрицаніе всякой философіи, а поэтому и эмпирической. Это мистицизмъ совсѣмъ беззавѣтный, въ своей наивной формѣ существовавшій только у древнихъ. При немъ нѣтъ мѣста не только познанію, но и слову. Дѣло идетъ не о немъ, но и не о тѣхъ мыслителяхъ, которые, опираясь на непосредственно-очевидные факты сознанія, строятъ онтологическія теоріи. Мы говоримъ объ эмпирической философіи, въ ея противоположности къ философіи метафизической. Съ этой точки зрѣнія исключительное признаніе индукціи есть ея наиболѣе важная особенность. Таковъ дѣйствительно эмпиризмъ новѣйшій, съ чѣмъ не станутъ спорить его представители. Мы имѣемъ дѣло съ нимъ и поэтому я безразлично употребляю терминъ *эмпирическая* или *индуктивная* философія и, говоря объ *эмпиризмѣ*, разумѣю *индуктивизмъ*. Итакъ, общій ходъ мысли въ нашей первой статьѣ былъ слѣдующій:

Знаніе явленій предполагаетъ наблюденіе ихъ, а наблюденіе предполагаетъ воспріятіе. Воспринимать—значитъ слышать, видѣть, осязать и т. д., наприм. я *воспринимаю ощущая*; иными словами, воспринимать и ощущать—одно и то же. Но мною ощу-

щаются не вещи, какъ онѣ суть внѣ меня, а мои собственныя внутреннія состоянія: это—одинъ изъ первыхъ и главнѣйшихъ тезисовъ эмпирической психологіи. Если такъ, ощущеніе мнѣ даетъ только меня самого; ощущая, я не выхожу изъ своего внутренняго міра.

Мои ощущенія во взаимныхъ отношеніяхъ между собою представляютъ нѣкоторыя постоянства совмѣстности и послѣдовательности. Мы замѣчаемъ эти постоянства: въ этомъ состоитъ индуктивное знаніе явленій; *всякое индуктивное обобщеніе утверждаетъ постоянство во внѣшнихъ отношеніяхъ между явленіями*. А явленіе есть ощущеніе; слѣдовательно, законы явленій суть законы ощущеній. Индуктивно мы знаемъ только законы ощущеній *и ничего болѣе*.

Говоря иначе, индуктивное обобщеніе не содержитъ и по своей несомнѣнной природѣ *не можетъ содержать* ничего, что не было бы дано въ воспріятіи. Оно лишь представляетъ въ *общей формѣ* то, что въ отдѣльныхъ явленіяхъ дано въ *единичной формѣ*. Различіе чувственнаго воспріятія и индуктивнаго знанія только въ *формѣ*, но никоимъ образомъ не въ содержаніи.

Изъ этого вытекаетъ первое слѣдствіе, что индуктивная философія должна отвергнуть бытіе внѣшняго матеріальнаго міра, независимаго отъ нашихъ ощущеній, потому что на какомъ основаніи можно было бы утверждать его? На томъ ли, что наши воспріятія должны имѣть какую-нибудь причину? Но что такое законъ причинности для эмпирической философіи?—Очевидно, такой же индуктивный законъ, какъ и всякій другой. Онъ, какъ и всѣ другіе, долженъ относиться къ *однимъ ощущеніямъ*. Причинность для эмпирика—это просто закономѣрность во всемъ, что имѣетъ мѣсто въ мірѣ явленій. Есть ли причинная связь законъ для вещей самихъ въ себѣ? Утверждать это, опираясь на опытъ, въ который вещи въ себѣ никогда не попадаютъ, было бы безсмысліемъ. Существуютъ ли наконецъ эти *вещи въ себѣ?* Ограничиваясь однимъ опытомъ, признать и это было бы не менѣе странно. Не только *утверждать* бытіе вещей въ себѣ, но даже предполагать его какъ нѣчто вѣроятное, нѣтъ возможности, если справедливо, что опытъ есть единственный судья вещей существующихъ, что онѣ существуютъ, и не существующихъ, что онѣ не существуютъ. *Итакъ, матеріальнаго міра нѣтъ.*

Существуютъ ли, по крайней мѣрѣ, подобныя намъ чувствующія существа? И на этотъ вопросъ отвѣтъ долженъ быть необхо-

димо отрицательный. Что такое отличныя отъ насъ сознающія существа?

Внѣшнія причины нашихъ воспріятій—ихъ жизни и дѣятельности; еслибы мы не воспринимали ихъ дѣйствій, мы не имѣли бы никакихъ поводовъ вѣрить въ ихъ бытіе. Утверждая его, мы отъ слѣдствія заключаемъ къ причинѣ; но имѣемъ ли мы на то право въ данномъ случаѣ? Для эмпирическаго ученія причинность есть субъективный законъ воспріятій и лишь какъ таковой можетъ входить въ доказательство индуктивнаго мышленія, а не объективный законъ сознающихъ центровъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Эти центры не содержатся и не обнимаются никакимъ высшимъ сознаніемъ, которое было бы намъ доступно непосредственно, слѣдовательно они никакъ не воспріятія. Изъ этихъ соображеній получается второй выводъ послѣдовательнаго эмпиризма: внѣ насъ *нѣтъ духа*, *какъ нѣтъ матеріи*, существуютъ *одни ощущенія*.

Но, даже не выходя изъ предѣловъ этого единоличнаго міра внутреннихъ грезъ, можно ли въ немъ путемъ индукціи отыскать законы, которые обладали бы дѣйствительною общностью, т. е. которые были бы законами въ подлинномъ смыслѣ этого слова и давали бы дѣйствительное знаніе хотя бы насъ самихъ?

Индуктивный законъ всегда есть возведеніе въ общее правило того, что наблюдалось въ формѣ нѣсколькихъ частныхъ случаевъ. Итакъ, во всякомъ индуктивномъ обобщеніи непремѣнно заключается логическій скачокъ отъ прошлыхъ случаевъ ко всѣмъ будущимъ, что было съ неподражаемою ясностью указано еще Юмомъ. Поэтому самое большее, на что можетъ претендовать индуктивный законъ, это—весьма значительная вѣроятность повторенія утверждаемой въ законѣ связи явленій для каждаго случая, *взятаго въ отдѣльности*. Но онъ не имѣетъ совсѣмъ никакой вѣроятности, какъ не допускающее исключеній правило для безконечнаго ряда всѣхъ случаевъ въ безграничномъ пространствѣ и безконечномъ времени. А между тѣмъ только подъ этимъ послѣднимъ условіемъ онъ обладалъ бы дѣйствительною общностью. Слѣдовательно для индуктивной философіи *нѣтъ общихъ законовъ явленій* въ строгомъ значеніи слова.

Что же получили мы? Индуктивная философія, взятая въ своей истинной сущности, *отрицаетъ матерію;* итакъ, она есть *безусловный идеализмъ*. Она отрицаетъ объективный духовный міръ,—она есть *теоретическій эгоизмъ*; она отрицаетъ общее по-

знаніе даже феноменальнаго міра,—она есть *скептицизмъ*. Если соединить всѣ три особенности вмѣстѣ,—она имѣетъ самыя неоспоримыя права назваться *абсолютнымъ нигилизмомъ*.

Выводъ покажется страннымъ,—я знаю это,—и все-таки очень трудно противъ него спорить. Мы сдѣлали его не на основаніи случайныхъ эксцентрическихъ мнѣній слишкомъ ревностныхъ представителей школы: онъ вытекаетъ изъ самаго существа основоположеній эмпиризма; онъ есть простое и ясное примѣненіе двухъ не менѣе простыхъ и очевидныхъ правилъ логики: 1) частныя наблюденія и общій выводъ въ индуктивномъ процессѣ различаются только по количеству, а не по содержанію; 2) объемъ утверждаемаго во всѣхъ формулахъ частныхъ наблюденій даннаго факта, взятыхъ вмѣстѣ, менѣе, нежели объемъ утверждаемаго въ индуктивномъ *) заключеніи о немъ.

Что результатъ, къ которому мы пришли, не есть только выраженіе взглядовъ нѣкоторыхъ слишкомъ увлекающихся сторонниковъ эмпирической доктрины, это лучше всего доказывается тѣмъ, что ни одинъ изъ нихъ ни за что не согласится признать его, что они всегда уклонялись отъ него и останавливались въ то самое время, когда онъ, повидимому, былъ неизбѣженъ. Такая осторожность, конечно, есть несомнѣнный знакъ ихъ серьезности и здравомыслія, но не менѣе того и слабости ихъ философскихъ построеній. Плоха философія, спасеніе которой въ непослѣдовательности; безспльно міросозерцаніе, котораго единственная опора въ невѣрности собственнымъ началамъ!

И все-таки, лишь благодаря своей непослѣдовательности, позитивизмъ можетъ быть названъ популярною системой философіи въ наше время. Не нужно большой проницательности, чтобы понять, что философія, обращающая всю дѣйствительную жизнь въ безплодную сумятицу субъективныхъ призраковъ, невозможна, что позитивизмъ убилъ бы самъ себя, еслибъ открыто высказалъ все, что съ необходимостью заключается въ его основныхъ положеніяхъ, еслибъ онъ сталъ тѣмъ, чѣмъ быть хочетъ, т. е. сознательнымъ и откровеннымъ эмпиризмомъ.

Тайна успѣха позитивной доктрины—въ ея неполнотѣ, въ ея недосказанности, въ невольной подтасовкѣ отвергаемыхъ ею метафизическихъ началъ тамъ, гдѣ безъ нихъ нельзя обойтись**).

*) Само собою понятно, что я здѣсь разумѣю индукцію *научную*, а не *аристотелевскую*.

**) Поучительный примѣръ внутренней неустойчивости выводовъ, на кото-

Позитивисты не рѣшаются быть скептиками, а читающая публика мало задается вопросомъ, правы ли они въ своихъ колебаніяхъ. Если ихъ и упрекаютъ въ чемъ, то прямо въ противоположномъ недостаткѣ, въ излишествѣ скептицизма, въ неумѣренности отрицанія, тогда какъ въ этомъ отрицаніи—весь смыслъ, вся суть ихъ философіи. Выкинуть его—и отъ ихъ школы ничего не останется.

Позитивное ученіе можетъ сохранять физіономію реальнаго, твердаго, положительнаго міросозерцанія до тѣхъ поръ, пока внутренняя безсвязность и случайность его содержанія не станетъ явною для всѣхъ. Разъ совершится это, обаяніе позитивизма исчезнетъ навсегда. Его мѣсто займетъ или безповоротный скептицизмъ, или догматизмъ уже сознательный и смѣлый. Повторяемъ: непослѣдовательность была залогомъ успѣха позитивной философіи, но она же есть залогъ временности этого успѣха.

Если результатъ, къ которому мы пришли, вѣренъ, если эмпирическая философія равняется самому неограниченному отрицанію, если дѣйствительность въ ея рукахъ обращается въ пустую безсодержательную фикцію,—со всею роковою и непобѣдимою силой поднимается вопросъ: какъ же возможно дѣйствительное знаніе?

На него мыслимы только два отвѣта, какъ читатель могъ видѣть изъ предъидущей статьи. Первый изъ нихъ есть признаніе раціональной метафизики,—признаніе того, что существуетъ система истинъ *неопытныхъ*, т. е. *не на индукціи* основанныхъ, имѣющихъ объективное, научное достоинство, т. е. существуетъ или по крайней мѣрѣ должна существовать метафизика, какъ знаніе подлинное и не подлежащее сомнѣнію,—знаніе, выражающее дѣйствительную природу вещей и дающее доказательство дѣйствительности опыта.

Но есть еще другой отвѣтъ и на немъ мы теперь должны внимательно остановиться; онъ указываетъ единственно возможное средство утверждать дѣйствительность знанія, не прибѣгая къ помощи раціональной метафизики. Онъ имѣетъ то общее съ эмпиризмомъ, что отрицаетъ всякія онтологическія теоріи, построен-

---

рую осуждаетъ себя чистый эмпиризмъ, стремящійся получить видъ прочнаго философскаго міровоззрѣнія, представляетъ сочиненіе Льюиса „О жизни и духѣ“, дѣльный, хотя можетъ-быть слишкомъ рѣзкій, разборъ котораго сдѣланъ г. Стадинымъ въ статьѣ, помѣщенной въ *Русскомъ Вѣстникѣ*.

ныя отвлеченнымъ разумомъ, но онъ глубоко отличается отъ него, распространяя область нашихъ убѣжденій далеко за предѣлы феноменальнаго міра. Мы сначала изложимъ общій смыслъ этого отвѣта.

Правы скептики, когда утверждаютъ, что метафизика, какъ наука, невозможна, что всѣ усилія построить ее жалки по своей безуспѣшности. Но справедливо и то, что опытъ, предоставленный самому себѣ, ничего и не даетъ, кромѣ себя, т. е. кромѣ явленій нашего сознанія. Остается одинъ выходъ, чтобы спасти объективную достовѣрность познаній, и этотъ выходъ есть *вѣра*. Дѣйствительность нашему опыту даетъ она. Мы не имѣемъ никакихъ логическихъ доказательствъ существованія матеріальной природы, существованія объективнаго духовнаго міра, неизмѣнности наблюдаемыхъ законовъ явленій; но *мы вѣримъ* въ эти истины и тѣмъ должны удовлетвориться. Пускай досужіе умы изобрѣтаютъ и проповѣдуютъ свои сомнѣнія: они сами себя опровергаютъ тѣмъ, что не въ силахъ придать серьезнаго значенія своимъ выводамъ, и вѣрятъ по-прежнему, когда перестаютъ разсуждать. Гдѣ кончаются эмпирическія обобщенія, тамъ начинается область вѣрованій, и они должны служить намъ свѣточемъ въ образованіи прочнаго міросозерцанія.

На поставленный нами вопросъ существуютъ только эти два простые по содержанію отвѣта. Къ одному изъ нихъ непремѣнно присоединяется и отъ него исходитъ каждое онтологическое ученіе. Всякая метафизика есть или онтологія *разума*, или онтологія *вѣры*, или *раціонализмъ*, или *мистицизмъ*.

Послѣднее опредѣленіе философіи вѣры, какъ *мистицизма*, я считаю вполнѣ соотвѣтствующимъ ея сущности, несмотря на огромное разнообразіе формъ, въ которыхъ она проявляется, и несмотря на то, что многія изъ этихъ формъ готовы считать себя за все, что угодно, только не за мистицизмъ. Въ самомъ дѣлѣ бываетъ мистицизмъ сознательный и прямой, бываетъ мистицизмъ скрытый и какъ бы не помнящій своего происхожденія; но ни тотъ, ни другой видъ его ничѣмъ существеннымъ между собою не различаются: оба одинаково ссылаются на непобѣдимую очевидность непосредственнаго убѣжденія, какъ на достаточное оправданіе своихъ началъ.

Мы видѣли, что нынѣ господствующее позитивное міросозерцаніе далеко не есть эмпиризмъ въ его чистой и послѣдовательной формѣ. Изъ этого необходимо заключить, что въ немъ, ря-

домъ съ элементомъ эмпирическимъ, присутствуетъ элементъ онтологическій, что въ его предположеніяхъ заложена какая-то метафизика, хотя по возможности тщательно спрятанная. Какая же метафизика преобладаетъ въ наше время? Есть ли это метафизика разума или метафизика вѣры?

Что не метафизикѣ, раціонально построенной, принадлежитъ въ настоящее время господство, это слишкомъ очевидно. Ея никогда еще не отрицали такъ рѣшительно и такъ безповоротно. Между тѣмъ всякая теорія, чтобы быть умозрительною, должна облекаться въ умозрительныя формы, т. е. должна существовать какъ сознательно умозрительная теорія. Что не таковъ позитивизмъ, это не требуетъ доказательствъ. Слѣдовательно, остается одинъ возможный выводъ: въ позитивизмѣ существуютъ нѣкоторыя предположенія, обусловленныя началомъ вѣры, можетъ-быть невысказанныя и скрытыя, но не менѣе того дѣйствительныя и важныя для общаго характера школы.

Какія же это предположенія? Какой изъ видовъ философіи вѣры наиболѣе сроденъ позитивной доктринѣ? Въ прошлой статьѣ мнѣ уже приходилось говорить о той очевидной склонности, которую обнаруживаетъ позитивная школа, къ ученіямъ матеріализма. Если этого нельзя утверждать о всѣхъ представителяхъ позитивизма (напримѣръ, Миллъ, очевидно, менѣе другихъ раздѣляетъ эту наклонность), то съ полнымъ правомъ можно сказать о большинствѣ. Что же, возможно ли матеріализмъ признать за одинъ изъ многихъ видовъ философіи вѣры?

Этотъ вопросъ необходимо рѣшить прежде, чѣмъ перейдемъ къ разсмотрѣнію началъ всякой философіи вѣры безъ различія отдѣльныхъ направленій ея; иначе матеріалистическія предположенія будутъ постоянно мѣшать намъ и загораживать путь къ истинному пониманію нашей задачи, потому что именно матеріализмъ, высказанный или невысказанный, сознательный или безсознательный, откровенный или еще чаще скрывающійся за чуждыми ему представленіями, есть наиболѣе популярная форма метафизики въ наше время. Я постараюсь показать, что матеріализмъ есть одно изъ своеобразнѣйшихъ выраженій философіи вѣры, притомъ выраженіе чрезвычайно богатое нензцѣлимыми внутренними противорѣчіями *).

*) Мысль, что матеріалистическое міросозерцаніе опирается на вѣру, была высказана неоднократно; съ наибольшею ясностью и строгостью она раскрывается въ сочиненіяхъ В. С. Соловьева.

I.

Матеріализмъ не есть система умозрительная; онъ въ послѣднихъ своихъ основаніяхъ ссылается на непосредственное убѣжденіе или на очевидность чувства; иными словами, его подлинный принципъ есть *вѣра*, хотя принципъ не всегда высказанный,—вотъ что должны мы доказать.

Снова можно опасаться, что и это положеніе покажется парадоксальнымъ. Матеріализмъ и вѣра въ глазахъ большинства вещи несовмѣстимыя. Онъ такъ враждебенъ ко всякимъ проявленіямъ религіозныхъ началъ, онъ такъ далекъ отъ мистическаго тумана, и вдругъ его ставить на одну доску съ заурядным мистицизмомъ! Такъ возразятъ многіе, и если имѣть въ виду несомнѣнныя различія философіи непосредственнаго откровенія, обыкновенно такъ называемой, отъ ученій матеріализма,—такому возраженію нельзя отказать въ правдоподобіи, и тѣмъ не менѣе я надѣюсь оправдать мой выводъ; я желалъ бы только, чтобы читатель не забывалъ результатовъ, къ которымъ привело насъ предшествующее изслѣдованіе:

1. Матеріализмъ никоимъ образомъ не есть продуктъ обобщеній индуктивнаго знанія; онъ есть ученіе метафизическое.

2. Всякая метафизика представляетъ произведеніе или разума, или вѣры,—она или умозрительна, или опирается на чувство.

Слѣдовательно весь вопросъ заключается въ томъ, можно ли матеріализмъ отнести къ числу теорій, построенныхъ путемъ чисто-спекулятивнымъ. Если нѣтъ, его принадлежность къ области вѣрованій не подлежитъ спору, потому что не существуетъ другихъ источниковъ человѣческаго познанія, кромѣ мышленія и чувства.

Разсматривая этотъ вопросъ, противники нашего мнѣнія прежде всего должны встрѣтиться съ слѣдующимъ затрудненіемъ, вытекающимъ изъ историческаго развитія идей матеріализма. Отъ Левкиппа и Демокрита до Молешотта и Бюхнера включительно ни одинъ матеріалистъ не пытался доказать основного положенія матеріалистической философіи, а именно существованія матеріи. Напротивъ всѣ они смотрѣли на него какъ на очевидную аксіому и ссылались на свидѣтельство чувствъ. Только изъ этого отвращенія къ онтологическимъ обоснованіямъ своей доктрины объясняется незаконная связь матеріализма съ эмпиризмомъ; лишь изъ него дѣлается понятною вражда матеріалистовъ ко всякой

метафизикѣ вообще, хотя ихъ собственное міросозерцаніе болѣе чѣмъ какое-нибудь другое имѣетъ метафизическій обликъ.

Итакъ, по крайней мѣрѣ въ своей исторіи, матеріализмъ является ученіемъ, основаннымъ на вѣрѣ въ объективность чувственныхъ воспріятій, на вѣрѣ въ то, что въ основѣ ощущеній лежитъ внѣшній субстратъ, обладающій нѣкоторыми опредѣленными аттрибутами, и что ему одному принадлежитъ истинная дѣйствительность. Въ томъ, что матеріализмъ не есть логически построенная система понятій, въ томъ, что онъ слишкомъ много предполагаетъ, слишкомъ мало доказывая, въ томъ, наконецъ, что онъ какъ бы исключаетъ себя изъ области философской критики, правила которой считаетъ для себя необязательными,—заключается его главный порокъ, но и главное препятствіе при его анализѣ, въ этомъ его сила надъ умами, но въ этомъ же его и внутренняя слабость.

Но можетъ-быть нелогичность построенія отдѣльныхъ системъ матеріализма есть личный недостатокъ ихъ творцовъ? Можетъ-быть Левкиппъ, Демокритъ, Эпикуръ, Лукрецій Каръ, Гассенди, Гоббесъ, Ламеттри, Гольбахъ, Фохтъ, Молешоттъ, Бюхнеръ, Кюльбе просто не имѣли достаточно сильныхъ философскихъ способностей, чтобы представить свои воззрѣнія иначе? Но такое предположеніе было бы только странно: въ числѣ названныхъ, безъ сомнѣнія, находятся мыслители замѣчательнаго остроумія и глубокомыслія и подозрѣвать ихъ въ безсиліи ума нѣтъ ровно никакихъ основаній. Конечно, всего скорѣе приходится думать, что здѣсь вина не людей, а философіи, которую они защищали.

Какъ бы то ни было, фактъ на-лицо: до сихъ поръ матеріализмъ не былъ умозрительнымъ ученіемъ. Можетъ ли онъ быть имъ? Но прежде, чѣмъ приступимъ къ рѣшенію этого вопроса, нужно отвѣтить на другой: что мы называемъ матеріализмомъ? Какимъ идеямъ принадлежитъ это имя?

Изъ буквальнаго смысла слова ясно, что матеріализмъ есть міросозерцаніе, приписывающее истинное бытіе *одной матеріи*. Но однако самое это понятіе матеріи есть одно изъ наиболѣе шаткихъ въ философіи. Реальность матеріи утверждается въ доктринахъ самыхъ противоположныхъ и часто не имѣющихъ ничего общаго съ матеріализмомъ, а отъ этого зависитъ крайнее разнообразіе въ опредѣленіяхъ ея природы. Что общаго между матеріей Декарта и матеріей Лейбница, или между матеріей Платона и матеріей Лукреція Кара? А между тѣмъ каждый изъ нихъ при-

знавалъ по-своему ея бытіе. Еслибы кто-нибудь стремился понять матеріальный міръ подобно Лейбницу, какъ систему живыхъ монадъ, и сводилъ бы къ нимъ все существующее, онъ не былъ бы еще матеріалистомъ и никто не назвалъ бы его такъ. Слѣдовательно простое признаніе матеріи какой бы то ни было еще не составляетъ матеріализма; матеріализмъ есть нѣкоторое особое пониманіе матеріальнаго бытія. Какое же?

Я думаю, что наиболѣе соотвѣтствующая формула матеріализма есть слѣдующая: *въ основѣ міровой жизни и ея явленій во всемъ ихъ безконечномъ многообразіи лежитъ протяженная, непроницаемая, движущаяся по чисто механическимъ законамъ субстанція.* Я долженъ напомнить, что говорю здѣсь не о научныхъ теоріяхъ вещества и не объ идеалистическихъ его опредѣленіяхъ, которыхъ можно указать много особенно въ настоящее время и въ которыхъ то утверждается, что матерія есть явленіе абсолютно-неизвѣстной силы, то—что она есть движеніе, то—что она есть совокупность безтѣлесныхъ центровъ силъ и т. д.

Я стараюсь указать лишь такое опредѣленіе матеріи, которое выражало бы сущность матеріалистической философіи въ ея отличіи отъ другихъ направленій. *Матерія есть протяженно-непроницаемая и механически-движущаяся субстанція*—вотъ, по моему взгляду, наилучшее выраженіе основного тезиса матеріалистическаго міросозерцанія. При этомъ нужно прибавить, что для строгаго матеріализма ея природа этимъ *совершенно исчерпывается. Матерія есть только это.* Ея главные аттрибуты: непроницаемость, протяженность, движеніе—абсолютно раскрываютъ ея истинную сущность. Эти аттрибуты *объективно* принадлежатъ веществу,—въ этомъ различіе матеріализма отъ *идеалистическаго скептицизма.* Эти аттрибуты одни только ему и принадлежатъ; въ немъ нѣтъ никакого внутренняго, самостоятельно-дѣйствующаго, разумнаго, духовнаго начала,—этимъ матеріализмъ отличается отъ *гилозоизма* (ученіе о внутренно-живомъ веществѣ) древнихъ и новыхъ временъ. Такое воззрѣніе на міръ въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи мы будемъ называть *механическимъ.* Итакъ, матеріализмъ есть *механическое міросозерцаніе.*

Въ этомъ пунктѣ могутъ сдѣлать нѣкоторыя возраженія. Могутъ указать, что ни древніе атомисты, ни въ новое время Гоббесъ не дѣлали ударенія на непроницаемости, какъ первоначаль-

номъ свойствѣ вещества, и ограничивали понятіе тѣлесности опредѣленіями фигуры, величины и положенія. Съ другой стороны могутъ привести нѣкоторыхъ философовъ, именуемыхъ матеріалистами (наприм. Дидро), которые утверждали, что въ каждомъ атомѣ, рядомъ съ чисто-механическими свойствами и параллельно съ ними, существуютъ еще зачатки психической жизни. На такія возраженія нужно замѣтить, во-первыхъ, что геометрическое пониманіе вещества у древнихъ атомистовъ и у нѣкоторыхъ новыхъ мыслителей никогда не было доведено до конца въ виду неизбѣжныхъ затрудненій, съ нимъ соединенныхъ, и что идея о *силѣ сопротивленія* хотя и не высказывалась, но непремѣнно подразумѣвалась въ представленіи о *толчкѣ*; во-вторыхъ, что Дидро и мыслители ему подобные точно также выражаютъ свою теорію въ очень общемъ и несовершенномъ видѣ и что развитая во всей послѣдовательности, которая въ ней заключается, она должна обратиться въ дуализмъ, распространенный на всю природу, подобный которому видимъ въ системѣ Спинозы, слѣдовательно явиться отрицаніемъ матеріализма. Впрочемъ объ этомъ намъ еще придется говорить послѣ.

Теперь же считаю необходимымъ поставить на видъ, что я пишу не историческое изслѣдованіе, а разсматриваю различные типы умозрѣнія въ ихъ идеальныхъ формахъ, т. е. отвлеченно отъ историческихъ явленій, въ которыя эти типы воплощались. Я даю опредѣленія, которыя, по моему мнѣнію, соотвѣтствуютъ чистотѣ типовъ, и при анализѣ ихъ стараюсь не выходить изъ предѣловъ мною данной характеристики. Поэтому если кто-нибудь не вполнѣ согласенъ съ точностью избранныхъ мною названій, это не помѣшаетъ ему слѣдить за критическою оцѣнкой самыхъ типовъ, которые я обозначаю этими названіями.

Итакъ, можетъ ли матеріализмъ, понятый сообразно нашему опредѣленію, получить форму внутренно обоснованной и строго развитой умозрительной теоріи? Чтобы рѣшить это, необходимъ внимательный разборъ основоположеній матеріализма. Кромѣ того ясно, что если дѣло идетъ о понятіяхъ метафизическихъ и объ ихъ отвлеченной возможности, критика должна избрать *путь діалектическій*, т. е. произнести свое сужденіе, опираясь на ихъ всесторонній логическій анализъ. Умозрительная система, очевидно, требуетъ и умозрительной критики.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего изслѣдованія прежде всего нужно помнить, что мы разсматриваемъ матеріализмъ исключи-

тельно только съ философской точки зрѣнія, какъ метафизическую теорію, иначе наше отношеніе къ нему можетъ показаться слишкомъ отрицательнымъ и потому несправедливымъ. На самомъ дѣлѣ мы нисколько не имѣемъ намѣренія отрицать весьма важныхъ заслугъ матеріализма въ научной сферѣ, говоря опредѣленнѣе—въ области *наукъ физическихъ*. Въ исторіи послѣднихъ матеріализмъ имѣлъ двоякое значеніе: онъ сосредоточилъ вниманіе мыслящихъ людей на внѣшней природѣ, такъ какъ ей одной приписывалъ дѣйствительность; употребляемый въ качествѣ гипотезы, онъ по самому характеру своихъ идей содѣйствовалъ введенію математической точности въ изученіе ея явленій. Правда, указанная польза прямо касается только естествовѣдѣнія, тѣмъ не менѣе она все-таки заставляетъ дать матеріализму почетное мѣсто среди другихъ явленій умственной жизни. Однако его полезность, какъ физической гипотезы, очень мало возвышаетъ его безотносительную философскую цѣну, и мы будемъ говорить только о ней, такъ какъ вообще я думаю, что одинъ изъ главныхъ источниковъ нерѣшительности и неполноты въ обыкновенныхъ критикахъ матеріализма заключается въ безразличномъ смѣшеніи его умозрительнаго и научнаго значенія, которыя на самомъ дѣлѣ имѣютъ очень немного общаго между собою. Кто желаетъ познакомиться съ его значеніемъ для отдѣльныхъ наукъ, тому можно рекомендовать превосходное и замѣчательно безпристрастное сочиненіе Ланге: «Исторія матеріализма».

Прежде чѣмъ перейти къ нашему анализу, мы остановимся на первыхъ и основныхъ понятіяхъ всякой метафизики и постараемся представить ихъ въ возможно простой и популярной, хотя по необходимости въ общей и отвлеченной формѣ:

Задача метафизики—въ познаніи дѣйствительно существующаго. Но что существуетъ и что можетъ существовать дѣйствительно? Чему мы приписываемъ дѣйствительность съ настоящимъ правомъ?—Тому, что *въ себѣ* носитъ начало своего бытія, ибо въ противномъ случаѣ никакой дѣйствительности не существовало бы и не могло бы существовать. Дѣйствительно сущее, чтобы быть таковымъ, должно въ себѣ содержать *возможность*, *силу*, *мощь* своего бытія, потому что иначе оно немыслимо. Итакъ, настоящая, подлинная дѣйствительность принадлежитъ только *самобытному*, только тому, что *отъ себя* и *чрезъ себя* существуетъ. Наоборотъ, то, что получаетъ существованіе въ чемъ-нибудь отъ себя отличномъ, *въ другомъ*, то и дѣйствительность

имѣетъ *условную*. Оно существуетъ, потому что произведено; а оно не было бы произведено, еслибы не было производящей причины.

Такимъ образомъ получаются два основныя понятія всякой метафизики, неразрывно между собою связанныя: идея бытія самобытнаго или *безусловнаго*, т. е. самостоятельнаго, *отъ себя* существующаго, въ себѣ, и только въ себѣ, имѣющаго начало,— и идея бытія *условнаго*, *относительнаго*, т. е. зависимаго и произведеннаго.

Очевидно, что *собственную* дѣйствительность имѣетъ только самобытно-существующее. Все условное и существуетъ только условно, пока лишь существуетъ *другое*, утверждающее его въ бытіи; оно не имѣетъ дѣйствительности своей, а только извнѣ привнесенную. Это—выводы, вытекающіе изъ природы разсматриваемыхъ понятій съ аналитическою необходимостью. Изъ этого съ очевидностью слѣдуетъ, что дѣйствительность не можетъ принадлежать однимъ только условнымъ или *относительнымъ* вещамъ. Относительно то, что не имѣетъ собственной дѣйствительности. Сказать, что существованіе принадлежитъ только относительному—значитъ утверждать, что дѣйствительность принадлежитъ тому, что дѣйствительности не имѣетъ, и въ такомъ сужденіи заключается прямо вербальное противорѣчіе. И отъ этого противорѣчія не спасаетъ даже предположеніе ряда условныхъ существованій, теряющагося въ безконечности. Въ такомъ рядѣ каждое существованіе, взятое отдѣльно, найдетъ себѣ объясненіе въ цѣли причинъ и слѣдствій, въ предшествующихъ и сопровождающихъ обстоятельствахъ, но за то бытіе самаго безконечнаго ряда отъ этого не сдѣлается понятнѣе: оно все-таки будетъ висѣть въ пустотѣ, не находя ни въ чемъ точки опоры; оно останется воплощеннымъ противорѣчіемъ, дѣйствительностью не имѣющею дѣйствительности, слѣдовательно мыслію не мыслимою. Эта истина со всею отчетливостью была усвоена еще Аристотелемъ въ его метафизикѣ, но съ наибольшею очевидностью она раскрыта въ системѣ Спинозы. Продолженіе ряда причинъ въ безконечности ничему не помогаетъ; natura naturata (природа произведенная) требуетъ naturae naturantis (природы производящей). Относительное требуетъ самобытнаго, какъ своей внутренней основы, какъ своего единственнаго объясненія. Пусть цѣпь причинъ не имѣетъ начала и конца; самая эта цѣпь была бы нелѣпымъ, себя уничтожающимъ призракомъ, еслибы въ ней не

проявлялась вѣчно живая дѣятельность внутренно-самобытнаго начала міра.

Самобытное на философскомъ языкѣ называется *абсолютнымъ*. Самый терминъ *абсолютное* происходитъ отъ латинскаго *absolvere*—разрѣшать, освобождать, заканчивать. Оно есть начало независимое отъ всего внѣшняго ему,—отъ всего, что не есть оно,—слѣдовательно оно безусловно-*свободно;* оно есть начало, завершонное въ себѣ, законченное,—слѣдовательно, оно содержитъ въ себѣ и отъ себя всю полноту своей дѣйствительности. Оно есть самое дѣйствительное изъ всего, что существуетъ.

Это послѣднее опредѣленіе также аналитически выводится изъ понятія объ *абсолютномъ*. Абсолютное есть то, что даетъ бытіе относительнымъ существамъ; что они имѣютъ какъ извнѣ данное, оно имѣетъ какъ *свое*. Если дѣйствительны условныя вещи, *тѣмъ болѣе дѣйствительно ихъ начало*; если міръ реаленъ относительно, его абсолютный принципъ реаленъ безусловно.

Итакъ, идея абсолютнаго есть первое понятіе всякой метафизики, являющееся вмѣстѣ съ самою ея задачею съ непобѣдимою неизбѣжностью. Оно представляетъ тотъ пунктъ, въ которомъ философія подаетъ руку религіи; въ то же время оно есть главный предметъ нападенія ея враговъ.

А между тѣмъ нѣтъ ни одной философской теоріи, въ которой идея абсолютнаго такъ или иначе не была бы утверждаема: это справедливо для догматиковъ всѣхъ оттѣнковъ и направленій, но это не менѣе вѣрно и для скептиковъ, хотя они рѣдко въ томъ сознаются. Въ самомъ дѣлѣ, какая главная мысль скептицизма?—Предположеніе, что явленія въ своей относительности не выражаютъ истины, которая скрывается за ними; другими словами—предположеніе, что такая истина *дѣйствительно существуетъ* за міромъ явленій. Отбросьте эту мысль—и для сомнѣнія въ достовѣрности нашихъ познаній не останется никакого содержанія. Вещь въ себѣ Канта, непознаваемое Герберта Спенсера и т. д. суть различныя формы представленія абсолютнаго.

Абсолютное, какъ послѣднее основаніе всякой жизни, есть безусловная реальность. Это убѣжденіе также раздѣляется всѣми направленіями метафизической философіи. Можно указать только одно изъ нихъ, повидимому представляющее исключеніе: я разумѣю нѣмецкую философію послѣ Канта, въ особенности фило-

софію Гегеля. Именно гегелизмъ, это наиболѣе оригинальное и наиболѣе характерное ученіе, выросшее на почвѣ Кантовой «критики чистаго разума», утверждаетъ реальность и конкретное существованіе только отдѣльныхъ условныхъ вещей, только частныхъ образованій въ потокѣ мірового бытія. Абсолютная основа мірового процесса въ философіи Гегеля есть отвлеченное всеобщее въ его противоположности индивидуальному, есть мыслимая *идея*, а не реальность,—абстрактный законъ жизни, а не самая жизнь. И Гегель не былъ одинокъ въ такомъ способѣ пониманія. Онъ только прямо, ясно и безоглядочно сказалъ то, къ чему уже приблизились его знаменитые предшественники—Фихте и Шеллингъ.

Это ученіе можетъ поразить своею странностью человѣка, мало знакомаго съ нѣмецкою школою. Мысль есть абсолютное! Продуктъ отвлекающаго разсудка, впервые явившійся въ размышляющемъ сознаніи, есть источникъ всего существующаго! Не значитъ ли это строить вселенную на своей собственной головѣ, какъ язвительно замѣтилъ Шопенгауэръ? А между тѣмъ есть одно особенное предположеніе, отъ котораго исходилъ и Гегель, и мыслители ему сродные по духу, и которое доказываетъ, что ихъ ученіе не до такой степени странно, какъ это можетъ показаться сначала. Это предположеніе можно назвать *универсализмомъ* и оно сводится къ слѣдующему убѣжденію: не предметная реальность, какъ привыкли думать, есть реальность истинная; абсолютная дѣйствительность принадлежитъ бытію идеальному, какъ таковому, *чистой мысли*, которая не *создается*, а только сознается, отражается нашимъ разумомъ. Всеобщее, законъ въ своей отвлеченности *безконечно реальнѣе* своихъ частныхъ проявленій. Нельзя спорить, что въ этой теоріи замѣчаются многія несообразности и неясности, отъ нея неотдѣлимыя, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что Гегель не только не склоненъ отрицать внутреннюю актуальность абсолютнаго начала, но и внѣшнюю природу и исторію человѣчества съ безграничнымъ богатствомъ ими переживаемыхъ фазисовъ развитія обращаетъ во внѣшнее бытіе идеи, то-есть въ воплощенную аллегорію діалектически саморазвивающагося понятія. Мнимый противникъ дѣйствительности абсолютной основы перестаетъ быть имъ при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ.

Абсолютное само себя утверждаетъ въ бытіи; оно есть *causa sui* (причина самого себя), какъ говорилъ Спиноза; оно ничѣмъ

извнѣ не опредѣляется, поэтому оно *безконечно*. Въ самомъ дѣлѣ, все конечное предполагаетъ *границу*, *предѣлъ*,—предполагаетъ, потому что граница должна быть уже дана, чтобы конечное явилось конечнымъ. Но такимъ образомъ *осуществленное ограниченіе есть условіе конечности*, слѣдовательно ничто конечное не безусловно; самое понятіе конечнаго бытія уничтожаетъ возможность его безусловности. Это настолько очевидно, что въ философіи *абсолютное* и *безконечное*, *относительное* и *конечное* обыкновенно разсматриваются какъ вполнѣ тождественныя выраженія.

Я указалъ съ возможною простотой и ясностью основныя опредѣленія абсолютнаго, насколько они вытекаютъ изъ понятія о немъ. Я взялъ самыя общія опредѣленія, которыя признаются болѣе или менѣе единогласно самыми противоположными школами философіи, въ которомъ догматизмъ сходится съ скептицизмомъ и реализмъ съ идеализмомъ, ибо то, что устанавливаетъ различія между этими направленіями, заключается уже въ подробностяхъ раскрытія основныхъ понятій. Но я намѣренно остановился на самыхъ общихъ признакахъ, потому что они по своей отвлеченности представляютъ наилучшее мѣрило при оцѣнкѣ всякой умозрительной теоріи.

Предполагается ли въ матеріализмѣ какое-нибудь абсолютное начало? Отвѣтъ, повидимому, не представляетъ трудностей; матеріализмъ утверждалъ нѣкоторый абсолютный принципъ вещей, и этотъ абсолютный принципъ есть безконечная матерія. Она есть первое по бытію, потому что все существующее естественно; она—основа всякой жизни, потому что все возникаетъ въ силу законовъ, ей присущихъ; она несомнѣнно реальна, потому что изъ нея состоитъ все реальное; наконецъ, она безгранична въ пространствѣ и времени, ибо не было момента, когда она не существовала, и не будетъ такого, нѣтъ такихъ отдаленныхъ пространствъ, въ которыхъ вещество совсѣмъ бы отсутствовало. Итакъ, матеріализмъ признаетъ нѣкоторое абсолютное бытіе, въ которомъ соединяются всѣ необходимыя опредѣленія абсолютнаго начала; можно подумать, что съ этой стороны матеріализмъ неуязвимъ. Но точно ли это такъ? Точно ли матеріалистическое пониманіе абсолютнаго не страдаетъ внутренними противорѣчіями?

Абсолютное есть безконечная матерія, или безконечная матерія безусловна по своей природѣ,—таковъ первый тезисъ мате-

ріализма. Но что такое матерія?—Субстанція протяженно-непроницаемая и движущаяся. Какія еще болѣе частныя свойства матеріальнаго вытекаютъ изъ этихъ общихъ признаковъ?—Прежде всего изъ нихъ слѣдуетъ, что каждая тѣлесная вещь должна обладать формою или фигурою, другими словами—занимать мѣсто въ пространствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, подъ этимъ только условіемъ она можетъ явиться какъ опредѣленная протяженность, какъ дѣйствительная непроницаемость, и лишь при немъ мыслимо движеніе. Движеніе есть перемѣна мѣста. А можно ли мѣнять мѣсто, если его не имѣешь? Но *имѣть*, *занимать* мѣсто значитъ находиться въ какомъ-нибудь опредѣленномъ пространствѣ и отсутствовать въ другомъ, слѣдовательно быть ограниченнымъ въ пространствѣ, т. е. имѣть опредѣленныя очертанія или форму. Далѣе, что такое непроницаемость?—Сила сопротивленія, недопускающая другое тѣло занимать мѣсто, занятое даннымъ тѣломъ. Говоря иначе, непроницаемость можетъ быть дѣйствительнымъ свойствомъ данной матеріальной вещи только въ томъ случаѣ, если подлѣ нея есть мѣсто ею незанятое, въ которомъ поэтому можетъ двигаться другое тѣло и вызвать въ ней актъ сопротивленія, то-есть *тѣло должно быть ограниченнымъ*, чтобы *быть непроницаемымъ*. Наконецъ, что означаетъ протяженность тѣлъ?—Ихъ существованіе въ пространствѣ и его трехъ измѣреніяхъ. Но эти три измѣренія могутъ принадлежать тѣлу не какъ длина вообще, ширина вообще, глубина вообще,—они должны явиться какою-нибудь длиною, какою-нибудь шириною, какою-нибудь глубиною, т. е. они должны получить опредѣленную величину. Итакъ, чтобы тѣло было протяженнымъ, оно должно быть ограниченнымъ.

Въ какомъ же смыслѣ движеніе, непроницаемость, протяженность могутъ относиться къ безконечному абсолютному? Эти свойства должны принадлежать ему, ибо безъ нихъ нѣтъ матеріальности. Но могутъ ли они опредѣлять его? Еще разъ вспомнимъ необходимое отношеніе абсолютнаго къ міру конечныхъ вещей, безусловнаго къ условному. Безконечное логически предшествуетъ конечному, ему одному присуща абсолютная реальность, какъ силѣ, все изъ себя изводящей. Поэтому аттрибуты безконечнаго должны принадлежать ему самому, какъ его безконечныя опредѣленія. Итакъ, весь вопросъ сводится къ слѣдующему: матеріальныя свойства могутъ ли быть перенесены на безконечное въ немъ самомъ, на безконечное какъ таковое?

Несообразность предпріятія обнаружится съ первыхъ шаговъ. Какъ, напримѣръ, безконечному можно приписать непроницаемость? *Для кого* оно непроницаемо? Предположить что-нибудь рядомъ съ нимъ—значитъ ограничить его. Можетъ ли поэтому оно проявлять непроницаемость какъ *дѣятельное свойство*?—Очевидно, нѣтъ; актъ сопротивленія требуетъ объекта, на который онъ былъ бы обращенъ. Можетъ ли ему принадлежать непроницаемость, какъ отвлеченная, хотя и неосуществимая возможность? Но это была бы возможность невозможнаго. Стало-быть непроницаемость есть свойство конечныхъ вещей, а не абсолютной основы *въ ней самой*.

Не выходитъ ли то же самое съ движеніемъ? Можетъ ли безконечное двигаться какъ таковое? Но движеніе есть перемѣна мѣста. Чтобы перемѣнить мѣсто, надо имѣть пространство около себя, т. е. быть ограниченнымъ въ пространствѣ. Итакъ, безконечный принципъ существующаго не можетъ имѣть пространственнаго движенія.

Если безконечному несвойственны движеніе и непроницаемость, оно тѣмъ самымъ теряетъ тѣлесную природу *). Но можетъ ли далѣе безконечное обладать протяженностью? Здѣсь отвѣтъ не въ такой степени очевиденъ, какъ въ предшествующихъ случаяхъ. И въ самомъ дѣлѣ мы знаемъ одного изъ образцовѣйшихъ метафизиковъ всѣхъ вѣковъ—Спинозу, который смотрѣлъ на протяженіе какъ на основной аттрибутъ безконечной субстанціи. Однако и въ этомъ пунктѣ поднимается очень много весьма важныхъ недоумѣній.

Правда, пространство, какъ общая единообразная форма, какъ чистая возможность тѣлесныхъ вещей, немыслимо ограниченнымъ,—всякое данное пространство предполагаетъ пространство рядомъ съ собой. Но, съ другой стороны, не менѣе очевидна та общая истина, что реально существующій, осуществленный, *законченный безконечный рядъ* есть понятіе, представляющее для ума неодолимыя трудности. Дѣйствительно, въ самой идеѣ ряда, какъ опредѣленной, завершонной совокупности единицъ, подразумѣвается возможность прибавленія новыхъ единицъ въ началѣ

*) Подобный нашему путь доказательства представляетъ въ одномъ изъ своихъ философскихъ писемъ А. С. Хомяковъ. Неприложимость вещественныхъ качествъ къ безконечному раскрыта имъ въ этомъ письмѣ съ замѣчательною силой и ясностью.

и въ концѣ его, слѣдовательно его конечность *). Поэтому, если *возможность возрастанія* ряда безконечна, каждый данный реальный рядъ ограниченъ, иначе онъ не былъ бы рядомъ. Безконечность рядовъ можетъ только *осуществляться*, а не *осуществиться*; это—безкопечность не *in actu*, а *in potentia*, отрицательпая, а пе положительная, или, говоря языкомъ Гегеля, *ложная*, *дурная*, а не *истинная*. Все протяженное состоитъ изъ частей, слитыхъ или раздѣльныхъ, что̀ безразлично въ изслѣдуемомъ вопросѣ. Все состоящее изъ частей отвлеченно можно разсматривать какъ рядъ. Поэтому никакая дѣйствительная протяженная вещь, никакая вещь, какъ реальное единство составляющихъ ее элементовъ, не должна быть безконечной. Абсолютное есть реальность безконечная,—слѣдовательно, оно не протяженно.

Впрочемъ это объясненіе можетъ-быть покажется слишкомъ абстрактнымъ и потому неубѣдительнымъ. Въ виду этого я остановлюсь на другомъ признакѣ всего матеріальнаго, который болѣе нагляденъ. Какъ бы мы ни опредѣляли сущность матеріи, будемъ ли мы видѣть въ ней чистую протяженность по примѣру Декарта и Спинозы, или найдемъ въ ней другія качества, опредѣлимъ ли мы ее какъ нѣчто сплошное и непрерывное, или раздѣленное пустымъ пространствомъ,—за ней неизмѣнно останется одно вполнѣ очевидное свойство: матерія есть субстанція *сложная*, что̀ необходимо слѣдуетъ изъ ея протяженности; можно сказать болѣе: она—цѣлое, къ которому отдѣльныя вещи относятся какъ части, потому что она—самъ міръ. Мы можемъ мыслить вещества отвлеченно отъ матеріальной, видимой природы, но въ дѣйствительности они составляютъ одно. Вселенная—это реальность матеріи, и притомъ ея единственная реальность.

Этимъ вопросъ рѣшается: сложное цѣлое никогда не можетъ имѣть безусловной природы, ибо предполагаетъ существованіе частей, какъ свое условіе; сложное цѣлое никогда не опредѣляетъ себя къ дѣйствію, какъ самобытное, внутренно единое начало, потому что его дѣятельность есть совокупность актовъ его элементовъ; сложное цѣлое никогда не бываетъ производящею причиной своихъ частей, потому что первѣе ихъ, оно не имѣетъ никакого бытія. Итакъ, матерія есть просто сумма, аггрегатъ своихъ частей, и если въ ней есть какое-нибудь абсолютное, то оно,

*) На этой истинѣ извѣстный нѣмецкій философъ и экономистъ Дюрингъ основалъ свое ученіе объ ограниченности міра. На ней же опирается, несмотря на искуственность толкованій, первая антиномія Канта.

разумѣется, не можетъ быть отождествлено съ этимъ аггрегатомъ, а развѣ только съ отдѣльными единицами, изъ которыхъ онъ состоитъ. На этомъ выводѣ и приходится остановиться послѣдовательному матеріализму: нѣтъ безконечнаго абсолютнаго, существуетъ лишь *абсолютное конечное*, *атомъ*, *недѣлимая единица вещества*. Является результатъ прямо обратный тому, что̀ утверждаютъ другія школы философіи: только конечное безусловно, а безконечное, т. е. вся совокупность атомовъ, вселенная, есть бытіе по самому своему существу условное. Матеріализмъ, логически развившій заключающіяся въ немъ начала, непремѣнно обращается въ *атомизмъ*.

Этотъ ходъ мысли совершенно неизбѣженъ, хотя онъ, можетъ-быть, не одинаково ясенъ для всѣхъ видовъ матеріализма. Такъ, если утверждаютъ, что матерія есть чистая протяженность безъ всякихъ другихъ аттрибутовъ, или что она представляетъ субстанцію, сплошную и непрерывную,—атомамъ, какъ отдѣленнымъ другъ отъ друга пустотой элементамъ вещества, нѣтъ мѣста, несмотря на необходимость ихъ съ точки зрѣнія общихъ предположеній матеріалистическаго міросозерцанія. Однако оба эти утвержденія еще никогда не были раскрыты въ понятныхъ формахъ и мало надежды, что подобная попытка когда-нибудь окажется успѣшной. Если ограничимся вторымъ (такъ какъ о первомъ намъ уже приходилось упоминать, когда рѣчь шла о геометрическомъ пониманіи матеріи), оно всегда должно останавливаться въ безсиліи передъ объясненіемъ движенія и разнообразія въ мірѣ. Если пространство сплошь и безъ малѣйшихъ промежутковъ наполнено веществомъ, какъ движеніе можетъ начаться? Если даже оно начнется, какъ отдѣльныя пространства будутъ различаться между собой тѣмъ, что въ нихъ содержится, когда всякое пространство совершенно одинаково наполнено матеріей, общая природа которой вездѣ одна? А въ такомъ случаѣ что же новаго можетъ внести въ нихъ движеніе? Такъ что и въ этихъ вопросахъ атомистическая теорія логичнѣе другихъ воззрѣній и матеріализмъ строго послѣдовательный долженъ признать пустое пространство рядомъ съ наполненнымъ.

Но если атомизмъ есть наиболѣе совершенная форма матеріалистической философіи, это не значитъ еще, чтобы въ немъ не было внутреннихъ недостатковъ и противорѣчій, какъ и въ другихъ ея формахъ. Наоборотъ, ея внутреннія противорѣчія выразились въ атомизмѣ съ особенною рѣзкостью и осязательностью.

Односторонность каждой доктрины становится явною лишь тогда, когда она высказана до конца *).

Въ атомизмѣ со всею отчетливостью опредѣлилось то, что лежитъ въ основаніи матеріализма вообще,—отрицаніе безконечнаго абсолютнаго. Но абсолютное есть первое понятіе всякой философіи, а безконечность есть его первоначальный и необходимо въ немъ мыслимый аттрибутъ. Отрицая его, атомизмъ противополагаетъ себя всѣмъ другимъ метафизическимъ теоріямъ и не къ своей выгодѣ. Проповѣдуемая имъ абсолютность конечнаго прежде всего вноситъ въ міръ абсолютный случай, какъ его окончательное объясненіе. Какъ это происходитъ, будетъ видно изъ слѣдующихъ замѣчаній.

Мы еще разъ должны вернуться къ идеѣ абсолютнаго. Что такое абсолютное по своему понятію?—Абсолютное есть причина самого себя, иначе безосновное (das Ungrunde Шеллинга), не предполагающее ничего раньше себя; оно есть начало всякаго бытія, всякой дѣйствительности, всякаго акта; поэтому оно—источникъ всѣхъ конкретныхъ опредѣленій существующаго; поэтому далѣе оно, во-первыхъ, основа собственныхъ проявленій, собственныхъ видовъ существованія, *собственной природы*. Его природа, какъ вся совокупность его реальности, является его собственнымъ произведеніемъ, ибо оно—*causa sui*. Оно есть возможность, мощь, сила собственной дѣйствительности.

Эти возраженія можетъ-быть покажутся отвлеченными, но общій смыслъ ихъ ясенъ. Подъ абсолютнымъ существомъ разумѣется такое, которое само себя опредѣляетъ къ бытію и отъ себя только зависитъ. Изъ этого необходимо слѣдуетъ, что абсолютное начало безгранично и безкачественно, потому что лежитъ въ основаніи всякаго качества, всякой границы и производитъ изъ себя всѣ формы своего существованія. Абсолютное въ первомъ моментѣ своего бытія (хотя *только* въ первомъ моментѣ), какъ чистая основа сущаго, предшествуетъ всѣмъ своимъ опредѣленіямъ, другими словами—есть бытіе безусловно неопредѣленное. Всякое опредѣленіе есть уже раскрытіе его первоначальнаго, безразличнаго, въ себѣ замкнутаго единства, и на-

*) Атомизмъ, какъ и матеріалистическую доктрину вообще, я буду разсматривать только въ его общихъ, метафизическихъ началахъ. Желающему ознакомиться съ его значеніемъ во всѣхъ областяхъ знанія можно указать замѣчательно талантливую книгу Н. Н. Страхова: „Міръ, какъ цѣлое“,—и упомянутое уже сочиненіе Ланге.

ходитъ въ немъ достаточную причину своего возникновенія. Такое представленіе о первомъ моментѣ абсолютнаго наблюдается одинаково въ развитыхъ философскихъ и религіозныхъ системахъ. Таково хаотическое, смѣшанное, но одухотворенное вещество гилозоистическихъ системъ древности и новаго времени; таково *единое* элейцевъ и неоплатониковъ или natura naturans Спинозы; таково абсолютное *я* Фихте, субъектъ-объектъ Шеллинга, первый моментъ абсолютной идеи Гегеля, воля Шопенгауэра. Я не буду говорить о многихъ другихъ примѣрахъ. Впослѣдствіи сдѣлается еще очевиднѣе, что всякая философія, которая ставила вопросъ о внутреннихъ моментахъ абсолютной жизни, никогда не обходилась безъ этого перваго момента, хотя указывался онъ, конечно, не всегда съ одинаковою ясностью. Это же понятіе такъ или иначе присутствуетъ во всѣхъ религіяхъ, идеальное содержаніе которыхъ получило достаточное развитіе. Таковъ, напримѣръ, Дао—китайцевъ, Брама—индійцевъ, Заруана-Акарана—персовъ и т. д.

Значеніе этой идеи просто: всякая опредѣленность бытія предполагаетъ, какъ свое условіе, начало опредѣляющее, безъ котораго оно было бы необъяснимо. Это опредѣляющее начало по самому своему существу стоитъ выше всякихъ данныхъ границъ и опредѣленій. Отсюда—нерасторжимая связь мыслей объ абсолютномъ съ признакомъ безграничности.

Эту истину нарушаетъ атомистическая философія и тѣмъ ставитъ себѣ неразрѣшимыя затрудненія. Постараемся усвоить ея точку зрѣнія во всей полнотѣ.

Атомы—единственная дѣйствительность; они *одни* существуютъ и внѣ ихъ, прежде нихъ ничего нѣтъ и не было. Безсмысленно говорить объ ихъ причинѣ, когда они сами всему причина; они все объясняютъ, но ихъ нечѣмъ объяснить. Однако является совершенно неустранимый вопросъ: отчего атомъ ограниченъ, откуда онъ имѣетъ свои опредѣленія? Отчего одинъ атомъ имѣетъ одну совокупность опредѣленій, другой—другую *)? Атомъ есть causa sui; слѣдовательно онъ долженъ быть *источникомъ*,

*) Для большей наглядности въ полной критикѣ мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ атомизмъ древнихъ, исходившихъ изъ разнообразія формъ атомовъ. Новѣйшій атомизмъ обнаруживаетъ противоположную тенденцію къ однообразію ихъ опредѣленій. Очевидно однако же, что это различіе не представляетъ ничего существеннаго, и что если разнообразіе атомовъ по природѣ случайно, таково же должно быть и ихъ предполагаемое *однообразіе*.

внутреннею основой собственныхъ опредѣленій, долженъ *логически предшествовать имъ*. Но это совершенно немыслимо: въ атомѣ, какъ его понимаютъ матеріалисты, нѣтъ различныхъ моментовъ бытія, они ни въ какомъ смыслѣ не предшествуютъ своему ограниченію. Они суть недѣлимыя частицы вещества извѣстной формы, ранѣе этого они ничѣмъ не были, они не производятъ изнутри своихъ опредѣленій, они предполагаютъ ихъ, какъ единственное условіе своего бытія, какъ таковыхъ. Да и можетъ ли говорить о внутреннихъ актахъ постепеннаго раскрытія философія, для которой все дѣйствительное внѣшне и тѣлесно? Итакъ, откуда же взялись первоначальныя свойства атомовъ?—Ни откуда; они *даны*, они—фактъ, ни на что не сводимый. Они необъяснимы, и не въ томъ смыслѣ, что мы *не знаемъ* причинъ ихъ существованія, а въ томъ, что этихъ причинъ *нѣтъ вовсе*. Ихъ существованіе *безпричинно*. Ибо думать, что существуетъ таинственная и непознаваемая основа атомовъ или *внѣ* или *внутри* ихъ—значитъ признать, что не однимъ атомамъ присуща дѣйствительность, или что въ каждомъ атомѣ есть внутренняя неуловимая сторона жизни, которой принадлежитъ первенство бытія передъ его внѣшнею стороной. Но и то и другое предположеніе уничтожаютъ и матеріализмъ вообще, и атомизмъ въ частности—въ самомъ корнѣ.

Свойства атомовъ безпричинны, слѣдовательно они представляютъ *непостижимую случайность*. Ибо что же назвать *случайнымъ по самой природѣ*, какъ не то, что существуетъ совсѣмъ безъ всякихъ дѣйствительныхъ основаній? Свойства атома безусловно случайны, слѣдовательно и самъ онъ таковъ же. Это вѣрно объ атомѣ вообще; это должно быть вѣрно и о каждомъ отдѣльномъ атомѣ. Чтобы пояснить нашу мысль, возьмемъ, какъ примѣръ, величайшаго атомиста древности, система котораго есть наиболѣе простой и не смѣшанный типъ атомистической философіи. Демокритъ утверждалъ, что огонь состоитъ изъ круглыхъ и мелкихъ атомовъ. Еслибы мы спросили, отчего атомъ огня круглъ, откуда онъ получилъ свою круглоту и отчего другіе атомы имѣютъ иную форму,—отвѣтъ по духу системы существуетъ только одинъ: этому *нѣтъ причины*, это дано изначала, потому что атомъ отъ вѣка круглъ. И въ самомъ дѣлѣ въ атомахъ нѣтъ ничего кромѣ протяженности, фигуры, положенія и движенія, и изъ этихъ общихъ свойствъ, конечно, нельзя вывести, почему именно *этотъ* атомъ круглъ, а другой какой-нибудь, положимъ,

имѣетъ форму куба. И то и другое не носитъ въ себѣ никакой необходимости, слѣдовательно безусловно случайно.

И точно такъ же придется разсуждать о каждомъ атомѣ и о каждомъ ихъ свойствѣ. Что атомъ огня круглъ—это случайно; что такихъ атомовъ не одинъ, а много—случайно опять; что всѣ атомы (какъ предполагалъ Демокритъ) несутся винзъ—случайно не менѣе; что мелкіе несутся медленнѣе, а крупные быстрѣе—случайно также. Одинаково случайны отношенія атомовъ между собою. Отчего, напримѣръ, атомы движутся? Отчего къ протяженности, фигурѣ, положенію атомовъ прибавляется еще движеніе ихъ, когда одно изъ другого нисколько не вытекаетъ и атомы могли бы обладать всѣми этими свойствами, оставаясь неподвижными? Почему, наконецъ, атомы повинуются общимъ законамъ? На всѣ эти вопросы нѣтъ и не можетъ быть отвѣта. Эти качества *даны* или, лучше сказать, предположены—вотъ и все.

Такимъ образомъ низведеніе абсолютнаго до конечнаго жестоко мститъ за себя. Вселенная обращается въ безграничную бездну случайностей, которыя громоздятся другъ на друга. Между тѣмъ случайность представляетъ собою понятіе, имѣющее смыслъ въ обыденныхъ житейскихъ сужденіяхъ, въ которыхъ имъ обозначается все неожиданное и непредвидѣнное,—все, причина чего неизвѣстна. Но ему нѣтъ мѣста въ метафизической теоріи, заявляющей притязаніе на полное знаніе истинной природы вещей. Такъ оно есть колоссальная нелѣпость!

Въ самомъ дѣлѣ очевидно, что міръ, состоящій изъ безчисленнаго множества такихъ случайныхъ вещей и свойствъ, немыслимъ совершенно. *По существу случайное*, *случайное въ себѣ*, есть то, что безусловно могло бы существовать совсѣмъ иначе. Приложимъ начало простой вѣроятности къ такому случайному міру. Каждый атомъ *могъ бы* существовать иначе въ безграничномъ множествѣ формъ. Слѣдовательно, даже въ каждомъ отдѣльномъ атомѣ данное соединеніе его свойствъ внутренно безконечное—мало вѣроятно. Что же сказать о цѣломъ мірѣ, который состоитъ изъ такихъ невѣроятныхъ вещей? Не будетъ ли и онъ внутренно безконечно невѣроятенъ, т. е. *невозможенъ*? Мы, конечно, не усомнились бы согласиться, еслибы дѣло шло о возможности перваго его возникновенія. Его существованіе уже данное представляетъ ли нѣчто болѣе мыслимое?

Итакъ, міръ, составленный изъ безусловныхъ атомовъ, невозможенъ; измѣнится ли положеніе вопроса, если мы отвергнемъ

недѣлимость отдѣльныхъ частицъ вещества, если мы признаемъ за субстанцію вселенной абсолютную матерію, безконечно дѣлимую? Такой міръ носитъ ли въ себѣ большую внутреннюю вѣроятность? Повидимому, главное затрудненіе въ немъ устранено: въ немъ не предполагается абсолютныхъ качественно-неизмѣнныхъ частей; каждое матеріальное образованіе, взятое отдѣльно, объясняется съ своими особенностями изъ причинъ, ему предшествовавшихъ. Но все-таки противорѣчіе этимъ не уничтожается, а только теряетъ наглядность и какъ бы отодвигается на задній планъ. Его источникъ—не въ качественной неизмѣнности, а въ безусловной природѣ атомовъ, въ *безусловности конечнаго*. Отъ этой послѣдней идеи безконечная дѣлимость матеріи никакъ не освобождаетъ. Всякая матерія—и дѣлимая, и не дѣлимая до безконечности—одинаково состоитъ изъ частей, слѣдовательно обусловлена ими. Итакъ, если матерія—бытіе абсолютное, на самомъ дѣлѣ, абсолютную природу имѣютъ ея части, она же есть только сумма ихъ. Мы уже видѣли, насколько неизбѣженъ этотъ выводъ. А если такъ, въ чемъ же поможетъ дѣлимость и измѣняемость вещества? Переставимъ вопросъ такъ: пускай каждый атомъ способенъ переживать перемѣны состояній, пускай начало этихъ перемѣнъ теряется въ безконечномъ прошломъ,—уничтожается ли этимъ случайность признаковъ атома? Мнѣ кажется, никакимъ образомъ: каждое его состояніе отдѣльно имѣетъ причину въ предшествующихъ состояніяхъ, но весь безконечный рядъ въ его индивидуальной особенности (насколько онъ есть нить состояній *именно этого атома*) такъ же случаенъ, какъ и неизмѣнныя свойства атомовъ Демокрита. То же самое разсужденіе прилагается ко всякой матеріалистической теоріи: живая индивидуальность каждаго явленія внутренно случайна, хотя и вызвана безконечнымъ рядомъ предшествующихъ причинъ, ибо самый этотъ рядъ по *существу случаенъ* въ своихъ конкретныхъ опредѣленіяхъ.

Отсюда, вѣроятно, объясняется, почему матеріализму такъ часто ставится въ упрекъ случайность въ немъ творенія, хотя онъ болѣе, чѣмъ всякая другая система, настаиваетъ на неизмѣнности законовъ природы, а также и то, почему эпикурейцы, единственные изъ философовъ, такъ легко возвели абсолютный произволъ въ уклоненіи падающихъ атомовъ въ принципъ созданія міра.

Но если даже не обращать вниманія на немыслимость абсолютнаго случая, логическія противорѣчія атомизма далеко еще

не исчерпаны. Вслѣдъ за невозможностью *бытія* атомовъ подымается немыслимость ихъ *взаимодѣйствія*, немыслимость не менѣе очевидная. Атомы суть безусловныя существа. Подъ безусловнымъ началомъ мы понимаемъ то, что дѣйствуетъ отъ себя, и *только* отъ себя. Какъ же атомы могутъ оказывать вліяніе другъ на друга? Отчего одинъ атомъ *сопротивляется* другому? Отчего каждый атомъ имѣетъ способность *занять мѣсто*, т. е. сдѣлать невозможнымъ пребываніе въ немъ всякаго другого тѣла? Почему бы ему, при его абсолютной природѣ, не оставаться въ чисто внутреннемъ бытіи, ни въ какихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ не проявляясь?

Противорѣчіе это слишкомъ явно и изъ него выходъ только одинъ—отрицаніе безусловности, а стало-быть и первобытности атома. Лейбницъ пытался найти другое рѣшеніе вопроса: онъ отрицалъ реальное взаимодѣйствіе субстанціальныхъ единицъ бытія—монадъ—и объяснялъ стройность мірозданія и съ Богомъ предустановленной гармоніи. Не ясно ли однако, что, признавъ участіе воли Божества въ судьбахъ міра, онъ отнялъ у своихъ монадъ дѣйствительную самобытность?

Но почему все это доказательство невозможности взаимодѣйствія атомовъ невольно представляется какъ будто схоластическимъ? Почему мысль о ихъ взаимодѣйствіи не только не возбуждаетъ, повидимому, никакихъ затрудненій, но даже является неизбѣжною съ самымъ понятіемъ о нихъ? Причина этого—въ механической природѣ атома. Атомы протяженны, они движутся, и движутся въ одномъ пустомъ пространствѣ. Слѣдовательно, необходимо, чтобъ они сталкивались между собою, а слѣдовательно оказывали вліяніе одинъ на другой.

Итакъ, съ одной стороны, если мы имѣемъ въ виду ихъ абсолютную природу,—ихъ взаимодѣйствіе немыслимо. Но, съ другой, если мы сосредоточимъ вниманіе на ихъ свойствахъ, взаимное ихъ вліяніе дѣлается необходимымъ предположеніемъ. Какъ примирить это новое противорѣчіе? Какъ одно и то же возможно и невозможно въ одно и то же время? Разрѣшеніе заключается въ мысли, уже высказанной нами: матеріальныя свойства не могутъ быть опредѣленіями безусловнаго начала, ибо они *по существу относительны*. Этимъ самымъ мы переходимъ къ одному изъ существеннѣйшихъ и коренныхъ, по нашему мнѣнію, недостатковъ матеріализма. Этотъ недостатокъ—*всецѣлая условность механическихъ опредѣленій вещества*. Почему онъ такъ мало за-

мѣчается?—Потому, что въ нашихъ представленіяхъ о внѣшнихъ вещахъ мы не можемъ отдѣлаться отъ ихъ чувственныхъ качествъ, которыя вносятъ въ нихъ жизнь для насъ. Но мы должны отказаться отъ всѣхъ чувственныхъ образовъ, когда рѣчь идетъ о матеріальной дѣйствительности въ ней самой, мы должны отбросить все напоминающее ихъ, и тогда указанный мною недостатокъ станетъ передъ нами во всей своей очевидности.

Чтобъ объяснить, въ чемъ онъ состоитъ, мы начнемъ съ аналогіи. Еще въ XVIII вѣкѣ Гюсковичемъ было высказано предположеніе, что атомы не суть протяженныя тѣла опредѣленной фигуры, а математическія точки, центры силъ, дѣйствующихъ на другіе атомы, которые также только математическіе центры силъ; поэтому въ природѣ дѣйствительны только эти силы. Гюсковичъ не остался одинокимъ съ своею гипотезою,—его взглядъ до нашего времени раздѣляется очень многими.

И тѣмъ не менѣе онъ никогда не сдѣлался всеобщимъ убѣжденіемъ, несмотря на его видимую простоту и строгость. Для сознанія обыкновенныхъ людей всякій иной выводъ кажется гораздо правдоподобнѣе и достойнѣе вниманія. Почему это? Отчего логичность общаго построенія такъ мало помогаетъ этой теоріи?—Потому, что стоитъ только всмотрѣться въ нее, чтобъ увидать ея огромную внутреннюю несообразность.

Атомъ Гюсковича, взятый самъ въ себѣ, есть чисто идеальная точка, которая, какъ таковая, ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ прилежащихъ къ ней точекъ пустого пространства. Что даетъ ей преимущественную реальность, что дѣлаетъ и началомъ вещей, это *ея отношеніе къ силамъ*. Но что такое сила? Для подобнаго воззрѣнія сила есть *способность дѣйствія одного атома на другой,—дѣйствія, которое является какъ движеніе этого другого атома;* или, высказывая то же самое въ иной формулѣ, которая однако имѣетъ совершенно одинаковый смыслъ, получимъ: *сила есть возможность движенія другого атома, обусловленная его отношеніемъ къ данному атому*, или, короче: сила есть *возможность чужого движенія*, потому что слова «способность» и «возможность» въ разсматриваемомъ случаѣ равнозначительны.

Въ самомъ дѣлѣ представимъ себѣ два центра силъ a и b; пускай a притягиваетъ b. Что выражаетъ это слово *притягиваетъ*?—Только то, что b движется по направленію къ a. Что же будетъ означать, если мы скажемъ, что a обладаетъ *силою*

притяженія?—То, что при нѣкоторыхъ опредѣленныхъ условіяхъ центры *b*, *c*, *d*... должны двигаться къ *a*, что съ *a* *связаны ихъ возможныя движенія*. Итакъ, въ чемъ состоитъ *присущая a сила притяженія?*—Она есть возможность движеній центровъ *b*, *c*, *d*... къ *a* и только стало-быть сила принадлежащая данному атому есть возможность движенія другого атома; въ силѣ выражается вліяніе даннаго атома на другой. Но что такое этотъ другой атомъ?—Такая же идеальная точка, какъ и первая, точно также отличающаяся отъ всѣхъ остальныхъ безконечно малыхъ частей пустого пространства только тѣмъ, что она есть центръ силъ, которыя движутъ другіе атомы, и такъ въ безконечность.

Но можетъ-быть, опредѣляя силу, какъ простую возможность движенія, мы не высказываемъ о ней всего? Можетъ-быть, помимо производимыхъ ею внѣшнихъ движеній, она имѣетъ еще собственную внутреннюю дѣйствительность? Можетъ-быть силы—это реальныя существа, которыя независимо отъ вызываемыхъ ими дѣйствій живутъ внутреннею полною жизнію? Ничто подобное, конечно, никогда не грезилось строгимъ послѣдователямъ этого математическаго пониманія міра. Сила—не *существо*, не *реальная вещь*, а только *свойство*, только *отвлеченная способность*, получающая дѣйствительность лишь въ своихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ. Итакъ, назвавъ силу возможностью чужихъ движеній, мы сказали о ней все, и къ нашему опредѣленію нечего прибавить.

Но что же выходитъ? Атомъ есть центръ возможностей движенія другихъ атомовъ, и только это, и въ этомъ—вся его реальность, и этимъ лишь онъ отличается отъ точекъ пространства неиаполненнаго. До тѣхъ поръ, пока мы имѣемъ въ виду отношенія атомовъ между собою, въ нихъ еще есть что-то говорящее нашей мысли; но картина совершенно измѣнится, когда мы зададимъ вопросъ: чѣмъ всѣ атомы въ своей совокупности, чѣмъ міръ отличается отъ пустоты? Пускай каждый атомъ есть математическій центръ силъ; но вѣдь, какъ точка, онъ ничѣмъ не отличается отъ точекъ, къ которымъ никакія силы отношенія не имѣютъ, и его силы суть только возможныя движенія такихъ же точекъ, какъ онъ самъ. Если онъ внутри себя есть лишь нуль пространства и ничего болѣе, онѣ такіе же нули, какъ и онъ. А прибавится ли реальности къ нулю оттого, что онъ находится въ нѣкоторомъ постоянномъ отношеніи къ другимъ нулямъ?

Во что же обратится вселенная при подобномъ воззрѣніи на нее?— Оказывается, что она состоитъ изъ безчисленнаго множества плавающихъ нулей и въ своемъ цѣломъ *ничѣмъ* не различается отъ пустого пространства. Другими словами, этотъ взглядъ, до конца проведенный, въ корнѣ упраздняетъ реальность матеріи, потому его и трудно такъ усвоить.

Въ чемъ же источникъ такой необходимости для разбираемой теоріи?—Въ признаваемой ею обсолютной условности природы атома. Атомъ не имѣетъ собственной дѣйствительности; онъ— только совокупность возможностей движенія другихъ атомовъ, которые также собственной дѣйствительности не имѣютъ. Слѣдовательно, *нѣтъ ничего дѣйствительнаго*. Каждый отдѣльный атомъ есть пустой призракъ; стало-быть призракъ—и тотъ міръ, который изъ нихъ созданъ. Все это замѣтить довольно легко, когда дѣло идетъ о столь абстрактной теоріи. Сила есть понятіе отвлеченное и въ разсматриваемомъ его употребленіи его условность очевидна. Но, повидимому, совсѣмъ иную идею о веществѣ даетъ обыкновенный матеріализмъ или та теорія, которую мы назвали *механическою*. Вещество *непроницаемо*, оно *наполняетъ* пустоту. Слово *наполняетъ*, повидимому, указываетъ на дѣйствительную независимость и безусловность бытія. Оно съ такою наглядностью и осязательностью говоритъ нашему чувству и воображенію, что намъ въ высшей степени трудно думать иначе. Но, повторяемъ, когда вопросъ поставленъ о веществѣ въ немъ самомъ, нужно прежде всего помнить, что всѣ чувственныя опредѣленія его субъективны и что поэтому каждый признакъ матеріальной дѣйствительности должно изслѣдовать только съ отвлеченно-логической точки зрѣнія. Итакъ, вопросъ, къ которому мы теперь должны перейти, есть слѣдующій: что такое *способность наполнять пространство* предъ судомъ отвлеченной логики?

Совершенно ясно, что *наполнять*—это только другое выраженіе для *непускать на свое мѣсто*. Наполнить—значитъ оказаться непроницаемымъ, или наполненіе есть осуществленіе непроницаемости. Такимъ образомъ непроницаемость есть первое свойство вещественнаго, которое лежитъ въ основаніи другихъ его свойствъ.

Но что такое *непроницаемость*? Не есть ли это *сила*, именно сила *исключающая*, отталкивающая, только возведенная въ безконечную степень? Если отвлечемъ ее отъ ея проявленій, не

есть ли она просто способность прекращать или видоизмѣнять въ данномъ мѣстѣ всякое движеніе, идущее извнѣ, т. е. чистая возможность прекращенія и видоизмѣненія чужого движенія? А что въ такомъ случаѣ представляетъ изъ себя каждое тѣло?—Говоря, можетъ-быть, не совсѣмъ обыкновеннымъ языкомъ, который вслѣдствіе этого однако ничего не теряетъ въ своей точности, оно есть часть пространства, въ наблюдаемый моментъ, имѣющая свойства не допускать въ своихъ предѣлахъ движеній другихъ тѣлъ, иными словами—съ которою связана возможность остановки и перемѣны чужихъ движеній *). Всмотримся хорошенько въ это понятіе. Мы видѣли главный недостатокъ теоріи Гюсковича: она страдаетъ тѣмъ, что превращаетъ каждый атомъ въ *возможность возможностей*, такъ что, проходя всю вселенную, мы нигдѣ не встрѣчаемъ дѣйствительныхъ вещей. Механическая теорія даетъ ли иное представленіе о тѣлѣ? Сила непроницаемости отличается ли чѣмъ-нибудь существеннымъ отъ дѣйствующихъ на разстояніи силъ теоріи Гюсковича?—Слишкомъ очевидно, что нѣтъ. Ихъ различіе—не въ природѣ, а въ способѣ проявленія; это тоже отталкивающая сила, но только дѣйствующая какъ безусловное исключеніе внѣшнихъ тѣлъ изъ данныхъ границъ или какъ совершенная остановка внѣшняго движенія въ данномъ мѣстѣ. Если атомъ Гюсковича есть сфера силъ, какъ возможностей чужого движенія, не менѣе того и атомъ механическій есть *также сфера, въ которой господствуетъ сила непроницаемости*, т. е. возможность прекращенія и иного направленія чужихъ движеній. Въ своемъ существѣ оба понятія слишкомъ явно совпадаютъ.

Но можетъ-быть мы ошибаемся, отождествляя силу непроницаемости *только* съ возможностью движеній? Можетъ-быть въ ней мыслится что-нибудь большее? Можетъ-быть механическая теорія предполагаетъ въ ней еще нѣкоторую собственную жизнь и дѣятельность помимо ея внѣшнихъ эффектовъ? (Дѣло пока идетъ, конечно, только о пониманіи вещества у строгихъ послѣдователей матеріализма, а не о дѣйствительной внутренней сущности тѣлъ.) Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы указать,

*) Для простоты пониманія я совсѣмъ не упоминаю о собственномъ движеніи, которое пріобрѣтаетъ тѣло, воспринимая дѣйствіе другихъ тѣлъ, тѣмъ болѣе, что это движеніе не есть прямое выраженіе *непроницаемости*, но послѣдствіе законовъ толчка. Изъ дальнѣйшаго будетъ видно, что отъ этого давленія нисколько не измѣнилось бы общее опредѣленіе тѣла.

въ чемъ эта внутренняя жизнь состоитъ съ точки зрѣнія механической доктрины, и я сильно сомнѣваюсь, чтобы подобную задачу можно было счастливо разрѣшить даже при самыхъ крайнихъ усиліяхъ ума. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, представимъ себѣ (совершенно гипотетически, разумѣется) безконечную пустоту, въ которой существуетъ всего только одинъ непроницаемый, въ механическомъ смыслѣ тѣлесный, атомъ. Удалимъ при этомъ отъ него всѣ чувственные признаки, которые могутъ какъ-нибудь къ нему примѣшаться, и затѣмъ спросимъ себя, чѣмъ пространство, занятое атомомъ, отличается отъ всѣхъ другихъ окружающихъ пространствъ, ничѣмъ не занятыхъ? Можно сколько угодно разбирать и перевертывать этотъ вопросъ, но я глубоко увѣренъ, что мы въ этомъ наполненномъ пространствѣ, помимо опредѣленій чисто геометрическихъ, т. е. протяженія и формы, не отыщемъ рѣшительно ничего, кромѣ отвлеченной возможности останавливать и видоизмѣнять при извѣстныхъ условіяхъ движенія въ другихъ тѣлахъ, еслибы таковыя существовали; другими словами, въ этой отвлеченной возможности—самая суть тѣлесности. Итакъ, мы должны признать, что между непроницаемымъ тѣломъ и динамическимъ атомомъ Гюсковича различіе—не въ природѣ, а только въ характерѣ проявленій.

А если ихъ природа одна, то и въ механической теоріи тѣло имѣетъ чисто-условную дѣйствительность. Въ опредѣленіе тѣла входятъ только два признака: *протяженность* и *возможность прекращенія движенія другихъ тѣлъ въ границахъ ими занятаго пространства*. Но протяженность есть свойство не однихъ тѣлъ, но и пространства ненаполненнаго. Слѣдовательно, какъ ни странно это, начало конструирующее специфическую природу тѣла есть *простая возможность*. Но возможность есть понятіе абстрактное; возможность внѣ своего осуществленія—ничто, отрицаніе бытія. Чтобы стать чѣмъ-нибудь, она должна получить дѣйствительность. Въ чемъ же получаетъ свою дѣйствительность тѣлесность матеріальной вещи?—Въ состояніяхъ движенія другихъ тѣлъ, ибо возможность перемѣнъ въ чужомъ движеніи ничто внѣ этого движенія; она только лишь *въ немъ* и для *него*. Но эти другія тѣла что такое?—Такія же абстрактныя возможности, какъ и первое. Въ тщетныхъ поискахъ за дѣйствительнымъ и живымъ, мы вездѣ наталкиваемся на абстракціи и попадаемъ въ тотъ же безвыходный кругъ, въ который уже завлекла насъ однажды динамическая теорія. Тѣла оказываются воз-

можностями возможностей, призраками призраковъ, и вещественный міръ, столь реальный и устойчивый съ перваго взгляда, вновь расплывается въ пустоту, когда къ нему прикоснулась философская критика. Мы начали—признавъ дѣйствительность всѣхъ механическихъ опредѣленій матеріи, а кончаемъ реальностью лишь того, что по существу нереально, т. е. одного абсолютно-пустого пространства.

И читатель могъ замѣтить, что этотъ роковой ходъ мысли опирается на очень простой истинѣ: что условно по существу, что получаетъ дѣйствительность только въ другомъ,—требуетъ, чтобы дѣйствительность этого другого *не была условною*; при невыполненіи этого требованія дѣйствительность условнаго логически немыслима.

Итакъ, коренной недостатокъ, дѣлающій невозможнымъ матеріализмъ какъ философію, есть всецѣлая условность всѣхъ опредѣленій вещества, механически понимаемаго. Но откуда происходитъ самая эта условность? Можетъ ли механическая теорія быть измѣнена такъ, чтобъ относительность всего матеріальнаго уничтожилась? Такая задача по существу неразрѣшима. Источникъ условности всего матеріальнаго заключается въ главномъ тезисѣ матеріализма, въ томъ предположеніи, что протяженность есть первое и осиовное свойство всего существующаго, что *пространство есть абсолютная форма всякаго бытія*. Въ этомъ—πρῶτα ψεῦδος всей системы.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое пространство по своей общей и непосредственно очевидной природѣ?—Взятое отвлеченно отъ содержагося въ немъ, оно есть *безразличная форма чистой внѣшности*. Все находящееся въ пространствѣ существуетъ какъ совмѣстное, какъ поставленное въ рядъ. Всякое свойство въ пространствѣ есть отношеніе вещей, лежащихъ *рядомъ*, слѣдовательно—*внѣшнее* отношеніе, всякое дѣйствіе—внѣшнее дѣйствіе, всякая сила—внѣшняя сила. Къ чему сводится измѣненіе пространственнаго бытія?—Оно есть или перемѣна мѣста въ цѣломъ или въ частяхъ, или перемѣна отношеній; но перемѣна отношеній въ пространствѣ предполагаетъ уже перемѣну мѣста въ комънибудь изъ соотносящихся. Итакъ, всякое измѣненіе, всякая жизнь въ пространствѣ подразумѣваетъ движеніе и сливается съ нимъ. Въ пространствѣ нѣтъ ничего, кромѣ движеній, и слѣдовательно всякая сила въ немъ есть или возможность движенія, или само движеніе, уже произведенное. Именно такой взглядъ на силу уста-

новился въ современной физикѣ; и не очевидно ли, что никакія другія силы въ пространствѣ немыслимы? Но для возникновенія движенія необходимо, чтобы существовало реальное тѣло, которое движится. А это тѣло при ближайшемъ анализѣ оказывается связаннымъ съ даннымъ пространствомъ простою совокупностью возможностей движенія. Что же выходитъ? Движеніе тѣлъ есть движеніе возможностей движенія. Но это понятіе—безъ содержанія, мысль себя уничтожающая, величайшее противорѣчіе, котораго умъ не можетъ вынести.

Какъ же разрѣшится оно? Его смыслъ ясенъ: никакая возможность не можетъ существовать *какъ только возможность*. То, что способно произвести что-нибудь *внѣ себя* и *отъ себя отличное*, должно быть дѣйствительно какъ вещь, обладающая этою способностью. Помимо дѣйствительности во внѣшнемъ эффектѣ, въ движеніи, она должна имѣть собственную, внутреннюю дѣйствительность, какъ въ себѣ и для себя *живая сила*. Прежде чѣмъ выразиться и воплотиться въ пространствѣ, какъ осуществленная или не осуществленная еще возможность чужого движенія, она должна существовать, какъ внутренно самобытный центръ, который *предшествуетъ* пространству; *протяженность—не первоначальное* и *основное*, *а производное* и *вторичное свойство вещей*. Ясно, что матеріализмъ не удовлетворяетъ самаго перваго требованія метафизики—давать знаніе *дѣйствительности*, и потому несостоятеленъ, какъ метафизическая система.

Этотъ выводъ подтверждается историческимъ развитіемъ философскихъ идей.

Родоначальникъ новой философіи, Декартъ проповѣдывалъ крайній дуализмъ матеріи и духа; матерія въ его системѣ есть субстанція, основной аттрибутъ которой—протяженность. Но, предположивъ это, онъ сдѣлалъ шагъ далѣе: онъ совсѣмъ изгналъ понятіе силы изъ метафизики. Предшествовавшее разсужденіе показало уже намъ, какія важныя побужденія должны были склонить его къ этому. Онъ искалъ ясныхъ и твердыхъ опредѣленій вещей, и мы видѣли, какое неясное и противорѣчивое представленіе о силѣ вытекаетъ изъ механической теоріи. Онъ попытался отдѣлаться отъ него, но его опытъ не былъ удаченъ. Если матерія есть только протяженное бытіе, то вещество и пустота ничѣмъ между собою не различаются, а слѣдовательно вся матеріальная природа отождествляется съ безразличнымъ,

однообразнымъ пространствомъ. Декартъ мечталъ уничтожить понятіе пустого пространства, а на дѣлѣ всю тѣлесную дѣйствительность обратилъ въ пустоту. Движеніе, жизнь, индивидуальность матеріальныхъ образованій остаются въ его теоріи неразгаданными задачами. Этотъ результатъ съ наибольшею наглядностью выразился въ философіи Спинозы, вовсе отвергнувшаго индивидуальность вещей во имя единства протяженной сущности. Такой выводъ однако обличалъ самъ себя; явилась настоятельная потребность въ иномъ рѣшеніи вопроса, и его далъ Лейбницъ.

Для Декарта существо всего матеріальнаго заключается въ протяженіи; Лейбницъ центръ тяжести своего объясненія положилъ въ понятіи *индивидуальной силы*. Но въ силѣ необходимо приходится различать два момента существованія: въ своемъ внѣшнемъ проявленіи она есть источникъ движенія, сила сопротивленія, непроницаемость, инерція. Съ внутренней стороны, въ *самой себѣ*, она есть *стремленіе* направленное къ какой-нибудь цѣли, слѣдовательно связанное съ представленіемъ; она—живая дѣятельность, *душа*. Все существующее внутри себя имѣетъ психическую природу; не тѣлесное объясняетъ духовное, а наоборотъ дѣйствительныя субстанціи всѣхъ вещей суть недѣлимыя, не пространственныя начала—*монады*.

Если такъ, протяженность никоимъ образомъ не составляетъ перваго и всеобъемлющаго свойства дѣйствительно-сущаго. Всякая протяженность принадлежатъ явленію, потому что во вселенной нѣтъ ничего, кромѣ монадъ и ихъ явленій. Протяженная матерія есть только феноменъ; а поэтому *пространство* есть только порядокъ сосуществующихъ явленій, также какъ *время*—порядокъ ихъ послѣдовательности. Реально въ пространствѣ лишь внутреннее основаніе порядка явленій, но это основаніе постигается умомъ и не имѣетъ чувственной наглядности, такъ какъ чувственныя формы суть слѣдствія нашего смутнаго представленія вещей.

Таково воззрѣніе Лейбница; по своей отвлеченности оно можетъ показаться труднымъ для пониманія. Кромѣ того, Лейбницъ ввелъ въ свое ученіе много спеціальныхъ затрудненій, не связанныхъ необходимо съ его основоположеніями, и не раскрылъ своихъ взглядовъ съ достаточною полнотой, и въ этомъ—недостатокъ его философіи. Но онъ опредѣленно указалъ единственный исходъ изъ противорѣчій матеріализма, и въ этомъ — его безсмертная заслуга.

Матерія механической теоріи есть бытіе *абсолютно-внѣшнее*. Логическая противорѣчивость такого понятія несомнѣнна: внѣшнее внѣшне *чему-нибудь*, слѣдовательно *обращено къ нему*. Если внѣшность отдѣльно взятаго предмета еще можно было бы объяснить по отношеніямъ къ другимъ по существу внѣшнимъ же вещамъ, то этого нельзя сказать о внѣшнемъ бытіи *въ его совокупности*. Внѣшнее подразумѣваетъ внутреннее, какъ свою противоположность и какъ условіе своей внѣшности; *объектъ* предполагаетъ *субъектъ*; *природа* находитъ свое окончательное объясненіе въ *духѣ*. Итакъ, все внѣшнее *относительно*,—нѣтъ вещей *въ себѣ внѣшнихъ*. Сплошная, всеохватывающая условность—его первое неустранимое свойство. Она особенно рѣзка и поразительна сказывается въ нѣкоторыхъ специфическихъ трудностяхъ механическаго міросозерцанія, наприм. въ вопросѣ о безконечной дѣлимости матеріи. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, неоспоримо, что всякая сложность существуетъ только потому, что существуютъ элементы сложенія, слѣдовательно обусловлена ими по бытію; но, съ другой стороны, если мы примѣнимъ это правило къ протяженной субстанціи, мы не найдемъ ея послѣднихъ элементовъ. Всякая часть протяженнаго сама окажется протяженною, т. е. состоящею изъ частей, каждый элементъ будетъ безъ конца распадаться на новые элементы, и это до тѣхъ поръ, пока мы не остановимся у математической точки, т. е. у простого отрицанія протяженія, изъ котораго никоимъ образомъ ничто протяженное путемъ сложенія не можетъ возникнуть. Съ одной стороны слѣдствіе требуетъ основанія, обусловленное своихъ условій; съ другой все протяженное и въ частяхъ и въ цѣломъ есть уже нѣкоторая совокупность частей, есть уже нѣчто *обусловленное*, *сложное*, и въ немъ не обрѣтается условій его условности. Въ этомъ противорѣчіи, можетъ-быть, лучшее доказательство совершенной относительности основного опредѣленія механическаго вещества—протяженности.

Безконечная дѣлимость вещества представляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ камней преткновенія матеріализма и системъ къ нему близкихъ и надъ этимъ вопросомъ не мало потрудилась философія. Большинство матеріалистовъ постарались разсѣчь гордіевъ узелъ, признавъ фактически недѣлимые атомы. Мы уже говорили, насколько они были строго послѣдовательны въ своемъ выводѣ,—помогли ли они однако своему дѣлу? Помимо указанныхъ

уже недостатковъ атомизма, помимо крайняго произвола, съ которымъ тѣла раздѣляются на дѣлимыя и недѣлимыя и утверждается абсолютное отсутствіе условій для дѣлимости послѣднихъ, дѣйствительно ли атомистическая теорія устраняетъ противорѣчіе безконечной дѣлимости? Она не устраняетъ его, а только закрываетъ. Фактически недѣлимый атомъ не перестаетъ быть сложнымъ тѣломъ; его недѣлимость *случайна*, какъ и все въ атомизмѣ. Атомы все-таки протяженны; они все-таки состоятъ изъ частей, хотя и слитыхъ въ одно сплошное цѣлое. Отсутствіе промежутковъ не означаетъ еще простоты, а слѣдовательно атомы не представляютъ послѣднихъ единицъ сложенія.

Поэтому единственно логичная и до конца строгая форма атомизма все же динамическій атомизмъ Гюсковича. Но мы уже знаемъ, къ чему онъ ведетъ: онъ есть признаніе реальности за однѣми математическими точками, за условными центрами условныхъ силъ; онъ уже совершенно явно обращаетъ міръ въ ничто и есть самоотрицаніе атомистической философіи.

Въ самомъ дѣлѣ для него очевиднѣе, чѣмъ для какой-нибудь другой теоріи, поставлена дилемма: или нѣтъ ничего дѣйствительнаго, или существуетъ нѣчто высшее механическихъ формъ и механическихъ опредѣленій бытія; или вселенная есть пустое и безсодержательное ничтожество, или относительныя качества существующаго выражаютъ только поверхность, только внѣшнюю являемость вещей, и подлинная дѣйствительность во всемъ истинно сущемъ принадлежитъ внутреннему, идеальному, умопостигаемому принципу, который по истинной природѣ своей, какъ таковой, не имѣетъ ничего общаго съ опредѣленіями протяженности, внѣшности, формы и непроницаемости.

Но эта же самая дилемма, какъ мы видѣли, сохраняетъ все свое значеніе и для механической доктрины. Итакъ, для философіи остается единственно возможный выходъ въ томъ предположеніи, о которомъ мы уже говорили: *пространство не есть абсолютная форма бытія въ немъ самомъ, и потому опредѣленія вещей, съ нимъ связанныя, не открываютъ ихъ внутренней истины.*

Такой выводъ есть ли простое отрицаніе дѣйствительности пространства? Признаются ли тѣмъ самымъ всѣ пространственныя опредѣленія вещей за чисто случайныя и субъективныя? По простому смыслу разсматриваемаго предположенія приходить къ такому заключенію нѣтъ основаній. Имъ утверждается толь-

ко производный, вторичный характеръ этихъ опредѣленій; въ нихъ высказывается, что пространство есть чистая форма внѣшней являемости, въ которой воспринимается внѣшнее дѣйствіе силы, т. е. такое ея дѣйствіе, которое направлено на субъектъ отъ нея отличный и по отношенію къ ней пассивный. Пока мы не можемъ излагать этой теоріи во всѣхъ ея подробностяхъ, а скажемъ только, что она очень далека отъ признанія (подобнаго тому, которое дѣлалъ Кантъ), что пространство есть абсолютно субъективная форма человѣческой чувственности, что поэтому природа вещей въ ней никакъ не отражается. Мы уже видѣли, что убѣжденіе въ производности пространственныхъ качествъ не помѣшало Лейбницу видѣть въ нихъ выраженіе внутренняго порядка дѣйствительности, хотя выраженіе чувственное и смутное. Взглядъ Канта невѣренъ уже потому, что явленіе, по непосредственному смыслу этого понятія, не есть бытіе реально отдѣльное отъ являемаго, фактъ отъ силы, въ немъ воплотившейся. Правда, всякій внѣшній актъ предполагаетъ дѣятельность двухъ факторовъ, извнѣ дѣйствующей силы и воспринимающаго субъекта, и слѣдовательно внѣшнее явленіе, какъ таковое, представляетъ результатъ не одной силы (дѣйствующаго *объекта*), но двухъ (*объекта* и *субъекта*); однако именно поэтому въ немъ конкретно присутствуютъ *обѣ силы*, и стало-быть оно такъ или иначе должно выражать свойства обѣихъ.

Мы все видимъ сквозь призму нашего духа, но то, *что* мы видимъ, не есть наша мечта, но сама дѣйствительность. Непосредственно мы знаемъ лишь одни воспріятія, но эти воспріятія— не пустыя грезы нашей души. Повторяю, впослѣдствіи намъ можетъ-быть удастся обставить эти выводы болѣе подробнымъ и потому болѣе яснымъ анализомъ, теперь же мы должны ограничиться только этими очень общими соображеніями. Впрочемъ они достаточны, чтобъ указать отличительные признаки міросозерцанія, къ которому они влекутъ и которое, въ противоположность механическому воззрѣнію обыкновеннаго матеріализма и матеріалистическому динамизму Гюскинча, можно назвать *идеальнымъ динамизмомъ*.

Главный тезисъ идеальнаго динамизма—отрицаніе абсолютнаго пространства: нѣтъ пространства, какъ абсолютно-первоначальной, безразличной среды, въ которой возникаютъ всѣ вещи, которая по бытію логически предшествуетъ имъ и условливаетъ ихъ. Напротивъ, утвержденіе такого пространства, какъ первой

реальности, есть одно изъ существеннѣйшихъ и, прибавимъ, одно изъ туманнѣйшихъ и труднѣйшихъ предположеній матеріализма. Поэтому и между матеріалистами являлись теоріи, пытавшіяся устранить его; но это достигалось лишь цѣною большихъ недоразумѣній. Мы знаемъ, какъ неудачна была попытка Декарта, совершеннаго матеріалиста въ ученіи о природѣ, отринуть бытіе пространства, какъ начала отдѣльнаго отъ матеріи. Для этого онъ долженъ былъ уничтожить всякое различіе между ними, признать тѣлесность всего протяженнаго, то-есть въ сущности превратить матерію въ пространство. Очевидно, поэтому, что кто желаетъ сохранить независимость первой, долженъ повѣрить въ реальность второго.

Часто приходится слышать, что въ матеріализмѣ, и въ немъ одномъ, спасеніе отъ дуализма, до сихъ поръ разрывавшаго философію. Говорящіе это не замѣчаютъ, что ихъ цѣлебное средство въ себѣ самомъ носитъ язву, которую стремится залѣчить; они не видятъ, что матеріализмъ по существу есть дуалистическое ученіе. Уже оставивъ въ сторонѣ тотъ несомнѣнный фактъ, что обыкновенный дуализмъ духа и матеріи опирается исключительно на механическомъ опредѣленіи послѣдней, что съ самымъ строгимъ матеріализмомъ неразрывно связанъ доведенный до крайнихъ послѣдствій дуализмъ явленія и сущности въ области психологической,—о чемъ намъ еще придется говорить далѣе,—достаточно разсмотрѣть отношеніе пространства и вещества въ матеріалистической философіи, чтобы понять справедливость нашего замѣчанія. Еще Демокритъ объявилъ, что начала всего существующаго суть *полное* и *пустое*, т. е. вещество и пустое пространство, и механическое міровоззрѣніе, насколько оно сохраняло отчетливость и внутреннюю сообразность, никогда не могло отказаться отъ этого убѣжденія.

А между тѣмъ развѣ оно не содержитъ дуализма въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова? Мы сказали выше, что для матеріалиста вещество есть абсолютный принципъ; но развѣ пространство не абсолютно такъ же, и не слѣдуетъ ли ему приписать безусловную природу съ еще большимъ правомъ, нежели матеріи? Въ самомъ дѣлѣ не есть ли оно несомнѣнное условіе бытія матеріи, какъ его среда, тогда какъ сказать наоборотъ невозможно? А въ такомъ случаѣ не являются ли для міра два безусловныхъ начала, т. е. не признается ли этимъ открытый и неразрѣшимый дуализмъ?

Этотъ дуализмъ въ предѣлахъ матеріалистическаго міросозерцанія не находитъ и не можетъ найти себѣ примиренія. Нѣтъ такого предположенія, которое его исключало бы, или по крайней мѣрѣ объясняло бы. Признаемъ ли мы, что и пространство и наполняющее его вещество происходятъ изъ одного общаго источника, суть явленія одной и той же сущности? Но тѣмъ самымъ заразъ утверждается условность и производность матеріи и пустоты, т. е. кореннымъ образомъ отвергается матеріализмъ. Понято ли пространство, какъ продуктъ матеріи? Это значитъ среду выводить изъ того, что существуетъ въ ней и благодаря ей, какъ бы существовали атомы, еслибы не была дана пустота, въ которой они разсѣяны? Остается только третья возможность: принято, что пространство есть основа матеріи, что оно есть единое абсолютное. Это предположеніе, повидимому, наиболѣе правдоподобно. Пространство въ механической теоріи неоспоримо является условіемъ всякаго внѣшняго бытія, но есть ли оно *основа реальности* вещества, слѣдовательно не только условіе *возможности*, но и причина *дѣйствительности* матеріальныхъ вещей? Есть ли она сила, производящая матерію? Еда ли кто-нибудь отвѣтитъ на этотъ вопросъ утвердительно. Пустое пространство и творческій актъ—понятія рѣшительно несовмѣстимыя. Итакъ, вещество и пустота должны существовать какъ двѣ независимыя, одна на другую не сводимыя реальности.

Независимыя,—а однако по своей сущности они въ высшей степени зависятъ другъ отъ друга. Что матерія всецѣло обусловлена пространствомъ, безъ котораго невозможно, это мы видѣли. Но что сказать о самомъ пространствѣ? Не есть ли и оно нѣчто обусловленное веществомъ если не реально, то по крайней мѣрѣ логически?

Въ этомъ пунктѣ мы встрѣчаемъ новое противорѣчіе, которое еще болѣе колеблетъ основанія матеріалистической философіи. Матеріализмъ вынужденъ приписать абсолютную реальность совершенно отрицательному понятію, которое получилось черезъ простое отвлеченіе всѣхъ положительныхъ признаковъ внѣшняго бытія.

Обстоятельное и подробное доказательство той истины, что пространство въ его противоположности веществу есть чисто отрицательное понятіе, можно найти въ превосходной книгѣ Страхова, о которой мы говорили выше. Мы ограничимся только самыми общими указаніями; его отрицательная природа очевидна

изъ всѣхъ его признаковъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, обыкновенно приписывается пространству? Оно безпредѣльно, безразлично и единообразно во всѣхъ своихъ частяхъ; оно равнодушно или абсолютно-пассивно по отношенію къ тому, что его наполняетъ. Внутренно оно характеризуется совершеннымъ отсутствіемъ жизни и движенія. Всѣ эти признаки объединяются въ одномъ: въ отсутствіи всякой существенности; оно—*пустота*, отсутствіе бытія, *нереальное*. И этому-то нереальному приходится приписать абсолютную реальность! Во всей грубой наивности оказалась эта необходимость у Демокрита, который пустоту называетъ несуществующимъ и тѣмъ не менѣе усматриваетъ въ ней одно изъ абсолютныхъ началъ міра! Въ этой неизбѣжности признать несуществующее за существующее—величайшій судъ, который произноситъ матеріализмъ самъ себѣ.

Мы не будемъ останавливаться долго на тѣхъ послѣдователяхъ матеріализма, которые къ двумъ началамъ: матеріи и пустотѣ присоединяютъ еще третье — *силу*. Это представленіе о силѣ явилось послѣ открытія закона тяготѣнія Ньютономъ и имъ стремились объяснить взаимодѣйствіе всѣхъ частей вселенной. Но если вдумаемся въ это преобразованіе, мы увидимъ, что оно не только ничего не измѣняетъ въ предшествующихъ возраженіяхъ, но ставитъ всю систему въ противорѣчіе съ собою: вмѣсто сродной матеріализму двойственности вносится тройственность началъ; къ двумъ демокритовскимъ принципамъ: веществу и пустотѣ — прибавляется еще третій—*сила*. Кромѣ того, оно нарушаетъ основное положеніе всей системы, что все дѣйствительное матеріально, и сила понимается какъ нѣчто противоположное веществу, слѣдовательно невещественное; съ понятіемъ силы вносится мысль о дѣйствіи на разстояніи и взаимномъ вліяніи атомовъ, какъ бы далеко они ни отстояли. Но этого нельзя представить себѣ, если не признать, что для каждаго атома его тѣлесное присутствіе въ извѣстномъ мѣстѣ есть только частное проявленіе его бытія, что кромѣ того онъ невидимо существуетъ во всякомъ мѣстѣ вселенной; но въ такомъ случаѣ матеріальность дѣлается только явленіемъ, а не сущностью дѣйствительности, потомъ перестаетъ быть веществомъ, строго ограниченнымъ предѣлами пространства, имъ наполненнаго; оно превращается во что-то реальное, хотя и не вещественно, присущее каждой точкѣ міра. Подобное воззрѣніе на тѣлесную природу представляетъ уже слишкомъ явный переходъ къ идеализму.

Этимъ мы можемъ закончить умозрительную критику матеріалистической философіи. Она показала намъ, что съ точки зрѣнія отвлеченно-философской матеріализмъ падаетъ въ безсильной борьбѣ противъ своего главнаго недостатка—отсутствія въ немъ безусловнаго начала. Этотъ недостатокъ влечетъ его, во-первыхъ, къ дуализму; во-вторыхъ—къ признанію всецѣло относительныхъ опредѣленій вещей за ихъ окончательную природу; въ-третьихъ—къ пониманію бытія какъ чисто случайнаго по самому существу своему.

Л. Лопатинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

А. Н. Сѣровъ.

(Біографическій очеркъ.)

III*).

(1860—1871.)

Извѣстное изреченіе древнихъ: «tempora mutantur et nos mutamur in illis»—невольно приходитъ на память, если сопоставить Сѣрова до 1860 г. съ Сѣровымъ послѣ этого времени. Всѣ черты характера, выплывавшія съ такою силой въ разсмотрѣнныхъ нами періодахъ, какъ-то: нерѣшительность, сомнѣнія, стремленія къ какимъ-то «невѣдомымъ берегамъ»,—словомъ, все, что мучило и терзало его до сихъ поръ, въ этомъ періодѣ уступаетъ мѣсто качествамъ противуположнымъ; здѣсь мы видимъ уже полную увѣренность въ себѣ, сознаніе своего «я», какъ нѣчто самостоятельное, самобытное; смѣлыми и твердыми шагами приближается онъ къ «цѣли», ни на минуту не сомнѣваясь въ томъ, что все, совершаемое имъ, сдѣлано основательно, сознательно и какъ слѣдуетъ. Напрасно стали бы мы искать здѣсь тѣхъ выраженій, которыми такъ богата его переписка до этого періода; напротивъ, въ это время ярко выступаютъ самосознаніе и самоувѣренность. Какъ контрастъ съ предыдущими письмами, позволимъ себѣ привести отрывокъ изъ его письма, относящагося къ этой эпохѣ дѣятельности. Вотъ что мы находимъ въ письмѣ къ М. П. Анастасьевой:

«Въ поощреніи я вовсе не нуждаюсь, зная, что свое дѣло *разумнѣю получше другихъ и судей надо мной въ Россіи вовсе и нѣтъ*» (5 февраля 1861 г.).

---

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

Или нѣсколько позже онъ писалъ по поводу «Юдиѳи» той же М. П. Анастасьевой:

«А что все это (рѣчь идетъ о его «Майской ночи» и романсахъ) предъ моей нынѣшней партитурой?! И толкъ, и блескъ, и драматизмъ, и нѣга, и страстность, и святые восторги — все это, скажу безъ «ложной скромности»,—все это есть въ моей «Юдиѳи». «Юдиѳь» моя въ общемъ ни мало не серьезнѣе (т. е. не скучнѣе) «Роберта» или «Гугенотовъ», не говоря уже о «Тангейзерѣ» и «Лоэнгринѣ» (29 августа 1862 года).

Вотъ какимъ тономъ заговорилъ Сѣровъ. Причины намъ кажутся понятными, если принять во вниманіе *двадцать* лѣтъ его трудовъ надъ собой; за это время онъ обогатилъ себя громадными познаніями, пріобрѣлъ громкое имя и, убѣдившись, «на какомъ Пегасѣ и куда онъ ѣдетъ», съ сорокалѣтняго своего возраста окончательно предалъ себя служенію возлюбленной музы. Хотя онъ еще нѣкоторое время не оставляетъ и критической дѣятельности, но главное вниманіе обращаетъ на композиторскую.

Всѣ страхи, сомнѣнія и колебанія насчетъ «будущности» его оставили; не оставила его лишь одна спутница — непрошенная и крайне надоѣдливая гостья — бѣдность, нужда. Она его преслѣдуетъ чуть ли не до послѣднихъ дней его жизни и часто онъ жалуется на эти преслѣдованія. Вотъ что мы читаемъ:

«Затѣялся журналъ *Искусства*, отъ котораго я имѣлъ трудовой копѣйки въ мѣсяцъ болѣе двухсотъ рублей, но, увы, лопнулъ! И вотъ я опять на *нищенскомъ* положеніи тридцати «канареекъ» (жалованья), которыя я до гроша долженъ вручить матери, а у самого *нѣтъ и на извощика по двѣ, по три недѣли*» (5 февраля 1861 г.).

Или ниже въ томъ же письмѣ онъ говоритъ:

«...Самое ремесло музыкальнаго критика и неразлучныя перебранки наскучили, надоѣли мнѣ до-нельзя. Хотѣлось бы писать только партитуры; но тутъ опять бѣда. Откуда же пекунію взять?»

Ужасно положеніе русскихъ талантовъ! Надо имѣть сѣровскія силы, чтобы выйти, какъ онъ, побѣдителемъ изъ этой крайней нужды, погубившей у насъ не одинъ талантъ. Но Сѣровъ, разъ онъ попалъ на настоящую дорогу, ужь не отступаетъ назадъ и идетъ прогрессивно по этому пути. Мы уже знаемъ, что онъ дебютировалъ въ качествѣ композитора. Удачный дебютъ усиливаетъ его жажду дѣятельности, и онъ съ этого времени еже-

годно выпускаетъ въ свѣтъ свои произведенія, которыя болѣе и болѣе упрочиваютъ за нимъ имя композитора.

Такъ, въ 1860 году исполнялась его ораторія на латинскій текстъ «Отче нашъ», и уже въ 1861 году онъ приступилъ къ своей операѣ «Юдиѳь». Вотъ что мы читаемъ въ письмѣ его отъ 10 сентября 1861 года:

«Юдиѳь» несравненно лучше всего, что я до сихъ поръ написалъ; лучше и романсовъ («Полумаска», «Ангелъ», «Сонъ») *), лучше и прошлогоднихъ произведеній—«Рождественскаго гимна» и ораторіи на латинскій текстъ «Отче нашъ».

Къ этому времени относится и другой его трудъ, о которомъ онъ разсказываетъ такимъ образомъ въ письмѣ отъ того же числа и года:

«Работалъ на гауптвахтѣ (на которую онъ попалъ вслѣдствіе скандала, учиненнаго имъ въ залѣ дворянскаго собранія, на концертѣ Лазарева, и пріобрѣвшаго себѣ печальную извѣстность) много, хотя безъ фортепіано,—арранжировалъ на оркестръ малороссійскіе хоры, которые исполнялись въ концертѣ 27 апрѣля», устроенномъ въ память поэта Т. Г. Шевченка, и произвели сильное впечатлѣніе; авторъ былъ награжденъ многократными и единодушными вызовами и аплодисментами. Но одновременно съ этимъ онъ уже трудился надъ своей громадной пятиактной «Юдиѳью». Такъ какъ о ней самъ Сѣровъ даетъ очень много свѣдѣній, то, чтобы не повторяться, позволимъ себѣ привести его собственныя слова по поводу произведенія, выдвинувшаго его сразу на первый планъ. Вотъ какимъ образомъ онъ описываетъ происхожденіе этой оперы:

«Я началъ свою «Юдиѳь» только въ январѣ нынѣшняго года. *Мысль* писать оперу на этотъ сюжетъ явилась во мнѣ *вслѣдствіе итальянской драмы*, гдѣ такъ великолѣпна Ристори» (10 сентября 1861 года).

Онъ уже «въ прошломъ году замышлялъ совсѣмъ иную оперу: «Ундину» (тамъ же), какъ на его артистическую натуру произвела глубокое впечатлѣніе своей талантливой игрой Аделаида Ристори, дававшая въ то время свои представленія въ Петербургѣ,—и онъ бросаетъ «Ундину» и всецѣло предается «Юдиѳи», надъ которой онъ работалъ всего полтора года. Въ письмѣ его отъ 25 іюля 1862 года мы находимъ слѣдующее:

*) Къ крайнему сожалѣнію, мы не можемъ точно указать время появленія этихъ романсовъ.

«Юдиѳь» моя окончена. Я самъ себѣ либретто состряпалъ *) и при моей медлительности (?!) въ артистическихъ трудахъ написать все въ полтора года—подвигъ, право, невѣроятный».

И далѣе въ этомъ же письмѣ онъ продолжаетъ:

«Я долженъ буду пройти чрезъ бездны мытарствъ и страданій; но если преодолѣю, если опера пойдетъ на сцену, за ея дальнѣйшую судьбу я заранѣе совершенно спокоенъ: *упасть, сдѣлать фіаско она положительно не можетъ*».

Уже послѣднія слова цитированной фразы указываютъ на мнѣніе автора о своемъ произведеніи; но это мнѣніе еще ярче выступаетъ въ слѣдующемъ мѣстѣ:

«Не могу же не видѣть, что моя опера нѣчто совсѣмъ самостоятельное, ни на какую другую на свѣтѣ не похожее» (29 августа 1862 г.).

Тутъ же говоритъ онъ и о направленіи оперы, именно:

«Тамъ (рѣчь идетъ о постановкѣ «Юдиѳи» за границей, въ Германіи, куда Сѣровъ надѣялся провести ее при помощи Франца Листа) привыкли уже къ «*Вагнеровскому*» направленію, которому я не могу же не слѣдовать».

Изъ этого письма мы получаемъ еще два свѣдѣнія, которыя весьма цѣнны для нашей задачи. Во-первыхъ, то, что Сѣрову не особенно долго пришлось возиться съ «мытарствами», которыхъ онъ такъ опасался. Благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, Сѣрову покровительствовалъ графъ Адлербергъ; объ этомъ фактѣ Сѣровъ говоритъ въ этомъ же письмѣ:

«Графъ Адлербергъ обѣщалъ взять мою «Юдиѳь» подъ свое покровительство».

Слѣдствіемъ было то, что «Юдиѳь» весьма скоро послѣ окончанія появилась на сценѣ. Во-вторыхъ, изъ этого же письма легко заключить, какъ относился Сѣровъ къ своему труду, какъ онъ не допускалъ и мысли о составленіи себѣ имени посредствомъ рекламъ, такъ часто практикуемыхъ у насъ, а еще болѣе за границей. По этому поводу онъ писалъ слѣдующее:

«Мнѣ всякія рекламы противны до-нельзя. Дѣло должно само за себя постоять и, надѣюсь, постоитъ».

Дѣйствительно, его надежды оправдались: «Юдиѳь» не только постояла за себя, но доставила автору громкое имя. Она была

*) Какъ видно изъ предисловія къ оперѣ „Юдиѳь", либретто ея было исправлено нашимъ поэтомъ Аполлономъ Николаевичемъ Майковымъ, передѣлавшимъ во многихъ мѣстахъ текстъ, переложенный Сѣровымъ изъ итальянской драмы.

поставлена въ первый разъ 16 мая 1863 года съ г-жей Біанки (Юдиѳь) и Саріотти (пріобрѣвшимъ себѣ славу созданіемъ роли Олоферна) въ главныхъ роляхъ. Объ успѣхѣ оперы можно судить ужь по тому факту, что Александръ Николаевичъ удостоился Монаршаго вниманія и милости: онъ получилъ въ подарокъ бриллiантовый перстень. Любопытно свѣдѣніе, сообщенное сестрой композитора, Олимпіадой Николаевной: онъ до того нуждался въ деньгахъ, что прослъ о замѣнѣ этого драгоцѣннаго подарка деньгами. Просьба его была удовлетворена и онъ получилъ взамѣнъ перстня 500 рублей. Эта опера давалась и продолжаетъ даваться и быть украшеніемъ репертуара всѣхъ нашихъ оперныхъ сценъ; только одна бѣлокаменная Москва недружелюбно приняла на первыхъ порахъ первое дѣтище Сѣрова; но здѣсь, можетъ-быть, причина заключалась въ исполнителяхъ, отъ которыхъ дѣйствительно многое требуется для этой оперы, такъ какъ однимъ *пѣніемъ* здѣсь мало возьмешь; тутъ требуется еще полная драматизма артистическая *игра*. А вѣдь извѣстно, какъ наши «пѣвцы» обращаютъ на нее вниманіе.

Вся пресса въ одинъ голосъ воздавала даровитому автору должную дань; всѣ единогласно привѣтствовали новое произведеніе Сѣрова, сразу выдвинувшее его.

«Юдиѳь»—разительный примѣръ тому, какъ человѣкъ одной лишь мыслительною силой и запасомъ теоретическихъ познаній въ состояніи творить «*крайне интересную* и даже оригинальную *новую музыку*» (Столыпинъ. *Всемірная Иллюстрація* 1871 г., №128).

«... оперы его, особенно «Юдиѳь» задуманы серьезно, въ нихъ не мало художническихъ задачъ, есть музыкальный интересъ, есть мѣстами *весьма удачная хорошая музыка*» (*** *Петербургскія Вѣдомости* 1871 г., № 41).

«Всѣ пишущіе о музыкѣ привѣтствовали появленіе «Юдиѳи», какъ замѣчательное явленіе, *чреватое*, такъ сказать, *будущностью*» (Ростиславъ. *Голосъ* 1865 г., № 311).

«Разбирая первую оперу Сѣрова (т. е. «Юдиѳь»), мы уже имѣли поводъ замѣтить, что онъ *замѣчательный мыслитель въ дѣлѣ композиціи*, глубоко обдумывающій и колоритъ, и характеръ сочиняемой имъ музыки. Притомъ же мы не упустили изъ вида *живописную*, *мастерскую его оркестровку*» (Ростиславъ. *Голосъ* 1865 г., № 335).

Приблизительно таковы всѣ отзывы о «Юдиѳи». Считаемъ небезъинтереснымъ привести и мнѣніе нашего извѣстнаго кри-

тика—Аполлона Григорьева, хотя онъ и не спеціалистъ, высказанное имъ автору «Юдиѳи»:

«Есть, братецъ, вещи, которыя сразу прошибаютъ».

Этотъ же критикъ, когда рѣчь зашла объ искусствѣ, сказалъ однажды у Достоевскихъ:

«Герценъ вретъ, что искусство въ наше время умерло. Хороша смерть искусству, когда пишутся такія вещи, какъ драмы Островскаго и какъ «Юдиѳь» Сѣрова» (25 іюля 1862 года).

Таковы отзывы о первой оперѣ нашего талантливаго композитора.

Далеко не единогласны отзывы о второй его оперѣ—«Рогнѣдѣ» (въ пяти дѣйствіяхъ и семи картинахъ), появившейся ровно чрезъ два года, т. е. въ 1865 году. Но пока авторъ работаетъ эти два года надъ «Рогнѣдою», доставившей ему бо́льшую извѣстность, чѣмъ «Юдиѳь», заглянемъ въ его частную жизнь за это время, тѣмъ болѣе, что это время ознаменовалось для Сѣрова двумя важными событіями. Александръ Николаевичъ въ 1864 г. женился на дѣвицѣ Валентинѣ Семеновнѣ Бергманъ. Отъ этого брака у Сѣрова было двое дѣтей: сынъ Валентинъ и дочь Александра; но послѣдняя вскорѣ умерла и нѣжный отецъ «долгое время не могъ вспоминать и говорить о ней безъ горькихъ слезъ». Сынъ же его унаслѣдовалъ отъ отца талантъ къ рисованію, весьма много обѣщающій въ будущемъ. Валентина Семеновна родилась въ 1846 году и вышла замужъ на 18 году жизни. Она обладаетъ композиторскимъ талантомъ и написала уже двѣ оперы: «Уріель Акоста», на сюжетъ трагедіи Гуцкова, и «Хайдѣвка», на сюжетъ извѣстной повѣсти нашего драматурга и бѣллетриста Алексѣя Антиповича Потѣхина, того же названія. Слыхавшіе оперу «Уріель Акоста» отзываются о ней какъ о произведеніи заслуживающемъ серьезнаго вниманія. Насколько намъ извѣстно, у насъ еще не было женщины-оперистки, и Валентина Семеновна является въ этомъ отношеніи первымъ примѣромъ оперной композиторши. Въ нѣкоторыхъ петербургскихъ музыкальныхъ кружкахъ поговариваютъ о скорой постановкѣ этихъ произведеній въ Большомъ театрѣ, куда теперь, какъ извѣстно, перенесена русская опера.

Другой фактъ, совершившійся въ это время и произведшій сильное, глубокое и неизгладимое впечатлѣніе на Сѣрова, былъ крайне противуположнаго свойства; если первый относится къ радостнымъ явленіямъ жизни, то второй—къ печальнымъ: 24 ян-

варя 1865 г. Александръ Николаевичъ потерялъ свою нѣжно и горячо любимую мать, умершую также, какъ и отецъ, скоропостижно. Мы уже видѣли, насколько Сѣровъ ее любилъ, изъ того факта, что онъ ей отдавалъ все свое жалованье «до гроша»; не трудно себѣ представить его отчаяніе, причиненное этою смертью. Анна Карловна (имя матери) въ послѣднее время своей жизни состояла начальницей богадѣльни у Калинкина моста; но жалованье ея было столь ничтожно, что ее не на что было похоронить; разумѣется, похоронилъ Сѣровъ на свои крохотныя средства.

Опера «Рогнѣда» была поставлена въ первый разъ 27 октября 1865 г., съ г-жей Бруни въ главной роли. Дирекція не поскупилась на постановку русской оперы и она ей обошлась около 30 тысячъ рублей. «Рогнѣда» была поставлена послѣ 28 репетицій. Явленіе у насъ довольно рѣдкое при безцеремонномъ отношеніи со стороны театральныхъ заправилъ къ искусству. Успѣхъ «Рогнѣда» имѣла громадный, о чемъ можно судить и по тому факту, что она до сихъ поръ не сходитъ съ репертуара и даетъ вездѣ громадные сборы. Слова Ростислава по поводу этой оперы: «Какъ въ продолженіе 30 лѣтъ вели у насъ лѣтоисчисленіе (въ музыкальномъ мірѣ, разумѣется) съ «Жизнь за Царя», такъ отнынѣ будутъ вести его съ «Рогнѣды» (*Голосъ* 1865 г., № 311),—если и являются немного преувеличенными, то во всякомъ случаѣ имѣютъ за собой ту заслугу, что сопоставляютъ оба эти великія произведенія, и въ самомъ дѣлѣ какая оперная сцена, не ставящая оперъ: «Жизнь за царя», «Русалки» и «Рогнѣды»,—можетъ считаться національной, *русской?*

Любопытна судьба этого произведенія, не имѣющаго себѣ равнаго въ лѣтописяхъ нашей музыкальной литературы. Она обратила на себя Монаршее вниманіе. Объ этомъ Сѣровъ писалъ въ 1866 г. (11 января и 1 февраля) въ слѣдующемъ духѣ:

«Государь Императоръ 10 декабря, прійдя на сцену, велѣлъ позвать къ себѣ автора и говорилъ со мной очень любезно минутъ съ десять».

При этомъ ему на память конечно приходитъ нѣжное, любимое существо, котораго въ живыхъ ужь больше не было, а именно: мать автора,—и онъ продолжаетъ:

«Не могу не вспомнить безъ слезъ о комъ-то, кому именно вниманіе Царской Фамиліи ко мнѣ было бы высокимъ, искреннимъ счастьемъ. Я говорю о мой бѣдной мамѣ, которой мы лишились скоропостижно, неожиданно, 24 января 1865 года».

Но царская милость этимъ не ограничилась; до чего она дошла, мы находимъ въ томъ же письмѣ:

«Сію минуту получилъ бумагу отъ своего министра, министра почтъ и телеграфовъ, Ивана Матвѣевича Толстого, съ приложеніемъ къ ней подлинной бумаги отъ министра Двора слѣдующаго содержанія»:

«Государь Императоръ, во вниманіе къ отличному таланту «и замѣчательнымъ музыкальнымъ произведеніямъ композитора «*Александра Сѣрова*, всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: про«изводить ему въ пансіонъ по *тысячѣ* рублей въ годъ изъ Каби«нета Его Величества».

«Надо было,—поясняетъ Сѣровъ,—приравнять мой случай къ какому-нибудь примѣру поощренія писателей. Нашелся одинъ примѣръ: Гоголь получалъ изъ Кабинета по тысячѣ рублей въ годъ. Меня къ тому и пріурочили. Сосѣдство не обидное».

Это у насъ первый примѣръ поощренія композитора,—небывалое явленіе!

Однако нельзя сказать, чтобы Сѣровъ былъ вполнѣ доволенъ своей оперой; судя по крайней мѣрѣ по этому письму, невольно придешь къ такому заключенію. Вотъ что онъ говоритъ:

«Какъ художникъ, я еще недоволенъ ни «Юдиѳью», ни «Рогнѣдой», несмотря на *невѣроятный успѣхъ второй оперы*. Я знаю, что въ лѣтописяхъ русскаго искусства мнѣ ужь отведена весьма важная роль; еслибъ я умеръ хоть завтра, я кое-что уже сдѣлалъ».

Несмотря на восторженный пріемъ этой оперы публикой, на громадные сборы, которые она дѣлала, и на почести, выпавшія на долю автора послѣ каждаго представленія, представители прессы отнеслись къ ней далеко не одинаково. Да иначе и быть не можетъ: всякое великое твореніе вызываетъ различные толки и мнѣнія; въ особенности подверглась она нападкамъ со стороны «новаторской школы», которая,—нужно отдать ей справедливость,—не въ мѣру усердствовала въ своемъ порицаніи. Если она хоть «кое-что» признавала за авторомъ «Юдиѳи», то она и это «кое-что» отрицала въ авторѣ «Рогнѣды».

Вотъ какой отзывъ далъ о ней г***:

«Вообще все 2-е дѣйствіе—*аповозъ пошлаго и площаднаго*».

О дуэтѣ странника и Руальда г*** такъ говоритъ:

«Это *одинъ изъ самыхъ слабыхъ нумеровъ*, хотя написанъ съ огромными претензіями».

И далѣе:

«Въ «Рогнѣдѣ» каждый актъ слабѣе предыдущаго, такъ что въ 4-мъ дѣйствіи *мало о чемъ придется говорить, а о пятомъ можно и вовсе умолчать*».

И въ заключеніи приходитъ къ такому выводу:

«Въ «Рогнѣдѣ» Сѣровъ доказалъ свою *неспособность* къ музыкальной драмѣ... и въ инструментовкѣ нѣтъ тѣхъ художественныхъ тонкостей, того дѣйствительнаго изящества, которыми отличается «Юдиѳь». Сѣровъ—художникъ крайне свѣдущій, славный гармонистъ и инструментаторъ, но *творящій безъ творческихъ способностей*» (*Петербургскія Вѣдомости* 1865 г., № 292).

Чтобы покончить съ этимъ мнѣніемъ, какъ однимъ изъ самыхъ крайнихъ отзывовъ, приведемъ слова г***, сказанныя послѣ смерти Сѣрова, нѣчто, такъ сказать, въ видѣ итога дѣятельности Александра Николаевича: «какъ композиторъ, Сѣровъ не подлежитъ сравненію съ Глинкой и Даргомыжскимъ и вовсе не имѣетъ ихъ значенія въ искусствѣ, но во всякомъ случаѣ принадлежитъ къ разряду весьма видныхъ *второстепенныхъ нашихъ композиторовъ* (какъ Маршнеръ, Шпоръ у нѣмцевъ) и его оперы немало оживили русскую оперную сцену. При *бѣдности творчества*, при *грубости* музыкальныхъ мыслей (въ этой грубости Сѣровъ усматривалъ ширину кисти), при *тяжелой безсодержательности*, оперы его задуманы серьезно», и т. д.

Конечно, въ нашу задачу нисколько не входитъ полемизировать съ г*** по поводу оперъ Сѣрова; но въ видахъ того, что едва ли всякій изъ читающей публики знакомъ съ мнѣніями нѣмецкихъ критиковъ о своихъ композиторахъ (хотя нѣмцы вообще крайне пристрастны ко всему своему національному), мы позволимъ себѣ привесть мнѣніе нѣмца о нѣмцѣ, то-есть весьма пристрастное въ хорошую сторону,—съ тѣмъ, чтобы составить себѣ понятіе о томъ композиторѣ, съ которымъ г*** сопоставляетъ рядомъ и Сѣрова, — именно, приведемъ мнѣніе Шлютера о Маршнерѣ:

«Его оперы, интересныя для музыканта, *мрачныя* и *утомительныя* для пѣвцовъ, нашли *мало участія въ публикѣ*». И далѣе: «Истинно драматическаго дѣйствія мы не находимъ у Маршнера» и такъ далѣе («Обозрѣніе всеобщей исторіи музыки» Шлютера, стр. 184 и слѣд.).

Не правда ли, то же самое можно сказать и о Сѣровѣ? И его оперы также «утомительны для пѣвцовъ» и не находятъ «участія

въ публикѣ»?... Но наше дѣло, повторяемъ, излагать факты, а потому перейдемъ къ другимъ мнѣніямъ о Сѣровѣ.

Крайнюю противоположность взгляду г*** представляетъ мнѣніе Ростислава: насколько первый уничтожаетъ въ Сѣровѣ всякое значеніе, настолько второй, наоборотъ, возноситъ его до небесъ, и въ этомъ отношеніи, какъ мы ужь отчасти видѣли, ударяется въ другую крайность:

«... огромное преимущество «Рогнѣды» (предъ «Юдиѳью») заключается въ томъ, что здѣсь почти уже не замѣтно вагнеровскаго вліянія... Со 2-й картины 1-го дѣйствія положительно чувствуется, что подобную музыку могъ написать только русскій человѣкъ, и притомъ композиторъ, изучившій до тонкости всѣ тайны не только германскаго, но и универсальнаго механизма... «Рогнѣда» изобличаетъ въ авторѣ талантъ сильный, самобытный, отличающійся въ особенности энергіей и глубокимъ знаніемъ музыкальнаго дѣла» (*Голосъ* 1865 г., № 335).

«Финалъ 5-го акта,—говоритъ Ростиславъ въ противуположность г***,—*венецъ всего произведенія*» (тамъ же, № 297).

Отстаивая Сѣрова отъ нападокъ «новаторовъ», тогдашній рецензентъ *Голоса* (Ростиславъ) продолжаетъ:

«Какое вамъ дѣло до личности г. Сѣрова? Ненавидьте его, сколько душѣ угодно, но не топчите въ грязь глубоко задуманное произведеніе, долженствующее сдѣлаться въ скоромъ времени драгоцѣннымъ достояніемъ всей Россіи» (тамъ же, № 320).

Да и самъ Сѣровъ не мало удивлялся перемѣнѣ отношеній къ нему «новаторовъ»; вотъ что онъ писалъ послѣ того, какъ «Рогнѣда» имѣла такой успѣхъ:

«Когда меня по музыкѣ никто въ Питерѣ еще не зналъ, Владиміръ Стасовъ распластывался предъ моимъ дарованіемъ и предъ каждой строкой моихъ полуребяческихъ попытокъ и никуда негодныхъ арранжировокъ. Теперь, когда меня знаютъ всѣ русскіе, слѣдящіе за музыкой, когда я уже гораздо больше чѣмъ извѣстность, В. С. окончательно отъ меня отвернулся, признавая во мнѣ не талантъ, а какую-то способность къ оркестру и къ ловкому шарлатанскому воспользованію удачными обстоятельствами» (1 февраля 1866 года).

Между второю и третьей его оперой прошелъ довольно значительный промежутокъ времени — около семи лѣтъ. Дѣло въ томъ, что авторъ двухъ названныхъ оперъ хотѣлъ создать произведеніе съ современнымъ содержаніемъ, непохожее ни на пер-

вое, основанное на библейскомъ сказаніи, ни на второе, отодвигающее насъ назадъ, ко временамъ нашего язычества; ему хотѣлось воспроизвесть въ музыкѣ нѣчто близкое намъ, современное, и притомъ чисто-русское, народное. Онъ уже обратилъ свое вниманіе на Гоголевского «Тараса Бульбу» и «даже написалъ нѣсколько сценъ», какъ сообщаетъ г. Фаминцынъ (*Музыкальный Сезонъ* 1871 г., № 17), но вскорѣ оставилъ эту работу, увлекшись «Кузнецомъ Вакулой» того же Гоголя, какъ прекраснымъ матеріаломъ для фантастическаго балета, который онъ хотѣлъ назвать «Ночь на Рождество». Въ томъ же году, то-есть въ 1866, уже написаны были: «Гречанники», «Гопакъ» и «Запорожская пляска», изъ которыхъ первыя двѣ вещи были исполнены оркестромъ въ Павловскѣ и въ Александринскомъ театрѣ; однако и это произведеніе не было доведено до конца. Къ этому году между прочимъ относится романсъ его, посвященный г. Кондратьеву: «Какъ небеса твой взоръ блеститъ», которымъ и заключается романсовая дѣятельность Сѣрова.

Только въ 1867 г. нашъ композиторъ остановился въ выборѣ своемъ на одномъ изъ извѣстныхъ произведеній А. Н. Островскаго—«Не такъ живи какъ хочется»; на этотъ сюжетъ указалъ ему критикъ Аполлонъ Григорьевъ. Мысль эта до того понравилась Сѣрову, что онъ тотчасъ же принялся за работу со свойственнымъ ему рвеніемъ. Вскорѣ первые три акта переложены были въ стихи и въ продолженіе *четырехъ мѣсяцевъ* (отъ мая до августа включительно) написана была музыка. Но желаніе передѣлать развязку драмы заставило его оставить на время эту работу.

Между тѣмъ онъ занялся изданіемъ новаго органа подъ названіемъ *Музыка и Театръ*. Напрасно увѣщевалъ его Ростиславъ не браться за это дѣло, указывая, что настоящее призваніе Сѣрова—композиція, а не критика; послѣдній остался непоколебимъ. «Нельзя,—отвѣчалъ ему Александръ Николаевичъ:—если я буду молчать по части критики музыкальной, то *ревуны* (то-есть новаторы) восторжествуютъ». Казалось бы, что имя Сѣрова, какъ одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ музыкальныхъ критиковъ и автора двухъ оперъ, доставившихъ ему еще большую извѣстность, должно было привлечь вниманіе читающей публики и поддержать существованіе почти единственнаго органа, спеціально-посвященнаго музыкѣ; но случилось нѣчто невѣроятное: органъ просуществовалъ только до начала слѣдующаго 1868 г., когда онъ былъ закрытъ *за отсутствіемъ подписчиковъ*.

Разсматриваемое время было самымъ тяжелымъ въ жизни Сѣрова: отсутствіе средствъ къ существованію и полное равнодушіе со стороны публики къ его органу, съ одной стороны, а съ другой — нападки критики на него — сильно повліяли на его и безъ того изнуренное здоровье; съ нимъ стали дѣлаться нервные припадки. Благодаря ходатайству Великаго Князя Константина Николаевича предъ Государемъ Императоромъ, Сѣрову была ассигнована значительная сумма въ 1869 г. для совершенія поѣздки за границу. Онъ посѣтилъ Италію, Швейцарію, Баварію, гдѣ въ послѣдній разъ видѣлся съ Листомъ, и Парижъ. Мы говоримъ «въ послѣдній разъ» потому, что Сѣровъ хотя и былъ за границей еще разъ, а именно въ 1870 г., когда онъ былъ приглашенъ почетнымъ членомъ на юбилей Бетховена въ Вѣнѣ, но съ Листомъ ужь болѣе не встрѣчался. Всего онъ совершилъ четыре поѣзки за границу, изъ которыхъ первая относится къ 1858 году, когда онъ близко сошелся съ Листомъ. Имя его, какъ музыкальнаго критика, было извѣстно за границей еще въ 1857 году, когда онъ обратилъ на себя вниманіе музыкальнаго міра полемикой по поводу книги Улыбышева о Бетховенѣ, выразившейся въ цѣломъ рядѣ статей: въ *Berliner Musikzeitung* (одна статья) и въ *Neue Zeitschrift für Musik* (три статьи); послѣдняя въ свою очередь вызвала извѣстную статью Листа, помѣщенную также въ *Zeitschrift für Musik*, подъ названіемъ: «Kritik der Kritik: Ulibicheff und Seroff».

Здоровье его значительно поправилось и по пріѣздѣ въ Россію онъ снова принялся за свои труды. Въ описываемое время Патти стала входить въ славу и, разумѣется, Сѣровъ не могъ равнодушно отнестись къ ней, какъ къ музыкальной дивѣ, не имѣющей и до сихъ поръ себѣ равной, — и вотъ въ этомъ же году онъ написалъ для нея «Ave Maria», которое было исполнено ею тотчасъ послѣ его смерти въ одномъ концертѣ. По поводу этого произведенія мы находимъ рецензію въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* за 1871 г., № 33, гдѣ рецензентъ приходитъ къ такому резюме:

«Это (Ave Maria)—вещь грандіозная по концепціи и по фактурѣ; особенно 1-я часть отличается возвышеннымъ стилемъ, но вообще стиль этотъ не строго католически-церковный и въ цѣломъ выступаетъ рельефнѣе кисть музыкальнаго художника-драматурга, чѣмъ композитора религіозной музыки; вторая часть— весьма колоратурна».

Но этимъ твореніемъ не ограничилась дань Сѣрова дарованію дивы: въ слѣдующемъ 1870 г. онъ написалъ для нея «Stabat mater» (для двухъ женскихъ голосовъ) и уже замышлялъ оперу на сюжетъ извѣстнаго романа Жоржъ-Зандъ «Consuelo», въ чисто-итальянскомъ стилѣ, въ которой Патти играла бы главную роль, но его вниманіе отвлекла неоконченная «Вражья сила» (драма Островскаго «Не такъ живи, какъ хочется»).

Работа по либретто для нея не клеилась и онъ уже сталъ приходить въ отчаяніе; однако 4-й актъ былъ имъ оконченъ въ 1870 году, а пятый, послѣ пріѣзда изъ Вѣны, въ 1871 г. Болѣзнь сердца стала его мучить все чаще и чаще. Но люди «дѣла», какъ Сѣровъ, не обращаютъ вниманія на свои физическія силы; какъ только онъ чувствовалъ себя немного лучше, то тотчасъ же принимался за работу. Онъ уже составилъ себѣ планъ новой *комической оперы*, планъ балета, о которомъ просилъ его директоръ Императорскихъ театровъ, планъ большой драматической оперы «Гусситы», какъ вдругъ неумолимая смерть оторвала его отъ искусства навсегда. Онъ умеръ, какъ и родители его, внезапно, отъ разрыва сердца, 20 января 1871 г., спустя нѣсколько дней послѣ окончанія оперы «Вражья сила». Послѣднее дѣйствіе онъ не успѣлъ инструментовать и это было довершено г. Соловьевымъ, профессоромъ гармоніи въ С.-Петербургской консерваторіи.

Считаемъ небезъинтереснымъ напомнить читателямъ описаніе послѣднихъ минутъ жизни Сѣрова, принадлежащее перу г. Славинскаго. Послѣдній за нѣсколько часовъ до смерти композитора нашелъ его за книгой Наумана: «Die Tonkunst in der Culturgeschichte». Разсказавъ г. Славинскому о полученномъ приглашеніи сотрудничать въ *Augsburger Allgemeine Zeitung*, Сѣровъ сказалъ слѣдующее:

«Подумайте С., какъ много мнѣ дѣла, и какого, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше... До «Гусситовъ» — «Вакула», до «Вакулы» — «Вражья сила», а до постановки ея у меня должны быть готовы три статьи: въ *Вѣстникъ Европы* (о Берліозѣ), въ *Бесѣду* и въ *Музыкальный Сезонъ*... А «Девятая симфонія», а «Фригійская секунда...»

Кстати замѣтимъ, что послѣднею литературно-критическою статьей Сѣрова была статья (третья) о русской пѣснѣ (*Музыкальный Сезонъ* 1871 года, № 13). За обѣдомъ онъ шутилъ съ сыномъ, разсказывая ему разные анекдоты; послѣ обѣ-

да опять заговорилъ о книгѣ Наумана, но «тутъ лицо его внезапно вытянулось съ какою-то необыкновенной улыбкой, за этимъ быстро исказилось и тотчасъ приняло свое обыкновенное выраженіе; глаза были закрыты; ноги подкосились; онъ медленно, дугой, опустился на землю... Смерть постигла его отъ разрыва сердца; онъ умеръ моментально; предсмертной агоніи не было ни секунды...»

Такъ скончался боецъ за русское искусство, полный вдохновенія и плановъ о будущей дѣятельности, съ книгой въ рукахъ, подобно воину, сражающемуся за отечество.

«Смерть завидная!» — скажемъ мы вмѣстѣ съ г. Незнакомцемъ.—«Далеко отъ васъ мысль о смерти, нѣтъ около васъ ни раздирающихъ сценъ, ни заплаканныхъ лицъ, старающихся улыбаться, чтобы не обезкуражить васъ; нѣтъ батареи аптечныхъ пузырьковъ, нѣтъ глубокомысленнаго лика ученаго эскулапа, провожающаго васъ на тотъ свѣтъ по всѣмъ правиламъ искусства; напротивъ, вы всѣ отдались любимымъ занятіямъ, интересному разговору, радужнымъ надеждамъ на будущее и вдругъ—хлопъ!—главная пружина въ человѣческомъ организмѣ оборвалась и механизмъ разомъ прекратилъ свои дѣйствія» (*Петербургскія Вѣдомости* 1871 г., № 45).

Но такова только его смерть физическая; его же произведенія живутъ и будутъ еще долго жить; имя Сѣрова остается безсмертнымъ въ исторіи нашей музыки; съ его именемъ связаны честь и слава нашей оперной сцены, подобно именамъ Глинки и Даргомыжскаго. Такія свѣтлыя личности, какъ А. Н. Сѣровъ, не умираютъ въ памяти людей. Вотъ что мы читаемъ въ письмѣ Рихарда Вагнера къ г. Висковатому послѣ извѣстія о внезапной кончинѣ Сѣрова:

«Для меня Сѣровъ не умеръ; для меня онъ живетъ ясно и отчетливо... Чѣмъ онъ былъ, тѣмъ онъ остается и останется—однимъ изъ благороднѣйшихъ, высокихъ людей, какихъ можно себѣ представить. Его нѣжная душа, его чистое чувство, его свѣтлый, исполненный этихъ качествъ, умъ дѣлаютъ для меня дружбу, которую онъ искренно питалъ ко мнѣ, счастливѣйшимъ подаркомъ моей жизни» (*Музыкальный Сезонъ* 1871 г., № 17).

Но «пророкъ, говорятъ, въ своей странѣ не признанъ»; не такъ отнеслись къ нему соотечественники — наши цѣнители искусства. Даже послѣ его смерти, когда появилась «Вражья сила», инструментованная, какъ мы уже сказали, профессоромъ

Соловьевымъ, они не могли удержаться, чтобы не втоптать въ грязь посмертное произведеніе безсмертнаго композитора. Брань и ругань и тутъ посыпались на него, въ увѣренности, что ужь некому «говорить по части музыкальной критики», некому дать отпоръ «ревунамъ».

Для полноты нашего очерка позволимъ себѣ привесть два мнѣнія объ этой оперѣ, какъ мы это дѣлали при обзорѣ его первыхъ произведеній; эти мнѣнія — также крайне противуположны: г*** и Ростислава.

Опера «Вражья сила» шла въ первый разъ на Маріинской сценѣ въ бенефисъ г. Направника, съ участіемъ г-жъ Леоновой, Лавровской, г. Саріотти и др. 19 апрѣля 1871 г. Послѣ постановки ея на сцену Ростиславъ написалъ въ *Голосъ* четыре фельетона о ней, а г*** только одинъ въ *Петербургскихъ Вѣд.* (№ 111). Вотъ резюмé послѣдняго:

«Драматическая музыка Сѣрова во «Вражьей силѣ» *ниже всякой критики;* она хуже драматической музыки г. Кашперова или г. Аѳанасьева. Мало того, что она *ничтожна и безыдейна*, *она* почти сплошь *представляетъ музыкальную чепуху*... Въ цѣломъ,—заканчиваетъ г***,—«Вражья сила» опера слабая и *замѣчательно-безобразная*... По безобразію своей драматической стороны «Вражья сила» дѣйствительно замѣчательная, подобно которой *нигдѣ и никогда не бывало* и—нужно думать—нигдѣ и никогда не будетъ».

Вотъ до чего можно дойти въ увлеченіи своими личными симпатіями и антипатіями! Не таково мнѣніе Ростислава (Ѳ. М. Толстой), который, несмотря на десятилѣтнюю полемику съ Сѣровымъ, судилъ болѣе спокойно о произведеніяхъ своего противника. Вотъ что мы находимъ у него между прочимъ по поводу «Вражьей силы»; говоря о первомъ дѣйствіи, въ противуположность г***, совѣтующему этотъ актъ совершенно пропустить и пріѣхать прямо ко второму, онъ говоритъ, что «тутъ каждый звукъ на своемъ мѣстѣ» (*Голосъ*, № 112).

Еще рельефнѣе выступаетъ контрастъ ихъ мнѣній по поводу типа Еремки. Въ то время, какъ г*** не признаетъ и тѣни талантливости въ созданіи въ музыкѣ этого живого лица, Ростиславъ говоритъ о немъ:

«Композиторъ ничего не могъ придумать лучшаго (въ созданіи типа Еремки, разумѣется) и болѣе своеобразнаго» (*Голосъ* 1871 г., № 119).

Мы, конечно, ограничиваемся самыми краткими и сжатыми цитатами, чтобы не утомить читателей слишкомъ длинными выписями, тѣмъ болѣе, что для нашей цѣли вполнѣ достаточно одного заключенія того или другаго мнѣнія.

«Поэтовъ кормятъ камнями», — сказалъ одинъ изъ величайшихъ умовъ нашего столѣтія, Гейнрихъ Гейне. Это великое изреченіе оправдалось у насъ на Сѣровѣ: при жизни, какъ мы это видѣли, онъ крайне нуждался, былъ лишенъ самаго необходимаго для существованія, не имѣлъ возможности съѣздить въ Павловскъ, чтобы послушать въ первый разъ исполнявшееся его сочиненіе, нуждался по временамъ въ трехъ копѣйкахъ на булку, по цѣлымъ недѣлямъ ходилъ въ рваныхъ сапогахъ,—и не нашлось ни одного благодѣтельнаго человѣка, ни одного благотворительнаго общества, которые поддержали бы этого замѣчательнаго художника-артиста въ нуждѣ; за то, когда онъ умеръ, всѣ стали сожалѣть о погибшемъ талантѣ, воздавать должную дань уваженія заслугамъ, оказаннымъ имъ нашему искусству и развитію его въ обществѣ, восхищаться его произведеніями, оцѣнивать ихъ по достоинству. Мало того, то самое Русское Музыкальное Общество, которое никакъ не хотѣло имѣть его своимъ директоромъ, послѣ его смерти какъ будто стало раскаяваться въ своихъ грѣхахъ и поспѣшило загладить свои проступки тѣмъ, что похоронило Сѣрова на свой счетъ. Онъ похороненъ невдалекѣ отъ Глинки и Даргомыжскаго въ Александро-Невской лаврѣ. По крайней мѣрѣ послѣ смерти отвели ему подобающее мѣсто на ряду съ нашими первыми композиторами.

Можно смѣло сказать, что еслибы Сѣровъ, при его любви къ искусству, при его постоянныхъ и неустанныхъ занятіяхъ своимъ дѣломъ, при томъ увлеченіи и страстности, съ которыми онъ работалъ надъ искусствомъ и для него, былъ въ матеріальномъ отношеніи болѣе обезпеченъ и не тратилъ бы столько времени на добываніе средствъ къ существованію, и не былъ бы вынужденъ жертвовать своей фантазіей и богатыми мыслями обыденной прозѣ, состоящей въ нахожденіи источниковъ къ ежедневному пропитанію, — словомъ, еслибы Сѣровъ находился въ лучшей жизненной обстановкѣ, отъ его ума, таланта и пера можно было бы ожидать еще очень многаго; онъ бы обогатилъ нашу музыкальную литературу еще многими произведеніями, которыя украшали бы наши сцены, а можетъ-быть и иностранныя.

«Гусситы», «Кузнецъ-Вакула» и «Компческій балетъ» уже роплись въ его головѣ за часъ до смерти. Кто знаетъ, чѣмъ могъ бы онъ одарить насъ, еслибы преждевременная смерть не похитила его такъ рано?

Вотъ уже двѣнадцать лѣтъ прошло послѣ его смерти и за это время онъ все-таки остается незамѣненнымъ. И вѣроятно еще много лѣтъ пройдетъ и много воды утечетъ, пока у насъ народится другой Сѣровъ. Мы этимъ нисколько не желаемъ умалить достоинство и значеніе для нашего музыкальнаго искусства тѣхъ немногихъ композиторовъ, которыми наградила насъ судьба; мы только намекаемъ на то обстоятельство, что мы какъ-то не умѣемъ цѣнить, или по крайней мѣрѣ не по достоинству оцѣниваемъ нашихъ выдающихся дѣятелей и талантовъ. Нечего грѣха таить, мы дѣйствительно имѣемъ какую-то особенную склонность унижать, а нерѣдко и просто втоптать въ грязь все свое выдающееся. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ во многомъ виновата наша критика, представители которой усвоили себѣ весьма легкій и дешевый способъ оцѣнки, выражающійся въ ругани и брани, а нерѣдко еще вдобавокъ и въ неприличныхъ для литературнаго и печатнаго слова выраженіяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что подобнаго рода оцѣнка труда производитъ сильное впечатлѣніе и вліяніе, въ особенности на людей нервныхъ, какимъ былъ Сѣровъ.

Отсутствіе у насъ серьезной критики сильно сказывается въ особенности въ области театральной и музыкальной. Въ самомъ дѣлѣ, что мы находимъ въ ежедневно появляющихся рецензіяхъ? Бюллетень о состояніи театра: такой-то провалился, такую-то вызвали столько-то разъ, а такой-то былъ поднесенъ букетъ ея поклонниками и почитателями таланта; нерѣдко къ этому примѣшиваются свѣдѣнія о частной, домашней жизни, до которой никому никакого дѣла нѣтъ. Слѣдствіемъ такого положенія дѣла является то, что артисты не обращаютъ никакого вниманія на критику и ею нисколько не интересуются. То же самое отношеніе, только въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, существуетъ между критиками и авторами. Пусть появится какая-нибудь новая пьеса (драматическая или музыкальная, безразлично), автору ея предстоитъ вкусить всѣ сладости площадной брани.

Удивительнѣе всего то, что пусть, напримѣръ, умретъ этотъ самый авторъ или артистъ, и посыпятся дивирамбы на разные лады, и откопаютъ всевозможныя хорошія стороны, и пойдутъ сожалѣть о погибшемъ во цвѣтѣ лѣтъ (если онъ молодой) та-

лантѣ, и начнутъ вычислять всѣ надежды и упованія, которыя возлагались на его дарованіе, и постараются загладить тѣ грѣхи его, которые всегда обнаруживались на «всенародныя очи» при его жизни,— словомъ, тогда наступаетъ какъ бы обратная дѣятельность рецензентовъ: всякая ругань чуть не обращается въ похвалу и всякое порицаніе въ достоинство. Въ этомъ отношеніи вполнѣ оправдывается извѣстная поговорка: «русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ»: мы цѣнимъ достоинство нашихъ талантовъ, когда ихъ ужь нѣтъ въ живыхъ; пока же они существуютъ, кромѣ непріятностей и униженій имъ ожидать нечего ни отъ современныхъ критиковъ, ни отъ общества, въ большинствѣ случаевъ довольствующагося рецензіей и составляющаго себѣ понятіе о произведеніи или объ исполненіи по газетнымъ отзывамъ, но нисколько не интересующагося личностью автора или артиста, кромѣ, разумѣется, той стороны его жизни, которая общества вовсе не касается.

Да, жалко положеніе нашихъ даровитыхъ людей; большею частью они не доходятъ до полнаго разцвѣта, падая подъ гнетущимъ бременемъ нужды, не дающей имъ возможности всецѣло предаться избранному дѣлу, заставляя или отречься отъ предпринятаго, если у кого не хватаетъ сѣровскихъ силъ, чтобы бороться съ нуждою, или же продолжать стремиться къ цѣли, пока человѣческія силы въ состояніи устоять противъ подавляющаго вліянія нужды; въ первомъ случаѣ получаются «неудачники», во второмъ—преждевременно погибшія дарованія. И тѣ, и другія — плодъ того положенія, въ которое поставлены наши даровитые люди... Сѣровъ принадлежитъ ко второй категоріи,— онъ работалъ и трудился до послѣдней минуты своей жизни надъ искусствомъ, которому съ честью служилъ, и завоевалъ себѣ честь принадлежать къ семьѣ нашихъ первыхъ композиторовъ.

Переходя къ «списку критическихъ статей» А. Н. Сѣрова, считаемъ нелишнимъ замѣтить, что число органовъ, въ которыхъ онъ сотрудничалъ, равняется *двадцати восьми;* наибольшее количество статей выпадаетъ на долю русскихъ періодическихъ органовъ (22), наименьшее—нѣмецкихъ (только 2); остальные четыре органа—французскіе.

Списокъ критическихъ статей А. Н. Сѣрова, составленный имъ самимъ лѣтомъ 1869 года (съ подлинной рукописи). Наиболѣе замѣчательныя отмѣчены имъ самимъ NB.

1851 г. *Библіотека для чтенія* (въ началѣ года): „Музыка и виртуозы".
„ „ *Современникъ* (въ началѣ года и въ августѣ): Нѣсколько фельетоновъ объ оперѣ итальянской и русской.
1852 „ *Пантеонъ* (январь и лѣтніе мѣсяцы): „Спонтини"; три письма къ Улыбышеву о Моцартѣ и Бетховенѣ.
1853 „ *Пантеонъ* (лѣтніе мѣсяцы): „Моцартовъ Донъ-Жуанъ" (три статьи).
1854 „ *Москвитянинъ* (мартъ и апрѣль): Разборъ статей Ростислава о „Жизнь за Царя". NB. Первая полемика.
1855 „ *Пантеонъ*: Нѣсколько фельетонныхъ обзоровъ итальянской оперы.
1856 „ NB. *Музыкальный и Театральный Вѣстникъ* (Раппапортъ): Вступительная статья: „Музыка и толки объ ней"; двѣнадцать статей о „Русалкѣ" Даргомыжскаго (NB. съ историческимъ обзоромъ русской оперы вообще); „Сѣверная Звѣзда" Мейербера; полемика съ Ростиславомъ; много фельетонныхъ статей; лекціи Глинки объ инструментовкѣ въ моей редакціи.
1857 „ *Музыкальный и Театральный Вѣстникъ*: Много статей во второй половинѣ года.
„ „ *Сынъ Отечества* (Старчевскій): Некрологъ Глинки; нѣсколько фельетоновъ о русской оперѣ.
„ „ *Московскія Вѣдомости* (апрѣль): Отзывъ о книгѣ Улыбышева противъ Бетховена.
„ „ Нѣмецкія статьи: *Berliner Musikzeitung* (одна статья) и *Leipziger Neue Zeitschrift für Musik* (три статьи). NB. Статья Листа: „Kritik der Kritik: Ulibicheff und Seroff".
„ „ Французская статья въ *Le Nord* противъ Фетиса: „Fétis et Michel Glinka".
1858 „ *Музыкальный и Театральный Вѣстникъ*: Много статей, въ томъ числѣ *первыя* объ операхъ Вагнера и объ Листѣ въ письмахъ изъ Дрездена и Веймара (первая поѣздка за границу съ кн. Юр. Голицинымъ). NB. Планъ перваго моего публичнаго курса.
„ „ *Иллюстрація* (Зотовъ): Нѣсколько мелкихъ статей.
1859 „ *Музыкальный и Театральный Вѣстникъ*: Много статей. Вторая поѣздка за границу.
„ „ *Русское Слово* (Кушелевъ-Безбородко): Опера и новѣйшее ея направленіе въ Германіи (двѣ или три большія статьи въ лѣтніе мѣсяцы).
1860 „ Много мелкихъ статей по музыкальной части для *Энциклопедическаго Словаря* (Краевскій, потомъ Лавровъ).
„ „ *Русскій Міръ* (августъ): Первая статья противъ статьи Владиміра Стасова въ *Русскомъ Вѣстникѣ*: „Многострадальная опера".
„ „ *Искусство* (осенніе мѣсяцы). NB. „Рихардъ Вагнеръ"; „Воспоминанія о М. И. Глинкѣ".
1861 „ *Библіотека для чтенія* (Писемскій) (февраль или мартъ): Статья противъ *Рубинштейна* и Русскаго Музыкальнаго Общества.
1862 „ (... „Юдифь" ...)
1863 „ *Якорь* (Аполлонъ Григорьевъ): „Нибелунговъ перстень" Вагнера и обзоръ предыдущихъ оперъ и всего вагнеровскаго значенія.
„ „ *Сѣверная Пчела* (Усовъ) (августъ): „Музыкальный Гумбольдъ" (т. е. Фетисъ).
1864 „ (... „Рогнѣда" ...) Третья поѣздка за границу. Весной, по случаю Бюлова, первая полемика противъ Кюи.

1864 г. *Эпоха* (статьи): Лекціи.
1865 „ *Русская Сцена* (Михно): Статьи.
1867 „ 1868 „ *Театръ и Музыка* (Сѣровъ, изцательница В. С. Сѣрова): NB. „Русланъ и русланисты“ (апрѣль).
„ „ *Современная Лѣтопись*: Статья о девятой симфоніи Бетховена.
„ „ *Москва*: Статья о русскихъ пѣсняхъ.
„ „ NB. *Journal de St. Pétersbourg* (октябрь): Письмо къ Вагнеру о „Лоэнгринѣ“.
„ „ *Новое Время*: Статья о „Лоэнгринѣ“.
1869 „ *Journal de St. Pétersbourg*: „Alexandre Dargomijsky“ (одна статья); „Rossini“ (двѣ статьи). NB. Первые отзывы о Балакиревѣ: „Hector Berlioz“ (три статьи); четвертая поѣздка за границу.
„ „ *Chronique Musicale* (въ началѣ и концѣ года).
„ „ *Голосъ* (весною): О Промбергерѣ и Балакиревѣ: „Наши музыкальныя дѣла“.

1870 „ *Journal de St. Pétersbourg*: Нѣсколько фельетоновъ въ началѣ года.
„ „ *Monde Musicale*: Мелкія статьи.
„ „ *Голосъ*: Нѣсколько фельетоновъ въ концѣ года.
1869—1870 1870—1871 *Музыкальный Сезонъ* (четыре статьи): „Великое слово великаго художника“ (одна статья) и „Русская народная пѣсня, какъ предметъ науки“ (три статьи).

В. Басинъ.

Крестьяне въ Балтійскомъ краѣ.

III *).

Положеніемъ 1819 г. крестьяне признаны лично свободными, но безъ земли и безъ права выхода изъ губерніи, къ которой они приписаны. Съ тѣмъ вмѣстѣ были отмѣнены уже признанныя закономъ права крестьянина на наслѣдственное пользованіе землей и ограниченіе размѣровъ его повинностей обязательною нормою. Учреждены были общинные суды, но, подъ предсѣдательствомъ помѣщика, изъ 2-хъ дворянъ и 2 крестьянъ. Вотчинная полиція оставлена тоже за помѣщикомъ. Все это не только не улучшало, но даже значительно ухудшало положеніе латышей и эстовъ. «Собственно говоря, только тогда (въ 1816—1819 годахъ) балтійскіе помѣщики и покорили себѣ весь край», говоритъ одинъ балтійскій публицистъ. Упоеніе побѣдой доходило у нѣкоторыхъ до какого-то неистовства, до открытаго прославленія рабства, и въ 1848 году въ газетѣ *Innland* одинъ публицистъ писалъ: «Нѣмцы съ давнихъ поръ господствовали въ Остзейскомъ краѣ надъ служащимъ и работающимъ населеніемъ, отличнымъ отъ нихъ по происхожденію, нравамъ, одеждѣ и языку. Эта противоположность двухъ элементовъ населенія хотя и не была такъ рѣзка, какъ между чернокожими неграми и бѣлокожими плантаторами, но была несравненно болѣе нежели пропасть, отдѣляющая простой народъ отъ высшаго класса въ Германіи. Но подобно тому, какъ самый изящный цвѣтъ аристократической образованности распустился въ домахъ богатыхъ плантаторовъ Вестъ-Индіи, въ дворянскихъ родахъ Венгріи, въ англійской аристократіи, построенной на кельтическомъ населеніи

*) *Русская Мысль*, кн. III.

Ирландіи, такъ и въ Остзейскомъ краѣ все подлое и низкое образовало осадокъ въ подчиненномъ населеніи. Можетъ-быть положеніе господствующаго класса сопряжено съ опасностями, но господство—прекрасная вещь. Въ Греціи только потому и было такъ много благородства и духовнаго развитія, что нужда и трудъ оставались удѣломъ массы рабовъ, а самъ грекъ жилъ единственно для эстетическихъ упражненій своихъ способностей и для наслажденія созданіями своего творчества. Впрочемъ, большинство остзейцевъ изображаетъ свой край настоящимъ раемъ не только для помѣщиковъ, но и для крестьянъ, и даже многіе не остзейскіе нѣмцы держатся того же мнѣнія. Въ 1874 г., наприм., швейцарецъ Вурстенбергеръ писалъ, что необходимо поручить добросовѣстнымъ людямъ ознакомиться на мѣстѣ съ истиннымъ положеніемъ края: «Тогда въ высшихъ правительственныхъ сферахъ узнали бы наконецъ, что нѣтъ правды въ истасканныхъ фразахъ о томъ, что будто бы съ латышами и эстами обращались какъ съ рабочимъ скотомъ, будто бы ихъ плотью и кровью кормились и насыщались нѣмцы, будто бы, наконецъ, ихъ преднамѣренно держали въ грубомъ невѣжествѣ. Узнали бы, наоборотъ, что по-истинѣ изумительно духовное и матеріальное преуспѣяніе сельскаго пародонаселенія Остзейскихъ губерній, быстрое его обогащеніе, подъемъ благосостоянія во всѣхъ классахъ—хозяевъ, батраковъ и поденщиковъ, ихъ духовная даровитость, ихъ любовь къ порядку,—словомъ, все нынѣ замѣчаемое никакъ не позволяетъ предполагать въ прошедшемъ многолѣтняго и тяжелаго рабства (einer früheren Knechtschaft). Узнали бы, что эти крестьяне, по особенно благопріятной соціальной обстановкѣ, которою они теперь пользуются, стоятъ *выше всѣхъ европейскихъ народовъ, занимающихся земледѣліемъ*, и что этимъ они обязаны исключительно попечительности о нихъ того самаго нѣмецкаго дворянства, которое то и дѣло подвергается въ газетахъ поношенію за мнимое употребленіе своей власти—латышамъ и эстамъ во зло. Всякій объѣхавшій Остзейскія провинціи, всмотрѣвшійся въ тамошній людъ и бывшій свидѣтелемъ многообразныхъ сношеній помѣщиковъ съ крестьянами, легко могъ удостовѣриться, что тамъ, повсемѣстно, издавна и по традиціи, держится въ помѣщичьемъ кругу духъ патріархальной заботливости о крестьянахъ. Этотъ духъ носили въ себѣ и развивали вокругъ себя (притомъ не съ недавняго времени) преимущественно балтійскія женщины... Изъ этихъ семейныхъ традицій, въ связи съ

счастливыми способностями, прирожденными балтійской вѣтви остзейскаго племени, и еще съ другими условіями, сложился духъ нравственнаго приличія и гуманности (anständiger, menschlicher Geist), находящій себѣ въ общественномъ мнѣніи балтійскаго дворянства постоянную поддержку. Этотъ духъ, очищенный духомъ христіанства и евангелія (особенно живымъ въ здѣшнихъ женщинахъ), сверхъ того самый характеръ главнаго мѣстнаго промысла, земледѣлія (тѣмъ именно и отличающагося отъ фабричной и заводской промышленности, что въ подъемѣ благосостоянія рабочихъ классовъ заключается надежнѣйшее условіе преуспѣянія высшихъ) — все это вмѣстѣ издревле взрастило ту патріархальность отношеній, которая и теперь обнаруживается повсемѣстно, то довольство и ту независимость крестьянъ, которыя также вездѣ проявляются, за исключеніемъ лишь мѣстностей обнищавшихъ и выродившихся благодаря тому, что въ нихъ ознаменовали свою дѣятельность православнорусскіе агитаторы». Посмотримъ же на этотъ рай.

Во всѣхъ Остзейскихъ губерніяхъ на 1.700 кв. миль приходится 1.750.000 жителей, по 1.032 на 1 кв. милю. Населеніе прибываетъ очень медленно, и поэтому, на основаніи приведенной цифры, можно считать приблизительно, что въ послѣднія 60 лѣтъ въ краѣ было около 1.500.000 ж. Изъ этого числа — 250.000 нѣмцевъ, помѣщиковъ, пасторовъ, чиновниковъ, ученыхъ, купцовъ, ремесленниковъ и т. д., вся же остальная масса—земледѣльцы эстонскаго и латышскаго племени. Въ 1868 г. считалось:

	Жителей.	Изъ нихъ занимающихся земледѣліемъ.	На фабрикахъ.
Въ Лифляндіи	925.275	800.000	8.400
» Курляндіи	593.856	480.000	269

Помѣщиковъ въ томъ же году было въ Лифляндіи 846, въ Курляндіи 1.315. Крестьяне, какъ и въ XVIII в., раздѣлялись на двѣ неравныя группы—хозяевъ и батраковъ, причемъ число хозяевъ постепенно уменьшалось. Гупель въ 1789 г. насчитывалъ въ Лифляндіи 40.000 крестьянскихъ дворовъ (Gesinde) и, сверхъ того, 900 хатъ такъ-называемыхъ лострейберовъ; въ 1854-мъ году коммиссія, приводившая въ исполненіе Положеніе 1849-го года, нашла крестьянскихъ дворовъ 38.962, а Юнгъ-Штиллингъ, въ 1868 г., насчиталъ ихъ не болѣе 35.699. Итакъ,

въ 79 лѣтъ, несмотря на естественную прибыль народонаселенія, число самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ сократилось на 4.301. Теперь приходится одинъ крестьянскій дворъ почти на 10 душъ; иначе, если предположить въ составѣ каждой крестьянской семьи, владѣющей землею по 3½ ревизскія души, то окажется, что почти двѣ трети сельскаго народонаселенія лишены всякаго участія въ пользованіи землею. Въ отчетѣ англійскаго консула въ Ригѣ въ Финляндіи значится еще 4.000 крестьянъ-собственниковъ, но мы увидимъ ниже, можно ли всѣхъ ихъ считать собственниками. Въ Курляндіи крестьянскихъ дворовъ было въ 1817 году 21.000, а въ 1861 г. только 13.000, да 730 казармъ для батраковъ. Въ послѣднемъ году всѣхъ дворовъ крестьянъ - собственниковъ въ Курляндіи было 63. Въ Эстляндіи на 300.000 сельскаго населенія считается менѣе 17.000 крестьянскихъ дворовъ.

Всего въ краѣ крестьянъ-хозяевъ около 70.000. Между ними есть люди очень зажиточные, даже богатые; одинъ, наприм., купилъ недавно въ Лифляндіи дворянское имѣніе въ 80.000 р. Нерѣдко сыновья крестьянъ поступаютъ въ гимназіи и даже въ университетъ. Изъ числа окончившихъ воспитаніе въ городскихъ училищахъ образуются большею частью волостные писаря, управляющіе имѣніями, канцелярскіе чиновники, учителя уѣздныхъ и городскихъ училищъ. Всѣ эти лица примыкаютъ къ нѣмецкому населенію и составляютъ какъ бы переходъ отъ послѣдняго къ народу. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ училищахъ обучаются и дѣти нѣмцевъ, управляющихъ имѣніями, прикащиковъ, ремесленниковъ и проч., отдающихъ своихъ дѣтей только на лѣто, въ теченіе котораго обученіе происходитъ на нѣмецкомъ языкѣ; болѣе зажиточные крестьяне оставляютъ тоже дѣтей своихъ на лѣто въ школахъ. Остзейцы давно уже увидѣли, что безъ опоры хотя въ извѣстной части народа ихъ дѣло проиграно безвозвратно, и, не мѣшая развитію хозяевъ, этой мелкой шляхты, или, какъ выражаются балтійцы, diese bäuerliche kleine Elite, они стараются только онѣмечить ее.

Но вмѣстѣ съ цивилизующимъ процессомъ онѣмечиванія этого маленькаго отборнаго крестьянства идетъ, какъ мы видѣли, другой процессъ — постепенное уменьшеніе крестьянъ-хозяевъ и постепенное превращеніе значительной части ихъ въ батраковъ, составляющихъ главную массу населенія ихъ края, его рабочій скотъ, быдло, или *лопсъ*, по мѣстному названію. Болѣе милліона

этого лопса не имѣютъ ни кола, ни двора и ведутъ полукочевую жизнь, переходя отъ одного хозяина къ другому осенью въ Юрьевъ день. Въ будущемъ батраки грозятъ краю серьезными бѣдствіями, но остзейскіе крѣпостники убаюкиваютъ себя сладкою надеждой, что все обойдется благополучно, и доказываютъ раціональность батрачества.

Послѣ Положенія 1818 г. начали сильно развиваться въ краѣ помѣщичьи мызныя хозяйства. Крестьянинъ воздѣлывалъ данную ему новую землю, а помѣщикъ отбиралъ ее себѣ, и это продолжалось въ Лифляндіи до 1849 г., а въ Эстляндіи до 1856 г., такъ какъ помѣщикъ имѣлъ право присоединить къ мызѣ $^1/_3$ крестьянскихъ земель. Встарину обезземеленные такимъ образомъ крестьяне имѣли возможность селиться на новыхъ мѣстахъ, въ XIX же вѣкѣ они превращались въ мызныхъ батраковъ. Даже въ 1849 г., когда правительство рѣшилось прекратить это обезземеленіе народа, лифляндское дворянство испросило дозволеніе еще разъ прирѣзать себѣ по 36 лофтелей полевой земли на каждый крестьянскій гакъ *). Лифляндская система исчисленія повинностей не съ площади, а съ капитала, представляемаго участкомъ на основаніи очень произвольной таксаціи, всегда давала помѣщику возможность урѣзывать крестьянскія земли, не лишаясь рабочихъ дней, т. е. не уменьшая числа крестьянскихъ гаковъ, съ которыхъ отбывалась барщина. Помѣщикъ всегда могъ совершить переоцѣнку крестьянскаго двора и перевесть его въ высшій разрядъ. Въ составъ крестьянскаго надѣла въ Лифляндіи входятъ, кромѣ усадебныхъ мѣстъ, полевыя земли, находящіяся въ постоянной обработкѣ, луга и такъ называемый бушландъ (буквально—кустовая земля). Къ лугамъ причисляются и моховыя болота, на которыхъ накашивается съ 1.143 саж. не болѣе полувоза, или $7^1/_2$ пудовъ сѣна. У насъ подобныя угодья обыкновенно не отводились въ крестьянскій надѣлъ, а когда ихъ нельзя было изъ него выдѣлить, то шли въ придачу къ надѣлу, въ Лифляндіи же полагаются въ оцѣнку. Въ составѣ крестьянскихъ земель въ Лифляндіи бушландъ играетъ важную роль и занимаетъ вообще $^1/_3$ и даже болѣе надѣла; въ земляхъ же господ-

*) 36 лофштелей—около 11 десятинъ, а гакъ—участокъ земли, оцѣненный, для исчисленія причитающихся съ него рабочихъ дней, въ 80 талеровъ; гакъ бываетъ отъ 38 до 609 десятинъ. Слѣдовательно, давая упомянутое разрѣшеніе, правительство не могло имѣть даже приблизительнаго понятія о количествѣ уступаемой земли.

скихъ количество бушланда, относительно другихъ угодій, гораздо меньше. На ревизскую душу приходится въ Лифляндіи пашни и луговъ 2½ десятины, а вмѣстѣ съ бушландомъ 3½ д., между тѣмъ какъ у насъ, наприм. въ Псковской губ., которая по естественнымъ условіямъ ближе другихъ подходитъ къ Лифляндской, высшій надѣлъ по мѣстностямъ составляетъ 4½, 5, 5½ и 6 дес.

Прибалтійскій крестьянинъ, по закону, свободный арендаторъ, снимающій землю по контракту, на дѣлѣ же онъ—рабъ. Не говоря уже объ юридическомъ давленіи на него помѣщика, съ которымъ познакомимся ниже, мужикъ совершенно безпомощенъ въ экономическомъ отношеніи и чрезвычайно легко становится добычею землевладѣльца. Въ краѣ около 70.000 крестьянскихъ дворовъ, за владѣніе которыми конкурируютъ между собою нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ не только хозяевъ, но и батраковъ. Хозяйственныя строенія, большая часть скота и земледѣльческихъ орудій не принадлежатъ крестьянамъ, а прикрѣплены къ землѣ, составляя принадлежность самого участка; поэтому каждый безземельный крестьянинъ можетъ, не обладая даже капиталомъ, достаточнымъ для обзаведенія новымъ хозяйствомъ, сдѣлаться хозяиномъ, если предложитъ за участокъ высшую противъ другихъ плату. Эта усиленная конкуренція, очень выгодная для помѣщика, убійственна для крестьянина, такъ какъ сильно поднимаетъ арендную плату и постоянно гонитъ ее вверхъ. Между тѣмъ, какъ ни тяжки условія аренды, мужикъ по необходимости долженъ согласиться на нихъ, потому что изъ края онъ уйти не можетъ и никакихъ другихъ занятій, кромѣ земледѣлія, не знаетъ. Къ тому же каждый крестьянинъ страстно и часто вовсе неразсчетливо привязанъ къ насиженному имъ участку, къ распаханной имъ кустовой землѣ, къ дому, въ которомъ онъ долго прожилъ, и, пользуясь этою слабостью, помѣщикъ можетъ заставить его, подъ угрозою изгнанія, согласиться на самыя невыгодныя условія. Наконецъ крестьяне-хозяева и въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ наслѣдники по хозяйству до послѣдняго времени не призывались къ рекрутскому жеребью, но, лишась усадьбы, переставъ быть хозяевами, они лишались этой важной льготы, которая тоже сильно вліяла на повышеніе арендной платы. Убійственность всѣхъ этихъ условій сознаютъ даже сами остзейцы и вотъ что, наприм., говоритъ о нихъ консерваторъ Нолькенъ, въ глазахъ котораго балтійское дворянство поставлено во главѣ об-

щества «Божіею милостію»: «Съемщикъ, при истеченіи срока заключеннаго имъ контракта, всякій разъ отдается въ жертву помѣщика, которому дана возможность произвольно возвышать арендную плату. Видя это, крестьянинъ перестаетъ дѣлать что-либо для поддержанія производительности земли и для ремонта строеній; ему не трудно понять, что никакой зачетъ произведенныхъ имъ улучшеній не обезпечитъ ему достаточнаго вознагражденія и что, даже въ случаѣ, если онъ не лишится немедленно плодовъ положеннаго имъ въ землю труда и капитала, онъ долженъ будетъ однако оплачивать ихъ помѣщику ввидѣ накидки на прежнюю арендную плату, а потомъ, въ концѣ концовъ, все-таки ихъ утратитъ. При свободной конкуренціи ничто не обезпечиваетъ ему и его наслѣдникамъ спокойнаго на будущее время пользованія его хозяйствомъ, а это уже само по себѣ великое зло. Мало того: чѣмъ больше онъ дѣлаетъ для своего хозяйства, тѣмъ должно быть для него несомнѣннѣе, что ему не устоять противъ другихъ конкурентовъ, ибо человѣкъ сторонній всегда заплатитъ за землю дороже того, кто самъ, такъ сказать, создавалъ ее въ потѣ своего лица. Помѣщикъ легко выдержитъ опустѣніе нѣсколькихъ, даже большей части, состоящихъ въ его имѣніи крестьянскихъ дворовъ: обладая достаточными на то средствами, онъ самъ примется за ихъ обработку; но съемщикъ (крестьянинъ) не можетъ обойтись безъ своего двора: онъ не въ состояніи прокормить своихъ лошадей и своего скота; онъ проживаетъ свой капиталъ и, въ скоромъ времени, долженъ обнищать. Поэтому онъ вынужденъ принять участокъ на какихъ бы то ни было условіяхъ, лишь бы ему оставалось необходимое въ обрѣзъ на поддержаніе его скуднаго существованія. Иногда онъ находитъ еще себѣ подспорье въ выручкахъ отъ промысловъ, не имѣющихъ ничего общаго съ доходомъ отъ земли, какъ-то: въ извозѣ, въ торговлѣ льномъ или лошадьми. Зная, что опустѣніе двора отнюдь не поставитъ помѣщика въ затрудненіе, онъ поэтому подчиняется необходимости, сверхъ ренты съ дохода отъ земли, платить еще и съ своего промысла, съ личныхъ своихъ способностей, лишь бы избавиться отъ опасности остаться безъ двора. Въ послѣднемъ случаѣ онъ неминуемо разоряется, тогда какъ въ первомъ, даже при подъемѣ арендной платы, все же представляется возможность этого избѣгнуть». Платя свыше доходности арендуемой земли, крестьянинъ между прочимъ покрываетъ этотъ излишекъ эксплуатаціей состоящихъ при немъ полукабальныхъ батраковъ.

«Арендаторъ,—пишетъ помѣщикъ Гринвальдъ,—выручаетъ свой оброкъ не съ земли, а старается извлечь его, сдавая по найму въ работу своихъ батраковъ; при этомъ онъ и самъ вмѣстѣ съ ними часто проводитъ все лѣто вдали отъ своего двора».

Положеніе 1819 г. допускало между помѣщиками и крестьянами какъ словесныя сдѣлки о наймѣ земли, такъ и письменные контракты на срокъ не свыше 50 лѣтъ; но на практикѣ они заключались на самые короткіе сроки (именно потому, что повинности быстро возвышались), обыкновенно на одинъ годъ, и почти всегда на словахъ. Законъ требовалъ, чтобы словесная сдѣлка заносилась въ книгу приходскаго суда приходскимъ нотаріусомъ, который былъ не болѣе какъ наемнымъ служителемъ мѣстныхъ дворянъ, но на практикѣ это требованіе не исполнялось: «Писаннаго контракта съ помѣщикомъ не было,—говоритъ въ своихъ интересныхъ запискахъ латышъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ Индрика Страумита. — Тогда они не были въ модѣ и не употреблялись также и законы. Можетъ-быть они и существовали, но хранились гдѣ-нибудь очень далеко, а во всѣхъ случаяхъ руководствовались лишь преданіями и устными изреченіями der Gutsverwaltung. Взялъ полѣно и сострогалъ контрактъ; помѣщикъ одобритъ, возьметъ себѣ половину, а другую отдастъ тебѣ. Нарѣжутъ крестиковъ столько, что ты и счетъ потеряешь. Когда, наконецъ, сводились счеты и оказывались лишніе, переработанные дни, попросишь у помѣщика или у его управляющаго вознагражденія, а онъ отвѣтитъ: «Пусть они лучше зачтутся въ будущемъ году или полугодьѣ, или пусть остаются въ пользу будущаго хозяина, а ты иди внизъ, тамъ староста дастъ тебѣ шнапсу». Это уже была милость на милость. А если бывало разсердится, то или посадитъ къ тебѣ на выгонъ новаго хозяина, или выгонитъ изъ дому. Что вздумаетъ, то и сдѣлаетъ. Къ кому пойдешь жаловаться и съ чѣмъ пойдешь, когда контракта нѣтъ? Что предъявишь, когда судья (другой помѣщикъ) закричитъ на тебя: «покажи контрактъ!» Суды... Да мы и дороги не знали въ суды высшіе, а если когда и бывали тамъ, то ходили не по волѣ, а связанные и подъ конвоемъ. Идти въ судъ значило бы то же самое, что самому помѣщику жаловаться на помѣщика. Ужь лучше ложись тутъ же, на мѣстѣ. Получилъ пятнадцать (палокъ), заплатилъ пятнадцать коп. сер. *),

*) До 1845 г. въ Лифляндіи съ высѣченнаго взыскивались еще деньги *за розги!*

поцѣловалъ руку—и дѣло съ концомъ: впередъ будешь умнѣе, не станешь грубить... Вотъ тебѣ и всѣ суды со всѣми законами!»

По Положенію 1819 г. если помѣщикъ потребуетъ удаленія арендатора со двора, или уничтоженія заключеннаго о сдачѣ двора условія, за дурное веденіе хозяйства, небреженіе о строеніяхъ, запущеніе полей, неисполненіе договоренныхъ повинностей, или по другимъ, закономъ признаваемымъ, причинамъ, и мірской судъ, по надлежащемъ изслѣдованіи дѣла, удостовѣрится въ основательности жалобы и опредѣлитъ удалить арендатора или уничтожить контрактъ; то хотя арендатору и не воспрещается подать апелляцію на такое рѣшеніе, однако мірской судъ отбираетъ у него дворъ, въ видахъ предупрежденія дальнѣйшаго его разстройства, и въ то же время налагаетъ запрещеніе на такую часть имущества арендатора, которая, впредь до рѣшенія высшей инстанціи, служила бы обезпеченіемъ исполненія приговора. Если же мірской судъ представитъ помѣщику возраженія на его требованія и послѣдній не уважитъ ихъ, то его требованіе все таки приводится въ исполненіе, а мірскому суду дозволяется войти въ приходскій судъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ сдѣланнаго распоряженія (послѣ того, какъ арендаторъ уже выгнанъ со двора) и о присужденіи съ помѣщика вознагражденія. Приходскій судъ старается покончить дѣло мировою, а въ случаѣ неуспѣха передаетъ дѣло въ уѣздный судъ. Такимъ образомъ помѣщикъ имѣлъ право всегда прогнать арендатора, послѣднему же предоставлялось жаловаться на него и непремѣнно *лично* вести дѣло въ приходскомъ и уѣздномъ судахъ, состоявшихъ изъ тѣхъ же помѣщиковъ. «Но и этого,—говоритъ Самаринъ,—было мало для огражденія помѣщичьихъ интересовъ отъ дарованной крестьянамъ свободы. Опытные практики придумали такіе мудреные контракты, съ такими кляузными и многосложными обязанностями, что не было физической возможности выполнять ихъ въ точности. Это впрочемъ и не требовалось отъ арендаторовъ, пока они были покорны, но служило надежнымъ противъ нихъ орудіемъ на случай, еслибъ они вздумали зазнаться, или еслибы помѣщику понадобился для своихъ разсчетовъ или прихотей, или для вымещенія своего личнаго неудовольствія, благовидный предлогъ. Еще легче было прогнать батрака. Отпуская батрака, помѣщикъ выдавалъ ему письменную аттестацію, въ которой онъ имѣлъ право опорочить его и тѣмъ помѣ-

шать ему пристроиться у другого хозяина, а когда опороченный подавалъ на это жалобу, то судъ отъ него же долженъ былъ требовать доказательствъ несправедливости аттестаціи — юридическихъ доказательствъ, что онъ не лѣнивъ, не сварливъ, не невоздержанъ и т. д.» Прогнанному фермеру не гдѣ было искать защиты; онъ обыкновенно разорялся и находилъ себѣ пріютъ нерѣдко только въ хлѣвѣ какого-нибудь крестьянина, какъ это разсказываетъ о своемъ семействѣ Страумитъ: «Хороша была и старая наша квартира, но эта куда лучше. Въ ней когда-то хозяинъ сберегалъ мякину, потомъ давно уже ее забросилъ, иногда только ночевали въ ней свиньи и хозяйская собака, да сами хозяева заходили въ ненастную погоду по своей надобности. Но, благодареніе весеннему вѣтру, онъ успѣлъ уже осушить что было понеприличнѣе и приготовилъ квартиру къ нашимъ услугамъ,—правда, безъ дверей, безъ фундамента, съ нѣсколькими охабками гнилой соломы, съ поломъ покрытымъ толстымъ слоемъ навозу разнаго рода, безъ печки, — словомъ, вродѣ итальянской гостиницы. Соръ и навозъ намъ пригодились на постель, хоть и не завидную, но все же лучше голой и мокрой земли. Поплакали, закусили черствымъ хлѣбомъ, напились какъ цыплята прямо изъ лужи, свалили навозъ въ одинъ уголъ, легли, прижавшись другъ къ другу въ кучку, покрылись, заснули и проспали всю ночь сномъ праведника. У матери отняли лошадь, на которой она ѣздила въ Ригу. Помѣщикъ взялъ ее къ себѣ на мызную конную мельницу; тамъ, цѣлый годъ, на этой лошади мололи, потомъ ее продали, а денегъ намъ не отдали...»

Послѣ отмѣны крѣпостного права девизомъ сельскихъ хазяевъ сдѣлалось изреченіе одного барона: «Es ist des Edelmanns baarer Gewinn, wenn ihm der Bauer schuldet» *). Опутавъ крестьянъ неоплатными долгами, помѣщикъ даромъ заставлялъ ихъ работать на себя, платя имъ въ годъ по 5 руб., батракамъ по 1 руб., а управляющему 15—20 руб. Онъ получалъ плоды своей земли, почти ничего не издерживая на веденіе хозяйства, и въ то же время присвоивалъ себѣ мірскія сбереженія, гдѣ они были, взыскивалъ съ крестьянъ казенныя недоимки, прощенныя манифестами; въ неурожайные годы, при отпускѣ крестьянамъ казеннаго хлѣба, часть его бралъ въ свои амбары и т. д.

Когда, съ освобожденіемъ крестьянъ, были отмѣнены вакен-

*) Помѣщику чистый барышъ, когда мужикъ у него въ долгу.

бухи, помѣщикъ получилъ полную возможность увеличивать повинности, сколько хотѣлъ. Барщина была настоящею египетскою работою. «Ничто не даетъ,—говоритъ извѣстный знатокъ края,—такого яснаго понятія о тогдашней барщинѣ, какъ тѣ правила, которыя, послѣ уже волненій 1841 года, изданы были для ея облегченія и, въ то время, были прославлены какъ благодѣянія, свидѣтельствовавшія о великодушіи лифляндскихъ помѣщиковъ. Было, наприм., постановлено не считать рабочаго дня прогульнымъ и не числить его въ долгу на хозяинѣ крестьянскаго двора, если послѣдній выставилъ работника куда слѣдовало по наряду и если заданный урокъ не могъ быть исполненъ по обстоятельствамъ, отъ работника не зависѣвшимъ; слѣдовательно, прежде крестьяне отвѣчали и за всякое уклоненіе атмосферы отъ распоряженій вотчинной конторы, наприм.—за несвоевременный дождь, за паводокъ и т. д. Запрещено было наряжать подводы во время посѣва, жнитва и въ распутицу (прежде это дѣлалось), а денной путь ограниченъ былъ 35 верстами съ кладью и 40 верстами порожнякомъ. Опредѣлено было, что когда крестьянинъ, по распродажѣ его движимости на покрытіе его долговъ, присуждался къ отработкѣ остального взысканія въ пользу помѣщика, срокъ таковой отработки не долженъ былъ простираться долѣе года, причемъ помѣщикъ имѣлъ право наряжать на работу женатаго должника не болѣе четырехъ дней въ недѣлю, а холостого ежедневно (прежде должникъ обращался въ безсрочную кабалу). Введено было новое правило, что работа на барщинѣ не должна была продолжаться болѣе 12 часовъ въ сутки въ продолженіе цѣлаго года. Стало-быть, въ лѣтнюю пору она могла длиться и долѣе, а все-таки это правило считалось льготою. Спрашивается: сколько же насчитывалось рабочихъ часовъ въ сутках въ прежнее время, до введенія этого благодѣтельнаго ограниченія? При нарядѣ на барщину въ дальнее мѣсто, за проходъ 20 верстъ велѣно было зачитывать день,—стало-быть, прежде зачета вовсе не дѣлалось или онъ дѣлался въ еще меньшемъ размѣрѣ. Запрещено было съ одного двора требовать на работу въ одинъ день болѣе половины работниковъ, по закону полагаемыхъ на этотъ дворъ (по величинѣ двора), не распространяя однако этого правила на работы полевыя и на уборку сѣна. Изъ этого видно, что прежде можно было производить сгономъ всѣ работы безъ исключенія». Индрикъ Страумитъ въ своихъ запискахъ даетъ слѣдующее описаніе тогдашней барщины:

«Въ то время, т.-е. около 1840 года, я былъ еще малъ, но все-таки въ такихъ лѣтахъ, что уже могъ присматриваться, прислушиваться и понимать. Я уже «пасъ стадо отца моего» и ясно видѣлъ, да и теперь помню все, что дѣлалось въ нашемъ домѣ.

«Я видѣлъ, какъ мой отецъ, который былъ крѣпокъ и тѣломъ и духомъ, работалъ какъ волъ и ѣлъ какъ волъ—мякину. Зналъ и видѣлъ, что работники непремѣнно должны были по воскреснымъ днямъ являться къ восьми часамъ вечера для наряда на барщину. Тогда управляющій, или sub, или—sub-sub-управляющій давалъ приказъ, кому куда выходить на какую работу; при этомъ онъ—хоть и такой же мужикъ, какъ и всѣ, но уже не простой, а съ хворостиной въ рукѣ—всегда браковалъ орудія... Зналъ я, что глазастый магнатъ ломалъ сохи за то, что насошники коротки, и рубилъ бороны за то, что легки и малы,—зналъ, что онъ безошибочно узнавалъ работника и лошадь волостного засѣдателя, форминдера *), хозяина первой статьи **),—этихъ онъ обходилъ и не замѣчалъ, каковы у нихъ орудія; имъ и работа назначалась не тяжелая: пахать гдѣ полегче, или слоняться на мызѣ, перетаскивая всякую мелочь. Совсѣмъ иное бывало съ работниками, которыхъ высылали хозяева второй и третьей статьи: этихъ хворостина никогда не миновала при ревизіи орудій и за работою. Нечего дѣлать, поѣзжай домой за новыми орудіями. Справишь новыя—смотришь: на бороны еще приказываютъ навалить дерна (глыбы). Послѣ работы, къ субботѣ, лошаденки едва-едва ноги волочатъ, такъ что работники тащатъ ихъ домой за поводъ и проходятъ съ ними въ часъ не болѣе версты, да еще съ долгими роздыхами. Случалось, что и работниковъ браковали, особенно малорослыхъ, а такихъ въ то время являлось множество; даже можно было опасаться, что во всемъ краѣ народонаселеніе выродится и наплодятся карлики. Такихъ обыкновенно гоняли назадъ сви-

*) Форминдерами (Vormünder) называютъ въ Лифляндіи низшихъ церковнослужителей, избираемыхъ изъ крестьянъ въ помощь пастору. Они извѣщаютъ пастора обо всемъ происходящемъ въ приходѣ, приглашаютъ его для исполненія требъ, побуждаютъ прихожанъ къ отбыванію повинностей въ пользу пастора, прослушиваютъ (экзаменуютъ) дѣтей и сами совершаютъ крещеніе надъ новорожденными—по нуждѣ, что впрочемъ въ Лифляндіи случается довольно часто, когда пасторъ въ отлучкѣ, или когда ему некогда заниматься простыми крестьянами.

**) То-есть богатый, первостатейный хозяинъ.

ней пасти, разумѣется, хлестнувъ ихъ предварительно по спинѣ, хотя они со слезами завѣряли, что они высланы на работу хозяевами, такъ какъ они не дѣти и уже были на конфирмаціи.

«Слышалъ я, какъ работники, отправляясь на барщину, выпрашивали у матерей своихъ по другой рубашкѣ и, получивъ, надѣвали ее, приговаривая чуть ли не съ улыбкою: «ну, теперь не такъ больно будетъ, не такъ скоро проймета палка!» Видѣлъ, какъ работники плакали, отправляясь въ праздники на винокурни отбывать дневную и ночную работу—безъ хлѣба, съ однимъ картофелемъ. Они выпрашивали себѣ ради Бога браги; но имъ очень резонно отвѣчали: «а чѣмъ же мы будемъ быковъ и свиней поить?...» Положительно, иной разъ приходило въ голову, что лучше бы родиться безсловеснымъ.

«Видѣлъ я, какъ и работницы-дѣвушки плакали, отправляясь на мызу таскать огромные ушаты браги изъ винокурни въ хлѣва, и жаловались, что страшно трудно и тяжело. Видѣлъ, какъ, по приходѣ домой, онѣ смазывали свои плечи, испещренныя ссадинами и гнойными ранами. Видѣлъ и слышалъ, какъ дѣвушекъ таскала за косу и какъ отпускала имъ полновѣсныя оплеухи какая-нибудь коровница. Впрочемъ, иногда сама барыня или дочь ея снисходила до того, что удостоивала своеручно отщелкать по щекамъ или вытаскать за косу провинившуюся, а потомъ еще нажаловаться на нее мужу или папенькѣ, за что бѣдная получала еще прибавку звонкими оплеухами или березовою кашей. Слышалъ я, какъ дѣвушки, иногда по цѣлымъ ночамъ, выли въ лѣсу какъ волчицы, выкликая оттуда, по приказу, какую-нибудь заблудившуюся корову или теленка.

«Видѣлъ, какъ въ темные осенніе и зимніе вечера, въ слякоть, въ метель, женщины плелись на мызу молотить, съ грудным ребенкомъ на рукахъ, съ мѣшечкомъ картофеля на спинѣ, съ цѣпомъ черезъ плечо. Придетъ въ мызный овинъ и не успѣетъ отдохнуть, перевить ребенка, сжевать краюшку черстваго хлѣба или закусить мерзлымъ картофелемъ, какъ уже слышитъ: «берись за работу,—семеро одного не ждутъ». Начиналась молотьба и продолжалась всю ночь. Не смѣй выходить изъ ряда.

«Ребенокъ плачетъ, а мать ходитъ по барскому хлѣбу и какъ будто не слышитъ голоса дитяти. Она гуляетъ съ цѣпомъ въ рукахъ, захлёбываясь слезами...

«Видѣлъ, какъ почти цѣлое лѣто, всѣ, кромѣ какой-нибудь дряхлой старухи, прожили на мызѣ, на барскихъ поляхъ. Тамъ

обрабатывалась пашня, убиралось сѣно, воздвигались зданія, вырубались лѣса, выжигались сѣчи (ляды), расчищались и выравнивались новые поля и луга, расширялись старые. Работамъ не было ни начала, ни конца,—онѣ шли колесомъ, безостановочно. Дома, на себя, крестьяне работали лишь въ продолженіе краткихъ паузъ мызныхъ работъ. Понятно, что поля крестьянъ не могли обрабатываться своевременно и какъ бы слѣдовало. Часто крестьянскіе дворы пустѣли и тогда эти участки обрабатывалъ помѣщикъ на себя, но, разумѣется, не своими средствами: онъ подраздѣлялъ эту добавочную работу между наличными хозяевами, а всѣ плоды и доходы поступали въ мызные амбары. А когда же удавалось мужику поработать на себя? — Право не знаю, но знаю, что не въ надлежащую пору.

«Сѣно частенько косили весною. Подобно тому, какъ раны на тѣлѣ, заживая, постепенно умаляются и сжимаются, такъ точно поля у крестьянъ заростали съ краевъ травою, а луга покрывались кустарникомъ. Ихъ убогія хаты кривились, перекашивались, боченились, присланивались одна къ другой своими обнаженными ребрами и наконецъ разваливались. Такъ и казалось, что пока хозяинъ съ работниками и работницами отбывалъ барщину, все хозяйство его страшно самовольничало и не слушалось дряхлой старухи. Бывало хозяинъ придетъ домой на пару дней и видитъ съ грустью: сѣно не скошено, рожь уже сыплется, яровое поспѣваетъ, овинъ стоитъ безъ крыши, полъ въ избѣ и фундаментъ изрыты свиньями, облизаны и обглоданы коровами, овцами и козами, печь заняла свинья съ поросятами,— и тошно станетъ хозяину глядѣть на такой безпорядокъ. Что дѣлать? Малодушный на все махнетъ рукой и скажетъ: «А ну, пусть ихъ гуляютъ! Пойду и я гулять въ корчму!»

Кромѣ хозяйственныхъ работъ на крестьянахъ лежала еще обязанность присутствовать при барскихъ охотахъ. «За отсутствіемъ или недостаткомъ собакъ, — говоритъ Страумитъ,—къ исправленію ихъ должности сгонялись латыши. Съ октября по январь включительно, особенно когда снѣгъ былъ не слишкомъ глубокъ, то и дѣло устраивались облавы, или такъ-называемыя *клапперъ-яхты*. Въ воскресенье въ мызной корчмѣ отдавался приказъ, чтобы въ такой-то день, утромъ, засвѣтло, въ такой-то деревнѣ, непремѣнно, подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности, каждый дворъ, смотря по величинѣ его, выставилъ отъ одного до двухъ загонщиковъ на два дня кряду. Не-

чего дѣлать: посылай работника, или бѣгуна-мальчишку, а за неимѣніемъ таковыхъ иди самъ хозяинъ съ работницей или дѣвчонкой».

Рекрутчина, какъ мы уже упомянали, была однимъ изъ самыхъ сильныхъ средствъ эксплуатаціи въ рукахъ помѣщика. «По закону, то-есть на бумагѣ,—говоритъ Страумпъ,—эта повинность отбывалась по жеребьевой системѣ, а на дѣлѣ все зависѣло отъ вотчиннаго или мызнаго управленія (Gutsverwaltung), то-есть отъ помѣщичьяго произвола, которому законъ же предоставлялъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ неограниченную власть и которому такъ-называемыя общественныя учрежденія, волостные старшины, волостные суды и т. п. служили безгласными и покорными орудіями. Этотъ произволъ, узаконенный въ лицѣ помѣщика и всякаго, кому онъ передавалъ свои права (арендатора и управляющаго), былъ тѣмъ ужаснѣе, что именно въ рекрутскихъ дѣлахъ онъ не только служилъ интересамъ, прихотямъ и страстямъ самого помѣщика, но сверхъ того безпрестанно возбуждался и приводился въ дѣйствіе домогательствами самихъ крестьянъ. Помѣщикъ освобождалъ отъ рекрутства тѣхъ, которые были ему нужны по его хозяйству, и, владѣя правомъ увольненія, располагалъ самымъ надежнымъ средствомъ закабаливать себѣ лучшихъ работниковъ въ услуженіе почти безвозмездное; при случаѣ, такъ какъ все отъ него зависѣло, онъ могъ также сдачею въ рекруты сбыть кого хотѣлъ изъ своей вотчины и этимъ средствомъ держалъ ее въ страхѣ. Съ своей стороны, крестьяне, всегда готовые на всякія жертвы для избавленія своихъ дѣтей и ближнихъ отъ военной службы, естественно обращались съ просьбами къ тому же всемогущему помѣщику и, конечно, въ подобныхъ случаяхъ льготы и изъятія всегда доставались зажиточнымъ, исправнымъ хозяевамъ и должностнымъ крестьянамъ, волостнымъ старшинамъ, засѣдателямъ, сотскимъ, отличавшимся покорностью и умѣвшимъ угождать вотчинному правленію. Такимъ образомъ въ средѣ волостныхъ обществъ образовывались цѣлые привилегированные классы, а вся тяжесть рекрутской повинности пала на бѣдняковъ, сиротъ, бобылей, вообще на тѣхъ безгласныхъ и беззащитныхъ, въ которыхъ никто не нуждался,—словомъ, на быдло, lops. Вотъ какъ это дѣлалось. Во-первыхъ, помѣщикъ, или заступившій его мѣсто, имѣлъ право выбирать изъ своей волости себѣ въ услуженіе кучеровъ, конюховъ, садовниковъ, лѣсничихъ,

къ нимъ помощниковъ, работниковъ для корчмарей и т. д. Онъ набиралъ ихъ изъ молодыхъ людей, не достигшихъ двадцатипятилѣтняго возраста, и этимъ самымъ они освобождались отъ жеребья. Во-вторыхъ, крестьяне, отбывавшіе должности по волости, форшиндеры, зажиточные хозяева, имѣли право, съ согласія помѣщика, брать себѣ въ помощники по своему хозяйству одного изъ своихъ сыновей. Разумѣется, они выбирали того, который первый достигалъ двадцатилѣтняго возраста и, по лѣтамъ, подлежалъ призыву. Эти помощники назывались намѣстниками хозяина, но они хозяйничали только для вида, а контрактъ или бирка (для учета повинностей) оставались у отца. Вся сила была въ томъ, чтобы попасть въ намѣстники, потому что съ этимъ сопряжено было увольненіе отъ жеребья. Въ-третьихъ, и бездѣтные хозяева могли также выпрашивать себѣ помощниковъ, для той же цѣли, и выбирать ихъ въ любомъ домѣ.

По Положенію 1819 г. личныя права крестьянъ, за пріобрѣтеніе которыхъ они платились утратою своего права на землю, подлежали слѣдующимъ ограниченіямъ: имъ было запрещено перечисляться въ другія губерніи, а для временной отлучки за предѣлы Лифляндіи паспортъ выдавался не иначе, какъ съ письменнаго разрѣшенія ландратской коллегіи, которая выдавала его только по свидѣтельству мірского суда за подписью помѣщика о неимѣніи къ отлучкѣ никакихъ препятствій. Въ предѣлахъ губерніи перечисленіе изъ одного мірского общества въ другое допускалось лишь подъ условіемъ согласія на это владѣльца того имѣнія, къ которому крестьянинъ намѣревался приписаться. Нанимавшійся въ услуженіе могъ искать себѣ мѣста по всей губерніи, но обязанъ былъ три года оставаться въ приходѣ, къ которому былъ приписанъ. Такъ было по закону, на практикѣ же крестьяне испытывали и другія стѣсненія личныхъ правъ. Такъ, наприм., въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ совершеніе браковъ между ними допускалось не иначе, какъ съ письменнаго разрѣшенія вотчинной конторы. Это условіе соблюдалось даже въ шестидесятыхъ годахъ. Кромѣ того, свобода брака стѣснялась еще въ другомъ отношеніи. «Если у хозяина была дочь, — говоритъ Страумитъ,—то ему ни за что бы не позволили взять въ помощники сына работника или бобыля: онъ долженъ былъ непремѣнно выбрать его изъ числа сыновей волостныхъ начальниковъ, форшиндеровъ или хозяевъ первостатейныхъ. Это отъ того, что помощникъ предназначался въ преемники избравшему его хозяи-

ну, по смерти послѣдняго, или при жизни его, когда онъ по дряхлости сдѣлается неспособнымъ; при этомъ, принимая хозяйство, помощникъ получалъ и хозяйку, т. е. онъ долженъ былъ непремѣнно жениться на дочери своего патрона-хозяина, а сдѣлаться мужемъ хозяйской дочери — объ этомъ сынъ бобыля или работника не посмѣлъ бы и подумать. Это было бы противно заведенному нѣмцами порядку, несовмѣстно съ ихъ понятіями о благоустройствѣ, оскорбительно, почти безнравственно, какъ совокупленіе паршиваго волка съ овцою, какъ смѣшеніе дня съ ночью, свѣта съ тьмою (сами нѣмцы взяли на себя трудъ намъ это разъяснить); да и пасторъ не повѣнчалъ бы такого брака. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, огласить: работника и хозяйскую дочь? Не даромъ въ народѣ поется пѣсня: «Кто ворону меда дастъ? Кто работнику хозяйскую дочь? Клюй вороненокъ болотный мохъ, бери работникъ дочь работницы!»

Администрація и судъ относительно крестьянъ были предоставлены: 1) общественнымъ или мірскимъ сходамъ, 2) старшинамъ, 3) общественному или мірскому суду, 4) вотчинному управленію, 5) приходскому суду, 6) уѣздному суду, 7) отдѣленію гофгерихта по крестьянскимъ дѣламъ и 8) генералъ-губернатору.

Мірскіе сходы играли самую жалкую роль. Они собирались не иначе, какъ по распоряженію вотчиннаго правленія, для выслушиванія его предложеній, или съ его разрѣшенія. Созвавшій мірскую сходку безъ разрѣшенія вотчинной конторы подвергался отвѣтственности какъ нарушитель общественнаго порядка. Мірскіе приговоры входили въ силу не прежде, какъ по утвержденіи ихъ вотчиннымъ правленіемъ, которое въ случаѣ несогласія съ приговоромъ могло требовать вторичнаго обсужденія дѣла на сходѣ, могло и просто отмѣнить приговоръ. Въ послѣднемъ случаѣ обществу предоставлялось право жаловаться въ приходскій судъ. Чтобы не тратить попапрасну времени, мірскіе приговоры составлялись въ вотчинной конторѣ и диктовались предсѣдателю схода. Мірскому обществу предоставлено было въ крайнихъ случаяхъ (которыхъ законъ не опредѣлялъ) обращаться съ жалобами къ главному начальнику края чрезъ двухъ депутатовъ, избранныхъ непремѣнно изъ числа старшинъ и членовъ мірского суда, т. е. изъ должностныхъ лицъ, которыхъ, по закону, утверждалъ, а на практикѣ—назначалъ помѣщикъ. Но о намѣреніи своемъ жаловаться крестьяне должны были увѣдомить вотчинное правленіе, хотя бы жалоба подавалась на него, и получить отъ него

письменное разрѣшеніе; въ случаѣ отказа можно было обратиться съ жалобою въ приходскій судъ. Отъ выборныхъ, которые вздумали бы явиться безъ разрѣшенія, запрещено было принимать жалобы.

Мірской судъ состоялъ изъ предсѣдателя и двухъ засѣдателей, избираемыхъ слѣдующимъ порядкомъ. На каждую должность общество представляло трехъ кандидатовъ на утвержденіе вотчиннаго правленія, которое имѣло право отвергнуть всѣхъ трехъ; тогда назначались вторичные выборы, и общество представляло новыхъ кандидатовъ въ томъ же числѣ. Такимъ образомъ вотчинная контора могла браковать до пяти человѣкъ избранныхъ обществомъ на каждую должность; но такъ какъ подобная процедура сопряжена была съ значительною тратой времени и не въ каждомъ обществѣ было столько людей, внушающихъ довѣріе, то обыкновенно предсѣдатель схода забѣгалъ въ вотчинную контору за приказомъ, и сходъ выбиралъ тѣхъ крестьянъ, которыхъ угодно было помѣщику или прикащику его. Отрѣшеніе отъ должности старшинъ предоставлено было приходскому суду, равно какъ и временное устраненіе отъ должности мірскихъ судей, а окончательное ихъ отрѣшеніе зависѣло отъ уѣзднаго суда. Мірской судъ составлялъ низшую инстанцію судебно-полицейскую и, въ то же время, заправлялъ общественнымъ хозяйствомъ. Засѣдателямъ мірского суда единолично ввѣренъ былъ полицейскій надзоръ въ границахъ общества. Какъ судебная инстанція, мірской судъ разбиралъ споры и тяжбы крестьянъ между собою, жалобы помѣщика на крестьянъ, требованія его объ удаленіи хозяевъ изъ усадьбъ и объ уничтоженіи заключенныхъ съ ними контрактовъ, чинилъ по этимъ требованіямъ исполненіе и управлялъ опеками; какъ полицейская инстанція, онъ охранялъ и возстановлялъ порядокъ и безопасность, производилъ дознанія о всякомъ нарушеніи благочинія, задерживалъ безпаспортныхъ и бѣглыхъ; какъ учрежденіе хозяйственное, онъ содержалъ въ исправности дороги, охранялъ межи, призрѣвалъ бѣдныхъ, велъ списки народонаселенія, распоряжался сборомъ податей, назначеніемъ и поставкою рекрутовъ, исполненіемъ всякаго рода повинностей—общественныхъ, церковныхъ и публичныхъ, завѣдывалъ мірскою суммою, хлѣбнымъ магазиномъ и т. д. Мірской судъ рѣшалъ окончательно гражданскія дѣла цѣнностью до 5 р. и присуждалъ наказанія: палками до 30 ударовъ (мужчинамъ), розгами до 20 ударовъ (женщинамъ), нарядомъ на работу до трехъ дней, аре-

томъ до трехъ сутокъ, денежнымъ штрафомъ взамѣнъ тѣлеснаго наказанія, причемъ каждый ударъ зачитывался въ 2 к. асс. По дѣламъ полицейскимъ мірской судъ доносилъ вотчинному управленію о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ, сдавалъ ему на руки арестантовъ, дѣйствовалъ по его указаніямъ и приводилъ въ исполненіе его требованія, даже когда находилъ ихъ незаконными. Засѣданія мірского суда происходили, по закону, на господскомъ дворѣ, и судъ обязанъ былъ собираться по всякому требованію вотчиннаго правленія.

Въ сущности все управленіе сосредоточивалось въ рукахъ помѣщика или вотчиннаго управленія. Оно заправляло всѣмъ, посредственно или непосредственно. Оно диктовало мірскому суду его приговоры, замѣщало по своему желанію общественныя должности, останавливало судебныя рѣшенія мірского суда и употребляло его для своихъ надобностей, какъ покорное орудіе. Далѣе, вотчинное правленіе, въ качествѣ посредника между уѣздными и губернскими инстанціями съ одной стороны и сходами, старшинами, мірскимъ судомъ съ другой, совершенно разобщало крестьянъ съ общими и спеціально для нихъ созданными учрежденіями. Въ извѣстномъ смыслѣ, оно перехватывало,—разумѣется, въ силу предоставленнаго ему права,—всю происходившую между ними переписку, принимало для передачи крестьянамъ бумаги, поступавшія сверху, какъ-то: приказы, объявленія и публикаціи; оно же, во многихъ случаяхъ, повѣряло исполнительныя донесенія, шедшія снизу, и употребляло, для своего такъ-называемаго посредничества, одного изъ членовъ мірского суда, какъ разсыльнаго, который обязанъ былъ постоянно дежурить въ вотчинной конторѣ. Сверхъ того, вотчинное правленіе пользовалось очень широкой полицейскою властью, ему непосредственно предоставленною. Сюда входило: охраненіе тишины, спокойствія и порядка въ имѣніи; въ этомъ отношеніи полиція общественная подчинялась надзору вотчинной и прибѣгала къ послѣдней, когда нужно было принять какія-либо особенныя мѣры для исполненія распоряженій мірского суда. Вотчинное правленіе имѣло широкое право арестовывать крестьянъ и отсылать ихъ къ суду. Оно давало крестьянамъ какъ на временныя отлучки, такъ и на выходъ изъ общества паспорты за своею печатью; оно понуждало мірской судъ къ строгому наблюденію, чтобы никто изъ членовъ мѣстнаго общества не выходилъ безъ такого паспорта даже изъ границъ своего прихода; крестьянина, нару-

шившаго это правило или просрочившаго выданный ему паспортъ, вотчинное правленіе могло огласить въ церкви бродягою и требовать его выдачи. Для поддержанія должнаго къ вотчинному правленію уваженія и благопристойности (такъ гласилъ законъ), ему предоставлено было право домашняго наказанія двухсуточнымъ арестомъ на хлѣбѣ и на водѣ, палками до 15 ударовъ по одеждѣ (мужчинамъ) и розгами въ такомъ же числѣ ударовъ (женщинамъ) въ слѣдующихъ случаяхъ: когда дворовый или работавшій на помѣщика крестьянинъ нарушалъ спокойствіе господскаго дома или причинялъ помѣщику какой-нибудь ущербъ; когда оказывалъ помѣщику грубость, ослушаніе или неуваженіе; когда, находясь на господской работѣ, впадалъ въ какую-либо вину. Самыя наказанія производились съ особенно внушительной обстановкой. «Посмотрите,—говоритъ Страумитъ,—стоитъ огромная великолѣпная кирка и противъ парадныхъ дверей или алтаря—позорный столбъ! Высокій, черный, съ двумя поставленными крестъ на крестъ пучками розогъ на кругловатой, головообразной верхушкѣ; большія кольца, цѣпи и двѣ дыры... Памятенъ и мнѣ этотъ столбъ, особенно по одной сценѣ, которой я былъ свидѣтелемъ и въ-вѣкъ не забуду. На мызѣ Р. былъ крестьянинъ Янъ Кальнинъ. Въ 1841 году онъ захотѣлъ перейти въ православіе, но за это хотѣніе (въ то время оно называлось бунтомъ) ему выбрили голову и отправили въ Беверсгофъ. Тамъ его три раза прогоняли сквозь строй, но на поселеніе не сослали. Въ 1845 году онъ однако поставилъ на своемъ, то-есть присоединился къ православной церкви, и сказалъ другимъ, что теперь можно всѣмъ присоединяться, что теперь приказано священникамъ присоединять всѣхъ, и въ доказательство показалъ свой крестъ. За это (и за то, что къ этому прибавили нѣмцы) его посадили въ тюрьму въ Ригѣ. Потомъ разнеслась вѣсть, что въ такой-то день и въ такомъ-то мѣстѣ Яна Кальнина будутъ наказывать у позорнаго столба. Его привели, въ дырявомъ полушубкѣ, скованнымъ по рукамъ и по ногамъ, подъ сильнымъ конвоемъ, за недѣлю до экзекуціи. Всѣ могли ходить смотрѣть на него, но строго запрещено было подавать ему милостыню деньгами или съѣстнымъ. Семь дней держали несчастнаго подъ стражей въ кирочной корчмѣ, стоящей на Московской столбовой дорогѣ. Къ воскресному дню, назначенному для исполненія приговора, сошлось и съѣхалось множество народу, даже изъ дальнихъ концовъ Лифляндіи и Курляндіи; кирка, корчма,

даже площадь у кирки были полны. День былъ холодный, морозный и ясный (въ исходѣ 1845-го или въ началѣ 1846 г.). Пасторовъ также съѣхалось много и произнесено было нѣсколько проповѣдей. Когда отошла служба и начали вызванивать, въ толпѣ пробѣжалъ шепотъ: ведутъ, ведутъ! Дѣйствительно подвели Кальнина къ столбу; какой-то господинъ прочиталъ приговоръ, котораго никто не разслышалъ и не понялъ, — слышали только, что за что-то Кальнинъ получитъ сейчасъ 90 ударовъ и на 7 лѣтъ сошлется. Изъ Риги приведенъ былъ палачъ; на немъ была красная рубашка; это былъ рослый и плотный мужчина съ звѣрскимъ лицомъ. Латыши ломали передъ нимъ шапки, бабы цѣловали у него руку. Можжевеловыя палки тоже были привезены изъ Риги. По прочтеніи приговора, осужденнаго раздѣли; въ однихъ штанахъ подвели къ столбу, на обѣ руки надѣли петли и подтянули... Описывать того, что было дальше, я не стану; мы всѣ плакали и не могли смотрѣть, а бывшіе при этомъ господа смотрѣли. Послѣ наказанія несчастнаго опять увели въ Ригу, оттуда погнали въ ссылку и черезъ 7 лѣтъ вернули назадъ въ ту же мызу, гдѣ онъ умеръ въ 1865 г.; жена его осталась въ рижской тюрьмѣ и тамъ умерла». Къ праву присуждать тѣлесныя наказанія, которымъ вотчинное управленіе вооружено было по закону, «похвальный обычай»,—eine löbliche Gewohnheit, какъ выражаются въ Прибалтійскомъ краѣ,— прибавлялъ денежное взысканіе съ наказаннаго за палки или розги. Выдержавъ положенное число ударовъ, высѣченный вставалъ, вынималъ кошель и тутъ же расплачивался.

Жалобы на вотчинное управленіе допускались только въ случаѣ превышенія власти и подавались въ приходскій судъ, который производилъ дознаніе и старался покончить дѣло примиреніемъ; когда же это не удавалось, онъ не полагалъ никакого рѣшенія, а препровождалъ все дѣло въ уѣздный судъ. Въ случаѣ доказанныхъ злоупотребленій, вотчинное правленіе могло быть лишено своей полицейской власти только на время и не иначе, какъ по рѣшенію высшей инстанціи, лифляндскаго гофгерита. Повѣренный помѣщика, пользовавшійся этою властью по передачѣ отъ него, могъ, такимъ же судебнымъ приговоромъ, быть лишенъ полицейскаго права невсегда, но помѣщикъ и въ этомъ случаѣ не терялъ вовсе этого права и могъ передать его другому лицу вмѣсто устраненнаго. Назначеніе рекрутовъ предоставлено было не сходу, а мірскому суду, который находился

совершенно въ рукахъ вотчиннаго правленія, да и по закону назначеніе, сдѣланное судомъ, поступало на утвержденіе того же правленія. Сверхъ всего этого оно пользовалось правомъ увольнять отъ рекрутства, по собственному своему выбору, нѣкоторое число годныхъ въ военную службу людей изъ дворовыхъ и крестьянъ. При широкомъ правѣ вмѣшательства во всѣ общественныя дѣла, вотчинное правленіе не несло никакой отвѣтственности за успѣшный ихъ ходъ. Такъ, наприм., распоряженія начальства, подлежавшія обнародованію въ обществѣ, непремѣнно передавались мірскому суду черезъ вотчинное правленіе; но за необнародованіе ихъ оно не отвѣчало. Одинъ изъ ключей хлѣбнаго магазина и одинъ изъ ключей мірской кассы хранились въ вотчинномъ управленіи; оно же разрѣшало ссуды, ревизовало, когда хотѣло, счеты и наличность, но за цѣлость хлѣба и денегъ также не отвѣчало.

За мірскимъ судомъ слѣдовали приходскій и уѣздный. Крестьяне имѣли представителей въ приходскомъ судѣ въ лицѣ трехъ засѣдателей, а въ уѣздномъ—въ лицѣ двухъ; всѣ они выбирались не обществами, а засѣдателями отъ крестьянъ въ низшихъ инстанціяхъ; трехъ засѣдателей приходскаго суда выбирали члены мірскихъ судовъ—лица, которыхъ по закону утверждалъ, а на практикѣ назначалъ помѣщикъ; двухъ засѣдателей уѣзднаго суда выбирали засѣдатели отъ крестьянъ приходскихъ судовъ. Затѣмъ весь личный составъ крестьянскихъ судебныхъ инстанцій, кромѣ мірского суда: въ приходскомъ судѣ предсѣдатель, въ уѣздномъ предсѣдатель и два засѣдателя, въ отдѣленіи гофгерихта предсѣдатель, резидующій ландратъ и ландраты, члены гофгерихта,—набирался изъ мѣстныхъ дворянъ, по выбору отъ дворянства, и во всѣхъ этихъ инстанціяхъ не было ни одного лица по назначенію отъ правительства. Канцеляріи также были въ рукахъ дворянства; секретарь приходскаго суда (онъ же и нотаріусъ) избирался и увольнялся предсѣдателемъ; половину своего жалованья онъ получалъ отъ дворянства, а другую отъ прихода. Должность эта имѣла особенную важность, такъ какъ съ нею сопряжено было свидѣтельствованіе и занесеніе въ книгу всѣхъ условій о сдачѣ помѣщиками крестьянскихъ усадьбъ. Секретарь уѣзднаго суда выбирался изъ мѣстныхъ дворянъ, изучившихъ право непремѣнно въ Дерптскомъ университетѣ; секретарь отдѣленія гофгерихта выбирался изъ того же разряда лицъ на дворянскомъ собраніи.

Независимо отъ всѣхъ этихъ заставъ и преградъ, крестьянину запрещено было дѣйствовать черезъ повѣренныхъ и подавать письменныя просьбы. Онъ долженъ былъ самъ ѣхать въ судъ, но не иначе, какъ съ дозволенія вотчиннаго управленія. При этомъ ни одно изъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ не подлежало прокурорскому надзору. По дѣламъ уголовнымъ крестьяне были подсудны общимъ судамъ, но и тутъ они были поставлены въ исключительное положеніе, къ явной ихъ невыгодѣ. Вся переписка производилась на языкѣ нѣмецкомъ, котораго, за очень рѣдкими исключеніями, крестьяне не понимали. Даже показанія обвиненныхъ, обвинителей и свидѣтелей записывались, при производствѣ слѣдствія, только въ нѣмецкомъ переводѣ слѣдователя. При прочтеніи опроса, онъ опять, но только на словахъ, переводилъ записанное съ нѣмецкаго на латышскій или эстскій, а затѣмъ подавалъ опрошеннымъ къ подписанію актъ, написанный по-нѣмецки. Они свидѣтельствовали своею подписью или крестами подлинность записаннаго, въ которомъ часто не понимали ни единаго слова. Въ сороковыхъ годахъ пріѣзжавшій изъ Петербурга на ревизію чиновникъ Л. зашелъ въ рижскій острогъ. Тамъ одинъ изъ арестантовъ, какой-то русскій, повалился ему въ ноги, упрашивая его, со слезами и воплемъ, выручить его оттуда, по крайней мѣрѣ объяснить ему, за что онъ содержится. — «Какъ за что? Да развѣ ты не знаешь?» — «Не знаю» — и вторичный поклонъ въ ноги. Л. обратился къ сопровождавшему его прокурору съ просьбою разъяснить ему дѣло. Оказалось, что арестантъ, собственными своими показаніями, отобранными у него при формальномъ слѣдствіи, уличался въ разныхъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ. Выслушавъ объясненіе, Л. естественно предположилъ со стороны арестанта притворное невѣдѣніе и, намѣреваясь уличить его, вытребовалъ подлинное дѣло. — «Покажите мнѣ допросъ!» — Прокуроръ развернулъ дѣло на бумагѣ, писанной по-нѣмецки, и прочелъ изъ нея нѣсколько строкъ. Л. обратился къ арестанту съ вопросомъ: — «Ты понимаешь?» — «Нѣтъ, родной, ничего не понимаю, — я вѣдь по-нѣмецки не смыслю». — «Зачѣмъ же вы читаете ему нѣмецкій переводъ? Дайте же подлинный допросъ!» — Прокуроръ улыбнулся и отвѣчалъ: — «Да это и есть подлинный». — «Какъ подлинный?! Вы называете подлиннымъ показаніе, записанное не на томъ языкѣ, на которомъ оно отобрано?» — «Да вѣдь вамъ конечно не безъизвѣстно, что къ числу мѣстныхъ привилегій, которыми мы

наиболѣе дорожимъ, принадлежитъ и право производить всѣ дѣла на нашемъ родномъ нѣмецкомъ языкѣ». — «Такъ на этомъ основаніи у васъ записываются по-нѣмецки и всѣ допросы?» — «Всѣ». — «Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда опрашиваемый по-нѣмецки не смыслитъ?» — «Даже и въ такихъ случаяхъ». — Это продолжается и до сихъ поръ.

Вслѣдствіе изложенныхъ обстоятельствъ, положеніе прибалтійскихъ крестьянъ послѣ реформы 1819 г. значительно ухудшилось, о чемъ имѣются даже оффиціальныя признанія. Такъ въ 1841 г. балтійскій генералъ-губернаторъ Паленъ писалъ, что «жалобы крестьянъ на обремененіе ихъ работами происходили отъ существовавшихъ законовъ о контрактныхъ отношеніяхъ между помѣщиками, какъ отдатчиками, и крестьянами, какъ съемщиками земель, принадлежавшихъ первымъ, ибо помѣщикъ, при опредѣленіи условій найма, ничѣмъ не ограниченъ; крестьянинъ же, удерживаемый долгами и другими обязанностями, не всегда въ состояніи пользоваться принадлежащимъ ему правомъ оставлять мѣсто жительства и искать себѣ въ другихъ имѣніяхъ аренды на болѣе выгодныхъ условіяхъ». Въ 1845 г. товарищъ министра Сенявинъ по объѣздѣ Лифляндіи доносилъ, что, «несмотря на номинальную свободу, крестьяне находятся въ полной зависимости отъ дворянства и, сравнительно, состояніе ихъ сдѣлалось гораздо хуже, чѣмъ оно было въ 1804 году» (*Чтенія* 1865 г., кн. 4, стр. 189). «Въ хлѣбѣ,—говоритъ Страумитъ,— мука постепенно вытѣснялась мякиною. Стали питаться одною *путрою*, изъ негодной или ячменной муки или крупы, съ приправой зимою — ложки мерзкой, прогорькшей сыворотки, а лѣтомъ съ подливкою козьяго молока и тоже не безъ сыворотки. Привыкли люди къ кислой ѣдѣ. Да, впрочемъ, это была не ѣда, а питье, на вкусъ очень похожее на ту жижу, которую выливаетъ на дворъ русскій мужикъ, когда выполаскиваетъ квасную кадку. Такова была наша незабвенная путра, которая пріобрѣла такую громкую славу и намъ, латышамъ, пошла въ придачу къ фамиліи! А неугодно ли еще отвѣдать нашей насущной похлебки? Хоть одинъ пальчикъ обмокните въ эти выполоски и лизните языкомъ; не бойтесь, она же безъ соли. А, вамъ противно... А какъ же работники, отправляясь на барщину съ однимъ сухимъ хлѣбомъ, завидовали этому кушанью, которымъ лакомились сидѣвшіе дома? Правда впрочемъ и то, что послѣдніе завидовали хлѣбу работниковъ. Взгляните кстати и на хлѣбъ

нашъ. Право, это хлѣбъ, не обманъ! Конечно, на видъ и на вкусъ онъ походилъ не столько на хлѣбъ, сколько на торфяную кочку,—такъ и хрустѣлъ на зубахъ. Я ѣдалъ его, хотя и не досыта,—не давали, вотъ бѣда! Зимою все говорили: пусть остается хлѣбъ на сѣнокосную пору, а лѣтомъ была своя отговорка. А вѣдь нельзя сказать, чтобы въ Лифляндіи не было хлѣба. Хлѣба было достаточно, только, по милости владѣльцевъ, почти весь хлѣбъ шелъ не на пищу, а на питье. Хлѣба у насъ не было, а водкой—хоть пару поддавай. Водка въ то время и даже до недавнаго времени стоила въ Лифляндіи, на мызахъ, когда брали цѣлую бочку, 5 коп. сер. штофка, когда полбочки или четверть — 7½ коп. сер., а въ корчмахъ — 15 коп. сер. Водка гналась въ такомъ же количествѣ, какъ и прежде; хлѣба изводилось столько же; столько же откармливалось брагой быковъ и свиней; по той же цѣнѣ продавалась водка, столько же отправлялось ея въ Ригу, а былъ голодъ. Хлѣбъ стоилъ тогда почти два рубля серебромъ пудъ. Неужели изъ фунта ржаной муки можно выгнать штофъ въ 65 градусовъ? Отправка водки почти всегда выпадала (не знаю почему) тоже во время крестьянскихъ посѣвовъ, покосовъ или уборки хлѣба, а чаще всего весною, во время Пасхи и разлива рѣкъ, въ самое безхлѣбье, когда лошаденки смотрѣли пугалами. На все это господа, арендаторы, управляющіе не смотрѣли. Имъ что за дѣло, что у мужика нѣтъ хлѣба, а у лошадей уши въ горизонтальномъ положеніи? Они радѣли объ общей пользѣ и удовольствіи, ставили жирное и дешевое мясо и дешевую водку. Извѣстно, что городъ Рига ведетъ огромную торговлю. Кораблей ежегодно приходитъ около 2.000, струговъ до 1.000, а плотамъ и лодкамъ счету нѣтъ. Сколько тутъ народу! Всѣ, разумѣется, разсчитывали на нашу дешевку. Всѣ спѣшили, всѣ торопились, перебивали другъ другу дорогу. Лифляндское, курляндское и эстляндское дворянство—въ каретахъ, за ними—стада жирныхъ быковъ, за быками—тучныя свиньи, за свиньями—возы съ кормомъ, постилкой, метлами для барскихъ лошадей и быковъ, а позади всѣхъ, по всѣмъ дорогамъ, спѣшитъ латышъ, литвинъ, курляндецъ, эстъ—тоже туда, куда и всѣ, на своей клячонкѣ, безъ хлѣба, а съ красной бочкой, въ скрыпучей телѣгѣ, мѣситъ грязь и глину, снѣгъ и песокъ. Мохнатая лошаденка работаетъ всѣмъ своимъ существомъ: ногами, грудью, машетъ головой то въ одну, то въ другую сторону, тычетъ мордой въ землю, ка-

рабкается, ползетъ впереди барской бочки, и, кажется, чѣмъ-то занята очень интереснымъ... Представьте же себѣ, какія чувства могъ питать латышъ къ дворянству, которое лишало его хлѣба и опаивало водкой... Я помню, какъ мой отецъ все чаще и чаще плакалъ. Сидѣлъ онъ задумчивый и грустный; часто бормоталъ про себя: «Нѣтъ болѣе житья,—что дѣлать? Ничего не придумаешь! Работаешь день и ночь, лѣто и зиму, а спроси: изъ-за чего?—изъ-за дурной мякины, какъ блудный сынъ! Иное дѣло, еслибы Господь наказывалъ неурожаями, градомъ, мокротой или засухой; но этого нельзя сказать, даже и подумать грѣшно! А все-таки долженъ умирать съ голоду. Живешь—хуже скота! Коптишься какъ окорокъ въ овиннѣ; бьютъ тебя какъ собаку, безъ суда и расправы, да еще смѣются и говорятъ: пди жаловаться! Конечно, попробуй,—еще получишь... Ну, просто, хоть живой ложись въ гробъ!»

При такой нищетѣ у народа почти не было школъ, не было и надлежащаго религіознаго утѣшенія. И до сихъ поръ пасторъ, выбираемый исключительно помѣщиками и получающій до 3.000 руб. въ годъ, совершенно чуждъ народу, который называетъ его «церковнымъ баріномъ». Школьный учитель зависитъ отъ помѣщика и пастора. «Домашняя жизнь и служебная дѣятельность пасторовъ,—говоритъ Страумитъ,—была исключительно посвящена интересамъ земнымъ. Они были ни болѣе, ни менѣе какъ трубою дворянства. На каѳедрѣ—мѣдь звенящая, да еще дурно звенящая, и все на одинъ ладъ, да еще не въ тонъ. Задачи ихъ жизни—какъ бы только сократить расходы и увеличить доходы; всѣ помыслы и усилія къ тому были устремлены, какъ бы накопить побольше, какими бы то ни было средствами, и оставить по себѣ столько, чтобы сынъ могъ купить себѣ мызу. Поэтому семейные пасторы оставались неотлучно у себя дома, даже въ воскресные и праздничные дни. Дни эти они сократили такъ, что едва-едва удержались воскресные и самые большіе праздники, которыхъ они не могли уничтожить. Все время они проводили въ смотрѣніи за ходомъ хозяйственныхъ работъ, и тоже не безъ тросточки; чинили судъ и расправу вездѣ и всякимъ манеромъ: и тросточкой и ладонью, и щелчками и щипками,—разумѣется, чисто по-отечески. Своимъ духовнымъ дѣломъ пасторы занимались всего меньше. Отъ кирки и службы уклонялись, а латыша буквально ненавидѣли. Почти всѣ обязанности они сдавали своимъ помощникамъ, такъ-называе-

мымъ формпндерамъ, которыхъ наставили множество во всѣхъ деревняхъ. Эти формпндеры за нихъ крестили, принимали женщинъ съ сороковою молитвою, хоронили, совершали всякаго рода требы, кромѣ, однако, браковъ, и все это безвозмездно. Навѣщать больныхъ, ѣздить къ нимъ и напутствовать ихъ св. таинствомъ—это и теперь дѣлается рѣдко, а въ тѣ времена пасторы даже какъ будто и не знали, что это ихъ непремѣнная обязанность. Они считали и считаютъ, что попеченіе о больныхъ—исключительное дѣло доктора, а докторъ былъ того мнѣнія, что это по части пастора. Пока они между собой спорили и собирались размежеваться обязанностями, много поколѣній, много латышей и латышекъ умерло, не встрѣтивъ помощи ни отъ того, ни отъ другого. Ни тотъ, ни другой въ хату латыша не заглядывалъ. По части медицины обходились и должны были обходиться домашнимъ образомъ, требы исполняли формпндеры,—слѣдовательно, къ пастору незачѣмъ было и ходить. Доктора съ аптекой замѣнялъ проныра-жидъ. У него были всѣ лѣкарства: перецъ и лавровыя ягоды противъ поноса, имбирь противъ зубной боли и т. д.,—слѣдовательно, и къ доктору не зачѣмъ было ходить, да и не ходили; только разъ мать принесла къ нему ребенка оспу прививать. У насъ господствовали двѣ болѣзни: поносъ—отъ слишкомъ дурной и однообразной пищи и горловая—отъ слишкомъ дурныхъ помѣщеній. Помѣщики, пасторы и доктора единодушно признали перцовку и настойку на лавровыхъ ягодахъ за единственное средство противъ поноса, поэтому и не давали ровно ничего отъ этой болѣзни, и мы должны были обращаться въ этихъ случаяхъ къ корчмарю и жиду. Противъ второй болѣзни помѣщикъ отпускалъ намъ щедрою рукой изъ своего амбара, безъ счету и мѣры, хоть цѣлый возъ, *крысинаго помета*. Его нужно было мѣшать съ медомъ и ѣсть; но только меду не давали, а помета сколько угодно, хоть весь амбаръ вымети». Поборы пасторовъ за требы были разорительны, но и независимо отъ этихъ поборовъ пасторы не упускали случая поживиться около крестьянина. Вотъ что, наприм., тотъ же Страумпъ разсказываетъ о конфирмаціи: «Для пасторовъ конфирмаціи были очень выгодны. Какихъ-нибудь 200 или 300 молодыхъ людей, согнанныхъ вмѣстѣ, работали въ его пользу и на его удовольствіе, чистили дворъ, дорожки въ саду, возили навозъ; за недостаткомъ вилъ, руками собирали помета и валили въ телѣгу; дѣвушки стирали бѣлье, щипали перья и т. п. Ве-

черомъ приходилъ пасторъ и спрашивалъ по-одиночкѣ каждаго и каждую: «какая у тебя вѣра?» Но это продолжалось не долго,—ему становилось скучно и онъ уходилъ, сказавъ намъ на прощанье жалобнымъ голосомъ: «Милыя дѣти! я больше не могу говорить,—у меня болитъ голова». Правда, иногда, для разнообразія, онъ приносилъ магнитъ и показывалъ, какъ бѣгаетъ за нимъ стальная иголка. На конфирмацію собирали парней отъ 18 до 25 и дѣвушекъ отъ 16 до 20 лѣтъ. Ночевать ходили всѣ вмѣстѣ въ корчму и спали въ одной залѣ. Шумъ, крикъ, щипаніе, визгъ, смѣхъ, плачъ, ругательства, брань и драки! Чистѣйшій Садомъ и Гоморра! Парни выбирали невѣстъ; дѣвушки высматривали жениховъ. Тутъ ревновали, сплетничали, ссорились, плакали, смѣялись, торжествовали, выкидывали разныя шутки,—разумѣется, самаго неприличнаго свойства. Много было между наличными и такихъ, которые уже успѣли вкусить запрещеннаго плода, и всѣмъ хотѣлось вкусить его поскорѣе. Парни сильно дрались изъ-за невѣсть, дѣвушки злобно ругались изъ-за женихов. Приходили и изъ сосѣднихъ деревень парни, бывшіе уже на конфирмаціи».

Естественно, что отъ подобныхъ пасторовъ народъ толпами валилъ въ гернгутерство, пустившее въ краѣ свои корни еще въ XVIII вѣкѣ и чрезвычайно усплившееся въ 30-хъ годахъ. «Усердіе и ревность членовъ братства,—говоритъ Страумитъ,—въ посѣщеніи молитвенныхъ собраній были невѣроятны. Иному доводилось проходить туда за 90 верстъ. Пришлаго изъ дальней стороны принималъ радушный хозяинъ, угошалъ даровою трапезою, плотскою и духовною, на ночь постилалъ ему солому и покрывало. Съ богомольцами вели бесѣды долгія, распрашивали обо всемъ, радовались и горевали, обнадеживали, поддерживали добрыя стремленія, давали совѣты и укрѣпляли противъ гонителей и поносителей ихъ собраній и обществъ. При этомъ часто повторяли: «Мы глупы, необразованы, темны, мы не въ состояніи поучать словомъ, но взамѣнъ Господь далъ намъ другой даръ—это наша жизнь, наши дѣла; ими мы должны учить и вразумлять другихъ, а отъ дѣланія добра никто не можетъ отказаться неумѣніемъ или незнаніемъ. Дѣла въ нашей власти, и ими мы докажемъ молча, безъ словъ, святость нашей цѣли и нашихъ собраній».

Скоро подъ вліяніемъ пасторовъ гернгутеры подверглись гоненію: ихъ молитвенные дома закрывались, проповѣдники пре-

слѣдовались, протестантамъ запрещалось вступать въ ихъ общины. Въ то же время, послѣ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ неурожаевъ, въ Лифляндіи въ 1841 году насталъ страшный голодъ. Общественные магазины были пусты, народъ доходилъ до отчаянія. Одинъ русскій чиновникъ, вскорѣ послѣ 1841 года командированный въ Лифляндію, пишетъ слѣдующее: «Мы не забудемъ разсказа одного молодого медика, который возвратилъ къ жизни умирающаго юношу. Родители, вмѣсто благодарности, осыпали врача горькими упреками, говоря, что лучше бы было сыну ихъ умереть сразу, чѣмъ остаться въ живыхъ, чтобы потомъ опять медленно умирать отъ голода». Въ народѣ пошелъ миѳъ о возможности переселенія въ какую-то теплую *эйскую* землю, и тысячи крестьянъ бросились въ Ригу. Они метались здѣсь во всѣ стороны, вздыхали во всѣхъ переднихъ, избили всѣ пороги и перебывали рѣшительно у всѣхъ: у губернатора, у генералъ-губернатора, у жандармскаго штабъ-офицера и у разныхъ военныхъ начальниковъ. Ихъ усмиряли, наказывали за незаконную отлучку и старались выпроводить по домамъ, предварительно обривъ имъ половину головы. Одна изъ крестьянскихъ партій забрела къ русскому епископу Иринарху, который, выслушавъ крестьянъ, объяснилъ имъ, что предметъ ихъ просьбы до него нисколько не касается и что онъ поставленъ не для перевода изъ одной губерніи въ другую, а для присоединенія желающихъ къ той церкви, которой онъ служитъ. Въ заключеніе онъ присовѣтовалъ имъ идти домой, слушаться помѣщиковъ, далъ имъ хлѣба и нѣсколько денегъ. Вѣсть о такомъ пріемѣ у Иринарха быстро разнеслась въ народѣ и вскорѣ цѣлая толпа крестьянъ появилась у архіерейскихъ дверей; но онъ естественно не могъ удовлетворить ея ожиданіямъ и постоянно повторялъ искавшимъ у него помощи, что исключительно его призваніе — служить церкви. Слова епископа произвели на крестьянъ впечатлѣніе. Черезъ нѣсколько времени они стали подавать ему письменныя прошенія, въ которыхъ «жалобы на помѣщиковъ и ходатайства о перечисленіи все-таки *составляли главный предметъ* (подлинныя слова Иринарха), но выражалось также и желаніе присоединиться къ церкви—*какъ предметъ придаточный*». Такого рода просьбъ съ 9 іюля по 2 августа Иринархъ принялъ до 30 отъ нѣсколькихъ тысячъ душъ и, по мѣрѣ поступленія, препровождалъ ихъ къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода. Такъ какъ архіерей говорилъ всѣмъ, что переселеніе—вовсе не его дѣло, то

крестьяне скоро начали просить только о присоединеніи къ православію, въ надеждѣ, что когда они будутъ «одной вѣры» съ Государемъ, то получатъ землю.

Помѣщики и пасторы забили тревогу; всюду слышалось страшное и вмѣстѣ столь выгодное въ извѣстныхъ случаяхъ для крѣпостниковъ слово *бунтъ* и предсѣдатель слѣдственной коммиссіи, Гагенмейстеръ, писалъ: «Злой духъ упорства распространился по всей странѣ, и дѣла дошли до того, что миролюбно устроить ихъ невозможно; съ тѣмъ вмѣстѣ глухое смятеніе уже обнаруживается угрозами явнаго возмущенія, кровопролитія и опустошенія». За домами епископа и священниковъ учрежденъ надзоръ; всѣхъ крестьянъ, пробиравшихся къ нимъ, равно и возвращавшихся, немедленно хватали, какъ въ городѣ, такъ и въ цитадели, и отводили къ допросу въ губернское правленіе; крестьянъ приходившихъ изъ уѣздовъ задерживали у городскихъ воротъ; посылались даже за городъ полицейскіе съ военными командами, которымъ вмѣнялось въ обязанность останавливать «подозрительнымъ образомъ проходившихъ крестьянъ», обращать ихъ назадъ, буде окажется, что они шли въ городъ для ходатайства о переселеніи, а «упрямыхъ немедленно наказывать на мѣстѣ». Наконецъ епископъ былъ удаленъ изъ края и противъ крестьянъ двинули войска.

Бунта никакого не было и министерскій чиновникъ, командированный въ Лифляндію лѣтомъ 1841 г., писалъ: «Все упованіе свое возлагаютъ крестьяне на защиту правительства и Государя, которому, какъ они сами говорятъ, готовы отдать жизнь свою и послѣднее достояніе свое. Вотъ причина, почему они теперь чрезвычайно покойны. Этому я былъ личный свидѣтель во время послѣдней ярмарки въ Дерптѣ. Стеченіе народа превышало всѣ прочіе годы, какъ говорили мнѣ здѣшніе жители, а безпорядковъ и непослушанія не было. Спокойствіе ихъ доказывается и тѣмъ еще, что хлѣбъ господскій стоитъ въ полѣ, въ скирдахъ, нигдѣмъ не охраняемый, и никто ни одного зерна не тронулъ». Вообще, до начала сентября, несмотря на то, что во всей почти Лифляндіи производились мелкія экзекуціи, былъ только одинъ случай буйства со стороны крестьянъ, именно въ Венденскомъ уѣздѣ, въ помѣстьѣ Вессельгофъ, гдѣ, по донесенію, полученному генералъ-губернаторомъ, «толпа крестьянъ, вооруженная дубинами, жердями и кочергами, воспрепятствовала мѣстной полиціи (т. е. вотчинной конторѣ) наказать нѣсколько за-

чинщиковъ неповиновенія, несмотря на козачью команду изъ 20 человѣкъ». Но народъ былъ голоденъ, жаловался на помѣщиковъ, бредилъ о землѣ, упорно шелъ въ православіе, полиція и помѣщики искали и захватывали «зачинщиковъ», и крестьяне, наконецъ, начали показывать зубы. Вотъ нѣсколько случаевъ, по донесеніямъ мѣстныхъ властей:

«Дерптскаго уѣзда, въ приходѣ Оденпе, въ помѣстьѣ Гейлигензе, крестьяне, будто бы ссылаясь на наставленіе православнаго духовенства, вознамѣрились переселиться въ другія губерніи. Ордпунгсрихтеръ, получивъ 1 сентября просьбу приходскаго судьи задержать зачинщиковъ, прибылъ туда съ ротою шлиссельбургскаго полка. Крестьяне ушли въ лѣсъ, гдѣ ордпунгсрихтеръ встрѣтилъ толпу, вооруженную дубинами, которая спрашивала его, по какому праву онъ обыскиваетъ ихъ границы съ войскомъ, когда они ни въ чемъ не виноваты, а желаютъ только исполнить волю Государя и переселиться въ другія губерніи? Ордпунгсрихтеръ, не желая подвергать солдатъ опасности, ибо онъ не зналъ, сколько въ лѣсу крестьянъ, уговорилъ толпу возвратиться на мызу, обѣщая тамъ выслушать крестьянъ; когда же толпа вышла изъ лѣсу, онъ встрѣтилъ ее съ цѣлою ротою». Рапортъ оканчивается увѣдомленіемъ, что, выйдя на чистое мѣсто и увидавъ передъ собою солдатъ, «крестьяне бросили дубины и разбѣжались, причемъ были захвачены одинъ изъ водителей, отставной лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка солдатъ, и еще восемь человѣкъ».

Второй случай. Верроскаго уѣзда, въ помѣстьѣ Нейгаузенъ, задержанъ былъ крестьянинъ, извѣстный возмутитель, и толпа крестьянъ съ кольями преслѣдовала двѣ версты конвой для освобожденія задержаннаго, но, какъ видно, даже не пыталась отбить его.

Третій случай и самый серьезный. «По опредѣленію губернскаго правленія, долженъ былъ быть задержанъ крестьянинъ Рижскаго уѣзда, помѣстья Нейбеверсгофъ, Вилліамъ Прейсъ, за подговоръ крестьянъ къ переселенію. Засѣдатель ордпунгсгерихта фонъ-Транзеге и коммиссаръ Гельманъ отправились для сего съ десятью солдатами гарнизоннаго баталіона, но, не заставъ Прейса дома, встрѣтили 10 сентября толпу вооруженныхъ кольями крестьянъ, которые повалили коммиссара, такъ что чиновники съ трудомъ пришли на мызу, которая на другой день была окружена крестьянами. Военная команда (10 человѣкъ солдатъ) вышла

безпрепятственно, но крестьяне разсыпались по дорогамъ, чтобы воспрепятствовать чиновникамъ удалиться, и засѣдателю съ трудомъ удалось пробраться въ Ригу».

Начались военносудные процессы. По рѣшеніямъ, утвержденнымъ генералъ-губернаторомъ, было приговорено *крестьянъ* къ наказанію: шпицрутенами—45 человѣкъ, къ наказанію розгами передъ фронтомъ—55 человѣкъ, дѣтскими розгами (по малолѣтству)—8 человѣкъ, итого—108 человѣкъ. Изъ нихъ, сверхъ тѣлеснаго наказанія, приговорены: къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе—9 человѣкъ, къ отдачѣ въ военную службу, а въ случаѣ негодности къ ссылкѣ въ Сибирь—5, къ отдачѣ въ военную службу, а въ случаѣ негодности въ арестантскія роты—4, къ заключенію въ исправительномъ рабочемъ домѣ и къ отдачѣ въ кантонисты—1; *отставныхъ нижнихъ чиновъ* приговорено: къ наказанію шпицрутенами сквозь строй черезъ 500 человѣкъ одинъ разъ—1, черезъ 500 человѣкъ два раза—1, черезъ 500 три раза и къ ссылкѣ въ Сибирь—1, къ содержанію въ рабочемъ домѣ на одинъ годъ—1, въ арестантскихъ ротахъ на тотъ же срокъ—1, итого отставныхъ и безсрочноотпускныхъ 5, а всѣхъ вообще 113 человѣкъ, наказанныхъ по приговорамъ смѣшанныхъ военныхъ судовъ, не считая всѣхъ тѣхъ, съ которыми расправились безъ суда, полицейскимъ порядкомъ.

Но движеніе продолжалось еще нѣсколько лѣтъ и въ 1845 году крестьяне снова цѣлыми толпами валили въ Дерптъ для присоединенія къ православію. Переходъ въ послѣднее былъ объявленъ свободнымъ; но, чтобы присоединиться, мужикъ долженъ былъ получить билетъ отъ вотчинной конторы, которая сплошь и рядомъ наказывала поголовно всѣхъ желающихъ присоединиться и присоединившихся. «Вытребовали на мызу 20 человѣкъ присоединившихся,—разсказываетъ Страумитъ.—Управляющій спрашиваетъ: «Что для васъ лучше: здѣсь ли получить 40 палокъ, или въ приходскомъ судѣ 60?» Крестьяне спросили:—«Да въ чемъ же наша вина? Что мы сдѣлали?» Отвѣтъ:—«Я не знаю; но если вы не примете здѣсь 40 или въ приходскомъ судѣ 60 палокъ, то я не могу оставаться на мѣстѣ, вѣдь вы перекрестились?—«Да».—«Ну, такъ какъ же?»—Гмъ... Поразсудили и порѣшили на томъ, что лучше получить 40 палокъ на мѣстѣ, чѣмъ шляться, а то пожалуй тамъ совершенно изувѣчатъ; однако спросили еще:—«Тутъ ли конецъ наказанію, или будетъ продолженіе?» Отвѣтъ:—«Тутъ и конецъ».—«Ладно!» Одинъ говоритъ:—«Съ кого же начать?»—

«Пожалуй хоть съ меня».—Скидываетъ свои доспѣхи и становится, отогнавъ отъ себя тѣхъ, которые хотѣли поддержать его.—«Неужто сорока ударовъ не вытерплю?» Ему отсчитываютъ сорокъ ударовъ. Онъ крестится, одѣвается и говоритъ прочимъ:—«Ну, теперь, становитесь и вы, а я пойду тѣмъ временемъ покурю». Всѣмъ исполосовали спины и всѣ съ радостью пошли домой». Достовѣрность этихъ фактовъ подтверждается даже нѣмецкими свидѣтельствами. Въ газетѣ *Путевой Товарищъ*, издающейся въ Ригѣ для простого народа на латышскомъ языкѣ, въ № 10-мъ 1863 года помѣщена статья: «Два форминдера». Авторъ ея, очевидно пасторъ, прославляетъ въ ней передъ своими духовными чадами, какъ примѣръ достойный подражанія, усердное служеніе двухъ своихъ церковнослужителей и объ одномъ изъ нихъ, Яковѣ Нейлантѣ, говоритъ слѣдующее: «Онъ, орудуя своею властью, не скупился на тридцать (подразумѣвается розогъ), ибо памятовалъ слова Соломона: бичъ коню, остенъ ослу и жезлъ спинѣ безумнаго. Его крѣпкая рука часто творила чудеса, за что и теперь волость должна поминать его съ признательностью. Въ то время была година смятенія, нами еще не забытаго, когда сатана дерзнулъ разбрасывать свои сѣмена въ Божьей церкви; тогда нашлись и въ нашей волости люди, кричавшіе: «если ужь весь свѣтъ идетъ (переходитъ въ православіе), чего же намъ-то ждать»,—особенно когда услыхали, что по деревнямъ развозятъ казенную муку. Тогда они, какъ бѣшеные, кидались на обольщеніе; но старый отецъ Нейлантъ запрещалъ имъ, и слово его оказывалось болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ слово иного проповѣдника, въ то время раздававшееся съ каѳедры. Въ самую горячую пору этого бѣснованія онъ услышалъ, что одинъ изъ хозяевъ здѣшней волости готовился, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими изъ числа батраковъ, записаться (т. е. подать заявленіе о желаніи перейти въ православіе); но мой старикъ не дремалъ. Онъ живо приказалъ привести бѣглеца на господскій дворъ и отсчиталъ ему на спинѣ 30 ударовъ». Независимо отъ этихъ истязаній, перешедшихъ сгоняли съ дворовъ и превращали хозяевъ въ батраковъ. Эти гоненія вполнѣ достигли своей цѣли, и въ 1861—1864 гг. началось обратное движеніе изъ православія въ лютеранство... Изъ 180.000 православныхъ не менѣе половины перешло въ лютеранство.

Движеніе 1841—1845 гг. было сильно обострено голодомъ, противъ котораго помѣщики не принимали никакихъ мѣръ и толь-

ко послѣ экзекуцій было оказано народу казенное пособіе. «Но,—разсказываетъ Страумпъ,—хлѣбъ, отпущенный правительствомъ въ голодные годы, раздавался въ волостяхъ не по душамъ, и не по дворамъ, и не всѣмъ членамъ общества, а только нуждавшимся въ пособіи, а изъ числа нуждавшихся—опять-таки не всѣмъ, а только и исключительно тѣмъ хозяевамъ, которые своимъ личнымъ движимымъ имуществомъ могли обезпечить возвратъ какъ капитальнаго долга, такъ и процентовъ. Слѣдовательно, это былъ долгъ не общественный, а частный,—долгъ каждаго домохозяина порознь, а не цѣлой волости,—притомъ долгъ лежавшій не на землѣ, а обезпеченный движимостью. Мало того, въ нѣкоторыхъ вотчинахъ мука, отпущенная на волость, даже и не сдавалась въ общественный магазинъ, а поступала прямо въ господскій амбаръ и оттуда на господскій винокуренный заводъ; тамъ изъ нея гнали водку, а помѣщикъ отъ себя раздавалъ хозяевамъ рожь зерномъ. Дѣло это, какъ и всѣ дѣла такъ-называемыя общественныя, было въ рукахъ помѣщиковъ, ихъ оффиціалистовъ и арендаторовъ, а выборные отъ крестьянъ, призывавшіеся къ участію только для формы, не знали и не понимали, что творилось отъ ихъ имени, для нихъ и черезъ нихъ. Въ волости N. былъ такой случай, разсказанный мнѣ самими волостнымъ писаремъ и засѣдателями. Въ 1858 году откуда-то пришло отношеніе съ грознымъ запросомъ: отчего-де волость такая-то, которой въ голодный годъ выдано въ ссуду деньгами 1.000 руб., не уплачиваетъ не только капитала, но и процентовъ на эту ссуду? Стали рыться въ книгахъ, но не оказалось никакихъ слѣдовъ занимообразной ссуды. Пришелъ помѣщикъ, разыскивалъ и онъ въ своей конторѣ и также ничего не нашелъ. Тогда волостной судъ отвѣтилъ коротко и ясно, что-де волость такая-то никогда тысячи рублей въ ссуду не получала. Но сверху прислали улику: четко написанную росписку въ полученіи, скрѣпленную крестиками толковыхъ и разумныхъ засѣдателей. Потянули къ отвѣту засѣдателей: они ли ѣздили отъ волости, они ли подтянули кресты, они ли получили деньги? И опознали засѣдатели свои кресты: точно, они ѣздили по приказу арендатора; они же деньги получили, выдали квитанцію, привезли деньги и отдали тому же арендатору, по его же приказу; вотъ и все, а что было дальше, того они не вѣдаютъ и то не ихъ дѣло. Это одинъ изъ очень многихъ образчиковъ, по которымъ можно судить о томъ, что называется въ Лифляндіи общественнымъ (во-

лостнымъ) управленіемъ свободнаго сословія сельскихъ обывателей. Взысканіе розданнаго въ голодные годы хлѣба и процентовъ по этой ссудѣ производилось съ безпощадною строгостью особенно съ православныхъ крестьянъ. Снисхожденія не оказывалось, и, въ случаѣ несостоятельности крестьянина, у него отбирались и продавались съ аукціона послѣдняя корова, послѣдняя коза, дѣти его отдавались въ заработки и т. д. Многіе были разорены въ конецъ, но долгъ съ процентами взысканъ если не со всѣхъ, то со многихъ».

IV.

Въ 1842 г., въ дополненіе къ лифляндскому Положенію 1819 г., были изданы «77 пунктовъ», а въ 1849 г.—«Уложеніе»; но эти законы, регулировавшіе барщину, въ существенныхъ своихъ чертахъ никогда не выполнялись. Они были дополнены Положеніями 1856 г. для Эстляндіи и 1860 г. для Лифляндіи, но и эти Положенія легко обходились помѣщиками, которые, имѣя къ своимъ услугамъ и судъ и полицію, пользовались еще тѣмъ обстоятельствомъ, что почти всѣ мѣстные законы, кромѣ крестьянскихъ Положеній, имѣются только на нѣмецкомъ языкѣ. Помѣщику въ дѣлѣ эксплуатаціи крестьянина много помогала по-прежнему присвоенная ему вотчинно-полицейская власть, замѣтно ограниченная только указомъ 1865 года. До этого времени баринъ имѣлъ право разъ въ недѣлю наказать мужика палками до 15 ударовъ въ Лифляндіи и до 18 въ Эстляндіи, въ которой, кромѣ того, онъ могъ приказать волостному суду дать мужику еще 40 розогъ. Наказанный могъ жаловаться на несправедливость, но въ случаѣ успѣха его жалобы помѣщикъ платилъ только небольшой штрафъ въ мірскую кассу; если же просьба мужика признавалась неосновательною, то онъ получалъ еще 60 ударовъ. Отъ этихъ наказаній не были избавлены ни женщины, ни дѣвушки. Послѣ «бунта» 1841 г. побои и истязанія крестьянъ значительно усилились сравнительно съ прежнимъ. «Казалось, что расплата за бунтъ никогда не кончится,—говоритъ Страумитъ.—О немъ безпрестанно напоминали и мстили за него, по мелочамъ, всѣмъ попадавшимся подъ руку, мужчинамъ и женщинамъ. Истязанія на поляхъ и мызахъ стали учащаться и палки, какъ будто, стали толще. Смотрите: управляющій приказываетъ старостѣ взять мужика за ноги, пропустить ихъ себѣ подъ мышки и держать

крѣпко, а самъ дубинкой работаетъ по заду сколько душѣ угодно. Я это видѣлъ самъ. Разскажу еще одну, послѣднюю этого рода сцену, которой я былъ свидѣтелемъ, такъ какъ вскорѣ послѣ того я поступилъ въ школу. Собирали на мызѣ картофель, впрягли нѣсколько четверокъ въ бороны и раздѣлились собиратели: за хорошими боронильщиками пошли хорошіе собиратели, а за плохими—плохіе. За послѣдними пошелъ и управляющій. Мужикъ (знаю и имя, и фамилію, и прозвище) былъ невзрачный и, также какъ и мы, вѣроисповѣданія православнаго. Управляющій хлыстнулъ его по спинѣ разъ, другой, третій... Насъ пронялъ страхъ. У боронильщика выступили слезы, онъ не вытерпѣлъ и сказалъ: «вскачь я не могу гнать!» Это было все то же, что спичку поднести къ огню. Тутъ пошла такая тростниковая дробь, что я и счетъ потерялъ; съ перепугу, какъ слѣпая курица, хваталъ комки земли и камни и клалъ ихъ вмѣсто картофеля въ ведро; наложилъ полное ведро, сталъ сыпать. Смотрю, мужикъ не выдержалъ, вырвалъ камышовую трость съ желѣзнымъ набалдашникомъ изъ рукъ управляющаго и хотѣлъ переломить, но не осилилъ ее, только перегнулъ, впрочемъ такъ, что она стала негодна къ употребленію. Дѣло было около самой мызы, недалеко отъ большого дуба, на вершинѣ котораго виднѣлось аистово гнѣздо. Управляющій пошелъ на мызу, но тутъ попался въ воротахъ самъ помѣщикъ. Остановились, переговорили, подошли оба къ намъ. Помѣщикъ приказалъ остановить работу, подозвалъ къ себѣ солдата, ходившаго по билету, и приказалъ ему вырѣзать десять палокъ. Мы всѣ стояли безъ шапокъ, и солдатъ рѣзалъ безъ шапки. Помѣщикъ приказалъ провинившемуся мужику снять камзолъ, а другому держать его за воротъ рубашки обѣими руками, подъ самое горло. Солдатъ, ударивъ палкой разъ, бросалъ ее и бралъ новую, до тѣхъ поръ, пока перебралъ всѣ десять». Эти истязанія до того вошли въ помѣщичью привычку, что остзейскіе бары нерѣдко упражняются въ нихъ даже послѣ отмѣны тѣлесныхъ наказаній. Вотъ, наприм., случай, разсказанный дерптскимъ корреспондентомъ *Недѣли* 1881 г. (№ 35). Ѣдетъ по дорогѣ билетный солдатъ съ возомъ; встрѣчный баринъ требуетъ, чтобъ онъ убирался для проѣзда его экипажа: «Прочь съ дороги!» Солдатъ свернулъ такъ, что барину свободно можно было проѣхать, но тому показалось недостаточно, и въ наказаніе онъ велѣлъ снять и положить къ себѣ дугу съ солдатской лошади. «Билетный просилъ, чтобы проѣзжающій хотя открылъ ему свое

имя и мѣстожительство, но и этого онъ не сдѣлалъ, а только сказалъ на ломаномъ эстонскомъ языкѣ: «Развѣ ты не знаешь, что я приходскій судья?! Если ты придешь за дугой, то получишь 80 розогъ». Солдатъ, оставленный безъ дуги, снялъ съ лошади сбрую и поѣхалъ верхомъ въ ближайшую деревню, чтобы раздобыться дугой; но въ это время у него украли съ воза часть лошадиной сбруи и пальто. Кое-какъ, безъ черезсѣдельника и вожжей, пріѣхалъ онъ домой и черезъ нѣсколько дней отправился разыскивать того барина, который отобралъ у него дугу. Но куда идти? Солдатъ зналъ только, что баринъ звалъ своего кучера Вильгельмомъ, а самъ именовался приходскимъ судьею. Наконецъ, какъ-то ему удалось узнать, что проѣзжій былъ г. фонъ-Ю., владѣлецъ Гроссъ-Улила. Солдатъ явился къ нему и спросилъ о своей дугѣ. «А!—воскликнулъ фонъ-Ю.,—такъ это ты тотъ, который не повиновался мнѣ на дорогѣ? Ну, такъ теперь получишь 80 розогъ, которыя я тебѣ обѣщалъ». При этихъ словахъ фонъ-Ю. нанесъ билетному нѣсколько ударовъ по головѣ и велѣлъ рабочимъ посадить его въ конюшню. Скоро пришли люди, которымъ фонъ-Ю. велѣлъ наказать солдата. Тотъ пробовалъ было возражать, говоря, что онъ—солдатъ и что если въ чемъ виноватъ, то его должны отправить въ ординунгсгерихтъ. «Я тебѣ сейчасъ покажу, гдѣ твой ординунгсгерихтъ!»—сказалъ фонъ-Ю. И солдата высѣкли. По окончаніи экзекуціи, фонъ-Ю. спросилъ: «Ну, что, почувствовалъ, гдѣ твой ординунгсгерихтъ? Убирайся!» Билетный изъ Гроссъ-Улила прямо отправился въ Дерптъ и подалъ жалобу въ ординунгсгерихтъ на фонъ-Ю., но ординунгсгерихтъ, несмотря на свидѣтельство уѣзднаго врача, не назначилъ никакого слѣдствія. «Сколько ты требуешь за эти насилія?»—спросилъ онъ солдата. На это солдатъ отвѣтилъ, что ничего не хочетъ требовать, а предоставляетъ взыскать суду.—«Если судъ присудитъ мнѣ еще 80 розогъ, и тогда я тоже долженъ быть доволенъ»,—прибавилъ онъ.—«Ну, коли ты ничего не требуешь, то убирайся домой и будь доволенъ».—Солдатъ просилъ сказать ему, въ какой судъ онъ долженъ подать жалобу на г. Ю.—«Обратись въ крейсгерихтъ»—отвѣтилъ ординунгсгерихтъ. Но и въ крейсгерихтѣ не приняли его жалобы. Тогда солдатъ подалъ жалобу губернатору, и теперь всѣ, кому извѣстно это дѣло, съ нетерпѣніемъ ждутъ его конца».

Положеніемъ 1866 года вотчинная власть ограничена, но только повидимому. Старшины и ихъ помощники подчинены, по

дѣламъ общественнаго управленія, приходскимъ судамъ (въ Лифляндіи, Эстляндіи и на островѣ Эзелѣ) и уѣзднымъ судамъ (въ Курляндіи). Всѣ эти инстанціи, по организаціи ихъ и по установленному порядку замѣщенія судебныхъ должностей, находятся въ рукахъ дворянства. Жалобы на ихъ распоряженія приносятся губернатору, который, по обычаю, почти всегда назначается изъ мѣстныхъ дворянъ. По дѣламъ полицейскимъ старшины и ихъ помощники подчинены уѣздной полиціи, всѣ чины которой выбираются дворянствомъ изъ своей среды. За маловажные проступки по должности старшины, ихъ помощники и проч. могутъ быть подвергаемы штрафу до 5 руб. и аресту до семи дней по распоряженію начальственныхъ учрежденій, нижнихъ судебныхъ инстанцій, уѣздныхъ полицій и губернаторовъ. Прежняя единица вотчинной администраціи сохранена и новымъ Положеніемъ и каждое имѣніе составляетъ волость. Вотчинная полиція не только осталась по-прежнему въ предѣлахъ мызной земли, но ей предоставлено вмѣшиваться и въ крестьянское самоуправленіе. Ей предоставлено протестовать предъ начальствомъ обо всѣхъ постановленіяхъ волостного схода, которыя она считаетъ незаконными или вредными. Вслѣдствіе этого, для избѣжанія невыгодной для себя борьбы, сходы по-прежнему сообразаются съ указаніями вотчинной власти. По общественнымъ и казеннымъ дѣламъ вотчинной полиціи оставлено право надзора за волостнымъ правленіемъ. Волостной старшина имѣетъ надзоръ за лицами подозрительнаго поведенія, задерживаетъ бродягъ и дезертировъ, но не препровождаетъ ихъ прямо отъ себя куда слѣдуетъ, а сдаетъ ихъ вотчинной полиціи соблюдавшимся доселѣ порядкомъ. Когда нѣтъ на-лицо волостного старшины, всѣ полицейскія права его переходятъ къ вотчинной полиціи; она охраняетъ и возстановляетъ порядокъ и безопасность и, вообще, принимаетъ всѣ необходимыя полицейскія мѣры.

И все въ краѣ идетъ по-прежнему. $^4/_5$ крестьянъ остаются безъ земли и ведутъ кочевую жизнь. Главныя работы какъ у помѣщиковъ, такъ и у болѣе крупныхъ арендаторовъ исполняются батраками, находящимися въ полной зависимости у хозяевъ. Батраки могли бы выгодно работать въ русскихъ губерніяхъ; но, чтобы получить отпускъ, каждый изъ нихъ, по Положеніямъ 1856 и 1860 годовъ, долженъ уплатить впередъ свой годовой окладъ и до 4 руб. на мірскія нужды, въ дѣйствительности же, благодаря волостнымъ судамъ, держащимъ сторону хозяевъ, эти пла-

тежи простираются до 16 руб. и батраки такимъ образомъ удерживаются отъ отхожихъ промысловъ. Въ Лифляндіи батракъ съ женою получаетъ въ годъ всего какихъ-нибудь 80 руб. на своихъ харчахъ и живетъ какъ нищій. «Батраки въ большихъ дворахъ,—говоритъ Ю—въ,—живутъ особо отъ хозяина въ одной изъ половинъ дома или хаты, и такъ какъ такихъ жильцовъ въ помѣщеніи бываетъ очень много, то само собою понятно, что чистота и нравственность не могутъ между ними процвѣтать. Батракъ обыкновенно женится не раньше 30 лѣтъ. Благодаря батрачеству, до сихъ поръ сохранился обычай языческихъ временъ—ночныя скитанія молодыхъ людей толпами около клѣтей, въ которыхъ спятъ дѣвушки. Эти весеннія скитанія иногда не обходятся безъ ожесточенныхъ дракъ и увѣчій... Совершеннаго упадка народной нравственности должно ожидать въ тѣхъ частяхъ Курляндіи, гдѣ во многихъ вотчинахъ уже вывелись крестьянскіе дворы и вмѣсто нихъ строятся теперь батрачьи дома, крайне неудобные для ихъ многочисленнаго населенія. Въ народѣ эти дома носятъ непопулярное названіе *казармъ*, которыя распространяются и въ Лифляндіи и въ Эстляндіи». Въ 1863 году курляндскій помѣщикъ фонъ-Боръ въ своей брошюрѣ по поводу батраковъ очень безтолково, но характерно говорилъ: «Ни одно государство, ни одна страна не свободны отъ пролетаріата; но народъ, которому позволено достигать какъ матеріальной, такъ и нравственной свободы, долженъ пользоваться и правомъ создавать пролетаріевъ». Положеніе крестьянъ-хозяевъ, за исключеніемъ незначительнаго меньшинства, тоже становится все хуже и хуже. Контракты заключаются или на 2—3 года, съ неизмѣняющеюся платой, или на 6—12 лѣтъ, но въ такомъ случаѣ арендная плата прогрессивно увеличивается. Угодья, данныя къ арендному двору, помѣщикъ можетъ уменьшить; если же крестьянинъ не согласится, то долженъ оставить участокъ, получивъ небольшое вознагражденіе рублей въ 20—30. Онъ обязанъ безплатно дѣлать поправки въ своемъ дворѣ и по приказанію помѣщика изъ его лѣса возводить новыя постройки. Въ обязательствахъ арендатора участвуетъ и жена его. Арендаторъ не имѣетъ права входить ни въ какія торговыя предпріятія; онъ обязанъ не дѣлать долговъ и всѣ сдѣланные имъ вновь долги считаются недѣйствительными; въ случаѣ его смерти прежде всего удовлетворяются претензіи помѣщика. Помѣщикъ имѣетъ возможность взвалить на арендатора даже такія формальныя обязательства, о которыхъ тотъ ни-

когда и не думалъ. Въ одномъ, напримѣръ, контрактѣ (уже въ 60-хъ годахъ) послѣ обычныхъ трехъ крестовъ, поставленныхъ рукою писаря за неграмотнаго арендатора, было сказано: «Такъ какъ жена его, Анна, не явилась и черезъ мужа своего объявила, *что не подпишетъ условія, то за нее подписался ассессоръ* (дворянскій засѣдатель) *фонъ-Б****». Далѣе идетъ опись имущества, а въ заключеніи сказано: «*Такъ какъ ни арендаторъ, ни жена его не согласились подписаться, то за нихъ подписался ассессоръ фонъ-Б****». Вотъ вамъ и свободный договоръ! При этомъ арендныя цѣны возрастаютъ ужасно. Обирая арендатора, помѣщикъ во всякое время имѣетъ возможность прогнать его. Вотъ, напримѣръ, фермеръ Блау, который до 1857 года держалъ въ Позендорфской вотчинѣ дворъ Курашъ *). Въ этомъ году баронъ Вольфъ созвалъ всѣхъ своихъ хозяевъ лютеранскаго вѣроисповѣданія и предложилъ имъ пріобрѣсти въ собственность дворы, которыми они владѣли; православныхъ хозяевъ онъ не созывалъ и никакихъ предложеній имъ не дѣлалъ. Нашелся покупщикъ между лютеранами и на Курашскій дворъ. Помѣщикъ запродалъ его и потребовалъ отъ Блау, чтобъ онъ сошелъ съ мѣста. Блау сталъ просить помѣщика, чтобъ онъ ему, какъ хозяину, продалъ этотъ дворъ, но баронъ Вольфъ отвѣчалъ ему: «я русскимъ (всѣ православные въ Лифляндіи называются русскими) земли у себя не продаю». Блау долженъ былъ сойти съ насиженнаго мѣста. Былъ въ томъ же имѣніи другой праздный дворъ, Сау, совершенно выпаханный, издавна сдававшійся, но не находившій съемщиковъ; несмотря на частыя публикаціи въ церквахъ, всѣ обѣгали его, зная, что онъ разстроенъ и запущенъ. Блау обратился къ помѣщику съ просьбою продать ему хоть этотъ дворъ и получилъ такой же отказъ. Тогда Блау снялъ упомянутый дворъ въ оброчное содержаніе на 6 лѣтъ. Будучи отличнымъ хозяиномъ, онъ привелъ его въ совершенную исправность и значительно возвысилъ его цѣнность. Передъ истеченіемъ арендnаго срока Блау опять сталъ просить помѣщика продать ему этотъ дворъ, на который онъ потратилъ немало труда; но и эта просьба осталась неудовлетворенною. Помѣщикъ крѣпко стоялъ на своемъ и согласился только на возобновленіе контракта на новый шестилѣтній срокъ, возвысивъ, разумѣется, арендную плату. Это было въ 1863 году, а въ 1864-мъ баронъ Вольфъ сталъ пріискивать

*) Въ Лифляндіи каждый крестьянскій дворъ имѣетъ свое названіе.

на этотъ дворъ сторонннхъ покупщиковъ. Прослыша объ этомъ, Блау въ третій разъ вызвался купить его, но баронъ прогналъ его и въ августѣ запродалъ дворъ Сау другому хозяину—лютеранину. Оставалось только найти благовидный предлогъ къ удаленію Блау за какую-нибудь провинность, чтобъ имѣть основаніе не выдавать ему вознагражденія, на которое онъ имѣлъ бы право за нарушеніе контракта до истеченія арендпаго срока. Съ этою цѣлью баронъ Вольфъ распорядился перемѣромъ посѣва и оказалось, что Блау засѣялъ льномъ—вмѣсто разрѣшенныхъ ему по контракту и дополнительному условію 12-ти лофштелей—$14^1/_2$ лофштелей, слѣдовательно лишнихъ $2^1/_2$ лофштеля, или $^9/_{10}$ десятины. На одномъ этомъ основаніи баронъ потребовалъ отъ Блау, чтобъ онъ, какъ нарушитель контракта, очистилъ дворъ. Блау отвѣчалъ ему: «О перепашкѣ я заводить спора не стану,—пусть будетъ по-вашему. Положимъ, я испортилъ землю усиленнымъ посѣвомъ; но какое вамъ до этого дѣло, когда я заявляю вамъ, что я у васъ покупаю весь дворъ за ту самую цѣну, за которую вы продаете его другому? Лучше же продайте его мнѣ, такъ какъ я его улучшилъ,—я вамъ платилъ за него оброкъ...» Баронъ и слушать его не сталъ, и Блау остался безъ земли и безъ вознагражденія. Глубоко обиженный, онъ вздумалъ поискать правды и подалъ жалобу архіерею и генералъ-губернатору. Ему указано было обратиться по порядку въ крейсгерихтъ. Тамъ, въ декабрѣ 1864 года, онъ подробно повторилъ свою жалобу и прямо заявилъ, что терпитъ на каждомъ шагу обиды за свое вѣроисповѣданіе и что одно это обстоятельство мѣшаетъ ему до сихъ поръ, по примѣру лютеранъ, сдѣлаться крестьяниномъ-собственникомъ. Судъ предупредилъ его, что изъ поданной имъ жалобы ничего благопріятнаго для него не выйдетъ, такъ какъ законъ ничѣмъ не ограничиваетъ помѣщика въ выборѣ покупщиковъ, но, по настоянію просителя, потребовалъ отъ помѣщика объясненія. Баронъ Вольфъ отвѣтилъ, что онъ никогда Блау за его вѣру не притѣснялъ, и привелъ въ доказательство, что онъ сдавалъ ему дворы въ оброчное содержаніе; но почему онъ не захотѣлъ продать Блау послѣдняго двора, бывшаго у него въ арендѣ, баронъ не объяснилъ да и не обязанъ былъ объяснять. Далѣе, баронъ конечно не преминулъ намекнуть, что поданная жалоба свидѣтельствовала о подстрекательствѣ и злонамѣренномъ натравливаніи со стороны и, переходя къ причинѣ удаленія Блау, указалъ на перепашку и на статью контракта. Въ заключеніе ба-

ронъ просилъ подвергнуть Блау строгой отвѣтственности за неосновательную жалобу. Судъ съ своей стороны тоже отвергъ ее, находя ее легкомысленною и противозаконною (frivol und rechtswidrig). Такъ нигдѣ и не добился правды Блау.

Барщина была запрещена еще въ 1868 г. «Но,—говоритъ балтійскій корреспондентъ *Порядка*,—17 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ отбываніе барщины во всѣхъ ея видахъ запрещено закономъ, и 17 лѣтъ это продолженіе крѣпостного права угнетаетъ населеніе края. На сельско-хозяйственномъ конгрессѣ, происходившемъ въ Ригѣ въ февралѣ 1881 г., депутатами эстонскихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ былъ возбужденъ вопросъ объ искорененіи барщины, подрывающей экономическое благосостояніе крестьянъ». Но и замѣна барщины оброкомъ тоже ведетъ къ разоренію мужика только другимъ путемъ. Помѣщикъ объявляетъ крестьянину-хозяину, что онъ отмѣняетъ барщину и требуетъ денежнаго оброка въ такомъ-то размѣрѣ; затѣмъ онъ спрашиваетъ у крестьянина, согласенъ ли онъ платить такой оброкъ? Крестьянинъ божится и клянется, что у него нѣтъ денегъ, что онъ не успѣлъ приготовиться, и умоляетъ продержать его еще годъ или два на барщинѣ; но помѣщикъ мотаетъ головой и говоритъ: «Не могу, любезный, и не хочу,—барщина мнѣ надоѣла; это негодная, временная форма и, выводя ее въ своемъ имѣніи, я исполняю волю правительства. Рѣшайся, или долой съ усадьбы; охотниковъ до нея довольно и мѣсто не останется праздными,—ко мнѣ ужь набиваются такой-то и такой-то». Оброчныя цѣны растутъ страшно. Въ 1860 году онѣ составляли 3—4 р., въ началѣ 70-хъ годовъ 8—12 р., а теперь уже 30 руб. за десятину. Крестьяне разоряются, входятъ въ долги и недоимки, а помѣщики продаютъ съ аукціона ихъ послѣдніе пожитки. Случается даже, что продаютъ людей. Въ 1881 г., по словамъ газеты *Балтійскій Вестникъ*, такая продажа состоялась въ Большомъ Ропѣ, какъ разсказываетъ корреспондентъ: «Во время праздника Св. Троицы я былъ въ Большомъ Ропѣ и былъ свидѣтелемъ слѣдующаго страшнаго происшествія. Передъ тѣсною церковью собралась большая толпа бывшихъ въ церкви, желавшая прослушать, по обыкновенію, свѣтскія объявленія, которыя читалъ мѣстный учитель. Я былъ также въ числѣ слушателей. Сначала я слушалъ не особенно внимательно, но внезапно всѣ были заинтересованы. Было объявлено, что въ числѣ прочихъ вещей будетъ продаваться «человѣкъ». Всѣ стали вы-

казывать крайнее удивленіе и тѣсниться къ тому мѣсту, гдѣ находились мірскія власти, такъ какъ каждому хотѣлось увидѣть публичную продажу человѣка, не имѣвшую мѣста въ Лифляндіи съ тѣхъ поръ, какъ было отмѣнено крѣпостное право. Вскорѣ вывели человѣка, предназначавшагося къ продажѣ. Это былъ старый отставной солдатъ. Его поставили на аукціонное мѣсто, и покупатели ходили кругомъ и осматривали его. Окружающіе бесѣдовали объ этомъ случаѣ. «Гдѣ же мечъ?—воскликнулъ кто-то изъ толпы.—Былъ бы только мечъ, такъ можно было бы по крайней мѣрѣ купить его для охраненія дома отъ воровъ, такъ какъ хозяевамъ не позволено держать ружья». Другой сказалъ: «Пусть повѣсятъ старику медали; тогда за него больше дадутъ». Такія и еще худшія шутки слышалъ я отъ людей. Нѣкоторые спрашивали, не введено ли уже опять крѣпостное право? Слушатели не могли себѣ объяснить этого дѣла, такъ какъ въ объявленіи было просто сказано, что будетъ продаваться человѣкъ, и ничего болѣе. Наконецъ, начался торгъ. «Одну мѣру ржи... Двѣ... Три... Четыре!» Покупатели не рѣшались давать больше, такъ какъ не знали, какимъ образомъ продается человѣкъ: совершенно ли въ наслѣдственное владѣніе, или же на опредѣленное время, или же только для работы». Когда эта корреспонденція была напечатана, въ *Рижской Газетѣ* появилась другая: «Можно сообщить подобный же случай, бывшій въ Курляндской губерніи. Въ одномъ казенномъ имѣніи, въ прошломъ году, былъ общиннымъ судомъ, выражаясь словами корреспондента, проданъ съ публичнаго торга мастеровой, каменщикъ по ремеслу. Корчмарь купилъ этого человѣка за 12 р. 77½ к. и такимъ образомъ дѣло было окончено къ общему удовольствію. Кромѣ этого человѣка были еще назначены къ продажѣ за неуплату повинностей два человѣка, для которыхъ не нашлось, однако, покупателей. Этотъ проданный человѣкъ былъ отданъ въ работу за недоимки, такъ какъ онъ самъ не выказывалъ намѣренія искать добровольно службы, чтобы погасить тѣмъ свои долги. Вышеозначенная сумма представляла плату, полученную должникомъ отъ покупателя за опредѣленное время работы, и была употреблена судомъ на покрытіе недоимки». Корреспондентъ находитъ это вполнѣ нормальнымъ.

Не разъ заходила рѣчь о выкупѣ крестьянами ихъ земель. Съ 1804 по 1850 годъ въ Лифляндіи крестьянами куплено всего 35 земельныхъ участковъ, на 73.000 р. Но послѣ учрежденія

въ 1849 г. крестьянскаго банка выкупъ усилился; онъ простирался въ 1850—59 г. до 102.000 р. въ годъ, въ 1860—62 г. до 240.000 р. въ годъ, затѣмъ выкуплено земли:

въ 1863 г.	на 1.041.000 р.
» 1864 »	» 3.659.000 »
» 1865 »	» 1.172.000 »
» 1866 »	» 1.026.000 »

До 1868 года всего земель было пріобрѣтено крестьянами на 13½ милліоновъ рублей. Но условія этого выкупа были опредѣлены такія, что онъ сдѣлался только новымъ средствомъ разоренія крестьянъ. Вмѣсто предоставленія крестьянамъ-хозяевамъ права выкупать свои дворы въ полную собственность, дано было помѣщикамъ право пускать крестьянскіе дворы въ продажу, назначать за нихъ произвольную цѣну и, въ случаѣ отказа хозяевъ отъ пріобрѣтенія ихъ на предлагаемыхъ имъ условіяхъ, продавать ихъ стороннимъ лицамъ. Земля выкупается большею частью въ долгъ и покупщикъ только платитъ помѣщику проценты, не имѣя возможности вполнѣ расквитаться съ нимъ. «Крестьяне, — говоритъ корреспондентъ *Порядка*,—покупающіе землю въ собственность, платятъ по 300 руб. за десятину и уплачиваютъ по 6½ и 7% за долги. Мало того, пріобрѣтеніе земли въ собственность не болѣе какъ злоупотребленіе этимъ словомъ, потому что земля все-таки остается въ нераздѣльномъ владѣніи помѣщика съ крестьяниномъ, такъ что за первымъ остается чуть ли не больше правъ на проданную землю, чѣмъ за ея фиктивнымъ собственникомъ. Устройство мельницъ, заводовъ, фабрикъ, торговыхъ и питейныхъ заведеній, даже булыжникъ и могущія когда-либо найтись въ землѣ минеральныя богатства, право охоты, рыбной ловли и т. д., и т. д.—остаются за помѣщикомъ».

Въ 60-хъ годахъ возникло предположеніе о водвореніи православныхъ батраковъ на казенныхъ земляхъ. Несмотря на то, что землею было надѣлено всего 2.000 чел., эта мѣра встрѣтила самое ожесточенное противодѣйствіе среди помѣщиковъ: интригамъ и инсинуаціямъ конца не было. *Голосъ*, наприм., они провозглашали «мятежною газетой, которая задалась цѣлью сѣять вражду между Государемъ и его подданными». *Крестовая Газета* 1866 г., № 281, говорила: «Архіепископъ (рижскій) Платонъ нашелъ себѣ союзниковъ въ министрѣ государственныхъ имуществъ и въ шефѣ государственныхъ имуществъ Балтійскаго

края, Шафрановѣ. Они хотятъ мызныя земли казенныхъ имѣній разбить на мелкіе участки и раздать ихъ батракамъ православнаго исповѣданія; такимъ образомъ новорусско-соціалистическое, или нигилистическое ученіе причинитъ новыя смуты между крестьянами, состоящими подъ нѣмецкою властью въ частныхъ имѣніяхъ Лифляндіи и Курляндіи».

Въ то время, какъ помѣщичьи мызы своимъ богатствомъ и благоустройствомъ напоминаютъ образцовыя хозяйства Англіи, крестьяне живутъ въ бѣднѣйшихъ хатахъ, безъ оконъ, безъ печныхъ трубъ, безъ пола, даже безъ замковъ, такъ какъ у нихъ украсть нечего. Многіе живутъ даже не въ избахъ, а въ овинахъ. Нищета, хлѣбъ съ мякиной, частыя голодовки—все это держитъ крестьянъ въ самомъ ненормальномъ состояніи и періодически доводитъ ихъ до волненій, какъ, наприм., выселеніе ихъ изъ края массами въ 1868 и 1869 годахъ. Между тѣмъ латыши и эсты уже перестали быть прежними полудикарями,—у нихъ есть свои школы, газеты, интеллигенція. Они сознаютъ свое критическое положеніе и стремятся выйти изъ него. Мы приведемъ здѣсь отрывки изъ двухъ очень популярныхъ въ краѣ пѣсенъ:

Изъ «*Пѣсни на Иванов день*»:

«Бѣдный ты, латышскій народецъ, терзаемый, мучимый! Тебѣ болѣе идетъ названіе народа-мученика, нежели латышскаго.

«Тебѣ остается проклясть, подобно Іову, день рожденія твоего племени. Несчастенъ, кого породила эта страна, кто уродился латышомъ!»

Изъ «*66 куплетовъ*»:

«Вплоть до нашихъ дней можно налагать на латыша ярмо, гнать и бить его. За него никто не заступался, пока великій Александръ I (да обрадуетъ Богъ душу его!) не даровалъ свободы, не установилъ законовъ.

«Но могли ли съ тѣхъ поръ латыши, какъ слѣдуетъ, возрасти въ довольствѣ? Нѣтъ, господа заботились только о томъ, чтобъ извлечь пользу для самихъ себя, какъ бы не утратить силы, не упустить власти.

«Они выдумали законы, ихъ представили Государю, восхваляя, какъ самые полезные. Но миръ и радость не могутъ процвѣтать тамъ, гдѣ волкъ становится пастухомъ надъ овцами; тотъ не умѣетъ дѣлать добро, кто желаетъ только терзать и пожирать...

«Легко перечислить большія мызы, на которомъ люди бѣдствуютъ въ развалившихся хатахъ, ѣдятъ хлѣбъ пополамъ съ

мякиной и ждутъ съ унынiемъ, когда ихъ опять погонятъ на барщину...

«Здѣсь нѣтъ для крестьянина мирнаго пристанища; онъ долженъ скитаться по міру, ибо его можно притѣснять даже болѣе прежняго и за пустяки согнать съ отцовскаго пепелища,—пускай идетъ на всѣ четыре стороны...

«Всякій трудолюбивый мужичокъ по мѣрѣ силъ своихъ работаетъ, чинитъ постройки, разводитъ сады, вспахиваетъ пустыри, рубитъ кусты, удобряетъ поля, чиститъ болота и луга, воздѣлываетъ крутые овраги.

«Но вотъ является землемѣръ съ цѣпью, смѣряетъ лугъ и поле и съумѣетъ увеличить число талеровъ; онъ находитъ, что земля очень тучна. И крестьянину приходится платить двойную аренду за свои труды: они пожираются чужими людьми.

«Очень часто случается возобновлять контракты, и при этомъ баринъ не забываетъ ввести новые счеты: рубля на два всегда тутъ повысится талеръ.

«Если же не сдѣлаешь, чего отъ тебя требуютъ, то въ Юрьевъ день тебя прогонитъ со двора. Тяжело покинуть отцовское пепелище, но скверно и быть рабомъ барина...

«Мы, безсильные людишки-земледѣльцы, въ тяжкихъ своихъ страданiяхъ должны съ надеждою обращать свои взоры на Петербургъ, гдѣ живетъ нашъ защитникъ, великій избавитель народовъ».

Если дѣла и дальше пойдутъ такъ же, какъ шли они до сихъ поръ, то въ результатѣ получится милліонный безземельный и безправный *лопсъ*, немногочисленные, вполнѣ онѣмеченные крестьяне-хозяева и богатые помѣщики, которые и теперь уже мечтаютъ о политической германизаціи края. Въ журналѣ *Unsere Tage*, наприм., печатался цѣлый рядъ статей подъ заглавіемъ: «Призваніе Пруссіи на Востокѣ»—и въ нихъ глава VII открыто толковала «о будущности нѣмецкихъ Остзейскихъ провинцій подъ владычествомъ Пруссіи». Незавидный же подарокъ готовятъ Германіи балтійскіе фоны съ своими аграрными отношеніями, сильно напоминающими Ирландію; незавидную будущность они подготовляютъ для себя. Народное безземелье служитъ постоянною причиною волненій, для усмиренія которыхъ въ край вводились войска въ 1841, 1845, 1856, 1862, 1865, 1866 годахъ. Онѣмеченье крестьянъ-хозяевъ не поможетъ умиротворенію края, пока не будетъ устроенъ какъ слѣдуетъ милліонный пролетаріатъ.

С. Шашковъ.

О вліяніи прогресса на бѣдность.

Henry George: „Progress and Poverty: an inquiry into the cause of industrial depressions and of increase of want with increase of wealth". Lond. 1882.

Настоящія статьи мы желали бы посвятить разсмотрѣнію интереснаго труда американскаго автора Генриха Джорджа, въ которомъ, не считая нѣкоторыхъ недостатковъ и отсутствія знакомства съ извѣстною частью экономической литературы, найдется много страницъ, преисполненныхъ душевной теплоты, искренности, живости и остроумія. Сверхъ того, не маловажную заслугу автора составляетъ и то, что онъ пришелъ совершенно самостоятельно ко всѣмъ своимъ выводамъ и сдѣлалъ полную оцѣнку различныхъ мнѣній экономистовъ о цѣнности и о богатствѣ, о рентѣ, о заработной платѣ и о процентѣ, о законѣ народонаселенія и о другихъ предметахъ. Въ своемъ изученіи экономической науки авторъ пользовался твореніями англійскихъ, американскихъ и французскихъ экономистовъ и только, къ сожалѣнію, не познакомился съ нѣмецкими, вѣроятно, вслѣдствіе отсутствія знанія нѣмецкаго языка. Правда, нѣкоторыя изъ заключеній и наблюденій Джорджа надъ общественною экономіей встрѣчаются уже у другихъ писателей, въ особенности у Родбертуса, котораго авторъ очевидно не читалъ. Но если взять въ соображеніе, что авторъ самъ принадлежалъ къ рабочему классу Сѣверной Америки и даже въ настоящее время, какъ онъ самъ заявляетъ о себѣ, состоитъ еще членомъ союза сопротивленія (trades union), то нельзя не удивляться, какъ много онъ продумалъ и сколь многому выучился при такой обстановкѣ, которая обыкновенно даетъ для занятій этого рода слишкомъ мало досуга. Относительно главнѣйшихъ достоинствъ и недостатковъ сочиненія Джорджа мы выскажемся, по мѣрѣ силъ

и вкратцѣ, въ главахъ VI и X нашихъ статей; что же касается изложенія содержанія книги автора, то ограничимся въ немъ только изображеніемъ наиболѣе характеристическихъ положеній, оставляя въ сторонѣ многочисленныя подробности и доказательства, приводимыя авторомъ въ нхъ подтвержденіе.

I.

Настоящее столѣтіе обозначилось чудеснымъ возрастаніемъ производящей богатство силы. Пользованіе паромъ и электричествомъ, введеніе усовершенствованныхъ процессовъ и сберегающихъ трудъ машинъ, большее подраздѣленіе и болѣе крупные размѣры производства, удивительное облегченіе обмѣна — въ громадное число разъ увеличили производительность труда. Въ началѣ этой чудесной эры было естественно ожидать, и ожидали, что изобрѣтенія, сберегающія трудъ, облегчатъ трудъ и улучшатъ положеніе рабочаго, что громадное увеличеніе производительной силы богатства сдѣлаетъ настоящую бѣдность дѣломъ прошлаго. Еслибы человѣкъ прошлаго столѣтія, Франклинъ или Пристлей, могъ увидѣть въ фантазіи будущаго паровое судно, занимающее мѣсто паруснаго, желѣзнодорожный вагонъ вмѣсто повозки, жатвенную машину вмѣсто серпа, молотилку вмѣсто цѣпа; еслибъ онъ могъ слышать стукъ машинъ, которыя обнаруживаютъ силу бо́льшую, нежели принадлежащая всѣмъ людямъ и рабочимъ животнымъ всего земнаго шара; еслибъ онъ могъ увидѣть лѣсное дерево, преобразованное въ оконченную мебель, въ двери, въ крыши, въ оконныя рамы, въ коробки и въ бочонки, къ которымъ едва только прикоснулась рука человѣка,—громадныя мастерскія, гдѣ сапоги и башмаки производятся въ нѣсколько минутъ съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ сколько башмачникъ положилъ бы на одну подошву,—фабрики, въ которыхъ подъ наблюденіемъ дѣвочки хлопокъ ткется скорѣе, чѣмъ сколько могла бы соткать его цѣлая сотня ткачей на своихъ ручныхъ станкахъ,—паровые молоты, образующіе громадные стержни и могучіе якоря,—деликатныя машины, дѣлающія карманные часы, алмазный буравъ, пробуравливающій цѣлыя скалы, и угольное масло, сберегающее китовый жиръ; еслибъ онъ могъ осуществить громадное сбереженіе труда, вытекающее изъ улучшеній и облегченій обмѣна и сношеній, причемъ овца, убитая въ Австраліи, съѣдается свѣжею въ Англіи, и приказъ, данный лондонскимъ банкиромъ

послѣ обѣда, исполняется въ С. Франциско утромъ того же дня: еслибъ онъ все это могъ увидѣть, могъ ли бы онъ понять изъ сотни тысячъ видѣнныхъ имъ улучшеній, что́ должно было бы заключить о спеціальномъ положеніи рода человѣческаго? Онъ увидѣлъ бы въ воображеніи вполнѣ ясно новыя силы, поднимающія общество надъ его основою, повышающія бѣдняка надъ нуждою, отнимающія у нищаго заботу о матеріальныхъ нуждахъ жизни; онъ увидѣлъ бы эти мускулы и нервы изъ стали дѣлающими жизнь бѣднаго рабочаго праздникомъ. И изъ этихъ щедрыхъ матеріальныхъ условій онъ увидѣлъ бы возрастаніе нравственнаго порядка, реализирующаго золотой вѣкъ, о которомъ всегда мечтало человѣчество. Все, что дурно, исчезло бы; все, что хорошо, осталось бы и упрочилось; раздоръ превратился бы въ гармонію.—Съ большею или меньшею ясностью или темнотою таковы именно были надежды и сновидѣнія, порожденныя улучшеніями, которыя даютъ этому чудесному столѣтію его преобладаніе надъ предшественниками. Они такъ глубоко проникли въ народный умъ, что радикально измѣнили теченія мысли, преобразовали вѣрованія и смѣстили наиболѣе основныя концепціи.

Въ настоящее время мы пришли въ столкновеніе съ фактами, въ которыхъ не можетъ быть обмана. Изъ всѣхъ частей цивилизованнаго міра являются жалобы на промышленное разстройство; все безчувственное, разслабляющее горе, острая, отупляющая тоска,—все, что для большой массы заключается въ словахъ «тяжелыя времена», мучитъ въ настоящее время міръ. Это состояніе вещей, общее государствамъ, широко различающимся по положенію, по политическимъ учрежденіямъ, по фискальной и финансовой системамъ, не можетъ быть отнесено на счетъ однѣхъ мѣстныхъ причинъ. Что у всего этого есть общая причина и что она состоитъ или въ томъ, что называется матеріальнымъ прогрессомъ, или въ чемъ-либо тѣсно съ нимъ связанномъ, это становится несомнѣннымъ выводомъ, когда оказывается, что явленія, которыя сводятся въ одно цѣлое, когда идетъ рѣчь о промышленномъ упадкѣ, представляютъ не что иное какъ интенсификацію тѣхъ явленій, которыя всегда сопровождаютъ матеріальный прогрессъ и которыя обнаруживаются съ бо́льшею ясностью и силой, чѣмъ самый этотъ прогрессъ. Тамъ, гдѣ всего полнѣе осуществляются условія, къ которымъ всегда тяготѣетъ матеріальный прогрессъ,—иными словами, гдѣ наи-

болѣе густое населеніе, наибольшее богатство и наиболѣе развиты машинное производство и обмѣнъ, — тамъ встрѣчаемъ мы глубочайшую нищету, острѣйшую борьбу за существованіе, сильнѣйшую вынужденную праздность. Преимущественно въ старыхъ странахъ, въ которыхъ матеріальный прогрессъ достигъ высшихъ ступеней, широко разбросанная нищета встрѣчается среди величайшаго изобилія. Ступайте въ одну изъ новыхъ общинъ, гдѣ англо-саксонская энергія уже насадила расу прогресса, гдѣ машины и обмѣнъ еще грубы и недѣйствительны, гдѣ лучшій домъ есть хижина изъ бревенъ или шатеръ и гдѣ богатѣйшій человѣкъ принужденъ къ ежедневному труду,—и хотя вы тутъ найдете отсутствіе богатства, но не найдете и нищеты. Тутъ никто не живетъ въ полномъ довольствѣ, но каждый можетъ доставить себѣ существованіе, и ни одинъ способный и желающій работать не встрѣчаетъ препятствій къ тому въ недостаткѣ работы. Но какъ только подобная община осуществитъ тѣ условія, къ которымъ стремятся всѣ цивилизованныя общества, и поднимется по лѣстницѣ матеріальнаго прогресса; какъ только болѣе густое населеніе и болѣе тѣсная связь съ остальнымъ міромъ, а также бо́льшая утилизація сберегающихъ трудъ машинъ сдѣлаютъ возможною бо́льшую экономію въ производствѣ и обмѣнѣ и, вслѣдствіе этого, возрастетъ богатство, какъ количественно, такъ и въ пропорціи къ населенію, — то сейчасъ же бѣдность приметъ болѣе мрачный видъ. Иные достигаютъ болѣе легкой и лучшей жизни, а другіе находятъ труднымъ даже просто найти средства къ жизни. Съ локомотивами является «толкотня», благотворительныя учрежденія и тюрьмы являются столько же знаками «матеріальнаго прогресса», какъ и дорогіе дома, богатые магазины и великолѣпныя церкви. На улицахъ, освѣщенныхъ газомъ и охраняемыхъ полицейскими въ мундирахъ, ждутъ прохожихъ нищіе и въ тѣни коллегіи, книжнаго магазина и музея собираются наиболѣе ужасные гунны и вандалы, о которыхъ пророчествовалъ Маколэй. И какъ бы непріятнымъ ни показалось согласиться съ этимъ, по меньшей мѣрѣ сдѣлалось очевиднымъ, что громадное возрастаніе производительной силы, которое характеризуетъ настоящее столѣтіе и продолжаетъ идти по все ускоряющемуся уровню, не имѣетъ никакой тенденціи искоренить бѣдность или облегчить страданія тѣхъ, кто принужденъ мучиться. Оно только расширяетъ бездну между богатымъ и лазаремъ и дѣлаетъ болѣе интенсивною борьбу за существо-

ваніе. Ходъ изобрѣтеній одарилъ человѣчество силами, о которыхъ вѣкъ тому назадъ самое смѣлое воображеніе не могло и мечтать. Но на фабрикахъ, гдѣ сберегающія трудъ машины достигли наиболѣе удивительнаго развитія, работаютъ маленькія дѣти. Обѣтованная земля разлетается передъ нами подобно миражу. Плоды древа знанія, за которые мы хватаемся, превращаются въ содомскія яблоки, которыя крошатся отъ прикосновенія къ нимъ.

Новыя силы, хотя высшія по своей природѣ, дѣйствуютъ на соціальную фабрику не снизу, какъ долговременно ожидали и надѣялись, но ударяютъ по ней въ пунктѣ, промежуточномъ между верхушкою и срединою тѣла. Это все равно, какъ если-бы громадный клинъ былъ вбитъ не подъ общество, а сквозь общество. Тѣ, которые находятся выше пункта отдѣленія, возвышены, тѣ же, которые ниже, придавлены къ землѣ. Въ прогрессѣ новыхъ поселеній, сравнительно съ иными условіями старыхъ обществъ, можно видѣть съ ясностью, что матеріальный прогрессъ не только не облегчаетъ бѣдности, но самъ порождаетъ ее. Въ Соединенныхъ Штатахъ очевидно, что грязь и нищета, порождаемые ими пороки и преступленія возникаютъ вездѣ тамъ, гдѣ деревня доростаетъ до города и гдѣ ходъ развитія приноситъ выгоды улучшенныхъ способовъ производства и обмѣна. Именно въ старѣйшихъ и богатѣйшихъ мѣстностяхъ Соединенныхъ Штатовъ пауперизмъ и нищета среди рабочихъ классовъ сдѣлались наиболѣе грустно-очевидны. Если въ С.-Франциско меньше скрытой нищеты, чѣмъ въ Нью-Іоркѣ, то развѣ это не потому, что С.-Франциско отстаетъ отъ Нью-Іорка по пути, по которому оба они стремятся? Когда С.-Франциско достигнетъ пункта, на которомъ стоитъ теперь Нью-Іоркъ, то кто же можетъ сомнѣваться, что и тамъ также станутъ встрѣчаться на улицахъ оборванныя и босыя дѣти? Эта ассоціація бѣдности и прогресса — великая загадка настоящаго. Это—центральный пунктъ, изъ котораго вытекаютъ индустріальныя, соціальныя и политическія затрудненія, которыя мучатъ міръ и съ которыми напрасно схватываются государственные люди, филантропы и воспитатели. Отсюда является облако, которое виситъ надъ будущимъ наиболѣе прогрессивныхъ и самоувѣренныхъ націй. Воспитывать людей, которые должны быть приговорены къ бѣдности, значитъ дѣлать ихъ упрямыми; строить политическія учрежденія на фундаментѣ поразительнѣйшаго соціальнаго

неравенства, при которыхъ люди теоретически равны, значитъ строить пирамиду внизъ верхушкой.

Причина, производящая бѣдность рабочихъ массъ среди возрастающаго богатства, очевидно, есть причина, обнаруживающаяся въ повсюду признанной тенденціи заработной платы къ извѣстному минимуму. На вопросъ, почему, вопреки возрастанію производительной силы, заработная плата стремится къ минимуму, который даетъ одно только простое существованіе, отвѣтъ ходячей политической экономіи тотъ, что заработная плата опредѣляется отношеніемъ между числомъ рабочихъ и суммою капитала, посвященнаго на употребленіе труда, и постоянно тяготѣетъ къ нижайшему уровню, по которому рабочіе соглашаются жить и воспроизводиться, такъ какъ возрастаніе въ числѣ рабочихъ стремится естественно слѣдовать всякому возрастанію капитала и даже догонять или перегонять его. Въ ходячей теоріи политической экономіи это ученіе признается безспорно господствующимъ. Оно носитъ подъ собою подпись весьма высокихъ именъ среди воздѣлывателей политической экономіи, и хотя на него дѣлались нападенія, они были вообще болѣе формальны, чѣмъ дѣйствительны (?). Оно допущено Боклемъ, какъ основа для обобщеній всеобщей исторіи; оно же излагается во всѣхъ, или почти во всѣхъ, большихъ университетахъ американскихъ и англійскихъ; оно же содержится въ учебникахъ, которые любятъ руководить массами въ правильномъ сужденіи о практическихъ дѣлахъ. Но какъ бы ни было глубоко вкоренившимся и широко признаннымъ это ученіе, по мнѣнію автора, оно не можетъ выдержать сравненія съ очевидными фактами. Какъ, можно спросить, возникло такое ученіе? Какъ произошло то, что оно было принято послѣдовательнымъ рядомъ экономистовъ со временъ Адама Смита до настоящихъ дней? Если разсмотрѣть поближе способъ разсужденія, которымъ поддерживается это ученіе о заработной платѣ въ ходячихъ трактатахъ, то можно сразу видѣть, что оно не есть индукція надъ наблюденными явленіями, а дедукція изъ предварительно принятой теоріи, что заработная плата извлекается изъ капитала. Въ дѣйствительности же, вопреки мнѣніямъ стольких авторитетовъ, заработная плата извлекается не изъ капитала, а изъ продукта труда, за который она заплачена. Что это есть нѣчто большее, нежели чисто формальное различіе, станетъ очевидно, если будетъ разсмотрѣно, что на различіи между этими двумя положеніями воздвигнуты всѣ ходячія теоріи объ

отношеніяхъ капитала и труда,—что изъ него выведены ученія, которыя, будучи считаемы аксіоматическими, связываютъ, направляютъ и извращаютъ способнѣйшіе умы въ спорѣ о наиболѣе современныхъ вопросахъ. На утвержденіи, что заработная плата извлекается прямо изъ капитала, а не изъ продукта труда, основано не только ученіе, что заработная плата зависитъ отъ отношенія между капиталомъ и трудомъ, но и то ученіе, что промышленность ограничена капиталомъ, что капиталъ долженъ быть накопленъ раньше, нежели употребленъ трудъ, и что трудъ не можетъ быть употребленъ прежде накопленія капитала,—ученіе, что всякое возрастаніе капитала даетъ или способно дать добавочное занятіе промышленности,—ученіе, что обращеніе оборотнаго капитала въ постоянный уменьшаетъ фондъ, назначенный на содержаніе труда,—ученіе, что больше рабочихъ можетъ быть употреблено по низкой, нежели по высокой платѣ,—ученіе, что капиталъ, примѣненный къ земледѣлію, даетъ занятія большему числу рабочихъ, чѣмъ примѣненный къ мануфактурамъ,—ученіе, по которому прибыль бываетъ высока или низка, смотря по тому, низка или высока заработная плата, или что она зависитъ отъ издержекъ производства рабочихъ. Еслибы было показано, что теорія о трудѣ, оплачиваемомъ и поддерживаемомъ изъ существующаго капитала, есть заблужденіе, и что, наоборотъ, содержаніе труда и платы за него даже временно не вытекаютъ изъ капитала, но прямо извлекаются изъ продукта работы,—то вся эта обширная надстройка останется безъ поддержки и должна упасть, такъ какъ вся она основана на предположеніи, которое было просто принято за доказанное, безъ малѣйшей попытки различить кажущееся отъ дѣйствительнаго.

Основная истина, которая никогда не должна быть упускаема изъ виду въ экономической аргументаціи, есть та, что общество въ своей наиболѣе развитой формѣ есть просто выработка изъ общества въ грубѣйшихъ началахъ и что начала очевидныя въ болѣе простыхъ отношеніяхъ людей только маскируются, а не отмѣняются болѣе запутанными отношеніями, вытекающими изъ раздѣленія труда и изъ употребленія болѣе сложныхъ орудій и способовъ производства. Паровая молотилка, мельница съ ея сложными машинами, совершающими многоразличныя движенія, есть то же, чѣмъ былъ каменный топоръ временъ доисторическихъ. И каждый человѣкъ, занятый при ней или вкидываніемъ дровъ въ печь, или пусканіемъ въ ходъ машины, или приспособленіемъ

камней, или наложеніемъ печатей на мѣшки, или содержаніемъ счетныхъ книгъ,—въ дѣйствительности посвящаетъ свой трудъ той же цѣли, какъ и доисторическій дикарь, когда онъ употреблялъ свой топоръ на приготовленіе зерна для человѣческой пищи. Если мы запомнимъ это крѣпко, если мы взглянемъ на производство какъ на цѣлое, какъ на кооперацію всѣхъ для удовлетворенія потребностей каждаго, то мы увидимъ, что вознагражденіе, которое получаетъ каждый за свои усилія, столь же вѣрно приходитъ къ нему отъ природы, какъ подобный же результатъ усилія доставался и первому человѣку. Когда дѣленіе труда вполнѣ установилось, то, вмѣсто того, чтобы каждый пытался удовлетворить всѣмъ своимъ нуждамъ прямымъ обращеніемъ къ природѣ, одинъ ловитъ рыбу, другой охотится, третій собираетъ ягоды, четвертый рветъ плоды, пятый дѣлаетъ орудія, причемъ каждый изъ нихъ въ томъ объемѣ, въ какомъ онъ обмѣнивается прямымъ продуктомъ своего труда на прямой продуктъ труда другихъ, дѣйствительно примѣняетъ свой трудъ къ производству употребляемыхъ имъ вещей, т. е. удовлетворяетъ свои потребности своими усиліями, иными словами—получаемое *производитъ самъ*. Теперь если мы прослѣдимъ эти принципы, довольно очевидные въ простомъ состояніи общества, чрезъ сложное состояніе, называемое цивилизованнымъ, то мы ясно увидимъ, что въ каждомъ случаѣ, въ которомъ трудъ обмѣнивается на товары, производство дѣйствительно предшествуетъ потребленію, плата есть заработокъ,—иными словами, плодъ труда, а не авансъ капитала,—и что рабочій, получающій свою плату въ деньгахъ, получаетъ въ дѣйствительности за то, что его трудъ образовалъ прибавку къ общественному богатству. Горнорабочій, который на глубинѣ 1.000 футовъ, въ сердцѣ Комстона, выкапываетъ серебряную руду, въ дѣйствительности, путемъ тысячи обмѣновъ, собираетъ жатву въ долинахъ; охотящійся за китомъ на арктическомъ ледяномъ полѣ, рвущій табачные листья въ Виргиніи, собирающій кофейныя ягоды въ Гондурасѣ, рѣжущій сахарный тростникъ на Гавайскихъ островахъ, собирающій хлопокъ въ Грузіи и ткущій его въ Манчестерѣ или въ Ловелѣ,—всѣ они подъ видомъ заработной платы получаютъ часть продукта своего собственнаго труда.

Что же именно слѣдуетъ понимать подъ заработною платой и подъ капиталомъ?—спрашиваетъ авторъ и приступаетъ къ отвѣту. Первому изъ этихъ словъ экономистами былъ приданъ до-

статочно опредѣленный смыслъ, но двусмысленности, которыя были связаны съ употребленіемъ второго, вызываютъ на детальное изысканіе. Употребляемое въ обыкновенной рѣчи слово «заработная плата» означаетъ вознагражденіе, получаемое нанятымъ индивидуумомъ за его службу; и мы говоримъ о человѣкѣ «работающемъ за плату» въ противоположность другому, который работаетъ «для самого себя». Употребленіе термина еще болѣе ограничивается обычаемъ примѣненія его только къ вознагражденію, уплачиваемому за ручной трудъ. Нѣтъ рѣчи о заработной платѣ профессіонистовъ, каковы—управляющіе, клерки, но объ ихъ жалованьи, комиссіи, доходахъ. Но въ политической экономіи слово это имѣетъ болѣе широкій смыслъ и разумѣетъ всякую выручку за усилія, даже если она дается не патрономъ, въ виду того различія, какое существуетъ между выручкою съ труда, съ одной, и выручками съ капитала и съ земли, съ другой стороны. Золото, вымытое самостоятельнымъ золотоискателемъ, составляетъ столько же его заработную плату, какъ и деньги, платимыя нанятому горнорабочему за рытье угля хозяиномъ, и, какъ показываетъ Ад. Смитъ, высокая прибыль мелочныхъ торговцевъ представляетъ значительною частью заработную плату (?), служащую вознагражденіемъ за ихъ трудъ, а не за капиталъ. Труднѣе отдѣлить идею капитала отъ тѣхъ двусмысленностей, которыя съ нею смѣшаны, и установить научный смыслъ термина. Въ обыкновенной рѣчи всякій сортъ вещей, имѣющихъ цѣнность или приносящихъ доходъ, называется шаткимъ словомъ капитала, тогда какъ мнѣнія о капиталѣ экономистовъ разнятся въ такой степени, что терминъ этотъ врядъ ли можетъ быть имѣющимъ опредѣленный смыслъ. Авторъ приводитъ затѣмъ многочисленныя цитаты изъ экономическихъ сочиненій, англійскихъ и американскихъ, изъ которыхъ дѣлаетъ тотъ справедливый выводъ, что путаница и самоопроверженіе въ нихъ граничатъ съ невозможностью. Составляетъ лишь незначительную разницу,—продолжаетъ авторъ,—какое имя даемъ мы вещи, или только употребляемое имя мы всегда имѣемъ въ виду относительно однѣхъ и тѣхъ же вещей, а не другихъ. Но затрудненіе, возникающее въ экономической аргументаціи, отъ этихъ шаткихъ опредѣленій капитала состоитъ въ томъ, что только въ посылкахъ сужденія терминъ употребляется въ спеціальномъ смыслѣ, отведенномъ опредѣленію, тогда какъ въ практическихъ заключеніяхъ онъ всегда употребляется въ общемъ и опредѣлен-

номъ смыслѣ. Въ дѣйствительности понимаютъ достаточно хорошо, что такое капиталъ, пока не стали опредѣлять его, и, благодаря сложности его идеи, не расходятся въ разныя стороны въ своихъ опредѣленіяхъ. Обыкновенный смыслъ термина есть тотъ, что капиталъ есть богатство, посвященное производству бо́льшаго богатства. Ад. Смитъ правильно выражаетъ эту общую идею, говоря: «та часть имущества человѣка, отъ которой онъ ожидаетъ полученіе дохода, называется его капиталомъ». И капиталъ общества есть очевидно сумма подобныхъ индивидуальныхъ капиталовъ, или та часть соединеннаго имущества, отъ которой ожидается доставленіе бо́льшаго богатства. Затрудненія, сопровождающія употребленіе слова капиталъ, какъ точный терминъ, и которыя еще болѣе поразительно проявляются въ текущихъ политическихъ и соціальныхъ спорахъ, чѣмъ въ опредѣленіяхъ экономистовъ, вытекаютъ изъ двухъ фактовъ: во-первыхъ, что нѣкоторые классы вещей, обладаніе которыми для индивидуума въ точности соотвѣтствуетъ обладанію капиталомъ, не составляютъ собою части капитала общества; во-вторыхъ, что вещи одного и того же рода могутъ или не могутъ быть капиталомъ, соотвѣтственно предположенію, для котораго онѣ посвящены. Съ небольшимъ вниманіемъ къ этимъ пунктамъ не было бы нисколько затруднительно получить довольно ясную и твердую идею о томъ, что терминъ *капиталъ* собственно заключаетъ въ себѣ въ общемъ употребленіи такое понятіе, которое даетъ намъ возможность сказать, что̀ такое *капиталъ* и что̀ нѣтъ, и употреблять слово безъ двусмыслепности или уклоненія отъ его смысла.

Земля, трудъ и капиталъ суть три фактора производства. Если припомнить, что капиталъ есть терминъ, употребляемый для противоположенія земли и труду, то мы сразу увидимъ, что ничто, надлежащимъ образомъ подведенное подъ одинъ изъ этихъ терминовъ, не можетъ быть собственно классифицировано, какъ капиталъ. Выраженіе «земля» необходимо включаетъ не только поверхность земли, какъ отличную отъ воды и воздуха, но и весь матеріальный міръ внѣ человѣка, такъ какъ только при помощи доступа къ землѣ человѣкъ можетъ придти въ соприкосновеніе съ природой или къ пользованію ею. Выраженіе «земля» обнимаетъ вкратцѣ всѣ естественные матеріалы, силы, угодья, и поэтому ничто свободно доставляемое природой не можетъ считаться капиталомъ. Плодородное поле, богатая жила руды, падающій по-

токъ, доставляющій силу, могутъ дать владѣльцу выгоды, соотвѣтствующія владѣнію капиталомъ; но считать эти вещи за капиталъ значило бы положить конецъ различію между землею и капиталомъ и, насколько они находятся въ извѣстномъ взаимномъ отношеніи, сдѣлать и то и другое выраженія лишенными смысла. Терминъ «трудъ» подобнымъ же образомъ включаетъ всѣ человѣческія усилія, и поэтому человѣческія силы, какъ естественныя, такъ и пріобрѣтенныя, никогда, собственно говоря, не могутъ считаться капиталомъ. Въ общей рѣчи мы часто говоримъ о знаніяхъ человѣка, ловкости или промыслѣ, какъ образующихъ его капиталъ; но это, очевидно, метафорическое выраженіе, котораго нужно избѣгать въ аргументаціи, дорожащей точностью. Превосходство въ подобномъ качествѣ можетъ увеличить доходъ индивидуума, подобно капиталу, и возрастаніе знаній, ловкости и прилежанія въ обществѣ можетъ имѣть то же слѣдствіе въ увеличеніи его производства, какое было бы и отъ возрастанія капитала; но это возрастаніе было бы обязано возросшей силѣ труда, а не капитала. Увеличенная быстрота можетъ придать пушечному ядру то же дѣйствіе, какъ и увеличенный вѣсъ,—и все же вѣсъ есть одна вещь, а быстрота—другая. Итакъ, мы должны исключить изъ капитала всякую вещь, которая можетъ быть включена или въ «землю», или въ «трудъ». Если мы сдѣлаемъ такъ, то останутся только вещи, которыя ни земля, ни трудъ, но которыя произошли изъ соединенія этихъ двухъ факторовъ производства. Ничто не можетъ быть капиталомъ въ собственномъ смыслѣ, что не состоитъ въ такихъ вещахъ,—иными словами, что̀ не богатство. Но именно изъ двусмысленности въ употребленіи этого исключительнаго термина «богатство» произошли многія двусмысленности, относящіяся къ термину «капиталъ». Въ обыкновенномъ языкѣ слово «богатство» примѣняется ко всему, имѣющему мѣновую цѣнность. Но когда оно употребляется какъ терминъ политической экономіи, оно должно имѣть болѣе ограниченный и опредѣленный смыслъ, такъ какъ о многихъ вещахъ говорится, что онѣ—богатство, тогда какъ, если принять во вниманіе коллективное или общее богатство, ихъ вовсе нельзя принять за богатство. Подобныя вещи имѣютъ мѣновую цѣнность и обыкновенно зовутся богатствомъ, насколько онѣ представляютъ силу полученія богатства между индивидуумами или рядами индивидуумовъ; но онѣ не богатство въ самомъ дѣлѣ, такъ что ихъ увеличеніе или умень-

шеніе не дѣйствуетъ на сумму богатства. Таковы чеки, залоговыя бумаги, векселя, банковые билеты и другія сдѣлочныя бумаги для трансферта богатства. Таковы же рабы, цѣнность которыхъ просто представляетъ силу класса присвоивать себѣ заработки другого класса. Таковы земли и естественныя угодья, цѣнность которыхъ есть только результатъ признанія въ пользу отдѣльныхъ лицъ исключительнаго права распоряженія ими и которыя представляетъ только силу, данную собственникамъ требовать долю богатства, произведенную тѣми, кто пользуется имъ. Возрастаніе количества векселей, гипотечныхъ бумагъ, банковыхъ билетовъ не можетъ увеличивать богатство общины, которая включаетъ въ себѣ какъ тѣхъ, кто обѣщаетъ платить, такъ и тѣхъ, кто имѣетъ право получить. Обращеніе въ рабство извѣстной части населенія не могло бы также увеличить богатство народа, такъ какъ то, что выиграли бы рабовладѣльцы, то потеряли бы рабы. Возрастаніе цѣнности земли не представляетъ возрастанія цѣнности общаго богатства, ибо что землевладѣльцы выигрываютъ на высокихъ цѣнахъ, то теряютъ фермеры или покупатели. И все это относительное богатство, которое въ просторѣчіи и въ простомысліи, въ законодательствѣ и въ законѣ не отличается отъ дѣйствительнаго богатства, могло бы быть окончательно уничтожено при помощи нѣсколькихъ капель чернилъ и клочка бумаги. На основаніи повелѣній верховной власти долги могутъ быть отмѣняемы, рабы освобождаемы—безъ того, чтобы цѣнность совокупнаго богатства уменьшилась хоть на щепотку табаку, такъ какъ то, что нѣкоторые потеряютъ, другіе выиграютъ. Не могло быть ни разрушенія, ни увеличенія богатства въ обогащеніи Елисаветою Тюдоръ своихъ фаворитовъ-придворныхъ пожалованіемъ имъ монополій, или въ превращеніи русскихъ крестьянъ Борисомъ Годуновымъ въ рыночную собственность.

Только тѣ вещи могутъ считаться богатствомъ, производство которыхъ увеличиваетъ, а разрушеніе ихъ уничтожаетъ совокупное богатство. Если мы обратимъ вниманіе на то, что такое эти вещи и какова ихъ природа, мы безъ труда опредѣлимъ богатство. Когда мы говоримъ объ увеличеніи общественнаго богатства,—какъ еслибы мы говорили о возрастаніи богатства Англіи со времени вступленія на престолъ Викторіи, или что Калифорнія теперь болѣе богатая страна, чѣмъ пока она была территоріею Мексики,—мы не хотимъ сказать, что тамъ больше земли, или что тамъ больше народу, или что долги или подати,

уплачиваемые однимъ членами этого народа другимъ, увеличились; но мы понимаемъ, что тамъ произошло увеличеніе осязаемыхъ предметовъ, имѣющихъ дѣйствительную, а не относительную только цѣнность,—такихъ, какъ постройки, скотъ, орудія, машины, земледѣльческіе и минеральные продукты, мануфактурные товары, суда, вагоны, мебель и т. п. Возрастаніе подобныхъ вещей есть возрастаніе богатства, а ихъ уменьшеніе есть упадокъ богатства, и общество, имѣющее пропорціонально своему числу такихъ вещей наибольшее количество, есть наиболѣе богатое. Общій характеръ этихъ вещей тотъ, что онѣ состоятъ изъ естественныхъ матерій или продуктовъ, которые были пріурочены человѣческимъ трудомъ къ человѣческому потребленію, причемъ цѣнность ихъ зависитъ отъ количества труда, которое требуется среднимъ числомъ на производство вещей такого рода. Итакъ, богатство, какъ единственный терминъ, который можно употреблять въ политической экономіи, состоитъ изъ предметовъ природы, которые измѣнены человѣческими усиліями такъ, чтобы сдѣлать ихъ полезными для удовлетворенія человѣческихъ желаній. Иными словами, это есть трудъ, отпечатлѣнный на матеріи. Такъ какъ капиталъ есть богатство, посвященное извѣстной цѣли, то ничто не должно быть капиталомъ, что не подпадаетъ подъ это опредѣленіе богатства. Но хотя всякій капиталъ есть богатство, но не всякое богатство — капиталъ. Капиталъ есть только часть богатства,—именно та часть, которая посвящается на производство. Ошибки въ опредѣленіяхъ капитала встрѣчались не только у тѣхъ лицъ, которыя придаютъ форму общественному мнѣнію, руководятъ имъ, пишутъ законы въ парламентахъ, законодательныхъ коммиссіяхъ и на конгрессахъ и исполняютъ ихъ въ судахъ,—не только у тѣхъ авторовъ, которые обременяютъ прессу и затемняютъ сознаніе массою томовъ въ видѣ избитой политической экономіи, считаемыхъ за серьезныя книги игнорантами и за авторитетъ тѣми, кто не думаетъ самъ за себя. Даже такіе даровитые, классическіе авторы, какъ Адамъ Смитъ, не во всемъ правы въ своемъ опредѣленіи капитала. Адамъ Смитъ, напримѣръ, приходитъ къ заключенію, что нѣкоторыя личныя качества человѣка также составляютъ капиталъ, съ чѣмъ невозможно согласиться и что находится въ противорѣчіи съ собственнымъ его опредѣленіемъ капитала, какъ имущества, отъ котораго владѣлецъ ожидаетъ дохода. Эта ошибка, правда, была обойдена наиболѣе крупными послѣдователями Адама Смита, но

и они, въ свою очередь, расходятся въ нѣкоторыхъ частяхъ вопроса, такъ что, напримѣръ, опредѣленія Рикардо и М. Куллоха исключаютъ запасъ ювелира изъ капитала и, сверхъ того, вносятъ въ капиталъ съѣстные припасы и платье рабочаго, чего у Адама Смита не встрѣчается и что явно не можетъ быть названо капиталомъ, если слѣдуетъ проводить *какое-либо различіе между капиталистомъ и рабочимъ*. Вообще же они принимаютъ терминъ «капиталъ» въ томъ его общепринятомъ смыслѣ, что онъ есть часть богатства, которую ея собственники не предполагаютъ (да и не могутъ!) употребить на цѣли собственнаго удовольствія, а съ цѣлью полученія бо́льшаго богатства. Это единственный смыслъ, въ которомъ терминъ «капиталъ» выражаетъ твердую идею,—единственный смыслъ, въ которомъ можно отдѣлить его отъ богатства и поставить въ отношеніе съ трудомъ. Еслибы въ данное время дюжина умныхъ людей, которые ничего не читали по политической экономіи, представили бы *in situ* предметы дѣйствительнаго богатства, то сомнительно, различили ли бы они по отдѣльнымъ предметамъ, должны ли они принадлежать къ капиталу или нѣтъ. Деньги, которыя ихъ владѣлецъ держитъ при своемъ дѣлѣ или въ спекуляціи, были бы сочтены за капиталъ; деньги, отложенныя для хозяйства или для личныхъ расходовъ, не были бы сочтены за него. Часть жатвы фермера, содержимая для продажи или посѣва или на прокормленіе своимъ помощникамъ, въ видѣ платы рабочимъ, была бы признана капиталомъ, а то, что онъ держитъ на нужды семейства, не было бы признано за капиталъ. Лошади и возъ возничаго были бы приняты за капиталъ, но экипажъ, содержимый для удовольствія владѣльца, не былъ бы. Иной захотѣлъ бы посчитать за капиталъ фальшивые волосы на головѣ женщины, сигару во рту курящаго, или игрушку, которой играетъ дитя; но запасъ товаровъ у торговца волосами, у продавца табаку и у продавца игрушекъ былъ бы несомнѣнно и немедленно сочтенъ за капиталъ. Сюртукъ, который портной выставилъ на продажу, былъ бы признанъ капиталомъ, но не тотъ сюртукъ, который онъ сшилъ самому себѣ. Желѣзо въ рукахъ литейщика или торговца признавалось бы за капиталъ, но не то желѣзо, которое служило бы балластомъ въ увеселительной яхтѣ. Пища въ обладаніи содержателя отеля или ресторана была бы признана за капиталъ, но пища въ кострюлѣ домохозяйки или въ корзинкѣ рабочаго—нѣтъ. Мѣха кузнеца, ткацкіе станки на фабрикѣ были

бы капиталомъ, но не швейная машина женщины, которая работаетъ только на себя; строенія для найма или употребляемыя для дѣла или производительныхъ цѣлей были бы капиталомъ, но не домъ для себя. Короче, мы нашли бы, что теперь, какъ и во времена Ад. Смита, «та часть запаса человѣка есть капиталъ, отъ которой онъ ожидаетъ полученіе дохода».

Теперь, послѣ того, какъ мы отдѣлили такимъ образомъ богатство, которое есть капиталъ, отъ богатства, которое не есть капиталъ, мы взглянемъ на различіе между этими двумя классами вещей, и найдемъ его не въ характерѣ, качествахъ или окончательномъ назначеніи самихъ вещей, какъ напрасно дѣлались попытки утверждать; но автору кажется, что это различіе найдется въ томъ, состоятъ ли оба эти класса въ собственности потребителя или не состоятъ. Такіе предметы богатства, которые сами по себѣ, въ своемъ употребленіи или же въ своихъ продуктахъ (?) стоятъ передъ обмѣномъ, суть капиталъ; тѣ же предметы, которые находятся въ рукахъ у потребителя, не суть капиталъ. Поэтому, если мы опредѣлимъ капиталъ, какъ *богатство въ теченіи обмѣна*, разумѣя, что обмѣнъ включаетъ не только переходъ вещей изъ рукъ въ руки, *но также и преобразованія, происходящія, когда воспроизводительныя или преобразующія силы природы утилизированы для увеличенія богатства*, мы должны, по мнѣнію автора, обнять всѣ вещи, которыя идея капитала въ собственномъ смыслѣ включаетъ, и отбросить всѣ тѣ, какія она исключаетъ. Подъ это опредѣленіе, какъ кажется автору, подходятъ всѣ такія орудія, которыя суть дѣйствительный капиталъ, такъ какъ только отъ того, обмѣниваются или нѣтъ ихъ услуги или употребленіе, зависитъ, представляетъ ли орудіе капиталъ или только предметъ богатства. Такимъ образомъ богатства, помѣщенныя на сооруженіе желѣзной дороги, общественной телеграфной линіи, станціонныхъ каретъ, театра, отеля могутъ быть признаны помѣщенными въ теченіе обмѣна. Обмѣнъ совершается не вдругъ, а мало-помалу, съ неопредѣленнымъ числомъ людей. Наконецъ обмѣнъ приходитъ къ концу и «потребители» желѣзной дороги, телеграфовъ, дилижансовъ, театра или отеля *не собственники*, а только лица, которыя отъ времени до времени *пользуются* ими. То пониманіе *производства*, которое ограничиваетъ его только изготовленіемъ вещей, слишкомъ узко. Производство обнимаетъ не только производство вещей, но и доставленіе ихъ къ потребителю. Купецъ

или содержатель склада такимъ образомъ есть дѣйствительно *производитель*, какъ и мануфактурнстъ и фермеръ, и его фондъ-капиталъ такъ же точно посвященъ производству, какъ и ихъ.

II.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда рабочій есть вмѣстѣ и хозяинъ и беретъ себѣ непосредственно въ вознагражденіе продуктъ своей работы, достаточно ясно, что заработная плата не извлекается изъ капитала, а составляетъ прямой результатъ труда. Если, напримѣръ, кто-нибудь посвящаетъ свой трудъ на собираніе птичьихъ яицъ или дикихъ ягодъ, то яйца и ягоды онъ получаетъ какъ заработную плату. Разумѣется, никто не станетъ утверждать, что въ настоящемъ случаѣ заработная плата извлечена изъ капитала. Въ этомъ случаѣ нѣтъ никакого капитала. Такимъ же образомъ, если кто возьметъ кусокъ кожи и сошьетъ себѣ башмаки, эти башмаки будутъ его заработной платой. Очевидно, башмаки эти не были извлечены изъ капитала, принадлежащаго этому лицу или другому, но получили существованіе — благодаря труду, за который стали заработною платой; и, получая эту плату башмаками, какъ плату за свой трудъ, упомянутое лицо не дало капиталу уменьшить ее ни на одну іоту. Еще Ад. Смитъ (Chapt. VIII) сказалъ про такой же случай: «Продуктъ труда составляетъ естественное вознагражденіе или плату за трудъ. Въ этомъ первобытномъ состояніи вещей, которое предшествуетъ какъ аппропріаціи земли, такъ и накопленію капитала, весь продуктъ труда принадлежитъ рабочему. Онъ не имѣетъ ни ландлорда, ни хозяина, которые бы дѣлились съ нимъ». Еслибы великій шотландецъ взялъ это мѣсто за начальный пунктъ своей аргументаціи и продолжалъ бы смотрѣть на продуктъ труда какъ на естественную заработную плату рабочаго, а на ландлорда и хозяина — какъ на участниковъ въ полученіи ея, то заключенія его были бы совсѣмъ иныя, и нынѣшняя политическая экономія не стала бы содержать въ себѣ такой массы противорѣчій и абсурдовъ; но, вмѣсто того, чтобы слѣдовать за истиною, очевидною въ простыхъ способахъ производства, служащею ключомъ сквозь путаницу болѣе сложныхъ формъ, онъ признаетъ ее на одинъ моментъ, потомъ непосредственно покидаетъ ее и, утверждая, что «въ каждой части Европы двадцать рабочихъ служатъ на хозяина и только одинъ

независимъ»,—онъ снова начинаетъ изслѣдованіе съ той точки зрѣнія, съ которой хозяинъ разсматривается, какъ доставляющій изъ своего капитала заработную плату своимъ рабочимъ. Очевидно, что въ такомъ установленіи пропорціи самостоятельныхъ рабочихъ, какъ 1 къ 20, Адамъ Смитъ имѣлъ въ виду лишь механическіе роды промышленности; включая же сюда всѣхъ рабочихъ, пропорція тѣхъ, которые получали свой заработокъ безъ вмѣшательства патрона, должна была быть въ Европѣ за сто лѣтъ до нашихъ дней гораздо больше, чѣмъ эта. Не говоря о независимыхъ рабочихъ, которые въ каждой общинѣ существуютъ въ значительномъ числѣ, земледѣліе въ обширныхъ округахъ Европы со временъ Римской имперіи было отправляемо по системѣ половничества, при которой капиталистъ получаетъ свою выручку отъ рабочаго, а не рабочій отъ капиталиста. Во всякомъ случаѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ которыхъ общій законъ заработной платы долженъ примѣняться столь же полно, какъ и въ Европѣ, вопреки прогрессу мануфактуръ, весьма большая часть народа до сихъ поръ остается самостоятельными хозяевами, причемъ пропорція рабочихъ, которые получаютъ свою плату отъ хозяевъ, должна быть сравнительно мала.

Поищемъ ключа, который уронилъ Ад. Смитъ, и, идя впередъ шагъ за шагомъ, взглянемъ, сохранится ли отношеніе фактовъ, очевидное въ простѣйшей формѣ производства, въ наиболѣе сложной. Даже въ простотѣ того «первобытнаго состоянія вещей», многіе примѣры котораго и теперь еще можно встрѣтить, гдѣ весь продуктъ принадлежитъ рабочему, встрѣчается сдѣлка, въ которой рабочій, хотя и трудясь на другое лицо или на капиталъ другого лица, получаетъ свою плату въ натурѣ,—иными словами, въ предметахъ, которые произвелъ его трудъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ случаѣ самостоятельнаго рабочаго, совершенно ясно, что заработная плата дѣйствительно извлекается изъ продукта труда, а не изъ капитала. Если кто-либо нанимаетъ человѣка собирать яйца, рвать ягоды или шить башмаки, платя ему яйцами, ягодами или башмаками его собственнаго производства, то не можетъ быть вопроса, что источникъ заработной платы есть трудъ, за которой она платится. Этой формы придерживались аренды скота въ древней Ирландіи — sacr-and-dacr, которыя такъ ясно описаны г. Г. Мэномъ въ его «Древней исторіи учрежденій», какъ показывающія отношеніе между хозяиномъ и эксплуатируемымъ, причемъ заемщикъ скота превра-

щался въ крѣпостного или вассала господина, который такимъ образомъ эксплуатировалъ его. Это было на такихъ же условіяхъ, на какихъ Іаковъ работалъ на Лавана, и до настоящихъ дней, даже въ цивилизованныхъ странахъ, этотъ способъ занимать трудъ не рѣдокъ. Фермерство по системѣ долей, преобладающее въ значительныхъ размѣрахъ въ Южныхъ Штатахъ и Калифорніи, система половниковъ въ Европѣ, равно какъ и многіе случаи, въ которыхъ прикащики, управляющіе, солильщики оплачиваются въ процентахъ прибыли, — что̀ представляютъ они, какъ не занятіе труда за плату, которая состоитъ въ части его продукта? Ближайшій шагъ отъ простоты къ сложности состоитъ въ томъ, что заработная плата, хотя оцѣненная въ натурѣ, выплачивается какимъ-нибудь другимъ эквивалентомъ. Напримѣръ, на американскихъ китоловныхъ судахъ каждый участникъ имѣетъ право на извѣстную долю добычи, которая колеблется отъ $^1/_{16}$ до $^1/_{12}$ для капитана и отъ $^3/_{100}$ для каютнаго мальчика-слуги. Когда китоловное судно возвращается въ Нью-Бедфордъ или въ С.-Франциско, оно несетъ на своей палубѣ заработную плату своего экипажа, а также и прибыль своихъ собственниковъ и эквивалентъ, который вознаградитъ ихъ за все израсходованное въ пути. Точно также компанія, занимающаяся сборомъ яицъ морской птицы на Фаркаллонскихъ островахъ близъ С.-Франциско, могла бы нанимать для этого сбора людей за долю яицъ; но такъ какъ птицъ множество, онѣ смирны и столько-то яицъ можетъ быть собрано такимъ-то трудомъ, то компанія предпочитаетъ платить своимъ рабочимъ постоянную плату. По прошествіи сезона люди возвращаются и получаютъ условленную плату въ деньгахъ. Въ другомъ подобномъ случаѣ одинъ американецъ занимался ловлею тюленей въ Санъ-Буенавентура, ради ихъ сала и шкуръ, причемъ, беря съ собою для помощи въ экспедиціяхъ двухъ или трехъ китайцевъ, онъ имъ первоначально платилъ натурой; но такъ какъ китайцы особенно высоко цѣнятъ нѣкоторые органы тюленя, которые они сушатъ и превращаютъ въ порошокъ для лѣкарства, то они попросили его платить имъ этими частями тѣла тюленя.—Вообще фактъ состоитъ въ томъ, что рабочіе сами снабжаютъ себя собственными завтраками и платьемъ, въ которомъ они ходятъ работать, и дальнѣйшій фактъ—въ томъ, что капиталъ (въ смыслѣ, въ которомъ это слово употребляется въ отличіе отъ труда) въ исключительныхъ случаяхъ можетъ, но никогда не бываетъ при-

нуждетъ давать авансы труду — прежде, чѣмъ начнется дѣло. Точное время полученія рабочимъ платы за свою работу въ данномъ случаѣ несущественно; существенный пунктъ, однако, тотъ, что *время уплаты наступаетъ всегда послѣ совершенія труда*, и, слѣдовательно, не патронъ является кредиторомъ рабочаго, а рабочій патрона. Такъ какъ въ обмѣнъ труда за плату патронъ всегда получаетъ капиталъ, созданный трудомъ, прежде чѣмъ уплатилъ изъ капитала плату, то въ какомъ же пунктѣ уменьшался его капиталъ даже временно? Возьмемъ, напримѣръ, мануфактуриста, который занятъ превращеніемъ сырья въ окончательные продукты: хлопка—въ матеріи, желѣза—въ товары, кожи—въ сапоги и тому подобное, и который оплачиваетъ рабочія «руки», какъ вообще бываетъ, разъ въ недѣлю. Сдѣлаемъ точный инвентарь его капитала въ *понедѣльникъ утромъ*, до начала работъ, и онъ будетъ состоять изъ построекъ, машинъ, сырья, денегъ на рукахъ и оконченныхъ продуктовъ въ запасѣ. Предположимъ, что, ради простоты, онъ никогда не продаетъ и не покупаетъ среди недѣли, и послѣ того, какъ работа остановилась и онъ заплатилъ рукамъ въ *субботу вечеромъ*, сдѣлаемъ новый инвентарь его капитала. Итогъ денегъ будетъ меньше, потому что часть ихъ была отдана въ видѣ заработной платы; сырого матеріала будетъ меньше, угля и проч., и особый вычетъ долженъ быть сдѣланъ изъ цѣнности строеній и машинъ за недѣльную ихъ работу и треніе. Но если онъ дѣлаетъ хорошо вознаграждаемое дѣло, что и должно быть на-лицо среднимъ числомъ, то итогъ готовыхъ продуктовъ окажется настолько больше, что возстановитъ всѣ остальные минусы и покажетъ въ суммѣ *возрастаніе капитала*. Итакъ, очевидно, что цѣнность, уплаченная имъ за «руки», не была взята изъ его капитала или изъ капитала другого лица. Она произошла не изъ капитала, а изъ цѣнности, созданной вновь самимъ трудомъ. Рабочій, трудящійся на хозяина, не долженъ получать своей платы раньше, чѣмъ онъ кончитъ свою работу, и въ этомъ онъ похожъ на вкладчика въ банкъ, который не можетъ взять изъ банка деньги, пока онъ не вложилъ ихъ туда. И какъ вкладчикъ, извлекая то, что онъ предварительно вложилъ, не уменьшаетъ тѣмъ капитала банка, точно такъ и рабочіе, получая плату, не уменьшаютъ капиталъ своего патрона или даже всего общества. Справедливо, что, получая плату, рабочіе получаютъ прошлое богатство въ той же формѣ, въ ка-

кой они произвели его, точно такие какъ и вкладчикъ банка получаетъ назадъ не ту же монету или билеты, какіе онъ внесъ, но въ формѣ эквивалента.

Въ прежнее время въ Калифорніи, какъ вослѣдствіи и въ Австраліи, рабочій, нашедшій въ рѣкѣ поверхность съ запасомъ блестящихъ частичекъ, которыя медленный процессъ природы накопилъ въ теченіе многихъ лѣтъ, собиралъ или вымывалъ свою «плату» (такъ называлась она) въ дѣйствительныхъ деньгахъ, такъ какъ монета была скудна, и золотой порошокъ шелъ въ обращеніе по вѣсу, такъ что по окончаніи дня онъ имѣлъ свою плату въ кожаномъ мѣшечкѣ въ карманѣ. Не можетъ быть спора, произошла ли эта плата изъ капитала или труда,—она была очевидно продуктомъ труда. Когда монета появилась въ большемъ количествѣ, ея большее удобство отвело золотому песку мѣсто товара. Если патронъ имѣлъ довольно монеты для уплаты за свои «руки», то, вмѣсто того, чтобы продавать песокъ въ ближайшій складъ и платить прибыль торговцу, онъ держалъ его при себѣ, пока его не собиралось столько, чтобы сдѣлать маленькое путешествіе и послать его съ экспрессомъ въ С.-Франциско, гдѣ, на монетномъ дворѣ, онъ можетъ превратить его въ монету безвозмездно. Но никто не былъ бы настолько недогадливъ, чтобы вообразить, что, накопляя такимъ образомъ золотой порошокъ и платя за «руки» монетой, онъ уменьшалъ свой капиталъ. Но авансы, на которые можно было работать безъ предварительнаго труда, были скоро истощены и добываніе золота вскорѣ приняло болѣе выработанный видъ. Пока участки приносили еще какой-нибудь доходъ, необходимо было рыть глубокія шахты, строить громадныя плотины, пробивать длинные туннели сквозь скалы, проводить воду на цѣлую милю съ горныхъ вершинъ и поперекъ глубокихъ долинъ и пускать въ ходъ дорогія машины. Эти приспособленія не могли быть построены безъ капитала. Иногда ихъ постройка требовала годовъ, въ теченіе которыхъ было невозможно разсчитывать ни на какую выручку, тогда какъ занимаемымъ людямъ приходилось платить каждую недѣлю, каждый мѣсяцъ. Навѣрное могутъ сказать, что въ такихъ случаяхъ, если не въ другихъ, заработная плата должна исходить изъ капитала. Посмотримъ. Легкій анализъ покажетъ намъ, что и эти случаи, къ которымъ нужно причислить и другіе, напримѣръ: земледѣліе, гдѣ пахота и посѣвъ должны происходить за нѣсколько мѣсяцевъ до сбора жатвы, сооруженіе зданій, постройку су-

довъ, желѣзныхъ дорогъ и проч., и въ которыхъ заработная плата выдается прежде окончанія производства или продукта, — не требуютъ исключенія изъ очевиднаго правила, что плата выдается только по окончаніи продукта. Если кто-либо пойдетъ къ маклеру обмѣнять серебро на золото, онъ положитъ свое серебро, которое маклеръ сосчитаетъ, отложитъ въ сторону и вручитъ ему эквивалентъ въ золотѣ минусъ комиссія. Далъ ли ему маклеръ какой-нибудь капиталъ?—Конечно, нѣтъ. Что маклеръ имѣлъ прежде въ золотѣ, то онъ имѣетъ теперь въ серебрѣ плюсъ его прибыль. И такъ какъ онъ получилъ серебро прежде, чѣмъ выдалъ золото, то съ его стороны не было ссуды капитала ни на одинъ моментъ. Вотъ эта-то операція маклера въ точности аналогична съ тою, которую дѣлаетъ капиталистъ, когда въ случаяхъ, подобныхъ вышеуказаннымъ, онъ отдаетъ плату изъ капитала. Такъ какъ обнаруженіе труда предшествуетъ выдачѣ платы, и какъ проявленіе труда въ производствѣ включаетъ созданіе цѣнности, то патронъ получаетъ цѣнность прежде, нежели онъ ее выплачиваетъ,—онъ только мѣняетъ капиталъ одной формы на капиталъ другой. Такъ какъ созданіе цѣнности не должно зависѣть отъ окончанія продукта, занимая мѣсто на каждой ступени производства, какъ непосредственный результатъ примѣненія труда, то все равно, долго или не долго продолжается процессъ, въ которомъ трудъ затраченъ, послѣдній всегда увеличиваетъ капиталъ своимъ усиліемъ прежде, чѣмъ онъ беретъ отъ капитала свою заработную плату.

Возьмите молотъ кузнеца, пароходъ, зданіе, ножъ, книгу, наперстокъ леди или кусокъ хлѣба. Все это — готовые продукты. Но они не были произведены одною операціей или одною группой производителей. Въ случаѣ молотка, какъ и парохода послѣдній ударъ не больше, нежели первый, создаетъ окончательную цѣнность продукта,—созданіе цѣнности непрерывно и непосредственно вытекаетъ изъ трудового усилія. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ съ ясностью совершается посредствомъ производства прибавка къ капиталу. Говоря короче, выдача заработной платы всегда обусловливается обнаруженіемъ труда; плата эта, все равно, какъ ни продолжителенъ процессъ производства, никогда не заключаетъ предварительной затраты капитала, никогда даже временно не уменьшаетъ этого послѣдняго. Построеніе судна можетъ продолжаться годъ, два и болѣе, но при этомъ созданіе цѣнности, котораго судно будетъ суммой, идетъ

день за днемъ, часъ за часомъ съ того времени, какъ заложенъ киль или когда очищена для него почва. Отдачею рабочимъ платы прежде окончанія постройки судна строитель не уменьшаетъ ни своего капитала, ни капитала всего общества, такъ какъ цѣнность по частямъ исполняемаго строенія судна становится на мѣсто цѣнности, выданной подъ видомъ заработной платы. Нѣтъ никакой предварительной затраты капитала въ выдачѣ платы рабочимъ, такъ какъ трудъ рабочихъ въ теченіе недѣли или мѣсяца создаетъ и отдаетъ строителю *болѣе капитала*, чѣмъ уплачено имъ въ концѣ недѣли или мѣсяца, какъ доказывается фактомъ, что еслибы строитель на какой-нибудь ступени постройки получилъ предложеніе продать неоконченное судно, *то ожидалъ бы прибыли*. И даже въ тѣхъ случаяхъ, когда пролагается туннель или каналъ, нѣтъ никакой предварительной затраты капитала на заработную плату. Туннель или каналъ, по мѣрѣ проложенія ихъ и по мѣрѣ того, какъ расходуются деньги на прорѣзку ихъ, становятся капиталомъ, причемъ въ этотъ капиталъ входитъ цѣнность пороха, буравовъ, пищи и платья рабочихъ, какъ то доказываетъ фактъ, что капиталъ компаніи не измѣняется, потому что его форма постепенно замѣняется другою—формою туннеля или канала. Наоборотъ, весьма вѣроятно, что онъ возрастаетъ, какъ дѣло прогресса (?), такъ, какъ возросталъ бы среднимъ числомъ капиталъ, помѣщенный въ быстрѣйшей формѣ производства (а въ тихой формѣ производства онъ не возросталъ бы?).

И то же самое очевидно въ земледѣліи. Что созданіе цѣнности не происходитъ сразу лишь тогда, когда собирается жатва, но шагъ за шагомъ, въ теченіе всего процесса, который включаетъ въ себя и жатву, а также, что отдача платы рабочимъ не уменьшаетъ нисколько капитала фермера,—особенно осязательно тогда, когда земля продана или сдана въ аренду въ теченіе процесса обработки, когда вспаханное поле считается приносящимъ больше не паханнаго и засѣянное поле больше, чѣмъ вспаханное. Столь же осязательно это и тогда, когда жатва продолжается на корнѣ, какъ это бываетъ иногда, или когда фермеръ жнетъ хлѣбъ не самъ, а при помощи контракта съ владѣльцемъ машинъ. Также замѣтно это и по отношенію къ фруктовымъ садамъ, виноградникамъ, лошадямъ, рогатому скоту и овцамъ, которые возрастаютъ въ цѣнности по мѣрѣ приближенія къ своей полной зрѣлости. Отсюда видно, что трудъ проявъ-

ляется раньше, чѣмъ выдана заработная плата, или что *предварительная затрата капитала въ дѣйствительности выдается трудомъ отъ лица рабочихъ хозяину, а не отъ хозяина рабочимъ.* «Однако,—могутъ возразить автору,—въ тѣхъ случаяхъ, которые онъ разсматривалъ, капиталъ *требуется*». Конечно, авторъ не споритъ противъ этого, но онъ требуется не для того, чтобы сдѣлать авансъ труду, а для совсѣмъ другого назначенія. Когда заработная плата выдается натурой, если наприм. кто-нибудь найметъ людей рубить дрова, обѣщая уплатить имъ частью дровъ, то очевидно, что не требуется никакого капитала на заработную плату. Даже и тогда, когда, въ видахъ взаимнаго удобства, исходя изъ того факта, что большое количество дровъ можетъ быть продано скорѣе и выгоднѣе, чѣмъ то же количество по-мелочи, платящій денежную сумму вмѣсто дровъ будетъ нуждаться въ капиталѣ или нѣтъ, это зависитъ отъ того, будетъ ли онъ въ состояніи продать дрова раньше отдачи заработной платы, или не будетъ. Только когда онъ не можетъ сдѣлать подобнаго обмѣна или такого выгоднаго обмѣна, какого хочетъ, то, пока онъ не накопитъ извѣстнаго количества дровъ, онъ станетъ нуждаться въ капиталѣ. Даже и тогда онъ не нуждался бы въ немъ, еслибы совершилъ частный обмѣнъ, занимая деньги подъ дрова. Въ противномъ случаѣ хотя ему и нуженъ капиталъ, но не для выдачи заработной платы, а для накопленія большого запаса дровъ.

То же самое найдемъ мы во всякой отрасли промышленности. Капиталъ нигдѣ не откладывается въ сторону для отдачи заработной платы, если продуктъ труда, за который идетъ эта плата, мѣняется, какъ скоро произведенъ; капиталъ требуется только въ случаѣ накопленія этого продукта, или, что для отдѣльнаго лица то же самое, въ случаѣ помѣщенія его въ общее теченіе обмѣна, но безъ сбыта сразу, то-есть въ случаѣ продажи въ кредитъ. Но капиталъ требуемый такимъ образомъ не есть капиталъ для аванса труду или уплаты рабочимъ, такъ какъ онъ всюду представляется продуктомъ труда.

Если резюмировать вышесказанное, то можно придти къ такимъ заключеніямъ. Человѣкъ, трудящійся самъ на себя, получаетъ свою заработную плату въ вещахъ имъ производимыхъ, по мѣрѣ ихъ производства, мѣняя эту цѣнность на другую форму цѣнности, если продаетъ продуктъ. Человѣкъ, трудящійся на другого за условленную денежную плату, трудится по договору обмѣна,

слѣдовательно создаетъ свою заработную плату, расходуя свой трудъ, но получая ее исключительно въ опредѣленное время, въ опредѣленномъ размѣрѣ и въ различной формѣ. Совершая трудъ, онъ даетъ въ обмѣнъ предварительную затрату; когда онъ получаетъ свою плату, обмѣнъ законченъ. Въ теченіе времени зарабатыванія своей платы онъ даетъ впередъ капиталъ своему патрону, но не тогда, когда плата выдается до окончанія дѣла, въ какомъ случаѣ патронъ даетъ ему капиталъ впередъ. Немедленно ли перепродаетъ патронъ продуктъ, полученный имъ за выдачу заработной платы, или продержитъ его у себя, это не измѣняетъ характера сдѣлки, а касается только назначенія продукта, на какое употребитъ его послѣдній получатель, который, быть-можетъ, найдется въ другомъ концѣ свѣта и въ концѣ цѣлаго ряда обмѣновъ, считающихся сотнями.

Но въ умѣ читателя можетъ образоваться обидное противорѣчіе. Такъ какъ человѣкъ, ведущій плугъ, не можетъ ѣсть борозды, а также отчасти лишь построенная паровая машина не можетъ производить платья, которое носитъ машинистъ, то развѣ авторъ забылъ, что, говоря словами Милля, «народъ въ странѣ содержится и удовлетворяетъ своимъ нуждамъ не продуктомъ настоящаго труда, а прошлаго?» Или, употребляя языкъ популярнаго произведенія г. Фоусетта,—«не забылъ ли авторъ, что должно пройти много мѣсяцевъ между посѣвомъ хлѣба и временемъ, когда продуктъ этого посѣва превратится въ кусокъ хлѣба» *), и, слѣдовательно, очевидно, что рабочіе не могутъ жить тѣмъ, что можетъ, помогая имъ, произвести ихъ трудъ, но содержатся на то богатство, которое произведено ихъ трудомъ или трудомъ другихъ *предварительно*,—богатство, называемое капиталомъ» (Polit. Economy for Beginners, by M. G. Fawcett,

*) Любопытно, что то, чего, повидимому, не понимаетъ проф. Фоусеттъ, понималъ уже депутатъ отъ шляхетства Екатерининской комиссіи Козельскій, который въ отвѣтъ на доводы консервативныхъ ораторовъ, что земледѣлецъ съ освобожденіемъ лишится помощи ихъ господина во время неурожая и другихъ несчастій, онъ утверждалъ, что помѣщики помогаютъ крестьянамъ ихъ же собственнымъ добромъ. „Мнѣ кажется,—писалъ онъ,—что помѣщикъ, сколько бы ни богатъ былъ, то онъ въ разсужденіи помѣстья своего и отъ него же богатъ; и такъ, если онъ не лишаетъ крестьянъ собственнаго хлѣба, скота и всего ихъ пропитанія, такъ гдѣ же онъ... возьметъ всего того, чѣмъ бы ему во время нужды, т. е. въ самомъ крайнемъ недостаткѣ, каждаго изъ крестьянъ своихъ снабдить; невозможное дѣло: отъ сего благодѣянія и владѣющій принцъ скоро откажется“ („*Семевскій*: „Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II“. *Отеч. Записки*“ 1870 г., № 11, стр. 255).

Chap. III, p. 25).—Признаніе, сдѣланное въ этихъ цитатахъ, до того очевидно само собою, — что трудъ долженъ быть содержимъ капиталомъ,—что предположеніе это достаточно выставить на видъ, чтобы принудить къ признанію его,—проходитъ черезъ всю фабрику ходячей политической экономіи. И столь довѣрчиво раздѣляется мнѣніе о томъ, что трудъ содержится на счетъ капитала, что предположеніе: «народонаселеніе регулируетъ себя фондами, существующими для употребленія его, и слѣдовательно повсюду возрастаетъ или уменьшается съ возрастаніемъ или уменьшеніемъ капитала» (слова Рикардо, Chap. II),—разсматривается во всѣхъ главныхъ сочиненіяхъ какъ аксіома и въ свою очередь становится основою важныхъ заключеній. Но, будучи разрѣшены, эти предположенія окажутся не очевидными сами по себѣ, а абсурдами, такъ какъ они включаютъ идею, что трудъ не можетъ совершаться безъ того, чтобы продукты труда были сбережены,—иными словами, *ставя продуктъ впереди производителя*. И будучи разсмотрѣны внимательно, они покажутъ, что извлекаютъ свое кажущееся достоинство изъ путаницы мысли.

Авторъ уже указалъ на промахъ, прикрываемый ошибочнымъ опредѣленіемъ, поддерживающимъ то предположеніе, что такъ какъ пища, одежда и кровъ необходимы для производительнаго труда, то поэтому и промышленность ограничена капиталомъ. Сказать, что человѣкъ долженъ позавтракать прежде, чѣмъ идти работать, не значитъ сказать, что онъ не можетъ идти работать, пока капиталъ не угоститъ его завтракомъ, такъ какъ его завтракъ ведетъ свое начало не изъ богатства, отложеннаго впередъ для производства, а изъ богатства, отложеннаго на сторону для существованія — повсюду, гдѣ не ожидается дѣйствительный голодъ. И, какъ было сказано выше, пища, платье и проч., короче, всѣ предметы богатства—капиталъ лишь до тѣхъ поръ, пока они остаются въ рукахъ тѣхъ, которые предлагаютъ обмѣнять ихъ на другіе предметы или на производительныя услуги, и перестаютъ быть капиталомъ, когда переходятъ въ обладаніе тѣхъ, кто желаетъ потреблять ихъ, такъ какъ въ этой сдѣлкѣ они переходятъ изъ фонда богатства, содержимаго съ цѣлью удовлетворенія потребностей, независимо отъ того, будетъ ли потребленіе ихъ оказывать помощь производству богатства или нѣтъ. Если это различіе не проведено, то невозможно провести черту между богатствомъ, которое капиталъ, и богатствомъ,

которое не капиталъ, даже отсылая проведеніе этого различія къ «уму обладателя», какъ совѣтуетъ Джонъ Стюартъ Милль, такъ какъ люди не ѣдятъ и не воздерживаются отъ ѣды, не носятъ платьевъ и не ходятъ голыми, смотря по тому, предполагаютъ ли они принять участіе въ производительномъ трудѣ или нѣтъ. Вы найдете одинаково пищу на столѣ рабочаго, который пойдетъ или не пойдетъ сегодня работать, смотря по обстоятельствамъ. Если содержаніе труда относится на счетъ различія между капиталомъ и не капиталомъ, то есть ли эта пища капиталъ или нѣтъ? Сказать, что это—капиталъ, невозможно ни самому рабочему, ни какому-либо изъ философовъ школы Рикардо-Милля. Не болѣе это можно сказать и тогда, когда пища эта вошла въ желудокъ; предполагая даже, что рабочій сначала не пошелъ на фабрику, а продолжаетъ изслѣдованіе, все же нельзя этого сказать до тѣхъ поръ, пока пища не перешла въ кровь и ткани. Во всякомъ случаѣ человѣкъ ѣстъ свой завтракъ исключительно самъ. Автору кажется, что предположеніе о содержаніи труда продуктомъ прошедшаго труда на основаніи анализа покажетъ, что оно истинно только въ томъ смыслѣ, что послѣобѣденная работа должна быть исполняема при помощи обѣденной ѣды, или, что если вы ѣдите зайца, онъ долженъ быть сжаренъ и приготовленъ *). А это, разумѣется, не тотъ смыслъ, въ которомъ предположеніе это употребляется для поддержки важнаго аргумента, опирающагося на него. Этотъ смыслъ заклю-

*) То же самое соображеніе высказывали мы въ статьѣ нашей „Родбертусъ Ягецовъ“ (*Юрид. Вѣстникъ* 1881 г., февраль) по поводу положенія Родбертуса, совершенно совпадающаго по смыслу съ положеніемъ Джорджа: „Совершенно справедливо, что всякій продуктъ, необходимый для производства, т. е. какъ орудія и матеріалы, такъ и предметы непосредственнаго потребленія, слѣдовательно также и капиталъ, когда рѣчь идетъ о капиталистическомъ хозяйствѣ, должны быть на-лицо передъ самымъ началомъ процесса производства. Вѣрное само по себѣ, это положеніе означаетъ однако не болѣе какъ то, что всякій предметъ долженъ быть готовъ прежде своего потребленія: машины и матеріалы—до начала производства, пища, одежда и жилище—прежде, чѣмъ онъ станетъ работать. Но спрашивается, кто же этого не зналъ заранѣе, и какимъ образомъ столь банальная вещь можетъ заключать въ себѣ ни болѣе, ни менѣе какъ объясненіе происхожденія дохода на капиталъ, въ качествѣ вознагражденія за своевременную поставку предметовъ, готовыхъ къ потребленію? Вѣдь необходимость для всякаго предмета быть готовымъ къ дѣлу есть простая необходимость природы, свойственная всякой человѣческой индустріи, все равно, прибѣгаетъ ли она къ помощи капиталиста, какъ въ Европѣ, или не прибѣгаетъ, какъ на островахъ Самоанскихъ“.

Н. З.

чается въ томъ, что занятіе, которое не тотчасъ оканчивается созданіемъ богатства, пригоднаго для существованія, не можетъ быть продолжаемо, если не существуетъ запаса жизненныхъ припасовъ, которые прокармливали бы рабочихъ въ теченіе процесса производства. Посмотримъ, правда ли это.

Каное, которое Робинзонъ Крузе сдѣлалъ съ такимъ безконечнымъ трудомъ и страданіями, было продуктомъ, въ которомъ его трудъ не могъ получить немедленной выручки. Но что необходимо, это — чтобы прежде, чѣмъ онъ приступилъ къ дѣлу, онъ накопилъ бы запасъ пищи, достаточный для содержанія его въ то время, какъ онъ рубитъ дерево, вырубаетъ изъ него каное и въ концѣ концовъ спускаетъ его на воду?—Нисколько. Было только необходимо, чтобъ онъ посвятилъ часть своего времени на доставленіе пищи, а другую—на постройку и спускъ каное. То, что вѣрно въ этомъ случаѣ, вѣрно во всѣхъ. И съ точки зрѣнія факта развѣ не вѣрно во всякомъ положеніи вещей, что потребленіе поддерживается современнымъ производствомъ? Передъ нами лицо, которое не дѣлаетъ никакого производительнаго дѣла ни головой, ни руками, но живетъ на богатство, оставленное ему отцомъ въ вѣрныхъ государственныхъ рентахъ. Дѣйствительно ли его средства существованія пришли къ нему изъ богатства, накопленнаго въ прошедшемъ, или изъ производительнаго труда, происходящаго вокругъ него? На его столѣ лежатъ недавно снесенныя яйца, масло, сбитое всего за нѣсколько дней, молоко, взятое у коровы сегодня утромъ, рыба, которая сутки назадъ плавала въ морѣ, мясо, которое мальчикъ мясника принесъ ко времени жаренія, свѣжія растенія изъ сада и плоды изъ оранжереи,—короче, почти ни одной вещи, которая не оставила лишь недавно руки производительнаго рабочаго, и ничего такого, что было бы произведено задолго до настоящаго времени, кромѣ, быть-можетъ, нѣсколькихъ бутылокъ стараго вина. То, что это лицо наслѣдовало отъ своего отца и на что, какъ говорится, оно живетъ,—въ дѣйствительности вовсе не богатство, а только власть распоряженія богатствомъ, произведеннымъ другими. И его существованіе извлекается именно изъ этого современнаго ему производства. Четыре квадратныхъ мили города Лондона содержатъ несомнѣнно больше богатства, нежели то же пространство земли въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ. А между тѣмъ еслибы въ Лондонѣ производительный трудъ совершенно прекратился, то по истеченіи нѣсколькихъ

часовъ народъ сталъ бы умирать подобно зараженнымъ овцамъ, и по истеченіи нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцевъ едва ли хоть одинъ остался бы живъ. Отсюда видно, что полное прекращеніе производительнаго труда было бы болѣе страшнымъ бѣдствіемъ, чѣмъ голодъ въ осажденномъ городѣ. Это былъ бы не простой внѣшній окружной валъ, подобный тому, который Титъ обвелъ вокругъ Іерусалима, могущій предупредить постоянный ввозъ съѣстныхъ припасовъ, коими большой городъ живетъ,—нѣтъ, это было бы подобно валу, обведенному вокругъ всего человѣческаго хозяйства. Вообразите подобное прекращеніе труда въ одной только общинѣ, и вы увидите, насколько вѣрно то, что родъ человѣческій живетъ только тѣмъ, что кладетъ рукою въ ротъ; только ежедневно трудъ общины снабжаетъ ее ежедневнымъ хлѣбомъ. Подобно тому, какъ средства существованія рабочихъ, которые построили пирамиды, были извлечены не изъ предварительно-накопленнаго запаса, а изъ постоянно подвозимыхъ жатвъ Нижняго Египта,—подобно тому, какъ новѣйшее правительство, когда предпринимаетъ большое, многолѣтнее дѣло, не усвоиваетъ себѣ богатствъ уже произведенныхъ, а будущее богатство, которое берется у производителей въ формѣ налога, соотвѣтственно прогрессу дѣла,—подобно всему этому также и то, что средства существованія рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ, которое не даетъ непосредственно жизненныхъ припасовъ, приходятъ изъ производства такихъ припасовъ, въ которыхъ заняты другіе взаимно. Ряды обмѣновъ, соединяющихъ производство и потребленіе, могутъ быть сравниваемы съ кривою трубкой изъ стекла, наполненною водой. Если сколько-нибудь воды влито съ одного конца трубки, то подобное же количество воды выльется изъ другого. Это не та же вода, но ея эквивалентъ. И точно также тѣ, которые дѣлаютъ дѣло производства, влагаютъ въ него столько же, сколько берутъ,—они получаютъ въ своихъ средствахъ существованія и заработной платы только продуктъ своего труда.

III.

Капиталъ, какъ было сказано выше, состоитъ изъ богатства для доставленія бо́льшаго богатства, какъ отличнаго отъ богатства, служащаго для прямого удовлетворенія потребностей, или для богатства въ теченіе обмѣна. Капиталъ поэтому увеличи-

ваетъ силу труда производить богатство: 1) приспособляя трудъ примѣнять себя на болѣе успѣшныхъ путяхъ, какъ, напримѣръ, въ копкѣ лопатой вмѣсто палки или въ движеніи судна углемъ въ печкѣ вмѣсто гребли веслами; 2) давая труду возможность избирать воспроизводительныя силы природы, напримѣръ—получать хлѣбъ при помощи посѣва (что дѣлалось и до капитала), а животныхъ—воспитывая ихъ (также); 3) допуская раздѣленіе труда, которое съ одной стороны увеличиваетъ успѣшность человѣческаго фактора—богатства—утилизаціей, пріобрѣтеніемъ ловкости и уменьшеніемъ праздности, а съ другой—взывая къ силѣ естественнаго фактора, во всемъ его самомъ высшемъ, пользуясь выгодами различій почвы, климата и мѣстоположенія, а также получая спеціальные роды богатства тамъ, гдѣ природа наиболѣе благопріятна ихъ производству. Капиталъ не доставляетъ матеріала, который перерабатывается трудомъ въ богатство; матеріалы поставляются природой и только при помощи труда и обмѣна пріобрѣтаютъ характеръ капитала. Капиталъ не доставляетъ предварительной заработной платы,—послѣдняя есть часть продукта самого рабочаго. Капиталъ, не поддерживая рабочаго, не ограничиваетъ и промышленности, но можетъ ограничивать форму промышленности, ограничивая употребленіе орудій и раздѣленіе труда. Безъ крупнаго капитала промышленность не могла бы принять многія спеціальныя формы, соприкасающіяся съ обмѣномъ. Очевидно, что, напримѣръ, въ такой странѣ, какъ Мексика или Тунисъ, болѣе широкое и болѣе общее употребленіе капитала могло бы сильно измѣнить формы промышленности и громадно увеличить ея производительность, и о подобныхъ странахъ часто говорится, что онѣ нуждаются въ капиталѣ для развитія своихъ рессурсовъ. Но нѣтъ ли чего-нибудь позади,—недостатка, включающаго недостатокъ капитала? Развѣ не злоупотребленія и хищничество правительства, не непрочность собственности, не невѣжество и предразсудки народа мѣшаютъ тамъ накопленію и употребленію капитала? Во всѣхъ этихъ вещахъ и заключается истинное ограниченіе, а не въ недостаткѣ капитала, который не употреблялся бы, еслибы даже былъ помѣщенъ здѣсь. Мы можемъ, безъ сомнѣнія, представить себѣ общину, въ которой недостатокъ капитала былъ бы единственнымъ препятствіемъ для увеличенія производительности труда, но не иначе, какъ вообразивъ себѣ такое соединеніе условій, которое встрѣчается крайне рѣдко, развѣ только въ видѣ исключенія. Община, у которой ка-

питалъ былъ разрушенъ войною, пожарами или переворотами въ природѣ, и, быть-можетъ, община, состоящая изъ цивилизованнаго народа, только-что поселившаяся въ новой странѣ, кажутся автору единственными примѣрами. Но какъ быстро капиталъ, обыкновенно употребляемый, воспроизводится въ общинѣ, въ которой онъ былъ снесенъ войною, это было уже давно замѣчено, и точно также новая община быстро производитъ себѣ капиталъ. Если дурное правительство отнимаетъ у рабочаго его капиталъ, или несправедливые законы берутъ у производителя богатство, которымъ онъ сталъ бы поддерживать производство, и отдавать его тѣмъ, которые суть не что иное, какъ пенсіонеры промышленности, то дѣйствительное ограниченіе производительности труда лежитъ въ дурномъ управленіи, а не въ недостаткѣ капитала. Дайте локомотивъ бедуину-арабу или швейную машину женѣ плоскоголоваго индійца, вы этимъ не увеличите производительности ихъ труда. Дайте весь капиталъ Лондона индійцамъ апачамъ и сіу на покупку себѣ посѣвовъ и земледѣльческихъ орудій, капиталъ этотъ тотчасъ же перестанетъ быть капиталомъ, потому что они не съумѣютъ даже и употребить его. Въ царствованіе короля Георга IV нѣкоторые возвращавшіеся миссіонеры взяли съ собою изъ Новой-Зеландіи въ Англію вождя, по имени Гонги. Его благородный видъ и красивая татуировка привлекли большое вниманіе, и при возвращеніи къ своему народу онъ получилъ въ подарокъ отъ монарха и отъ нѣкоторыхъ религіозныхъ обществъ значительный запасъ земледѣльческихъ орудій и инструментовъ, а также сѣмянъ. Благодарный новозеландецъ употребилъ этотъ капиталъ на производство пищи, но это было сдѣлано способомъ, о которомъ его англійскіе покровители и не мечтали. Въ Сиднеѣ, на пути домой, онъ обмѣнялъ его на оружіе и на аммуницію, съ которыми, по возвращеніи домой, началъ войну противъ другого племени съ такимъ успѣхомъ, что на первомъ бранномъ полѣ 300 плѣнниковъ его были сжарены и съѣдены.

Точно также было бы ошибкою приписывать простые способы производства и обмѣна, встрѣчаемые въ новыхъ общинахъ, одному недостатку капитала. Эти способы, требующіе мало капитала, сами грубы и недостаточны, но вполнѣ соотвѣтствуютъ условіямъ такихъ общинъ, такъ какъ онѣ совершенно довольствуются работою ручныхъ прядильныхъ и ткацкихъ станковъ, нежели большихъ машинъ, простымъ каное вмѣсто парохода, рабочею ло-

шадью вмѣсто желѣзной дороги. Вообще говоря, подобно тому, какъ въ ведро нельзя влить больше воды, чѣмъ оно вмѣщаетъ, точно также нельзя унотреблять бо́льшаго богатства въ видѣ капитала, чѣмъ требуется механизмомъ производства, который при существующихъ условіяхъ — интеллигенціи, обычаевъ, безопасности, густоты народонаселенія—всего лучше подходитъ къ потребностямъ народа. Авторъ увѣренъ, что общимъ правиломъ это количество капитала будетъ всегда выдѣлено общественнымъ организмомъ, подобно тому, какъ и индивидуальный организмъ выдѣляетъ жиръ. Но еслибы даже количество капитала ограничивало производительность промышленности и такимъ образомъ устанавливало бы tixitum, котораго заработная плата не должна была бы превосходить, то все же очевидно, что не отъ недостатка капитала происходитъ бѣдность массъ въ цивилизованныхъ странахъ. Ибо не только заработная плата нигдѣ не достигаетъ границъ, установленныхъ производительностію промышленности, но она относительно ниже, когда капиталъ наиболѣе изобиленъ. Орудія и машины во всѣхъ наиболѣе прогрессивныхъ странахъ очевидно находятся въ излишествѣ (?), сравнительно съ ихъ употребленіемъ, и какой-нибудь протектъ вознаграждающаго занятія приноситъ больше, чѣмъ требовалось, капитала. Ведро не только полно, но переполнено, и это такъ очевидно, что не только игнорантами, но и людьми съ высокою экономической репутаціей промышленное разстройство приписывается обилію машинъ и накопленію капитала; и война, которая есть разрушеніе капитала, разсматривается какъ причина бойкой торговли и высокой заработной платы (tout comme chez nous): идея довольно странная,—такъ велико смѣшеніе мыслей въ подобныхъ вещахъ, поддерживаемое многими, которые думаютъ, что капиталъ занимаетъ трудъ и даетъ заработную плату. Но мы видѣли, что, вопреки ходячей теоріи, заработная плата не извлекается изъ капитала, а прямо происходитъ изъ продукта труда, за который заплачена. Но если это такъ, то ходячія теоріи относительно этого предмета невѣрны, и всѣ средства исцѣленія, предложенныя какъ экономистами, такъ и рабочими, которые видятъ облегченіе нищеты или въ увеличеніи капитала, или въ ограниченіи числа рабочихъ, или въ успѣшности ихъ труда, должны быть порицаемы. Если каждый рабочій, исполняя трудъ, дѣйствительно создаетъ фондъ, изъ котораго берется его заработная плата, то плата эта не можетъ быть уменьшаема отъ возрастанія числа

рабочихъ, а наоборотъ, по мѣрѣ возрастанія успѣшности труда, возрастаетъ и число рабочихъ, такъ что чѣмъ больше рабочихъ caeteris paribus, тѣмъ выше должна быть заработная плата.

IV.

Ходячая доктрина о происхожденіи и законѣ заработной платы нашла себѣ сильнѣйшую поддержку въ ученіи почти общепринятомъ, которому далъ имя Мальтусъ, что населеніе естественно стремится возрастать быстрѣе средствъ существованія. Эти два ученія, находясь въ тѣсной связи, образуютъ отвѣтъ на большую задачу, который даетъ ходячая политическая экономія. То обстоятельство, что теорія, опредѣляющая происхожденіе заработной платы изъ капитала и изъ отношенія между капиталомъ и числомъ рабочихъ, несмотря на всю очевидность своей неосновательности, нашла себѣ такое множество защитниковъ среди экономистовъ, имѣетъ причиною всеобще признаніе теоріи Мальтуса. Ходячая теорія заработной платы никогда не могла бы выдержать провѣрки, еслибъ ее не считали за очевидную истину, опиравшуюся на теорію Мальтуса. Даже Бокль, при всѣхъ своихъ блестящихъ способностяхъ, не задумался ни на минуту усвоить себѣ эту теорію сполна, признавъ, что заработная плата зависитъ отъ національнаго фонда, изъ котораго она выдается, и отъ числа рабочихъ, что, по его словамъ, составляетъ громадный шагъ въ наукѣ, сдѣланный Мальтусомъ по слѣдамъ Адама Смита. Сущность ученія Мальтуса состоитъ въ томъ, что населеніе стремится къ возрастанію быстрѣе, чѣмъ сила доставленія пищи, и будетъ ли это различіе установлено, какъ геометрическая прогрессія для населенія и ариѳметическая для средствъ существованія, по Мальтусу, — или какъ постоянное отношеніе для населенія и уменьшающееся отношеніе для средствъ существованія, по Миллю, — это совершенно все равно. Жизненный пунктъ, въ которомъ оба эти автора соглашаются, тотъ, что «существуетъ естественная тенденція и постоянное усиліе у народонаселенія размножаться сверхъ жизненныхъ средствъ». Мальтусово ученіе, имѣющее значеніе въ настоящее время, можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ въ своей наименѣе вызывающей на возраженіе формѣ. Народонаселеніе, постоянно стремясь къ размноженію, должно, при отсутствіи препятствій, въ концѣ концовъ натолкнуться на предѣлы существованія, не какъ противъ постоянной препоны, а какъ противъ препоны эласти-

ческой, которая дѣлаетъ доставленіе средствъ къ жизни прогрессивно все болѣе и болѣе труднымъ. И такимъ образомъ тамъ, гдѣ воспроизведеніе имѣло время получить свою силу и не стѣсняется благоразуміемъ, должна существовать степень недостатка, которая удержитъ населеніе въ границахъ существованія. Теорія эта, хотя въ дѣйствительности не болѣе отталкивающая для чувства, нежели та, которая возлагаетъ отвѣтственность за бѣдность и ея послѣдствія на неисповѣдимыя велѣнія Провидѣнія,— теорія эта, явно признавая порокъ и страданія за необходимыя послѣдствія естественнаго инстинкта, съ которымъ соединены самые чистѣйшіе и нѣжные аффекты, приходитъ въ грубое столкновеніе съ идеями, глубоко вкорененными въ человѣческой душѣ, и, какъ только была формально провозглашена, начала биться съ гордостью, въ ревности которой было больше показнаго, нежели логики. Но она тріумфально сопротивлялась ордаліямъ, и вопреки опроверженіямъ Годвина, указаніямъ Коббета и всему, что аргументы, сарказмы, насмѣшки и чувства могли направить противъ нея, она стоитъ въ настоящее время въ мірѣ мысли (?), которая порицаетъ даже изслѣдованія тѣхъ, кто желалъ не повѣрить ей. Причины ея тріумфа, источники ея силы не темны. Повидимому, прикрытая безспорной ариѳметической истиной, что постоянное возрастаніе населенія должно неизбѣжно превышать способность земли къ доставленію пищи и даже пространства для стоянія, Мальтусова теорія поддерживается аналогіями въ животномъ и растительномъ царствахъ, гдѣ жизнь всегда бьется опустошительно противъ препятствій, задерживающихъ различные ихъ виды,—аналогіями, которымъ теченіе новѣйшей мысли, уравнивающей различія между различными формами жизни, давало все большее и большее значеніе; тому же, очевидно, содѣйствовали многіе очевидные факты, какъ, напримѣръ, преобладаніе бѣдности, порока и нищеты среди густыхъ населеній, общее дѣйствіе матеріальнаго прогресса въ увеличеніи населенія безъ облегченія пауперизма, быстрое возрастаніе числа людей въ новыхъ странахъ и очевидное запозданіе возрастанія въ болѣе густо населенныхъ странахъ, благодаря смертности среди классовъ, осужденныхъ нуждаться. Теорія Мальтуса доставила общій принципъ, объясняющій эти и сходные съ ними факты, и разъясняетъ ихъ способомъ, гармонирующимъ съ ученіемъ, что заработная плата извлекается изъ капитала, и со всѣми принципами, вытекающими изъ него.

Но великая причина тріумфа этой теоріи есть та, что, вмѣсто того, чтобъ угрожать какому-нибудь установившемуся праву или антагонизировать съ какимъ-нибудь могущественнымъ интересомъ, она въ высшей степени льстива и предупредительна къ классамъ, которые, управляя силою богатства, широко властвуютъ надъ мыслью. Въ то время, когда старые устои упали, дѣло шло о спасеніи спеціальныхъ привилегій, при помощи которыхъ немногіе монополизируютъ столь много хорошихъ вещей этого міра, провозглашая естественную причину нужды и нищеты, которыя, будучи приписаны политическимъ учрежденіямъ, обвинили бы всякое правительство, подъ какимъ они существуютъ. «Опытъ о народонаселеніи» былъ признаннымъ отвѣтомъ Уилліаму Годвину на его «Изслѣдованіе, относящееся до политической справедливости»,—произведеніе, подтверждающее начала человѣческаго равенства; и цѣлью «Опыта» было оправдать существующее неравенство, перелагая съ него отвѣтственность за человѣческія учрежденія на волю Создателя. Новаго не было въ этомъ ничего, такъ какъ Уалласъ около сорока лѣтъ назадъ уже выставилъ опасность чрезмѣрнаго размноженія, какъ отвѣтъ на требованіе справедливости въ пользу равнаго распредѣленія богатства; но обстоятельства времени были таковы, что сдѣлали ту же идею, выведенную въ публику Мальтусомъ, въ особенности благопріятною господствующимъ классамъ, въ которыхъ инстинктивный страхъ передъ всякимъ вопросомъ о существующемъ состояніи вещей былъ порожденъ взрывомъ французской революціи.

И въ настоящее время, какъ тогда, теорія Мальтуса парируетъ вопросъ о реформѣ и прикрываетъ себялюбіе отъ вопроса и сознанія противопоставленіемъ неизбѣжной необходимости. Она доставляетъ философію, на основаніи которой Dives, когда пируетъ, можетъ закрыть лицо Лазаря, который въ безсиліи отъ голода находится у его дверей,—философію, въ силу которой богатство можетъ застегивать свой карманъ, когда бѣдность проситъ милостыни, и богатый христіанинъ сгибается въ воскресенье вымаливать благъ у Всеотца безъ чувства отвѣтственности за грязную нищету, которая гніетъ на сосѣдней площади. Бѣдность, нужда и голодная смерть по этой теоріи не могутъ быть вмѣняемы ни индивидуальной жадности, ни соціальной несправедливости: онѣ составляютъ неизбѣжный результатъ всеобщихъ законовъ, съ которыми было бы столь же безнадежно, если не святотатственно бороться, какъ и съ за-

комомъ притяженія. Въ этомъ свѣтѣ тотъ, кто среди нужды накопилъ себѣ богатство, просто огородился въ маленькомъ оазисѣ противъ натисковъ песка, который въ противномъ случаѣ засыпалъ бы его. Онъ выигралъ для самого себя, но никому не нанесъ вреда. И даже еслибы богатый буквально послушался внушеній Христа и роздалъ бы все свое имѣніе бѣднымъ, то и тутъ не было бы ничего выиграно. Народонаселеніе возросло бы и стало бы снова давить на границы существованія или капитала, и произведенное равенство стало бы только равенствомъ всеобщей нищеты. И подобныя реформы, которыя вмѣшивались бы въ интересы могущественнаго класса, суть обезкураживающія и безнадежныя. Какъ нравственный законъ запрещаетъ всякій захватъ способовъ, которыми естественный законъ считается съ излишнимъ населеніемъ и оказываетъ препятствія тенденціи увеличить населеніе настолько, чтобы поверхность земли была усѣяна человѣческими существами, какъ сардинками, запакованными въ коробку, точно также ничто не можетъ быть сдѣлано дѣйствительно ни индивидуальными, ни комбинированными усиліями для искорененія бѣдности, кромѣ довѣрія къ дѣйствительности воспитанія и проповѣди о необходимости благоразумія. Теорія, которая, нанося ударъ привычкамъ мышленія бѣдныхъ классовъ, такъ оправдываетъ сребролюбіе богатыхъ и себялюбіе властителей, должна была быстро распространиться и пустить глубокіе корни. Такова и была судьба теоріи, изложенной Мальтусомъ. И въ послѣдніе годы теорія эта получила новую поддержку отъ быстрой перемѣны идей, относящихся къ происхожденію человѣка и къ генезису видовъ. Что Бокль былъ правъ, когда сказалъ, что провозглашеніе теоріи Мальтуса обозначило точку въ исторіи спекулятивной мысли, это, кажется автору, легко доказать; но прослѣдить ея вліяніе до высшихъ областей философіи (которой примѣромъ служитъ собственное произведеніе Бокля), хотя и было бы крайне интересно, повело бы автора за предѣлы нынѣшняго изслѣдованія. Но насколько рефлективна и насколько оригинальна эта поддержка, данная теоріи Мальтуса новою философіей развитія, въ настоящее время быстро распространяющейся во всѣхъ направленіяхъ, о томъ можетъ быть упомянуто въ какой-либо оцѣнкѣ источниковъ, изъ которыхъ эта теорія выводитъ въ настоящее время свою силу. Подобно тому, какъ въ политической экономіи поддержка, полученная изъ ученія о заработной платѣ и о рентѣ, въ комбинаціи съ теоріей Мальтуса,

достигла повышенія ея до значенія центральной истины, точно также и распространеніе подобныхъ идей на развитіе жизни во всѣхъ ея формахъ имѣло послѣдствіемъ предоставленіе ему высокаго и еще болѣе неприступнаго положенія. Агассизъ, который въ день своей смерти оставался сильнымъ оппонентомъ новой философіи, говорилъ о дарвинизмѣ, что онъ еще превзошелъ Мальтуса, а Дарвинъ самъ говоритъ, что борьба за существованіе есть «ученіе Мальтуса, примѣненное съ различною силою ко всему животному и растительному царствамъ». Такъ хорошо рекомендованная и, повидимому, доказанная и поддержанная теорія Мальтуса: ученіе, что бѣдность обязана своимъ существованіемъ давленію населенія на средства къ жизни, или, если придать ей другую форму, ученіе, что тенденція возрастанія числа рабочихъ должна всегда стремиться къ приведенію заработной платы къ минимуму, при помощи котораго рабочіе могутъ воспроизводиться,—въ настоящее время вообще принята (?), какъ безспорная истина, въ свѣтѣ которой должны быть объясняемы соціальныя явленія, совершенно какъ въ прежнія времена явленія сидерическаго неба объяснялись предположеніемъ неподвижности земли. Еслибъ имѣть въ виду одинъ только авторитетъ, то формально отрицать это ученіе требовало бы такой же смѣлости, какова была она у цвѣтного проповѣдника, который недавно воздвигъ крестовый походъ противъ мнѣнія, что земля движется вокругъ солнца, такъ какъ въ одной или въ другой формѣ теорія Мальтуса получила въ интеллектуальномъ мірѣ почти всеобщее признаніе, и въ лучшей, какъ и въ самой обыкновенной литературѣ можно видѣть собираніе ея жатвы во всѣхъ направленіяхъ. При всемъ томъ авторъ увѣренъ, что, опрокинувъ теорію происхожденія заработной платы изъ капитала, онъ подниметъ и этого Антея отъ земли.

Прежде всего факты, приводившіеся въ поддержку этой теоріи, не доказываютъ, а аналогіи не поддерживаютъ ея. Сверхъ того, есть факты, опровергающіе ее. Нѣтъ никакого свидѣтельства ни въ опытѣ, ни въ аналогіи въ пользу предположенія, что у населенія есть тенденція возрастать быстрѣе средствъ къ жизни. Факты, приводимые для подтвержденія этого предположенія, показываютъ просто, что тамъ, гдѣ, благодаря рѣдкому населенію, какъ въ новыхъ странахъ, или неравному распредѣленію богатства, какъ среди бѣдныхъ классовъ старыхъ странъ, человѣческая жизнь занимается физическими необходимостями существованія,—тенденція къ воспроизведенію происходитъ по уровню, ко-

торый, не будь препятствій, чрезъ нѣсколько времени превысилъ бы жизненныя средства. Но не представляетъ правильнаго вывода изъ этого, что тенденція къ воспроизведенію должна показать себя съ тою же силой и тамъ, гдѣ поселеніе достаточно густо и богатство распредѣлено съ достаточнымъ равенствомъ, чтобы поднять всю общину надъ необходимостью посвящать всю свою энергію борьбѣ за одно только существованіе. Не можетъ быть также признано, что тенденція къ воспроизведенію, причиняя бѣдность, должна предупреждать существованіе такой общины, потому что ясно, что это значило бы признавать самый исходный пунктъ и аргументировать въ кругу. И даже еслибы было допущено, что стремленіе къ размноженію должно въ концѣ концовъ произвести бѣдность, по одному этому еще нельзя предсказывать о существующей бѣдности, что она обязана этой причинѣ, пока не будетъ показано, что нѣтъ другихъ причинъ къ объясненію ея,—вещь при нынѣшнемъ состояніи правительствъ, законовъ и обычаевъ положительно невозможная. Это обильно показано въ «Опытѣ о народонаселеніи». Онъ начинается съ предположенія, что населеніе стремится возрастать въ геометрической прогрессіи, тогда какъ жизненныя средства могутъ, самое большее, быть принуждены возрастать только въ ариѳметической прогрессіи,—предположеніе столь же цѣнное, какъ еслибъ изъ факта, что собака удвоила длину своего хвоста, потому что она прибавила столько-то фунтовъ къ вѣсу своего тѣла, признать геометрическую прогрессію за хвостомъ и ариѳметическую за вѣсомъ. И выводъ изъ предположенія совершенно тотъ же, какой Свифтъ въ сатирѣ довѣрилъ ученымъ предварительно лишеннаго собакъ острова, которые, сведя вмѣстѣ обѣ прогрессіи, могли вывести весьма поразительное послѣдствіе, что съ теченіемъ времени собака выросла до вѣса въ 50 фунтовъ, а хвостъ у нея увеличился свыше мили и съ крайнимъ трудомъ двигался, такъ что отсюда слѣдовала рекомендація «благоразумнаго препятствія»—бандажа, какъ единственнаго выбора сравнительно съ «положительнымъ препятствіемъ»—постоянными ампутаціями. Начавши съ такого абсурда, «Опытъ» заключаетъ въ себѣ продолжительный аргументъ въ пользу возложенія пошлины на ввозъ и уплаты преміи за вывозъ пшеницы,—идея, которая, спустя извѣстное время, была отослана къ числу освистанныхъ софизмовъ. И среди аргументаціи встрѣчаются мѣста, показывающія у почтеннаго джентльмена самую смѣшную неспособность къ логикѣ

мысли, какъ, напримѣръ, то, что еслибы заработная плата возросла съ 18 пенс. или 2 шилл. въ день до 5 шилл., то мясо необходимо возросло бы въ цѣнѣ съ 8 или 9 пенс. до 2 или 3 шилл. за фунтъ, и положеніе рабочаго класса осталось бы вслѣдствіе этого не улучшеннымъ,—утвержденіе, которому авторъ не знаетъ болѣе близкой параллели, какъ предположеніе, которое съ вѣсомъ представилъ одинъ наборщикъ, что когда одинъ знакомый ему писатель былъ 40 лѣтъ, онъ самъ былъ 20, и что поэтому писателю теперь должно быть 80 лѣтъ, потому что ему теперь 40. Это смѣшеніе мысли характеризуетъ не только отдѣльныя мѣста, но даже весь «Опытъ». Главная часть книги взята изъ того, что въ дѣйствительности представляетъ опроверженіе теоріи, предлагаемой самой книгой, такъ какъ обзоръ Мальтуса такъ-называемыхъ имъ «положительныхъ препятствій размноженію народонаселенія» есть просто иллюстрація того, что *результаты, приписываемые имъ перенаселенію, въ дѣйствительности произошли отъ другихъ причинъ*. Изъ числа всѣхъ цитируемыхъ авторомъ случаевъ, при помощи которыхъ онъ подвергаетъ своему обозрѣнію почти весь земной шаръ, изображая пороки и нищету въ ихъ возрастаніи, сокращающемъ срокъ человѣческой жизни и число браковъ,—*нѣтъ ни одного случая, въ которомъ пороки и нищета могли бы быть прослѣжены до дѣйствительнаго возрастанія въ числѣ ртовъ надъ возможностью прокормить ихъ;* но въ каждомъ случаѣ пороки и нищета вытекаютъ или изъ невѣжества и хищничества, или изъ дурного правленія, несправедливыхъ законовъ, или изъ разрушительной войны. Сверхъ того, Мальтусъ упустилъ изъ виду показать то, что было показано послѣ него. Онъ подвергаетъ разсмотрѣнію и переборкѣ земной шаръ совершенно напрасно для указанія хотя одного случая, въ которомъ бѣдность и нужда могли бы быть дѣйствительно отнесены на счетъ давленія на пищу возросшаго населенія. Каковы бы ни были возможныя опасности, содержащіяся въ силѣ размноженія людей, онѣ до сихъ поръ нигдѣ еще не проявлялись. А если и могло произойти что-нибудь такое, то оно никогда не было зломъ, печалившимъ человѣчество. Населеніе, всегда стремящееся превзойти границы средствъ существованія!... Какимъ же образомъ произошло то, что этотъ нашъ шаръ послѣ всѣхъ тѣхъ тысячъ, а какъ теперь думаютъ—и милліоновъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ люди были на землѣ, до сихъ поръ такъ рѣдко населенъ? Откуда взялось то, что такъ

много мѣстопребываній человѣческой жизни въ настоящее время опустошено, что нѣкогда обработанныя поля заросли джунглами и что дикіе звѣри лижутъ своихъ дѣтей тамъ, гдѣ прежде были дѣятельныя сѣдалища людей?

Фактъ составляетъ то, что, считая наши возросшіе милліоны, мы можемъ потерять изъ виду, что въ исторіи міра упадокъ населенія столь же общъ, какъ и возрастаніе. Вопросъ, больше ли совокупное населеніе земли въ настоящее время, чѣмъ въ какую-нибудь предыдущую эпоху—это не болѣе какъ спекуляція, имѣющая дѣло съ однѣми только догадками. Съ тѣхъ поръ, какъ Монтескьё въ началѣ прошлаго столѣтія утверждалъ, что населеніе земли съ христіанской эры сильно уменьшилось, мнѣніе направилось по другому пути. Но результаты новѣйшихъ изученій и изслѣдованій придаютъ большее довѣріе тому, что считалось преувеличенными отчетами древнихъ историковъ и путешественниковъ, и даютъ указанія болѣе густыхъ населеній и болѣе передовыхъ цивилизацій, чѣмъ какія подозрѣвались прежде, а также и высшей древности человѣческой расы. И основывая оцѣнки населенія на развитіи торговли, на движеніи впередъ искусствъ, на размѣрѣ городовъ, мы можемъ догадываться о густотѣ населенія, которую были способны поддерживать интенсивныя культуры,—характеристика древнихъ цивилизацій, въ особенности тамъ, гдѣ прибѣгали къ орошенію. Какъ можно видѣть изъ сильно обработанныхъ округовъ Китая, весьма большое населеніе съ простыми обычаями можетъ прекрасно существовать при незначительной торговлѣ и при гораздо болѣе низкой ступени тѣхъ искусствъ, которыми всего болѣе отличился новѣйшій прогрессъ. Несомнѣнно, Греція, Средиземные острова и Европейская Турція, быть-можетъ, Италія и, быть-можетъ, Испанія—содержали прежде бо́льшія населенія, чѣмъ въ настоящее время, и это можетъ быть столь же вѣрно относительно сѣверо-запада и частей центральной и восточной Европы. Америка также возросла въ населеніи въ теченіе того времени, когда мы ее знаемъ; но это возрастаніе не такъ велико, какъ обыкновенно полагаютъ, такъ какъ нѣкоторыя оцѣнки даютъ для одного Перу во время открытія большее населеніе, чѣмъ нынѣ существующее на всемъ континентѣ Южной Америки. И всѣ указанія говорятъ, что предъ завоеваніемъ населеніе Америки было въ состояніи уменьшенія. Сколько великихъ націй пробѣжали свою жизнь, сколько имперій возникло и погибло въ этомъ новомъ, но уже старомъ мірѣ, намъ

можно только мечтать. Но обломки массивныхъ развалинъ все же свидѣтельствуютъ о значительной доинканской цивилизаціи; среди тропическихъ лѣсовъ Юкатана и Центральной Америки встрѣчаются остатки большихъ городовъ, забытыхъ раньше испанскаго завоеванія. Мексика, какъ нашелъ ее Кортецъ, являлась господствомъ варварства надъ высшимъ соціальнымъ развитіемъ (?), тогда какъ по большей части того, что теперь занято Соединенными Штатами, разбросаны холмы, доказывающіе относительно густое населеніе, а здѣсь и тамъ, какъ на Верхнемъ Озерѣ, мѣдные рудники являются слѣдами болѣе высокаго искусства, нежели то, какое было извѣстно индійцамъ, встрѣтившимся съ европейцами. Въ сѣверной Африкѣ существуетъ теперь только дробь населенія, существовавшаго въ древнія времена; одна Нильская долина содержала гораздо большее число населенія, чѣмъ теперь, тогда какъ югъ Сахары ничѣмъ не обнаруживаетъ возрастанія населенія въ историческія времена и сильнѣйше распространенное обезнаселеніе было несомнѣнно причинено торговлею рабами. Что касается Азіи, которая именно теперь содержитъ болѣе половины человѣческой расы, хотя она населена на половину менѣе, чѣмъ Европа, то относительно Индіи и Китая имѣются указанія, что въ нихъ прежде были болѣе широкія населенія, чѣмъ теперь, такъ какъ большая, воспитывавшая людей земля, изъ которой возникали рои, переходившіе по странѣ и посылавшіе крупныя волны народа въ Европу, должны были прежде являться гораздо болѣе населенными. Но наиболѣе замѣтная перемѣна произошла въ Малой Азіи, въ Сиріи, Вавилоніи, Персіи,—словомъ, въ томъ обширномъ округѣ, который служилъ завоеваніямъ Александра. Гдѣ были прежде великіе города и размножающееся населеніе, тамъ теперь грязныя деревни и голыя пустыни.

Нѣсколько странно, что, вопреки всѣмъ установленнымъ теоріямъ, никто не дотронулся и пальцемъ до постояннаго количества человѣческой жизни на землѣ (?). Оно лучше совпадало бы съ историческими фактами, чѣмъ теорія постояннаго стремленія превосходитъ средства существованія. Ясно, что населеніе въ однихъ мѣстахъ прибывало, въ другихъ убывало; центры его мѣнялись, возникали новыя націи и приходили въ упадокъ старыя; рѣдко населенные округи населялись, густо населенные пустѣли, но никто не показываетъ постояннаго возрастанія, или даже совокупнаго возрастанія отъ времени до времени. Въ срав-

неніи съ ея способностью поддерживать человѣческую жизнь, земля въ цѣломъ и до сихъ поръ населена очень рѣдко. Если вѣренъ мальтусовскій принципъ, что естественная тенденція населенія состоитъ въ превышеніи надъ средствами къ жизни, то почему нигдѣ въ древнихъ вѣрахъ и кодексахъ — ни у евреевъ, ни у египтянъ, ни у индусовъ, ни у китайцевъ — не встрѣчается никакихъ восхваленій практики благоразумныхъ ограниченій Мальтуса, но, наоборотъ, мудрость столѣтій и религій міра всегда считала за идеи гражданской и религіозной обязанности совсѣмъ противоположное тому, что проповѣдуетъ господствующая политическая экономія и что Анна Безантъ попробовала въ настоящее время популяризпровать въ Англіи? Слѣдуетъ также вспомнить, что въ нрежнія времена бывали такія общества, въ которыхъ община гарантировала каждому члену занятія и существованіе. Такъ, наприм., въ Спартѣ, въ Перу, въ Парагваѣ, повидимому, было полное отсутствіе знанія жестокихъ послѣдствій естественной тенденціи къ размноженію. Если стремленіе къ размноженію такъ сильно, какъ предполагаетъ Мальтусъ, то почему такъ часто искореняются семейства, которымъ нужда неизвѣстна? Какъ можно объяснить то, что, несмотря на всякія премін подъ видомъ наслѣдственныхъ владѣній и титуловъ, аристократія, подобная англійской, теряетъ столько перовъ и палата перовъ можетъ сохраняться со столѣтія до столѣтія только при помощи новыхъ возведеній въ перство? Другой примѣръ представляютъ потомки Конфуція въ Китаѣ, которые существуютъ до сихъ поръ, пользуются особыми привилегіями и значеніемъ и въ дѣйствительности образуютъ единственную наслѣдственную аристократію. И что же, если допустить 25-лѣтнее удвоеніе населенія, то потомство Конфуція въ настоящее время, то-есть по прошествіи 2.151 года со смерти Конфуція, должно было бы достигнуть неизобразимой цифры въ милліоны, билліоны, трилліоны и квадрилліоны, тогда какъ въ дѣйствительности число ихъ состоитъ всего изъ 21.000 челов. отъ одной пары въ 2.151 годъ. Это слишкомъ коротко для мальтусовскаго угровня. Впрочемъ, возрастаніе числа потомковъ не показываетъ возрастанія населенія. Смитъ и жена его имѣютъ сына и дочь, которые вступаютъ въ бракъ съ дочерью и сыномъ другихъ семействъ и каждый изъ нихъ имѣетъ по двое дѣтей. Смитъ и его жена имѣли бы такимъ образомъ четырехъ внуковъ; но въ одномъ поколѣніи число было бы не больше, чѣмъ въ другомъ, каждое

дитя имѣло бы по четыре прадѣда. И предполагая, что этотъ процессъ пошелъ бы дальше, линія нисходящихъ могла бы расшириться въ сотни, тысячи и милліоны; но въ каждомъ поколѣніи нисходящихъ было бы не больше индивидуумовъ, чѣмъ въ любомъ предварительномъ поколѣніи предковъ. Ткань поколѣній подобна холстинѣ или діагональнымъ нитямъ въ платьѣ. Начиная съ какого-нибудь пункта на верху, глазъ слѣдуетъ за линіями, которыя широко расходятся на груди; но, начиная съ какого-нибудь пункта груди, линіи расходятся тѣмъ же способомъ къ верху. Сколько дѣтей есть у человѣка — это вопросъ, но что онъ имѣетъ двухъ родителей, это вѣрно, и что эти послѣдніе также имѣютъ по двое родителей — это также вѣрно. Прослѣдите эту геометрическую прогрессію въ двухъ поколѣніяхъ, и вы увидите, что это приведетъ къ отрицанію «поразительныхъ послѣдствій» населенія, по Мальтусу, солнечныхъ системъ.

На основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ Бёме и Вагнеромъ, въ Индіи приходится всего по 132 человѣка на квадратную милю, въ Китаѣ 119, тогда какъ въ Саксоніи 442, въ Бельгіи 441, въ Англіи 442, въ Нидерландахъ 291, въ Италіи 234, въ Японіи 233. Все населеніе земного шара они опредѣляютъ въ 1.377 милліоновъ, то-есть по 26,64 человѣка на квадратную милю. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что, наприм., въ Китаѣ и Индіи существуютъ еще обширныя пространства необработанной земли и что они въ состояніи содержать еще гораздо большее населеніе въ высшей степени благосостоянія, потому что въ обѣихъ странахъ въ настоящее время трудъ принимается къ производству грубѣйшими и наиболѣе недѣйствительными способами, и въ обѣихъ странахъ громадные естественные рессурсы совершенно пренебрегаются. Это возникаетъ вовсе не изъ внутреннихъ недостатковъ народа, такъ какъ индусъ, какъ показала сравнительная филологія, нашей собственной крови, а Китай обладалъ высокою степенью цивилизаціи и началами наиболѣе важныхъ изобрѣтеній, когда наши предки бродили еще дикарями. Это возникаетъ изъ формы, принятой въ обѣихъ странахъ соціальною организаціей, которая сковывала производительную силу и грабила у промышленности ея заработки. Въ Индіи съ незапамятныхъ временъ рабочіе классы были угнетаемы вымогательствами и поставляемы притѣсненіями въ положеніе безпомощнаго и безнадежнаго вырожденія. За то слоны раджей блистали золотомъ и зонтиками, символизировавшими власть ихъ господъ,

въ то время, какъ плугъ райота былъ лишь острою палкой. Леди гарема раджей были одѣти въ муслинъ столь тонкій, что онъ заслужилъ себѣ названіе сотканнаго вѣтра, но орудія ремесленника были грубѣйшаго и бѣднѣйшаго сорта и торговля могла быть отправляема только украдкой. Не ясно ли, что нужда и голодная смерть въ Индіи были производимы тиранствомъ и отсутствіемъ безопасности, а не давленіемъ населенія на средства существованія, какъ угодно было, между прочимъ, утверждать Боклю?... Вотъ что говорилъ Уилліамъ Теннэнтъ, капланъ на службѣ Остъ-Индской компаніи въ 1796 году, за два года до выхода въ свѣтъ «Опыта о народонаселеніи» Мальтуса: «Если мы размыслимъ о великомъ плодородіи Индостана, то удивительно видѣть столь частые голоды. Очевидно, что они не принадлежатъ безплодію почвы или климату; зло должно быть прослѣжено до политической причины, и достаточно лишь немного проницательности, чтобъ открыть ее въ жадности и въ вымогательствахъ различныхъ правительствъ. Громадный стимулъ промышленности—безопасность—отсутствуетъ вполнѣ. Поэтому никто не станетъ сѣять больше хлѣба, чѣмъ сколько достаточно для него самого, и первый неурожай производитъ голодъ. — Могольское правительство никогда не доставляло полной безопасности князю, а еще менѣе его вассаламъ, не говоря о крестьянахъ, которымъ доставлялась наименьшая защита изъ всѣхъ. Это была непрерывная цѣпь насилій и возстаній, измѣны и наказанія, при которыхъ не могли процвѣтать ни промышленность, ни торговля, а земледѣліе принять видъ системы. Упадокъ послѣдняго далъ происхожденіе состоянію еще болѣе ужасному, такъ какъ апархія еще хуже, чѣмъ дурное правленіе. Какъ бы ни было отвратительно магометанское правительство, но европейскія націи не имѣли заслуги одержать надъ нимъ верхъ. Оно пало подъ тяжестью своей собственной испорченности и уже имѣло послѣдствіемъ разнообразную тиранію мелкихъ вождей, право которыхъ управлять состояло въ ихъ измѣнѣ государству и которыхъ вымогательства у крестьянъ были столь же безграничны, какъ ихъ жадность. Рента правительству была взимаема и, гдѣ управляютъ туземцы, продолжаетъ и въ настоящее время взиматься два раза въ годъ безпардонными бандитами, имѣющими видъ арміи, которая безстыдно разоряетъ и грабитъ всякую часть продукта, какая можетъ удовлетворить ея желанія или насытить ея жадность, посѣтивши несчастныхъ крестьянъ

въ деревняхъ и даже въ лѣсахъ. Всякая попытка крестьянъ защитить свою личность или собственность среди глиняныхъ стѣнъ своихъ деревень только призывала еще большую месть на этотъ полезный, но злосчастный народъ. Онъ тогда бывалъ окружаемъ и аттакуемъ мушкетами и полевыми орудіями, пока сопротивленіе не прекращалось, причемъ оставшіеся въ живыхъ продавались, а ихъ жилища сожигались и сравнивались съ землею. Поэтому можно часто встрѣтить райотовъ, сбирающихъ разбросанные остатки того, что вчера еще было ихъ жилищемъ, если страхъ позволялъ имъ возвратиться; но чаще развалины курились послѣ второго визита этого рода, причемъ ни одно человѣческое существо не нарушало боязливой тишины разоренія. Это описаніе примѣняется не къ однимъ только магометанскимъ округамъ,— оно одинаково прилагается и къ округамъ, управляемымъ индусами» (*Tennant*: «Indian Recreations». Lond. 1804. I Sect. XXXIX). Къ этому безжалостному хищничеству, которое произвело бы нужду и голодъ даже и тамъ, гдѣ приходился бы только одинъ человѣкъ на квадратную милю, или даже въ саду рая, сопровождалось въ первую эру британскаго правленія въ Индіи столь же безжалостнымъ хищничествомъ, опирающимся на гораздо болѣе непреодолимую силу. Вотъ что говоритъ Маколэй въ своемъ «Опытѣ о лордѣ Клэйвѣ»: «Громадныя состоянія были быстро накоплены въ Калькуттѣ, тогда какъ милліоны человѣческихъ существъ были доведены до крайней нищеты. Они привыкли жить подъ тираніей, но не жили никогда подъ такою тираніей, какъ эта. Они нашли маленькій палецъ Компаніи тяжеле, чѣмъ поясницу Сураіа Довла... Тиранія эта скорѣе походила на правительство злого генія, чѣмъ на правительство человѣческихъ тирановъ. Иногда они покорялись въ терпѣливомъ ничтожествѣ. Иногда они бѣжали отъ бѣлаго человѣка, какъ ихъ отцы привыкли бѣгать отъ Магаратты, и паланкинъ англійскаго путешественника часто проносился чрезъ молчаливые деревни и города, которые пустѣли, получивъ извѣстіе о его приближеніи». Относительно ужасовъ, которыхъ Маколэй только коснулся, живое краснорѣчіе Бёрке бросаетъ болѣе сильный свѣтъ, показывая «цѣлые округи, отданные безграничной алчности худшихъ представителей человѣческаго рода съ разоренными до нищеты крестьянами и враждебно пытаемыми, чтобы принудить ихъ отдать имъ малое имущество, такъ что нѣкогда густо населенныя страны превратились въ пустыню».

Милліоны обитателей Индіи сгибали свои шеи подъ игомъ многихъ завоевателей, но хуже всего эта устойчивая, молотящая тяжесть англійскаго господства, — тяжесть, буквально выдавившая милліоны изъ существованія и, какъ показываютъ англійскіе авторы, неизбѣжно стремящаяся къ наиболѣе страшной и широко распространенной катастрофѣ. И это — несмотря на перемѣну англо-индійской политики въ XIX столѣтіи, на дарованіе индійцамъ правъ свободныхъ англійскихъ гражданъ, на распространеніе между ними образованія, желѣзныхъ дорогъ, способовъ орошенія и проч. Другіе завоеватели жили въ странѣ, и хотя были злы и тираны въ своемъ управленіи, но понимали народъ и были понимаемы народомъ; но въ настоящее время Индія подобна большому имѣнію, принадлежащему отсутствующему или чужеземцу-лорду. Въ высшей степени расточительное военное и гражданское управленіе поддерживается и ведется англичанами, которые смотрятъ на Индію какъ на мѣсто временнаго изгнанія; и громадная сумма, оцѣниваемая, по меньшей мѣрѣ, въ 20 милл. фун. стерл. въ годъ (взысканныхъ съ населенія, у котораго рабочіе во многихъ мѣстахъ довольны, когда получаютъ за работу $1^1/_2$—4 пенса въ день!), увозится изъ страны въ Англію, въ видѣ переводовъ, пенсіоновъ, долговъ индійскаго правительства, въ видѣ подати, которой нѣтъ возврата. Громадныя суммы, которыя были выпущены лавою на желѣзныя дороги, какъ показываютъ отчеты, были экономически непроизводительны; великія предпріятія по орошенію большею частію покончились дорого стоющими банкротствами. Въ обширной части Индіи англичане, въ своемъ желаніи создать классъ поземельныхъ собственниковъ, превратили землю въ абсолютную собственность сборщиковъ налоговъ, которые заставляютъ безжалостно платить ренту жителей. Въ другихъ частяхъ, гдѣ рента по-прежнему получается государствомъ, въ формѣ поземельнаго налога, обложенія столь высоки и налоги собираются такъ неотлагаемо, что принуждаютъ райотовъ, которые ведутъ большею частью скудную жизнь въ хорошій урожай, попадать въ когти денежныхъ ростовщиковъ, которые, если возможно, еще болѣе хищны, чѣмъ земиндары. На соль, предметъ первой необходимости повсюду, и особенно необходимый тамъ, гдѣ пища почти исключительно растительная, возложенъ налогъ около 12%, который прекращаетъ различное промышленное потребленіе соли и большія массы народа не могутъ имѣть ея вовсе ни для своихъ собствен-

ныхъ потребностей, ни для потребностей скота. Ниже англійскихъ чиновниковъ стоитъ цѣлая орда служащихъ уроженцевъ, которые угнетаютъ народъ и взяточничаютъ. Дѣйствіе англійскихъ законовъ, съ ихъ строгими правилами, въ глазахъ туземцевъ таинственное дѣйствіе, только вложило могучее орудіе въ руки грабителей изъ туземныхъ ростовщиковъ, у которыхъ должны занимать на крайне отяготительныхъ условіяхъ крестьяне, чтобы уплачивать налоги, и которымъ они принуждены давать обязательства съ непонятнымъ для нихъ смысломъ. «Мы не заботимся объ индусскомъ народѣ,—говоритъ Флоренція Найтингаль съ чѣмъ-то похожимъ на рыданія.—Самая печальная вещь, которую только можно видѣть на Востокѣ — и даже, пожалуй, въ мірѣ—это поселяннинъ нашей восточной имперіи». И она показываетъ далѣе причины ужасныхъ голодовъ въ податяхъ, которыя отбираютъ у земледѣльцевъ всѣ средства обработки, и дѣйствительное рабство, къ которому приведены райоты, какъ «послѣдствіе нашихъ же законовъ»; какъ «производятся въ наиболѣе плодородной странѣ міра такія угнетенія, которыя порождаютъ смерть отъ голода въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ то, что называется голодомъ, не существуетъ (*Nightingale*: «The people of India», XIX century, aug. 1878)? Мужчины и женщины не могутъ пріобрѣсти пищи, потому что не могутъ сберечь денегъ. Теперь у насъ обыкновенно говоритъ: мы принуждены обложить этотъ народъ еще больше». И она показываетъ, какъ даже въ пораженныхъ голодомъ округахъ хлѣбъ вывозится для уплаты налоговъ, и какъ вся Индія подчинена постоянному и истощительному давленію, которое въ связи съ громадными расходами правительства заставляетъ населеніе бѣднѣть съ года на годъ. Вывозъ изъ Индіи состоитъ почти исключительно изъ земледѣльческихъ продуктовъ и, какъ показываетъ г. Гиндманъ (XIX century, oct. 1878), не получается за нихъ никакой оброчной выручки; они представляютъ налогъ, переводы, дѣлаемые англичанами на Индію, или расходы англійской вѣтви индійскаго правительства. Профессоръ Фоусеттъ въ недавней статьѣ о займахъ, предположенныхъ для Индіи, призываетъ вниманіе къ такимъ суммамъ, какъ 1.200 фун. стерл. на пріѣздъ и проѣздъ члена совѣта генералъ-губернатора и 2.450 фун. стерл. на прибытіе и проѣздъ епископа калькутскаго и бомбейскаго. А въ остальномъ то, что уплачивается, представляетъ, большею частью, правительственные резервы, или товары комфорта и рос-

конни, потребляемые англійскими господами Индіи. Онъ показываетъ, что расходы правительства громадно возросли подъ императорскимъ правленіемъ, что безостановочное обложеніе столь несчастныхъ нищихъ, приводя къ тому, что массы въ большинствѣ сыты только въ половину, есть грабежъ у нихъ скудныхъ способовъ для обработки земли; что число быковъ уменьшилось и жалкія орудія обработки сданы ростовщикамъ, у которыхъ «мы, дѣловой народъ, вынуждаемъ земледѣльцевъ занимать по 12, 24 и 60%, строить и платить проценты по издержкамъ на обширныя общественныя дѣла, которыя никогда не приносили даже 5%». Далѣе Гиндманъ говоритъ: «Истина состоитъ въ томъ, что индусское общество было ужасно обѣднено подъ нашимъ управленіемъ, и въ томъ, что процессъ этотъ идетъ въ настоящее время по исключительно быстрому пути»,—утвержденіе, въ которомъ нельзя сомнѣваться въ виду фактовъ, представленныхъ не только писателями, подобными тѣмъ, на которыхъ были сдѣланы ссылки, но самими индійскими чиновниками Англіи. Даже самыя усилія, сдѣланныя правительствомъ для облегченія голода, при помощи повышеннаго обложенія податями, только интенсивировали и расширили дѣйствительную причину голода. Хотя отъ недавняго голода въ южной Индіи, согласно оцѣнкѣ, умерло около 6 милліоновъ людей (!!) и значительная часть тѣхъ, которые пережили голодъ, была въ дѣйствительности ограблена, но все же налоги не были сложены, и соляной налогъ, и безъ того уже запретительный для громадной массы пораженнаго бѣдностью народа, былъ повышенъ на 40%, совершенно подобно тому, какъ и послѣ ужаснаго бенгальскаго голода въ 1770 г. доходъ былъ въ дѣйствительности вырванъ изъ рукъ при помощи обложенія налогомъ уцѣлѣвшихъ и строго насильственнаго сбора.

Итакъ, въ Индіи нынѣшней, какъ и въ Индіи прошедшей только въ высшей степени поверхностный взглядъ можетъ приписать нужду и голодную смерть давленію народонаселенія на способность страны производить средства существованія. Если-бы земледѣльцы могли удержать свой маленькій капиталъ (?), еслибъ они могли быть освобождены отъ тягости, которая даже въ годы неголодные сводитъ громадную ихъ массу къ ступени жизни ниже той, какая считается необходимою для сипаевъ (туземные солдаты), даже и той, какую англійская гуманность даетъ даже заключеннымъ въ тюрьмахъ,—возрождающаяся промышленность, допускающая болѣе производительныя формы, не-

сомнѣнно была бы достаточна для сохраненія гораздо большаго населенія. Въ Индіи, по-прежнему, существуютъ большія пространства необработанной земли, громадные рессурсы нетронутыхъ минераловъ, и несомнѣнно, что населеніе Индіи не достигло ни разу среди историческихъ временъ дѣйствительной границы доставленія почвой пищи, или даже пункта, на которомъ эта сила начинаетъ уменьшаться, по мѣрѣ усиленнаго грабежа ея. Дѣйствительная причина индійской нужды была, какъ и есть, алчность человѣка, а не скупость природы.

Вѣрное объ Индіи вѣрно и объ Китаѣ. При густомъ населеніи въ нѣкоторыхъ частяхъ Китая, крайняя бѣдность низшихъ классовъ должна быть приписана причинамъ сходнымъ съ тѣми, которыя дѣйствовали въ Индіи, а не слишкомъ чрезмѣрному населенію, какъ то доказано фактами. Преобладаетъ небезопасность, производство подвергается большимъ неудобствамъ, торговля тѣсно скована. Тамъ, гдѣ правительство наслѣдуетъ повинности, обезпеченіе капитала всякаго рода можетъ быть куплено у мандарина; гдѣ долги человѣка имѣютъ большое отношеніе къ внутреннимъ сообщеніямъ, гдѣ джонка должна быть такъ построена, чтобы была неспособна къ морскому плаванію, гдѣ пиратство есть регулярная торговля и гдѣ разбойники часто маршируютъ полками,—бѣдность должна преобладать и недостатокъ жатвы сопровождаться голодомъ, все равно, какъ ни рѣдко населеніе (мѣстопребываніемъ послѣдняго голода въ Китаѣ не были наиболѣе густо заселенные округи). Что Китай способенъ къ поддержанію жизни гораздо большаго населенія, доказывается не только громаднымъ пространствомъ необработанной земли, о которомъ свидѣтельствуютъ всѣ путешественники, но и громадными необработанными внутренними запасами минераловъ, существованіе которыхъ тамъ извѣстно. Китай, наприм., содержитъ въ себѣ огромнѣйшій и лучшій источникъ угля, до сихъ поръ гдѣлибо открытый. Насколько обработка этихъ угольныхъ копей стала бы способствовать существованію бо́льшаго населенія, можно себѣ представить легко. Уголь, правда, не пища, но производство его соотвѣтственно производству пищи, такъ какъ уголь не только можетъ мѣняться на пищу, если оно ведется во всѣхъ угольныхъ округахъ, но сила, освобождаемая его потребленіемъ, можетъ быть употребляема въ производствѣ пищи, или можетъ освободить трудъ для производства пищи. Итакъ, ни въ Индіи, ни въ Китаѣ нищета и голодная смерть не могутъ

возводиться къ давленію населенія на средства существованія. Не густое населеніе, а причины, мѣшающія и соціальной организаціи принять ея естественное развитіе и труду въ обезпеченіи его полнаго заработка—вотъ что держитъ милліоны именно на порогѣ голодной смерти и всякій разъ снова и снова вынуждаетъ милліоны снова переступать черезъ него. Что индусскій рабочій считаетъ себя счастливымъ, получая горсть риса, что китаецъ ѣстъ крысъ и собакъ—не болѣе одолжено давленію населенія на жизненныя средства, чѣмъ одолжено ему же то, что индійцы-копатели (diggers) живутъ на травяныхъ лугахъ, а туземцы, обитатели Австраліи, ѣдятъ червей, найденныхъ въ гниломъ деревѣ. Всѣмъ этимъ авторъ не желаетъ только утверждать то, что Индія или Китай при болѣе развитой цивилизаціи могли бы содержать и большее населеніе, но онъ не можетъ согласиться съ Мальтусомъ, что тенденція населенія къ превышенію средствъ къ жизни преслѣдуетъ даже высшую цивилизацію путемъ населенія, рождающагося для потребленія увеличившагося отъ цивилизаціи продукта. На это авторъ отвѣчаетъ: нигдѣ не существуетъ фактовъ, на которые указываетъ эта теорія, и что повсюду нужда и голодъ должны быть приписыемы не давленію населенія на жизненныя средства, а пороку и нищетѣ, которыя въ свою очередь возводятся не къ этой причинѣ, а къ воинственности, тиранніи и притѣсненію.

Ирландія изъ всѣхъ европейскихъ странъ представляетъ примѣръ наибольшаго запаса излишняго населенія. Крайняя бѣдность крестьянъ и низкій уровень заработной платы здѣсь преобладаютъ. «Ирландскій голодъ», «ирландская эмиграція» постоянно упоминаются при демонстраціяхъ Мальтусовой теоріи, вырабатываясь на глазахъ цивилизованнаго міра. Авторъ сомнѣвается, можно ли найти болѣе поразительный случай силы предвзятой теоріи для ослѣпленія людей предъ дѣйствительнымъ отношеніемъ фактовъ. Истина въ томъ, и она лежитъ на поверхности, что Ирландія никогда еще не имѣла населенія, котораго естественныя силы страны, при существующихъ производительныхъ искусствахъ, не могли бы содержать въ полномъ благосостояніи. Въ періодъ своего величайшаго населенія (1840—45 г.) Ирландія содержала чуть-чуть сверхъ 8 милліоновъ народа, но значительная часть его старалась только-что прожить, обитая въ нищенскихъ хижинахъ, одѣваясь въ нищенское платье и питаясь только однимъ картофелемъ, какъ постоянною пищей. Когда

на картофель нападала болѣзнь, они умирали тысячами. Но была ли эта неспособность почвы прокормить столь большое населеніе, принужденное жить на нищенской ногѣ, и подвергать его голодной смерти при неурожаѣ одной только жатвы корней? Наоборотъ, это было то же нераскаянное хищничество, которое ограбило индусскаго райота отъ плодовъ его усилій и оставило его умирать среди изобилія природы. Нераскаянные бандиты изъ сборщиковъ налога не ходили по странѣ, грабя и пытая, но рабочій былъ такъ же дѣйствительно ограбленъ нераскаянною ордою ландлордовъ, среди которыхъ почва была раздѣлена въ ихъ абсолютное владѣніе, безъ вниманія къ правамъ тѣхъ, кто жилъ на ней. Разсмотрите условія производства, при которыхъ эти 8 милліоновъ старались жить, когда на картофель нападала болѣзнь. Это было то условіе, къ которому могутъ быть приложены слова, сказанныя Теннэнтомъ относительно Индіи: «громадный стимулъ промышленности, именно стимулъ безопасности, былъ у нихъ отнятъ». Обработка, большею частью, велась фермерами *at will* (по доброй волѣ, пока не прогонятъ), которые при той мучительной рентѣ, какую они должны были платить, не осмѣливались дѣлать улучшеній, что было бы сигналомъ къ повышенію ренты. Трудъ былъ такимъ образомъ примѣняемъ наиболѣе недостаточнымъ и опустошительнымъ образомъ и расточаемъ въ безполезной праздности, которая, при нѣкоторой увѣренности въ ея плодахъ, была бы приложена неотложно. Когда населеніе Ирландіи было наивысшее, она была страною вывозящею хлѣбъ. Даже въ теченіе голода хлѣбъ, масло, мясо и сыръ отправлялись въ вывозъ вдоль дорогъ, по обѣ стороны которыхъ лежали умирающіе съ голоду, и вдоль траншей, въ которыхъ мертвые были ограблены. За эти вывозы пищи или, по меньшей мѣрѣ, за большую часть ихъ не было никакого возмѣщенія. Насколько дѣло касалось ирландскаго народа, пища, такимъ образомъ вывозимая, могла бы быть также сожжена и брошена въ море, или никогда не произведена. Она не пошла въ обмѣнъ и въ качествѣ подати для уплаты ренты отсутствующимъ лордамъ.

М. Куллохъ въ 1838 году говоритъ въ примѣчаніи IV къ «Богатству народовъ»: «Удивительная густота народонаселенія въ Ирландіи есть непосредственная причина уничижительной нищеты и угнетеннаго состоянія громаднаго большинства народа. Не будетъ слишкомъ много, если сказать, что въ настоящее время въ Ирландіи не болѣе какъ половина населенія, при существую-

щихъ способахъ производства, неспособна на полное занятіе или на поддержаніе себя въ состояніи умѣреннаго благосостоянія». Такъ какъ въ 1841 году населеніе Ирландіи равнялось 8.175.124 челов., то въ 1838 г. можно положить около 8 милліоновъ. Такимъ образомъ, замѣняя отрицаніе М. Куллоха утвержденіемъ, Ирландія, на основаніи теоріи перенаселенія, поддерживала бы въ умѣренномъ состояніи потребностей немногимъ меньше 4 милліоновъ людей. Но въ началѣ предъидущаго столѣтія, когда Свифтъ писалъ свое «Скромное предложеніе», населеніе Ирландіи было около 2 милліоновъ. Такъ какъ ни средства, ни способы производства не подвинулись замѣтно въ Ирландіи въ теченіе этого интервала, а между тѣмъ уничижительная нищета и угнетенное положеніе ирландскаго народа въ 1838 г. были приписаны перенаселенію, то въ Ирландіи въ 1727 г. должно было бы быть, согласно собственному допущенію Макъ-Куллоха, въ болѣе чѣмъ умѣренномъ состояніи благосостоянія, всего 2 милліона жителей. Но, вмѣсто этого, уничижительная нищета и угнетенное положеніе ирландскаго народа въ 1727 г. были таковы, что Свифтъ съ горячей, рѣжущей ироніей предложилъ облегчить перенаселеніе воспитаніемъ вкуса къ жаренымъ дѣтямъ и ежегодно приносить на бойни, какъ деликатную пищу для богатыхъ, 100.000 ирландскихъ дѣтей. Затруднительно для того, кто просмотрѣлъ литературу ирландской нищеты, говорить въ приличныхъ выраженіяхъ о пріятной приписке ирландской нищеты и страданій перенаселенію, которую можно найти въ произведеніяхъ столь великаго ума, какъ Милль и Бокль. Авторъ не знаетъ ничего лучше разсчитаннаго на кипѣніе крови, какъ холодные отчеты объ убійственной, мучительной тираніи, которой былъ подверженъ ирландскій народъ и которой именно и слѣдуетъ приписывать ирландскій пауперизмъ и голодъ, а вовсе не какой-нибудь неспособности земли къ содержанію ея населенія. Могло ли перенаселеніе причинить пауперизмъ или голодную смерть—это есть открытый вопросъ; но пауперизмъ и голодная смерть Ирландіи могутъ быть не болѣе приписаны этой причинѣ, какъ и торговля рабами въ Африкѣ, или разрушеніе Іерусалима приписано неспособности средствъ существованія быть въ мирѣ съ воспроизведеніемъ населенія. Еслибъ Ирландія была отъ природы рощею банановъ и хлѣбныхъ деревьевъ, еслибы на ея берегахъ шли рядами запасы гуано о-ва Чинча и солнце низшихъ широтъ согрѣло бы ея сырую землю до болѣе изобиль-

ной жизни, то преобладающія въ ней соціальныя отношенія, попрежнему, повели бы впередъ нищету и голодную смерть. Не можетъ не существовать пауперизма и голода въ странѣ, гдѣ изъ земледѣльца выбивается мучительная рента, т. е. весь продуктъ его труда, за исключеніемъ достаточнаго количества, чтобы поддерживать жизнь въ урожайный годъ, гдѣ аренда безъ срока воспрещала улучшенія и удаляла всякую иниціативу къ чему-либо, кромѣ въ высшей степени опустошительной и поражающей бѣдностью культуры; гдѣ фермеръ не смѣлъ накоплять капитала, еслибы даже могъ, изъ опасенія, что ландлордъ потребуетъ съ него ренту; гдѣ въ дѣйствительности онъ былъ униженнымъ рабомъ, который могъ иногда быть изгнанъ изъ своей несчастной глиняной хижины, бездомнымъ, безпріютнымъ бродягой, которому даже запрещено рвать естественные плоды земли и убить дикаго зайца для удовлетворенія своего голода. Все равно, насколько рѣдко населеніе, все равно, каковы естественные рессурсы, но пауперизмъ и голодная смерть суть естественныя послѣдствія въ странѣ, гдѣ производители богатства принуждены работать при условіяхъ, лишающихъ ихъ надеждъ, самоуваженія, энергіи, трудолюбія, гдѣ отсутствующіе ландлорды уносятъ вонъ безъ возвращенія четверть чистаго продукта почвы и гдѣ, кромѣ того, умирающая съ голоду промышленность должна содержать остающихся на мѣстѣ ландлордовъ, съ ихъ лошадьми и собаками, управляющими и спекулянтами, посредниками и судьями, чужую государственную церковь, оскорбляющую религіозныя вѣрованія, и армію полисменовъ и солдатъ для того, чтобы прекращать и разбивать всякую оппозицію несправедливой системы. Развѣ нечестіе взваливать на естественные законы такимъ образомъ созданную нищету не гораздо хуже атеизма?

V.

Аналогіи человѣческаго размноженія съ размноженіемъ животныхъ, употребляемыя отъ Мальтуса до нашихъ дней, какъ, наприм., съ размноженіемъ лосося, который, въ случаѣ отсутствія враговъ нѣсколько лѣтъ, можетъ наполнить своимъ приростомъ океанъ, съ размноженіемъ кролика, который, при соотвѣтствующихъ условіяхъ, можетъ захватить цѣлый континентъ, затѣмъ съ размноженіемъ различныхъ другихъ животныхъ и растеній, которыя возрастаютъ съ безпримѣрною быстротой,—не доказы-

ваютъ ровно ничего. Изъ этого размноженія только одно и видно, что животныя, служащія въ пишу и иным потребностямъ человѣка, размножаются безконечно быстрѣе, нежели самъ человѣкъ, который рождаетъ двухъ-трехъ дѣтей тамъ, гдѣ какая-нибудь полёвка даетъ ихъ цѣлые десятки. Развѣ не составляетъ факта то, что всѣ вещи, доставляющія существованіе человѣку, имѣютъ способность размножаться громадно,—многія изъ нихъ въ тысячу разъ, а нѣкоторыя въ нѣсколько милліоновъ и даже билліоновъ,—тогда какъ онъ только удвоиваетъ свое число? И развѣ это не показываетъ, что человѣческія существа могутъ возрастать до полнаго объема своей воспроизводительной силы, хотя при этомъ возрастаніе ихъ никогда не превзойдетъ средствъ къ жизни? Это будетъ ясно, если вспомнить, что въ растительномъ и въ животномъ царствахъ каждый видъ, благодаря своей воспроизводительной силѣ, естественно и необходимо давитъ на условія, ограничивающія его будущее возрастаніе, такъ что эти условія нигдѣ не бываютъ прочны и окончательны. Никакой видъ не достигаетъ конечной границы почвы, воды, воздуха и солнечнаго свѣта; но дѣйствительная граница каждаго—въ существованіи другихъ видовъ, ихъ соперниковъ, враговъ и пищи. Такимъ образомъ условія, ограничивающія существованіе такихъ видовъ, которые доставляютъ существованіе человѣку, послѣдній можетъ расширить, и черезъ то воспроизводительная сила видовъ, удовлетворяющихъ его нуждамъ, вмѣсто того, чтобъ исчезнуть противъ своей прежней границы, выступитъ на его услуги въ мирѣ, который не можетъ соперничать съ его силами возрастанія. Если онъ бьетъ только соколовъ,—птицы, дающія ему пищу, будутъ возрастать въ числѣ; если онъ бьетъ лисицъ, то дикій кроликъ увеличится въ числѣ; пчела летитъ за піонеромъ, а органическія матеріи, которыя съ появленіемъ человѣка наполняютъ рѣки, кормятъ рыбу. Изъ всѣхъ живыхъ существъ человѣкъ есть единственное, которое можетъ заставить воспроизводительныя силы обнаружить болѣе силы, чѣмъ его собственныя, снабжающія его пищею. Животное, насѣкомое, птица, рыба—берутъ только то, что находятъ. Ихъ возрастаніе идетъ на счетъ ихъ пищи, когда они достигли существующихъ границъ пищи; пища ихъ должна возрасти прежде, чѣмъ они могутъ возрасти. Но, несходное со всѣми другими живыми существами, *размноженіе человѣка обгусловливаетъ и размноженіе его пищи*. Еслибы въ Сѣверную Америку, вмѣсто

людей изъ Европы, привезли бы медвѣдей, то тамъ было бы не больше медвѣдей, чѣмъ во времена Колумба, и быть-можетъ меньше, такъ какъ для медвѣдей не возросли бы условія медвѣжьей жизни, благодаря одной только медвѣжьей иммиграціи, а скорѣе наступило бы противоположное. Но въ границахъ Соединенныхъ Штатовъ теперь имѣется 45 милліоновъ людей, гдѣ прежде было только нѣсколько сотъ тысячъ, и при этомъ теперь на этой территоріи гораздо больше пищи на человѣка 45-милліоннаго населенія, чѣмъ было прежде на человѣка изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ. Не *возрастаніе пищи* пришло раньше *возрастанія числа людей*, но именно *возрастаніе числа людей* привело за собою *увеличеніе количества пищи*. Пищи больше стало потому, что прибавилось больше людей. Въ этомъ лежитъ различіе между животнымъ и человѣкомъ. И соколъ и человѣкъ ѣдятъ цыплятъ, но чѣмъ *больше* соколовъ, тѣмъ *меньше* цыплятъ, тогда какъ чѣмъ *больше* людей, тѣмъ *больше* и цыплятъ. Помогая оплодотворенію икры лососей при благопріятныхъ условіяхъ, человѣкъ можетъ такъ увеличить ихъ число, что ихъ можетъ ѣсть большое число желающихъ, и какъ бы число это ни возросло, оно никогда не можетъ превзойти искуственной поставки лососины. Короче, тогда какъ во всемъ растительномъ и животномъ царствахъ границы существованія не зависятъ отъ существующей вещи, относительно человѣка границы существованія сливаются съ границами земли, воздуха, воды и солнечнаго свѣта, зависящихъ отъ самого человѣка. А разъ это такъ, то аналогія, проводимая между низшими формами жизни и человѣкомъ, падаетъ. Если животныя и растенія оказываютъ давленіе на границы существованія, то человѣкъ не можетъ оказывать этого давленія, пока не достигнуты границы земного шара. Пятьдесятъ квадр. миль пространства доставятъ при нынѣшнемъ состояніи производительныхъ искусствъ средства къ жизни только нѣсколькимъ тысячамъ людей, но на пятидесяти квадр. миляхъ городъ Лондонъ помѣщаетъ и содержитъ около 3½ милліоновъ народу, и средства къ жизни растутъ по мѣрѣ роста населенія. Что касается собственно границы жизненныхъ средствъ, то Лондонъ можетъ дорости до населенія въ 100 милліоновъ или въ 500 милліоновъ или въ 1.000 милліоновъ, такъ какъ онъ привлекаетъ жизненныя средства со всѣхъ концовъ міра, и граница, которую ставитъ его росту въ населеніи предѣлъ жизненныхъ

средствъ, есть граница земного шара снабжать пищу для своихъ обитателей.

Спрашивается, далѣе, справедлива ли другая идея, отъ которой теорія Мальтуса получаетъ большую поддержку,—идея объ уменьшающейся производительности земли? По мнѣнію автора, необходимость этого только кажущаяся. Такъ какъ силы природы возникаютъ изъ неразрушимости матеріи и постоянства силы, то человѣкъ не можетъ ихъ истощить или уменьшить. Производство и потребленіе суть термины только относительные. Говоря абсолютно, человѣкъ не производитъ и не потребляетъ, такъ какъ не можетъ измѣнить вѣсъ вращающейся сферы ни на одинъ атомъ, не можетъ и уменьшить силъ ни на іоту. Все взятое изъ природы возвращается снова въ свой резервуаръ. Что земля можетъ содержать тысячу билліоновъ народа такъ же легко, какъ тысячу милліоновъ, необходимый выводъ изъ той ясной истины, что матерія вѣчна и что сила должна вѣчно продолжать дѣйствовать. Жизнь не беретъ другихъ силъ, кромѣ тѣхъ, которыя поддерживаютъ жизнь. Мы приходимъ въ матеріальный міръ, не принося ничего; мы ничего не беремъ съ собою и уходя изъ него. Матерія остается и сила такъ же продолжаетъ существовать. Ничто не уменьшается, ничто не ослабляется. И отсюда слѣдуетъ, что границей для народонаселенія земного шара можетъ быть только граница пространства. Относительно опасности, что родъ человѣческій когда-нибудь размножится до этихъ предѣловъ, можно замѣтить, что между человѣкомъ и животнымъ всегда есть разница, что человѣкъ—*единственное живущее существо, улучшающее свое положеніе, никогда имъ не удовлетворяясь*. Какъ только его животныя потребности удовлетворены, являются новыя нужды. Прежде всего ему требуется пища, какъ животному, но послѣднее дальше не пойдетъ, тогда какъ человѣкъ ставитъ первый шагъ на безконечную прогрессію, на которую никогда не ступитъ животное. Разъ удовлетворена потребность человѣка въ количествѣ, онъ ищетъ качества. Общія съ животными, потребности его расширяются. Не только голодъ, но и вкусъ ищетъ удовольствія въ пищѣ; въ платьѣ онъ ищетъ не только удобства, но и украшенія; грубый кровъ становится домомъ; безразличное половое влеченіе преобразовывается въ тонкія ощущенія, и жесткій и банальный запасъ животной любви дѣлается душистымъ цвѣткомъ въ формахъ изящной красоты. Переходя въ высшія области же-

ланія, глаза человѣка открываются и онъ желаетъ знать. Онъ посѣщаетъ пустыню и ледники полярнаго моря, но не для пищи; онъ не спитъ всю ночь, но только для того, чтобы слѣдить за круговращеніемъ вѣчныхъ звѣздъ. Онъ прибавляетъ трудъ къ труду, чтобъ удовлетворить голодъ, котораго никогда не ощущало никакое животное. Также и къ природѣ, къ себѣ самому, назадъ въ туманъ, покрывающій прошедшее, впередъ въ темноту—безпокойно обращается желаніе, тогда какъ животныя нуждаются только въ снѣ для удовлетворенія. Ниже вещей человѣкъ ищетъ законовъ; онъ хочетъ знать, какъ былъ скованъ земной шаръ и повѣшены звѣзды, и прослѣдить до ихъ источниковъ ручьи жизни. А потомъ, когда человѣкъ разовьетъ свою благородную натуру, тогда возникнетъ въ немъ стремленіе еще выше, страсть изъ страстей, надежда изъ надеждъ,—желаніе, чтобъ онъ, именно онъ, могъ въ чемъ-либо помочь сдѣлать жизнь лучше и ярче, поражая нужду, грѣхъ, печаль и срамъ. Онъ царитъ надъ животнымъ и обуздываетъ его. Онъ повертывается спиною къ празднествамъ и отказывается отъ мѣста съ властью; онъ оставляетъ другихъ накоплять богатство, поощрять свой тонкій вкусъ, выставлять себя на теплый лучъ солнца въ короткій день. Онъ работаетъ для тѣхъ, кого никогда не видалъ и никогда не увидитъ, для славы, или, быть-можетъ, для слабой справедливости, которая придетъ долго спустя послѣ того, какъ застучатъ комки земли объ его гробъ. Онъ работаетъ впереди, тамъ, гдѣ холодно, гдѣ мало любезностей отъ людей и гдѣ камни очень остры и терновникъ густъ. Среди насмѣшекъ настоящаго и шутокъ, которыя рѣжутъ, какъ ножи, онъ строитъ для будущаго; онъ пробиваетъ проходъ, который прогрессивное человѣчество можетъ впослѣдствіи раздвинуть въ большой путь.

Кромѣ положительныхъ и благоразумныхъ препятствій Мальтуса есть еще препятствіе—развитіе ума. Пропорція рожденій очевидно больше въ новыхъ поселеніяхъ, гдѣ борьба съ природой оставляетъ мало случаевъ для умственной жизни, и среди связанныхъ бѣдностью классовъ старыхъ странъ, которые и при богатствѣ лишены всѣхъ его выгодъ и сведены къ одному, только къ одному животному состоянію, чѣмъ это бываетъ у классовъ, которымъ возрастаніе богатства принесло независимость, досугъ, комфортъ и болѣе всего полную и разнообразную жизнь. Но какой бы путь ни былъ принятъ, аргументація, которою поддерживается теорія давленія народонаселенія на средства суще-

ствованія, является предположеніемъ недоказаннымъ. Факты ничего не говорятъ въ ея пользу, аналогіи также нѣтъ. Она есть чисто химера воображенія, подобная той, которая долго мѣшала людямъ признать шарообразность и движеніе земли. Фактъ состоитъ въ томъ, что законъ народонаселенія включаетъ такія же прекрасныя приспособленія, какія изслѣдованіе уже показало въ другихъ естественныхъ законахъ, и что мы не имѣемъ болѣе доказательствъ, что инстинктъ воспроизведенія, при естественномъ развитіи общества, стремится произвести нищету и пороки, какъ мы не имѣемъ доказательствъ для того предположенія, что сила притяженія броситъ луну на землю и землю на солнце, или для того, что сжатіе воды до 32° заморозитъ рѣки и озера до дна и такимъ образомъ нѣкоторыя страны станутъ необитаемы даже въ умѣренныя зимы.

Авторъ не соглашается съ мнѣніемъ Милля, что только маленькое общество можетъ быть хорошо снабжено припасами въ данномъ состояніи цивилизаціи, а не большое, вслѣдствіе скупости природы и появленія все новыхъ и новыхъ ртовъ, даже при самомъ благопріятномъ для всего общества распредѣленіи собственности, съ одной стороны, и улучшеній культуры, съ другой. Авторъ утверждаетъ, что не скупость природы, а несправедливость общества есть причина нужды и нищеты, которыя господствующая теорія приписываетъ перенаселенію. Новые рты, которые увеличили населеніе, требуютъ не больше пищи, чѣмъ старые, такъ какъ руки, приносимыя ими съ собою, могутъ въ естественномъ порядкѣ вещей производить больше. Въ новомъ состояніи цивилизаціи большое число людей вообще можетъ быть снабжено припасами лучше, чѣмъ малое. Есть ли, напримѣръ, какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, что Англія, увеличивая свое населеніе по 2%, въ годъ, увеличивала свое богатство еще въ большей пропорціи? Развѣ не справедливо, что тогда какъ населеніе Соединенныхъ Штатовъ удвоилось въ теченіе 29 лѣтъ, богатство ихъ удвоилось въ гораздо болѣе кратчайшій срокъ? Развѣ не вѣрно то, что при сходныхъ условіяхъ, т. е. среди общинъ сходнаго народа и на сходной ступени развитія, наиболѣе густо-населенная община есть также богатѣйшая? Развѣ болѣе густонаселенные восточные Штаты не богаче, пропорціонально населенію, западныхъ и южныхъ Штатовъ? Гдѣ увидите вы богатство, посвященное съ наибольшею расточительностью на непроизводительное потребленіе — дорогія постройки, тонкую мебель,

роскошные экипажи, статуи, живопись, сады для удовольствія и яхты?—Не тамъ, гдѣ населеніе рѣже, а скорѣе тамъ, гдѣ гуще. Гдѣ найдете вы въ болѣе широкихъ числахъ тѣхъ, которыхъ общее производство снабжаетъ безъ всякаго производительнаго труда съ ихъ стороны, людей дохода и элегантнаго досуга, полицейскихъ, адвокатовъ, арестантовъ, домашнихъ слугъ и пр.?—Не тамъ, гдѣ населеніе рѣже, а гдѣ гуще. Гдѣ капиталъ течетъ въ изобиліи и къ выгоднымъ помѣщеніямъ?—Опять-таки въ густонаселенныхъ странахъ. Вообще самыя богатыя страны не тѣ, въ которыхъ природа наиболѣе щедра, а тѣ, въ которыхъ трудъ наиболѣе дѣятеленъ,—не Мексика, а Массачузетсъ,—не Бразилія, а Англія. Что производство богатства въ отношеніи къ труду должно быть больше въ болѣе населенной странѣ, какъ Англія, чѣмъ въ новыхъ странахъ, гдѣ заработная плата и процентъ выше, это очевидно изъ факта, что здѣсь хотя и меньшая доля населенія занята производствомъ, но большій излишекъ свободенъ для удовлетворенія другихъ цѣлей, кромѣ физическихъ нуждъ. Въ новой же странѣ вся свободная сила общества посвящена производству; здѣсь не много людей не ведущихъ труда какого-либо производительнаго рода, ни одной женщины, избавленной отъ домашнихъ хлопотъ. Здѣсь нѣтъ пауперовъ или нищихъ, нѣтъ праздныхъ богачей, никакого класса, трудъ котораго былъ бы посвященъ управленію для удобства или по капризу богатыхъ, никакого чисто литературнаго или научнаго класса, никакого класса преступниковъ, которые живутъ добычей съ общества, никакого обширнаго класса, содержимаго, чтобъ охранять отъ нихъ общество. Но при всей силѣ общины, столь отдавшейся производству, не имѣетъ въ ней мѣста такое потребленіе богатства по отношенію ко всему населенію, какъ въ старыхъ странахъ, такъ какъ хотя въ новыхъ странахъ условія быта низшихъ классовъ лучше и нѣтъ никого, кто не могъ бы найти себѣ работу, но очень мало или никого, кто бы могъ жить въ роскоши или въ комфортѣ, какъ въ старыхъ странахъ. Это значитъ, что въ старыхъ странахъ потребленіе богатства по отношенію къ населенію больше, хотя пропорція труда, посвященнаго производству богатства, меньше, или что меньшее число рабочихъ производитъ болѣе богатства, такъ какъ богатство должно быть произведено прежде, чѣмъ оно потребляется.

Можетъ ли что-нибудь быть яснѣе, какъ то, что причина бѣдности, которая гнѣздится въ центрахъ цивилизаціи, не есть

слабость производительныхъ силъ? Въ странахъ, гдѣ бѣдность самая глубокая, производительная сила очевидно достаточно велика для того, чтобы порождать не только комфортъ, но и роскошь для самыхъ низшихъ классовъ. Промышленный параличъ, торговыя разстройства, которыя пробѣгаютъ чрезъ цивилизованный міръ въ настоящее время, очевидно вытекаютъ не изъ недостатка въ производительной силѣ.

Н. З.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Сибирскіе колонизаторы.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ мы предлагаемъ читателямъ рядъ разсказовъ или, вѣрнѣе, очерковъ, которые будутъ всѣ посвящены описанію различныхъ типовъ ссыльнаго люда и дальнѣйшей судьбы ихъ въ ссылкѣ. Такъ какъ мы описываемъ только то, что непосредственно видали и наблюдали, то не наша вина, если вліяніе ссылки въ одномъ случаѣ окажется совершенно противоположнымъ, чѣмъ въ иномъ, т. е. если на однихъ ссылка оказываетъ благотворное вліяніе, вызывая въ человѣкѣ энергію, желаніе подняться хоть до уровня окружающихъ его свободныхъ людей, въ другихъ же оно окончательно добиваетъ и тотъ малый запасъ честности, искренности и энергіи, съ которымъ данный субъектъ прибылъ въ ссылку. Мы воздержимся отъ всякаго рода выводовъ и обобщеній, ограничившись скромною ролью быто-писателя.

I.

Изъ „золотой молодежи“.

Въ 187* году, въ И—ѣ, обращалъ на себя общее вниманіе такъ-называемаго «порядочнаго общества» одинъ недавно прибывшій изъ Петербурга молодой человѣкъ, Левъ Сергѣевичъ Бойцовъ. Это былъ высокій красавецъ-блондинъ, съ великолѣпными бакенбардами, съ которыми онъ какъ-то особенно умѣлъ обращаться, такъ что онѣ необыкновенно шли къ его молодцеватой, изящной фигурѣ и составляли не малый предметъ зависти для нашихъ мѣстныхъ львовъ, какъ военныхъ, такъ и штатскихъ. Прибылъ онъ изъ Петербурга по дѣламъ: обладая хорошими средствами, онъ, по его словамъ, совершенно случайно встрѣтился

съ однимъ изъ своихъ товарищей по корпусу, долго прожившимъ въ Восточной Сибири, въ качествѣ управляющаго пріисками одной выдающейся золотопромышленной компаніи. Въ дружескихъ бесѣдахъ, товарищъ его, разсказывая про сибирское житье-бытье, сѣтовалъ на недостатокъ предпріимчивости и иниціативы у мѣстныхъ капиталистовъ, привелъ нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, какъ трудно въ Сибири привлечь капиталы къ новому дѣлу, несмотря на очевидную его выгоду, и, между прочимъ, разсказалъ, что онъ тщетно, несмотря на свои знакомства въ коммерческомъ мірѣ, старался устроить компанію для освѣщенія И—а, гдѣ оно до сихъ поръ находится въ самомъ печальномъ состояніи. По словамъ его, дѣло это представляетъ несомнѣнныя выгоды, и что онъ, еслибы не нездоровье его жены, лѣченіе которой требуетъ долговременнаго пребыванія за границей, непремѣнно постарался бы устроить компанію въ Петербургѣ. Мысль эта запала въ голову Льва Сергѣевича, человѣка въ это время свободнаго, такъ какъ онъ только-что вышелъ въ отставку съ чиномъ поручика изъ одного изъ старѣйшихъ гвардейскихъ полковъ, именно съ цѣлью удобнѣе помѣстить свои средства въ какое-нибудь солидное предпріятіе. Къ тому же и новизна края сильно манила его, человѣка молодого, сильнаго, энергичнаго къ попыткѣ взять и—е дѣло на себя.

Пріѣхавъ въ И—ъ, онъ только одни сутки пробылъ въ лучшей тамошней гостиницѣ, употребивъ почти цѣлый день на розыски подходящей квартиры. Хлопоты его увѣнчались желаннымъ успѣхомъ: въ центрѣ города, въ одной изъ улицъ, пересѣкающихъ главную улицу, такъ-называемую «Большую», неподалеку отъ нея, онъ нанялъ премиленькую квартиру изъ четырехъ комнатъ, съ кухнею внизу, съ конюшней и сараемъ на дворѣ.

Кое-какъ устроившись, прикупивъ мебели, нанявъ, по рекомендаціи хозяина гостиницы (поляка изъ сосланныхъ за повстаніе шестидесятыхъ годовъ), приличнаго лакея и получивъ изъ литографіи свои визитныя карточки, съ городскимъ адресомъ (это тогда была новость для И—а), на третій день поѣхалъ съ неизбѣжнымъ въ провинціи, а въ Сибири въ особенности, визитомъ къ выдающимся городскимъ обывателямъ. Началъ онъ съ генералъ-губернатора, къ которому явился, въ пріемный часъ, вмѣстѣ съ массой разныхъ представлявшихся или откланивавшихся офицеровъ и чиновниковъ, а также и частныхъ лицъ, имѣвшихъ какое-либо дѣло до главнаго начальника края. Представля-

ясь генералу, онъ тутъ же объяснилъ причину своего пріѣзда въ И—ъ и просилъ милостиваго содѣйствія его высокопревосходительства. Послѣдній принялъ его весьма ласково и помимо того, что обѣщалъ свою помощь въ такомъ важномъ, по его мнѣнію, дѣлѣ, какъ городское освѣщеніе, тутъ же пригласилъ Льва Сергѣевича къ себѣ, «какъ-нибудь на дняхъ, вечеркомъ, пообстоятельнѣе потолковать объ этомъ дѣлѣ». То же, или почти то же, было съ Львомъ Сергѣевичемъ у губернатора, у членовъ совѣта главнаго управленія Восточной Сибири и другихъ мѣстныхъ административныхъ тузовъ. При одномъ изъ этихъ визитовъ онъ встрѣтился съ адъютантомъ генералъ-губернатора, ротмистромъ Чемякинымъ, котораго онъ зналъ, еще будучи на службѣ въ Петербургѣ, и по совѣту послѣдняго, знавшаго уже основательно нравы И—а, отложилъ визиты къ купечеству и золотопромышленникамъ до другого дня, съ тѣмъ, чтобы дѣлать ихъ вмѣстѣ съ Чемякинымъ: будучи со всѣми знакомъ, Чемякинъ, конечно, былъ для него дорогимъ человѣкомъ. Въ первый же послѣ своихъ визитовъ праздничный день, Левъ Сергѣевичъ, пріѣхавъ домой часовъ въ пять послѣ обѣда, имѣлъ удовольствіе увидѣть у себя на столѣ массу карточекъ: это означало, что всѣ тѣ, которые оставили карточки, этимъ самымъ заявляли о полномъ своемъ желаніи поддерживать знакомство съ Бойцовымъ. Согласно провинціальному этикету, это давало ему право пріѣхать уже запросто, вечеромъ, въ любой изъ этихъ домовъ.

Левъ Сергѣевичъ широко воспользовался этимъ правомъ: не прошло и двухъ недѣль со времени его пріѣзда, какъ онъ успѣлъ уже занять амплуа перваго льва, и не было званаго вечера, обѣда или загороднаго пикника безъ его дѣятельнаго участія. Лучше его никто изъ молодыхъ людей не танцевалъ; шансонетки и отрывки изъ оперетокъ, которыя онъ мастерски исполнялъ и по-русски и по французски, вызывали обыкновенно единогласное и даже бурное одобреніе. У своихъ новыхъ знакомыхъ, людей болѣе или менѣе состоятельныхъ, онъ сталъ очень скоро «своимъ человѣкомъ» до того, что даже поваровъ училъ новымъ, какимъ-то необыкновенно пикантнымъ, кушаньямъ. Выражаясь фигурально, «звѣзда его взошла высоко» на и—мъ горизонтѣ. Барыни и барышни были отъ него въ восторгѣ. Отцы и матери были съ нимъ очень ласковы: «Онъ такой милый, такой веселый и въ то же время не вертопрахъ! Служа въ лучшемъ гвардейскомъ полку, кружась въ лучшемъ обществѣ Петербурга, онъ съумѣлъ

во-время остановиться и принялся за серьезное дѣло. Теперь такихъ рѣдко встрѣтишь». Словомъ, Левъ Сергѣевичъ сдѣлался баловнемъ общества. Одно только его нѣсколько огорчало, это «невозможность скоро переписываться съ Петербургомъ, гдѣ проживали его компаніоны по предпріятію; мало ли возникало вопросовъ при обсужденіи съ представителями города объ устройствѣ этого, въ высшей степени важнаго для города дѣла?» Обо всемъ «мало-мальски серьезномъ» ему приходилось писать въ Петербургъ, потому что онъ, «несмотря на полное довѣріе своихъ компаніоновъ, не хотѣлъ брать на себя нравственной отвѣтственности за какое-нибудь упущеніе въ контрактѣ, могущее повлечь, хотя бы и въ ничтожные, убытки компаніоновъ», а «почта такъ медленно ходитъ. Чтобы получить отвѣтъ на письмо, нужно, по крайней мѣрѣ, два съ половиной мѣсяца». При подробной разработкѣ проекта выясняется то одно, то другое обстоятельство, не предусмотрѣнное его товарищами. Такого рода объясненія слышали знакомые отъ Льва Сергѣевича, если кто-нибудь, вопреки деликатности, обращался къ нему съ наивнымъ вопросомъ:

— Ну, что, батенька, какъ у васъ съ нашей думой идетъ по освѣщенію-то? Ужь не тормозятъ ли?

— Что вы, что вы, да такихъ милыхъ людей, какъ ваши думскіе, нужно еще поискать! Они очень сочувственно относятся къ моему проекту, да видите ли какія возникаютъ затрудненія...— И Левъ Сергѣевичъ начиналъ свои жалобы на разстояніе и проч.

Жилъ онъ такимъ образомъ, что-то около года, совершенно открыто; вечера у него всѣ на-расхватъ. Что такое обѣдъ дома или въ гостиницѣ—онъ и понятія не имѣлъ, бывъ постоянно заваленъ приглашеніями, не исключая и губернаторскаго дома. Одѣвался безукоризненно, участвовалъ во всѣхъ пикникахъ и подпискахъ, не отставалъ ни въ чемъ отъ «порядочнаго общества». Иногда задавалъ у себя «холостыя» пирушки, однако не безъ женскаго персонала, доставать который онъ умѣлъ, по его словамъ, «со дна морского» и который онъ удивительно скоро культивировалъ. На такихъ пирушкахъ портеръ и шампанское, часто пополамъ съ «fine champagne», играли главенствующую роль и уничтожались въ весьма солидныхъ размѣрахъ. Постоянно участвуя съ Бойцовымъ въ пирушкахъ и попойкахъ, никому изъ собутыльниковъ его и въ голову не приходилъ вопросъ: «На какія же средства могъ онъ это продѣлывать?»—«Разъ человѣкъ заявилъ себя «порядочнымъ», какіе же тутъ вопросы!»

Надо тутъ отмѣтить одну характерную черту сибиряковъ состоятельныхъ: они чрезвычайно падки до пріѣзжихъ молодыхъ людей, и послѣднимъ очень не трудно добиться у нихъ кредита, и кредита не маленькаго; а только пріѣзжій «левъ» принятъ «порядочнымъ» обществомъ, то отказать ему въ небольшой суммѣ считается какъ-то «неловкимъ». Черту эту Левъ Сергѣевичъ подмѣтилъ очень скоро и эксплоатировалъ ее мастерски: встрѣтившись, напримѣръ, съ кѣмъ-нибудь изъ пріятелей въ клубѣ, онъ небрежно, показывая видъ, что ему это не существенно важно, бидалъ на ходу, такъ-сказать, фразу:

— Не богатъ ли ты *сегодня* капиталомъ?

— А что, развѣ нужно?

— Нужно-то не особенно, да вдругъ придется за карты засѣсть, а у меня до послѣ-завтра всего-навсе рублей триста *свободныхъ*,—нужно, значитъ, маленькій резервъ...

— Сдѣлай милость, сколько?

— Пустяки, рублей сто-полтораста,—словомъ, перевернуться дня два-три...

— Есть о чемъ говорить! Черезъ три дня отдашь, черезъ мѣсяцъ,—мнѣ все равно. Получай!

Левъ Сергѣевичъ бралъ эти «пустяки» такъ, какъ онъ взялъ бы предложенную ему папиросу, не глядя опускалъ въ карманъ и, едва успѣвъ пробормотать что-то вродѣ «спасибо», уже заговаривалъ съ другимъ знакомымъ, на другую совершенно тему, напримѣръ о необходимости выписки въ Восточную Сибирь племенныхъ жеребцовъ и объ устройствѣ случныхъ конюшень и т. д. въ томъ же родѣ. Черезъ два-три дня онъ заѣзжалъ къ своему кредитору—такъ, навѣстить, поболтать кое о чемъ, и, уже прощаясь, вдругъ вспоминалъ:

— Вотъ, чортъ возьми, совершенно изъ памяти вонъ! Помнилъ, выѣзжая, что мнѣ нужно съ тобою по дѣлу поговорить, а забылъ! Вѣдь я твой должникъ,—смѣясь и доставая свой бумажникъ, говоритъ онъ,—получи-ка! Обрати вниманіе: «новенькія», только-что получилъ изъ банка переводъ,—и онъ отсчитывалъ не перегнутыми бумажками свой долгъ, не внимая увѣщаніямъ хозяина, что «это можно послѣ», «надъ нами, благодаря Бога, не капитъ», «авось еще свидимся» и т. д.

Но Левъ Сергѣевичъ былъ непреклоненъ и, несмотря на отговорки хозяина, всучалъ ему свой долгъ не позже обѣщаннаго срока. Такою аккуратностью онъ получилъ репутацію человѣка

со средствами, серьезнаго и дѣлового, и съ помощью ея вертѣлся какъ бѣлка въ колесѣ: чтобъ отдать во-время одному, онъ занимаетъ вдвое бо́льшую сумму у другого; чтобы заплатить послѣднему, онъ занималъ у третьяго, постепенно возвышая сумму займа, и къ концу своего пребыванія въ И — ѣ онъ, незамѣтно для своихъ многочисленныхъ кредиторовъ, задолжалъ болѣе десяти тысячъ рублей. Всякій изъ дававшихъ ему получалъ съ него уже нѣсколько разъ, всегда въ срокъ, и былъ убѣжденъ, что Бойцовъ долженъ только ему одному и что онъ всегда можетъ заплатить по первому требованію.

Долго бы еще продолжалъ онъ такъ жуировать, еслибы не случилось одно крайне прискорбное происшествіе. Пріятель его Чемякинъ, попавшій изъ адъютантовъ генералъ-губернатора въ полицеймейстеры, должность весьма выгодную и почетную въ И — ѣ, получилъ для исполненія, чрезъ огорченнаго губернатора, изъ Петербурга бумагу, въ которой говорилось приблизительно слѣдующее: «До свѣдѣнія подлежащаго начальства дошло, что лишенный нѣкоторыхъ правъ состоянія, за растрату казенныхъ суммъ, бывшій поручикъ N—скаго полка, лишенный чиновъ и орденовъ, Бойцовъ, сосланный по судебному приговору на житье въ И—ю губернію, вопреки судебному рѣшенію проживаетъ въ самомъ городѣ И—ѣ, причемъ выдаетъ себя за вышедшаго добровольно въ отставку офицера. Ставя на видъ вашему превосходительству подобное послабленіе ссыльнымъ, покорнѣйше прошу распорядиться немедленной высылкой Бойцова въ одинъ изъ окружныхъ городовъ ввѣренной вамъ губерніи или Забайкальской области и т. д....»

Велико было смущеніе интимныхъ друзей Льва Сергѣевича, ранѣе другихъ узнавшихъ непріятную истину, т. е. губернатора и полицеймейстера. Въ первую минуту они до того растерялись, что потеряли, что называется, голову, да и было отчего: полицеймейстеръ былъ его воспріемникомъ, такъ-сказать, въ губернскомъ бомондѣ, а губернаторъ, какъ слухи шли, собирался выдать за него свою племянницу, и вдругъ такой ударъ: ссыльный за растрату! Лишенный чиновъ и орденовъ!

Когда первое впечатлѣніе нѣсколько прошло, они порѣшили такъ: негласно предупредить Бойцова, чтобъ онъ, подъ предлогомъ какого-нибудь, внезапно представившагося, дѣла, уѣхалъ тотчасъ же за Байкалъ, а они уже постараются распустить по городу слухи о важности этого дѣла и о его неотложности, чѣмъ

и объяснятъ полную невозможность для Бойцова остаться нѣкоторое время въ городѣ для исполненія обычнаго этикета—дѣланія прощальныхъ визитовъ—и принесутъ за него его искреннія извиненія передъ многочисленными его друзьями.

Такимъ образомъ они думали избѣгнуть огласки хоть на первое время. Не прибѣгнуть къ этимъ мѣрамъ имъ обоимъ было невозможно, ибо происшествіе это, по справедливости, могло дать обильный матеріалъ для «зубоскальства и глупыхъ остротъ разныхъ шелопаевъ», какъ выражались эти почтенные администраторы. И дѣйствительно, положеніе ихъ было чрезвычайно комичное. Главные представители губернской полиціи очутились главными пособниками въ обманѣ цѣлаго города какимъ-то «проходимцемъ».

Вечеромъ того дня Чемякинъ разыскалъ гдѣ-то Льва Сергѣевича, улучилъ минутку и одинъ-на-одинъ передалъ ему вкратцѣ содержаніе непріятной бумаги, выразительно подчеркнувъ, что немедленный отъѣздъ его необходимъ, такъ какъ если этотъ фактъ огласится, то его превосходительство вынужденъ будетъ прибѣгнуть къ болѣе формальному образу дѣйствій относительно Бойцова, что, вѣроятно, для него не желательно.

Тотъ на мгновенье смутился, но, быстро оправившись, проговорилъ:

— И чего такъ поторопились сообщить объ этомъ вамъ теперь? Дѣйствительно, меня осудили на житье къ вамъ, но мнѣ дали слово, и положительно обѣщали, высокопоставленныя особы, что не пройдетъ и года, какъ я получу полное прощеніе, и только потому я умолчалъ объ этой непріятности. Мнѣ и самому въ высшей степени важно избѣжать огласки, потому что родные мои и знакомые петербургскіе тоже ничего не знаютъ. Но когда же мнѣ ноѣхать и куда?

— Генералъ думаетъ, что лучше бы всего вамъ направиться къ г. М—ву, на Карý, — вы съ нимъ хороши. Кромѣ того его превосходительство далъ мнѣ для васъ письмо къ нему, да и предлогъ отличный: тамъ теперь кончаются сроки контрактамъ на поставку для ссыльныхъ и баталіона пищи и вещевого довольствія на огромную сумму, что-то около 400.000 руб. на годъ,—вотъ мы и распустимъ слухъ, что вы случайно узнали о имѣющихъ быть торгахъ на этотъ подрядъ и, какъ человѣкъ дѣловой (тутъ полицеймейстеръ вздохнулъ, — онъ вспомнилъ свои пятьсотъ рублей, съ недѣлю имъ данные взаймы

«дѣловому человѣку»), опасаясь пропустить срокъ, мгновенно собрались и поѣхали... Вы, съ своей стороны, будете если сюда писать, разсказывайте то же, а то согласитесь: положенье губернатора и мое—самое глупое!

— Такъ вы думаете, что самое лучшее это мнѣ уѣхать сейчасъ же, ночью?

— Да, да, конечно.

— Но, признаться, такъ скоро я тронуться съ мѣста не могу: у меня теперь въ карманѣ почти ничего нѣтъ,—проговорилъ Бойцовъ, сразу смѣкнувшій, что на прощанье вполнѣ возможно еще малую толику содрать съ попавшихъ въ яму администраторовъ.—Вѣдь на дорогу нужно по крайней мѣрѣ триста рублей, а у меня не наберется и двадцати пяти...

— Гм...—только и могъ произнесть нѣсколько оторопѣвшій Чемякинъ, думая про себя: «Что это за бестія? И гдѣ у меня глаза были, когда я его какъ дуракъ представлялъ въ «первыхъ домахъ» города, какъ стараго пріятеля и богача! Придется еще дать, только бы уѣхалъ». — Ну, какое же триста, тутъ всего сто, а полтораста за глаза хватитъ... А пріѣдете къ г. М—ву, жизнь ничего не будетъ стоить вамъ; пожалуй, и прощеніе скоро подоспѣетъ, вы и поправитесь...

— Да вы забываете, что у меня и этихъ полуторасотъ нѣтъ! Нельзя же, наконецъ пріѣхать,—положимъ, и къ хорошему знакомому,—безъ копѣйки въ карманѣ. Мало ли что можетъ случиться въ дорогѣ? Рѣшительно менѣе трехсотъ нельзя и думать двигаться; завтра я постараюсь достать, а къ вечеру уѣду.

— Хотите, я вамъ за мебель дамъ триста, хоть сейчасъ? Вы и поѣзжайте теперь же,—думая хоть на этомъ вернуть сколько-нибудь, любезно предложилъ Чемякинъ.

— Голубчикъ мой, я ее давно уже утилизировалъ! Она принадлежитъ теперь Гейману; знаете портного-жида на Большой улицѣ? Уже съ мѣсяцъ, какъ я заложилъ ему ее.

— Тогда мы такъ сдѣлаемъ: вы поѣзжайте въ собраніе и ждите меня тамъ, а я поговорю съ губернаторомъ и явлюсь туда. Смотрите, ждите же меня и о разговорѣ нашемъ—ни гу-гу! Для васъ же это необходимо.

Чемякинъ скоро собралъ триста рублей: сто далъ губернаторъ, пятьдесятъ—онъ самъ и полтораста—голова, бывшій въ гостяхъ у губернатора, одинъ изъ самыхъ близкихъ пріятелей Льва Сергѣевича, которому они также нашли необходимымъ сообщить

прискорбную новость. При этомъ выяснилось, что Левъ Сергѣевичъ ему долженъ три тысячи съ чѣмъ-то... Несмотря на это, онъ любезно предложилъ 150 руб., но съ условіемъ, чтобы Бойцовъ ночью же и уѣхалъ.

Левъ Сергѣевичъ, получивъ деньги и письмо къ М—ву, отъ души поблагодарилъ Чемякина, и провожаемый имъ и еще однимъ изъ клубныхъ завсегдатаевъ, въ ту же ночь уѣхалъ изъ И—ка, поручивъ покончить съ квартирой, человѣкомъ и мебелью тому же Чемякину. «А то, знаете, скандалъ можетъ обнаружиться, если я почью стану будить хозяина да разсчитываться съ нимъ». Скрѣпя сердце, и этотъ разсчетъ принялъ на себя Чемякинъ. Только уѣзжай!

Благодаря хитрому плану и тайнѣ, которую свято хранили его изобрѣтатели, исторія эта долго не была извѣстна въ городѣ; получаемыя отъ Бойцова письма подтверждали слухъ о томъ, что онъ намѣренъ взять подрядъ на Карý и только кредиторы его нѣсколько скучали по Львѣ Сергѣевичѣ: «пора бы, молъ, и послать,—не богъ вѣсть какія деньги!» Но Бойцовъ и самъ пользовался малыми размѣрами долговъ, чтобы въ письмахъ оправдывать свою неаккуратность. «Все собираюсь самъ къ вамъ, добрѣйшій NN, да все дѣлишки держатъ, а по почтѣ пересылать такой пустякъ не стоитъ; вѣроятно, на дняхъ урвусь какъ-нибудь самъ къ вамъ» и проч.

Дальнѣйшая же судьба Бойцова была такова: исчезнувъ такъ внезапно изъ И—а, онъ очутился прямо на Карѣ, гдѣ въ то время завѣдующимъ ссыльно-каторжными былъ нѣкто полковникъ М—въ, описанный нами въ одномъ изъ прежнихъ разсказовъ *). Принятый, благодаря прежнему личному знакомству по И—у, а главное—письму губернатора, очень радушно, Левъ Сергѣевичъ очень скоро оріентировался въ новой, совершенно незнакомой ему сферѣ дѣятельности и, благодаря непрерывному, безпробудному пьянству М—ва, сдѣлался—не оффиціально, а фактически—завѣдующимъ каторжными. Здѣсь о его дѣятельности мы, къ сожалѣнію, имѣемъ два разнорѣчивыхъ показанія: одно, болѣе склоняющееся за него, говоритъ, что онъ былъ чуждъ тѣхъ мерзостей и воровства казеннаго имущества, которые такъ процвѣтали на Карѣ при директорѣ М—вѣ, и обвиняютъ Бойцова лишь

*) См. „Въ дали“, очерки вольной и невольной жизни, съ предисловіемъ С. В. Максимова, соч. М. П. Орфанова (Мишла). Москва. 1883 г. Разсказъ „Изъ дневника бывалаго человѣка“, стр. 341—348. *Ред.*

въ томъ, что онъ, зная все, живя вмѣстѣ съ М—мъ и имѣя хорошее чиновное знакомство въ И—ѣ, ни разу не протестовалъ противъ дѣйствій М—ва и не сообщалъ въ И—ъ о безобразіяхъ, творимыхъ послѣднимъ; другіе же къ этому съ увѣренностью добавляютъ, что онъ не только *все* зналъ, но и во *всемъ* участвовалъ, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ вѣчно пьянаго, но и вельми жаждущаго «пріобрѣсти» М—ва. Черезъ полтора года онъ исчезаетъ такъ же внезапно изъ Кары, какъ нѣкогда исчезъ изъ И—а; причиной, какъ передавали лица, бывшія въ то время на Карѣ, было ожиданіе ревизіи «управленія нерчинскими ссыльно-каторжными», въ которомъ онъ, несмотря на то, что самъ былъ сосланнымъ, игралъ главную роль, и кромѣ того у него съ М—мъ произошла, въ пьяномъ видѣ, ссора, дошедшая, какъ кажется, до потасовки.

Спустя годъ послѣ исчезновенія блестящаго гвардейца съ грязнаго, воровского горизонта каторги, гдѣ не считалось стыдомъ и грѣхомъ присвоивать послѣдній арестантскій грошъ, мы его встрѣтили невзначай опять, но въ совершенно иной обстановкѣ: плывя на пароходѣ по Шилкѣ съ Усть-Кары въ Стрѣтенскъ, мы были крайне удивлены, увидавъ на рубкѣ, въ шведской лайковой куркѣ, во флотской фуражкѣ, знакомую намъ, красивую, сильную фигуру Льва Сергѣевича Бойцова, отдающаго своимъ зычнымъ голосомъ команду матросамъ.

Изъ распросовъ въ буфетѣ оказалось, что Бойцовъ уже вторую навигацію служитъ въ Амурской пароходной К° и, прослуживъ первое лѣто помощникомъ капитана, теперь получилъ чинъ капитана и считается самымъ лихимъ, исполнительнымъ капитаномъ, получая весьма приличное содержаніе—около пяти тысячъ въ годъ!

Зная его еще по И — у, во времена его успѣховъ въ обществѣ, когда онъ задавалъ всей молодежи тонъ, и зная всю его исторію, мы было не хотѣли возобновлять знакомство, не желая отравлять своимъ видомъ настоящія, видимо счастливыя, минуты его жизни, но онъ самъ узналъ, тотчасъ же подошелъ и поздоровался безъ тѣни какого-нибудь смущенія. Уже вечерѣло, на рѣкѣ дѣлалось сыровато, и онъ, любезно пригласивъ къ себѣ въ капитанскую каюту, потребовалъ пуншу, за которымъ бесѣдуя, мы провели время до глубокой ночи. Онъ увѣрялъ меня, что теперь, трудясь съ утра до ночи, онъ чувствуетъ себя превосходно, и еслибы дѣйствительно пришло разрѣшеніе вернуться ему

на родину теперь, онъ все равно не разстался бы съ Сибирью. «Здѣсь у васъ люди живутъ,—понимаете ли?—люди, а не деревяшки, какъ у насъ въ Питерѣ. Здѣсь понимаютъ, что если человѣкъ и могъ въ жизни сдѣлать какую-нибудь неловкость, даже больше—пакость, то это еще не значитъ, что онъ обреченъ всю свою жизнь только и заниматься, что пакостями. Во время моего двухлѣтняго плаванія по Амуру я встрѣчалъ многихъ изъ и—нъ, которымъ я задолжалъ чортъ знаетъ сколько и которыхъ обманулъ самымъ безцеремоннымъ образомъ,—и что же вы думаете?—Не только упрека или напоминанія о долгѣ, но, могу васъ увѣрить, встрѣчалъ только искреннюю радость и поздравленіе, что наконецъ я солидно пристроился и не билъ баклуши. Тоже ни слова и о пресловутомъ моемъ проектѣ освѣщенія И—а, какъ будто ничего и не было! Это—люди».

Не знаю, можетъ-быть и пуншъ имѣлъ тутъ свое вліяніе, размягчивъ мое сердце, но я лично убѣжденъ въ искренности его исповѣди.

Еще годъ спустя я услыхалъ, что онъ женился на сибирячкѣ, дочери одного купца, простенькой, но очень хорошенькой дѣвушкѣ и живетъ совсѣмъ «по-хорошему».

Мишлѣ.

ЖІАНЪ и ГАНСЪ.

ПОВѢСТЬ.

МАРКА МОНЬЕ.

I.

Я сталъ знать ихъ обоихъ назадъ тому лѣтъ сорокъ въ Швейцаріи, въ одномъ теперь забытомъ пансіонѣ, славившемся въ свое время тѣмъ, что въ него отдавали на исправленіе неисправимыхъ дѣтей всѣхъ странъ Стараго и Новаго Свѣта, кромѣ тѣхъ, гдѣ управлялись съ ними домашними средствами. Посредствомъ самаго внимательнаго надзора, разумнаго воспитанія, соединенія въ обученіи пріятнаго съ полезнымъ (*utile dulci*, какъ значилось въ программѣ), директоръ брался исправить самыхъ избалованныхъ и испорченныхъ. Не его вина, если это не всегда ему удавалось. Меня, Жана Флера, родные отдали въ этотъ пансіонъ потому, что я былъ самымъ буйнымъ мальчишкой во всемъ городѣ; когда нельзя было подраться съ товарищами, я билъ школьныхъ надзирателей и, наконецъ, совсѣмъ отбился отъ рукъ. Меня исключили изъ школы. Отецъ хотѣлъ засадить меня въ смирительный домъ, но слезы матери умилостивили разгнѣваннаго родителя; вмѣсто исправительнаго дома меня помѣстили въ швейцарскій пансіонъ, гдѣ я довольно быстро забылъ то немногое, чему успѣлъ научиться въ родномъ городѣ изъ французскаго и латинскаго языковъ, и не выучился никакому другому; за то весьма преуспѣвалъ въ англійскомъ боксѣ подъ руководствомъ товарищей англичанъ, исправно подсаживавшихъ мнѣ фонари подъ глазами.

Мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ меня, къ намъ въ пансіонъ привезли маленькаго итальянца, тоненькаго, стройнаго, съ чистымъ

античнымъ профилемъ, смуглаго какъ мѣдная монетка, съ большими жгучими глазами. Оставшись рано круглымъ сиротою, мальчикъ росъ у дяди священника въ какомъ-то городкѣ Базиликата. Дядя готовилъ ребенка къ духовному званію; но племянникъ предпочиталъ гитару церковному органу и разбойничьи сказки молитвеннику, о чемъ и заявлялъ откровенно своему опекуну и воспитателю. Въ ужасѣ отъ такой преждевременной испорченности племянника, священникъ поспѣшилъ отправить его со склоновъ Аппенинъ на альпійскіе склоны, по совѣту торговца четками, рекомендовавшаго швейцарское исправительно-учебное заведеніе. Кстати самъ онъ, этотъ торговецъ, ѣхалъ за своимъ товаромъ въ Женеву и взялся отвезти мальчика. Въ Женевѣ протестанты фабрикуютъ массы этихъ четокъ и отправляютъ ихъ въ Мельфи, Лагонегро, Метеру и другія мѣста, гдѣ ихъ раскупаютъ вѣрующіе католики въ полномъ убѣжденіи, что они изготовлены въ Римѣ и освѣщены самимъ папою. Такимъ образомъ маленькій Жанъ — или по-тоскански Жіанъ—Берти сталъ моимъ школьнымъ товарищемъ. Ему было тринадцать лѣтъ, мнѣ шестнадцать—разница очень большая въ такомъ возрастѣ. Грустный, нелюдимый дичокъ, Жіанъ держался постоянно особнякомъ, перебирая четки и читая акаѳисты Мадонѣ, или наигрывая на гитарѣ; иногда онъ вынималъ изъ кармана волчокъ, заводилъ его и очень ловко перепускалъ изъ одной руки въ другую то черезъ спину, то черезъ грудь.

Разъ къ намъ въ пансіонъ явился длинный, худой молодой человѣкъ въ очкахъ.

— Я--бѣдный странствующій студентъ,—заявилъ онъ.

Во времена Лютера студенты нищенствовали, ничуть не стѣсняясь ложнымъ стыдомъ; новѣйшія времена уже не допускаютъ этого обычая, о чемъ я весьма сожалѣю. Много поэзіи и доблести было въ этой жизни, полной лишеній, въ этихъ странствованіяхъ бѣдняковъ, не имѣвшихъ ничего кромѣ жажды знанія, переходившихъ изъ университета въ университетъ, жившихъ со дня на день милостыней, иногда чистившихъ сапоги профессоровъ и такимъ образомъ снискивавшихъ себѣ хлѣбъ насущный и хлѣбъ духовный. Пришедшій къ намъ молодой человѣкъ былъ, кажется, послѣднимъ представителемъ этого,—повторяю, къ сожалѣнію,—исчезнувшаго типа. Его радушно приняли, дали помѣщеніе и столъ; онъ послѣднимъ воспользовался самымъ безцеремоннымъ образомъ,—бѣдняга, очевидно, наголодался. Несмотря на

свою выдающуюся челюсть, на плоскую голову, низкій лобъ и глаза безъ выраженія, онъ оказался человѣкомъ очень ученымъ, чуть ли не все знающимъ, даже французскій языкъ, старый по крайней мѣрѣ, такъ какъ къ новому онъ относился съ глубочайшимъ презрѣніемъ, доказывая, что его изуродовали и убили Корнель и Паскаль. Его звали тоже Иваномъ, какъ Жіана и меня; только онъ выговаривалъ это имя на нѣмецкій ладъ: Гансъ и прибавлялъ къ нему прозвище Шлукеръ (*Schlucker* — значитъ прожора); у этого бѣдняка не было фамиліи, какъ я узналъ впослѣдствіи. Жіанъ съ перваго раза его возненавидѣлъ; замѣчу здѣсь кстати, что маленькій итальянецъ постоянно кого-нибудь ненавидѣлъ: въ данную минуту предметомъ ненависти былъ тудеско. Разъ утромъ, во время рекреаціи, Гансъ сказалъ Жіану:

— Дай мнѣ волчокъ.

Жіанъ не далъ, Гансъ хотѣлъ отнять, бросился на ребенка и, кажется, изувѣчилъ бы его, еслибы меня не случилось по близости. Я, само собою разумѣется, не пропустилъ такого удобнаго случая подраться. Гансъ былъ старше, больше и, несомнѣнно, сильнѣе меня, но съ англичанами я уже достаточно напрактиковался и не забылъ кое-какихъ чисто-французскихъ пріемовъ. Дѣйствуя обоими способами, руками и ногами, англійскимъ боксомъ и тѣмъ, что въ Россіи называютъ московскимъ кисилемъ, я вышвырнулъ нѣмца за дверь. На этотъ разъ всѣ оказались на сторонѣ побѣдителя, даже директоръ, очень довольный тѣмъ, что я избавилъ его отъ Ганса.

Жіанъ кинулся мнѣ на шею, называлъ своимъ спасителемъ, освободителемъ, и клялся въ вѣчной преданности. Такъ какъ я не понималъ по-итальянски, то онъ въ нѣсколько недѣль выучился по-французски и высказалъ мнѣ все, что у него было на душѣ. Война тудескамъ, смерть тевтонамъ, унетателямъ Милана, Венеціи, Тироля и Тріеста! Вражда Жіана восходила до несчастнаго Конрадина, до Фридриха Барбароссы; маленькій итальянецъ уже тогда по-своему обдѣлывалъ исторію и призывалъ ее въ подкрѣпленіе своимъ симпатіямъ и антипатіямъ.

— О, Франція,—восклицалъ онъ, — Франція совсѣмъ иное дѣло! Это наша союзница, наша сестра, въ нашихъ жилахъ течетъ одна кровь! Роландъ и Готфридъ Бульонскій—наши общіе эпическіе герои. Великій Наполеонъ былъ итальянецъ! Жанъ, братъ мой, братъ по имени и по крови, я твой на жизнь и на смерть!

Эта восторженная преданность продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ. Къ несчастью, я имѣлъ въ то время слабость путаться въ чужія дѣла. У маленькаго саминта опекуномъ былъ дядя священникъ, котораго онъ терпѣть не могъ, не меньше нѣмцевъ.

— Онъ меня ограбилъ! — кричалъ Жіанъ.—Онъ раздѣлилъ съ моимъ отцомъ наслѣдство дѣда и теперь завладѣлъ даже моею частью... Священникъ не долженъ ничего имѣть,—онъ даетъ обѣтъ бѣдности... Мало этого, онъ присвоиваетъ себѣ какія-то права надъ моею совѣстью, грозитъ мнѣ адомъ, если я не стану вѣрить въ чудо святого Януарія... Наконецъ, распоряжается мною какъ своимъ сыномъ, запряталъ меня въ заключеніе къ гельветамъ, которыхъ колотили наши предки при Юліи Цезарѣ... Война и смерть чернымъ рясамъ!

Я доказывалъ Жіану всю неосновательность его гнѣва, объяснялъ, что хотя его дядя и священникъ, а все-таки человѣкъ и, какъ таковой, вправѣ кушать говядину и пить вино, что самъ я тоже въ пансіонѣ у швейцарцевъ, которыхъ и мои предки били при Мариньянѣ.

— Наше заключеніе, — добавилъ я, — очень сносно. Учатъ насъ, правда, немногому, но за то мы дышемъ здоровымъ воздухомъ прекрасной страны. Что же касается твоей совѣсти, другъ Жіанъ, то мнѣ она кажется нѣсколько даже излишне эмансипированной, несмотря на то, что ты еще по старой привычкѣ продолжаешь перебирать четки. Тебѣ грозятъ адомъ за то, что ты не вѣришь въ чудо святого Януарія; да тебѣ-то что до этого за дѣло, если ты не вѣришь въ адъ? Если же ты боишься ада, то не имѣешь никакого основанія не вѣрить и чуду св. Януарія. Одно изъ двухъ: или оно существуетъ, или это выдумка. Въ обоихъ случаяхъ слѣдуетъ въ него вѣрить, если оно существуетъ,—вѣря въ него, ты избавишься отъ ада; если оно выдумано, ты ровно ничего не теряешь. Такъ разсуждалъ знаменитый поэтъ Альфредъ де-Мюссе, котораго мы очень усердно читали въ школѣ, такъ какъ намъ запрещали его читать.

Жіанъ обозвалъ меня за это клерикаломъ. Мнѣ бы слѣдовало оставить его въ покоѣ, но нравъ у меня былъ буйный, мнѣ всегда хотѣлось всѣхъ убѣдить въ томъ, что я правъ, и, благодаря такому глупому упрямству, я нажилъ себѣ не мало враговъ и не убѣдилъ ни одного человѣка. Выступивши на защиту совсѣмъ непзвѣстнаго мнѣ священника, я этому священнику никакой пользы не принесъ и удовольствія не доставилъ; онъ даже

никогда не узналъ о моемъ заступничествѣ, а съ Жіаномъ я поссорился. Между нами начались рѣзкіе споры, доходившіе до драки, при которыхъ я, однако же, щадилъ товарища и билъ не сильно. Итальянецъ заявилъ, что французы хуже тудесковъ, и, обратясь опять къ исторіи (извѣстно, что въ исторіи можно найти все, что захочешь), онъ напомнилъ мнѣ о сицилійскихъ вечерняхъ и о вторженіи Бренна.

— Мы васъ еще разъ съумѣемъ выгнать изъ Капитолія!— сказалъ онъ съ угрожающимъ жестомъ.

— Въ гусяхъ у васъ недостатка не будетъ,—отвѣтилъ я.

Тогда, чтобы меня окончательно поразить, онъ прочелъ итальянскій сонетъ XVII вѣка, въ которомъ говорится о галльскихъ стадахъ, сходящихъ съ Альпъ пить воду По, окрашенную кровью, и сдружился съ англичанами, нашими товарищами.

— Вотъ это нація!—восклицалъ онъ.—Гордая, практическая, сильная! На слово этихъ людей можно положиться, какъ на каменную гору. Когда они отдадутъ намъ Мальту,—а они непремѣнно отдадутъ, это благородная нація,—тогда они будутъ первымъ народомъ въ мірѣ... послѣ насъ.

Мы разстались въ ссорѣ послѣ двухлѣтняго пребыванія въ пансіонѣ. Шесть лѣтъ спустя я вошелъ разъ утромъ съ чемоданомъ въ рукахъ на желѣзно-дорожную станцію въ Балѣ... Въ то время мнѣ минуло двадцать пять лѣтъ, и я успѣлъ уже отдѣлаться отъ нѣкоторыхъ недостатковъ юности, такъ, напримѣръ, я пересталъ кидаться на людей съ кулаками. Этимъ усовершенствованіемъ въ моемъ характерѣ я былъ обязанъ одному сосѣду, здоровенному малому, постоянно дразнившему меня черезъ заборъ. Однажды, выведенный изъ терпѣнія, я перескочилъ заборъ съ сжатыми кулаками.

— Ты напалъ на меня, — сказалъ онъ,—я вынужденъ защищаться...

Затѣмъ выгналъ меня обратно, избилъ, какъ ему хотѣлось, и въ вознагражденіе за военные расходы отобралъ у меня часы и деньги. Звали этого сосѣда Криблеръ и былъ онъ соотечественникомъ Ганса. Я возненавидѣлъ Германію, гдѣ, по моему мнѣнію, никогда не было ни одного талантливаго человѣка, ни настоящаго философа, ни поэта, ни артиста. Чтобы вполнѣ удостовѣриться въ этомъ, я рѣшился изучить Германію на мѣстѣ, переѣхалъ черезъ Рейнъ въ Балѣ и на вокзалѣ встрѣтилъ высо-

каго молодого человѣка, бросившагося мнѣ тотчасъ же на шею. Это былъ Жіанъ.

— Мы съ тобою поссорились тогда,—сказалъ онъ.—Но вѣдь милые бранятся—только тѣшатся. Быть-можетъ мы и опять поругаемся и даже не разъ, но жить будемъ вмѣстѣ и душа въ душу. Надо тебѣ сказать, что теперь я ненавижу англичанъ: представь себѣ, они и не думаютъ отдавать намъ Мальту. Зато начинаю отдавать справедливость нѣмцамъ; и былъ о нихъ совершенно ошибочнаго мнѣнія. По возвращеніи моемъ изъ Швейцаріи, дядя помѣстилъ меня въ коллегію благочестивыхъ братьевъ (*Scolopi*) въ Абруццахъ. Тамъ я долго занимался подъ руководствомъ одного добраго, восторженнаго монаха, всю жизнь штудирующаго евангеліе отъ Іоанна. Онъ во что бы то ни стало хочетъ согласовать его съ крайне сложною системой одного нѣмецкаго философа, Гегеля... Замѣчательный мыслитель,—такой, что даже самъ не понималъ себя. А мой учитель его понялъ. Съ нимъ я прочелъ толстую книгу этого ученаго «Феноменологію», имѣющую много общаго съ философіей Апокалипсиса. Я изъ нея не понялъ ровно ни одного слова, но многое заучилъ, запомнилъ и могу потягаться въ метафизикѣ съ любымъ докторомъ Гейдельберга. Теперь я совершеннолѣтній, и дядя - священникъ былъ вынужденъ возвратить мнѣ состояніе отца; я получаю ренту въ двадцать дукатовъ (85 франковъ) въ мѣсяцъ. Съ меня довольно. Я прочелъ Гёте и Уланда и ищу Доротею. За этимъ, собственно, я и отправился путешествовать пѣшкомъ по Германіи. Вчера мнѣ сказали, что проѣздъ по желѣзной дорогѣ обойдется дешевле шаганія по грунтовымъ дорогамъ, я взялъ билетъ третьяго класса, такъ какъ нѣтъ ни четвертаго, ни пятаго, и вотъ пускаюсь въ путь. *Kommst du mit* (ѣдемъ вмѣстѣ)?

Дорогой отъ Бала до Гейдельберга онъ разсказалъ мнѣ о своихъ сердечныхъ дѣлахъ. Въ Базиликатѣ, прочитавши Германа и Доротею, онъ влюбился въ одну красивую сосѣдку, работавшую въ виноградникѣ своего отца. Разъ вечеромъ, чтобъ испытать красавицу, онъ взялъ ружье, прицѣлился въ нее и спросилъ, что она предпочитаетъ: смерть или безчестье? Она не поняла, въ чемъ дѣло, и онъ выразилъ свою мысль яснѣе; тогда она призналась, что боится огнестрѣльнаго оружія больше всего въ мірѣ. «Увы!—подумалъ Жіанъ со вздохомъ,—это не Доротея!»

— Мнѣ было въ то время,—повѣствовалъ онъ,—лѣтъ семнадцать и страстно хотѣлось познакомиться съ Гёте. Добрый

монахъ, учившій меня по-нѣмецки, сказалъ, что поэтъ давно умеръ, что, впрочемъ, и при жизни онъ продѣлывалъ довольно злыя штучки съ любопытными. Такъ, когда нѣкій юноша явился изъ Гёттингена въ Веймаръ, чтобы лицезрѣть великаго мужа, олимпіецъ, бывшійся въ то время, молча сталъ къ нему спиною, потомъ обернулъ къ посѣтителю намыленное лицо и сказалъ: «Теперь вы меня видѣли съ обѣихъ сторонъ. Довольны?»

— Боже мой! Я бы и этимъ былъ вполнѣ доволенъ!—прибавилъ Жіанъ.

Въ коллегіи онъ прочелъ «Вертера» и въ это время познакомился съ однимъ синдикомъ, жену котораго звали Лукреціей. Пока мужъ засѣдалъ въ общинномъ домѣ, она принимала гостей, особенно же любезно молодыхъ людей. Жіанъ разсказалъ Лукреціи исторію Вертера и спросилъ, какого она о ней мнѣнія?—«И мужъ, и любовникъ—оба шуты гороховые,—отвѣтила она.—Знаете, что бы я сдѣлала на мѣстѣ Шарлоты? Спровадила бы ихъ обоихъ и нашла бы себѣ третьяго...»—«Истинной добродѣтели не найти нигдѣ, кромѣ Германіи»—подумалъ Жіанъ.

Прочитавши Уланда, онъ повѣрилъ ему на слово, что въ Германіи всѣ женщины добродѣтельны, даже трактирныя служанки, которыхъ при жизни и за гробомъ платонически любятъ студенты, что яблони тамъ безвозмездно предлагаютъ свою тѣнь и плоды усталымъ путникамъ, что бѣдняки безъ зависти смотрятъ на богатство, счастливые тѣмъ, что и для нихъ свѣтитъ солнце, что житницы тамъ полны, погреба прохладны, конюшни теплы, кухни чисты, горничныя скромны и богобоязненны... Юноша рѣшился сдѣлать визитъ Уланду въ Тюбингенѣ, а пока ахалъ и восхищался вишневникомъ въ цвѣту, росшимъ вдоль желѣзной дороги, и декламировалъ стихи Геббеля. Сидѣвшіе съ нами въ вагонѣ странствующіе музыканты растрогали его до слезъ. Когда мы остановились въ Гейдельбергѣ въ хорошенькой гостиницѣ около вокзала, онъ съ восторгомъ воскликнулъ: «Какой чудный край!»

Но хорошенькая гостиница была намъ не по карману,—комната съ двумя кроватями стоила два флорина, болѣе двухъ франковъ—деньги огромныя. На слѣдующее утро мы наняли квартиру на большой улицѣ у одного торговца желѣзомъ, продававшаго также сыръ. Первый нашъ выходъ былъ въ замокъ, разрушенный войсками Людовика XIV. Во время моего пребыванія въ Гейдельбергѣ дождь шелъ каждый день вслѣдствіе того, что дулъ восточный вѣтеръ, какъ объяснилъ намъ торговецъ желѣзомъ и

сыромъ; здѣсь, повидимому, никогда не бываетъ другого вѣтра. Прикрывшись зонтами, мы смотрѣли съ террасы замка на мокрый городъ и на долину Некара; вдругъ прояснилось, блеснулъ лучъ солнца и заигралъ серебристою лентой. Жіанъ догадался, что то былъ Рейнъ, и началъ декламировать стихи Беккера; я отвѣчалъ стихами Мюссе. Мы поспорили, чуть не поссорились. Это было глупо,—такъ же глупо, какъ выбранные нами стихи. Въ то время всѣ считали своею обязанностію спускаться въ погреба замка и дивиться на величайшую бочку въ свѣтѣ, вмѣщающую двѣсти восемдесятъ три тысячи бутылокъ вина. Это чудо намъ показывала красивая дѣвушка, напоминавшая портреты жены Гёте.

— Вотъ Доротея!—воскликнулъ Жіанъ.

— Вамъ что угодно?—спросила дѣвушка.

— Lass dein Herz dir es sagen und folg'ihm frei nur in allem (Пусть твое сердце тебѣ это скажетъ, ему ты и слѣдуй во всемъ),—повторилъ итальянецъ слова Германа.

Дѣвушка обвила рукой шею Жіана и сказала ему нѣсколько словъ на ухо. Онъ покраснѣлъ до ушей и убѣжалъ съ крикомъ: «Ахъ, она не Доротея!» Я далъ на водку,—въ то время тамъ на каждомъ шагу приходилось давать на водку,—и послѣдовалъ за пріятелемъ. Мы направились къ университету и я прослушалъ первую лекцію объ «Институціяхъ». Читались онѣ каждый день послѣ обѣда по три часа сряду. Я не понялъ ни полсловечка, несмотря на то, что уже кончилъ во Франціи юридическій курсъ. Жіанъ, напротивъ, понималъ все отлично, записывалъ лекцію и въ то же время рисовалъ въ своей тетрадкѣ женскіе профили съ толстыми косами, падающими на спину. Онъ записался на курсы исторіи, литературы и философіи и былъ занятъ часовъ по семи въ день. Профессоромъ исторіи былъ тогда почтенный старичокъ, никогда не договаривавшій фразы до конца; ужасная привычка, особливо при употребленіи нѣмецкаго языка, въ которомъ глаголъ почти всегда ставится на концѣ. Жіанъ понималъ даже этотъ жаргонъ, едва внятный самимъ нѣмцамъ, и тутъ же перекладывалъ каждую лекцію въ довольно звучныя итальянскія терцины. Когда ихъ накопилось не менѣе, чѣмъ въ «Божественной комедіи», онъ отнесъ ихъ старому профессору; оказалось, что этотъ ветеранъ науки былъ страстнымъ поклонникомъ Данта и читалъ его ежегодно отъ доски до доски передъ женской аудиторіей. Онъ встрѣтилъ Жіана словами:

— Вы латинскаго племени; весьма сожалѣю. Дантъ былъ германецъ по натурѣ. Латины плохо понимаютъ адъ, еще хуже чистилище и совсѣмъ не понимаютъ рая.

Это, впрочемъ, не помѣшало Жіану сдѣлаться большимъ пріятелемъ старичка-профессора, которому онъ сталъ давать уроки итальянскаго языка, не мало способствовавшіе ясному пониманію поэмы. Меня онъ училъ по-нѣмецки и я никогда не забуду нашего перваго урока.

— Для того, чтобы говорить по-нѣмецки,—объяснялъ онъ мнѣ,—или чтобы имѣть по крайней мѣрѣ видъ, что знаешь этотъ языкъ, совершенно достаточно двухъ словъ: *so* и *doch*. *So* можетъ выражать все, что угодно: удивленіе, согласіе, вопросъ, снисхожденіе, изъявленіе вѣжливости, съ удобствомъ употребляется для прерванія слишкомъ длинной рѣчи, для реплики, для ободренія собесѣдника, для удостовѣренія, что его поняли, можетъ служить выраженіемъ ласки и благодарности... *So* означаетъ: «Нижайше вамъ кланяюсь, государь мой! Вы человѣкъ очень знающій, сообщили мнѣ много интересныхъ свѣдѣній и я приношу вамъ за то мою искреннюю благодарность». *So* играетъ въ этомъ языкѣ роль наперсника и хора древнихъ трагедій. *Doch*—почти то же, что *so*, и иногда можетъ его замѣнять, тѣмъ не менѣе ихъ отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать. Въ немъ уже нѣтъ той мягкости, слышится болѣе рѣзкое удивленіе, нѣкоторое недовѣріе; имъ выражается сомнѣніе, иногда принимающее характеръ возраженія, спора и даже опроверженія, отнюдь впрочемъ не обиднаго. Съ этими двумя словами можно смѣло и не компрометируясь прожить всю жизнь въ Германіи; отвѣчай ими поочередно на все, что бы тебѣ ни говорили, и ты прослывешь человѣкомъ неразговорчивымъ, несообщительнымъ, но неглупымъ.

Вечеромъ мы, по обыкновенію, прогуливались по берегу Некара и доходили до деревенскаго трактира, въ которомъ толстая хозяйка, съ локонами въ видѣ подпрыгивающихъ штопоровъ, угощала насъ за десять су двумя кружками пива, яичницей, масломъ и сыромъ съ хлѣбомъ. Все бы это ничего, еслибы не хлѣбъ,—невообразимый хлѣбъ: съ виду—грецкая губка въ чернилахъ, на вкусъ—смѣсь крахмала съ грязью; студенты употребляли его единственно для вытиранія ножей. Но, благодаря прекрасному мѣстоположенію, трактирчикъ охотно посѣщался. Тамъ мы встрѣтили разъ вечеромъ одного *бурша* (*Bursch*—старый студентъ); онъ сидѣлъ за столомъ одинъ, ѣлъ, курилъ и читалъ, поочередно кладя

одною рукой кусокъ въ ротъ, другою поднося трубку, не спуская глазъ съ книги и прислушиваясь къ говору за сосѣдними столами. Жіанъ узналъ его: это былъ Гансъ. Мы возобновили знакомство; буршъ, повидимому, не помнилъ зла и охотно принялъ предложенную мною кружку пива.

— Вы, гвельфы, народъ легкомысленный, — сказалъ онъ намъ по-нѣмецки.—Научиться отъ васъ нечему; вы отстали отъ мірового движенія; во главѣ его стоитъ теперь Германія. Германская вѣра, германская идея, германская сила ведетъ народы впередъ. Эта вѣра, эта идея и сила заключаются въ революціи.

— *So*!—сказалъ я, чтобы показать, что понимаю.

— Вы перестали жить со времени Вольтера,—продолжалъ Гансъ.—Этотъ философъ былъ послѣдователемъ Канта, самъ того не подозрѣвая. Онъ былъ представителемъ критицизма, побивающаго съ одной стороны субстанціональный идеализмъ Картезіуса, который ни къ чему иному не могъ привести, какъ къ натуралистическому пантеизму Спинозы; съ другой стороны онъ побивалъ сентиментальный теизмъ Руссо, который не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ прибѣжищемъ невѣжества. Онъ приготовилъ Робеспьера — руку, головою которой былъ Кантъ, — Робеспьера, представителя воинствующей критики.

— *Doch*!—хотѣлъ я сказать, но меня перебилъ Жіанъ возгласомъ: *Richtig*, что означаетъ: совершенно правильно!

Употребленіе этого выраженія обусловливается уже извѣстнымъ знакомствомъ съ языкомъ. Начинающимъ я бы совѣтовалъ ограничиваться на первое время словами: *so* и *doch*.

— Richtig!—сказалъ Жіанъ Гансу.—Вы отлично поняли Вольтера,—лучше, чѣмъ онъ самъ себя понималъ. Не разъясните ли вы намъ теперь Гегеля.

— Гегель представляетъ собою эволюцію разума въ пространствѣ и во времени.

— Вотъ это уже не *richtig*, старый товарищъ, а совсѣмъ ошибочно,— возразилъ Жіанъ, сохраняя полную серьезность.

— Какъ ошибочно? Такъ по-вашему не эволюція?...

— Никакъ не эволюція, а круговращеніе, циркумволюція безконечнаго въ орбитѣ грядущаго. Этимъ обусловливается восхожденіе категорій, согласованіе дуализмовъ, соприкосновеніе параллелей, всепоглощающее тождество, нисходящее иррадіаціей, разлагаемое анализомъ до первобытныхъ началъ, до клѣточки и

пузырька... Вотъ, мой почтеннѣйшій, философія Гегеля. Если не согласны, благоволите высказаться.

Гансъ нахлобучилъ шапку, застегнулъ пальто, засунулъ руки въ карманъ и погрузился въ соображенія. Онъ соображалъ ровно восемь дней и на девятый, догнавъ насъ въ то время, какъ мы шли на Кейзерштуль любоваться восходомъ солнца, сказалъ намъ, запыхавшись:

— Я понялъ... Вы полагаете, что клѣточка или пузырекъ, разсматриваемые какъ начало и въ то же время какъ слѣдствіе, и есть именно тотъ животно-растительный прототипъ, зародышъ той и другой жизни. Ваша теорія есть, такъ сказать, поглощеніе Гегеля Дарвиномъ.

— *Richtig!*—отвѣтилъ Жіанъ, даже не улыбнувшись.

— Вы себѣ представить не можете,—продолжалъ Гансъ,—какое вліяніе произвели на меня ваши слова. Я отказываюсь отъ эволюціонизма и отъ философіи и примусь за изученіе естественныхъ наукъ. Я начну съ медицины, чтобы доказать ея полную непригодность ни на что. Это еще даже и не наука. Вся суть въ томъ, чтобы найти прототипическій атомъ, и для этого я въ особенности займусь вивисекціей; но, къ сожалѣнію, она производится у насъ только надъ животными... Ахъ, еслибы можно было взрѣзать живого человѣка!

Съ этой минуты Жіанъ привязался къ Гансу, хотя и не предложилъ себя для желательнаго ему опыта вивисекціи. Они стали неразлучны. Едва вырвавшаяся на свободу молодежь всегда падка на смѣлыя идеи, т. е. въ сущности на общія мѣста, облеченныя въ задорную форму. Я высказалъ это Жіану, за что и былъ обозванъ *филистеромъ*. Между мной и Жіаномъ ежедневно возникали споры по поводу нѣмецкаго бурша; его вліяніе на юношу возбуждало мое безпокойство, обусловливаемое отчасти ревностью. Это чисто женское чувство надѣлало мнѣ не мало непріятностей въ жизни.

— Берегись!—повторялъ я итальянцу.—Посмотри только на его звѣроподобныя челюсти,—вѣдь страшно становится. Въ Швейцаріи онъ хотѣлъ отнять у тебя волчокъ, а теперь... ты вотъ вздумалъ было его мистифировать, а онъ сумѣлъ эксплуатировать мистификацію и выжалъ изъ нея научную теорію. Копѣйку за копѣйкой, идею за идеей онъ выжметъ изъ тебя все, что у тебя есть въ карманѣ и въ головѣ. Ты слышалъ, его задушевная мечта взрѣзать живого человѣка, такъ вотъ онъ тебя-то перваго и взрѣжетъ.

Жіанъ только пожалъ плечами. Разъ утромъ онъ заявилъ мнѣ, что идетъ на рѣку топиться, и на мой вопросъ о причинѣ отвѣтилъ доводами, заимствованными изъ пессимистской философіи.

— Что такое человѣкъ?—сказалъ онъ.—Его знаніе равно невѣжеству, его величіе низко, сила ничтожна, наслажденія болѣзненны, причиняютъ одни страданія!

Это я уже читалъ у Шопенгауера, который въ свою очередь вычиталъ у Гераклита.

— Что такое жизнь?—продолжалъ Жіанъ.—Товаръ не стоящій выѣденнаго яйца,—погоня за кускомъ, изъ-за котораго всѣ грызутся,—смерть, только не обусловленная прекращеніемъ физіологическаго процесса...

— Опять шопенгауеровщина, заимствованная у древнихъ!

Я замѣтилъ Жіану, что идеи Ганса совсѣмъ не новы.

— Все это было въ ходу въ началѣ нынѣшняго столѣтія,—сказалъ я. — Этимъ недугомъ страдалъ Рене, заразившись отъ Вертера; а Вертеръ заразился отъ Сенъ-Прё. Болѣзнь занесена изъ Англіи; только когда подобный *спленъ* охватываетъ нѣмца, нѣмецъ не уходитъ въ лѣса, подобно Гераклиту и Тимону, и не станетъ питаться кореньями. На эту штуку его не надуешь! Напротивъ, онъ не разстанется ни съ однимъ кускомъ колбасы, ни съ одной кружкой пива, разсуждая весьма резонно, что хотя теорія и мрачна, за то древо жизни блещетъ зеленью и плодами. Вотъ почему въ нѣмечинѣ столько искреннихъ христіанъ, не задумываясь, идетъ на войну, столько атеистовъ ходитъ въ церковь, столько проповѣдниковъ воздержанія засѣдаетъ въ погребкахъ, столько отъявленныхъ пуританъ играетъ на биржѣ... Надо быть *гвельфомъ*, т. е., по-просту, шутомъ, чтобы возмущаться беззастѣнчивой веселостью нѣмца-пессимиста.

— Гансъ человѣкъ глубоко убѣжденный,—возразилъ Жіанъ.

— Что же онъ не идетъ топиться вмѣстѣ съ тобою?

— Потому что онъ апостолъ,—онъ обязанъ исполнять свою миссію. Безродный нищій, поднятый на улицѣ, воспитанный изъ милости, живущій по-нищенски, онъ хочетъ міръ перевернуть. Для этого онъ началъ съ того, что добивается знанія, лѣтъ двѣнадцать переходитъ изъ университета въ университетъ, и если-бы хотѣлъ, давно бы могъ быть докторомъ правъ, философіи или богословія; но у него не хватаетъ денегъ на напечатаніе диссертаціи, на покупку диплома. Онъ, впрочемъ, и учится не

изъ-за ученой степени, не изъ-за благъ земныхъ, а ради знанія и возможности пересоздать человѣчество. У васъ, у французовъ, головы набиты пробками; вамъ не понятны эти высшія стремленія, самоотреченіе ради чистой идеи. Гансъ умираетъ съ голоду...

— Ну, когда онъ бываетъ съ нами, тогда ему мудрено умереть съ голоду,—наѣдается на три дня, да еще на нашъ же счетъ...

— Да, на три дня, потому что не ѣлъ наканунѣ и не будетъ ѣсть завтра. Несчастный всю жизнь подвергался всякимъ преслѣдованіямъ: такъ, его выгнали изъ Тюбингена за необыкновенно громкій голосъ. Выходя разъ вечеромъ изъ кабачка, онъ пѣлъ во все горло. Въ то время пѣть на улицахъ дозволялось только хоромъ не менѣе какъ въ четыре голоса. Несмотря на всѣ его увѣренія, что онъ поетъ одинъ за четверыхъ, его удалили изъ Тюбингена и не впустили въ Берлинъ за то, что дорогою въ вагонѣ онъ разсуждалъ съ сосѣдомъ о соціологіи. Ему посовѣтовали не ѣздить въ Лейпцигъ, въ Іену, въ Гёттингенъ; даже здѣсь, въ Гейдельбергѣ, полиція зорко слѣдитъ за нимъ и только ищетъ случая засадить или выслать. Онъ просто мученикъ и геній.

— Ты что топиться-то нейдешь?

— Сейчасъ пойду.

— А Доротея?

— Я отказываюсь отъ поисковъ за нею. Да и что такое любовь?—Влеченіе другъ къ другу двухъ существъ до тѣхъ поръ, пока они не соединились, пока не послѣдовало измѣны съ той или другой стороны, или обоюднаго пресыщенія и взаимнаго отвращенія. Гансъ никогда въ жизни не любилъ.

— Едва ли это кого-нибудь опечалило. Топиться-то скоро пойдешь, юноша?

— Иду. Прощай, Жанъ!

— До свиданья, другъ!

Жіанъ ушелъ. Боясь, какъ бы онъ изъ самолюбія на самомъ дѣлѣ не бросился въ рѣку, я послѣдовалъ за нимъ издали, держась нѣсколько ниже его по теченію Некара... Жанъ исчезъ за группою деревьевъ (кажется, ивъ), растущихъ на самомъ берегу. Я вздрогнулъ, обернулся къ рѣкѣ и сталъ прислушиваться: ни паденья тѣла въ воду, ни всплеска не было слышно. Вмѣсто того сзади меня по дорогѣ раздался шелестъ женскаго платья;

я обернулся и увидѣлъ удаляющееся бѣлое платье. Жіанъ вышелъ изъ-за ивы и смотрѣлъ ему вслѣдъ.

— А, ты здѣсь, — сказалъ онъ, нисколько не удивившись моему присутствію. — Видѣлъ ее?

— Кого ее?

— Доротею... Она сидѣла на травѣ какъ разъ на томъ мѣстѣ, которое я облюбовалъ, чтобъ утопиться, и ощипывала листочки маргаритки. Она сняла шляпку и вѣтеръ игралъ ея бѣлокурыми волосами, какъ облакомъ золотистаго пепла. — «Любитъ!» — вскричала она, обрывая послѣдній лепестокъ. Потомъ она встала и очутилась лицомъ къ лицу со мною. Я сказалъ ей: — «Вы спасли мнѣ жизнь и я отдаю ее вамъ, если хотите». Она убѣжала! но была замѣтно взволнована, — понимаешь? — сильно взволнована. А все, что начинается волненіемъ, ведетъ къ хорошему концу. Я нашелъ Доротею.

II.

Черезъ часъ мы обѣдали по обыкновенію въ *Рейхскронѣ*, студенческомъ трактирчикѣ, выходящемъ окнами на рѣку. За тридцать два крейцера тамъ давали прескверный, но сытный обѣдъ изъ семи блюдъ. Жіанъ торопливо поѣлъ и сказалъ мнѣ по-нѣмецки:

— Я сытъ. На-сегодня лекцію можно пропустить, — пойдемъ въ замокъ. Погода чудесная, какой уже давно не было. Доротея навѣрно тамъ.

Онъ пошелъ впередъ; при подъемѣ на гору я отсталъ отъ него, потерялъ изъ вида и присѣлъ на лавочкѣ террасы. Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ подошла старуха съ молодой дѣвушкою въ бѣломъ платьѣ и въ соломенной шляпѣ съ широкими полями, — та самая, которую я видѣлъ поутру на берегу Некара.

— *Ленхенъ*! — сказала старуха.

— *Мутръ*? — отозвалась хорошенькая дѣвушка.

Ленхенъ — уменьшительное имя Магдалины, *мутръ*, скороговоркой сказанное слово *Mutter* — мать.

— Я устала, Ленхенъ, хочу сѣсть.

— А мнѣ хочется поскорѣе осмотрѣть замокъ.

— Иди одна.

Ленхенъ ушла; я не послѣдовалъ за нею, — но нашимъ понятіямъ это было бы неловко, — и остался сидѣть рядомъ съ

мутръ, похожей на сову, одѣтой чучелой и болтливой, какъ мельница. Она сама заговорила со мной и въ одну минуту сообщила свою полную біографію, свои идеи и планы. Родилась она въ Боннѣ, замужъ вышла въ Вюртембергѣ; ея мужъ былъ шутъ гороховый и мечтатель,—вмѣсто того, чтобы дѣло дѣлать и деньги зарабатывать, все книжки читалъ! «Къ счастью, онъ скоро умеръ, оставивши всего одну дочь,—вонъ ту, что развалины осматриваетъ. Вся въ отца: все ей нужно знать, все видѣть. Сегодня утромъ бѣгала одна смотрѣть на рѣку, точно не видывала, какъ вода течетъ. Вылитый батюшка,—такая же полоумная! Хорошо, что я то не въ нихъ. Какъ онъ умеръ, такъ я сейчасъ же открыла трактирчикъ на дорогѣ между Штутгартомъ и Тюбингеномъ...» Она назвала и мѣстечко, гдѣ ея трактиръ, но я забылъ это названіе. Дѣла пошли бойко, она нажила деньжонокъ и рѣшилась оставить дѣла и удалиться на покой. На ея заведеніе находится хорошій покупатель на чистыя деньги. Остается не рѣшеннымъ вопросъ, гдѣ теперь поселиться.

— Надо хорошо устроиться,—продолжала она,—и устроить дочь... вонъ ту, что развалины осматриваетъ. Въ Гейдельбергѣ хорошо и жизнь дешева, но мало серьезныхъ людей, обыватели—мелкіе торговцы и ремесленники, все простой народъ; со стороны одни студенты—народъ слишкомъ молодой, или профессора—люди уже семейные. Есть, правда, одинъ приватъ-доцентъ, холостой и съ большими надеждами въ будущемъ, но за то и съ большой гордостью; мы для него слишкомъ мелки. Рѣшительно не стоитъ поселяться въ Гейдельбергѣ. По всей вѣроятности, мы уѣдемъ въ Боннъ, на мою родину. Пріятно вернуться богатой въ свои мѣста, откуда уѣхала бѣдною... Всѣ смотрятъ съ завистью...

Все это старуха, похожая на сову, отчитала мнѣ единымъ духомъ. Было ли что-нибудь исключительно характернаго, нѣмецкаго въ этой разжившейся мѣщанкѣ?—Не думаю: у себя на родинѣ я зналъ десятки точь-въ-точь такихъ; люди не вездѣ одинаковы, а людишки—вездѣ людишки. Вернулась Ленхенъ и, видя, что я разговариваю съ ея матерью, спросила, къ какой эпохѣ относится замокъ. Я съ полнѣйшею готовностью принялся выкладывать передъ нею мою свѣженькую эрудицію, только-что почерпнутую изъ путеводителей Іоанна и Бедекера. Съ первыхъ же словъ она остановила меня словами:

— Вы—французъ?... Говорите, пожалуйста, по-французски.

Пріятно, очень пріятно быть чичероне молодой, хорошенькой дѣвушки, въ особенности слушающей съ такимъ вниманіемъ и интересомъ, съ какимъ слушала меня Ленхенъ. Мы встали, подошли ближе къ замку и такъ увлеклись, что осмотрѣли его во всѣхъ подробностяхъ. Она распрашивала у меня имена палатиновъ, королей, греческихъ боговъ и великихъ мужей Іудеи, изваянныхъ на фасадахъ; къ счастью, я зналъ ихъ всѣ наизусть. Когда она увидала подъ главнымъ порталомъ четыре гранитныя колонны, вывезенныя изъ Ингельгейма, куда онѣ попали изъ Равенны, то, приблизившись ко мнѣ, какъ бы съ нѣкоторымъ ужасомъ проговорила:

— Онѣ вѣдь видѣли римскихъ императоровъ, остготскихъ королей и Карла Великаго!

Въ музеѣ Кремберга она бросила презрительный взглядъ на маску Коцебу, снятую въ Мангеймѣ въ ту минуту, когда студентъ Зандъ убилъ кинжаломъ этого драматурга; потомъ, взглянувши на портретъ и волосы убійцы, сильно поблѣднѣла.

— Я понимаю васъ, — сказалъ я. — Коцебу былъ большой негодяй; но этимъ отнюдь не можетъ быть оправдано убійство.

— Мнѣ кажется, что мы будемъ съ вами друзьями,—отвѣтила она, протягивая мнѣ руку.

Мы проходили болѣе часа; она устала и присѣла на закраину высохшаго колодца. Въ эту минуту на самомъ верху замка появилась высокая, черная фигура. Я узналъ Жіана. Какъ могъ онъ туда забраться? Зачѣмъ? Вечеромъ онъ сказалъ мнѣ:

— Я всюду искалъ ее, сначала въ замкѣ, потомъ въ Вольфсбруненѣ, потомъ по всему городу, наконецъ вернулся опять къ замку и забрался такъ высоко, какъ только могъ, въ надеждѣ гдѣ-нибудь увидать ее.

Замѣтивши насъ, онъ быстро сталъ спускаться, цѣпляясь, какъ истый горецъ, руками и ногами за пробоины, сдѣланныя ядрами, за выступы карнизовъ и обломки лѣстницъ. Ленхенъ въ страхѣ сжимала мою руку; я слышалъ, какъ билось ея сердечко. Сойдя на землю, Жіанъ подошелъ къ намъ и взглянулъ прямо въ глаза Ленхенъ однимъ изъ тѣхъ взглядовъ, которыми итальянцы умѣютъ выразить все, что у нихъ на душѣ. Она не выдержала этого взгляда и убѣжала на террасу, гдѣ сидѣла ея мамаша. Жіанъ хотѣлъ бѣжать за ней; я придержалъ его, за что онъ сдѣлалъ мнѣ сцену, назвалъ измѣнникомъ, каковы, впрочемъ, всѣ французы искони вѣковъ, и упрекнулъ миромъ въ

Кампо-Форміо. Я въ это время разсуждалъ самъ съ собой и мысленно говорилъ себѣ:

«Эта молоденькая дѣвушка сразу сдѣлалась твоимъ товарищемъ, пріятелемъ, и не смогла выдержать одного взгляда Жіана. Чѣмъ объяснить такое быстрое возникновеніе этихъ столь различныхъ чувствъ къ двумъ прохожимъ, которыхъ она прежде никогда не видала? Тамъ, на родинѣ, постоянно было то же самое, всѣ говорили мнѣ: «Я васъ очень люблю»,—и ни одна не сказала: «Я люблю васъ!»

Я вздохнулъ и успокоилъ Жіана, клятвенно завѣривъ его, что не думаю отбивать у него Ленхенъ и неповиненъ въ отдачѣ Венеціи австрійцамъ. Мы сдѣлали небольшой обходъ и вышли на террасу. Трактирщица сидѣла на томъ же мѣстѣ и дружески бесѣдовала съ Гансомъ; видно было, что они—старые знакомые. Студентъ былъ замѣтно недоволенъ нашимъ появленіемъ и поклонился съ такимъ видомъ, будто хотѣлъ сказать: «Проходите-ка, други сердечные, своей дорогой,—я занятъ дѣловымъ разговоромъ». Въ интересахъ Жіана я подошелъ, однако же, къ нимъ и сказалъ:

— Я уже имѣлъ удовольствіе бесѣдовать съ этою дамой. Не соблаговолите ли меня ей представить.

Волей-неволей онъ вынужденъ былъ исполнить мое желаніе и нехотя пробормоталъ наши имена.

— А ваша дочка?—спросилъ я.

— Она пошла одѣваться къ балу.

— Гдѣ же сегодня балъ?

— Въ Музеѣ, разумѣется.

Мнѣ только это и нужно было. Этотъ музей есть въ сущности общественное собраніе, въ которое можно записываться въ качествѣ *Ehrenmitglied* (почетнаго члена) съ платою одного флорина въ мѣсяцъ; тамъ были журналы, книги, буфетъ, давались концерты и танцевальные вечера. Я и Жіанъ были почетными членами, — по карману было. Мы надѣли фраки, отправились туда и, въ ожиданіи танцевъ, съѣли по котлетѣ. Явился Гансъ, не бывшій членомъ, но имѣвшій способность всюду пролѣзать; на немъ было его обычное пальто,—другого одѣянія онъ и не имѣлъ. Усѣвшись за нашъ столъ, онъ съѣлъ три котлеты, три огромныхъ тарелки картофеля и цѣлый фунтъ сыра, запилъ все это шестью кружками пива и предложилъ Жіану сыграть въ шахматы на этотъ увѣсистый обѣдъ. Я присутство-

валъ при ихъ партіи и наблюдалъ характеръ игроковъ. Жіанъ горячо кидался на противника, рискуя своими фигурами; Гансъ, не торопясь, отбиралъ ихъ одну за другой, обдумывая каждый шагъ минутъ по десяти. Когда южанинъ былъ уже наполовину обобранъ, сѣверянинъ не спѣшилъ его покончить; съ раздражающею медленностью, защищая каждую пѣшку, онъ проводилъ ихъ въ фигуры, не рисковалъ ни однимъ ходомъ, могущимъ сократить мученье побѣжденнаго. Игра длилась два часа и, наконецъ-то наконецъ, послѣ долгаго обдумыванія, Гансъ рѣшился сдѣлать шахъ и матъ, причемъ поднялъ очки на лобъ и пять минутъ пристально смотрѣлъ на свою жертву, похихикивая, или, вѣрнѣе, квакча, какъ утка.

— Расплатись, пожалуйста,—сказалъ мнѣ Жіанъ и выбѣжалъ въ залу.

Я понялъ, что вошла Ленхенъ; онъ нарочно сѣлъ противъ двери, чтобы не пропустить ея появленія. Когда я расплатился и вошелъ въ залу, онъ уже танцевалъ съ ней. Какая прелестная парочка!... Они не отходили другъ отъ друга полтора часа, ихъ говоръ становился все тише и тише. Проходя мимо, я разслышалъ:

— Вамъ маргаритка сказала: *любитъ*... Кто любитъ?

— Можетъ-быть вы...

Гансъ сидѣлъ съ мамашей. У меня слухъ хорошій. Заботливая маменька предусмотрительно распрашивала про Жіана. Гансъ, ставившій правдивость выше всего на свѣтѣ, постарался сообщить о пріятелѣ самыя обстоятельныя свѣдѣнія.

— Онъ не получаетъ и сорока флориновъ въ мѣсяцъ,—говорилъ онъ.

— О такомъ стало-быть и думать нечего,—сказала мамаша.— Ленхенъ!—крикнула она, какъ только кончился вальсъ.

— Мутръ?

— Ѣдемъ сейчасъ домой.

Ленхенъ безпрекословно повиновалась, украдкой посматривая на Жіана, носившагося въ эмпиреяхъ. Онъ попросилъ у дамъ позволенье проводить ихъ до гостиницы.

— Насъ проводитъ г. Гансъ Шлукеръ, — сердито отвѣтила старуха.

Мы послѣдовали за ними издали, чтобъ узнать, въ какомъ окнѣ можно завтра увидать Ленхенъ. Онѣ вошли въ трактиръ

подъ вывѣскою Орла, близъ рынка; черезъ минуту свѣтъ показался въ двухъ окнахъ перваго этажа.

— Точно солнце освѣтило мое сердце,—сказалъ Жіанъ.

Гансъ возвращался и хотѣлъ проскользнуть мимо насъ незамѣченнымъ. Я остановилъ его.

— Вы меня представили этой почтенной дамѣ,—сказалъ я,— но не сообщили ея фамиліи.

— Госпожа Крейцеръ,—отвѣтилъ онъ съ своимъ противнымъ хихиканьемъ и скрылся.

«Странное имя!—подумалъ я.—Крейцеромъ называютъ мелкую мѣдную монетку стоимостью въ три съ половиной сантима. Вопросъ въ томъ, дороже ли стоятъ носящія это имя?

Когда я вернулся къ Жіану, онъ стоялъ передъ трактиромъ, не спуская глазъ съ окна и разсуждая вслухъ:

— Она опустила стору, раздѣвается, оправляетъ чистыя простыни, ложится, протягивается и... быть-можетъ думаетъ обо мнѣ. Вотъ свѣча потухла, она засыпаетъ...

Ранехонько утромъ онъ побѣжалъ въ гостиницу Орла. Служанка, мывшая дверь, сообщила ему, что обѣ дамы уѣхали съ первымъ пароходомъ. Чтобъ удостовѣриться, онъ пошелъ посмотрѣть ихъ комнату. Постели еще не были прибраны и на одной изъ подушекъ лежалъ длинный, свѣтлый волосъ.

— Я убѣжалъ оттуда,—заговорилъ онъ, вернувшись въ нашу квартиру. — Мнѣ въ голову лѣзли самыя безумныя идеи... Я побѣжалъ къ Гансу узнать, куда онѣ уѣхали. Стучалъ, колотилъ кулаками въ дверь его логовища. Пусто. Его сосѣдка сказала, что онъ ушелъ рано утромъ съ мѣшкомъ на плечѣ...

— Пари держу, онъ съ ними уѣхалъ...

— Это съ какой стати?

— Съ такой, чтобы жениться на маменькѣ или на дочкѣ...

— Какой вздоръ! Онъ—апостолъ...

— Женщины любятъ такихъ...

Жіанъ объявилъ, что пуститъ себя пулю въ лобъ, если не увидитъ Ленхенъ. Я отвѣтилъ, что не вѣрю въ подобныя самоубійства. Онъ разсердился, я—тоже. Во весь обѣдъ мы не сказали другъ другу ни слова. Вечеромъ я ему напомнилъ, что онъ пріѣхалъ въ Германію не за тѣмъ только, чтобъ искать Доротею, но главнымъ образомъ чтобы побывать у Уланда.

— До Уланда мнѣ теперь!—огрызнулся онъ, отворачиваясь отъ меня.

— Теперь-то именно до него,—отвѣтилъ я.—Завтра начинаются вакаціи; мы отправимся въ Штутгартъ, а изъ Штутгарта въ Тюбингенъ, гдѣ профессорствуетъ твой поэтъ. Между этими двумя городами есть одно село, въ селѣ трактиръ, въ трактирѣ хозяйка, у хозяйки дочь, которую зовутъ Ленхенъ, а ея мамашу фрау Крейцеръ.

— Другъ, ты спасъ мнѣ жизнь!... Да здравствуетъ Франція!—крикнулъ Жіанъ во весь голосъ, приподнявъ меня и чуть не задушивъ въ объятіяхъ.

Мы пустились въ путь только на другой день, такъ какъ денегъ у насъ не было и за ними необходимо было съѣздить въ Франкфуртъ. Я не стану описывать путешествія, и не могу даже, потому что ничего не видалъ и никакихъ впечатлѣній не вынесъ. Жіанъ только и думалъ, только и говорилъ о Ленхенъ, приставалъ ко мнѣ и мѣшалъ смотрѣть даже такъ, какъ смотрятъ англійскіе туристы, сравнивая виды съ ихъ описаніемъ въ путеводителѣ Рихарда. Жіанъ вырвалъ его у меня изъ рукъ и спряталъ къ себѣ въ карманъ. Мнѣ хотѣлось побывать на музыкальномъ праздникѣ въ Гейльборнѣ, куда со всей Германіи собираются тысячи рабочихъ и, встрѣтившись въ первый разъ въ жизни, поютъ хоромъ кантикъ Лютера; меня увѣряли, что нигдѣ въ мірѣ нельзя встрѣтить ничего подобнаго. Но Жіанъ не согласился остановиться въ Штутгартѣ, несмотря на мои убѣжденія, что, помимо множества любопытныхъ вещей, указанныхъ *гидомъ* Рихарда, котораго онъ мнѣ не отдалъ, въ этомъ городѣ есть два необыкновенныхъ чуда: самая красивая въ свѣтѣ принцесса и лучшія въ Европѣ арабскія лошади. Дѣлать нечего, пришлось наскоро пообѣдать и пуститься дальше, въ Тюбингенъ,—пѣшкомъ, разумѣется, чтобы не пропустить трактира, въ которомъ жила Ленхенъ. Жіанъ шелъ передомъ и въ-торопяхъ ошибся дорогой; торный колесный путь скоро превратился въ тропинку, исчезнувшую на сыромъ болотистомъ лугу. Ноги вязли выше щиколки въ этой трясинѣ. Выбравшись кое-какъ, мы наткнулись на другую тропинку, то исчезавшую въ виноградникахъ, то опять появлявшуюся на крутыхъ склонахъ горы. Быстро надвигались сумерки, за ними темная ночь, полилъ дождь. Послѣ часа мучительной ходьбы, усталые, промокшіе до костей, испачканные въ грязи по уши, мы добрались до большой дороги и вышли къ трактиру въ селѣ Дагерлохъ. Жіанъ смѣло вошелъ въ него съ веселымъ смѣхомъ, я проскользнулъ за нимъ,

крайне смущенный своимъ жалкимъ видомъ и тѣмъ впечатлѣніемъ, какое онъ долженъ былъ произвести. Мое смущеніе оказалось совершенно напраснымъ,—мы не произвели ровно никакого впечатлѣнія. Въ Швабіи никого ничѣмъ, кажется, не удивишь; здѣсь, какъ и вездѣ, насъ ожидали самыя предупредительныя услуги, обходящіяся изрядно дорого. Насъ встрѣтила толстая, краснощекая служанка. Жіанъ первымъ дѣломъ спросилъ, не фрау ли Крейцеръ хозяйка трактира. Дѣвушка засмѣялась, думая, что Жіанъ шутитъ, и не двигалась съ мѣста, ожидая приказаній. Она бы до спхъ поръ, пожалуй, стояла на томъ же мѣстѣ, еслибы Жіанъ, знавшій по-нѣмецки вдвое больше, чѣмъ я, не объяснилъ ей нашихъ желаній съ ясностью, достойною Лейбница.

— Прекрасная дѣвица,—сказалъ онъ,—вы видите, въ какомъ мы положеніи. Въ васъ, повидимому, оно не возбуждаетъ того состраданія, котораго достойно по своему существу. Прежде чѣмъ насъ подчивать, было бы не безполезно насъ высушить. Въ виду этого, дѣвица прекрасная, мы просимъ дать намъ комнату съ двумя кроватями и затопить въ ней каминъ. Сіе быть можетъ не по-сезону, но оправдывается исключительностью положенія и предпочтеніемъ, которое мы отдаемъ нарушенію обычая передъ простудою. Мы смирнехонько ляжемъ и развѣсимъ платье передъ каминомъ. Вотъ все, чѣмъ вы пока можете несказанно обязать двухъ измокшихъ путниковъ.

— *So!*—проговорила служанка, вполнѣ понявшая рѣчь моего пріятеля.

Черезъ полчаса она принесла намъ бутылку сельтерской воды и табакерку. Въ залѣ вокругъ длиннаго стола сидѣло человѣкъ двадцать, не говорившихъ ни слова и ни на что не смотрѣвшихъ; передъ каждымъ стояло по кружкѣ пива. Я было подумалъ, что попалъ на сходку заговорщиковъ; Жіанъ успокоилъ меня увѣреніемъ, что это собраніе мѣстныхъ нотаблей.

— Да что же они тутъ дѣлаютъ?

— Веселятся.

Послѣ долгаго молчанія одинъ изъ нотаблей поднялъ кружку въ уровень съ своими глазами, внимательно всмотрѣлся въ пиво, потомъ поднесъ къ губамъ и осушилъ въ два глотка съ короткою передышкою. Всѣ остальные проговорили: *Prosit!*—и сдѣлали то же. Наступило прежнее мрачное молчаніе.

— Здѣсь всегда такъ веселятся?—спросилъ я Жіана.

— Всегда. Къ чему имъ разговаривать? Во-первыхъ, не о чемъ, къ остроумію же они не чувствуютъ никакой склонности.

— Да, оно и мудрененько было бы, пожалуй.

— Тѣмъ не менѣе они очень довольны своимъ обществомъ и въ сласть попиваютъ любимый напитокъ. Послѣ десятой кружки начнутъ пѣть, а потомъ разойдутся и мирно лягутъ спать. Это—послѣдователи созерцательной философіи.

Такъ мы разсуждали, когда служанка принесла сельтерскую воду и табакерку. Жіанъ громко расхохотался и запустилъ въ носъ большую щепоть табаку; я выпилъ стаканъ воды. Я очень желалъ переночевать въ Дагерлохѣ, но Жіанъ этому рѣшительно воспротивился; ему хотѣлось скорѣе разыскать Ленхенъ. Въ ту минуту, какъ мы выходили, въ верхнемъ этажѣ открылось окно, и мнѣ послышался смѣхъ, похожій на мерзкое хихиканье Ганса. Я оглянулся, но въ ночной темнотѣ ничего не могъ разсмотрѣть. Жіанъ былъ уже далеко и ничего не подозрѣвалъ. Итакъ, мы пустились опять въ походъ, останавливаясь у каждаго трактирчика и кабачка и спрашивая, не знаетъ ли кто фрау Крейцеръ. Это имя возбуждало всеобщій смѣхъ. Только одинъ трактирщикъ разсердился, вообразивши, что мы надъ нимъ потѣшаемся; онъ былъ, впрочемъ, не швабъ, а бранденбурженъ. Я падалъ отъ усталости, Жіанъ все еще храбрился, но тоже едва волочилъ ноги. При подъемѣ на одинъ пригорокъ, мы услыхали сзади себя стукъ тяжелыхъ колесъ, потомъ показалась почтовая карета. Жіанъ окликнулъ кондуктора, тотъ отвѣтилъ:

— Имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

— Много у васъ народа въ каретѣ?

— Ни одного человѣка.

— Въ такомъ случаѣ мы сядемъ, — сказалъ Жіанъ, отворяя дверцу.

— Этого нельзя.

— Мы вамъ заплатимъ.

— И этого нельзя.

— Почтовыя кареты существуютъ для путешественниковъ; я—путешественникъ, а потому и сажусь.

— Сойдите.

— И не подумаю.

Кондукторъ разразился потокомъ выраженій, не находящихся ни въ одномъ словарѣ; Жіанъ отвѣчалъ на неаполитанскомъ жаргонѣ, послѣ цюрихскаго самомъ богатомъ въ словахъ того

же сорта, не считая впрочемъ русскаго языка, въ этомъ отношеній богатѣйшаго въ мірѣ. Кондукторъ возвышалъ голосъ, Жіанъ кричалъ все громче; лошади испугались и понесли во всю прыть. Во тьмѣ и тишинѣ ночной между кондукторомъ на козлахъ и пассажиромъ въ каретѣ продолжался обмѣнъ обоюдно-непонятныхъ, но въ высшей степени азартныхъ фразъ,—настоящій философскій диспутъ. Такъ продолжалось до Эхтердингена, гдѣ конторщикъ разъяснилъ намъ, что кондукторамъ запрещено сажать пассажировъ на пути. Жіанъ извинился и спросилъ про трактиръ фрау Крейцеръ; ему отвѣтили, что о такомъ никто здѣсь не слыхивалъ. Тогда онъ согласился доѣхать до Тюбингена. Я заплатилъ за мѣста въ каретѣ и наконецъ-то добрался до постели.

На другой день утромъ мы были у подъѣзда Уланда. Жилище поэта расположено у подножія холма, противъ Некара; на первомъ планѣ дворъ въ видѣ террасы, за нимъ двухъэтажный домъ въ шесть оконъ и нѣчто въ родѣ амбара съ греческимъ фронтономъ; за домомъ чудесный садъ, идущій до вершины холма; налѣво пивная лавочка и высокая стѣна, изъ-за которой видны деревья; кругомъ улицы и дорожки, разбѣгающіяся по полугорью; передъ домомъ площадь, спускающаяся къ рѣкѣ. Тюбингенъ, подобно Гейдельбергу, — студенческій городъ; въ немъ также есть замокъ, погребъ, гигантская бочка, университетъ, профессора, филистеры, учителя фехтованія, табачныя лавочки, шапошники, изготовляющіе фантастическія фуражки, множество пивныхъ... Вообще, хорошенькій городокъ, въ которомъ не слишкомъ прихотливый человѣкъ можетъ жить, пожалуй, даже припѣваючи... нѣмецкія пѣсни.

— Уйдемъ, пожалуйста,—сказалъ я Жіану, когда мы остановились у дверей поэта.

Я всегда трусилъ входить къ знаменитостямъ.

— Уходить?... Это зачѣмъ?—спросилъ Жіанъ.

— Затѣмъ, что вотъ мы позвонимъ, намъ отопрутъ и спросятъ, кого нужно? Что же мы отвѣтимъ? Просто Уланда—невѣжливо; господина Уланда—какъ-то неловко выходитъ, пошловато... Мы неминуемо покажемся смѣшными... Уйдемъ лучше.

Жіанъ отвѣтилъ:

— Благодаря этой боязни показаться смѣшнымъ, французы оказываются глупѣйшимъ народомъ въ мірѣ.

И онъ смѣло позвонилъ. Дверь отворилась. Насъ встрѣтила служанка вопросомъ:

— Вамъ кого угодно?... Господина профессора?

У меня точно камень съ сердца свалился при этомъ вопросѣ. Славное заведеніе у нѣмцевъ—называть людей ихъ оффиціальными титулами! Правда, эти титулы низводятъ геніальныхъ людей до уровня всѣхъ дураковъ, носящихъ одно съ ними званіе, за то выводятъ добрыхъ людей изъ затрудненій, подобныхъ нашему. Уландъ въ Германіи—одинъ, тогда какъ профессорамъ счета нѣтъ.

— Да, мы бы желали видѣть господина профессора,—сказалъ я.

— Господина профессора нѣтъ дома. Они уѣхали въ Штутгартъ (служанка говорила о немъ во множественномъ числѣ) и не извѣстно, когда вернутся. Они будутъ очень огорчены тѣмъ, что вы ихъ не застали.

— Ты просто *jettatore!* (человѣкъ съ дурнымъ глазомъ,—глазящій),—сказалъ Жіанъ, направляя въ мою сторону коралловые рожки, которые онъ носилъ въ видѣ брелока. — По милости твоего глаза я не видалъ ни Ленхенъ, ни Уланда.

Я отвѣтилъ ему стихами:

Est-ce la joie au la douleur
Qui règne au monde? Uland opine
Que, si l'épine est sous la fleur,
C'est que la fleur est sur l'épine.

— Браво! — крикнулъ Жіанъ и среди улицы бросился мнѣ на шею.

Онъ очень легко падалъ духомъ, за то такъ же скоро и ободрялся. Обратно мы поѣхали въ почтовой каретѣ и не бранились не только съ кондукторомъ, но даже и между собою, что составляло въ нашей жизни большую рѣдкость. Проѣзжая мимо трактира въ Дагерлохѣ, Жіанъ увидалъ въ саду бѣлокурую головку, выскочилъ изъ кареты, заставилъ меня выйти и побѣжалъ въ садъ, гдѣ и нашелъ фрау Крейцеръ за столомъ съ Гансомъ, покуривавшимъ свою огромную трубку и попивавшимъ пиво изъ большущей кружки.

III.

Старуха убѣжала, точно испугалась нашего появленія. Гансъ встрѣтилъ насъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ и счелъ нужнымъ,

какъ бы въ свое извиненіе, не совсѣмъ точно передать нѣкоторыя событія; иногда лгутъ даже уроженцы Помераніи,—нигдѣ не безъ грѣха. Онъ увѣрялъ, что, узнавши о нашемъ отъѣздѣ, пустился слѣдомъ за нами, но задержался въ Гейльброннѣ, увлекшись музыкальнымъ праздникомъ, на которомъ присутствовалъ Уландъ.

— Великій поэтъ былъ со мною очень любезенъ,—повѣствовалъ онъ.—Мы роспили съ нимъ бутылку рюдесгеймера; онъ спѣлъ мнѣ одну изъ своихъ застольныхъ пѣсенъ, въ которой риемуются *Wein* и *Schwein* (вино и свинья). Потомъ я зашелъ въ Дагерлохъ, гдѣ и встрѣтилъ этихъ дамъ...

— Мы тоже заходили, но этихъ дамъ не нашли.

— Вы не спросили о нихъ.

— Какъ пришли, такъ спросили... Вездѣ спрашивали фрау Крейцеръ и вездѣ надъ нами смѣялись,—сказалъ Жіанъ.

— Фрау Крейцеръ!—вскричалъ Гансъ и загоготалъ, какъ гусь.

— Вы же намъ сказали, что ее такъ завутъ.

— Ха-ха-ха!—смѣялся буршъ.—Я, вѣроятно, оговорился, принялъ одну монету за другую. Ея фамилія фрау Пфенигъ, а совсѣмъ не Крейцеръ. Ха-ха-ха!...

Гансъ могъ, конечно, ошибиться, но могъ сказать и на-смѣхъ; послѣднее было даже правдоподобнѣе. Меня это бѣсило, а Жіанъ только и думалъ о Лейхенъ.

— Гдѣ она?—спросилъ онъ бурша, зорко высматривая въ саду и по всѣмъ окнамъ дома.

Онъ примѣтилъ на самомъ верху, подъ князькомъ крыши, маленькое открытое окно съ голубою занавѣскою, развѣваемою вѣтромъ точно флагъ, побѣжалъ тотчасъ же въ трактиръ и въ нѣсколько прыжковъ очутился на верху передъ полуотворенною дверью. Онъ увидалъ тутъ то же, что видѣлъ Фаустъ въ гнѣздышкѣ Гретхенъ, до стараго кожанаго кресла включительно. Все было опрятно, уютно; бѣлыя занавѣски кровати кружили ему голову.

— Ахъ, если она войдетъ,—воскликнулъ онъ,—какъ я оправдаюсь въ томъ, что осмѣлился проникнуть въ это святилище! Что я скажу? Посмѣю ли даже говорить? Упасть къ ея ногамъ...

Онъ хотѣлъ бѣжать, но присѣлъ на кресло, отуманенный чарами, навѣянными чистою, дѣвственною обстановкою этого маленькаго рая. На всемъ лежалъ отпечатокъ личнаго характера

и прелести его обитательницы. Крошечное зеркальце свидѣтельствовало объ отсутствіи кокетства; отсутствіе бездѣлушекъ и ненужныхъ украшеній доказывало, что она будетъ хорошею хозяйкою, не гоняющеюся за пустяками, стоющими дорого. Окно было въ зелени,—это была единственная роскошь, которую позволяла себѣ молодая дѣвушка. На виду была только одна книга—библія Лютера, открытая на столикѣ у кровати,—очевидно, ея вечернее и утреннее чтеніе...

Въ эту минуту дверь отворилась и въ комнату вошла фрау Пфеннигъ.

— Это что еще такое?—вскричала она.—Вы сюда зачѣмъ залѣзли?

— Милостивая государыня, я пришелъ сюда...—заговорилъ Жіанъ, вставая и низко раскланиваясь съ истинно-итальянскою граціей, — я пришелъ просить у васъ руки вашей прелестной дочери.

— *Potz tausend!*—крикнула старуха *(potz tausend* — нѣчто вродѣ нашего: ахъ, чортъ возьми).—Это еще что за штуки? Да какъ же смѣли забраться въ мою спальную?

— Ваша спальная?!—бормоталъ Жіанъ съ жалкимъ, посрамленнымъ видомъ. Вмѣсто чуднаго гнѣздышка Ленхенъ, онъ попалъ въ логовище старой совы!

Въ ту же минуту очарованіе исчезло: стѣны и полъ показались грязными, занавѣски измятыми, отъ кресла пахло старыми подошвами, въ маленькое зеркальце отражался крючковатый профиль хищной птицы, библія Лютера—чтенье старой ханжи, окно выходитъ въ трактирный садишко, въ которомъ въ эту самую минуту Ленхенъ подавала двѣ кружки пива французскому студенту (т. е. мнѣ) и Жіану. Померанскій студентъ (т. е. Гансъ) шутя пускалъ клубы дыма въ хорошенькое личико Ленхенъ и выпивалъ одну изъ двухъ кружекъ. Увидавши это, Жіанъ выбѣжалъ изъ комнаты, гдѣ почтенная фрау Пфеннигъ не безъ основанія соображала, что въ головѣ у итальянца не все обстоитъ благополучно. Онъ тѣмъ временемъ кубаремъ слетѣлъ съ лѣстницы и вбѣжалъ въ садъ. Ленхенъ уже не было; на столѣ стояли двѣ пустыя кружки.

— Такъ какъ вы безъ меня выпили,—сказалъ онъ,—то я самъ пойду за пивомъ.

Онъ опять вбѣжалъ въ трактиръ и кончилъ тѣмъ, что все-таки нашелъ Ленхенъ на заднемъ дворѣ; она кормила куръ.

Ему тотчасъ же вспомнилось, какъ Вертерова Шарлота угощала ребятишекъ; онъ умилился душой и протянулъ къ дѣвушкѣ обѣ руки. Его появленіе ничуть не удивило Ленхенъ; она всыпала пригоршни кукурузы въ протянутыя къ ней руки и сказала:

— Ну, помогайте.

Весело покормивши куръ, они заговорили:

— Такъ вы меня ждали?...—спросилъ Жіанъ.

— Я знала, что вы здѣсь, потому и понесла сама въ садъ...

— Мою кружку пива? Её другой выпилъ. *Sic vos non vobis...*

— ... *mellificatis*, *apes*,—закончила стихъ Ленхенъ.

— Вы знаете латынь?

— Что мнѣ нисколько не мѣшаетъ кормить куръ.

Удивленіе Жіана достигло крайнихъ предѣловъ, когда Ленхенъ обратилась къ нему съ словами:

— Пойдемте въ мою комнату. Тамъ удобнѣе разговаривать.

Въ Италіи этого не водится. Тѣмъ не менѣе онъ послѣдовалъ за молодою дѣвушкой и былъ окончательно пораженъ всѣмъ, что увидалъ тамъ. Драпировки обшиты широкимъ кружевомъ, этажерки завалены книгами, рояль, мольбертъ съ наброскомъ пейзажа. Жіанъ узналъ то мѣсто на берегу Некара, гдѣ они въ первый разъ встрѣтились.

— Это вы рисуете?—спросилъ онъ.

— И эти кружева я же плету,—отвѣтила она.

Открывши шкафъ, она указала на блюдо печенья и прибавила:

— И это я дѣлала.

Потомъ дѣвушка сѣла за рояль и восхитительно сыграла итальянскую баркаролу. Я самъ слышалъ изъ сада. Во всемъ этомъ была, конечно, своя доля тщеславія, но Ленхенъ все-таки была необыкновенно мила. Жіанъ почувствовалъ, что его глаза увлаживаются отъ этихъ родныхъ звуковъ, сыгранныхъ исключительно для него одного прелестными ручками. Онъ не замѣтилъ даже, что ручки эти слишкомъ красны, — онъ не въ состояніи уже былъ ничего замѣчать.

Увидавши его волненіе, она запѣла арію Шуберта на слова Гёте. Молодой человѣкъ совсѣмъ обезумѣлъ и, рыдая, упалъ къ ея ногамъ.

— Хотите быть моею... на всю жизнь, навсегда?

— Во-первыхъ, надо узнать хорошенько другъ друга.

Когда Жіанъ разсказалъ мнѣ эту сцену, я счелъ нужнымъ высказать ему нѣкоторыя соображенія, казавшіяся мнѣ очень разумными.

— Эта молодая особа, — говорилъ я, — одарена разнообразными талантами, и замѣчательно, конечно, что она смогла пріобрѣсти такія многосторонніе знанія въ сельскомъ трактирѣ. Но изъ всего этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы ты долженъ былъ на ней жениться.

— Я уже сдѣлалъ предложеніе ея матери...

— И мать отвѣтила: *Potz tausend*! У тебя нѣтъ за душою ни копѣйки и самъ ты ни къ чему не способенъ. Ленхенъ же, наоборотъ, помаленьку на все пригодна, что тоже мнѣ представляется не особенно удобнымъ; я никакъ не могу восхищаться сочетаніемъ синяго чулка съ крестьянскими котами, классиковъ съ сдобными пышками. Ко всему этому сообрази, что, кромѣ мертвыхъ языковъ, она знаетъ еще многое, чему не могла научиться безъ учителей, а учителя не всегда бываютъ старые. Она, правда, очень хорошенькая; но красота въ дѣлахъ любви вещь прекрасная, а въ супружеской жизни часто является большой помѣхой счастью. Руки у нея красныя...

— Бѣлыя, какъ алебастръ...

— Красныя, какъ вареные раки. Да всего лучше, посмотри самъ.

Въ это время Ленхенъ развѣшивала въ саду мокрыя скатерти; веревка была протянута высоко и изъ-за бѣлаго полотна мелькали ея руки цвѣта гомара.

— Краснота молодости!—воскликнулъ Жіанъ.

— Во всемъ, что она говорила тебѣ, я одобряю только одно: надо хорошенько узнать другъ друга.

— А я такъ именно въ этомъ-то и не нахожу никакого смысла. Вы, жители сѣвера, всѣ одинаковы,—у васъ кровь холодная. У насъ же увидалъ женщину на балконѣ, въ театрѣ или въ церкви, понравилась она, приглянулся ты ей и — она твоя на вѣкъ...

— Ну, а здѣсь, мой милѣйшій, молодая дѣвушка приводитъ тебя въ свою спальную, показываетъ кружева своей постели и потомъ говоритъ: «теперь мнѣ остается съ вами познакомиться». Въ сущности же и мужчины, и женщины вездѣ одинаковы; есть лишь нѣкоторая разница въ способахъ выражаться, въ манерахъ... Безъ этого изъ-за чего бы ты хотѣлъ отобрать у нѣмцевъ Венецію?

Пока мы такъ разговаривали, Гансъ сидѣлъ въ нижнемъ этажѣ спиною къ открытому окну. Трактирщица, стоя рядомъ съ нимъ, жеманилась, гримасничала и заигрывала. Онъ невозмутимо курилъ трубку, положивши ноги на спинку стула. Мы съ Жіаномъ покончили тѣмъ, что поспорили, по обыкновенію; повертываясь ко мнѣ спиной, онъ объявилъ, что въ Америкѣ есть обезьяны, а въ Европѣ — французы. Это онъ опять по Шопенгауеру. Я ушелъ въ отведенную намъ комнату и сѣлъ у окна, какъ разъ надъ тѣмъ окномъ, у котораго трактирщица разговаривала съ Гансомъ.

— Такъ вы не хотите, чтобъ я отдала ее за этого итальянца?—спросила она.

— Трижды нѣтъ. Латинская порода мерзкая; эти люди женятся на недѣлю, а потомъ и сами сбѣгутъ, да еще и деньги унесутъ. Да вообще не отдавайте ее ни за него, ни за кого другого,—она еще слишкомъ молода. Замужъ надо выходить въ вашемъ возрастѣ...

— *Ach, lieber Gott!* (ахъ, милый Богъ! Нѣмцы называютъ Бога милымъ.) Вы просто шутите...

— Не думаю шутить. Вы еще очень аппетитная женщина. Къ тому же вамъ необходимъ въ домѣ мужчина. Еще такъ-сякъ въ Дагерлохѣ, гдѣ у васъ много прислуги; а переѣдите въ Боннъ вдвоемъ съ дочерью... Городъ студенческій...

— *Gott in Himmel!* (Богъ на небѣ!—такъ говорятъ нѣмцы вмѣсто нашего: Царь Небесный!) Вы меня пугаете.

— Чтобы не бояться, выходите замужъ, фрау Пфенигъ, или возьмите нахлѣбника...

— Отчего бы вамъ не жить съ нами, достойнѣйшій г. Шлукеръ?

— Я слишкомъ бѣденъ и не могу платить дорого.

— Можете ровно ничего не платить,—вы будете давать уроки Ленхенъ...

— Посмотримъ, подумаемъ.

Въ эту минуту въ садъ вошла толпа студентовъ, возвращавшихся изъ Тюбингена, распѣвая стихи Уланда:

Frau Wirthin, hat sie gut Bier und Wein?
Wo hat sie ihr schoenes Toechterlein?

(«Хозяйка, есть ли у васъ хорошее пиво и вино? Гдѣ ваша хорошенькая дочка?»)

— Вотъ она!—защебетала выбѣжавшая имъ навстрѣчу Ленхенъ.

Молодежь окружила ее шумною толпой, махала своими пестрыми фуражками и кричала:

— Ура, Ленхенъ! Ура! *Hoch*!

Одинъ изъ буршей надѣлъ ей на голову свой *pilus* (плоская шапочка), другой повязалъ черезъ плечо двухцвѣтную ленту, знакъ какого-то общества, и дѣвушка тутъ же была провозглашена *Fuchsin* (вступающею студенткою). Шапочка и лента къ ней очень шли; но это, кажется, не особенно радовало Жіана, слѣдившаго за всею сценой издали. Послѣ Ленхенъ была сдѣлана овація Гансу; одинъ старый буршъ узналъ его и громко назвалъ по имени, показывая товарищамъ. Ясно было, что нашъ пріятель Шлукеръ стяжалъ въ Тюбингенѣ громкую извѣстность своими столкновеніями съ полиціей, особливо же прославился квартетомъ, который онъ пѣлъ въ-одиночку, идя изъ кабачка. Принцесса, знаменитая красавица, очень смѣялась надъ этой выходкой, а старый король виртембергскій разсердился,—двойной успѣхъ, сдѣлавшійся легендарнымъ. Молодежь громко привѣтствовала Ганса и рѣшила устроить въ честь его *Commers*. Меня съ Жіаномъ пригласили въ качествѣ *hospites*. *Hospites*—я понялъ: это множественное число латинскаго слова, означающаго гость; но я не понималъ, что за исторія *Commers*.

— Я тоже не знаю, — сказалъ мнѣ Жіанъ, — но увѣренъ, что непремѣнно будутъ пить пиво.

Черезъ полчаса, употребленные на устройство подобающей обстановки, насъ ввели въ большую, низкую залу; по серединѣ стояли столы, расположенные подковой. За ними размѣстилось около сотни молодыхъ людей въ фуражкахъ и шапочкахъ, съ лентами черезъ плечо; фуражки и ленты были всѣхъ цвѣтовъ радуги, врозь взятыхъ и въ разныхъ сочетаніяхъ двухъ и трехъ цвѣтовъ; ими обозначались различныя общества, обыкновенно враждовавшія между собою и братавшіяся на этотъ вечеръ. На нѣкоторыхъ студентахъ были кокарды, большія фехтовальныя перчатки, венгерки съ шнурами, рапиры на поясѣ и ботфорты со шпорами; хотя всѣ молодые люди путешествовали пѣшкомъ, но со шпорами не разставались,—пріятно все-таки имѣть видъ кавалериста. Стѣны были изукрашены флагами и вышитыми знаменами; на столѣ безъ скатерти, кромѣ кружекъ, стояли серебряные кубки съ висящими на нихъ медалями и большіе рога, изъ которыхъ пьютъ круговую; не брезгливый народъ въ этой странѣ, къ тому же это демократично и, такъ-сказать, священ-

нодѣйственно. Молодые студенты, носящіе названіе *фуксъ* (Fuchs—лисица) исполняли должность лакеевъ и прислуживали старшимъ, достигшимъ званія буршей. Набольшей лисицѣ (Fuchs major) было, повидимому, много хлопотъ,—онъ распоряжался угощеніемъ. Гансъ предсѣдательствовалъ и священнодѣйствовалъ; началъ онъ съ того, что сказалъ очень серьезную рѣчь, въ которой отрекомендовалъ присутствующимъ меня и Жіана, послѣ чего, распоряжаясь общимъ воодушевленіемъ, скомандовалъ въ честь намъ двукратное ура. Воодушевленіе повиновалось командѣ и ура вышло настолько дружнымъ, что казалось выкрикнутымъ одною грудью, — удалось настолько хорошо, что студенты сами себѣ стали аплодировать.

Началась церемонія. Называя это пиршество церемоніей, я отнюдь не впадаю въ преувеличеніе,—оно было не только торжественно, но даже нѣсколько мрачно. Молодежь, пользующаяся каникулами и собравшаяся повеселиться, начала съ того, что затянула хоромъ латинскую пѣсню на погребальный мотивъ:

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus:
Post jucundam juventutem,
Post malestam senectutem,
Nos habebit humus.

Пропѣли и — погрузились въ сосредоточенное, важное молчаніе, къ которому быть-можетъ предрасполагала самая зала. Въ ней мы были наканунѣ свидѣтелями молчаливаго веселья нотаблей Дагерлоха. Всѣ студенты курили большія фарфоровыя трубки, разрисованныя девизами и гербами, какъ рыцарскіе щиты, и набитыя ужаснѣйшимъ табакомъ, называемымъ канастеръ,

— Отъ латинскаго слова «*canistrum*»,—объяснилъ мнѣ сосѣдъ съ правой стороны.—Названъ такъ потому, что привозился изъ Америки въ плетеныхъ корзинкахъ.

— А вы увѣрены, что курите не корзины?—спросилъ я сосѣда. Онъ задумался.

Послѣ четырехъ или пяти кружекъ языки начали развязываться. Мой сосѣдъ слѣва, узнавши, что я французъ, разсказалъ мнѣ, какъ его отецъ былъ въ Парижѣ въ 1815 году, и передалъ подробности сраженія подъ Лейпцигомъ. Тамъ и сямъ завязались сепаратные разговоры; сквозь табачный дымъ до меня долетали отрывки фразъ, отдѣльныя слова, все ученыя, все мудреныя: детерминизмъ, субгастація, пареміологія, целидо-

графія, парадіастола, парадигма, парамбола... и чортъ ихъ знаетъ что еще,—я не могъ запомнить. Гансъ увеселялъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, боявшихся проронить хотя одно словечко, описаніемъ тѣла задохшейся молодой дѣвушки, которую онъ только-что видѣлъ въ Гейльбронѣ: окоченѣлость членовъ, искаженность лица, синеватая блѣдность холоднаго и влажнаго тѣла, особенно на лбу и шеѣ... Я пропускаю дальнѣйшее. Ленхенъ ко всему прислушивалась съ напряженнымъ вниманіемъ; я понялъ, изъ какихъ источниковъ она почерпнула всѣ свои познанія. Между тѣмъ шла безумная выпивка, разговоры переходили въ споръ, тамъ и сямъ возвышались голоса, споръ превращался въ ссору; но всѣ эти юноши были серьезны и мрачны, какъ похоронные факельщики.

— Что въ васъ мнѣ особенно не нравится, — говорилъ мой сосѣдъ слѣва, опять обращаясь ко мнѣ,—это отсутствіе веселости въ характерѣ французовъ. Я хорошо знакомъ съ вашими писателями и, признаюсь, на меня нагоняютъ грусть даже тѣ, которые считаются у васъ самыми комическими, какъ Мольеръ и Поль-де-Кокъ. Истинная веселость только и существуетъ въ Германіи и обусловливается чистотою совѣсти. Посмотрите на эту залу: какъ весела, какъ одушевлена эта молодежь!

Я оглянулся и замѣтилъ, что три четверти этой молодежи были въ очкахъ. Мой сосѣдъ справа, не проронившій въ теченіе часа ни одного слова, должно-быть надумался и серьезно спросилъ меня:

— Почему вы сказали, что мы куримъ карзины? Я не понимаю.

Опорожнивши по дюжинѣ кружекъ, студенты запѣли подобно дагерлохскимъ нотаблямъ. Пѣли они хорошо, хоръ выходилъ стройнымъ, но что это были за пѣсни! Въ одной — «Добрый товарищъ»—рѣчь идетъ объ одномъ бѣднякѣ, умершемъ на войнѣ; въ другой—«Нашъ пріютъ» — разсказывается о томъ, какъ былъ выстроенъ бѣлый домикъ, но пришли какіе-то злые люди и разрушили его; третья—«Tempora mutantur» — посвящена мрачной мысли, что жизнь есть сонъ и жить не стоитъ,—припѣвъ: «Братья, должно умереть!» За этимъ пѣніемъ послѣдовало то, что собственно и есть *Commers*, опять нѣкоторая торжественная церемонія. Всѣ студенты поднялись съ мѣстъ, обнажили рапиры и запѣли религіозно-патріотическій гимнъ, послѣ чего предсѣдательствовавшій Гансъ пропѣлъ одинъ:

Еще пѣсня несется,—
Наша звучная пѣсня,—
Про знамя святое и мечъ!
О, воспрянь же душа! Развѣвайся же знамя!
По чужимъ головамъ мечъ гуляй на просторѣ...

При этихъ словахъ, на нѣмецкомъ языкѣ отнюдь не располагающихъ къ смѣху, студенты скрестили шпаги надъ столомъ и каждый изъ нихъ прокололъ фуражку собесѣдника, стоявшаго противъ него. Все это было продѣлано съ полнымъ благоговѣніемъ; молодые люди, обмѣнявшіеся этими ударами шпаги, нанесшими изъяны только ихъ шапкамъ, тѣмъ самымъ обоюдно обязывались вѣчною дружбой. Ленхенъ не имѣла права принимать участія въ церемоніи; она стояла у двери съ обнаженною шпагой въ рукѣ, съ студенческою шапочкой на головѣ, поднявши глаза къ потолку. Въ голубоватомъ туманѣ, наполнявшемъ залу, она напоминала мнѣ иную дѣву, вдохновенную Жану изъ нашей доброй Латорингіи, «*qu'Anglois bruslèrent à Rouen*». Теперь, когда я вспоминаю объ этомъ, по прошествіи многихъ лѣтъ послѣ войны, всѣ эти сцены возбуждаютъ во мнѣ или смѣхъ, или горькое чувство; но тогда... о, тогда,—я вынужденъ признаться,—въ этой массѣ бѣлокурыхъ головъ, возбужденныхъ пивомъ и дряннымъ табакомъ, въ особенности же сильными звуками строгой музыки, прекрасно спѣтою пѣснью, ея возвышеннымъ и благороднымъ смысломъ, представлявшимъ собою сочетаніе застольныхъ припѣвовъ съ выраженіемъ національнаго чувства, въ восторженномъ состояніи молоденькой дѣвушки я видѣлъ проявленіе серьезной силы, подчиняющей оргію обрядности, превращающей ее въ священнодѣйствіе, въ таинство.

Къ сожалѣнію, такого рода воодушевленія проходятъ быстро. При послѣднемъ возгласѣ, заканчивающемъ мрачныя пѣсни *Коммерша* (этотъ возгласъ опять-таки «ура»), одинъ буршъ, стоявшій около Ленхенъ... Надо замѣтить, что дѣвушка пользовалась полнымъ уваженіемъ всѣхъ студентовъ, иначе не называвшихъ ее, какъ *Fuenlein*, mademoiselle — барышня; она же, съ своей стороны, однимъ взглядомъ умѣла сдерживать всякое слово или движенія, казавшіяся ей выходящими изъ рамокъ строгаго приличія, къ величайшему восхищенію Жіана... Итакъ, одинъ буршъ, стоявшій рядомъ съ ней, при возгласѣ «ура!» протянулъ было руку съ намѣреніемъ, кажется, обнять ее за талію и, чего добраго, поцѣловать пожалуй. Сильная рука схватила дерзкаго за

волосы и опрокинула на землю. Буршъ вскочилъ и въ бѣшенствѣ бросился на Жіана. Итальянецъ ловкимъ движеніемъ схватилъ нѣмца за руки и съ такою силой налетѣлъ на него, что заставилъ опуститься на колѣни передъ Ленхенъ.

— Просите прощенья!—крикнулъ онъ такимъ голосомъ, что вся зала притихла.

Взоръ Жіана металъ искры, глаза налились кровью. Надо сказать правду, нѣмецъ держалъ себя молодцомъ: онъ былъ блѣденъ, на губахъ бѣлѣла пѣна, — очевидно, жестоко страдалъ отъ боли,—но не вскрикнулъ, не произнесъ ни слова. Всѣ остальные не двигались съ мѣста, точно замерли, ожидая развязки. Ленхенъ торжествовала и краснѣла. Черезъ минуту, немного длинноватую на мой взглядъ, она сказала Жіану:

— Оставьте... Я его прощаю.

Дѣло, однако же, не могло такъ кончиться: на слѣдующій день молодые люди дрались на шпагахъ.

IV

Эта дуэль сдѣлала величайшую честь Гансу. Дрались рано утромъ въ сараѣ, выстроенномъ въ глубинѣ сада и служившемъ для танцевъ. Такія столкновенія здѣсь очень часты, а потому все необходимое для студенческой дуэли оказалось на-лицо и въ полной исправности, а именно: нашейники, нагрудники, набрюшники, перчатки, нарукавники, наколѣнники и всевозможныя подушки и подушечки. Жіанъ хохоталъ до слезъ, пока Гансъ снаряжалъ его на битву.

— Позвольте, однако, узнать, куда же онъ можетъ меня ткнуть своей шпагой, когда вы меня кругомъ запаковали въ вату?

— Здѣсь принято мѣтить только въ лицо, но глаза защищены козырькомъ фуражки.

— Странная дуэль!—удивлялся Жіанъ.

Онъ въ жизнь свою не бралъ въ руку шпаги, но разсчитывалъ показать себя молодцомъ и еще больше возвыситься въ глазахъ Ленхенъ. Результатъ вышелъ не совсѣмъ такой, какого онъ желалъ. Дуэль такъ же регламентирована, какъ пирушки; драться можно не болѣе двадцати пяти минутъ и бой прекращается при первой крови. Противники выпадали разъ или два и потомъ останавливались на минуту; секунданты обязаны парировать удары. Итальянецъ лѣзъ на противника, какъ изступлен-

ный, и такъ неосторожно открывался, что ему можно было бы все лицо истыкать, не будь при немъ секундантомъ Гансъ, замѣчательный фехтовальщикъ, успѣвавшій отражать не только всѣ удары противника, но даже два или три раза отбить шпагу самого Жіана, которою онъ ему чуть глаза не повыкололъ. Установленныя двадцать пять минутъ прошли безъ пролитія крови; честь была удовлетворена, противники поцѣловались, и одинъ изъ присутствующихъ торжественно сказалъ Жіану:

— Благодарите великаго Шлукера,—безъ него вамъ бы раскроили черенъ.

Жіанъ поблагодарилъ великаго Шлукера, а молодежь сдѣлала ему новую овацію, предложивши утреннее пиво (Frühbier), и хотѣла увести съ собою въ Тюбингенъ. Ленхенъ сорвала лавровую вѣтку и приколола къ его фуражкѣ. Онъ былъ героемъ дуэли; всѣ его превозносили, даже молодая дѣвушка, и никто не выражалъ ни малѣйшей претензіи. Когда тюбингенцы ушли, я сказалъ Жіану, что и намъ пора назадъ въ Гейдельбергъ.

— Я остаюсь здѣсь,—крикнулъ онъ.

— Это зачѣмъ?

— Затѣмъ, чтобы жениться на Ленхенъ.

— А средства у тебя гдѣ?

— У меня около пяти тысячъ дукатовъ (тысяча двадцать франковъ)—въ билетахъ неаполитанской ренты. Я ихъ продамъ. А пока возьми вотъ это, сбудь за что-нибудь въ Штутгартѣ и вышли мнѣ деньги.

Онъ снялъ перстни и цѣпочку отъ часовъ. Я уговорилъ его не продавать вещей и рѣшился не покидать его, опасаясь какихъ-нибудь дурачествъ съ его стороны. Переходы отъ печали и волненій къ веселости были у него очень быстры. Мы пошли прогуляться, и черезъ четверть часа онъ уже беззаботно болталъ и распѣвалъ вчерашнія пѣсни; только передаваемые имъ эти похоронные марши оживлялись, темпъ ускорялся, они теряли свой мрачный характеръ и звучали совсѣмъ по-иному. Потомъ онъ сталъ валяться по травѣ и заснулъ крѣпкимъ сномъ подъ тѣнью развѣсистой липы. Я вернулся одинъ съ намѣреніемъ разыскать Ленхенъ и поговорить съ нею очень серьезно. Въ саду я встрѣтилъ хозяйку съ Гансомъ, — они были положительно неразлучны,—и разслышалъ только конецъ ихъ дуэта:

— Такъ вы поѣдите съ нами въ Бонъ, уважаемый г. Шлукеръ?

— Поѣду, милѣйшая госпожа Пфенигъ.

Ленхенъ, сидя у окна, работала на прялкѣ и пѣла пѣсню Маргариты.

Я пристально посмотрѣлъ на нее, и она, кажется, почувствовала на себѣ мой взглядъ: во всякомъ случаѣ она вздрогнула, лицо приняло сердитое и стыдливое выраженіе Діаны, застигнутой во время купанья; она ушла въ глубину комнаты. Черезъ минуту она вышла однако въ садъ и, подойдя прямо ко мнѣ, спросила безъ предисловій:

— Зачѣмъ вы на меня смотрите?

Я уже собрался было сказать ей любезность, но она замѣтила это по моему лицу и съ легонькой улыбочной нѣсколько рѣзко остановила меня:

— Нельзя ли безъ комплиментовъ, господинъ французъ,—здѣсь они совсѣмъ ни къ чему. Я вижу, что вы за мною присматриваете, наблюдаете и не любите меня... Да, не любите и никогда не полюбите ни одной женщины. Вамъ помѣшаетъ ваше любопытство,—вы слишкомъ любопытны. Но у васъ честные глаза, вы мнѣ внушаете довѣріе. Сядемъ и поговоримъ.

Мы сѣли на скамейку, скрытую шпалерой.

— Вы хотите знать, что я такое,—начала она,—я скажу вамъ. Говорятъ, будто я похожа на отца. Онъ былъ простымъ работникомъ, страстно жаждалъ знанія и сдѣлался бы навѣрное ученымъ, еслибы не умеръ слишкомъ рано. Но работать цѣлый день руками и всѣ ночи головою слишкомъ утомительно,—онъ не выдержалъ и умеръ въ чахоткѣ. За нимъ отъ чахотки же померли всѣ мои братья и сестры. Этотъ святой человѣкъ многому успѣлъ научить меня по воскресеньямъ и оставилъ мнѣ въ наслѣдство свою жажду знанія и свои книги. Моя мать—честная женщина, надъ которою вы совсѣмъ напрасно насмѣхаетесь... Не отрицайте этого,—я тоже любопытна и тоже кое-что вижу... Она открыла трактиръ и повела дѣло удачно. Этотъ домъ она выстроила, собрала, такъ сказать, камень за камнемъ... Это вѣдь тоже поэзія въ своемъ родѣ, могу васъ въ томъ увѣрить. Вчера вечеромъ я о ней думала, когда студенты пѣли:

Этотъ бѣленькій домикъ построили мы...

— И я видѣлъ слезы на вашихъ глазахъ...

— И насмѣхались надо мною. Я все вижу; я даже замѣтила, что вамъ не нравятся мои красныя руки. Знаете ли, почему вы никогда не влюбитесь?

— Вы уже сказали мнѣ...

— Я сказала одну причину, другая должна польстить вамъ больше... потому, что вы излишне остроумны. Вы во всемъ выискиваете, надъ чѣмъ бы позабавиться, и находите, что красныя руки не идутъ къ золотистымъ волосамъ. Вы проводите вотъ этою тросточкой черту по песку и говорите: «по эту сторону поэзія, по эту — проза», и никакъ не хотите ихъ совмѣстимости и тождественности.

— Даже тождественности? Это любопытно!

— Вотъ видите, вы даже представить себѣ этого не можете. По-вашему, поэзія постоянно витаетъ гдѣ-то внѣ жизни, выше ея, и вы не подозрѣваете, что она въ самой жизни, что ею полно каждое наше дѣйствіе, самое обыденное, лишь бы въ немъ принимало участіе сердце. Вы не допускаете, чтобы молодая дѣвушка могла, подобно Карлу Великому, бесѣдовать съ своими руками, говорить имъ: «Вы были бы нѣжны и бѣлы, еслибъ я захотѣла,—стоило бы васъ оставить праздными, натирать вечеромъ косметиками и днемъ носить перчатки». — «Да, — отвѣтили бы руки;—но что бы сталось съ хозяйствомъ, съ чистотою? Служанки— плохія помощницы. Пришлось бы все дѣлать матери, а она уже довольно поработала, она устала... Еслибъ она берегла свои пальцы, не было бы у тебя ни фортепьяно, ни кружевъ, ни досуга и свободы». Вотъ пѣсня о красныхъ рукахъ; переложите ее въ звучные стихи и выйдетъ очень недурно.

— Конечно, переложена же въ стихи теорема о квадратѣ гипотенузы.

— Васъ и этимъ не убѣдишь... Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ и надобности, разъ вамъ и такъ счастливо живется. Намъ же для того, чтобы быть счастливыми, необходимо любить свое дѣло, поэтизировать его. Горе въ томъ, что жизнь, даже занятая, слишкомъ длинна, когда жить приходится одиноко; остается слишкомъ много времени для думы, мысль утомляется, дремлетъ, переходитъ въ мечты... Вотъ почему тогда въ Гейдельбергѣ я, какъ маленькая дѣвочка, обрывала лепестки маргаритки на берегу Некара... Тогда-то я и увидала вашего друга, смуглаго красавца. Онъ явился въ такую минуту, что мнѣ представилось, будто я его полюбила...

— Слѣдовательно, вы его не любите?

— Да и нѣтъ. Я вамъ все выскажу откровенно. Танцуя съ нимъ вечеромъ, я думала, что принадлежу ему на всю жизнь.

Потомъ въ теченіе трехъ дней онъ не показывался; изъ этого я заключила, что онъ и не думаетъ обо мнѣ... При нашемъ дѣлѣ, я вижу здѣсь каждый день цѣлыя стаи перелетныхъ птицъ: многія изъ нихъ, проведя часъ-два подъ этою кровлей, начинали распѣвать мнѣ знакомую всѣмъ вамъ пѣсню. Послѣ перваго куплета онѣ улетали и слѣда отъ нихъ не оставалось. Когда вы проходили здѣсь вечеромъ въ дождь, насъ съ матерью не было дома. Вчера я увидала его вторично; но это было не въ добрый часъ... У меня бываютъ такіе несчастные дни, дни гордости... Надо вамъ сказать, что гордость—мой самый крупный недостатокъ. Меня избаловали... Мать во мнѣ души не чаетъ, въ селѣ я слыву фениксомъ. Сущность же заключается въ томъ, что я блистаю здѣсь потому, что кругомъ мракъ; повидимому, я знаю очень многое и въ этомъ отношеніи похожа на библіотеку моего отца, въ которой есть и латинскія книги, и даже еврейскія, но за то есть и множество пробѣловъ, не мало книгъ разрозненныхъ... Къ тому же у меня въ головѣ ничего не приведено въ порядокъ...

Я всегда относился къ женщинамъ крайне недовѣрчиво, и дурно дѣлалъ,—по крайней мѣрѣ двѣ изъ нихъ ни разу меня не обманули. Теперь я доискивался причины, почему эта молодая дѣвушка съ перваго же слова пускается со мною въ такія наивныя откровенности; такихъ причинъ мнѣ представлялось тысячи. Она продолжала:

— Итакъ, вчера мнѣ захотѣлось понравиться вашему товарищу; я щегольнула передъ нимъ моими маленькими талантиками, моимъ голубымъ платьемъ, для него пошла прислуживать студентамъ, чего никогда не дѣлаю. Я видѣла его печальное лицо, когда на меня надѣли студенческую шапочку; его ревность доставляла мнѣ удовольствіе. Онъ кинулся защищать меня,—я была въ восторгѣ; мнѣ было бы очень обидно, еслибъ онъ не сталъ драться за меня. Все это очень дурно. Я продумала объ этомъ всю ночь, волновалась все утро, боясь, что его могутъ изуродовать какимъ-нибудь безобразнымъ шрамомъ на лицѣ... Я для него сорвала лавровую вѣтку и, не будь здѣсь такъ много народа, я бы ее приколола къ его шапкѣ, а не къ Гансовой... Сейчасъ, когда я пѣла пѣсню Маргариты, я о немъ думала, потому такъ и смутилась отъ вашего взгляда... И при всемъ этомъ я скажу вамъ, что не люблю его... Этотъ бракъ невозможенъ...

— Это надо обдумать, серьезно обсудить.

— Давайте обсудимъ,—сказала она, сильно волнуясь.—Вы мой другъ, мой единственный другъ,—она взяла мои руки,—обсудимъ вмѣстѣ,—я теряюсь. Скажите, возможно ли увлекаться человѣкомъ потому только, что у него великолѣпные черные глаза? Не глупо ли это, не подло ли? Что я о немъ знаю? Что онъ бѣденъ? Тѣмъ лучше,—я никогда не желала бы быть богатой. А что у него на душѣ? Я не смѣю заглянуть въ нее... Всѣ его впечатлѣнія представляются какими-то воспоминаніями; онъ говоритъ цитатами изъ книгъ, называетъ меня то Доротеей, то Шарлотой... Вѣдь намъ придется жизнь прожить. Что изъ этого выйдетъ? Подумалъ ли онъ объ этомъ? Подумалъ ли онъ, что для этого одной любви не достаточно, а нужно взаимное уваженіе, глубокое, длящееся до сѣдыхъ волосъ? Онъ и не понимаетъ этого, — онъ дитя. Спасите насъ другъ отъ друга: меня — отъ него, его—отъ меня... Почему я знаю,—быть-можетъ завтра же я стану презирать его; я уже теперь сознаю свое превосходство надъ нимъ... Я не желаю быть женою человѣка, стоящаго ниже меня. Я отдамся только сильному, побѣдителю.

Все это и многое другое, сказанное ею, показалось мнѣ очень хорошимъ и разумнымъ. Я замѣтилъ, какъ она, говоря это, перешла отъ французскаго къ нѣмецкому языку, что служитъ несомнѣннымъ признакомъ искренности.

— Я увѣренъ,—отвѣтилъ я,—что вы дѣвушка благоразумная и съ сердцемъ. Кромѣ того, мнѣ пріятно слышать отъ васъ такія смѣлыя и здравыя сужденія о любви и замужствѣ. Меня не пріучили къ этому дѣвушки того круга, въ которомъ я жилъ. Жіанъ, дѣйствительно, молодъ для васъ въ настоящее время; но молодость—такой недостатокъ, отъ котораго онъ быстро избавится... Да еще вопросъ, такъ ли это желательно. Если я повторю ему то, что вы теперь говорили, онъ такъ и вспыхнетъ, какъ порохъ. Онъ — южанинъ, житель страны солнца, влюбившійся въ луну, въ погонѣ за нею заѣхалъ сюда и воображаетъ, что луна у васъ подъ косою спрятана. Больше онъ ровно ни о чемъ не думаетъ. Какъ у большинства итальянцевъ, у него нѣтъ никакой религіи, никакого понятія о законахъ нравственности; философія для него мыльный пузырь. Вмѣстѣ съ тѣмъ это человѣкъ безукоризненно нравственный, потому что вѣчно витаетъ въ облакахъ, совершенно не знаетъ людей и еще менѣе женщинъ, въ жизни своей не думалъ о завтрашнемъ днѣ. Въ общемъ онъ восторженный, въ высшей степени симпатичный

и милѣйшій малый. Чтобъ отклонить его отъ васъ, я вижу только одно средство—замѣнить одно увлеченіе другимъ, если позволите, брюнеткою вмѣсто блондинки. Въ Гейдельбергѣ, напримѣръ, есть одна прехорошенькая...

— Нѣтъ!—вскричала Ленхенъ.

— Въ такомъ случаѣ надо придумать что-нибудь другое... попробовать увѣрить его, что вы влюблены... ну, хоть въ стараго Ганса.

Я думалъ разсмѣшить ее этимъ, но она сдѣлалась еще серьезнѣе.

— Это опасная игра,—сказала она,—въ нее рискуешь проиграть. У меня была пріятельница въ Плиннингенѣ; она попробовала этимъ способомъ отдѣлаться отъ одного обожателя, а можетъ-быть еще больше привлечь его къ себѣ, притворившись неравнодушною къ другому. Кончилось тѣмъ, что она вышла замужъ за этого другого, и теперь онъ пьянствуетъ и колотитъ ее каждый день.

— Что же, и вы боитесь привязаться къ старому Гансу?—спросилъ я смѣясь.

— А почему бы и нѣтъ?

— Онъ дуренъ, мѣшковатъ, неловокъ...

— Однако не дурно отражаетъ удары шпаги.

— Посмотрите на себя рядомъ съ нимъ въ зеркало...

— Нельзя же всю жизнь любоваться другъ на друга. Есть красоты, которыя можно видѣть только закрывши глаза.

— И заткнувши носъ,—Гансъ весь прокоптѣлъ отъ своей трубки.

— Я привыкла къ табачному дыму. Еслибы вы захотѣли разсмотрѣть въ немъ внутренняго человѣка, вы были бы поражены удивленіемъ. Я его хорошо знаю: живя въ Тюбингенѣ, онъ часто бывалъ у насъ. У него нѣтъ ни рода, ни племени; его ребенкомъ подняли на улицѣ, добрые люди отдали въ школу; тамъ онъ потерялъ глаза, сталъ близорукимъ отъ чтенія. До сихъ поръ,—а ему уже за тридцать,—онъ только и дѣлаетъ, что учится. Денегъ у него нѣтъ и не было, и онъ о нихъ не думаетъ. Чѣмъ онъ живетъ, никто не знаетъ; я знаю только, что разъ онъ не ѣлъ цѣлую недѣлю... Обувь ему ничего не стоитъ; онъ даетъ уроки санскритскаго языка сыну одного сапожника въ Мангеймѣ. Другой одежды, кромѣ той, что на немъ, я никогда не видала. Въ кабакѣ, въ трактирѣ никто не позволитъ себѣ подать ему

счетъ... «Нищій!»—говорите вы презрительно потому, что нищенство не въ вашихъ нравахъ... Да, нищій, какъ Гомеръ...

Она увлеклась и, чего добраго, готова была серьезно увлечься старымъ буршемъ. Чтобы перемѣнить разговоръ, я поставилъ вопросъ прямо:

— Что же сказать Жіану?

— Скажите, чтобы онъ... созрѣлъ. Я не хочу ни видѣть его. ни говорить съ нимъ; я могу не совладѣть съ собой, а этого не слѣдуетъ. Къ тому же мнѣ мать запретила слушать его объясненія и я обязана ей повиноваться. Она должна скоро придти за мной дѣлать прощальные визиты,—мы уѣзжаемъ совсѣмъ въ Боннъ, на ея родину. Скажите вашему другу, что я прошу его не приходить къ намъ до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлаетъ чего-нибудь для себя и для меня... Скажите, чтобы учился, работалъ, добивался и добился бы по крайней мѣрѣ... степени доктора философіи!

Въ эту минуту въ глубинѣ сада показалась фрау Пфенигъ въ желтой шляпкѣ и въ розовомъ платьѣ.

— Прощайте, мой лучшій другъ! — сказала Ленхенъ.—Пишите мнѣ, пишите о немъ...

Lebe wohl, lebe wohl, mein Freund!
Muss noch heute scheiden...

прибавила она взволнованнымъ голосомъ и очень серьезно поцѣловала меня. Я не имѣю претензіи придавать значеніе этому поцѣлую, а все-таки пріятно, очень пріятно поцѣловаться съ хорошенькою дѣвушкой. Я былъ въ крайне затруднительномъ положеніи, когда пришелъ Жіанъ: въ какой формѣ передать ему результатъ моего разговора съ Ленхенъ такъ, чтобъ его не разозлить, или не огорчить и, наконецъ, не возбудить его подозрѣнія въ томъ, что я хочу его провести и одурачить; какъ втолковать влюбленному, да еще итальянцу, разсужденія такого страннаго характера: «Она тебя любитъ, но пока не хочетъ любить,—маменька запретила,—а потому проситъ тебя поскорѣе убираться вонъ. Она уѣзжаетъ въ Боннъ, увозитъ съ собой твоего пріятеля, Ганса; тебѣ же дозволяется явиться туда съ однимъ условіемъ, если сдѣлаешься докторомъ философіи, а то и глазъ не показывай».

Все это плохо вязалось одно съ другимъ. Къ моему крайнему изумленію Жіанъ весело расхохотался, когда я передалъ ему рѣшеніе Ленхенъ.

— Докторомъ философіи! — воскликнулъ онъ. — Только-то?... Да это плевое дѣло! Вернемся въ Гейдельбергъ.

Я заплатилъ по счету, въ который, къ слову сказать, былъ вписанъ *Frühbier* тюбингенцевъ; должно-быть я угощалъ, да потомъ забылъ. Жіанъ пошелъ проститься съ Гансомъ, вскрывавшимъ въ это время курицу, попивая и покуривая.

— Другъ, — сказалъ итальянецъ, — я счастливѣйшій изъ смертныхъ и этимъ обязанъ тебѣ; я никогда не забуду, что ты спасъ мнѣ жизнь. Ленхенъ дала мнѣ слово съ условіемъ, чтобы я получилъ степень доктора философіи. Я добьюсь ея въ три мѣсяца и возвращаюсь въ Гейдельбергъ писать диссертацію... Не укажешь ли мнѣ темы?

— Надо подумать, — отвѣтилъ Гансъ и, продумавши двадцать пять минутъ, прибавилъ:

— Я затрудняюсь между двумя крайне важными вопросами: одинъ, чисто философскій — *о трансубстанціи по отношенію къ метампсихозу*. Но для тебя это непосильно,—ты слишкомъ невѣжественъ. Другой вопросъ, филологическій, очень простой и интересный: *о склоненіяхъ именъ существительныхъ въ языкѣ «oïl» пикардскаго нарѣчія*.

— О склоненіяхъ—такъ о склоненіяхъ,—сказалъ Жіанъ.

Мы вышли. Гансъ открылъ окно и крикнулъ:

— Въ особенности обратите вниманіе на типы флекцій...

— Непремѣнно, — отвѣтилъ итальянецъ и подпрыгнулъ козелкомъ.

Возвращеніе было необыкновенно веселое,—мы школьничали, какъ мальчишки. Въ Штутгартѣ на площади мы встрѣтили слѣпого арфиста, бравшаго увертюру «Оберона». День былъ праздничный, ясный; разряженныя толпы выходили изъ церкви. Жіанъ взялъ арфу у слѣпого музыканта и, мастерски акомпанируя себѣ, запѣлъ арію своей родины. Собравшійся народъ съ удовольствіемъ слушалъ прекрасную музыку и мягкій, ласкающій голосъ юноши; подаянія сыпались обильно. Проѣзжала карета съ королевскимъ гербомъ и пріостановилась позади толпы. Жіанъ смѣло подошелъ къ ней и протянулъ шляпу.

— Кто вы? — спросила красавица принцесса, удивленно глядя на молодого человѣка.

— Пока странствующій музыкантъ, принцесса, а черезъ три мѣсяца буду докторомъ философіи.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Политика Россіи и Пруссіи въ эпоху предшествовавшую первому раздѣлу Польши *).

«Проектъ графа Линара», подъ какovымъ названіемъ представленъ былъ Фридрихомъ Великимъ впервые точно и прямо формулированный планъ раздѣла Польши, встрѣченъ былъ въ Петербургѣ очень холодно. Пользуясь маскированной формой, усвоенною самимъ Фридрихомъ, тамъ сдѣлали видъ, что едва замѣтили, какъ курьезную фантазію досужаго старика, не имѣющую никакого политическаго значенія и потому не заслуживающую вниманія. Сольмсъ, хорошо знавшій расположеніе Панина, предупреждалъ объ этомъ своего короля. «Судя по тому, какъ я понимаю образъ мыслей этого министра,—писалъ онъ,—прежде даже, чѣмъ поговорить съ Панинымъ, я почти сомнѣваюсь въ успѣхѣ проекта гр. Линара. Во-первыхъ, принципъ, на которомъ въ настоящее время основана политическая система Россіи, противенъ тому, чтобы входить съ Австріей въ такіе переговоры, которые могли бы подать поводъ предполагать нѣкоторое взаимное довѣріе, возстановленіе котораго не желали бы видѣть приверженцы новой системы. Здѣсь можетъ-быть недостаточно повѣрятъ искренности вѣнскаго двора и подумаютъ, что если ему представить этотъ проектъ, то онъ воспользуется имъ лишь для того, чтобы бросить тѣнь на всѣ предшествующіе поступки императрицы, давъ имъ видъ предвзятаго намѣренія разграбить Польшу. Сверхъ того существованіе этой республики въ самомъ дѣлѣ, кажется, близко сердцу здѣшняго двора; по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ гр. Панинъ принялъ участіе въ дѣлахъ, онъ постоянно говоритъ объ этомъ одинаково. Онъ считаетъ Польшу государствомъ, способнымъ служить Россіи противъ Порты. И хотя, при настоящихъ обстоятельствахъ, на нее приходится смотрѣть скорѣе какъ на врага, онъ все же льститъ себя надеждой, что когда разсѣется весь этотъ хаосъ, ему удастся ввести ее въ систему своего двора. Въ этихъ видахъ онъ смотритъ также на дружбу республики какъ на вещь полез-

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

ную и для вашего величества, которою вы могли бы воспользоваться при войнѣ съ Австріей. Конечно, соединеніемъ интересовъ противныхъ другъ другу государствъ этотъ проектъ обѣщаетъ скорое и прочное окончаніе всѣхъ недоразумѣній, однако я все же не знаю, можетъ ли это одно дать ему значеніе. Здѣсь принято за правило, что завоеванія принесли Россіи вредъ, и это мнѣніе, усвоенное стариками, внушается и молодымъ, для передачи ими потомству. Какъ ваше величество могли замѣтить во многихъ случаяхъ, честолюбіе настоящаго правительства стремится къ тому, чтобы внушить довѣріе къ слову Россіи и пріучить Европу вѣрить безкорыстности ея принциповъ. Оно мнитъ себя на пути къ упроченію этой репутаціи и, изъ боязни потерять ее, не захочетъ перемѣнить ни принциповъ, ни поведенія своихъ. Наконецъ, можетъ-быть еще вообразятъ, пожалуй, что предлагаемое средство вмѣсто того, чтобы разомъ вывести изъ всѣхъ затрудненій, повлечетъ за собою такія, которыя нельзя и предвидѣть, а этого-то именно болѣе всего хотятъ избѣгнуть. Судя по внѣшности, здѣсь думаютъ, что война съ турками будетъ непродолжительна, что твердость въ дѣйствіяхъ вашего величества удержитъ австрійцевъ отъ вмѣшательства въ нее, что послѣ ея окончанія польскія дѣла безъ труда устроятся и что Швеція тогда почти нечего будетъ бояться. Императрица и ея министръ надѣются предаться затѣмъ своему любимому дѣлу, которое состоитъ въ томъ, чтобъ исключительно заняться внутренними дѣлами имперіи. Дайте себѣ трудъ, государь, припомнить слова гр. Панина, о которыхъ я въ свое время докладывалъ вамъ въ одномъ изъ донесеній. Это было послѣ окончанія послѣдняго конфедераціоннаго сейма въ Польшѣ. Онъ тогда думалъ, что этимъ все тамъ и кончится, и, разговаривая объ этомъ со мною, сказалъ мнѣ: теперь мы отдохнемъ и посмотримъ, что будутъ дѣлать другіе. Вотъ, государь, что я считалъ своей обязанностію, во исполненіе вашихъ приказаній, изложить передъ вами относительно проекта гр. Линара».

Еслибы все предыдущее не удостовѣряло насъ въ этомъ, одна эта депеша Сольмса показала бы съ достаточной ясностію, кто въ дѣйствительности былъ авторъ «проекта гр. Линара» и какъ мы были правы, говоря, что переписка Фридриха съ его послами очень часто предназначалась не столько для этихъ пословъ, сколько для дворовъ, при которыхъ они состояли, а подчасъ и для потомства. Личное мнѣніе Сольмса оказалось вполнѣ справедливо. Когда онъ, черезъ нѣсколько дней послѣ приведенной депеши, заговорилъ съ Панинымъ о проектѣ, по собственному его выраженію, «тщательно скрывъ отъ него настоящій источникъ, изъ котораго онъ это узналъ», то первое замѣчаніе Панина состояло въ томъ, что, по его мнѣнію, пріобрѣтеніе Спискаго староства несомнѣнно было бы очень удобно для Австріи, но онъ, Панинъ, не понимаетъ, какъ авторъ проекта могъ присоединить сюда и городъ Леопольдъ, который, находясь въ центрѣ Польши, слишкомъ далекъ отъ границъ Ав-

стріи и потому не можетъ быть удобенъ для нея. «Потомъ,—сообщаетъ Сольмсъ, — онъ замѣтилъ, что тремъ такимъ могущественнымъ державамъ (какъ Россія, Пруссія и Австрія) не стоитъ соединяться единственно для того, чтобы прогнать турокъ за Днѣстръ; что еслибы такой союзъ состоялся, то онъ долженъ бы былъ поставить себѣ цѣлію, по меньшей мѣрѣ, изгнаніе турокъ изъ Европы и изъ значительной части Азіи, что, по мнѣнію графа, совсѣмъ нетрудно сдѣлать». Эта ловкая диверсія въ сторону турокъ, хотя они, очевидно, лишь ради прозрачной маскировки прицѣплены были къ проекту, позволила Панину на нихъ однихъ сосредоточить все свое вниманіе, а поляковъ обойти, какъ бы почти не замѣтивши. Упирая на необходимость разрушенія Турецкой имперіи, Панинъ предложилъ, взамѣнъ Линаровскаго, свой проектъ союза трехъ державъ, цѣлію котораго должно было сдѣлаться именно изгнаніе турокъ. Характерно, что и въ этомъ фантастическомъ проектѣ, очевидно не серьезно предложенномъ, выразилось то же непониманіе настоящихъ національныхъ задачъ и жизненныхъ интересовъ Россіи, которое такъ долго тяготѣло надъ русскою политикой вообще и надъ ея восточною политикой въ частности. По мнѣнію Панина, высказанному имъ Сольмсу, главнымъ препятствіемъ къ образованію союза трехъ державъ служили зависть и соперничество берлинскаго и вѣнскаго дворовъ. Для устраненія этого соперничества необходимо прежде всего, чтобъ австрійскій домъ добровольно и искренно отрекся отъ всякихъ, нынѣ считаемыхъ имъ законными, притязаній на наслѣдство королевскаго и курфюрстскаго бранденбургскаго дома, чего можно легче и вѣрнѣе всего достигнуть, предоставивъ помянутому австрійскому дому—*завоевывать провинціи у Оттоманской имперіи*, изъ коихъ *Россія* и Пруссія должны *уступить ему столько, сколько онъ въ состояніи будетъ захватить съ помощію собственнаго оружія и оружія этихъ его двухъ союзниковъ*. Тогда австрійскій домъ найдетъ въ этихъ заевованіяхъ полное удовлетвореніе за потери, понесенныя имъ въ послѣднихъ войнахъ, и можетъ, въ замѣнъ того, забыть Силезію, а Фридрихъ II—упрочить ее за собой, взамѣнъ завоеванныхъ Австріею земель. «Берите у Турціи, т. е. на Балканскомъ полуостровѣ, что хотите и сколько можете, а мы вамъ помогать станемъ»: вотъ та блистательная комбинація, которая первая представилась уму русскаго министра, когда ему понадобилось устранить всякій поводъ къ разногласію между нѣмецкими державами! Средство безспорно хорошее и цѣлесообразное: событія нашихъ дней какъ нельзя убѣдительнѣе доказываютъ, до какой степени правъ былъ гр. Панинъ, считая австрійскія завоеванія на Балканскомъ полуостровѣ вѣрнѣйшимъ путемъ къ скрѣпленію союза между Пруссіей и Австріей. Но какъ могло такое средство придти въ голову русскому министру и возможное ли бы это было дѣло, еслибы тѣ, кто въ то время—да и въ послѣдующее—управляли судьбами Россіи, вѣрно понимали «законныя стремленія своего народа» и «на-

ціональныя задачи» своей страны?! Панинъ хотъ и не серьезно предлагалъ свой проектъ союза, все же не въ насмѣшку и даже не въ шутку высказывалъ мысль о возможности предоставить добрую половину Балканскаго полуострова въ пользу Австріи. Не эта ли самая мысль легла въ основу знаменитаго «греческаго проэкта», нѣсколько лѣтъ спустя измышленнаго Потемкинымъ? Не ясно ли, что русскіе государственные люди руководствовались въ своихъ дѣйствіяхъ побужденіями минуты, личными симпатіями и антипатіями, увлекались блескомъ славы, громомъ побѣдъ, могуществомъ власти и т. п., но политики, имѣющей опредѣленную цѣль и построенной по опредѣленному плану, не вели и о національныхъ задачахъ и законныхъ стремленіяхъ народа понятіе имѣли весьма смутное, если имѣли его вообще? Особенно рельефно замѣтно это на политикѣ той эпохи и тѣхъ лицъ, которыя составляютъ предметъ настоящей статьи. Можно сказать, что Екатерина и Панинъ все время дѣлали какъ разъ обратное тому, чего сами хотѣли и что ставили себѣ цѣлію, или идеаломъ. Обоимъ видимо улыбалась мысль разгромить и стереть съ карты Европы Турецкую имперію и оба понимали, что сдѣлать это Россіи одной невозможно и что сообщество Австріи при этомъ необходимо. И какъ же они поступали въ этихъ видахъ? Мы увидимъ ниже, что они третировали Австрію съ едва объяснимыми высокомѣріемъ и враждебностію, надменно отталкивали каждую ея попытку къ сближенію и каждое ея движеніе, сдѣланное въ этомъ направленіи, головой выдавали ее Фридриху, хотя знали очень хорошо, что Фридрихъ непремѣнно станетъ тутъ поперекъ дороги и что австрійское правительство именно отъ него старалось скрыть эти свои движенія. Оба они,—а Панинъ даже до самой послѣдней минуты,—не хотѣли дѣлить Польшу и тѣмъ не менѣе раздѣлили ее. Оба желали заняться внутренними дѣлами государства, сознавали настоятельную необходимость этого — и все время вели войны, съ каждымъ годомъ все менѣе посвящая вниманія внутреннимъ дѣламъ и все болѣе разоряя и безъ того сильно истощенный народъ. Словомъ, первоначальное желаніе ихъ было часто хорошо, но вспышки личнаго чувства и узко понимаемые ими интересы минуты всегда увлекали ихъ въ сторону и дѣлали орудіемъ въ рукахъ болѣе дальновидныхъ политиковъ. Имъ ли было, при этой стихійности дѣйствій, бороться съ Фридрихомъ Великимъ, съ этимъ человѣкомъ, который никогда не увлекался!... Интереснѣе всего, что они пытались иногда играть съ нимъ au plus fin, старались перехитрить его.

Въ дальнѣйшемъ развитіи своего страннаго проекта Панинъ высказалъ, что въ случаѣ еслибъ его доля показалась королю прусскому недостаточной, то пожалуй можно было бы прибавить къ ней польскую Пруссію и епископство Вармію. Еслибы такъ устроилось, можно было бы безъ труда положить конецъ существованію Турецкой имперіи, которая, къ позору Европы, держалась въ ней такъ долго единственно бла-

годаря взаимной зависти христіанскихъ государствъ. А Константинополь съ тѣми округами, которые державы-союзницы рѣшились бы оставить при немъ, могъ бы быть обращенъ въ республику и, вмѣсто того, чтобы быть, какъ нынѣ, резиденціей султана-императора, сдѣлаться мѣстопребываніемъ республиканскаго правительства *). Даже пруссакъ Сольмсъ пораженъ былъ чрезмѣрнымъ безкорыстіемъ щедраго русскаго министра и замѣтилъ ему, что въ своемъ дѣлежѣ онъ забылъ оставить часть на долю своей имперіи. На это Панинъ отвѣчалъ, что Россія ничего не желаетъ для себя; нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстностей на отдаленныхъ границахъ—вотъ все, на что она въ крайнемъ случаѣ будетъ претендовать, а завоеваній ей не нужно,—у нея и безъ того больше земель, чѣмъ со сколькими она можетъ управиться. Всѣ эти рѣчи весьма понравились Сольмсу, который вывелъ изъ нихъ то заключеніе, что «въ этомъ государствѣ (т. е. въ Россіи) не господствуетъ духъ завоеванія, что дѣлаетъ союзъ съ нимъ предпочтительнымъ передъ союзомъ съ другими державами, интересы коихъ преимущественно требуютъ расширенія и увеличенія владѣній»; но можно себѣ представить, какъ хохоталъ Фридрихъ, читая его курьезное донесеніе... Послѣ этого перваго разговора о «проектѣ гр. Линара» не было больше рѣчи. Пруссаки о немъ не заговаривали, а русскіе и подавно не напоминали объ этомъ. За то на взаимныя отношенія ихъ онъ повидимому не остался безъ вліянія и на время поохладилъ рвеніе если не всего русскаго двора, то по крайней мѣрѣ Панина къ прусскимъ интересамъ. Около этого же времени стали опять доходить до него стороною слухи о маневрахъ прусскихъ агентовъ въ Польшѣ и объ интригахъ ихъ среди тамошнихъ конфедератовъ. На этотъ разъ Панинъ счелъ нужнымъ упомянуть объ этихъ слухахъ Сольмсу, разумѣется, увѣривъ его, что ни самъ онъ, ни императрица не довѣряютъ имъ нисколько, но однако же намекнулъ весьма ясно, что его государю легко было бы фактически доказать несправедливость этой клеветы, заняв своими войсками польскую Пруссію, или княжество Познанское въ случаѣ, еслибы конфедераты приблизились къ прусской границѣ. Фридрихъ II n'entendoit pas de cette oreille-là, и даже Сольмсъ сдѣлалъ видъ, что отвѣчать на обвиненіе считаетъ ниже своего достоинства, а

*) Еще одна характерная подробность, которую нельзя не отмѣтить мимоходомъ: Екатерина, повидимому, очень любила республиканскую форму правленія.... у сосѣдей. Въ депешахъ Сольмса есть указаніе, что она желала одно время ввести республику въ Швеціи, о чемъ и дѣлала предложеніе Фридриху. Извѣстно, что она очень старательно оберегала республику въ Польшѣ и республиканскія начала у татаръ; наконецъ, Панинъ мечталъ учредить республику на Босфорѣ. Кажется, предоставь имъ судьба полную свободу дѣйствій, они вездѣ вокругъ Россіи поустроивали бы республики,—конечно, съ тѣмъ условіемъ, чтобы сама Россія, а также и Пруссія оставались монархіями, и, великодушно гарантируя сосѣдямъ ихъ свободныя учрежденія, пользовались на этомъ основаніи правомъ всегдашняго вмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла.

намека не понялъ (что, конечно, не помѣшало ему подробнѣйшимъ образомъ донести обо всемъ своему повелителю). Но недѣли черезъ двѣ послѣ этихъ откровенныхъ сообщеній Панина Сольмсъ, по нарочитому приказу Фридриха и отъ его имени, сообщилъ ему въ свою очередь, притомъ для передачи самой императрицѣ, будто посланникъ его въ Парижѣ, бар. Гольцъ, извѣщаетъ его, что торговый трактатъ, о которомъ порядочно давно уже шли переговоры у Пруссіи съ Франціей, былъ лишь ширмой, за которой скрывались иныя цѣли. Именно гр. Шуазель забавлялъ его этими переговорами лишь для того, чтобы подъ прикрытіемъ торговаго трактата заключить политическій договоръ, по которому Пруссія обязывалась бы помогать Швеціи противъ Россіи, въ вознагражденіе за что Франція уступала ей польскую Пруссію. Къ этому сообщенію прибавлялось другое: будто Фридрихъ, возмущенный этими стараніями коварнаго француза поссорить его съ его лучшимъ и единственнымъ другомъ, императрицей всероссійской, приказалъ бар. Гольцу прервать рѣшительно всякіе переговоры, сказаться больнымъ и просить отпуска. На его мѣсто онъ, Фридрихъ, не назначитъ никого, а сдѣлаетъ своимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ датскаго посланника, котораго рекомендуетъ для этой цѣли и русскому двору. Была ли хоть доля истины въ этомъ сообщеніи, или нѣтъ, вопросъ въ данномъ случаѣ безразличный, но оно несомнѣнно было разомъ въ три цѣли: во-первыхъ, оно подрывало значеніе упомянутыхъ опасныхъ для Фридриховой политики слуховъ (которые, нужно замѣтить, дошли до Панина именно изъ Франціи) и выставляло въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ самоотверженную дружбу Фридриха къ Россіи; во-вторыхъ, ловко поддерживало и безъ того существовавшую въ Петербургѣ боязнь, что Швеція, подстрекаемая Франціей, объявитъ войну Россіи, что, само собою разумѣется, дѣлало для этой послѣдней особенно необходимымъ тѣсный союзъ съ Пруссіей, которая одна могла въ этомъ случаѣ оказать ей дѣятельную помощь; въ-третьихъ, наконецъ, безъ назойливости, какъ бы невзначай, но внушительно инсинуировало русскому двору, что нужную ей часть Польши Пруссія и безъ него можетъ получить, такъ что онъ не очень полагался бы на свое исключительное могущество въ этомъ дѣлѣ. По отношенію къ первымъ двумъ пунктамъ Фридриху не трудно было достичь своей цѣли. Швеція, какъ уже сказано, въ Петербургѣ и безъ того боялись и до того надоѣли этой боязнью Фридриху, что онъ самъ писалъ графу Сольмсу: «Не могу перестать удивляться тому вниманію, съ которымъ въ Россіи слѣдятъ за Швеціей. Ну, хорошо, допустимъ, что французская партія одержитъ тамъ верхъ, что же изъ этого слѣдуетъ? Развѣ Швеція въ состояніи когда-либо вести войну противъ Россіи, если я и Данія воспротивимся этому?...» Что касается до Франціи, то личное нерасположеніе къ ней Екатерины и Панина было такъ велико, что они готовы были подозрѣвать ее во всемъ дурномъ и охотно повѣрили бы самымъ невѣроятнымъ слухамъ, а въ

данномъ случаѣ и невѣроятнаго ничего не было. Но по отношенію къ Польшѣ эффектъ далеко не соотвѣтствовалъ намѣренію. Какъ ни внушителенъ былъ памекъ, его въ Петербургѣ понять не захотѣли и, несмотря на неудовлетворительность—въ русскомъ смыслѣ—польскихъ дѣлъ, отнеслись къ нимъ противъ обыкновенія сдержанно. Панинъ разсказывалъ Сольмсу о неистовствахъ конфедератовъ, высказывалъ неудовольствіе на дѣйствія короля и подозрѣнія свои, что имъ руководятъ Чарторыжскіе, но тутъ же прибавлялъ, что все это надо отложить до окончанія войны съ Турціей и тогда съ Польшей можно будетъ устроиться легко и хорошо.

Вмѣстѣ съ тѣмъ не двигалось и дѣло заключенія новаго союзнаго договора съ Пруссіей, о которомъ Фридрихъ опять сталъ было усиленно хлопотать. Война съ Турціей, которая въ началѣ велась вяло и не особенно счастливо со стороны Россіи, естественно внушила ему мысль, что такъ какъ онъ теперь болѣе нежели когда-либо нуженъ Россіи, то она согласится на всякія условія, и опъ, нѣсколько ранѣе проекта гр. Линара, прислалъ русскому двору проектъ союзнаго договора, одну изъ главныхъ частей котораго составляло вознагражденіе Фридриха насчетъ Польши. Съ этимъ договоромъ Панинъ возился почти годъ, откладывая объясненіе о немъ съ недѣли на недѣлю и со дня на день. Онъ вообще отличался необыкновенной медлительностію, на которую болѣе или менѣе сѣтовали и жаловались всѣ иностранные послы, но на этотъ разъ даже для него медлительность была необыкновенна. На время у него нашелся удобный предлогъ, которымъ онъ не преминулъ воспользоваться. Фридрихъ предположилъ включить въ договоръ новую статью, по которой Россія гарантировала бы ему неприкосновенность владѣній бранденбургскаго дома во Франконіи. Эта статья, будучи довольно серьезной, требовала, разумѣется, обсужденія въ совѣтѣ императрицы, и Панинъ такимъ образомъ могъ оттовариваться этимъ совѣтомъ. Въ числѣ этихъ оттоворокъ одна была чрезвычайно характеристична для частныхъ придворныхъ отношеній того времени. Именно Панинъ сообщалъ Сольмсу, что въ замедленіяхъ виноватъ главнымъ образомъ гр. Г. А. Орловъ, присутствіе котораго въ совѣтѣ чрезвычайно непріятно другимъ членамъ, такъ какъ онъ считаетъ себя въ правѣ говорить, что ему вздумается, и часто высказывать весьма смѣлыя мнѣнія, которыя другіе не могутъ позволить себѣ оспаривать иначе, какъ съ величайшей осторожностію. Подобныхъ оттоворокъ Панинъ находилъ множество, но, наконецъ, и ихъ не хватило, и пришлось ограничиваться одними простыми извиненіями; а такъ какъ эти извиненія повторялись чуть не ежедневно, то натурально, что и они перестали удовлетворять тѣхъ, къ кому обращались. Фридрихъ терялъ всякое терпѣніе, и замѣчанія его по этому поводу, безъ которыхъ не обходится почти ни одна депеша въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, принимали часто довольно рѣзкій характеръ. «Полнѣйшее молчаніе, сохраняе-

мое вами и въ послѣдней депешѣ вашей,—писалъ онъ Сольмсу въ концѣ апрѣля 1769 г.,—насчетъ контръ-проекта о возобновленіи моего союза съ тѣмъ дворомъ, при которомъ вы состоите, крайне удивляетъ меня. Несмотря на обычную медлительность гр. Панина въ своихъ дѣйствіяхъ, я все же ничего не понимаю въ постоянныхъ отсрочкахъ, къ которымъ онъ прибѣгаетъ, чтобы не вручить вамъ этого контръ-проекта, и того старанія, съ которымъ онъ отклоняетъ разговоръ съ вами объ этомъ. Все это кажется мнѣ непостижимымъ послѣ тѣхъ обѣщаній, которыя императрица дала мнѣ въ собственноручномъ письмѣ своемъ, гдѣ увѣряла, что она желаетъ возможно скорѣе устроить это дѣло; а сообразивъ, что прошло уже болѣе трехъ мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ я велѣлъ вручить мой проектъ договора, не могу не подозрѣвать, что тутъ кроются какія-нибудь секретныя препятствія, которыя не позволяютъ гр. Панину вручить вамъ контръ-проектъ. Если еще будутъ откладывать это дѣло, я потеряю терпѣніе. Поэтому еще разъ приказываю вамъ, сдѣлайте все возможное, чтобы принудить гр. Панина положить конецъ всѣмъ этимъ отсрочкамъ...»

Панина, который, какъ неоднократно замѣчено уже, чувствовалъ къ Фридриху благоговѣйное поклоненіе,—Панина этотъ рѣзкій тонъ его идола приводилъ въ отчаяніе. Повидимому его огорчало болѣе всего то, что Фридрихъ какъ бы лично его, Панина, считалъ единственною причиной промедленій и его обвинялъ за нихъ. Онъ разсыпался въ почти страстныхъ увѣреніяхъ, что все это ничего не значитъ, что его величеству нечего безпокоиться, что союзъ съ нимъ составляетъ, внѣ всякого сомнѣнія, искреннѣйшее желаніе Россіи и будетъ заключенъ непремѣнно, что даже новая статья о гарантіи франконскихъ земель ни въ какомъ случаѣ не помѣшаетъ этому, ибо и императрица, и все ея министерство рѣшили уже, что хотя гарантія эта и можетъ современемъ стать причиною серьезныхъ затрудненій, но что все-таки нельзя колебаться въ выборѣ между рискомъ отдаленной войны и потерей дружбы такой необходимой и полезной для императрицы и ея государства державы, какъ Пруссія, и вообще его величество не долженъ имѣть никакого сомнѣнія насчетъ возобновленія союза, но считалъ бы это дѣло окончательно сдѣланнымъ и ратификованнымъ во всемъ, что касается всѣхъ статей прежняго договора. Вотъ тутъ-то именно и была закорючка: *«всѣ статьи прежняго договора...»* Что эти-то статьи будутъ возобновлены, подписаны и ратификованы хоть завтра же, хоть сейчасъ, это Фридрихъ зналъ, какъ нельзя лучше; но его именно интересовали не прежнія, а новыя статьи,—тѣ статьи, которыя дали бы ему право и возможность потребовать отъ Россіи исполненія «проекта гр. Линара» въ его пользу. И Панинъ это зналъ, конечно, потому что и его, точно также какъ и Екатерину, вѣроятно, — хотя ее и въ гораздо меньшей степени, — смущали эти самыя новыя статьи. Привычка къ дипломатической уклончивости, кото-

рую онъ считалъ весьма тонкой политикой, не позволяла ему высказаться яснѣе на этотъ счетъ, честность же не допускала до прямой лжи, и такимъ образомъ время проходило въ пустыхъ проволочкахъ, не приносившихъ ровно никакой пользы и, наоборотъ, до извѣстной степени приносившихъ вредъ,—тотъ самый вредъ, который всегда получается, когда въ политикѣ нѣтъ ни логики, ни послѣдовательности, или, выражаясь прямѣе, когда здравая политика совсѣмъ отсутствуетъ. Если требованія Фридриха казались чрезвычайными,—а они несомнѣнно такими и были,—если старались избѣжать необходимости удовлетворить ихъ вполнѣ, то для этого было одно средство: добрыя отношенія съ другими сосѣдями—если не со всѣми, то хоть съ нѣкоторыми—и формальный союзъ по крайней мѣрѣ съ одной державой въ Европѣ. Но разъ Россія стояла безусловно изолированной, разъ ее умудрились поставить въ такое положеніе, что въ какую бы сторону она ни оглянулась вокругъ себя, вездѣ она встрѣчала враговъ или недруговъ и только и свѣту въ окнѣ было для нея, что Фридрихъ съ своей Пруссіей, и это въ военное время, когда Россіи приходилось разоряться на содержаніе огромныхъ для той эпохи арміи и сражаться съ поляками, съ турками, съ татарами, да вдобавокъ еще неусыпно наблюдать за австрійцами и за шведами,—разъ дано такое положеніе, хитрить и лавировать съ единственнымъ союзникомъ не приходилось. Надо было дѣйствовать на чистоту, или если хитрить, такъ хитрить разумно, во всемъ и до конца: такъ же кокетничать съ другими, какъ дѣлалъ это Фридрихъ, такъ же создавать ему самому разныя затрудненія, которыя вынуждали бы его не ради однѣхъ будущихъ выгодъ, но и ради настоящихъ опасностей, волей-неволей дорожить Россіей, какъ единственной опорой своей. Но прежде и главнѣе всего не слѣдовало посвящать его во всѣ малѣйшія тайны своихъ дипломатическихъ сношеній, своихъ намѣреній и плановъ. Надо было сохранять извѣстный престижъ, имѣть, по крайней мѣрѣ, видъ самостоятельности и полной свободы дѣйствій. Вотъ тогда съ нимъ можно было бы торговаться, получить больше и заплатить меньше. Екатерина и Панинъ между тѣмъ дѣйствовали какъ разъ наоборотъ. Они, такъ сказать, добровольно ставили себя въ положеніе людей, прижатыхъ къ стѣнѣ и несмѣющихъ шевельнуться ни вправо, ни влѣво, а Фридриху, напротивъ, облегчали каждый шагъ и старались обезпечить возможно большую свободу движеній. Онъ отъ нихъ все скрывалъ, а они съ нимъ откровенничали до смѣшного; онъ большею частію отвѣчалъ или молчаніемъ, или отказомъ на категорическія просьбы ихъ, они въ точности исполняли каждый его совѣтъ даже тогда, когда этотъ совѣтъ подавался имъ непрошеннымъ и съ очевидно корыстною цѣлью. Онъ тщательно устранялъ отъ нихъ даже отдѣльныхъ лицъ, вліяніе которыхъ могло хоть въ малѣйшей степени дѣйствовать не согласно съ его, Фридриха, желаніями; они ни на іоту не измѣняли своего отношенія къ нему даже и тогда, когда фактически

убѣждались въ его интригахъ, направленныхъ прямо къ вреду Россіи. И не то чтобы они политическаго разсчета ради дѣлали видъ, будто не замѣчаютъ этихъ интригъ, нарочно закрывали глаза, чтобы не поссориться, чего добраго, съ единственнымъ союзникомъ своимъ,—нѣтъ, они въ самомъ дѣлѣ не видѣли и не понимали ихъ, не обращали на нихъ вниманія, потому что иначе, конечно, не стали бы тутъ же, по поводу тѣхъ затрудненій, въ которыя эти самыя интриги ставили ихъ и Россію, просить его помощи и его совѣтовъ и неизмѣнно исполнять эти послѣдніе, опять-таки какъ бы не замѣчая, что они ихъ болѣе запутываютъ. Повторяемъ, возможно ли было торговаться при этихъ условіяхъ? Не значило ли это вынуждать своего союзника къ усиленію тѣхъ интригъ, которыми онъ, опасаясь возраставшаго могущества Россіи, и безъ того старательно окружалъ Россію? Екатерина видимо сильно разсчитывала на это возраставшее могущество. Повидимому, она именно потому и медлила возобновленіемъ договора со включеніемъ въ него новыхъ условій, что ждала результатовъ предпринятой войны съ Турціей, чтобы потомъ, во всеоружіи побѣдъ и силы, самой предписать условія, какія ей угодно будемъ даровать. Побѣды нѣсколько медлили своимъ появленіемъ: начало кампаніи, веденной плохо и неумѣло, далеко не было блестяще. Но естественное самолюбіе Екатерины, точно также какъ и знаніе настоящихъ силъ Россіи не позволяли ей считать такой результатъ окончательнымъ. Она говорила и имѣла право говорить, что въ состояніи сдѣлать русская армія, что «покажетъ всему свѣту, что Россію оскорблять безнаказанно нельзя», а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлала неимовѣрныя усилія къ продолженію кампаніи. Послѣдующее теченіе войны не замедлило доказать, что она была права, полагаясь на мощь Россіи, такъ что съ виду ея разсчетъ въ дѣлѣ договора съ Пруссіей можетъ казаться и вѣрнымъ, и политичнымъ. Только одно она забывала при этомъ, именно, что торжествующій побѣдитель, въ концѣ хотя и побѣдоносной, но трудной и дорого стоющей войны, которая порядкомъ истощила его силы, можетъ оказаться вынужденнымъ пожертвовать большею частью плодовъ своихъ побѣдъ, если, чтобы лишить его ихъ, передъ нимъ возстанутъ новые враги, относительно и слабые пожалуй, но имѣющіе то преимущество, что ихъ маленькія силы свѣжи и бодры, тогда какъ побѣдитель истощенъ. Фридрихъ этого существеннаго обстоятельства изъ виду не упускалъ, и чѣмъ больше русскій дворъ высказывалъ скрываемыхъ, но для него ясныхъ и понятныхъ поползновеній обойти его, тѣмъ дѣятельнѣе онъ подготовлялъ для будущаго такія обстоятельства, при которыхъ эти поползновенія не могли привести къ цѣли.

Дѣятельность эта сосредоточивалась, разумѣется, въ Варшавѣ и въ Вѣнѣ. Въ первой дѣла, которыя начали было поправляться, въ смыслѣ появленія нѣкоторыхъ признаковъ утомленія, если не умиротворенія, пошли опять очень плохо для русской партіи. Конфедераты дѣйствовали

съ удвоенной энергіей, и положеніе несчастнаго Понятовскаго, противъ котораго всѣ интриговали, на котораго всѣ нападали, становилось день ото дня хуже. Ставленникъ русской императрицы, онъ былъ за это ненавидимъ во всей странѣ, а тѣ немногіе, которые понимали, что плетью обуха не перешибешь и противъ рожна прать невозможно, и, понимая это, не обвиняли Понятовскаго и держали его сторону, какъ единственнаго человѣка, который все-таки могъ представить хоть какой-нибудь залогъ будущаго, — эти немногіе ничего не могли сдѣлать. И невозможность эта обусловливалась главнымъ образомъ неопредѣленностію требованій Россіи, полной неизвѣстностію, чего именно она хочетъ. Въ этомъ отношеніи «переписка», которой мы пользуемся, какъ матеріаломъ, свидѣтельствуетъ о замѣчательной непослѣдовательности и—скажемъ—странности русской политики. Даже Сольмсъ, котораго ужь никакъ нельзя заподозрить ни въ пристрастіи къ полякамъ вообще, ни въ дружескомъ расположеніи къ Понятовскому лично,—даже Сольмсъ нѣсколько разъ выражаетъ изумленіе и, правда, весьма сдержанное, но все же неодобреніе странному образу дѣйствій русскаго двора относительно польскаго короля, которымъ постоянно были недовольны, но которому въ то же время съ одной стороны не говорили, что именно онъ долженъ дѣлать, чтобы заслужить удовольствіе, съ другой—въ тѣ рѣдкіе разы, когда удостоивали объясниться, предъявляли требованія, рѣшительно ни съ чѣмъ несообразныя. Слѣдуя принятому нами правилу, мы приведемъ почти цѣликомъ относящіяся къ этому вопросу депеши Сольмса, тѣмъ болѣе, что въ нихъ въ самомъ дѣлѣ, какъ въ хорошемъ зеркалѣ, отражаются всѣ малѣйшія черты и изгибы русской политики, а также и личныхъ отношеній, такъ существенно вліявшихъ на нее:

«10 ноября 1769 г. Графъ Панинъ очень сожалѣетъ объ образѣ дѣйствій польскаго короля. *Ненависть многихъ лицъ въ Россіи къ графу Понятовскому и зависть, которую они питаютъ къ его случайному счастію* *), а тѣмъ болѣе расположеніе, которое многіе другіе имѣютъ къ саксонскому принцу, все это вмѣстѣ заставляетъ людей порицать поступки короля и выставлять его неблагодарнымъ и вѣроломнымъ въ отношеніи къ Россіи. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ на престолъ, уже третій разъ случается, что онъ, выпросивъ у императрицы своими жалобами значительныя денежныя суммы, употребляетъ ихъ на поддержку предпріятій, направленныхъ прямо противъ интересовъ Россіи». (Предпрі-

*) Изъ другихъ депешъ того же Сольмса, помѣщенныхъ въ № 22 *Сборника Историческаго Общества* и относящихся къ эпохѣ отъ 1763 до 1767 г., видно, что завистниками Понятовскаго были, главнымъ образомъ, Орловы и ихъ партія, опасавшіеся повидимому (о чемъ и ходили слухи въ Европѣ), какъ бы Екатеринѣ не вздумалось подготовить разрѣшеніе польскаго вопроса, или, какъ тогда выражались, „умпротвореніе Польши“ путемъ брака своего съ Понятовскимъ.

ятія эти заключались главнымъ образомъ въ стараніяхъ закономъ отмѣнить liberum veto и усилить королевскую власть, то-есть въ томъ, что Россія прежде и притомъ неоднократно сама поощряла и только подъ усиленнымъ вліяніемъ Фридриха стала считать противнымъ своимъ интересамъ.) «Графъ Панинъ признается, что только мысль о новыхъ затрудненіяхъ, какія могутъ возникнуть для императрицы и ея союзниковъ, даетъ ему силу противустоять всѣмъ этимъ частнымъ интригамъ и навѣтамъ и стараться успокоить духъ императрицы; но даже и онъ не въ состояніи будетъ, наконецъ, защищать такое плохое дѣло. Онъ только-что написалъ королю (польскому) два, прилагаемыя при семъ въ копіи, письма, которыя онъ далъ мнѣ для сообщенія ихъ вашему величеству. Изъ нихъ второе, написанное отъ его собственнаго имени, адресовано оберъ-камергеру, брату короля, котораго онъ считаетъ самымъ благонамѣреннымъ человѣкомъ изъ всего королевскаго семейства, съ просьбою показать это письмо королю, но одному, безъ свидѣтелей. Цѣль этихъ писемъ состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать послѣднюю попытку подѣйствовать на умъ этого государя и открыть ему глаза на ту пропасть, въ которую онъ готовъ упасть. Что касается меня, если ваше величество позволите мнѣ высказать свое мнѣніе насчетъ этихъ писемъ, я нахожу, что они написаны очень сильно и способны произвести большое впечатлѣніе на его польское величество. *Но такъ какъ письма эти только угрожаютъ, а не говорятъ прямо этому государю, что именно отъ него требуется,* и такъ какъ, съ другой стороны, *гр. Панинъ настолько добръ, что огорчается промахами короля* и приписываетъ ихъ скорѣе недостатку разсудительности и слабости его къ дядямъ, чѣмъ злонамѣренности души его, то я счелъ нужнымъ снова настоятельно посовѣтовать гр. Панину послать отъ своего имени кого-нибудь, кто представилъ бы польскому королю точную и вѣрную картину русскаго двора и въ то же время подалъ бы ему нѣсколько добрыхъ дружескихъ совѣтовъ. *Министръ* не отвергаетъ этого предложенія, какъ негоднаго, но *колеблется однако принять его. Онъ думаетъ*, что это будетъ безплодная *попытка, могущая скомпрометировать его* въ случаѣ неудачи. *Онъ проситъ*, по причинѣ, которую я уже изложилъ вамъ въ своемъ донесеніи, отъ 24 октября (этого донесенія въ *Сборникѣ* не имѣется), *чтобы ваше величество приняли на себя роль руководителя и друга польскаго короля.* Требуется отъ него слѣдующее: если по своей застѣнчивости, или вслѣдствіе увѣренности, что потеряетъ, какъ говоритъ, друзей и кредитъ въ своей странѣ, онъ не въ состояніи самъ вести дѣла своего государства, то чтобъ онъ, въ такомъ случаѣ, добровольно отказался отъ всякаго вмѣшательства въ нихъ и съ полнымъ довѣріемъ подчинился бы руководству русскаго посла; пусть самъ не предпринимаетъ и не дѣлаетъ ничего, что можетъ препятствовать дѣйствіямъ посла, а предоставитъ этому послѣднему дѣлать его королевскимъ именемъ все, что онъ найдетъ

необходимымъ для возстановленія спокойствія въ Польшѣ и для сохраненія самого его на престолѣ. Но прежде всего онъ долженъ бросить своихъ дядей и всѣхъ ихъ приверженцевъ и отказаться принимать отъ нихъ какіе-либо совѣты, которые они вздумали бы ему давать».

Думаемъ, никто ни обвинитъ насъ ни въ пристрастіи, ни въ преувеличеніи, если мы позволимъ себѣ высказать мнѣніе, что государственнаго человѣка болѣе *наивнаго*, чѣмъ какимъ является гр. Н. И. Панинъ въ этой депешѣ, мудрено и представить себѣ. Государю, приславшему «проектъ гр. Линара», предлагать сдѣлаться другомъ и руководителемъ польскаго короля!.. Монарху, котораго со всѣхъ сторонъ уличали въ тайной поддержкѣ враждебныхъ Россіи партій въ Польшѣ и который самъ систематически интриговалъ и отстранялъ отъ дѣлъ всѣхъ русскихъ людей, пытавшихся дѣйствовать въ Варшавѣ, или вообще по отношенію къ полякамъ самостоятельно,—этому монарху (или послу его, что сводится на одно) разсказывать, что отъ польскаго короля требуется собственно одно: фактически отказаться даже и отъ призрака власти и безпрекословно повиноваться русскому послу, который будетъ управлять Польшей!... И это когда же?—Въ то время, когда русскій дворъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ показалъ пріемомъ, сдѣланнымъ проекту гр. Линара, что раздѣла Польши онъ не желаетъ. Не значило ли это прямо говорить: я не хочу дѣлить, я хочу все себѣ забрать? Екатерина, положимъ, говорила совсѣмъ инымъ языкомъ, а такъ какъ всему свѣту извѣстно было, что она сама и единолично правитъ внѣшней политикой, то можетъ показаться, что панинская политика ничего не значила. Но вѣдь это представляется только съ виду, а въ дѣйствительности «править единолично» ничѣмъ и никогда нельзя. Это—утопія, которой можно только обольщать себя, а исполнить на дѣлѣ невозможно. Даже въ маленькомъ хозяйствѣ одной семьи самый самовластный хозяинъ только воображаетъ себѣ, будто онъ всегда распоряжается по-своему, а въ сущности неопредѣленно поддается вліянію окружающихъ людей и условій; насколько же труднѣе единоличное управленіе въ разнообразномъ и сложномъ дѣлѣ политики великой имперіи! Но допустивъ даже, что Екатерина II составляла единственное въ мірѣ исключеніе (хотя этого далеко не было), то и въ такомъ случаѣ неумѣстная откровенность Панина не могла не причинять вреда, потому что этою своею откровенностью министръ, можетъ-быть самъ того не подозрѣвая и навѣрное не желая, выдавалъ Фридриху тайныя цѣли русской политики. Конечно, Фридрихъ могъ и самъ о нихъ догадываться: цѣли были достаточно ясны, а средства достиженія недостаточно искусны, чтобы такой геніальный человѣкъ, какъ Фридрихъ, сохранялъ насчетъ ихъ иллюзіи. Но все же одно дѣло—догадываться, другое—знать и дѣйствовать навѣрняка. Притомъ помянутая откровенность не всегда была извѣстна Екатеринѣ, потому что иногда сообщались такія вещи, которыя очевидно даже и не могли быть

повторены ей. Такъ, доведенный до отчаянія дѣйствительно невыносимымъ положеніемъ, которое было ему создано, Понятовскій обратился съ письмомъ лично къ Екатеринѣ, разсчитывая, повидимому, въ память прежняго расположенія возбудить въ ней хоть каплю сочувствія и жалости къ себѣ. Онъ умолялъ ее высказать ему свои желанія, но высказать самой и такъ, чтобъ онъ и его народъ видѣли, что это дѣйствительно ея желанія, ея воля, а не произвольныя распоряженія разныхъ генераловъ и посланниковъ, дѣйствующихъ безъ ея вѣдома. Но разскажемъ объ этомъ опять-такими словами Сольмса: «16 марта 1770 г.... Я имѣлъ честь увѣдомить ваше величество, что польскій король прислалъ письмо ея величеству императрицѣ Россіи. *Послѣ того я видѣлъ какъ самое письмо, такъ и отвѣтъ на него. Гр. Панинъ далъ мнѣ прочесть и то и другое, чѣмъ оказалъ большую любезность и довѣріе.* Король говоритъ въ довольно сильныхъ выраженіяхъ о несчастіяхъ своего отечества и о крайности, до которой доведенъ онъ самъ, такъ что долженъ отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ. Онъ приписываетъ всѣ эти бѣдствія долгому пребыванію войскъ въ его королевствѣ, постояннымъ переходамъ ихъ черезъ государство, постояннымъ реквизиціямъ съ крестьянъ провіанта, за который имъ почти никогда не платятъ, и, наконецъ, чрезвычайнымъ насиліямъ, учиняемымъ войсками. Въ заключеніе король пишетъ, что императрица должна, немедленно должна, послать приказанія своимъ генераламъ, дабы запретить имъ увеличивать еще всѣ эти бѣдствія народа. Послѣ этого вступленія король умоляетъ императрицу быть съ нимъ также искренной и высказать ему, чего она хочетъ, что бы онъ сдѣлалъ для общаго умиротворенія, и чего она требуетъ отъ его народа. Но онъ проситъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ она выразила свои желанія какимъ-нибудь такимъ образомъ, чтобы польскій народъ могъ быть совершенно увѣренъ, что желанія эти исходятъ именно и прямо отъ нея, и чтобы, вслѣдствіе этого, онъ могъ повѣрить имъ, не боясь, что его хотятъ обманывать несбыточными мечтами и ложными обѣщаніями, которыя не будутъ выполнены, какъ это случилось во время радомской конфедераціи, когда насиліями заставили народъ дѣйствовать противъ ея намѣреній, что внушило народу такое недовѣріе, которое онъ, король, не въ состояніи теперь уничтожить въ немъ. Письмо свое онъ оканчиваетъ совѣтомъ допустить къ посредничеству и къ гарантіи умиротворенія католическія державы, такъ какъ это—единственное средство возбудить въ народѣ довѣріе...»

Нужно замѣтить, что это письмо Понятовскаго было возвѣщено въ Петербургѣ гораздо раньше прибытія его туда. Фридрихъ, черезъ своихъ агентовъ, провѣдалъ о намѣреніи польскаго короля послать довѣренное лицо съ письмомъ къ самой императрицѣ еще прежде, чѣмъ этотъ посланный отправился въ путь, и заранѣе приказалъ Сольмсу предупредить Панина и бдительно слѣдить какъ за самимъ посланнымъ Понятов-

скаго, такъ и за тѣмъ, какъ его примутъ, что будутъ ему говорить и проч. Сольмсъ, который, какъ мы видѣли, въ совершенствѣ знакомъ былъ со всѣми отношеніями русскаго двора, конечно, не упустилъ случая, кромѣ Панина, предупредить и другихъ, кого слѣдовало, о готовящейся попыткѣ гр. Понятовскаго возобновить непосредственныя сношенія съ Екатериной, и тѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, приняли мѣры, чтобы заранѣе эту попытку дискредитировать. Времени для этого у нихъ было достаточно, да и въ помощи недостатка не было, ибо Фридрихъ съ своей стороны тоже подготовилъ почву, давъ понять Екатеринѣ, что будто Чарторыжскіе замышляютъ какъ-то обойти ее, настроивъ съ этою цѣлью Понятовскаго обратиться прямо къ ней. Совокупность всѣхъ этихъ усилій сдѣлала то, что когда несчастное письмо Понятовскаго пришло, наконецъ, Екатерина немедленно показала его Панину и ему же поручила составить отвѣтъ. А онъ исполнилъ это порученіе слѣдующимъ образомъ: «Императрица въ своемъ отвѣтѣ,—продолжаетъ вышеприведенное донесеніе Сольмсъ,—ограничивается только общими выраженіями. Она увѣряетъ его, что лучшаго ничего и не желаетъ, какъ свободы Польши, и говоритъ, что для этого вовсе не для чего обращаться къ содѣйствію какого-либо католическаго или иного двора, а совершенно достаточно соединенныхъ усилій Россіи и Польши; но случиться это можетъ лишь тогда, когда король перестанетъ слушать дурные совѣты, а будетъ слѣдовать лишь ея, императрицы, совѣтамъ и когда отдалитъ отъ себя тѣхъ людей, которые въ настоящихъ смутахъ видятъ для себя удобный случай удовлетворить своему честолюбію, будучи въ сущности самыми опасными врагами его, завидующими тому, что онъ носитъ корону. Гр. Панинъ твердо увѣренъ, будто онъ этимъ оборотомъ рѣчи указалъ королю на Чарторыжскихъ и что это убѣдитъ его разстаться съ ними. Я взялъ на себя смѣлость сдѣлать по этому поводу нѣсколько замѣчаній и высказалъ ему, что если ужь императрица была настолько снисходительна, что написала отвѣтъ польскому королю, то, мнѣ кажется, слѣдовало бы говорить съ нимъ въ менѣе туманныхъ выраженіяхъ и просто напомнить ему тѣ предложенія, которыя были сдѣланы по поводу измѣненій въ постановленіяхъ послѣдняго сейма, и посовѣтовать ему пригласить людей желающихъ добра своему отечеству присоединиться къ нему, дабы войти въ переговоры по этому предмету. *Онъ нашелъ, что это невозможно, что короля и его дядей отнюдь не слѣдуетъ поощрять въ мысли, будто существенная часть переговоровъ можетъ быть изъята изъ рукъ русскаго посла въ Варшавѣ, и что надо и на будущее время устранить всякую возможность королю входить въ непосредственную переписку съ императрицей.* На основаніи этихъ доводовъ ему и кажется, что отвѣтъ ея величества не долженъ былъ касаться самаго существа дѣла и переходить за предѣлы самыхъ обыкновенныхъ общихъ совѣтовъ».

Позволительно сомнѣваться, чтобы Екатерина, такъ гордившаяся своей безусловной самостоятельностію въ политикѣ, именно по той причинѣ сухо и уклончиво отвѣтила Понятовскому, какая, по его словамъ, руководила Панинымъ. Она-то ужь никакъ не могла въ непосредственномъ обращеніи къ ней предусмотрѣть нѣчто вредное для интересовъ русской политики и навѣрное не поблагодарила бы Панина, еслибъ узнала о его объясненіи Сольмсу. Съ другой стороны это объясненіе показываетъ, что, при всей своей несомнѣнной честности и при всемъ отвращеніи къ интригамъ, Панинъ не вполнѣ былъ чуждъ того мелочнаго самолюбія, которое часто заставляетъ самыхъ умныхъ людей дѣлать вовсе неумныя вещи единственно потому, что ихъ лично что-нибудь шокируетъ, а именно переписка Екатерины обставлена была такими условіями, которыя дѣйствительно могли шокировать Панина. Она не всегда дѣлилась съ нимъ получаемыми письмами. Случалось, что онъ даже и не зналъ о полученіи ихъ, особенно отъ Фридриха, письма котораго очень часто передавались Сольмсомъ лично самой императрицѣ. Вслѣдствіе этого иныя мнѣнія и распоряженія императрицы являлись для него сюрпризомъ, и весьма естественно, что такіе сюрпризы были ему непріятны. Но за то Фридриху были навѣрное чрезвычайно и пріятны, и удобны какъ это неполное довѣріе между русской императрицей и ея первымъ министромъ, такъ и въ значительной степени отъ того именно и происходившая неумѣстная откровенность обоихъ ихъ съ нимъ, Фридрихомъ,—откровенность, которой онъ пользовался такъ искусно. Онъ-то съ своей стороны вовсе не поддерживалъ добрые совѣты Сольмса менѣе туманно и болѣе искренно говорить съ Понятовскимъ и менѣе круто поступать съ поляками вообще. Напротивъ, когда тайные (для Россіи) переговоры съ Австріей убѣдили его, что съ этой стороны особенно сильныхъ препятствій въ дѣлахъ съ Польшей опасаться нечего, онъ старался разжигать неудовольствіе Екатерины и вызывать ее на такія дѣйствія, которыя окончательно губили русскую партію. Главными объектами его ненависти и интригъ были Чарторыжскіе, которые вначалѣ считались главами русской партіи и пользовались большимъ довѣріемъ Россіи. Впослѣдствіи, когда они отказались безусловно повиноваться всѣмъ приказаніямъ изъ Петербурга, это довѣріе значительно уменьшилось, а расположеніе и совсѣмъ пропало, но тѣмъ не менѣе ихъ и Панинъ, и сама Екатерина считали наиболѣе дѣльными людьми во всей Польшѣ и сношенія съ ними все-таки возобновлялись повременамъ. Къ величайшему, конечно, удовольствію Фридриха, къ нему обратились съ просьбою переговорить съ этими самыми Чарторыжскими, которыхъ онъ постоянно старался дискредитировать, и убѣдить ихъ дѣйствовать согласно съ желаніями Россіи. Онъ, разумѣется, охотно взялся за это и въ самомъ непродолжительномъ времени увѣдомилъ русскій дворъ, что Чарторыжскіе ничего не хотятъ слышать и что всякіе дальнѣйшіе разговоры съ ними совершенно безполезны, въ удостовѣре-

ніе чего прислалъ донесеніе своего министра въ Варшавѣ Бенуа, съ обстоятельнымъ изложеніемъ разговора, который онъ будто бы велъ съ обоими Чарторыжскими. Въ то же время, основательно считая почву достаточно подготовленной, Фридрихъ, сначала черезъ гр. Чернышева, проѣзжавшаго въ то время черезъ Берлинъ, потомъ и прямо черезъ Сольмса, преподалъ русскому двору одинъ изъ тѣхъ добрыхъ дружескихъ совѣтовъ, которыми онъ такъ часто награждалъ его. Совѣтъ этотъ состоялъ въ томъ, что «такъ какъ все, что польскій король до сихъ поръ дѣлалъ, не можетъ быть отнесено ни къ кому другому какъ къ его дядямъ Чарторыжскимъ, принципамъ коихъ онъ слѣпо слѣдовалъ, благодаря тому вліянію, которое они пріобрѣли надъ нимъ, то мнѣ кажется» (цитируемыя строки заимствованы нами изъ собственной депеши Фридриха къ Сольмсу), «что слѣдуетъ приняться за нихъ, чтобы дать имъ почувствовать справедливую месть и показать, что Россія держитъ въ рукахъ отличное средство заставить ихъ раскаяться. Ей стоитъ только воспользоваться различными представляющимися предлогами и ввести свои войска на ихъ земли, а необходимость доставки провіанта можетъ доставить къ тому весьма подходящій предлогъ». По обыкновенію, Панинъ сначала колебался исполнить этотъ «дружескій» совѣтъ, и Екатерина повидимому тоже безъ особеннаго восторга приняла его. Несмотря на свой холодный отвѣтъ Понятовскому, она очень милостиво приняла его посланнаго, который, благодаря усиленному покровительству давно уже жившаго въ Петербургѣ Репнина, имѣлъ даже случай нѣсколько разъ видѣть императрицу. Но, по обыкновенію же, это колебаніе длилось недолго. Гнѣвъ Екатерины легко возбуждался противъ тѣхъ, на комъ она могла безнаказанно сорвать его; для этого совершенно достаточно было простого извѣстія, что Чарторыжскіе имѣютъ дерзость говорить, что они отнюдь не желаютъ умышленно оскорблять Россію, или побуждать къ тому короля, и никогда этого не сдѣлаютъ, но и подчиниться безусловно волѣ русской императрицы тоже не могутъ и не желаютъ. А до ея слуха дошло нѣчто болѣе преступное, что дѣйствительно могло разсердить и менѣе склоннаго къ крутымъ мѣрамъ государя. Именно кн. Волхонскій, замѣнившій Репнина въ качествѣ посла въ Варшавѣ, утверждалъ, будто ему достовѣрно извѣстны тайныя и враждебныя Россіи сношенія Чарторыжскихъ и самого короля съ Франціей. Онъ увѣрялъ, что имѣетъ въ рукахъ доказательство этого, и хотя доказательствъ этихъ не представилъ, а Бенуа съ своей стороны доносилъ Фридриху, что обвиненія Волхонскаго, по всѣмъ вѣроятіямъ, несправедливы, такъ какъ ему, Бенуа, ничего подобнаго не извѣстно, но Екатерина и Панинъ этого, разумѣется, не знали,—Фридрихъ имъ подобныхъ вещей не сообщалъ,—и, вполнѣ вѣря на слово своему послу, не могли не раздѣлить нѣсколько разъ повтореннаго имъ мнѣнія Фридриха, что «съ этими людьми одними увѣщаніями ничего сдѣлать нельзя, а надо на дѣлѣ показать имъ свою власть».

Не далѣе какъ въ апрѣлѣ 1770 г. Сольмсъ доносилъ Фридриху: «Я не преминулъ сообщить гр. Панину совѣты, которые вашему величеству угодно было повторить ему въ депешѣ отъ 11 числа этого мѣсяца, по поводу Чарторыжскихъ, представивъ ему необходимость воспользоваться этими совѣтами, дабы этимъ путемъ прекратить смуты въ Польшѣ. Такъ какъ мнѣ показалось, что министръ былъ въ перѣшимости дать мнѣ на это отвѣтъ, то я взялъ на себя смѣлость сказать ему, что ваше величество даете ему эти совѣты только потому, что, если онъ помнитъ, онъ самъ просилъ меня ходатайствовать передъ вами, государь, чтобъ вы высказали ваше мнѣніе по этому дѣлу. Но что если онъ находитъ ихъ неудобными, или имѣетъ наготовѣ другія средства для устройства дѣла, то я убѣжденъ, что ваше величество не будете недовольны, если онъ предпочтетъ свои; я просилъ его только сообщить мнѣ ихъ, въ такомъ случаѣ, для передачи вашему величеству. Тогда онъ съ нѣкоторою поспѣшностію прервалъ меня и сказалъ, что вполнѣ раздѣляетъ мысль вашего величества, что онъ уже вполнѣ рѣшился не руководствоваться ничѣмъ инымъ и что въ настоящее время уже приступлено къ ея осуществленію. Теперь, сказалъ онъ, уже посланъ отрядъ для военной экзекуціи въ имѣніе одного изъ приверженцевъ Чарторыжскихъ и, кромѣ того, новый отрядъ генерала Карра получилъ приказаніе расположиться квартирами въ имѣніи великаго канцлера. Такъ что я могу донести вашему величеству, что, какъ самъ онъ выразился, гр. Панинъ начинаетъ, наконецъ, дѣйствовать противъ этой фамиліи...»

И дѣйствительно начали «дѣйствовать противъ этой фамиліи», стали стараться «проучить» ее, какъ выразился Панинъ при другомъ разговорѣ своемъ съ Сольмсомъ. Имѣя въ виду, что, какъ уже неоднократно сказано, по разнымъ побужденіямъ и изъ различныхъ видовъ, ни Екатерина, ни Панинъ раздѣла Польши не желали,—чѣмъ, спрашивается, они руководствовались, предпринимая насильственныя дѣйствія противъ единственныхъ людей, на которыхъ еще можно было положиться болѣе или менѣе, съ которыми можно было такъ или иначе столковаться? Были ли у нихъ какіе-нибудь другіе вліятельные въ странѣ люди въ запасѣ, какой-нибудь опредѣленный планъ, неизмѣнно принятыя рѣшенія, которымъ они твердо рѣшились слѣдовать, принявъ ихъ за руководящую нить своей дальнѣйшей политики? Если вѣрить Сольмсу,—а ему трудно не вѣрить, принимая во вниманіе, что во всемъ сложномъ и долго съ тончайшимъ искусствомъ веденномъ дѣлѣ раздѣла Польши онъ служилъ главнымъ орудіемъ и дѣятельнѣйшимъ помощникомъ Фридриха, который съ своей стороны, въ значительной мѣрѣ благодаря дѣятельности своего умнаго посланника, не сдѣлалъ ни одного опрометчиваго шага, ни одного промаха,—если вѣрить Сольмсу, ничего похожаго на обдуманный планъ, на опредѣленныя цѣли не было. Не было даже твердой рѣшимости не уступать ни въ чемъ, чего они оффиціально требовали отъ поляковъ.

Напримѣръ, въ ноябрѣ 1769 года Панинъ говорилъ Сольмсу, что «одну изъ главныхъ причинъ недовольства католиковъ составляетъ право, предоставленное диссидентамъ имѣть своихъ собственныхъ депутатовъ на сеймѣ, и ему (Панину) кажется, что если этимъ будетъ достигнуто усмиреніе смутъ, такъ отъ этого права можно и отказаться, особенно еслибы диссиденты согласились сами заявить, что они готовы принести эту жертву для блага своего отечества. А въ замѣнъ, чтобы не даромъ сдѣлать эту уступку, можно бы потребовать, чтобы законъ о наказаніяхъ для тѣхъ, которые мѣняютъ вѣру, былъ бы уничтоженъ». На вопросъ Сольмса, можетъ ли онъ сообщить это своему государю, какъ мнѣніе ея величества императрицы Россіи, Панинъ отвѣтилъ утвердительно.

Понимая необходимость сдѣлать нѣкоторыя уступки несчастному, доведенному до остервененія и до одуренія, народу и будучи въ сущности готовымъ на нихъ, русскій дворъ считалъ однако почему-то несвоевременнымъ еще объявить объ этомъ конфедератамъ, или хотя бы одному королю польскому, а требовалъ отъ всѣхъ такъ-сказать сдачи на милость и немилость, поощряя и своего варшавскаго посла дѣйствовать въ этомъ самомъ духѣ. «Гр. Панинъ,—разсказываетъ Сольмсъ,—признаетъ фактъ» (на который жаловался Понятовскій, фактъ абсолютнаго молчанія относительно его, кн. Волхонскаго, упорно отказывавшагося объяснить ему какъ мотивы тѣхъ дѣйствій, которыя онъ ему предписывалъ, такъ и средства, какими предполагается достичь умиротворенія), «но продолжаетъ утверждать однако, что это молчаніе необходимо, потому что польскій король передастъ Чарторыжскимъ все, что бы ему ни сказали, а эти послѣдніе употребятъ это во зло и скомпрометируютъ Россію передъ конфедератами... Намѣреніе же посла—объявить публично и доказать фактами, которыхъ онъ однако не предъявилъ, что императрица совершенно покинула Чарторыжскихъ и что они не пользуются болѣе довѣріемъ императорскаго двора, который не желаетъ даже пользоваться ихъ услугами, чтобы сохранить свое вліяніе на дѣла Польши. Этимъ средствомъ онъ разсчитываетъ разбить ложныя мечты и заставить поляковъ поискать лучшихъ посредниковъ, помимо этой фамиліи, чтобы прекратить смуты, и тогда можно будетъ составить свою партію и довести дѣло до конференціи, а потомъ установить общее умиротвореніе. Я не могъ замѣтить,—продолжаетъ Сольмсъ,—изъ только-что изложенныхъ мною разсужденій гр. Панина, чтобы онъ теперь уже дѣйствительно зналъ лицъ, которыя должны будутъ составить ему новую русскую партію. Онъ только говоритъ, что въ націи, раздѣленной на двѣ партіи, не трудно будетъ составить и третью. Не могъ я также замѣтить, чтобъ у него былъ уже готовъ планъ для умиротворенія, и я склоненъ думать, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ онъ будетъ полагаться на событія и на обстоятельства». И это отсутствіе точнаго плана дѣйствій не составляло случайнаго явленія данной минуты, а было чѣмъ-то постояннымъ, потому что

полгода спустя Сольмсъ опять точно такъ же характеризуетъ русскую политику въ Польшѣ: «Продолжая разговоръ съ этимъ министромъ» (Панинымъ, по поводу экзекуціи въ имѣніяхъ Чарторыжскихъ) «о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Польшѣ, я старался узнать, не имѣетъ ли онъ кого-нибудь въ виду вмѣсто Чарторыжскихъ и не составилъ ли онъ поэтому какого-либо плана. Но, насколько я могъ замѣтить, плана у него никакого нѣтъ и онъ просто полагаетъ, что истощеніе средствъ заставитъ конфедератовъ положить, наконецъ, оружіе. Основываетъ онъ это предположеніе на томъ, что дрезденскій дворъ не въ состояніи болѣе ссужать ихъ деньгами. Онъ мнѣ дѣйствительно назвалъ нѣсколькихъ вельможъ, которые выказываютъ уже доброе расположеніе къ Россіи. Таковы гр. Мнишекъ, Потоцкіе, гр. Флемингъ и виленскій епископъ... Но всѣ они не хотятъ ничего предпринимать, пока не будутъ увѣрены, что имъ будетъ оказана поддержка. Съ другой же стороны русскій дворъ тоже не хочетъ рисковать своими деньгами, не зная заранѣе силы этой новой партіи; а потому обѣ стороны остаются пока при взаимномъ пожеланіи другъ другу хорошаго исхода изъ этихъ смутъ, но не дѣлаютъ никакихъ попытокъ высказаться открыто и не входятъ въ переговоры».

Однимъ словомъ, политика русскаго двора того времени, его планы и намѣренія были «темна вода во облацѣхъ», а въ мутной водѣ, какъ извѣстно, легче всего рыбу ловить, особенно когда у самой воды этой живетъ такой мастеръ рыболовства, какимъ былъ Фридрихъ. Когда онъ замѣтилъ, что состояніе мутныхъ волнъ и окружающей ихъ атмосферы находится какъ разъ въ положеніи особенно благопріятствующемъ для обильной ловли, онъ рѣшилъ, что пора отложить въ сторону удочки съ приманками и пора запустить большой неводъ. Подъ осень 1770 года онъ, воспользовавшись неосновательными стараніями русскаго двора заставить его вмѣшаться во внутреннія дѣла Швеціи (чего онъ дѣлать отнюдь не хотѣлъ и не сдѣлалъ), объявилъ, что посылаетъ туда брата своего, принца Генриха, который будто бы постарается уладить тамъ все, что требуется. При этомъ онъ писалъ Екатеринѣ, какъ близко будетъ принцъ отъ Петербурга, какъ интересуетъ его эта столица величайшей въ мірѣ государыни, какъ благоговѣетъ онъ передъ самой государыней и т. п. Само собой разумѣется, что въ отвѣтъ на это императрица не могла сдѣлать ничего иного, какъ пригласить принца посѣтить ея столицу и дворъ. Она такъ и поступила и тѣмъ исполнила тайное желаніе Фридриха, потому что настоящею цѣлью посольства брата его былъ именно Петербургъ, а никакъ не Стокгольмъ. Въ октябрѣ принцъ Генрихъ прибылъ ко двору Екатерины, а когда онъ уѣхалъ, императрица не колебалась больше относительно «проекта графа Линара»; она его приняла въ принципѣ, оставалось порѣшить только подробности. Пріемъ, оказанный принцу императрицей, былъ настолько блестящъ и дружественъ, что пріѣзжай самъ Фридрихъ, его не могли бы принять лучше. Екатерина умѣла оказы-

вать гостепріимство истинно царское и если, какъ императрица, поставляла свою гордость въ томъ, что одна, безъ совѣтниковъ и не допуская чьего-либо вліянія, управляетъ Россіей, то не менѣе того гордилась, какъ женщина, своимъ искусствомъ, которымъ обладала въ высшей степени, обворожить всякаго, кого захочетъ, будь то мужчина или женщина, коронованное лицо или простой крестьянинъ, великій ученый или невѣжда. И она дѣйствительно обворожила принца Генриха прусскаго. Его письма проникнуты восторгомъ къ ней, къ ея красотѣ, ея уму, ея величію и премудрости,—словомъ, ко всему. Но, очаровываясь Екатериной, достойный братъ Фридриха не упускалъ изъ виду дѣла, ему порученнаго, и такъ же успѣшно очаровывалъ императрицу въ политическомъ отношеніи, какъ она его. Положеніе свое при дворѣ онъ устроилъ какъ нельзя цѣлесообразнѣй.

«Принцъ,—пишетъ по этому поводу Сольмсъ королю,—будетъ имѣть случай ежедневно видѣться съ императрицей и съ успѣхомъ подвинетъ дѣло несравненно лучше, нежели какой бы то ни было министръ. Для того же, чтобъ успѣхъ былъ вѣрнѣе, его высочество постарался устранить всѣ стѣсненія этикета въ сношеніяхъ своихъ съ императрицей. Съ этою цѣлью онъ приказалъ мнѣ распространять вездѣ, гдѣ слѣдуетъ, что единственною цѣлью пребыванія его въ Россіи служитъ желаніе лично познакомиться съ ея величествомъ императрицей и желаніе возможно чаще имѣть съ ней конфиденціальные разговоры по поводу общихъ интересовъ Пруссіи и Россіи. Ея императорское величество была такъ довольна, узнавъ, что намѣреніе принца такъ совпадаетъ съ ея собственными желаніями, что отнеслась къ этому намѣренію какъ нельзя дружелюбнѣе и послѣ того, какъ удостоила лично высказать это мнѣ, поручила графу Орлову явиться къ его королевскому высочеству, чтобы выразить ему ея удовольствіе и передать ему, что она будетъ очень рада видѣть его каждый разъ, когда ему угодно будетъ сдѣлать ей удовольствіе посѣтить ее; что всякій день въ 11 часовъ утра и въ 6 вечера его высочество можетъ застать ее свободной отъ дѣлъ и готовой принять его. Вслѣдствіе этого принцъ сегодня вечеромъ отправится во дворецъ одинъ, безъ свиты... Ея величество изволила еще объявить мнѣ, что каждый разъ, какъ принцъ будетъ у нея, по приглашенію ли, или по собственному желанію, я могу сопровождать его до самыхъ внутреннихъ покоевъ, входъ въ которые разрѣшается лишь лицамъ, являющимся по государственнымъ дѣламъ, и что я могу всегда оставаться за ея столомъ... Всѣ здѣсь спѣшатъ выразить принцу чувства уваженія и расположенія. Слово пруссакъ пріобрѣтаетъ здѣсь съ его присутствіемъ новый блескъ, и нѣтъ сомнѣнія, что обстоятельство это упрочитъ дружбу между обоими дворами и закрѣпитъ союзъ обоихъ народовъ». Надежды Сольмса оправдались. Пребываніе принца Генриха «закрѣпило союзъ обоихъ народовъ»,—союзъ, принесшій одному изъ нихъ прочную будущность, блескъ, величіе, могущество и славу, а другому...

Но, говоря о принцѣ Генрихѣ и объ его участіи въ дѣлахъ того времени, мы въ сущности забѣгаемъ впередъ, такъ какъ намъ остается еще разсказать объ участіи Фридриха въ дѣлѣ русско-турецкой войны и взаимныхъ отношеній Россіи и Австріи. Послѣднія въ особенности составляли одну изъ самыхъ существенныхъ сторонъ политики Россіи и Пруссіи, въ эпоху предшествовавшую первому раздѣлу Польши, и нашъ очеркъ этой политики былъ бы далеко не полонъ, еслибы мы исключили изъ него эту важную часть вопроса. Сдѣлать это было бы тѣмъ непростительнѣе, что исторія русско-турецкаго мира и роль Пруссіи и Австріи въ этомъ дѣлѣ, какъ они являются въ перепискѣ съ Сольмсомъ и съ Финкенштейномъ, представляетъ точное подобіе того, чему сами мы были очевидцами пять лѣтъ тому назадъ, т. е., выражаясь точнѣе, эта исторія есть оригиналъ, съ котораго Берлинскій конгрессъ служилъ копіей, копіей превосходной, правда, сдѣланной съ такимъ совершенствомъ, что ее можно самое принять за оригиналъ, но тѣмъ не менѣе копіей. Единственная разница между ними та, что оригиналъ производился келейно, подъ покровомъ дипломатической тайны, а копія—публично, передъ лицомъ цѣлаго міра.

В. К.

Вопросъ о преобразованіи мѣстнаго управленія въ земскихъ собраніяхъ.

Въ концѣ 1880 года земскія собранія, какъ извѣстно, были призваны къ обсужденію «возникшихъ по разнымъ губерніямъ вопросовъ и предположеній объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій Положенія 27 іюня 1874 года»—объ устройствѣ мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. Мѣра эта была вызвана тѣмъ соображеніемъ, что «для вполнѣ правильнаго обсужденія каждаго ходатайства объ измѣненіи отдѣльныхъ постановленій, поступившаго лишь изъ нѣсколькихъ губерній, необходимо собрать и изъ другихъ губерній отзывы по оному подлежащихъ учрежденій, т. е. какъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, такъ и мѣстныхъ земствъ».

Призывъ правительства былъ встрѣченъ со стороны земскихъ собраній съ полнымъ сочувствіемъ. Какъ въ 1870 году, когда земству предстояло высказаться по вопросу о замѣнѣ подушной подати, такъ и теперь, большинство земствъ энергически взялось за работу: во всѣхъ губерніяхъ, во всѣхъ уѣздахъ составлялись предположенія по возбужденному вопросу; коммиссіи, бездѣятельность которыхъ обыкновенно вызываетъ столько жалобъ, на этотъ разъ проявляли оживленную дѣятельность; отдѣльныя лица,—представители всѣхъ общественныхъ классовъ, не исключая крестьянъ,—составляли записки, мнѣнія и проекты; словомъ, земство, вопреки увѣреніямъ *Руси*, отнеслось къ дѣлу вполнѣ серьезно, съ тѣмъ вниманіемъ, котораго оно, по важности своей, заслуживаетъ, и въ результатѣ получилась обширная литература по вопросу о преобразованіи не только крестьянскаго, но и всего мѣстнаго управленія.

Заявленія и мнѣнія по этому предмету, исходящія отъ людей, близко знакомыхъ съ условіями и быта массы населенія, и дѣятельности существующихъ мѣстныхъ учрежденій, представляютъ большой интересъ. Правда, земскія работы, въ большинствѣ, носятъ отпечатокъ спѣшности; онѣ отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ не только въ отношеніи взглядовъ, но и въ отношеніи объема поставленной задачи, тѣмъ не менѣе въ

нихъ можно подмѣтить много общаго, можно выяснить, хотя и не всегда въ ясныхъ чертахъ, тѣ стремленія, которыми въ настоящее время проникнуто русское общество. Вотъ почему мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ общими выводами, къ которымъ пришло земство по важному вопросу, составляющему въ настоящее время предметъ занятій особой коммиссіи статсъ-секретаря М. С. Каханова и находящемуся, повидимому, наканунѣ своего разрѣшенія.

Недостатки земскихъ работъ по занимающему насъ вопросу, заключающіеся въ ихъ разрозненности, разнообразіи и спѣшности (вполнѣ выработанныхъ проектовъ почти совсѣмъ не имѣется), обусловливаются, главнымъ образомъ, тою постановкой, которая дана была этому дѣлу министерскимъ циркуляромъ. Этотъ послѣдній, прежде всего, требовалъ особенной спѣшности въ доставленіи отвѣтовъ на предложенные имъ вопросы. Министръ указывалъ, что исполненіе этого важнаго дѣла «ожидается въ возможно скорѣйшемъ времени», и требовалъ, чтобы оно было обсуждено «во всякомъ случаѣ» въ ближайшихъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, даже «не ожидая постановленій тѣхъ уѣздныхъ собраній, которыя къ тому времени не будутъ получены». Такая спѣшность не могла не отозваться на трудахъ земскихъ управъ и коммиссій: въ короткій срокъ, имъ предоставленный, онѣ могли представить только наброски, только основныя положенія, и не имѣя никакой возможности войти въ обсужденіе деталей, вслѣдствіе чего въ ихъ трудахъ осталось много невыясненнаго, недосказаннаго. На недостатокъ времени, имѣвшагося въ ихъ распоряженіи, жалуются многія земскія коммиссіи. Нижегородская заявляетъ, что она «принуждена была воздержаться отъ детальной разработки предмета» частію вслѣдствіе недостатка времени. Московская «вполнѣ сознавала, что въ короткій срокъ она не въ состояніи выработать подробный и вполнѣ законченный проектъ переустройства нынѣшняго уѣзднаго управленія, и потому, не задаваясь мыслью исполнить работу непосильную, на которую требовалось и много времени, и много силъ, которыми она не располагала, ограничила свою задачу лишь выработкою тѣхъ главныхъ основаній, на которыхъ, по ея крайнему разумѣнію, должно быть построено положеніе объ уѣздномъ самоуправленіи». Другое затрудненіе заключалось въ неопредѣленности программы и предѣловъ предложенной земству задачи. На обсужденіе земствъ былъ переданъ «перечень возникшихъ до нынѣ вопросовъ и предположеній объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій Положенія 27 іюня 1874 г.», въ числѣ девяти, но въ то же время, «независимо отъ отзывовъ по вышеисчисленнымъ вопросамъ», имъ предоставлялось представить «соображенія и о другихъ мѣрахъ по устройству мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, которыя будутъ сочтены полезными для дѣла». Это дополненіе въ значительной степени расширяло задачу, но все-таки не давало возможности придти къ точному заключенію, какіе именно вопросы входятъ въ эти рамки и какіе выходятъ изъ

ихъ предѣловъ; поэтому земства отнеслись къ нему весьма различно. Одни, пользуясь имъ, коснулись вопросовъ экономическихъ—о податной системѣ, малоземельѣ, переселеніяхъ и проч. *); другія—возбудили вопросъ о преобразованіи всего строя мѣстнаго управленія, уѣзднаго и губернскаго; третьи, наконецъ, совсѣмъ не рѣшились идти дальше отвѣтовъ на поставленные министерствомъ вопросы, боясь, въ противномъ случаѣ, выйти изъ намѣченныхъ правительствомъ предѣловъ. Такъ пермская губернская управа, полагая, что, «по смыслу циркуляра министерства», заключенія земства требуются только по вопросамъ, касающимся мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій и учрежденій волостныхъ и сельскихъ, высказываетъ «увѣренность», что «всѣ мнѣнія земства, высказанныя не въ предѣлахъ предположеній объ измѣненіяхъ помянутыхъ законовъ, будутъ, при разрѣшеніи стоящаго на очереди вопроса, игнорированы» **). Точно также, по словамъ комиссіи калужскаго губернскаго собранія, «нѣкоторыя уѣздныя земства, высказавшіяся за существованіе крестьянскихъ учрежденій, не коснулись вопроса о полномъ ихъ преобразованіи только потому, что считали вопросъ этотъ выходящимъ изъ предѣловъ даннаго земству уполномочія». Московское уѣздное собраніе отклонило разсмотрѣніе доклада управы объ основаніяхъ общей реформы мѣстнаго управленія, согласившись съ мнѣніемъ одного изъ гласныхъ, что въ этомъ вопросѣ «лучше не досказать, чѣмъ пересказать». Съ такой же осторожностью отнеслась къ дѣлу комиссія нижегородскаго губернскаго собранія. «Считая долгомъ» высказать, что, «по ея убѣжденію, никакія частныя измѣненія только въ крестьянскихъ учрежденіяхъ не могутъ внести въ дѣло крестьянскаго управленія существенныя улучшенія, которыя возможны лишь при полномъ переустройствѣ всѣхъ уѣздныхъ учрежденій», она «не позволила себѣ», однако, «входить въ обсужденіе какихъ бы то ни было предположеній въ этомъ смыслѣ», такъ какъ «разрѣшеніе послѣдней задачи выходитъ изъ предѣловъ дѣятельности земствъ, указанныхъ имъ Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, и не вызывается циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ».

Наоборотъ, другія земства, придя къ заключенію о нецѣлесообразности частныхъ исправленій, приступили къ выработкѣ проектовъ преобразованія всей системы мѣстнаго управленія. Нѣкоторыя уѣздныя собранія, исходя изъ такой точки зрѣнія, оставили министерскіе вопросы безъ разсмотрѣнія, другія — дали на нихъ отвѣтъ съ оговоркою, что измѣненія, ими предлагаемыя, проектируются лишь на время, только до введенія полнаго преобразованія. Такъ, наприм., изъ уѣздовъ Московской губерніи четыре дали только требуемые отвѣты: два, кромѣ этихъ отвѣ-

*) Сужденій земствъ по экономическимъ вопросамъ мы здѣсь касаться не будемъ, предполагая посвятить этому предмету особый очеркъ.

**) *Сборникъ Пермскаго Земства* 1882 года, кн. II. „Докладъ губ. упр.“, стр. 15.

товъ, представили болѣе или менѣе разработанные проекты преобразованій въ строѣ уѣзднаго управленія, въ связи съ крестьянскимъ самоуправленіемъ; наконецъ пять вовсе не касались «перечня вопросовъ» и представили въ болѣе или менѣе разработанной формѣ свои предположенія. Большинство губернскихъ земствъ, или, вѣрнѣе, управъ и комиссій, тоже взглянули на вопросъ шире и признали необходимымъ войти въ разсмотрѣніе организаціи не одного только крестьянскаго, а и всего мѣстнаго управленія. «Врядъ ли нужно говорить о томъ,—читаемъ мы въ докладѣ комиссіи вологодскаго губернскаго земства,—что существующее уѣздное управленіе крайне неудовлетворительно, а потому очевидно, что и преобразовывать крестьянскія учрежденія, безъ преобразованія всего уѣзднаго управленія, немыслимо,—одно съ другимъ связаны тѣсно». По мнѣнію большинства тамбовской губернской комиссіи, «частными поправками исправить дѣло невозможно». Комиссія тверского земства «единогласно признала несостоятельность какихъ-либо частныхъ преобразованій въ сферѣ однихъ только крестьянскихъ учрежденій и необходимость, для успѣха дѣла, общаго преобразованія всего мѣстнаго управленія». Уфимская губернская управа «считаетъ всякія измѣненія въ составѣ и порядкѣ дѣйствій присутствій по крестьянскимъ дѣламъ полумѣрами, врядъ ли могущими принести существенную пользу. Самая основа, на которой стоятъ эти учрежденія, не вѣрна, а потому, для исправленія ошибки, необходимо взяться за корни». Комиссія калужскаго земства находитъ, что «печальныя явленія уѣздной жизни обязываютъ земство прежде всего домогаться, чтобы новая организація крестьянскихъ учрежденій или ихъ измѣненія совершились бы единовременно съ преобразованіемъ мѣстнаго управленія вообще и уѣздной полиціи въ особенности». Комиссія казанскаго земства, «не отрицая совершенно цѣлесообразности частныхъ мѣръ, какъ переданныхъ на обсужденіе земскихъ учрежденій г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, такъ и предлагаемыхъ отъ себя уѣздными земскими собраніями, не могла однако же не признать, что всѣ эти и подобныя имъ мѣры суть только палліативы, которые могутъ приносить извѣстную долю пользы лишь при примѣненіи ихъ при особенно благопріятныхъ условіяхъ и не безусловно при всѣхъ дѣятеляхъ. Независимо такой частной, мѣстной, и стало-быть вполнѣ случайной пользы, такія мѣры не въ состояніи произвести общаго, органическаго улучшенія въ управленіи и бытѣ крестьянъ, а слѣдовательно и въ положеніи народнаго хозяйства вообще, такъ какъ причины, породившія общій упадокъ нравственнаго и экономическаго быта крестьянъ, лежатъ гораздо глубже мѣстныхъ только условій. Предстоящая реформа должна главнымъ образомъ имѣть въ виду эти основныя причины». Полтавская губернская управа, «признавая за каждымъ изъ поставленныхъ министерствомъ частныхъ вопросовъ второстепенное значеніе, не можетъ не отдать вопросу объ общей организаціи первенствующее значеніе». Херсонская приходитъ

къ убѣжденію «въ необходимости высказать правительству, что въ дѣлѣ устройства крестьянскихъ учрежденій палліативы ничего не помогутъ, что необходима всесторонняя серьезная работа по пересмотру всѣхъ тѣхъ установленій, касающихся крестьянства, которыя теперь оказываются неудовлетворительными и требуютъ новыхъ законодательныхъ коренныхъ реформъ». Тульская губернская управа, а съ нею и комиссія—высказываютъ, что «идею хорошаго крестьянскаго управленія чрезвычайно трудно отдѣлить отъ понятія о хорошемъ земскомъ самоуправленіи». Псковская губернская управа тоже высказывается за необходимость «коренного преобразованія не только однихъ крестьянскихъ учрежденій, но и всѣхъ другихъ учрежденій, имѣющихъ къ нимъ отношенія».

Такимъ образомъ постановка, данная вопросу о преобразованіи крестьянскихъ учрежденій циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ, оказалась не соотвѣтствующей ни дѣйствительному положенію вещей, ни желаніямъ земствъ. Нельзя не пожалѣть, что изъ ряда стоявшихъ на очереди вопросовъ, касающихся административной реформы, былъ выдѣленъ и переданъ на обсужденіе земства только частный вопросъ о крестьянскихъ учрежденіяхъ. Правда, почти всѣ приведенныя въ «перечнѣ» предположенія возникли вслѣдствіе земскихъ ходатайствъ и, слѣдовательно, выдвинуты на очередь самими земствами; но кромѣ этихъ ходатайствъ въ портфеляхъ министерства, со времени введенія земскихъ учрежденій, накопилось множество другихъ заявленій, указывающихъ на необходимость пересмотра всѣхъ вообще мѣстныхъ учрежденій—и земскихъ, и полицейскихъ, и финансовыхъ и т. д. Да и само министерство въ то время признавало необходимость всеобъемлющей реформы: въ извѣстной рѣчи, обращенной къ редакторамъ петербургскихъ періодическихъ изданій, гр. Лорисъ-Меликовъ, указывая на намѣреніе правительства «дать земству и другимъ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ возможность вполнѣ пользоваться тѣми правами, которыя дарованы имъ закономъ, стараясь при этомъ облегчить ихъ дѣятельность въ тѣхъ случаяхъ, когда на опытѣ въ томъ или другомъ отдѣлѣ предоставленной имъ закономъ дѣятельности окажется недостатокъ полномочій, необходимыхъ для правильнаго веденія дѣла и экономическаго улучшенія мѣстностей; привести къ единообразію полицію и поставить ее въ гармонію съ новыми учрежденіями, чтобы въ ней не было болѣе возможности проявляться разнымъ уклоненіямъ отъ закона, существовавшей доселѣ; дать провинціальнымъ учрежденіямъ большую самостоятельность въ разрѣшеніи подвѣдомыхъ имъ дѣлъ». Еслибы вопросъ былъ въ такомъ видѣ переданъ на разсмотрѣніе земствъ, эти послѣднія, конечно, доставили бы обильный матеріалъ для его разрѣшенія и болѣе цѣльныя соображенія, которыя въ значительной степени облегчили бы работы учрежденной впослѣдствіи «Кахановской» комиссіи... Между тѣмъ неясность и неопредѣленность вопроса вызвала, какъ мы уже указали, недоразумѣнія, доходившія иногда до того, что

раздавались голоса, предлагавшіе совершенно отказаться отъ представленія правительству требуемыхъ имъ заключеній. Такое предложеніе было сдѣлано саратовскому губернскому собранію гласнымъ В. Ѳ. Лятошинскимъ. Гласный находилъ, что «настоящій вопросъ выходитъ изъ круга дѣятельности земства, сосредоточенной исключительно на хозяйственныхъ распоряженіяхъ въ предѣлахъ губерніи, между тѣмъ какъ данный вопросъ—государственный. И хотя обращеніе правительства къ земству, у котораго оно впервые спрашиваетъ заключеніе по столь важному государственному вопросу, весьма отрадно, но тѣмъ не менѣе, по мнѣнію г. Лятошинскаго, слѣдовало бы уклониться отъ отзыва, такъ какъ таковой могъ бы быть сообщенъ при убѣжденіи, что онъ принесетъ пользу, и при условіи, чтобы былъ высказанъ взглядъ вполнѣ правильный и соотвѣтствующій достоинству земства. Между тѣмъ сообщить такой именно отзывъ уже потому не представляется возможнымъ, что земству неизвѣстны самые предѣлы, въ которыхъ оно можетъ разсматривать данный вопросъ въ связи съ другими учрежденіями. При такихъ условіяхъ г. Лятошинскій, не ожидая пользы отъ заключенія земства, полагалъ бы отъ разсмотрѣнія настоящаго дѣла отстраниться» *).

Разсматривая земскіе труды по вопросу о преобразованіи мѣстнаго управленія, къ нимъ слѣдуетъ относиться такъ, какъ относятся къ нимъ сами земства: на нихъ надо смотрѣть какъ на работы подготовительныя, какъ на общіе очерки, нуждающіеся въ дальнѣйшей обработкѣ. Такимъ именно образомъ смотритъ на нихъ новгородская губернская управа. «Всѣ разсужденія и проекты земскихъ собраній, — говоритъ она, — очевидно, имѣютъ лишь характеръ подготовительной работы для того учрежденія, которому будетъ поручена окончательная разработка этого важнаго вопроса». При тѣхъ условіяхъ, при которыхъ составлялись всѣ эти работы, поневолѣ должно было возникнуть опасеніе, что отзывы отдѣльныхъ земствъ, данные наскоро, по разнообразнымъ программамъ, могутъ послужить не къ выясненію вопроса, а напротивъ—къ невѣрному представленію о дѣйствительныхъ желаніяхъ страны. Вотъ почему многія земства, представляя правительству свои соображенія, признали необходимымъ высказаться и относительно тѣхъ способовъ окончательнаго разрѣшенія вопроса, которыми, по возможности, обезпечивался бы благопріятный исходъ дѣла, затрогивающаго самые жизненные интересы. По мнѣнію новгородской губернской земской управы, «масса разнообразныхъ земскихъ проектовъ, наполненныхъ деталями, можетъ только затруднить уясненіе общихъ началъ, принятыхъ земствомъ. При окончательной разработкѣ вопроса невозможно опредѣлить, какой именно проектъ наиболѣе соотвѣтствуетъ желаніямъ и взглядамъ большинства населенія. Для этого невозможно ограничиться

*) „Журналы экстр. саратовскаго губерн. земск. собран. 6—12 іюня 1881 года", стр. 19.

счетомъ земскихъ собраній, подавшихъ голосъ за тотъ или другой проектъ, коль скоро проекты эти касаются массы подробностей и, слѣдовательно, отличаются безконечнымъ разнообразіемъ. Невозможно также думать, чтобы правительство отдало предпочтеніе тѣмъ проектамъ, которые наиболѣе будутъ соотвѣтствовать вкусамъ лицъ, которымъ будетъ поручено разсмотрѣніе этихъ проектовъ». Управа съ своей стороны признаетъ нужнымъ, чтобы къ участію въ разсмотрѣніи проектовъ были приглашены мѣстные земскіе дѣятели, и чтобы печати была предоставлена возможно большая свобода для всесторонняго обсужденія этого вопроса, такъ какъ только такимъ путемъ всѣ вопросы получатъ надлежащее освѣщеніе [1]). То же пожеланіе высказывается и многими земскими собраніями. Такъ, по мнѣнію псковскаго губернскаго собранія, «важное значеніе реформы, вносящей коренныя измѣненія въ строй всего уѣзда, требуетъ особой осмотрительности и содѣйствія со стороны учрежденій и лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу, извѣдавшихъ на себѣ всѣ неудобства существующихъ порядковъ и могущихъ изъ житейскаго опыта дать полезныя указанія» [2]). Курское губернское собраніе, съ своей стороны, постановило: «обратить вниманіе г. министра внутреннихъ дѣлъ, что, по мнѣнію собранія, вслѣдствіе тѣсной связи крестьянскаго самоуправленія и земскаго, самая плодородность реформы крестьянскихъ учрежденій зависитъ отъ соотвѣтствующей реформы земскихъ учрежденій, и просить, чтобы при всѣхъ преобразованіяхъ по земскимъ и уѣзднымъ учрежденіямъ г. министръ не обошелъ приглашеніемъ назначенныхъ губернскимъ собраніемъ лицъ, для совмѣстнаго обсужденія подлежащихъ вопросовъ, какъ это имѣло мѣсто при обсужденіи реформы 19 февраля 1861 г. и Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г. — этихъ важнѣйшихъ законоположеній въ Бозѣ почившаго Вѣнценосца» [3]).

Бессарабское губернское собраніе, не успѣвшее разсмотрѣть вопросъ въ январьской сессіи 1881 года, за неполученіемъ отзывовъ отъ нѣсколькихъ уѣздныхъ собраній, постановило: «въ виду тѣхъ особенностей, которыя представляются въ Бессарабіи, гдѣ крестьянскихъ сословій никогда не было, гдѣ имѣются резешскія имѣнія, колоніи, и гдѣ часть губерніи, присоединенная по Берлинскому трактату, пользуется особыми учрежденіями, и въ виду того, что заключеніе губернскаго собранія можетъ запоздать,— поручить управѣ представить министерству внутреннихъ дѣлъ представленный ею собранію докладъ и просить о томъ, чтобы при разсмотрѣніи этого вопроса въ коммиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова, участвовали бы и представители бессарабскаго земства» [4]).

---

[1]) „Докладъ очередному собранію 1881 г.“

[2]) „Доклады псковской губ. зем. управы и постановленія губ. зем. собр. въ XVII очер. съѣздѣ“, стр. 130.

[3]) *Земскій Ежегодникъ Курской губ.* за 1881 г., стр. 11.

[4]) *Вѣстникъ Бессарабскаго Земства* 1882 г., №№ 1—2, отд. III, стр. 246.

Приступая къ изложенію мнѣній земскихъ собраній, мы прежде всего остановимся на критической части ихъ работъ, на указаніяхъ ихъ относительно недостатковъ нынѣшнихъ мѣстныхъ учрежденій и причинъ, обусловливающихъ эти недостатки.

Современное положеніе мѣстнаго управленія.

I.

Большинство земствъ, оставаясь въ предѣлахъ, указанныхъ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ, обратило свое вниманіе исключительно на учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ и только немногія вошли въ оцѣнку всего строя уѣзднаго управленія. Тѣмъ не менѣе, на основаніи земскихъ работъ, можно представить полную картину современнаго положенія этого управленія и его недостатковъ. По единогласному заявленію тѣхъ земствъ, которыя входили въ разсмотрѣніе этого вопроса, самый существенный порокъ нынѣшняго порядка заключается въ отсутствіи системы, единства и связи между учрежденіями, вѣдающими разныя отрасли управленія. Чуждыя другъ другу и по духу, и по составу, поставленныя внѣ прямой зависимости одно отъ другого, эти многочисленныя учрежденія дѣйствуютъ порознь, безъ общей руководящей программы, поневолѣ входя въ пререканія и столкновенія и тѣмъ задерживая правильный ходъ дѣла. «Разсматривая существующіе органы мѣстнаго управленія,—говоритъ образованная петербургскимъ губернскимъ собраніемъ коммиссія «объ изслѣдованіи условій, вредно вліяющихъ на экономическое положеніе С.-Петербургской губерніи»,—нельзя не убѣдиться, что въ учрежденіи ихъ не имѣется никакой руководящей системы мѣстнаго управленія; напротивъ, каждый органъ образованъ на совершенно самостоятельныхъ началахъ, и всѣ они не имѣютъ между собою ничего общаго; такимъ образомъ. учрежденія полицейскихъ управленій, исправниковъ, становыхъ приставовъ и полицейскихъ урядниковъ основаны исключительно на бюрократическомъ началѣ, учрежденія крестьянскихъ присутствій, волостныхъ и сельскихъ управъ — основаны на сословномъ началѣ, учрежденія земскихъ собраній и управленій—на всесословномъ началѣ; всѣ эти учрежденія имѣютъ одну цѣль—благо населенія, и такъ какъ они дѣйствуютъ самостоятельно, то они должны или сталкиваться между собою въ своей дѣятельности, создавая вредный антагонизмъ между правительственными и общественными учрежденіями, или относиться совершенно равнодушно къ своимъ обязанностямъ. Мѣстное управленіе только тогда можетъ удовлетворять своей цѣли, когда оно основано на довѣріи къ населенію и когда оно имѣетъ въ своихъ рукахъ дѣйствительную власть; при существующей же массѣ учрежденій въ уѣздахъ нѣтъ дѣйствительнаго органа правительственной власти, а также дѣйствительнаго самоуправленія» *).

*) „Докладъ коммиссіи“ (брошюра), стр. 20.

Ту же мысль высказываетъ и комиссія воронежскаго губернскаго собранія. «Уѣздъ,—говоритъ она,—въ управленіи подчиненъ многоначалію, и это есть причина всеобщаго недовольства. Всѣ вмѣстѣ и каждый порознь обвиняются: уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе—въ бездѣйствіи, полиція—въ самовольствѣ, земскія учрежденія—то въ бездѣйствіи, то въ неумѣлости. Обвиненія эти не несправедливы... Нынѣ въ уѣздѣ чувствуется недостатокъ власти, заботящейся объ условіяхъ, необходимыхъ для благосостоянія края, хотя есть земскія учрежденія; повсюду чувствуется недостатокъ той власти, которая ограждала бы личность и собственность, которая не допускала бы возможности преступнику легко укрываться отъ всякаго преслѣдованія, хотя есть полиція; повсюду видятся безпорядки и бездѣйствіе въ крестьянскомъ управленіи, хотя есть уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія». Причины всего этого заключаются, по мнѣнію комиссіи, «главнымъ образомъ въ неудовлетворительной постановкѣ земскихъ учрежденій, полиціи и уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія; въ чрезмѣрномъ обремененіи обязанностями полиціи, въ перепутаніи между собою вѣдѣній различныхъ учрежденій, т. е. въ возложеніи обязанностей завѣдывать однимъ и тѣмъ же дѣломъ на различныя учрежденія, такъ что необходимымъ условіемъ успѣшнаго хода этихъ дѣлъ требуется единодушное и согласное дѣйствіе различныхъ учрежденій, совершенно независимыхъ одно отъ другого, чего, однако, достигнуть трудно, какъ показалъ опытъ». Въ подтвержденіе своей мысли, комиссія разсматриваетъ, «какъ распредѣляются заботы между различными органами уѣзднаго управленія объ удовлетвореніи самыхъ существенныхъ потребностей мѣстныхъ и общественныхъ»: по натуральной дорожной и подводной повинностямъ, по народному продовольствію, устройству селеній, народному здравію и народному образованію, — и приходитъ къ заключенію, что заботы эти «возложены на различныя, совершенно независимыя одно отъ другого учрежденія, причемъ одно и то же дѣло разчленяется и поручается различнымъ учрежденіямъ, съ разграниченіемъ вѣдѣній этихъ учрежденій, большею частью весьма неясными» *).

По мнѣнію симбирской «общей» комиссіи, недостатки нынѣшней системы уѣзднаго управленія заключаются, съ одной стороны, «въ отсутствіи всякой связи между различными уѣздными учрежденіями и въ отсутствіи всякой солидарности въ ихъ дѣятельности», что «ведетъ на практикѣ къ постояннымъ недоразумѣніямъ, столкновеніямъ и пререканіямъ между представителями различныхъ уѣздныхъ властей»; съ другой — въ «ненормальномъ отношеніи органовъ уѣзднаго управленія къ органамъ волостного управленія: всѣ нынѣшнія уѣздныя власти состоятъ въ по-

*) „Журналы воронежскаго губ. зем. собр. 1881 г. Докладъ особой комиссіи по вопросу о преобраз. мѣстн. по крестян. дѣламъ учрежд.“

ложеніи исключительно начальства въ отношеніи волостей, и наоборотъ—органы волостного управленія занимаютъ положеніе вполнѣ зависимое, исключительно подчиненное» *).

Указывая, вмѣстѣ съ другими, на тѣ же недостатки мѣстнаго управленія, новгородская губернская управа останавливается на крупной аномаліи его устройства, заключающейся въ томъ, что большинство населенія поставлено въ сторонѣ отъ меньшинства. «Большинство народонаселенія Россіи,—говоритъ она,—состоитъ изъ крестьянъ, а между тѣмъ вся сѣть мѣстнаго управленія пріурочена къ нуждамъ всѣхъ сословій, кромѣ крестьянскаго, для котораго существуютъ особыя сословныя учрежденія; такъ, напр., наши гражданскіе законы совершенно игнорируютъ обычное право крестьянъ. Такимъ образомъ законъ дѣлаетъ исключеніе для большинства, создавая общія учрежденія для меньшинства. Если подобная постановка дѣла имѣла смыслъ при существованіи крѣпостного права, то съ уничтоженіемъ его, когда крестьяне сдѣлались равноправными гражданами, является безусловная необходимость въ организаціи такихъ учрежденій, въ которыхъ находили бы удовлетвореніе интересы всѣхъ обывателей, безъ различія сословій. Другимъ, и притомъ самымъ существеннымъ, недостаткомъ нашего мѣстнаго управленія представляется полное отсутствіе солидарности, что особенно невыгодно отражается на учрежденіяхъ, вѣдающихъ дѣла крестьянства. Съ одной стороны имѣются чисто правительственныя учрежденія, а съ другой—общественныя, основанныя на выборномъ началѣ. Эти послѣднія, въ свою очередь, дѣлятся на самостоятельныя группы, не имѣющія часто между собою ничего общаго. Земскія учрежденія, завѣдующія всѣми мѣстными нуждами, не имѣютъ почти ничего общаго съ учрежденіями по крестьянскимъ дѣламъ, между тѣмъ какъ въ числѣ мѣстныхъ интересовъ самое видное мѣсто занимаютъ интересы большинства крестьянскаго населенія. Точно также земскія учрежденія совершенно отдѣлены отъ учрежденій административно-полицейскихъ, въ которыхъ сосредоточена вся исполнительная власть и безъ прямаго содѣйствія которыхъ земство не можетъ въ достаточной мѣрѣ проявлять свою дѣятельность и выполнять свои задачи. При такой ненормальной постановкѣ дѣла въ общественномъ сознаніи возникаетъ представленіе о правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, какъ о противоположныхъ элементахъ, и двѣ силы эти, имѣющія, по существу, однѣ и тѣ же задачи и цѣли, часто занимаются пререканіями, въ прямой ущербъ дѣлу». Учрежденіе разныхъ смѣшанныхъ присутствій и коммиссій, въ которыхъ объединяющимъ началомъ является предводитель дворянства, не достигло цѣли; при этомъ «вмѣшательство, или даже, можно сказать, руководящее значеніе предводительской власти, какъ элемента чисто сословнаго, въ учрежденіяхъ крестьянскихъ и земскихъ

*) „Труды", стр. 103.

безсословныхъ представляетъ совершенную аномалію, которая настолько ясна сама по себѣ, что едва ли нуждается въ доказательствахъ, если посмотрѣть на все дѣло съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ, а не спеціально со стороны интересовъ одного сословія» *).

Такое положеніе дѣла не можетъ не имѣть крайне вредныхъ послѣдствій,—оно, говоря словами калужской губернской комиссіи, производитъ «неурядицу, которая очень невыгодно отражается на дѣятельности всѣхъ уѣздныхъ учрежденій, что, конечно, крайне вредно вліяетъ на развитіе жизни народа и его благосостояніе». Происходящее отъ этого много-и разновластіе, вредныя стороны котораго усиливаются еще отсутствіемъ точнаго разграниченія предметовъ вѣдомства отдѣльныхъ учрежденій, ставитъ въ затрудненіе и всѣхъ тѣхъ, кому приходится имѣть дѣло съ властью и самихъ представителей послѣдней. По словамъ комиссіи рязанскаго губернскаго собранія, у насъ «властей много, а подчиненный одинъ—крестьянство. Трудно угодить одному господину, каково же угождать цѣлымъ десяткамъ, вполнѣ другъ отъ друга независимыхъ, господъ? И какъ разобрать, что можетъ и чего не можетъ такое-то начальство, когда его послушаться и когда, наоборотъ, оказать ему отказъ и сообщить высшему начальству о превышеніи власти со стороны такого-то? Вотъ на это-то исканіе *высшаго начальства*, способнаго разсудить дѣло, уходитъ у неграмотныхъ крестьянъ пропасть времени». «Лица, пожившія въ уѣздѣ,—говоритъ комиссія далѣе,—могли бы привести высоко-трагическіе и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма комичные примѣры исканія начальства какою-нибудь неграмотною матерью многочисленнаго крестьянскаго семейства, состоящаго изъ малолѣтнихъ. Да что мудренаго, что у неграмотнаго крестьянина при этомъ закружится голова и кончится тѣмъ, что онъ самъ не съумѣетъ объяснить послѣднему изъ начальствующихъ лицъ, къ которому обратится, чѣмъ онъ недоволенъ и чего добивается,—есть множество случаевъ, что и сами должностныя лица становятся, какъ говорится, въ тупикъ и не знаютъ, что и кому изъ нихъ подвѣдомственно» **).

«Неурядица» въ мѣстномъ управленіи, на которую жалуются многія земства и устраненіе которой представляется особенно желательнымъ, явилась естественнымъ послѣдствіемъ того хода, который имѣли реформы прошлаго царствованія. Послѣднія производились по частямъ; для каждаго новаго дѣла создавались новыя учрежденія, нагромождавшіяся безъ опредѣленнаго плана, безъ пріуроченія ихъ къ какой-либо общей системѣ. Система, существовавшая дотолѣ, разстроилась и не была замѣнена новою, отчего и получилось совмѣщеніе системъ, взаимно одна другую исключающихъ. «Наиболѣе крупнымъ недостаткомъ нашей нынѣшней административно-общественной организаціи,—по мнѣнію комиссіи самарскаго губерн-

*) „Докладъ очередному земск. собранію 1881 года".

**) „Журналы рязанск. губ. земск. собранія X чрезв. созыва въ маѣ 1881 года", стр. 157.

ского земства,—служитъ почти повсемѣстный антагонизмъ между органами правительственными и общественными. Несмотря на всю странность и неестественность такого рода отношеній между учрежденіями, которыя по закону должны преслѣдовать одну общую цѣль народнаго благосостоянія, это явленіе объясняется весьма просто историческимъ путемъ, которымъ возникли наши новыя общественныя учрежденія. Въ быстрой преобразовательной дѣятельности прошлаго царствованія новыя общественныя формы создавались совершенно независимо отъ всего остального государственнаго строя—продукта политическихъ и общественныхъ принциповъ, несовмѣстныхъ съ требованіями новой народной жизни. Понятно, что прямымъ послѣдствіемъ отсутствія живой органической связи между старыми и новыми учрежденіями этой связи не оказалось и въ ихъ практической дѣятельности» *). Калужская комиссія указываетъ, что прежнія учрежденія, при введеніи новыхъ, не подверглись необходимымъ преобразованіямъ. «Основаніе настоящему строю мѣстнаго уѣзднаго управленія,—говоритъ она,—положено «учрежденіемъ о губерніяхъ», создавшимъ земскіе суды, преобразованные въ настоящія полицейскія управленія. Земскіе суды въ первоначальной ихъ организаціи сосредоточивали въ себѣ все уѣздное управленіе: на нихъ была возложена обязанность удовлетворять всѣ потребности уѣзднаго населенія, насколько эти потребности въ то время выяснились и были извѣстны. Суды эти сосредоточивали въ себѣ функцію судебную, собственно полицейскую, административную и наконецъ хозяйственную, или, другими словами, они держали въ рукахъ своихъ всю власть въ уѣздѣ. Несмотря на рядъ великихъ преобразованій, совершившихся въ прошлое царствованіе,—преобразованій, измѣнившихъ до основанія жизнь уѣзда и его потребности, полиція въ существѣ своемъ, по закону, по крайней мѣрѣ, осталась и до настоящаго времени съ тѣмъ же кругомъ административно-полицейской и хозяйственной власти, въ какомъ она за 100 лѣтъ тому назадъ была организована». Существующая неурядица «явилась послѣдствіемъ того, что настоящее мѣстное управленіе сложилось путемъ нѣсколькихъ одна за другою слѣдовавшихъ реформъ, при которыхъ созидаемыя вновь учрежденія въ большинствѣ случаевъ не согласовались съ учрежденіями, уже существующими, и эти послѣднія оставались безъ измѣненія, въ прямое противорѣчіе съ законами, вновь созидаемыми; такъ это съ очевидною ясностью видно изъ того, что въ сферѣ полицейскихъ обязанностей и до сихъ поръ содержится та хозяйственная дѣятельность, которая всецѣло передана въ руки земства» **). Все это вызвало ненормальность постановки вновь созданныхъ учрежденій. Такъ учрежденія земскія заняли положеніе, совершенно несоотвѣтствующее ихъ

*) „Постановленія XVII очер. самарскаго губернскаго земскаго собранія", стр. 878.

**) „Докладъ коммиссіи" (брошюра ненумеров.).

дѣйствительному значенію,—положеніе, въ значительной степени зависимое отъ администраціи. По словамъ воронежской комиссіи, земскія учрежденія, говоря о нихъ, какъ объ органахъ управленія, должны быть признаны безправными: дѣятельность ихъ связана другими учрежденіями и преимущественно полиціею. «Земскимъ учрежденіямъ приданъ характеръ хозяйственный; имъ предоставлено право установленія сборовъ и изданіе различнаго рода постановленій, право же осуществленія, т. е. непосредственнаго распоряженія къ понужденію и выполненію постановленій земскихъ учрежденій, предоставлено полиціи, облеченной административною властью: дѣятельность земскихъ учрежденій постольку будетъ имѣть существенное значеніе, поскольку полиція будетъ имѣть желаніе оказать имъ свое содѣйствіе». Не будучи снабжены необходимою властью, земскія учрежденія страдаютъ и другимъ недостаткомъ: они лишены необходимой связи съ крестьянскимъ населеніемъ, лишены вліянія на него и, въ свою очередь, не испытываютъ на себѣ его вліянія. «Земство,—говоритъ тульская губернская управа,—естественно должно стремиться къ упроченію крестьянскаго благосостоянія, такъ какъ крестьянство составляетъ главную численную и даже имущественную податную земскую силу; но крестьянское представительство въ земскихъ собраніяхъ такъ незначительно и поставлено во многихъ мѣстностяхъ въ такія условія, что не имѣетъ вліянія на рѣшенія собранія и потому остается безучастнымъ къ земскому дѣлу» *). Съ другой стороны, по словамъ кролевецкаго земства, «представители земства видятъ, какъ производятся незаконные сборы съ обывателей, какъ старшины, безъ разрѣшенія сходовъ, производятъ расходы, не записываютъ въ книги денежныхъ поступленій, оставляютъ безъ разбора въ волостныхъ судахъ по 1.000 дѣлъ, не записываютъ по книгамъ денегъ, взысканныхъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ и проч.,—все это видятъ и не могутъ устранить, потому что вся власть предоставлена уѣздному присутствію» **).

II.

Обособленіе сословнаго крестьянскаго управленія, въ эпоху освобожденія крестьянъ, было безусловно необходимо: въ то время не было учрежденій, которыя были бы въ состояніи принять это новое дѣло въ свое завѣдываніе, такъ какъ всѣ они были построены на принципѣ крѣпостного права. Но это обособленіе не принесло желанныхъ результатовъ: крестьянское самоуправленіе не упрочилось и, по свидѣтельству многихъ земствъ, находится въ крайне печальномъ положеніи. «Въ настоящее время,—говоритъ псковская уѣздная управа въ принятомъ собраніемъ докладѣ,—волостные сходы, при обсужденіи и рѣшеніи крестьянскихъ дѣлъ, пред-

*) „Докладъ чрезв. тульскому губ. зем. собранію", стр. 10.
**) *Земскій Сборникъ Черниговской губ.* 1881 г., № 12, стр. 173.

ставляютъ образецъ безпорядка, отсутствія законности и справедливости. Весьма часто дѣла разрѣшаются такъ или иначе не въ видахъ интересовъ населенія, а за водку. Голосъ порядочныхъ людей на сходѣ, являющихся въ меньшинствѣ, заглушается необузданною толпою людей, всегда жаждущихъ выпивки. Разные подряды на счетъ мірскихъ суммъ отдаются за высокую цѣну тому, кто болѣе поставитъ вина. На общественныя должности избираются тѣ изъ желающихъ, которые даютъ болѣе на водку. Дѣла разрѣшаются не большинствомъ голосовъ, а нѣсколькими горланистыми вожаками. Такой безобразный порядокъ на волостномъ сходѣ служитъ соблазномъ для всего крестьянскаго управленія и имъ легко проникается все. Отсюда проистекаетъ главная причина безотраднаго положенія крестьянскаго самоуправленія» *). Въ не лучшемъ положеніи находятся и сельскіе сходы. «Сначала, подъ руководствомъ мировыхъ посредниковъ,—говоритъ комиссія орловскаго губернскаго собранія,—вновь образованныя установленія дѣйствовали болѣе или менѣе удовлетворительно, но теперь они до крайности извратились. Сельскіе сходы, за весьма рѣдкими исключеніями, удовлетворяютъ самымъ законнымъ требованіямъ своихъ сочленовъ не иначе, какъ при соблюденіи безнравственнаго обычая—угощенія водкою, получившаго повсемѣстное распространеніе. На этихъ сходахъ нерѣдки даже случаи явнаго нарушенія правъ отдѣльныхъ членовъ общества въ угоду лицамъ постороннимъ. Основанія общиннаго землевладѣнія и круговой поруки подрываются частными отступленіями, безъ всякой нужды, безъ всякаго разумнаго повода, и всего чаще это дѣлается въ обиду сиротамъ и убогимъ. О призрѣніи сихъ послѣднихъ давно забыли и думать, какъ будто это ни по старому обычаю, ни по закону никогда и не вмѣнялось обществу въ обязанность; а распоряженія схода относительно безпомощныхъ лицъ обыкновенно ограничиваются тѣмъ, что у нихъ отбираютъ надѣлы и пускаютъ ихъ по-міру. Для осуществленія своего права въ кругу общинныхъ отношеній человѣку иногда приходится выдержать продолжительную и небезопасную борьбу противъ насилія сочленовъ и злоупотребленій ближайшихъ мѣстныхъ властей... По дѣламъ общественнаго благоустройства и хозяйства сельскіе сходы и старосты обнаруживаютъ полное равнодушіе и безпечность даже тогда, когда насущныя нужды общества не требовали бы ни труда, ни расходовъ, а лишь самаго простого и легко исполнимаго распоряженія» **).

Такими же приблизительно чертами рисуетъ современное положеніе крестьянскаго управленія подкомиссіи Бессарабской губернской комиссіи по еврейскому вопросу. Правящая въ селѣ единица, сельскій сходъ,—

*) „Доклады псковской губернской земской управы и постановленія губ. зем. собранія XVII очер. сессіи. Сводъ особыхъ предположеній уѣздныхъ земскихъ собраній Псковской губ.“, стр. 3.

**) „Докладъ комиссіи“ (брошюра), стр. 24.

говоритъ она, — учрежденіе прекрасное по идеѣ. Казалось бы, кому и заботиться объ общемъ благѣ, какъ не сходу, не всѣмъ тѣмъ, чьи интересы и составляютъ это общее благо; но въ дѣйствительности, на дѣлѣ, сельскіе и волостные сходы представляютъ весьма неотрадную картину общественныхъ собраній, не имѣющихъ никакой самостоятельности и постоянно находящихся подъ вліяніемъ то кулаковъ изъ своего общества, то волостныхъ старшинъ и, въ особенности, писарей, то разныхъ другихъ должностныхъ и частныхъ лицъ. Обсужденіе дѣлъ на сходахъ производится мало-развитою толпою, которая очень часто должна быть сгоняема на сходку понудительными мѣрами и которая, трактуя о дѣлахъ, или шумитъ, не вынося никакого опредѣленнаго рѣшенія, или насильно подчиняется первому мнѣнію, идущему отъ лица, по ея мнѣнію, компетентнаго,—лишь бы оно избавило отъ скучной обязанности быть на сходѣ и дало возможность скорѣе заняться не терпящими отлагательства собственными дѣлами. И это еще въ лучшемъ случаѣ; нерѣдко же бываетъ, что когда сходки собрать нельзя, а между тѣмъ приговоръ требуется настоятельно, то писарь, по написаніи приговора, подписываетъ всѣхъ неграмотныхъ, часто мертвыхъ и находящихся въ отлучкѣ, выбирая имена ихъ и фамиліи изъ ревизскихъ сказокъ, а грамотные приглашаются къ подписи впослѣдствіи. Значительное число дѣлъ, возникающихъ въ судебныхъ учрежденіяхъ о составленіи подложныхъ приговоровъ, обусловливается именно такимъ положеніемъ дѣлъ. Но до судебнаго разбирательства доходитъ только самое ничтожное число подобнаго рода приговоровъ,—преимущественно тѣ, въ которыхъ дѣло касается интересовъ какого-либо посторонняго грамотнаго лица; большая же часть общественныхъ дѣлъ рѣшается именно такими фиктивными приговорами, вслѣдствіе чего и самый порядокъ рѣшенія дѣлъ на общихъ сходахъ является одною формальностью». При такомъ положеніи,—продолжаетъ подкомиссія,—«сельская общественная единица не имѣетъ никакой самостоятельности. Стоящая надъ нею вторая инстанція сельскаго управленія — волостной сходъ и волостное правленіе—находится только въ наружной связи съ селомъ, въ сущности же учрежденіе стоитъ особнякомъ, не имѣя органической связи ни снизу, ни сверху. Волость для села является однимъ изъ цѣлаго ряда разнородныхъ начальствъ, которыя всѣ, такъ или иначе, наблюдаютъ за селомъ, но чужды ему. Близость волости чувствуется селомъ исключительно лишь въ періодъ сбора податей, когда старшины и засѣдатели, побуждаемые другою властью, побуждаютъ, въ свою очередь, село къ взносу платежей. Затѣмъ село и самая волость остаются въ своихъ хозяйственныхъ и, въ тѣсномъ смыслѣ слова, общественныхъ дѣлахъ безъ всякой связи съ уѣздомъ и губерніей и вмѣстѣ съ тѣмъ лишены собственнаго почина, а потому и не способны къ самодѣятельности» *).

*) *Вѣстникъ Бессарабскаго Земства* 1882 г., №№ 1—2, отд. III, стр. 175.

Органы крестьянскаго самоуправленія со временемъ потеряли тотъ характеръ, который первоначально приданъ былъ имъ Положеніемъ 19 февраля: изъ органовъ управленія хозяйственнаго они обратились теперь почти исключительно въ агентовъ общей полиціи, и эта перемѣна не могла не отразиться на ихъ дѣятельности. По свидѣтельству новозыбковскаго уѣзднаго земскаго собранія, «волостныя и сельскія крестьянскія учрежденія, поставленныя закономъ въ зависимость отъ полицейскихъ властей по уплатѣ разныхъ слѣдуемыхъ съ нихъ платежей, всю свою дѣятельность направляютъ на удовлетвореніе этихъ требованій, къ обязанностямъ же своимъ общественнымъ они относятся вполнѣ безразлично, почему волостное правленіе настоящаго его типа представляетъ сколокъ съ присутственнаго мѣста старыхъ временъ, со всѣми его дурными традиціями, массою безжизненной бумажной работы, проволочкою, канцелярскою тайною». Вслѣдствіе этого и неудовлетворительности волостного суда, «лишеннаго всякаго вліянія на исполненіе своихъ рѣшеній, въ большей части не исполняющихся», — «въ селахъ полный произволъ сельскихъ властей, богатыхъ крестьянъ, кулаковъ и т. п.» *). Сельскіе старосты, при новыхъ условіяхъ, перестали быть слугами міра и сдѣлались слугами полиціи. «Вмѣсто того, чтобы заниматься дѣлами общества и, какъ уполномоченный сельскаго схода, слѣдить постоянно за интересами сельскаго общества», сельскій староста, по словамъ уфимской губернской управы, «въ настоящее время оказывается какимъ-то полицейскимъ агентомъ, лицомъ, подчиненнымъ всѣмъ чинамъ общей полиціи, исполняющимъ безпрекословно ихъ велѣнія и одновременно находящимся въ извѣстной зависимости отъ волостного старшины. Такая обязанность, при ничтожномъ вознагражденіи, до того фальшива и тяжела, что порядочные крестьяне всѣми средствами ея избѣгаютъ и она выпадаетъ на долю совершенно неспособныхъ и негодныхъ людей. Староста, между тѣмъ, по своимъ отношеніямъ къ полицейской власти, можетъ всегда найти средство, при малѣйшей снаровкѣ, причинить любому крестьянину всякаго рода непріятности. Неудивительно,—замѣчаетъ управа,—что, имѣя во главѣ полицейскаго агента, не пользующагося уваженіемъ и поставленнаго въ двусмысленное положеніе, общество лишено всякой самостоятельности, всякаго самоуваженія и что оно способно на тѣ безобразія, которыя столь часто проявляются; общность хозяйственныхъ интересовъ, долженствующая направлять и сдерживать общество, не въ силахъ побороть вліянія развращающаго начала, введеннаго въ сельское управленіе» **). Устоять противъ этихъ вліяній крестьянская община была не въ силахъ потому, что ей дана неправильная постановка: въ общинномъ управленіи были смѣшаны два рода задачъ—хо-

*) *Земскій Сборникъ Черниговской губ.* 1881 г., № 2, стр. 154.
**) *Вѣстникъ Уфимскаго Земства* 1882 г., № 7, отд. II, стр. 25.

зяйственныя и административныя. «Сельское общество, по мысли крестьянскаго Положенія 19 февраля 1861 г. (ст. 40 Общ. Пол.), должно было представлять собою общину, т. е. хозяйственный союзъ крестьянъ, связанныхъ общимъ земельнымъ надѣломъ. Но въ послѣдующихъ статьяхъ того же законоположенія были допущены существенныя отступленія отъ этого начала въ пользу принципа однопомѣстности при образованіи сельскихъ обществъ. Въ настоящее время мы видимъ въ сѣверныхъ губерніяхъ какъ у государственныхъ, такъ и помѣщичьихъ крестьянъ, за весьма малымъ исключеніемъ, полное несоотвѣтствіе или несовпаданіе этихъ трехъ понятій: общины, селенія и сельскаго общества. У бывшихъ государственныхъ крестьянъ мы встрѣчаемъ селенія, состоящія изъ нѣсколькихъ общинъ и, въ силу принципа однопомѣстности, изъ такого же числа сельскихъ обществъ; часть нѣсколькихъ селеній по той же причинѣ входитъ въ составъ одного сельскаго общества, и, наконецъ, у государственныхъ крестьянъ хотя селеніе совпадаетъ съ общиною или представляетъ часть общины, но у нихъ сельское общество въ рѣдкихъ случаяхъ совпадаетъ съ селеніемъ, а по большей части нѣсколько селеній или нѣсколько общинъ составляютъ одно сельское общество». Указывая на эту сторону организаціи сельскаго общественнаго управленія и построеннаго на немъ волостного, новгородское губернское собраніе приходитъ къ заключенію, что «причиною отсутствія самодѣятельности въ сферѣ крестьянскаго самоуправленія, причиною осужденія органовъ этого управленія на степень низшихъ служебныхъ органовъ другихъ вѣдомствъ, является не одно только отсутствіе общественныхъ, сословно-крестьянскихъ интересовъ, не одна только передача всѣхъ общественныхъ интересовъ, а въ томъ числѣ и крестьянскихъ, въ вѣдѣніе земства, по между прочимъ и то, что сельское общественное управленіе, организованное по закону 19 февраля 1861 г., не было строго-послѣдовательно связано съ общиною, какъ хозяйственною единицею, а потому и не могло пріобрѣсти значеніе общинно-хозяйственнаго управленія» *).

Еще болѣе, чѣмъ сельское, поддалось извращенію управленіе волостное. Созданная искуственно, организація волостей, еще въ эпоху составленія Положенія о крестьянахъ, вызывала серьезныя опасенія. Еще въ то время указывалось, что волостныя правленія, подъ вліяніе которыхъ должны поступить многія общества, чуждыя другъ другу, составятъ только бюрократическую централизацію, крайне тягостную для крестьянъ и совершенно безполезную для мѣстной администраціи. Тутъ не будетъ и тѣни самоуправленія: волостныя правленія скоро обратятся въ особыя инстанціи, и волостной старшина будетъ отличаться отъ другого помѣщика только тѣмъ, что онъ будетъ угнетать крестьянъ, никогда не по-

*) Заключеніе новгородскаго губ. земск. собр. „Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгородской губ. за 1881 г.“, стр. 115.

могая имъ въ ихъ нуждахъ. Опасенія эти вполнѣ оправдались. По свидѣтельству многихъ земствъ, волостныя правленія обратились въ низшія административныя учрежденія, совершенно безполезныя для крестьянъ и только обременяющія ихъ крупными расходами. «По отсутствію почвы и органической связи съ населеніемъ, — говоритъ уфимская губернская управа,—учрежденія эти лишены самостоятельности и окончательно погублены возложеніемъ на нихъ общеполицейскихъ обязанностей». Волостное правленіе «обращено въ низшую чисто-полицейскую инстанцію, зараженную всѣми пороками, свойственными такого рода учрежденіямъ, и единолично управляемую полновластнымъ старшиной или писаремъ, смотря по тому, кто изъ нихъ умнѣе и изворотливѣе». На волостныя правленія возложена масса работы, исполненіе которой «мыслимо только при условіи отношенія къ дѣлу съ чисто формальной стороны, вполнѣ безучастно, порядкомъ, усвоеннымъ въ бюрократической средѣ. Волостной старшина, при такомъ положеніи дѣла, превратился въ чиновника, и волостной сходъ не можетъ имѣть никакого значенія» *). Волость въ настоящее время совершенно утратила характеръ органа сословнаго крестьянскаго управленія. Она, по мнѣнію таврической губернской управы, «не есть органическое соединеніе нѣсколькихъ сельскихъ обществъ, вытекающее изъ дѣйствительной потребности ихъ соединенія въ волостномъ сходѣ, а лишь административное, искуственное соединеніе нѣсколькихъ сельскихъ обществъ, часто не имѣющихъ никакихъ общественныхъ интересовъ; оттого для хозяйственныхъ дѣлъ крестьянъ не представляется надобности ни въ волости, ни въ ея волостномъ сходѣ». Волостное управленіе обходится крестьянскому населенію дорого: въ 1878 г. на губернію 105 т. руб.,—а между тѣмъ въ отношеніи завѣдыванія хозяйственными дѣлами волости оказывается совершенно безполезнымъ. «Разсматривая за нѣсколько лѣтъ вѣдомости мірскихъ расходовъ Таврической губерніи, оказывается, что ни въ одной русской волости нѣтъ волостныхъ сборовъ ни на предметы, относящіеся до хозяйственныхъ надобностей цѣлой волости, ни на предметы общественнаго призрѣнія. Всѣ подобнаго рода расходы пріурочены къ сельскому обществу. Такъ школы, фельдшера, оспопрививатели, содержаніе и ремонтъ церквей—все это относится къ сельскимъ, а не волостнымъ расходамъ, и къ заботамъ сельскаго, а не волостного схода» **).

Но, потерявъ значеніе органа крестьянскаго, волость все болѣе и болѣе обременялась дѣлами, чуждыми ея прямаго назначенія. «Съ одной стороны, — говоритъ комиссія московскаго губернскаго земства, — по соображеніямъ чисто финансовымъ, въ видахъ сокращенія расходовъ по содержанію должностныхъ лицъ, границы волости стали понемногу рас-

*) Назв. *Вѣстникъ Уфимскаго Земства* (тамъ же).

**) „Преніи и постанов. таврическаго губ. зем. собр. чрезв. сессіи, апрѣль 1881 г.“, стр. 40.

ширяться и съ уменьшеніемъ числа волостей въ уѣздѣ волость стала принимать такіе размѣры, которые все болѣе и болѣе отдаляли ее отъ той среды, которой она призвана была служить. Съ другой стороны, возникновеніе новыхъ потребностей, созданіе новыхъ учрежденій вызвали массу разнородныхъ дѣлъ, требовавшихъ исполнителей, и волостью, какъ учрежденіемъ уже существующимъ, воспользовались для того, чтобы возложить на нее дѣла, которыя собственно не входили въ кругъ ея прямыхъ обязанностей. Наконецъ и частные владѣльцы, не находя подъ руками такого учрежденія, которое бы имѣло своимъ назначеніемъ служить ихъ интересамъ, стали тянуть къ волости. Такимъ образомъ нынѣшняя крестьянская волость, сохраняя оффиціально характеръ сословный, въ дѣйствительности получила характеръ безсословный. Съ крестьянствомъ волость сохранила только одну связь — въ учрежденіи волостного крестьянскаго суда; во всемъ остальномъ связь эта рушилась и за волостью осталось развѣ только то, что она служитъ посредствующимъ звѣномъ между сельскимъ общественнымъ самоуправленіемъ и уѣздными учрежденіями хозяйственными и полицейскими». А между тѣмъ содержаніе 153 волостныхъ правленій обходится крестьянскому населенію губерніи въ 310 тыс. руб. въ годъ *).

Подвергаясь внѣшнимъ давленіямъ, и въ силу вещей измѣняя постепенно свой первоначальный характеръ, крестьянское общественное управленіе не могло получить правильнаго развитія, не могло упрочиться, какъ ожидали составители Положенія 19 февраля. Тѣ начала, которыя положены въ основаніе этого Положенія, по словамъ херсонской губернской управы, «заглохли и остаются неизвѣстными не только крестьянскимъ обществамъ, но и начальствующимъ въ волостяхъ лицамъ, и тѣ надежды, которыя возлагались на органы этого самоуправленія, не оправдались. Изъ всѣхъ правъ, дарованныхъ нашему крестьянскому сословію, и изъ всѣхъ обязанностей, вытекающихъ изъ этихъ правъ, крестьяне усвоили себѣ одно право, заучили одну обязанность — это своевременную уплату податей и земскихъ сборовъ. Въ эту же сторону была направлена и вся дѣятельность органовъ общественнаго ихъ управленія, и рвеніе этихъ органовъ было такъ велико въ этомъ, что подушная подать взыскивалась иногда даже съ тѣхъ лицъ, которыя платить ее не должны. Усвоивъ себѣ идею платежа повинностей и испытавъ на себѣ всевозможныя проявленія самоуправства, при исполненіи означенными органами этой операціи, крестьянинъ въ то же время остается безъ всякаго попеченія, безъ всякаго руководства; какъ на примѣръ этого, непремѣнный членъ александрійскаго уѣзднаго присутствія указываетъ на поразительный, но вполнѣ достовѣрный фактъ, что до сихъ поръ крестьяне бывшихъ военныхъ по-

*) „Докладъ (№ 34) коммиссіи по вопросу объ измѣненіи мѣстныхъ по крест. дѣл. учрежд.“ (брошюра), стр. 35.

селеній остаются въ невѣдѣніи своихъ правъ выкупа земли, отведенной имъ по владѣннымъ записямъ» *). Съ тѣмъ же фактомъ — невѣдѣніемъ крестьянами своихъ правъ—встрѣчаемся на противоположномъ концѣ Россіи — въ Петербургской губерніи. Непремѣнный членъ тамошняго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія А. Н. Бландовъ свидѣтельствуетъ, что, объѣзжая въ 1879 и 1880 годахъ волостныя правленія, онъ «могъ убѣдиться, что большинство населенія весьма смутно понимаетъ свои права и обязанности» **). Тульская губернская управа тоже утверждаетъ, что крестьяне, со времени освобожденія, не успѣли еще пріобрѣсти навыка къ самоуправленію: «Двадцать лѣтъ тому назадъ,— говоритъ она, — имъ (крестьянамъ) 19 февраля дана была желанная свобода, указаны были широкія формы самоуправленія и дарована была возможность выработать самимъ, съ помощью данныхъ имъ руководителей, формулы жизни, въ которыхъ могло бы удобно уложиться новое свободное существованіе. Вездѣ и во всемъ проявляющійся практическій смыслъ крестьянъ долженъ бы былъ выработать эти формы въ теченіе прошедшихъ двадцати лѣтъ, еслибы дарованная имъ свобода и учрежденія не подвергались постоянной ломкѣ и измѣненіямъ, которыя уменьшали размѣръ дарованной свободы и ставили крестьянъ въ новыя полу-крѣпостныя отношенія къ начальству, которое уже не могло имѣть къ крестьянамъ даже и тѣхъ патріархальныхъ отношеній, которыя, въ лицѣ добрыхъ и справедливыхъ помѣщиковъ, нѣсколько умѣряли тяготы крѣпостной зависимости,—и потому двадцать лѣтъ пропали даромъ для гражданскаго воспитанія крестьянскаго сословія, которое, поживъ два-три года послѣ уничтоженія крѣпостного права въ чаду отъ дарованной свободы и не успѣвъ съ нею освоиться и твердо установить правила, которыхъ необходимо держаться свободному человѣку для того, чтобы хорошо и безбѣдно жить, снова подпало подъ гнетъ административнаго начальства, которому мало-по-малу подчинились и мировые посредники и всѣ выборныя крестьянскія власти, переставшія существовать для крестьянъ и начавшія исполнять безконечныя административныя приказанія начальства». При нынѣшнемъ многовластіи, вступиться за крестьянина, избавить его отъ всякихъ обидчиковъ некому, а «распорядки разные да приказанія и запреты идутъ, при полномъ безправіи и безпомощности крестьянскаго населенія, въ которомъ тяжкою трудовою жизнью и этимъ безправіемъ и беззащитностью даже чувство собственнаго человѣческаго достоинства уничтожается. Возвыситься достоинству крестьянина трудно, когда онъ видитъ, что выборные его старосты и старшины то и дѣло сидятъ въ холодныхъ за то только, что не выбиваютъ изъ него подати, и

*) Херсонское губ. земск. собр. XXIII сессіи. Прилож.

**) „Прилож. къ докладу коммиссіи для изслѣд. условій, вредно вліяющихъ на эконом. полож. С.-Пб. губ.“ (брошюра).

потому добросовѣстнаго и достойнаго человѣка трудно сдѣлалось уговорить въ старшины или старосты» *).

Съ иной точки зрѣнія смотритъ на дѣло симбирская «общая земская коммиссія». Указывая на «безпорядки и злоупотребленія» въ волостныхъ правленіяхъ, начавшіе развиваться безпрепятственно съ того времени, «когда волостныя правленія и все крестьянское сословіе остались безъ руководства, послѣ упраздненія мировыхъ посредниковъ», коммиссія усматриваетъ причину этого въ неспособности крестьянъ къ самоуправленію. «Двадцатилѣтній опытъ,—говоритъ она,—показалъ, что крестьянское сословіе не обладаетъ необходимыми элементами самоуправленія внѣ предѣловъ общиннаго быта, не можетъ выставить изъ своей среды достаточное число лицъ, способныхъ къ служебной дѣятельности, требующей самостоятельности. Безъ надлежащаго руководства должностныя лица крестьянскаго сословія весьма нерѣдко подпадаютъ подъ самыя дурныя вліянія и не могутъ поддерживать авторитетъ предоставленной имъ власти». Но, произнося такой рѣшительный приговоръ надъ способностью крестьянъ къ болѣе широкому самоуправленію, коммиссія, сама того не замѣчая, тутъ же его и опровергаетъ: изъ ея же словъ оказывается, что непригодность волостныхъ должностныхъ лицъ вызывается не чѣмъ инымъ, какъ тѣми условіями, въ которыя, независимо отъ нихъ, поставлена ихъ служебная дѣятельность. Въ самомъ дѣлѣ «главными причинами неудовлетворительности волостныхъ правленій», по мнѣнію коммиссіи, кромѣ уже указанной, являются: «зависимое и подчиненное отношеніе волостныхъ правленій къ представителямъ всѣхъ уѣздныхъ и губернскихъ властей и право, предоставленное уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ и уѣзднымъ исправникамъ подвергать волостныхъ старшинъ аресту, который считается въ глазахъ крестьянъ позорнымъ наказаніемъ». Такое подчиненное положеніе волостныхъ старшинъ, по свидѣтельству самой коммиссіи, «отнимаетъ у нихъ всякій нравственный авторитетъ въ средѣ населенія волости». Далѣе коммиссія указываетъ на «обремененіе волостныхъ правленій массой порученій отъ различныхъ вѣдомствъ по хозяйственной, административной, полицейской, финансовой и другимъ частямъ управленія, удовлетвореніе коихъ является не по средствамъ нынѣшнему составу волостныхъ правленій, которыя не имѣютъ ни времени, ни умственныхъ и образовательныхъ силъ для работъ, на нихъ возлагаемыхъ»**). Можно ли же, при такихъ условіяхъ, которыя, по свидѣтельству многихъ земствъ, вызываютъ уклоненіе отъ волостной службы лицъ «способныхъ и самостоятельныхъ», ссылаться на «опытъ», какъ «доказательство неспособности» цѣлаго сословія? Что волостные старшины «весьма нерѣдко подпадаютъ подъ самыя вредныя вліянія», это совершенно справедливо,

*) „Докладъ чрезвыч. тульскому губ. зем. собр.“ (брошюра), стр. 4.
**) „Труды“, стр. 86.

но этого факта недостаточно, чтобы на основаніи его строить тотъ выводъ, къ которому приходитъ комиссія. Пусть припомнитъ она недавнее прошлое, когда всѣ учрежденія въ уѣздѣ состояли подъ предсѣдательствомъ избранниковъ того самаго сословія, способностей котораго къ административной дѣятельности комиссія не отрицаетъ, и она должна будетъ сознаться, что и дворянскіе предводители, уѣздные судьи и проч., подобно нынѣшнимъ волостнымъ старшинамъ, «весьма нерѣдко подпадали подъ самыя вредныя вліянія», что въ тѣхъ учрежденіяхъ полновластно царилъ «секретарь», какъ въ нынѣшнихъ волостныхъ правленіяхъ царитъ «писарь». Обвинять, на основаніи этого факта, дворянство въ неспособности было бы совершенно несправедливо, тѣмъ болѣе, что то же сословіе, при новыхъ условіяхъ, при большей свободѣ, уже успѣло проявить способности, которыхъ дотолѣ оно не проявляло. Того же, мы убѣждены, можно ожидать и отъ крестьянства.

III.

Ближайшее завѣдываніе крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ было возложено на особыя учрежденія, имѣвшія цѣлью, съ одной стороны, устроить поземельныя отношенія крестьянъ, съ другой—«упрочить крестьянское управленіе на началахъ Положенія 19 февраля 1861 года въ такой степени, чтобъ управленіе сіе могло быть современемъ передано въ вѣдѣніе общихъ для всѣхъ сословій административныхъ учрежденій». Въ теченіе двадцати лѣтъ составъ и организація учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ успѣли коренньмъ образомъ измѣниться: мировые посредники, учрежденные въ 1861 году, въ 1874 году замѣнены присутствіями по крестьянскимъ дѣламъ. Однако, несмотря на продолжительность своего существованія и на измѣненіе организаціи, учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ не достигли второй изъ поставленныхъ имъ задачъ: крестьянское самоуправленіе подъ ихъ руководствомъ не упрочилось и не улучшилось. Обыкновенно въ ихъ дѣятельности усматриваютъ два момента: эпоха мировыхъ посредниковъ такъ-называемаго «перваго призыва», о которой обыкновенно вспоминаютъ съ уваженіемъ и благодарностью, и послѣдующее время, въ теченіе котораго дѣятельность учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ вызывала много жалобъ и нареканій. Въ измѣненіи личнаго состава мировыхъ посредниковъ очень часто видятъ одну изъ главныхъ причинъ упадка этого института. «Оглядываясь на прошлое, — говоритъ самарская губернская управа,—нельзя не придти къ заключенію, что въ теченіе двадцати лѣтъ, прошедшихъ со времени освобожденія крестьянъ, первые года отличаются отъ послѣдующихъ горячимъ и сочувственнымъ отношеніемъ къ дѣлу лицъ, призванныхъ руководить имъ, истиннымъ пониманіемъ интересовъ населенія и быстрымъ ростомъ крестьянскаго самоуправленія. Мировые посредники перваго призыва пользовались гораздо большею самостоятельностью относительно администраціи, чѣмъ

посредники послѣдующихъ призывовъ, и пока администрація не наложила на нихъ дѣятельность свою тяжелую руку, они вкладывали въ дѣло всю свою душу и дѣло быстро шло впередъ; распутывались запутанныя отношенія, помѣщики и крестьяне приходили къ взаимнымъ соглашеніямъ; въ среду народа проникали здравыя понятія объ ихъ правахъ и обязанностяхъ, и только-что нарождающееся самоуправленіе дѣлало твердые шаги на пути развитія. Но ужь со времени второго призыва начались иныя вліянія и администрація все болѣе и болѣе съуживала самостоятельность мировыхъ посредниковъ, доходя въ своихъ требованіяхъ до содѣйствія мировыхъ посредниковъ полиціи при выбиваніи податей. Такое низведеніе посредниковъ до уровня простыхъ исполнителей административныхъ велѣній не могло не отразиться на дѣлѣ. Люди гордые и самолюбивые,—люди, которымъ дорогъ былъ интересъ дѣла, отшатнулись отъ посредничества, когда увидѣли, что отъ нихъ требуютъ невозможнаго—соединенія общественнаго самоуправленія съ административной опекой. Тѣ же изъ нихъ, которые думали продолжать прежній характеръ дѣла, скоро убѣдились въ невозможности проведенія мѣръ, почему-либо неугодныхъ администраціи, опустили руки и изъ числа правъ и обязанностей мировыхъ посредниковъ обратили главное вниманіе на право полученія содержанія. Ихъ мѣста заняли, въ большинствѣ, люди другого характера, другихъ воззрѣній, для которыхъ путеводною звѣздой въ дѣлѣ устройства крестьянскаго самоуправленія служили циркуляры административной власти. Борьба сдѣлалась невозможною и идея самоуправленія, положенная въ основу крестьянскаго быта, все тушевалась и тушевалась предъ подавляющей властью опеки, нерѣдко переходившей въ полный произволъ» *).

Измѣненію личнаго состава мировыхъ посредниковъ придаютъ важное значеніе и составители Положенія 27 іюня 1874 года. «Въ личномъ составѣ и въ дѣятельности мировыхъ крестьянскихъ учрежденій мало-помалу произошла замѣтная перемѣна,—читаемъ мы въ «Соображеніяхъ», принятыхъ въ основаніе этого законоположенія. — Институтъ мировыхъ посредниковъ первоначально привлекъ къ себѣ лучшія силы общества, а потому и дѣятельность посредниковъ была въ первое время весьма успѣшна и заслужила общее одобреніе. Но впослѣдствіи лучшіе изъ первоначальныхъ дѣятелей вышли, по тѣмъ или другимъ причинамъ, изъ посредниковъ и замѣнены большею частью лицами, сравнительно гораздо слабѣйшими. Вслѣдствіе этого изо всѣхъ имѣвшихся свѣдѣній начала обнаруживаться неудовлетворительность дѣятельности большинства мировыхъ посредниковъ».

Какъ ни важенъ, самъ по себѣ, личный составъ учрежденія, однако перемѣна его, при прочихъ равныхъ условіяхъ, не можетъ имѣть рѣши-

*) „Постановл. чрезвыч. самарскаго губ. зем. соб. 1881 года“ (мартъ), стр. 146.

тельнаго вліянія на ходъ послѣдняго. Поэтому значеніе, придаваемое факту выхода мировыхъ посредниковъ «перваго призыва», нельзя не признать преувеличеннымъ, тѣмъ болѣе, что фактъ этотъ совершился не внезапно, не въ силу какого-либо единовременнаго мѣропріятія. Какъ извѣстно, служба мировыхъ посредниковъ была безсрочна; одновременнаго обновленія этого института ни разу произведено не было, и были лица, которыя занимали должность мирового посредника въ теченіе всего періода ея существованія. Оставленіе первыми мировыми посредниками службы по крестьянскимъ учрежденіямъ совершалось постепенно и не могло имѣть такого рѣшительнаго вліянія, какое ему приписывается. Причины упадка какъ мирового института, такъ и крестьянскаго управленія были гораздо болѣе серьезны и общи. Указывая на происшедшій поворотъ въ отношеніяхъ общества къ мировымъ учрежденіямъ, комиссія самарскаго губернскаго собранія говоритъ слѣдующее: «Въ обществѣ и прессѣ, относившихся вполнѣ сочувственно къ мировому институту, начинаетъ проявляться противоположное направленіе и измѣненное учрежденіе получаетъ подраздѣленіе на посредниковъ перваго и втораго призывовъ. Первымъ отдаются симпатіи и признательность общества, на долю вторыхъ остаются одни порицанія. Но было бы ошибочно причину такого поворота въ общественномъ настроеніи искать только въ томъ, что, за выбытіемъ посредниковъ перваго призыва, замѣстившія ихъ лица по своимъ нравственнымъ качествамъ не отвѣчали будто бы своему назначенію и тѣмъ уронили дѣятельность мирового института, бывшую долѣ полезною. По мнѣнію комиссіи, усиливавшееся неудовольствіе общества противъ мировыхъ посредниковъ слѣдуетъ признавать за признакъ нараставшаго въ обществѣ сознанія о неудовлетворительности самыхъ началъ, положенныхъ въ основаніе устройства быта крестьянъ,—за единственно возможный для общества протестъ противъ несостоятельности экономическихъ и общественно-административныхъ порядковъ, созданныхъ Положеніемъ 19 февраля, а также противъ дѣйствій бюрократіи, для которой всегда ненавистны находящіяся близъ нея и отъ нея независящія учрежденія, и которая успѣла уже къ этому времени, если не путемъ закона, то фактически, посредствомъ разныхъ циркуляровъ, ослабить самостоятельность мирового института» *).

Самое измѣненіе состава мировыхъ посредниковъ вызывалось измѣненіемъ условій, въ которыя было поставлено дѣло. Одну изъ причинъ этого явленія таврическая губернская управа видитъ въ неправильной постановкѣ, данной крестьянскимъ учрежденіямъ: «они были введены особнякомъ, безъ связи съ остальнымъ административнымъ и полицейскимъ устройствомъ уѣзда. Такая обособленность сдѣлала ихъ безсиль-

*) „Докладъ комиссіи по вопросамъ объ измѣн. нѣкотор. постанов. Положенія 27 іюля 1874 года. Постанов. XVII очер. самарскаго губерн. зем. соб.“, стр. 853.

ными къ борьбѣ съ подавляющимъ вліяніемъ прочно установившейся административной и полицейской власти. Вначалѣ эти власти, опасавшіяся, что введеніе въ дѣйствіе Положенія 19 февраля повлечетъ за собою волненіе крестьянъ и безпорядки, бороться съ которыми считали себя неподготовленными, устранились отъ этого, казавшагося имъ опаснымъ, дѣла и передали его всецѣло въ руки мировыхъ посредниковъ. Послѣдніе воспользовались даннымъ имъ просторомъ для обращенія своей дѣятельности на пользу крестьянъ, помѣщиковъ и государственныхъ интересовъ. Кому неизвѣстна плодотворная дѣятельность мировыхъ посредниковъ перваго призыва! Она обусловливалась не только личными качествами этихъ почтенныхъ дѣятелей, но и—главнымъ образомъ—ихъ полною независимостью отъ всякаго административнаго и полицейскаго вліянія. Но чуть прошли первые годы, какъ та и другая власть съ особою энергіей стали возстановлять свое, временно ослабѣвшее, вліяніе на крестьянъ, въ чемъ и успѣли. По мѣрѣ усиленія административнаго вліянія, лучшіе люди стали покидать мѣста мировыхъ посредниковъ, уступая ихъ людямъ, не столько преданнымъ дѣлу. Вслѣдствіе этого мировыя учрежденія стали все болѣе и болѣе терять присущее имъ значеніе и дошли до того, что само правительство признало необходимымъ преобразовать ихъ, замѣнивъ мировыхъ посредниковъ непремѣнными членами, а мировые съѣзды—уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями. Но такъ какъ главная причина неудачи — преобладающее вліяніе мѣстной администраціи и полиціи—не была устранена, то и эти новыя учрежденія оказались столь же безплодными, какъ и прежнія» *).

Въ 1874 году мировые посредники и ихъ съѣзды уступили мѣсто новому учрежденію — присутствію по крестьянскимъ дѣламъ, но дѣло отъ этого не выиграло. Новое учрежденіе очень скоро обнаружило тѣ же недостатки, какими страдало прежнее, вызвало тѣ же самыя жалобы. Въ самомъ дѣлѣ, описаніе дѣятельности нынѣшнихъ присутствій и ихъ непремѣнныхъ членовъ, изложенное въ приложеніяхъ къ циркуляру 1880 года, сильно напоминаетъ отзывы о дѣятельности мировыхъ посредниковъ, помѣщенные въ соображеніяхъ къ закону 27 іюля 1874 года.

«Большинство посредниковъ,—читаемъ мы въ послѣднемъ изъ названныхъ документовъ,—по отзыву губернаторовъ отличается равнодушіемъ къ своимъ обязанностямъ и бездѣйствіемъ. Многіе изъ нихъ въ теченіе цѣлаго года не были ни разу въ нѣкоторыхъ волостяхъ своего участка, а другіе ни одного раза не посѣтили волостей государственныхъ крестьянъ съ самаго времени передачи сихъ послѣднихъ въ ихъ вѣдѣніе. Вмѣсто объѣзда и личныхъ распоряженій на мѣстахъ, посредники живутъ безвыѣздно въ своихъ помѣстьяхъ, ограничиваясь или перепискою съ во-

*) „Пренія и постановл. таврическ. губ. зем. собр. чрезвыч. сессіи 1881 г.", стр. 32.

лостными и сельскими начальниками, или вызовомъ ихъ къ себѣ... Общій, по отзывамъ лицъ, знакомыхъ съ дѣломъ, недостатокъ большинства нынѣшнихъ посредниковъ — бездѣйствіе — отражается преимущественно на дѣлахъ крестьянскаго управленія, по коимъ обязанности ихъ имѣютъ болѣе нравственный, чѣмъ юридически опредѣленный характеръ».

А вотъ что говорится о нынѣшнихъ непремѣнныхъ членахъ: «Губернаторы подтверждаютъ недостаточную дѣятельность непремѣнныхъ членовъ. Поземельное дѣло требуетъ отъ нихъ очень мало времени, и ихъ дѣятельность ограничивается тѣмъ, что они пріѣзжаютъ на засѣданія уѣздныхъ присутствій, а остальное время проводятъ у себя въ деревняхъ, нерѣдко отстоящихъ на дальнемъ разстояніи отъ города. Отправленіе въ ихъ усадьбы имѣющихъ до нихъ дѣло должностныхъ и частныхъ лицъ требуетъ времени и значительныхъ расходовъ. Крестьяне, прибывая въ городъ, не знаютъ, куда имъ обращаться по ихъ дѣламъ. Нерѣдко непремѣнныхъ членовъ нельзя найти и въ усадьбахъ, такъ какъ они часто, безъ всякаго разрѣшенія, уѣзжаютъ и вовсе изъ уѣзда и даже изъ губерніи». Дѣлопроизводство уѣзднаго присутствія «идетъ медленно и невполнѣ исправно».

Въ земской средѣ дѣятельность новыхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ встрѣчаетъ еще менѣе сочувствія, нежели дѣятельность мировыхъ посредниковъ,—большинство земствъ высказывается безусловно за ихъ упраздненіе и передачу подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ другимъ учрежденіямъ — существующимъ, или вновь проектируемымъ. Наиболѣе рѣзко противъ этого института высказываются гласные «отъ сельскихъ сословій» хорольскаго, Полтавской губерніи, уѣзднаго собранія. Ставя учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ въ вину то, въ чемъ въ дѣйствительности они не виноваты, — неокончаніе до сихъ поръ устройства поземельныхъ отношеній крестьянъ съ помѣщиками («мы видимъ половину крестьянъ еще временно-обязанныхъ, часть ихъ вовсе не имѣетъ надѣловъ и тщетно хлопочетъ о нихъ, часть до сихъ поръ на издѣльной повинности, т. е. это тѣ же крѣпостные»), хорольскіе гласные приходятъ къ заключенію, что «въ теченіе 20 лѣтъ крестьянскія учрежденія не исполнили главнаго своего назначенія, а это есть лучшее доказательство ихъ безполезности. Будучи безполезны, они еще вредны, внося путаницу въ общій порядокъ управленія чрезъ смѣшеніе властей» *). И вообще современное положеніе учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ описывается въ самыхъ мрачныхъ краскахъ; ихъ организація признается вполнѣ неудовлетворительной.

«Добытая посредствомъ кабинетной работы, безъ указаній людей дѣла и практики, мысль—составить учрежденіе по крестьянскимъ дѣламъ изъ

*) „Соображенія и заключ. уѣздн. земск. учр. Полтавской губ.“ и пр. (брошюра), стр. 52.

представителей всѣхъ, существующихъ въ уѣздѣ и губерніи, правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, съ придачею къ нимъ, въ качествѣ главной рабочей силы, непремѣннаго члена, должна была,—говоритъ самарская комиссія,—казаться мыслью самой счастливой. Понадобится ли проведеніе какого-либо спѣшнаго распоряженія и наблюденіе за его исполненіемъ,—представитель полиціи, исправникъ, въ числѣ членовъ присутствія. Понадобятся ли свѣдѣнія и указанія чисто хозяйственнаго свойства,—главный хозяинъ уѣзда, предсѣдатель земской управы, тоже въ числѣ членовъ присутствія. Встрѣтится ли надобность въ указаніяхъ юридическаго характера, для разрѣшенія правовыхъ вопросовъ,—представитель юстиціи, въ лицѣ почетнаго мирового судьи, тоже въ числѣ членовъ присутствія. Но на практикѣ дѣятельность уѣзднаго присутствія, при такомъ его составѣ, даетъ далеко не благопріятные результаты...» «Неудачная организація уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій,—говоритъ далѣе комиссія,—безвозмездное служеніе членовъ и отсутствіе закона о раздѣленіи между ними труда—служатъ причиною того, что, за недостаткомъ рабочихъ силъ, дѣло наблюденія за крестьянскимъ самоуправленіемъ перешло, по преимуществу, въ руки не установленнаго закономъ, но созданнаго въ силу необходимости, должностного лица—наемнаго дѣлопроизводителя» *). По отзыву уѣздныхъ земскихъ собраній Херсонской губерніи, нынѣшнія крестьянскія учрежденія по самому существу своему не удовлетворяютъ задачѣ, имъ поставленной. Составленныя изъ разнородныхъ элементовъ, не имѣющихъ никакого дѣйствительнаго жизненнаго отношенія къ крестьянству, къ его нуждамъ,—съ преобладающимъ, подавляющимъ вліяніемъ полиціи, спеціальные интересы которой совершенно противуположны интересамъ крестьянства, неподчиненныя контролю дѣйствующихъ выборныхъ собраній, учрежденія эти, при самомъ возникновеніи своемъ, не предвѣщали хорошихъ результатовъ. Семилѣтній опытъ подтвердилъ это. Благодаря своему составу—изъ лицъ, занятыхъ другими служебными обязанностями, присутствія могутъ вести дѣло только канцелярскимъ способомъ. «Разсматривая въ одно засѣданіе 100 и болѣе дѣлъ и имѣя передъ собою кипу мертвой бумаги, они поневолѣ относятся къ своему дѣлу вполнѣ бюрократически, т. е. отписываютъ и подписываютъ бумаги, самой же сути дѣла нѣтъ и быть не можетъ: оно погребено подъ грудой канцелярской переписки. Результатомъ такого мертваго отношенія является, что во многихъ мѣстахъ, какъ это удостовѣряетъ одесская уѣздная управа, по прошествіи болѣе 6 лѣтъ со дня учрежденія крестьянскаго присутствія, понятіе о его существованіи имѣютъ лишь только волостные старшины и писаря, да немногіе землевладѣльцы, большинство же населенія, для пользъ и нуждъ которыхъ присутствіе устроено, и незнаютъ о немъ ничего вовсе». Крестьянское управленіе, подъ руководствомъ присутствій,

*) „Постановл. XVII очер. самарскаго губ. зем. собр.“, стр. 857.

не только не улучшилось, но ухудшилось. Въ дѣлѣ надзора за крестьянскимъ самоуправленіемъ и порядкомъ въ обществахъ они даже не замѣнили мировыхъ посредниковъ, напротивъ того, они, невольнымъ образомъ, послужили причиной упадка тѣхъ зачатковъ законности и порядка, которые были водворены мировыми посредниками перваго призыва. Право дисциплинарныхъ взысканій съ волостныхъ старшинъ и старостъ, предоставленное одному только члену крестьянскаго присутствія—исправнику, дало ему преобладающее вліяніе, принизило выборныя сельскія власти и вмѣстѣ съ тѣмъ подѣйствовало угнетающимъ образомъ на крестьянъ. Исправники, вооруженные особою властью относительно должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія, какъ будто явились поставленными для преслѣдованія двухъ противоположныхъ цѣлей, одна другую исключающихъ. Радѣтели крестьянскихъ нуждъ и процвѣтанія, они, по спеціальному своему положенію, явились противниками этого процвѣтанія, вынуждены, какъ можно раньше, какъ можно скорѣе и во что бы то ни стало, взыскивать всѣ повинности. Присутствіе, въ полномъ составѣ, представляетъ изъ себя «разнохарактерное начальство, но не то, что нужно крестьянамъ,—не руководящее, помогающее ихъ развитію» *).

При разнородности состава, при обремененіи каждаго изъ членовъ другими обязанностями, присутствія по крестьянскимъ дѣламъ пользуются полною безотвѣтственностью. «Недѣятельность каждаго члена присутствія,—говоритъ воронежская губернская коммиссія,—находитъ оправданіе въ прямыхъ обязанностяхъ; поэтому дѣятельность присутствія покоится на доброй волѣ, желаніи, но не на обязанности, не на строгой отвѣтственности за недѣятельность. А такое учрежденіе мало полезно». Земство Вятской губерніи видитъ главный недостатокъ присутствій въ отсутствіи живой связи ихъ съ населеніемъ. По словамъ губернской управы, «относительно уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій всѣ уѣздныя земскія собранія высказались за неудовлетворительность ихъ въ настоящемъ ихъ положеніи, составѣ и компетенціи. Они не имѣютъ ничего общаго съ населеніемъ, находясь вдали отъ него, въ городѣ, не могутъ знать въ подробности его пользъ, нуждъ и средствъ, впадаютъ въ формализмъ, являются не только безполезными, но и непрактичными. Въ составъ ихъ входятъ лица только по праву занятія другихъ прямыхъ должностей, требующихъ именно всего ихъ вниманія и поставляющихъ имъ цѣли, не всегда согласныя съ дѣйствительными интересами крестьянскаго населенія. Между тѣмъ собственно крестьянскаго элемента въ составѣ ихъ нѣтъ; въ нихъ нѣтъ выборныхъ членовъ изъ крестьянъ, дѣлами которыхъ они завѣдуютъ, разсматриваютъ жалобы на рѣшенія волостныхъ судовъ, поставляющихъ свои рѣшенія не по закону, а по обычаю» **).

*) „Докладъ херсонской губ. зем. упр.—Херсонское губ. зем. собр. XXIII сессіи". Прилож., стр. 73.

**) „Журналы вятскаго губ. земскаго собранія XV очер. сессіи (1881)", т. II, стр. 278.

Въ числѣ причинъ, обусловливающихъ непрягодность присутствій, комиссія стародубскаго земства указываетъ еще на то, что они не обладаютъ качествомъ, необходимымъ для второй инстанціи самоуправленія. «Такая инстанція,—говоритъ комиссія,—должна представлять гарантіи величайшаго безпристрастія и непоколебимѣйшаго чувства законности. Первое условіе — независимость трибунала, составляющаго вторую инстанцію самоуправленія; онъ долженъ быть составленъ такимъ образомъ, чтобъ имѣть всю возможность оградить самоуправленіе. Второе условіе, чтобъ и самъ онъ былъ чуждъ элементовъ произвола и административнаго усмотрѣнія; вторая инстанція самоуправленія есть не начальство, но стражъ и блюститель закона. Присутствія этихъ условій не представляютъ. Условія независимости они не выполняютъ потому, что въ составъ ихъ входитъ уѣздный исправникъ, назначаемый и отрѣшаемый администраціей; условія законности—потому, что, по натурѣ своей, они учрежденіе административное; условія безпристрастія—потому, что стоятъ недостаточно высоко и далеко отъ мѣстныхъ столкновеній» *).

IV.

Совершившееся въ 1874 году преобразованіе учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ нанесло послѣдній ударъ самостоятельности крестьянскаго самоуправленія, подчинивъ его органы безграничному почти вліянію полиціи. «До введенія новаго учрежденія,—говоритъ московская уѣздная управа,—крестьянское управленіе могло быть охраняемо «отъ всякихъ постороннихъ неправильныхъ вмѣшательствъ и вліяній»; оно знало одну власть—мирового посредника; теперь эта власть раздвоилась, будучи передана въ равной мѣрѣ независящимъ другъ отъ друга органамъ—присутствію и исправнику, причемъ всѣ преимущества на сторонѣ послѣдняго. Присутствіе дѣйствуетъ коллегіально и потому, естественно, медленно; исправникъ дѣйствуетъ единолично и потому быстро. Присутствіе не можетъ оказать подчиненнымъ ему должностнымъ лицамъ защиты, не можетъ «охранить ихъ отъ неправильныхъ вмѣшательствъ и вліяній», потому что исправникъ не отвѣтственъ предъ нимъ въ своихъ дѣйствіяхъ, не обязанъ давать ему отчета. Мало того, съ согласія губернатора, исправникъ можетъ примѣнить даже такую рѣшительную мѣру, какъ удаленіе должностного лица отъ должности, и коллегіальное присутствіе обязано подчиниться» **).

Вліяніе полиціи на крестьянское управленіе покоится, главнымъ образомъ, на предоставленномъ уѣзднымъ исправникамъ правѣ подвергать сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ дисциплинарнымъ взысканіямъ,—правѣ, которымъ, при желаніи, можно пользоваться въ размѣрахъ болѣе

*) *Земскій Сборникъ Черниговской губ.* 1881 г., № 12, стр. 24.
**) *Земство* 1881 г., № 49.

широкихъ, нежели установлено закономъ. По словамъ тираспольскаго земства, «исправники имѣютъ полную возможность злоупотреблять предоставленнымъ имъ правомъ. Не желая или не находя для себя удобнымъ приступать къ законнымъ мѣрамъ взысканія недоимокъ, исправники безусловно требуютъ отъ старшинъ, чтобы недоимки были уплачены; при неисполненіи этихъ требованій, не входя въ разборъ, насколько виноваты старшины, исправники подвергаютъ ихъ дисциплинарной отвѣтственности. Такимъ образомъ, тогда какъ исправное поступленіе сборовъ благодѣтельно отражается на исправникахъ благоволеніемъ начальства, вся тяжесть за неисправное поступленіе ложится на волостныхъ старшинъ. Кромѣ того, исправникъ, пользуясь дисциплинарною властью надъ старшинами, можетъ злоупотреблять ею въ томъ смыслѣ, что если ему неугоденъ какой-нибудь старшина, то путемъ постоянныхъ взысканій онъ можетъ довести старшину до того, что тотъ долженъ будетъ отказаться отъ должности» *). Притомъ, какъ замѣчаетъ михайловское, Рязанской губ., земское собраніе, крестьянскія должностныя лица подпали подъ вліяніе не одного исправника, а всѣхъ полицейскихъ чиновъ. «На практикѣ оказалось, что съ предоставленіемъ означенной власти явилось лишь болѣе злоупотребленій, такъ какъ волостные старшины и сельскіе старосты сдѣлались черезъ это подчиненными не однимъ исправникамъ, а всей вообще исполнительной полиціи, какъ-то: полицейскихъ надзирателей, становыхъ приставовъ и даже полицейскихъ урядниковъ, потому что исправникъ, въ дѣлѣ взысканія, дѣйствуетъ чрезъ этихъ чиновниковъ, а эти послѣдніе всю свою бездѣятельность могутъ сложить на вину старшинъ и въ отвѣтѣ передъ исправникомъ остается одинъ старшина или староста. Затѣмъ самъ исправникъ лично не можетъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ безпристрастно, такъ какъ за всѣ получаемые отъ губернатора выговоры и замѣчанія за неуспѣхъ денежныхъ сборовъ, который явится послѣдствіемъ его собственной нераспорядительности, можетъ возложить всю вину на старшинъ и съ этою цѣлью подвергать ихъ произвольно различнымъ карамъ» **).

Возложенныя на полицію обязанности по взысканію податей оказываютъ, по отзывамъ земствъ, вредное вліяніе не только на ходъ крестьянскаго самоуправленія, но и на прямую дѣятельность самой полиціи и на крестьянское благосостояніе. Полиція,—говоритъ воронежская губернская коммиссія, — «законно отвлекаясь отъ дѣйствительныхъ своихъ обязанностей — охраненія безопасности лицъ и имуществъ, предупрежденія и пресѣченія преступленій, — исключительно занята ролью сборщика податей. А изъ этой, ей несвойственной, роли, которая тѣмъ не менѣе поставлена такъ, что успѣхъ поступленія податей, часто ни-

*) „Докладъ херсонской губ. зем. управы", стр. 71.

**) „Журн. рязанскаго губ. земск. собр. X чрезв. созыва (май 1881 г.)", стр. 236.

сколько не зависящій отъ дѣятельности полиціи, ставится ей въ заслугу,— и вытекаетъ тотъ образъ ея дѣйствій, который даетъ право и основаніе обвинять ее въ самовольныхъ дѣйствіяхъ». По мнѣнію мензелинскаго уѣзднаго земскаго собранія, исправникъ, «какъ человѣкъ пришлый, зависящій отъ начальства и единственно старающійся ему угодить, не заинтересованъ въ благосостояніи крестьянъ и не думаетъ о послѣдствіяхъ мѣръ, принимаемыхъ имъ въ данную минуту; этимъ только и объясняется возможность такого факта, что раздаваемое земствомъ нуждающимся жителямъ пособіе на продовольствіе тутъ же взыскивается полиціей въ уплату податныхъ недоимокъ» *).

Съ другой стороны, по отзыву калужской коммиссіи, «тяжесть налоговъ, падающихъ на крестьянское сословіе, и обѣдненіе его, уже признанныя правительствомъ, обусловливаются какъ самыми размѣрами платежей, такъ и настоящею системой ихъ взиманія. «Уѣздный исправникъ, получая постоянныя напоминанія о безнедоимочномъ взысканіи разныхъ платежей, обязанъ въ точности исполнять предписанія своего начальства, не обращая иногда должнаго вниманія на положеніе недоимщиковъ и на причины, недоимки вызвавшія. Большую часть своего времени вся уѣздная полиція употребляетъ на взысканія податей въ ущербъ дѣятельности въ сферѣ своего прямого назначенія... (строка точекъ въ подлинникѣ). Полиція при настоящемъ взысканіи податей, вмѣсто того, чтобы быть защитникомъ населенія, по обязанностямъ своимъ, а очень часто и изъ желанія угодить своему начальству, притѣсняетъ это населеніе. Такими глазами, по крайней мѣрѣ, смотрятъ крестьяне на полицію. По незнанію законовъ, они въ продажѣ своего имущества и въ наказаніи должностныхъ лицъ видятъ незаконныя дѣйствія полиціи. Аресты должностныхъ выборныхъ лицъ въ помѣщеніяхъ, предназначенныхъ для буяновъ-пьяницъ, воровъ и мошенниковъ, роняютъ достоинство этихъ должностныхъ лицъ и убиваютъ авторитетъ ихъ въ глазахъ народа. Наказанія эти и крайне отяготительные для старшинъ вызовы ихъ исправниками привели къ тому, что порядочные крестьяне отказываются наотрѣзъ отъ общественныхъ должностей, почему ихъ нерѣдко занимаютъ люди сомнительныхъ способностей и нравственности. При этомъ очень часто старшины и старосты подвергаются исправникомъ наказаніямъ не за бездѣйствіе ихъ, а единственно только за существованіе недоимки, которую общество не можетъ заплатить по бѣдности своей или временной несостоятельности. Такія наказанія, очевидно несправедливыя, роняютъ въ глазахъ народа достоинство полицейской власти и подрываютъ въ немъ къ ней уваженіе. Что народъ именно такъ понимаетъ эти наказанія, видно изъ того, что крестьяне очень часто принимаютъ на свой счетъ штрафы, на должностныхъ лицъ исправниками налагаемые». Вотъ почему почти всѣ уѣздныя

*) *Вѣстникъ Уфимскаго Земства* 1882 г., № 7, стр. 17.

земства, — исключеніе составляютъ очень немногія, — высказываются за уничтоженіе дисциплинарной власти исправника и очень многія—за освобожденіе полиціи отъ фискальныхъ обязанностей.

Значеніе полиціи и вліяніе ея на крестьянское управленіе усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что во главѣ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ стоитъ непосредственный начальникъ ея—губернаторъ. «Составъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія изъ большинства чиновниковъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, даетъ, — по мнѣнію самарской комиссіи,—въ результѣ невозможность опредѣлить, гдѣ кончается губернаторская канцелярія и начинается губернское присутствіе, такъ что, по справедливости, послѣднее слѣдуетъ считать непосредственнымъ продолженіемъ первой; поэтому масса жалобъ, по которымъ губернаторская канцелярія могла бы и должна бы отвѣчать, передается въ губернское присутствіе. Нерѣдки случаи, когда предсѣдатель присутствія, какъ начальникъ полиціи, поступающія на его имя жалобы на сельскіе сходы, на должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія—передаетъ для дознаній уѣдному исправнику. Такимъ образомъ, вмѣсто установленныхъ закономъ органовъ, чины полиціи производятъ изслѣдованіе, повѣряютъ документы волостного управленія и допрашиваютъ не только обвиняемыхъ — старшинъ или старостъ, но иногда и тѣхъ членовъ уѣздныхъ присутствій, которые производили уже мѣстное, по этимъ жалобамъ, дознаніе по порученію присутствій. Этимъ путемъ административно-полицейская власть изъ своего преобладающаго, по закону, значенія постепенно, шагъ за шагомъ, перешла къ опекѣ, а затѣмъ и къ полному произволу въ дѣлѣ крестьянскаго самоуправленія» *).

Организація полицейской власти, занимающей такое выдающееся, можно сказать господствующее, положеніе въ нынѣшнемъ строѣ мѣстнаго управленія, страдаетъ, по отзыву земства, серьезными недостатками. Приведемъ здѣсь мнѣніе смоленскаго губернскаго собранія. Указывая вмѣстѣ съ другими земствами на обремененіе полиціи заботами о взысканіи податей, собраніе отмѣчаетъ еще слѣдующія неудобства нынѣшняго ея устройства: «Полицейскіе станы часто распредѣлены неудобно для мѣстнаго населенія, а становыя квартиры нерѣдко устроены и не въ центрѣ становъ, и не тамъ, гдѣ нужна близость полиціи. Недавно учрежденная должность полицейскихъ урядниковъ, не представляя надежнаго обезпеченія для предупрежденія и пресѣченія преступленій, весьма вредно отзывается на бытѣ крестьянъ, часто подвергаемыхъ взысканіямъ вслѣдствіе столкновеній съ сосѣдомъ-урядникомъ». Наконецъ, «вся тяжесть низшей полицейской службы падаетъ исключительно на однихъ крестьянъ, такъ какъ она отбывается натуральною повинностью: изъ среды крестьянъ назначаются сотскіе и десятскіе, исполняющіе приказанія и порученія полиціи и часто

*) „Постановл. XVII очер. собр.“, стр. 859.

вызываемые вдаль отъ ихъ мѣста жительства. Сверхъ того безпрестанный вызовъ сельскихъ старостъ къ исправникамъ, въ станы и въ волостныя правленія, а также употребленіе ихъ для исполненія полицейскихъ обязанностей, внѣ предѣловъ ихъ обществъ, мѣшаютъ исполненію ими обязанностей по общественному крестьянскому управленію» *). Кромѣ этихъ частныхъ недостатковъ, въ самомъ существѣ полиціи и ея отношеніи къ уѣздному управленію лежитъ причина ненормальности ея положенія. «При настоящей организаціи мѣстной полиціи,—говоритъ новгородская губернская управа,—уѣздные исправники являются представителями совершенно особой правительственной власти, власти губернской администраціи, и при сліяніи полицейской власти съ должностью сборщиковъ податей дѣятельность мѣстной полиціи, въ дѣлѣ крестьянскаго управленія, выражается главнымъ образомъ въ преслѣдованіи интересовъ фиска. Оторванные отъ мѣстныхъ интересовъ, поставленные внѣ контроля общественнаго мнѣнія и находящіеся въ прямой зависимости лишь отъ далеко отстоящихъ губернскихъ властей, высшіе чины уѣздной полиціи не могутъ проникнуться сознаніемъ своей солидарности съ интересами разрозненныхъ и непричастныхъ къ нимъ мѣстныхъ общественныхъ учрежденій. Точно такъ же дѣятельность ихъ, освобожденная отъ близкаго общественнаго контроля, не можетъ отличаться желанною правильностью, такъ какъ дѣйствительный контроль немыслимъ со стороны далеко отстоящей губернской власти» **).

В. С.

---

*) *Земство* 1882 г., № 20.

**) „Доклады губ. собр. 21 марта 1881 г.“—„Сборн. постанов. земск. собранія Новгор. губ. за 1881 г.“

Указанія на богатства сѣверной полосы Россіи.

Въ разное время встрѣчались въ печати сочиненія ученыхъ путешественниковъ и литераторовъ о сѣверѣ Россіи; неоднократно посылались морскія, дорого стоющія, экспедиціи для изслѣдованія путей Ледовитымъ океаномъ и Карскимъ моремъ къ сибирскимъ рѣкамъ Ленѣ, Оби и Енисею. Первыя доставляли только поверхностныя и большею частію научныя свѣдѣнія; послѣднія ограничивались уже ранѣе извѣстными указаніями и о путяхъ давали отрицательные отзывы, вполнѣ подтверждали недоступность морскихъ сообщеній Европы съ Сибирью. Одни руководились цѣлями получать отъ правительства болѣе или менѣе значительныя вознагражденія, другія исполняли лишь служебныя обязанности и дорого оцѣнивали свои труды.

Частная предпріимчивость по изслѣдованію невѣдомыхъ странъ въ Европѣ существуетъ съ давнихъ временъ; она руководится любознательностью къ открытію новыхъ торговыхъ путей. Въ Россіи же эта предпріимчивость составляетъ величайшую рѣдкость.

Починъ этого дѣла мы встрѣчаемъ въ извѣстномъ дѣятелѣ, сѣверянинѣ г. Сидоровѣ, который, по чувству патріотизма и любознательности, имѣя въ виду государственные и общественные интересы, посвятилъ лучшую пору жизни и большую часть трудомъ пріобрѣтенныхъ матеріальныхъ средствъ на изслѣдованіе и изученіе малоизвѣстныхъ сѣверныхъ окраинъ.

Слабый очеркъ нашъ не въ силахъ передать впечатлѣнія, производимаго дѣятельностію г. Сидорова. Время отъ времени еще въ шестидесятыхъ годахъ встрѣчались въ разныхъ изданіяхъ отрывочныя свѣдѣнія объ этой дѣятельности; потомъ въ 1870 году была издана г. Сидоровымъ особая книга: «Сѣверъ Россіи», въ которой болѣе подробно обращается вниманіе на положеніе сѣвера и разсматриваются богатства его природы. Начиная съ 1860 года г. Сидоровъ знакомитъ Россію и иноземцевъ съ произведеніями сѣверныхъ окраинъ по всѣмъ царствамъ природы, представляя таковые на всѣ открываемыя съ того времени выставки, какъ

въ самой Россіи, такъ и въ другихъ государствахъ, и обогащая притомъ кабинеты разныхъ ученыхъ учрежденій, обществъ и музеевъ. Разнародность предметовъ и научныя свѣдѣнія показываютъ, какое вниманіе обращалось на всѣ встрѣчаемыя въ изслѣдованіяхъ обстоятельства.

Вышедшая въ 1882 году книга М. Сидорова: «Труды для ознакомленія съ сѣверомъ Россіи»,—напечатана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и не предназначается для продажи. Поэтому, интересуясь сѣверными окраинами Россіи, позволяемъ себѣ въ краткомъ очеркѣ познакомить публику съ тѣми богатствами сѣвера, на которыя указываетъ г. Сидоровъ.

Дѣятельность г. Сидорова начинается съ сороковыхъ годовъ; золотопромышленныя дѣла могли бы ему доставить колоссальное состояніе, потому что на открытыхъ имъ пріискахъ добыто золота болѣе 2.000 пуд. Но, по разнымъ не зависящимъ отъ него причинамъ и особенной довѣрчивости къ нѣкоторымъ лицамъ, богатствами воспользовались другіе и на долю открывателя перепали весьма ограниченные проценты съ массою тяжебныхъ дѣлъ и милліонными штрафами. Съ ранней молодости г. Сидоровъ задался мыслію посвятить себя изученію малоизвѣстныхъ окраинъ Сибири. Онъ руководствовался общеполезными цѣлями и не щадилъ ни личнаго труда, ни своего состоянія для изслѣдованія края и проложенія путей сообщенія. Обращая вниманіе на положеніе сѣвера, г. Сидоровъ въ 1870 г. напечаталъ свой трудъ: «Сѣверъ Россіи». Въ свое время эта книга произвела большое впечатлѣніе. Вотъ отзывъ, напечатанный въ октябрьской книгѣ *Русской Старины* за 1870 годъ: «Книга эта принадлежитъ перу неутомимаго изслѣдователя сѣвера Россіи и энергическаго дѣятеля въ весьма важномъ вопросѣ развитія на отдаленной окраинѣ Россіи промысловъ и торговли. Настоящій трудъ не отличается ни систематичностью, ни тѣмъ болѣе мастерствомъ литературнаго изложенія, но въ замѣнъ представляетъ множество весьма важныхъ и крайне поучительныхъ фактовъ и свѣдѣній, частію доселѣ оставшихся малозамѣченными, частію совершенно новыхъ въ этнографіи сѣвера Россіи, въ образѣ промышленности его и торговли, въ изслѣдованіи русскаго законодательства по отношенію къ сѣверу нашего отечества, въ исторіи внутреннихъ и внѣшнихъ тамъ распорядковъ мѣстныхъ администраторовъ и проч. Вообще эта книга должна быть вѣдома каждому русскому, принимающему близко къ сердцу интересы своей родины на всемъ ея безпредѣльномъ пространствѣ и желающему ознакомиться съ тѣми способами, посредствомъ которыхъ, по мнѣнію г. Сидорова, можетъ водвориться благосостояніе и возвыситься значеніе русскаго человѣка на берегахъ Бѣлаго моря и Ледовитаго океана,—значеніе, приниженное продажными и невѣжественными мѣстными администраторами».

Послѣ такого отзыва столь безпристрастнаго журнала наше слабое изложеніе будетъ менѣе рельефно, но, по крайней мѣрѣ, столько же достовѣрно, и потому переходимъ прямо къ фактамъ.

Книга М. Сидорова начинается съ описанія предметовъ, выставленныхъ г. Сидоровымъ на Россійскую художественно-промышленную выставку 1882 года въ Москвѣ. Образцы лѣсовъ: ель, кедръ, лиственица и сосна вѣковыхъ лѣсовъ Туруханскаго края, Енисейской губерніи, въ обрубкахъ разной длины и замѣчательной толщины: ель—14 д. 135 лѣтъ, кедръ—22 д. 185 л., лиственица—22 и 28 д. 185 и 485 л. и сосна—22 д. 210 лѣтъ. Означенные лѣса взяты изъ разныхъ мѣстъ лѣсной площади и по берегамъ значительныхъ рѣкъ, протекающихъ по Туруханскому краю: Енисею, Нижней Тунгузкѣ, Подкаменной или Средней Тунгузкѣ, Курейкѣ, Тазу и другимъ. Площадь изобильная лѣсами простирается, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, на 88.540.000 десят. или 850.000 кв. верстъ. Народонаселеніе этого края, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, не превышаетъ 8.000 душъ разныхъ инородцевъ и въ томъ числѣ русскаго осѣдлаго 715 человѣкъ. По отзыву же мѣстныхъ губернаторовъ, Туруханскій край *безполезенъ и служитъ только обремененіемъ казны*. Пользуясь такого рода ложными донесеніями, въ министерство внутреннихъ дѣлъ являлись предприниматели Лавровскій и Кобычевъ взять у правительства весь Туруханскій край въ аренду, кусокъ хотя отдаленный, но вѣроятно лакомый,—пространство края равняется по величинѣ пяти главнымъ европейскимъ государствамъ.

Образцы графита съ разныхъ мѣсторожденій Туруханскаго края и тигли изъ этого графита, какъ предметъ столь важнаго минерала въ промышленности и отпускной заграничной торговлѣ, заслуживаютъ особеннаго вниманія и обсужденія, и потому считаю необходимымъ сообщить объ этомъ нѣкоторыя свѣдѣнія.

Предпріимчивость г. Сидорова по изслѣдованію сибирскихъ окраинъ начинается съ пятидесятыхъ годовъ, преимущественно по рѣкѣ Енисею и ея притокамъ. Рѣка эта протяженіемъ 1.800 верстъ требовала изученія какъ личнаго, такъ и служащихъ у него. Такого рода труды привели къ открытію вышесказанныхъ лѣсныхъ богатствъ и огромныхъ залежей *графита* по рѣкамъ Курейкѣ и Нижней Тунгузкѣ, впадающимъ въ р. Енисей. Залежи графита начинаются по берегамъ на поверхности, на широкомъ пространствѣ и значительной глубинѣ. По разсчету, количество графита составляетъ многіе милліоны пудовъ и до сихъ поръ мѣсторожденія остаются почти нетронутыми; между тѣмъ, судя по образцамъ, представляемымъ г. Сидоровымъ на всѣ россійскія и иностранныя выставки, качества графита, по анализамъ ученыхъ обществъ и химиковъ, не уступаютъ графитамъ кумберландскому и цейлонскому, до сихъ поръ пользующимся извѣстностію на всемъ земномъ шарѣ. Кумберландскія копи уже выработаны, а цейлонскія истощаются, и потому есть полное основаніе надѣяться, что очередь дойдетъ до Туруханскаго края, котораго благосостояніе во многомъ можетъ улучшиться и народонаселеніе увеличиться. Сообщеніе Сибири съ Европою Карскимъ моремъ и Ледови-

тымъ океаномъ осуществилось и первымъ піонеромъ явился тотъ же г. Сидоровъ.

Заботясь объ открытіи морского пути въ Европу изъ устьевъ Енисея и Оби и желая обратить на это вниманіе русскихъ и иностранцевъ, г. Сидоровъ, начиная съ 1860 года, знакомитъ съ богатствами сѣвера посредствомъ выставокъ; онъ не пропускалъ ни одной выставки, какъ въ Россіи, такъ и за границей, и устраивалъ особые интересные отдѣлы всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые имъ представлялись. При этомъ онъ доказывалъ возможность прямого пути чрезъ Карское море и принималъ разныя мѣры. До открытія этого пути правительство, общество и ученый міръ смотрѣли на него какъ на мечтателя и фантазера, разоряющаго себя, и не только не оказали ему никакого содѣйствія, но администрація противодѣйствовала во всемъ, относящемся до сказанной цѣли. Г. Сидоровъ представлялъ на выставки не собственныя свои произведенія, а произведенія сѣверной природы, группируя ихъ такъ, чтобы доставить ясное понятіе о богатствѣ страны, и не останавливался ни предъ какими затратами по добыванію предметовъ и перевозкѣ изъ одного края обширной Россіи въ другой на разстояніи 10.000 верстъ. Кромѣ того онъ употреблялъ значительныя суммы на приличную обстановку выставокъ. Вотъ перечень выставокъ, на которыя доставлены г. Сидоровымъ произведенія сѣвера:

1) Въ 1860 году въ С.-Петербургѣ выставка произведеній сельскаго хозяйства.

2) Въ томъ же 1860 году въ Петербургѣ выставка мануфактурная. Сѣверный павильонъ г. Сидорова.

3) 1862 г. Лондонская всемірная выставка. На нее доставлены произведенія Туруханскаго и Архангельскаго краевъ: графитъ, каменный уголь, каменное масло, каменная и ключевая соль, янтарь, желѣзныя руды, мамонтовая и слоновая кость и издѣлія изъ нихъ, шкуры и кожи звѣрей и проч. Предметы съ рѣки Печоры Архангельской губерніи—два корабельныхъ груза лиственичныхъ лѣсовъ.

4) 1864 г. въ Москвѣ на выставку сельскихъ произведеній.

5) 1865 г. въ Штеттинъ на всеобщую выставку.

6) 1867 г. въ Парижъ на всемірную выставку образцы всѣхъ естественныхъ произведеній сѣвера Россіи, начиная отъ границъ Архангельской губерніи съ Норвегіею до Якутской области на протяженія 7.000 верстъ.

7) 1870 г. въ Петербургѣ на всероссійскую мануфактурную выставку въ особомъ павильонѣ.

8) 1872 г. въ Москвѣ на политехническую выставку въ память 200-лѣтія Петра Великаго.

9) 1873 г. въ Вѣнѣ на всемірную выставку.

10) 1874 г. въ Лондонъ на кожевенную выставку кожи оленей съ Новой Земли и Большеземельной тундры во всѣхъ видахъ: сырыя, обработанныя, окрашенныя и замша.

11) 1876 г. въ Филадельфію на всемірную выставку произведенія Туруханскаго края: рыбы сушеныя и соленыя, руды и минералы, образцы лѣсовъ и шишекъ (сѣмянъ), манекены сѣверныхъ инородцевъ, оленей и собакъ и ѣзда на нихъ къ упряжи и нартахъ на крайнемъ сѣверѣ.

12) 1876 г. въ Брюссель на гигіеническую выставку разные сорта питательныхъ веществъ изъ сушеныхъ, вяленыхъ и соленыхъ рыбъ съ Сѣвернаго моря и одежда самоѣдовъ, проживающихъ на Новой Землѣ и около нея на берегахъ Ледовитаго океана.

13) 1878 г. въ Парижъ на всемірную выставку образцы сѣверныхъ лѣсовъ, въ большихъ размѣрахъ, графита, нефти и проч.

14) 1879 г. въ Москву на антропологическую и этнографическую выставку, устроенную отъ Императорскаго Общества любителей естествознанія — коллекція бронзовыхъ древностей изъ кургановъ Минусинскаго края, каменныхъ вещей и проч.

и 15) 1882 г. въ Москву на художественно-промышленную выставку образцы лѣса и графита.

Произведенія сѣвера представлялись и на частныя выставки. Такъ, въ 1864 г. доставлено имъ въ даръ Императорскому Вольному Экономическому Обществу изъ Туруханскаго края собранные разные предметы по всѣмъ царствамъ природы въ 24 ящикахъ.

Въ томъ же 1864 г. представлено въ Бозѣ почившему Государю Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу глыба Туруханскаго графита вѣсомъ въ 16 пудовъ. Такой необыкновенной величины кусокъ графита весьма естественно обратилъ всеобщее вниманіе. Первоначальный вѣсъ его 35 пудовъ, но при перевозкѣ чрезъ Уралъ онъ разломился. Государь Наслѣдникъ настолько заинтересовался подаркомъ г. Сидорова, что эту глыбу поставилъ въ своемъ кабинетѣ какъ рѣдкость и, сочувственно относясь къ сѣверу Россіи, долго бесѣдовалъ съ Сидоровымъ.

Въ 1867 г. собраніе сибирскихъ предметовъ, предназначенныхъ на Парижскую выставку, предварительно было выставлено въ Петербургѣ въ квартирѣ г. Сидорова. Выставку эту посѣтили Высочайшія Особы и многія высокопоставленныя лица. Почетный предсѣдатель русскаго отдѣла Парижской выставки Его Высочество Николай Максимиліановичъ герцогъ Лейхтенбергскій поручилъ передать все въ распоряженіе предсѣдателя отдѣла А. И. Бутовскаго, для составленія особаго павильона.

Въ 1876 году г. Сидоровъ познакомилъ публику въ Петербургѣ съ предметами сѣвера, предназначенными на Филадельфійскую выставку. Въ томъ же 1876 г. были выставлены въ Петербургѣ предметы, назначенные на Брюссельскую гигіеническую выставку.

Въ 1878 г. выставлены были предметы, доставленные на яхтѣ г. Сидорова «Утренняя Заря» съ устья Енисея, въ залѣ Общества для содѣйствія русской торговлѣ и промышленности, а также нѣкоторые образцы въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ. Послѣ того всѣ предметы съ Енисея переданы въ Таможенный музей, гдѣ и понынѣ сохраняются въ особомъ отдѣленіи и частію въ 23 витринахъ.

Почти всѣ естественныя произведенія сѣвера послѣ выставокъ подарены были г. Сидоровымъ въ русскія и иностранныя ученыя общества, музеи, народныя школы, гимназіи, университеты, академіи, и въ послѣднее время подарена имъ Сибирскому университету коллекція сибирскихъ древностей, пріобрѣтенная имъ отъ г. Знаменскаго.

Каждая выставка отличалась разнообразіемъ предметовъ; въ составъ каждой изъ нихъ вносилось что-либо новое, особенное, что доказываетъ вниманіе и усиленный трудъ почтеннаго экспонента. Поэтому нельзя оставить безъ вниманія, въ чемъ именно заключаются эти предметы. Обращая вниманіе на Лондонскую выставку, нужно присовокупить, что печорскій лѣсъ, появившійся въ Англіи, признанъ до того превосходнымъ, что англійское морское министерство тогда же пріобрѣло отъ гг. Сидорова и В. Латкина доставленную лиственницу изъ нѣсколькихъ грузовъ и приступило къ постройкѣ перваго броненоснаго фрегата «Каледонія». Въ отчетахъ о выставкѣ въ англійскихъ газетахъ печатались такого рода отзывы: «Россія опять насъ удивила. Въ 1851 г. она щеголяла издѣліями изъ малахита, великолѣпными дверями и столами, нынѣ же она поражаетъ огромными кусками графита. Г. Сидоровъ, выставитель этихъ кусковъ графита необыкновенной величины, есть счастливый владѣлецъ величайшей и обильнѣйшей графитной ломки на берегахъ Енисея въ Сибири».

На самомъ же дѣлѣ этими богатствами г. Сидоровъ вовсе не пользуется, не имѣя возможности производить перевозку ихъ въ Европу, несмотря на то, что дѣло это можетъ приносить болѣе 70% прибыли. До сихъ поръ весь вывозъ графита не превышалъ въ общей сложности 100 тысячъ пудовъ прежнимъ дорогимъ путемъ черезъ всю Россію.

Интересно прослѣдить о поступившихъ предметахъ на Парижскую выставку. Реэстръ настолько обширный, что необходимо обратиться къ самой книгѣ, а здѣсь укажемъ только кратко: 1) Фотографическіе виды Красноярска и золотыхъ промысловъ, съ показаніемъ разработки, и въ образцахъ самое золото, въ какомъ видѣ получается послѣ промывки. 2) Костяныя издѣлія въ токарномъ производствѣ изъ слоновой кости, которая добывается на сѣверѣ въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ. По приведенному описанію ученаго Меддендорфа, за это время найдено и вывезено въ Россію и Европу до 20.000 мамонтовъ. 3) Шерстяныя издѣлія—перчатки и рукавицы, шапки съ околышами изъ гагачьихъ шеекъ. 4) Одежды, употребляемыя въ сѣверныхъ странахъ, преимущественно оленьи въ раз-

ныхъ видахъ. 5) Издѣлія изъ цѣнныхъ камней, добытыхъ близъ графитнаго пріиска на рѣкѣ Тунгузкѣ. 6) Графитъ финляндскій и сибирскій и разныя произведенія изъ него. 7) Горная смола съ р. Ухты, Печорскаго края, извѣстная со временъ Петра Великаго. 8) Соль каменная и варочная; каменная взята съ устья р. Анабары, впадающей въ Ледовитое море, а варочная съ береговъ Бѣлаго моря и нѣкоторыхъ рѣкъ, впадающихъ въ него. 9) Серебро въ рудѣ съ Медвѣжьяго острова, по добычѣ извѣстнаго съ первой половины XVIII вѣка. 10) Печорскій и туруханскій брусяно-точильный камень, добываемый въ значительномъ количествѣ для точилъ, брусьевъ и жернововъ. 11) Доманикъ или горный сланецъ съ р. Ухты, употребляемый мѣстными жителями для разныхъ крупныхъ и мелкихъ подѣлокъ. 12) Алебастръ. 13) Руды: желѣзная—озерная, болотная и магнитная—и мѣдныя съ береговъ Бѣлаго моря. 14) Горныя породы Новой Земли: каменный уголь, доманикъ, доказывающій присутствіе нефти, шерлы, хрусталь, сѣрный колчеданъ, охра, кварцъ, известь, слюдистый сланецъ, азбестъ, песчаникъ и другіе. 15) Образцы лѣсовъ печорскихъ и туруханскихъ, внушительныхъ размѣровъ по породамъ и произрастанію; лѣсъ, съ объясненіемъ качества, наслоенія и болѣзней и съ точными указаніями мѣстностей. 16) Продукты звѣринаго промысла: шкуры бѣлыхъ и черныхъ медвѣдей, волковъ, россомахъ, песцовъ, горностаевъ; изъ птицъ: шкурки лебедей и гусей, пухъ гагачій съ Новой Земли и гусиный; зубы моржей, жиръ акулій и тресковый въ разныхъ видахъ, клей изъ оленьихъ роговъ и клей осетровый съ Обскаго залива. Послѣдній добывается съ начала 1700 годовъ и составлялъ одну изъ вывозныхъ статей при Петрѣ Великомъ за границу. 17) *Раковины жемчужныя* съ Кандалажской губы Бѣлаго моря *и 36 жемчужинъ*. 18) Сырое волокно во множествѣ дикорастущей по р. Печоры травы на подобіе хлопчатой бумаги. 19) Коры древесныя и дикорастущія травы, употребляемыя для окрашиванія кожъ, шерсти, холста и пр. домашняго употребленія. 20) Корень марены, мохъ подъ названіемъ канарва, кормъ оленій зимній изъ мховъ. 21) Замѣчательные образцы корня ревеня, во множествѣ дикорастущаго по берегамъ Нижней Тунгузки. Корень этотъ, по испытанію членомъ медицинскаго совѣта г. Горяиновымъ, имѣетъ въ себѣ всѣ свойства китайскаго ревеня, только немного въ увеличительныхъ размѣрахъ; но какая разница въ цѣнѣ: за китайскій платится въ Россіи до 200 руб. пудъ, а тунгузскій обойдется только 10 рублей. 22) Образцы лиственичной губки, или нароста, вывозимой за границу изъ Мезенскаго уѣзда для употребленія въ медицинѣ. 23) Образцы углекислой извести или удвоющаго шпата, взятые съ Нижней Тунгузки и Кандалажской губы. Шпатъ подъ названіемъ «перелоя» употребляютъ всѣ инородцы отъ береговъ р. Таза до устья Лены, равно и мѣстные жители, какъ испытанное лѣкарство отъ гонореи и бѣлей. Произведенные опыты въ Петербургѣ оказались также удачными. 24) Значительный отдѣлъ кожъ оленьихъ въ

сыромъ и выдѣланномъ видѣ, а также подъ видомъ замшей, употребляемыхъ для мѣстной одежды, съ описаніемъ качества по времени и свойству убитыхъ, какъ домашнихъ, такъ и лѣсныхъ дикихъ оленей, а также мѣха. 25) Изъ удобрительныхъ веществъ: порошокъ изъ оленьей кости— сырой, сушеный и сженый — бѣлый и черный; порошокъ изъ морской травы «туры», добываемый по берегамъ Бѣлаго моря, во время періодическаго отлива водъ, въ громадномъ количествѣ; на мѣстахъ, гдѣ сгнивала эта трава, выростала дикая рожь, годная въ пищу; въ Норвегіи идетъ на кормъ рогатаго скота; порошокъ графита, употребляемый для удобренія полей, даетъ лучшіе результаты, и хлѣбъ вызрѣваетъ ранѣе. 26) 15 предметовъ питательныхъ веществъ, употребляемыхъ на сѣверѣ: мохъ болотный, пихтовая древесная кора, рябиновые листья, солома, сосновая кора и праздничный хлѣбъ съ примѣсью ржаной муки. 27) Сыръ, приготовляемый въ г. Холмогорахъ, Архангельской губерніи, замѣчательный по своему свойству не подвергаться порчѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ, и копченыя сельди съ р. Сосвы. 28) Сѣмена сѣверныхъ хвойныхъ деревьевъ шишками, въ банкахъ, коробкахъ и съ вѣтвями, взятыя изъ разныхъ мѣстностей въ 13 разнородныхъ образцахъ. 29) Скелеты моржей, тюленей, бѣлухъ, оленей, шкуры морскихъ и лѣсныхъ звѣрей и жиръ изъ нихъ. При обиліи сказанныхъ выше удобрительныхъ веществъ, какъ, напримѣръ, оленья кость, трава тура и порошокъ графита, инородцы и мѣстное населеніе сѣвера, по климатическимъ условіямъ, нуждаются въ привозномъ, дорогомъ и мало доступномъ хлѣбѣ. Подобныя коллекціи были представлены и на другія иностранныя выставки, а также и на россійскія, что можно видѣть въ подробности въ разбираемой книгѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ сказанные предметы перевозились съ большими затрудненіями, какъ по отдаленности разстоянія, такъ и по отсутствію удобныхъ путей сообщенія, слѣдовательно перевозки сопряжены были съ громадными издержками.

Желая обратить вниманіе на богатства сѣвера и тѣмъ пробудить стремленіе въ русскихъ и иностранцахъ къ открытію морского пути къ устьямъ рѣкъ Оби и Енисея, г. Сидоровъ собиралъ сѣверныя произведенія по всѣмъ царствамъ природы и пріобрѣталъ замѣчательныя вещи отъ туземныхъ жителей. Несмотря на всевозможныя противодѣйствія со стороны администраціи, онъ постоянно старался осуществить свою мысль объ открытіи морского пути въ сибирскія рѣки. Наконецъ, Сидоровъ нашелъ русскаго шкипера Шваненберга, который на яхтѣ «Утренняя Заря», съ экипажемъ изъ 4 человѣкъ, съ грузомъ въ 2.000 пудовъ, состоящимъ изъ графита, лѣсныхъ образцовъ, разныхъ породъ рыбъ и другихъ предметовъ Туруханскаго края, выйдя изъ устья Енисея 9 августа, совершилъ плаваніе чрезъ Ледовитое и Карское моря и 19 ноября прибылъ въ Петербургъ. Фактъ историческій! Неустрашимый капитанъ на небольшомъ парусномъ суднѣ, построенномъ въ Енисейскѣ, съ неопытными

матросами переплываетъ Карское море, которое недавно считали непроходимымъ ледникомъ.

Позволяю себѣ привести здѣсь нѣсколько словъ изъ сообщенія Шваненберга, напечатаннаго въ трудахъ с.-петербургскаго отдѣленія Общества содѣйствія русскому торговому мореходству:

« М. К. Сидоровъ командировалъ меня въ Енисейскъ, куда я и прибылъ въ іюнѣ 1876 г. Хотя клиперъ «Сѣверное Сіяніе», предназначенный вначалѣ для этой цѣли, былъ почти готовъ, но безъ парусовъ, блоковъ, снастей, якорей и даже матросовъ. Енисейскій судостроитель, взявшись построить судно съ полнымъ оснащеніемъ и такелажемъ и получивши впередъ за все деньги,—не отыскалъ ничего и даже матросовъ. Хотя я имѣлъ мало надежды на пріобрѣтеніе хорошаго такелажа въ Сибири, но, вслѣдствіе разрѣшенія г. Сидорова не стѣсняться никакими расходами, я за дорогую цѣну нашелъ все необходимое и прибылъ на сказанномъ клиперѣ къ Енисейскому заливу. Для плаванія, за неимѣніемъ матросовъ, взяты простые рабочіе, которые и моря не видали. Нагрузивъ судно, я 6 октября пошелъ въ море; но противные вѣтры, бури и наступившіе морозы воспрепятствовали дальнейшему плаванію, такъ что я вынужденъ былъ возвратиться въ устье Енисея и судно оставить на зимовку у Малобреховскихъ острововъ, въ совершенно необитаемой мѣстности». (Опускаю разсказъ о претерпѣнныхъ мученіяхъ, трудностяхъ и разныхъ неудобствахъ на зимовкѣ.) «Съ открытіемъ навигаціи отъ необыкновеннаго возвышенія воды судно и часть груза погибли. На мое счастіе въ это время приплыла къ Толстому Носу изъ г. Енисейска баржа за полученіемъ сложеннаго Норденшельдомъ товара на зимовку. Товаръ отправленъ на пароходѣ, а баржу я купилъ за 1.300 рублей; поставивъ ее въ протокъ, принялся усиленными работами превращать въ морское судно, насколько было возможно. Работами занимались приплывшіе для рыбной ловли инородцы. Нагрузивъ на нашу маленькую яхту, названную «Утренняя Заря», остатки графита и лѣса съ погибшаго судна, къ сожалѣнію, я не могъ помѣстить полностію предназначенный грузъ, а долженъ былъ оставить великолѣпные куски разныхъ деревъ и др. предметы. 31 іюля приплылъ въ устье Енисея, а 9 августа отправился въ дальнѣйшій путь».

Съ этимъ временемъ совпадающее открытіе морского пути къ устью Оби, предпринятое гг. Сибиряковымъ, Трапезниковымъ и графомъ Комаровскимъ, на снаряженныхъ ими пароходахъ, съ торговыми цѣлями, и наконецъ послѣднее ученое путешествіе академика Норденшельда укрѣпили увѣренность въ совершенной безопасности прохода судовъ между вѣчными льдами Ледовитаго океана и Карскаго моря. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ существуетъ пароходное сообщеніе Европы съ Сибирью. Гг. Кнопъ, Сибиряковъ и Трапезниковъ на своихъ пароходахъ привозятъ европейскіе товары и вывозятъ, къ сожалѣнію, не всѣ тѣ продукты, на которые

указываетъ г. Сидоровъ, какъ на естественныя богатства сѣвера, а только такіе предметы, которые не представляютъ капитальныхъ затратъ на разработку и развитіе мѣстныхъ промысловъ; изъ южной полосы Сибири они исключительно вывозятъ хлѣбъ для заграничныхъ рынковъ. Побуждаемые быть-можетъ славою вновь установившихся торговыхъ сношеній водянымъ путемъ и какъ люди богатые, они могли бы принести существенную и неисчислимую пользу государству и народонаселенію отдаленнаго края, обративъ вниманіе на такіе предметы, въ которыхъ нуждается Европа. Напримѣръ, графитъ, вывозъ котораго можетъ потребовать многія сотни тысячъ пудовъ ежегодно, ждетъ предпринимателей и по сіе время. Если русскіе коммерсанты не желаютъ понять значенія этой вывозной статьи, то навѣрное воспользуются ею иностранцы.

Если путь Карскимъ моремъ нельзя еще считать получившимъ гражданственность по его иной годъ недоступности, то уже ворота указаны и за нѣкоторыми исключеніями доступъ существуетъ.

Продолжая разсмотрѣніе книги г. Сидорова, обращаемъ вниманіе на политехническую выставку въ Москвѣ, въ память двухсотлѣтія со дня рожденія Петра Великаго. Въ этой выставкѣ г. Сидоровъ принялъ горячее участіе, выставивъ все то, что по отношенію къ сѣверу касалось великаго государя, который любилъ Сѣверный край, часто его посѣщалъ и покровительствовалъ морскому судостроенію и внѣшней торговлѣ, подавая примѣръ личнаго участія въ вывозѣ русскихъ произведеній за границу. Изъ исторіи Петра Великаго взято нѣсколько эпизодовъ, касающихся Сѣвернаго края, и передано въ 10 картинахъ, заказанныхъ г. Сидоровымъ художникамъ. По поводу этихъ картинъ ректоръ Академіи Художествъ г. Іорданъ писалъ къ г. Сидорову, между прочимъ, слѣдующее: «Вы не можете оставаться хладнокровнымъ при открывающейся какой-либо выставкѣ, чтобы не украсить ее какими-либо почти живыми предметами на пользу нашего народа и отечества. Въ рисункахъ вы воскресите многихъ русскихъ дѣятелей, которые трудились вмѣстѣ съ великимъ преобразователемъ и проч.»

Не менѣе интересна переписка съ президентомъ выставки Г. Е. Щуровскимъ, съ предсѣдателями отдѣловъ и другими лицами какъ по отношенію выставки, такъ и по предмету китоловнаго промысла въ Ледовитомъ океанѣ. Прежде, чѣмъ перейти къ обзору выставленныхъ предметовъ, сообщимъ въ немногихъ словахъ мысль о поощреніи и развитіи этого промысла, въ совокупности съ промысломъ судостроенія. Во время посѣщенія Сѣвернаго края въ 1870 г. Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ предположено было учредить китоловную компанію. По подпискѣ собрана была очень незначительная сумма, и потому г. Сидоровъ въ особой запискѣ указывалъ средства, которыя могли бы служить преміей сѣвернымъ китоловамъ и мореходамъ. Въ этой запискѣ, между прочимъ, сказано: «Для развитія китоловства и вооб-

ще мореходства назначается сумма совершенно недостаточная; разсчитывать на болѣе усиленное вспомоществованіе казны едва ли возможно. Если предполагается начало такому дѣлу, которое можетъ имѣть громадныя послѣдствія, то смѣю думать, что желательно отыскать источникъ, изъ котораго возможно было бы постоянно увеличивать китоловный промыселъ до желаемыхъ размѣровъ, и потому рѣшаюсь представить весьма удобный способъ къ постоянному поддержанію этого промысла. Въ Алтайскомъ горномъ округѣ, въ земляхъ, принадлежащихъ Кабинету Его Императорскаго Величества, находятся золотыя розсыпи по системамъ рѣкъ, впадающихъ съ лѣвой стороны въ рѣку Томь, а именно: Кондомы, Мрасы, Теби, Балыксы, Лебедя и другихъ, которыя съ давнихъ временъ разрабатывались средствами Кабинета. Мнѣ извѣстно, что между этими пріисками есть такіе, которые представляютъ болѣе выгодъ для разработки, чѣмъ всѣ остальные. Для разработки первыхъ пріисковъ я имѣю порученіе отъ первыхъ енисейскихъ золотопромышленниковъ составить компанію, которая обяжется платить сверхъ законовъ положенныхъ пошлинъ и сборовъ въ пользу казны и Кабинета еще добавочную попудную плату. Добавочная плата предполагается по 2.000 руб. съ пуда, которые предназначались бы употребить для китоловнаго промысла». Разсчитывая на хорошее содержаніе золота, г. Сидоровъ надѣется доставить для сказанной цѣли субсидію до 1.400.000 руб. въ два года и продолжать до выработки пріисковъ. Записка, какъ видно, оставлена была безъ вниманія; по указаніямъ г. Сидорова воспользовались Г. М. Асташевъ, банкиръ Гинцбургъ и П. П. Николаевъ въ 1879 году, взявъ въ аренду Кабинетскіе пріиски въ той мѣстности, на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ десятинъ; а потомъ тамъ же въ 1881 году г. Мальцову отдана золотосодержащая мѣстность до 200.000 десятинъ. Конечно, никакой попудной платы въ пользу китоловства и мореходства не осуществилось.

На политехнической выставкѣ 1872 г. предметы сѣвера, выставленные г. Сидоровымъ, распредѣлены по слѣдующимъ отдѣламъ:

а) Историческій отдѣлъ: 12 картинъ изъ дѣяній Петра Великаго; литографическіе снимки, рисунки и нѣсколько портретовъ изъ рода Бажениныхъ, первыхъ строителей русскихъ кораблей.

б) Морской отдѣлъ: модели разныхъ судовъ, плавающихъ на Печорѣ; 20 моделей болѣзни сосны—съ описаніемъ.

в) Геолого-минералогическій памятникъ Петру Великому изъ графита, графитныя глыбы и издѣлія изъ него; горная смола въ разныхъ видахъ; образцы горныхъ породъ съ Новой Земли.

г) Зоологическій отдѣлъ: скелеты бѣлухи, акулы, морского зайца и самое замѣчательное—скелетъ кита въ 17 саженъ, пойманнаго въ Кемскомъ уѣздѣ; китовое мясо, жиръ, кости и усъ; рыбы разныхъ породъ; клей, раковины и жемчугъ изъ Кандалажской губы; чучелы птицъ разныхъ породъ и звѣрей.

д) Ботаническій отдѣлъ: растенія лѣкарственныя, красильныя, окаменѣлыя, грибы и другія.

е) Лѣсной отдѣлъ отличается разнообразіемъ породъ, произрастаніемъ и издѣліями, на которыя какой лѣсъ употребляется.

Не менѣе Парижской выставки была обогащена сѣверными предметами Вѣнская выставка.

Какіе же результаты послѣдовали отъ выставокъ? Изъ приведенныхъ въ книгѣ г. Сидорова объясненій видно, что иностранцы съ бо́льшимъ вниманіемъ отнеслись къ сѣвернымъ богатствамъ, чѣмъ мы, русскіе: богатства создаются силою труда, а мы не пользуемся тѣмъ, что дано намъ природою. Что сдѣлано у насъ съ необъятными и непроходимыми лѣсами на сѣверѣ, насколько развилось китоловство въ сѣверныхъ моряхъ и гдѣ русскій, когда-то значительный, торговый флотъ? Англичане эксплоатируютъ и окончательно истребляютъ сѣверные лѣса; маленькая сосѣдняя страна Норвегія завладѣла русскимъ китоловствомъ; торговый нашъ флотъ сократился до нуля и всѣ грузы по привозу и вывозу перевозятся на иностранныхъ корабляхъ.

Кромѣ выставокъ, г. Сидоровымъ сдѣланъ вкладъ сѣверныхъ произведеній всѣмъ русскимъ обществамъ и многимъ иностраннымъ по тѣмъ предметамъ, какими тѣ общества руководствуются, также высшимъ, среднимъ и даже низшимъ учебнымъ учрежденіямъ и музеямъ, какъ видно изъ его книги. Такимъ образомъ предметы сѣверныхъ окраинъ Россіи, добытые г. Сидоровымъ 35-лѣтнимъ трудомъ, стоили, по представленнымъ въ Общество содѣйствія русскому торговому мореходству документамъ, 1.700.000 руб. Это цѣлое огромное состояніе! Подобныя государственыя и общественныя заслуги если достаточно не оцѣниваются современниками, то навѣрное будутъ оцѣнены потомствомъ.

Другая не менѣе важная дѣятельность г. Сидорова простирается на соревнованіе по образованію сѣвера. Въ 1853 году г. Сидоровъ пожертвовалъ первый свой доходъ отъ золотопромышленности 6.287 руб. на учрежденіе Сибирскаго университета, предложивъ при этомъ начальнику Иркутской губерніи открыть между золотопромышленниками подписку на этотъ предметъ, съ своей стороны жертвуя пудъ чистаго золота; но подписка, предложенная богатымъ золотопромышленникамъ, не удалась: первый богачъ того времени С. Г. Щеголевъ ограничилъ свое пожертвованіе однимъ рублемъ... Дальше идти нельзя! Однакожь г. Сидоровъ, преслѣдуя свою высокую мысль и не встрѣтивъ сочувствія со стороны генералъ-губернатора Восточной Сибири, обратился съ своими проектами къ главному начальнику Западной Сибири, Дюгамелю, который, при посредствѣ тобольскаго губернатора Деспотъ-Зеновича, отнесся къ этому болѣе сочувственно, но, вслѣдствіе разныхъ канцелярскихъ формальностей и многочисленной переписки, о которыхъ не только грустно, но даже непріятно разсказывать, дѣло объ учрежденіи университета и пожертвованіяхъ г. Сидорова

извратилось и получило совершенно иное направленіе. Даже пріиски съ доходомъ, жертвуемымъ г. Сидоровымъ, были отобраты въ казну и сданы другимъ лицамъ на общемъ основаніи о золотопромышленности въ Сибири.

Г. Сидоровъ старался содѣйствовать и распространенію грамотности, особенно между инородцами. Въ Туруханскомъ округѣ при Троицкомъ монастырѣ г. Сидоровъ учреждаетъ безплатную школу, жертвуя деньги и учебныя пособія, для учащихся устраиваетъ даже квартиры и даетъ пищу и одежду, обезпечивъ монастырь на десять лѣтъ. Изъ переписки съ духовными и административными лицами и комитетомъ грамотности видно, что участіе г. Сидорова по народному образованію простиралось въ Енисейскѣ, Красноярскѣ, Минусинскѣ и другихъ городахъ, также въ Западной Сибири и Архангельской губерніи: гдѣ доставлялись денежныя средства на покупку домовъ и прочія надобности, гдѣ учебныя пособія— въ совокупности на довольно значительныя суммы.

Заканчивая свою статью, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать извлеченіе изъ заключенія книги: «Труды для ознакомленія съ сѣверомъ Россіи».

Первыя произведенія сѣвера г. Сидоровъ представилъ на выставку въ 1860 году; въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ онъ одинъ являлся экспонентомъ произведеній сѣвера и надѣется, что черезъ полвѣка будутъ участвовать сотни экспонентовъ по сѣверу. Обращая вниманіе на Московскую художественно-промышленную выставку и удивляясь великолѣпію и чистотѣ отдѣлки выставленныхъ на ней предметовъ, онъ замѣчаетъ, что на ней не было произведеній нашего Сѣвернаго моря и предметовъ скотоводства съ обширнѣйшихъ луговъ сѣвера, а также морскихъ картъ, видовъ, пристанищъ и портовъ сѣвера. Далѣе г. Сидоровъ говоритъ: «если мы на всѣ естественныя произведенія сѣвера не будемъ обращать вниманія или препятствовать ихъ разработкѣ, какъ это дѣлается донынѣ, то скоро дождемся того, что сѣверъ будетъ пользоваться не только всѣми мануфактурными и фабричными товарами изъ-за границы, но даже мясо, овощи, соль, хлѣбъ, рыбу и молочные продукты будетъ получать изъ Америки». При этомъ г. Сидоровъ сообщаетъ, какъ усовершенствованы и удешевлены пути сообщенія въ Америкѣ. Между тѣмъ у насъ на сѣверѣ по материку, между городами Онегою, Кемью, Колою, Мезенью и Печорою, не только не существуетъ никакихъ дорогъ, но даже нѣтъ пѣшеходныхъ тропъ, хотя разстояніе между Онегою и Кемью всего 250 верстъ. Провозъ съ рѣки Двины до рѣки Печоры по одной Архангельской губерніи стоитъ 2 рубля съ пуда, и такъ далѣе. Г. Сидоровъ горько сѣтуетъ на тѣхъ администраторовъ, которые распоряжаются народнымъ трудомъ. Когда въ началѣ нынѣшняго столѣтія у насъ существовало министерство коммерціи, на сѣверѣ строились ежегодно сотни кораблей для собственныхъ русскихъ мореходовъ и частію продавались иностранцамъ. Въ одномъ Архангельскѣ существовало до 40 русскихъ конторъ, и тамошнее купечество имѣло свои конторы не толь-

ко въ Европѣ, но даже въ Америкѣ. Въ концѣ книги г. Сидоровъ, резюмируя правительственныя дѣйствія, дѣлаетъ такой выводъ:

«При такихъ порядкахъ русскій народъ дойдетъ до того, что со всѣми своими естественными богатствами, съ громаднѣйшими на сѣверѣ пустынными землями, которыя, несмотря на 40-лѣтнія ходатайства, не отдаются заявителямъ для добычи изъ нихъ минераловъ и металловъ, какъ доказываетъ изданная въ 1881 году книга «Сѣверъ Россіи»,— будетъ бѣднѣйшимъ народомъ въ мірѣ».

Дѣйствительно, какъ ни велики естественныя богатства Россіи на всемъ ея пространствѣ, совершенно несправедливо обращать вниманіе только на одну центральную часть государства и въ то же время совершенно игнорировать и препятствовать дѣятельности немногихъ предпринимателей для разработки сѣверныхъ произведеній.

Въ послѣднее время дѣятельность г. Сидорова сосредоточивалась въ Обществахъ содѣйствія русской торговлѣ и промышленности и торговаго мореходства, въ которыхъ онъ состоитъ почетнымъ членомъ. Всѣ его доклады относились къ вопросамъ какъ о благосостояніи, такъ и указаніяхъ водныхъ путей къ сѣвернымъ окраинамъ Сибири. Изъ переписки съ г. Норденшельдомъ можно видѣть, какими дорогими свѣдѣніями пользовался знаменитый путешественникъ и какъ сердечно выражалъ свою признательность. Г. Норденшельдъ въ отношеніяхъ своихъ съ г. Сидоровымъ называлъ его не иначе, какъ своимъ коллегой.

На промышленную выставку 1862 г. съ научною цѣлію онъ доставилъ высокаго качества лѣса и графитъ Туруханскаго края и въ то же время былъ полезнымъ экспертомъ лѣсного отдѣла.

Несмотря на свои многолѣтніе умственные и физическіе труды и почтенныя лѣта, въ половинѣ нынѣшняго года онъ предпринялъ путешествіе въ сѣверную часть Финляндіи, находился на открытіи полярной станціи для наблюденія сѣвернаго сіянія и, побывавъ въ Лапландіи, возвратился въ Петербургъ съ больными ногами; но его не покидаетъ мысль, пока имѣются силы и какъ возстановится здоровье, нынѣ же побывать на дальнемъ Кавказѣ, куда призываетъ его любознательность и куда уже не разъ ѣздилъ прежде. Весьма любопытно извлеченіе изъ письма г. Сидорова къ одному изъ высокопоставленныхъ лицъ Финляндіи:

«Возвратясь изъ Лапландіи, долгомъ считаю сообщить вамъ о моей туда поѣздкѣ.

«Изъ Вильманстранда я отправился на пароходѣ въ Іосису, затѣмъ черезъ Нурмисъ, Каяну, Ристіярви въ Хюрюсальми. Оттуда черезъ Пуалонго на Улеаборгъ, Кеми, Келистроскъ, Соданкюлю и Рованонъ на Ивалоіоки. Прибывъ туда, я на Культала былъ принятъ завѣдывающимъ горнымъ дѣломъ г. Тигерштедтомъ весьма любезно. Онъ показывалъ мнѣ работы и вообще весь ходъ дѣла; онъ оставилъ во мнѣ самое утѣши-

тельное впечатлѣніе, какъ ваши молодые люди трудятся и усердно работаютъ, относясь съ полнымъ вниманіемъ къ каждому дѣлу.

«Я пришелъ къ убѣжденію согласно съ мнѣніемъ вашимъ и г. Тигерштедта, что золото слѣдуетъ искать въ болотахъ. Дала же золото, мнѣ кажется, Масельга, служащая водораздѣломъ рѣкъ, текущихъ къ сѣверу и югу, и только въ полученіи воды для промывокъ будетъ затрудненіе—въ поднятіи ея на верхъ изъ отдаленныхъ мѣстъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на днѣ рѣки Ивалоіоки есть золото, но отводъ русла рѣки если возможенъ, то требуетъ огромныхъ затратъ. Съ рѣкою Таною, хотя она и много шире Ивало, легче справиться, потому что она имѣетъ удобные берега, а Ивало—самые ничтожные, и потому если получится отъ норвежскаго правительства дозволеніе, вслѣдствіе просьбы, мною туда поданной, то съ дозволенія вашего желалъ бы сдѣлать большую развѣдку рѣки Таны. Что же касасается до Лососей, то съ мѣстными жителями можно уладить черезъ г. Ленденана; если золото найдено будетъ выгодное для добычи, можно платить имъ ежегодно, съ общаго согласія, опредѣленную сумму, чтобъ они были довольны и сами помогали дѣлу. Обратно я поѣхалъ изъ Николайштадта на лапландскую гору Петрольови; здѣсь вашъ знаменитый профессоръ г. Лонстремъ учреждаетъ станцію надъ происхожденіемъ *сѣвернаго сіянія*. Наблюденія будутъ производиться въ будущую зиму.

«Мы прибыли на гору въ полночь $^1/_{13}$ іюля и при незаходящемъ солнцѣ провозглашали тосты за отсутствующаго г. Лонстрема и достойныхъ его помощниковъ, дѣлающихъ большія услуги своими трудами всѣмъ націямъ всего міра, и за всѣхъ просвѣщенныхъ покровителей начатаго дѣла. Тосты провозглашались передъ каждымъ стаканомъ чаю, привезеннаго мной изъ сибирскаго города Туруханска.

«Къ сожалѣнію, г. Лонстрема въ это время на Петрольови не было, но я познакомился со всѣми его помощниками, которые оказали мнѣ полное вниманіе и любезность и предоставили также осмотрѣть всѣ привезенные аппараты. Изъ нашихъ русскихъ былъ только я одинъ и многіе изъ иностранныхъ ученыхъ.

«Все время путешествія продолжалось теплое и пріятное, дождей не было. Урожаи сѣвернѣе г. Кеми отличные и много лѣсныхъ ягодъ.

«Въ Гельсингфорсъ заѣхать не могъ по случаю заболѣвшихъ ногъ отъ дальнихъ пѣшеходныхъ путешествій и только-что возвратился въ Петербургъ, гдѣ надѣюсь скоро поправиться и снова совершать путешествіе на Кавказъ въ надеждѣ походить по кавказскимъ горамъ и взобраться сначала на Эльборусъ, а потомъ на Араратъ, гдѣ надѣюсь увидѣть отысканный турками Ноевъ ковчегъ».

П. Черкасовъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка: **Царица Прасковья.** 1664—1723. *М. И. Семевскій.* Изданіе второе, исправленное и дополненное. Съ приложеніемъ портрета, отпечатаннаго красками. С.-Пб. 1883 г.

Данные очерки написаны авторомъ еще въ 1861 году. Онъ помѣщалъ ихъ въ журналѣ *Время*, издававшемся тогда М. М. и Ѳ. М. Достоевскими.

Въ послѣднее двадцатилѣтіе открылось много новаго матеріала по русской исторіи, благодаря которому, время и лица, составляющія предметъ очерковъ, получаютъ большее освѣщеніе и рельефность. Воспользовавшись имъ, г. Семевскій дополнилъ свои очерки и издалъ отдѣльною книгой.

«Царица Прасковья», какъ и всѣ работы г. М. И. Семевскаго, представляетъ собраніе въ высшей степени любопытныхъ данныхъ; несмотря на отсутствіе полной законченности въ обработкѣ труда, книга полна интереса, читается съ одинаковымъ вниманіемъ съ начала до конца.

Царица Прасковья—это одно изъ лицъ, о которыхъ обыкновенно не говорятъ въ элементарныхъ курсахъ исторіи, но которое тѣмъ не менѣе многое освѣщаетъ, прекрасно знакомитъ съ общимъ духомъ и характеромъ современной ему эпохи.

«Царица Прасковья» была изъ рода бояръ Салтыковыхъ. По желанію царевны Софьи, она была выбрана въ жены къ малоумному царю Ивану Алексѣевичу, въ надеждѣ, что отъ нея родится сынъ, который отстранитъ отъ престола ненавистнаго и опаснаго Софьѣ Петра. Но надежды царевны не сбылись,—у царской четы не родилось ни одного сына; за то Богъ не обидѣлъ ее дочерьми. Правда, нѣкоторыя рано умерли, но три выросли, вышли замужъ и пережили старуху-мать: Екатерина Ивановна, Анна Ивановна и Прасковья Ивановна. Средней изъ нихъ, нелюбимицѣ матери, впослѣдствіи пришлось занять всероссійскій престолъ. Она въ исторіи извѣстна подъ именемъ императрицы Анны Іоанновны, жены гер-

цога Курляндскаго Фридриха, который довольно рано умеръ и оставилъ ее молодою вдовой.

Старшая, Екатерина Ивановна, была любимицей матери. Мать называла ее не иначе, какъ «свѣтъ мой Катюшка». Чтобы дольше не разставаться съ своей любимицей, мать выдала ее замужъ позже второй дочери, выдала по желанію Петра, за Леопольда Мекленбургскаго. У нея родилась дочь, извѣстная въ исторіи царица Анна Леопольдовна, которая была замужемъ за Антономъ-Ульрихомъ Брауншвейгскимъ. Отъ нихъ родился сынъ Іоаннъ Антоновичъ... Слѣдовательно, царица Прасковья является родоначальницей того большого числа кратковременныхъ царей и царицъ, какіе сидѣли на русскомъ престолѣ во время малолѣтства дочери Петра I, императрицы Елизаветы, которая и смѣнитъ этихъ полунѣмецкихъ царей.

Съ представленіемъ о царствованіи Анны Іоанновны обычно связывается воспоминаніе о карлахъ и карлицахъ, какими были переполнены хоромы царицы, а также о разныхъ шутовствахъ, шутовскихъ процессіяхъ, до которыхъ она была охотница. Невольно при ея имени возстаетъ загнанная, обиженная, оскорбленная и превращенная въ шута фигура нашего перваго русскаго ученаго Тредьяковскаго, который «инлъ» себя поэтомъ.

Послѣ ближайшаго знакомства съ жизнью и обстановкой, какія сопровождали дѣтство Анны Іоанновны, съ образомъ жизни ея матери, невольно снимается съ этой царицы большая доля вины за ея дѣла и дѣянія. Любовь къ карламъ, разнымъ уродамъ и юродивымъ она должна была пріобрѣсти еще въ дѣтствѣ. Ея мать постоянно окружала себя именно такимъ штатомъ, который, впрочемъ, она прятала въ разные чуланы, когда ждала къ себѣ Петра. Петръ не любилъ юродивыхъ и всякихъ нищихъ, для которыхъ домъ царицы Прасковьи былъ убѣжищемъ.

Но онъ и самъ не прочь былъ отъ разныхъ шутовскихъ процессій, смѣшныхъ фарсовъ. Такъ, извѣстно, на свадьбѣ Анны Іоанновны съ герцогомъ Курляндскимъ за обѣденный столъ, по приказу Петра, были принесены громадныѣйшіе пироги «четвертей въ пять». «Когда прочее кушанье было снято, государь вскрылъ пироги, и, ко всеобщему восторгу и изумленію, изъ нихъ выскочили двѣ разряженныя карлицы. Петръ отнесъ ихъ на свадебный столъ, и здѣсь, по его приказу, карлицы исполнили минуэтъ» (стр. 51). Страсть Петра къ разнымъ шутовскимъ процессіямъ давно хорошо извѣстна. Онъ и въ нихъ былъ изобрѣтательнѣе своихъ послѣдователей, рабски повторявшихъ его выдумки. Изъ данныхъ очерковъ г. Семевскаго видно, что Петръ устраивалъ и шутовскія свадьбы, которыми прославилась впослѣдствіи Анна Іоанновна. Такъ послѣ свадьбы своей племянницы съ Курляндскимъ герцогомъ Петръ устроилъ свадьбу карла съ карлицей. Для этого въ качествѣ провожатыхъ собралъ около сотни разныхъ уродцевъ, которыми тогда еще изобилова-

ли боярскія хоромы, а также и палаты царицы Прасковьи... Молодыхъ послѣ свадебнаго торжества велѣлъ положить на ночь въ своей опочивальнѣ.

Эта шутка была потомъ оплачена жизнью того и другого урода. Молодая умерла въ страшныхъ мукахъ во время родовъ, а молодой—отъ разврата, въ какой впалъ по смерти супруги.

Послѣ всего этого дворъ и образъ жизни Анны Іоанновны является только печальнымъ отголоскомъ того прошлаго, среди котораго она воспитывалась...

Царица Прасковья по всѣмъ своимъ привычкамъ и воспитанію принадлежала старинѣ. Но какъ женщина умная, понимавшая, что вся ея сила счастья или несчастья лежала въ Петрѣ, она подлаживалась къ нему, къ его симпатіямъ. И, благодаря такого рода дипломатіи, она пользовалась до конца симпатіей Петра Великаго. Случалось, къ ней обращалась за посредничествомъ любимая жена Петра, Екатерина I, съ которой она дружилась и переписывалась.

Вся жизнь и нравственные интересы этой женщины были поглощены монастырями, церквами, милостыней, всякой благотворительностью. Но рядомъ съ этимъ душеспасительнымъ дѣломъ хранилась въ старой царицѣ и та черствость, то звѣрство, которымъ отличались въ древней Руси всѣ власти предержащія. Эту сторону въ характерѣ царицы Прасковьи удается г. Семевскому довольно рельефно выставить и освѣтить съ помощью найденныхъ бумагъ, касающихся дѣла ея стряпчаго Деревина.

Деревинъ былъ золъ на Юшкова, любимца царицы Прасковьи. Вдругъ случай далъ ему возможность найти на дворѣ оброненное Юшковымъ цифирное письмо царицы къ Юшкову.

Извѣстно, какъ въ царствованіе Петра I было во всей силѣ дѣйствіе Тайной Канцеляріи со всѣми ея застѣночными инструментами. Извѣстно, какъ указы Петра поощряли всякіе доносы и какъ грозили наказаніемъ за скрытіе какихъ-нибудь вредящихъ государству или вообще подозрительныхъ тайнъ. И вотъ Деревинъ, въ отмщеніе Юшкову, рѣшается представить найденное письмо въ Тайную Канцелярію. Слухи объ его намѣреніи дошли до Юшкова. Послѣдній, опираясь на такую сильную руку, какъ царица Прасковья, далъ приказъ схватить Деревина, думая пытками и угрозами заставить его выдать письмо. Деревинъ, не смущаясь пытками, крѣпко стоялъ на томъ, что не находилъ никакого письма царицы. Строгость, съ какой къ нему относились, еще болѣе убѣждала его, что найденное письмо, должно-быть, важный обвинительный документъ противъ лютаго врага, и потому упорнѣе стоялъ на своемъ. Юшковъ, боясь, что замучитъ до смерти, наконецъ отпустилъ Деревина на волю. Выпущенный, онъ тотчасъ представилъ письмо въ Тайную Канцелярію. По наговору Юшкова, что Деревинъ, будучи стряпчимъ царицы, обокралъ ее,—Деревинъ былъ посаженъ въ тюрьму съ прочими арестантами.

Услыхавъ, что у Деревина находится цифирное письмо, царица Прасковья, тогда уже больная, согбенная и настолько болѣзненная, что не въ силахъ была ходить сама, отдала приказъ, чтобы несли ее по тюремнымъ казематамъ, что ей пришло желаніе одѣлить арестантовъ милостыней. И дѣйствительно, очутившись въ казематкѣ, она раздавала милостыню направо и налѣво и всѣхъ при этомъ спрашивала, гдѣ находится арестантъ Деревинъ. Ей указывали на дальніе казематы... Но вотъ наконецъ и Деревинъ. Вмѣсто милостыни, на этого арестанта посыпались собственноручные царскіе удары палкою по лицу, по головѣ и вообще по чемъ попало. Царица хотѣла такимъ способомъ заставить вернуть найденное Деревинымъ ея собственноручное письмо. Но, какъ мы знаемъ, письмо было уже передано членамъ Тайной Канцеляріи. Что же могъ ей вернуть Деревинъ? Но настойчивая старуха не вѣрила его словамъ и не унималась; она не ослабѣвала въ изобрѣтеніи разныхъ мукъ для своего бывшаго стряпчаго. Вдругъ ей пришла мысль жечь лицо и волосы Деревина. Но когда и это не достигало желанныхъ результатовъ, тогда царица отдала приказъ своей фрейлинѣ: «Сходи въ карету, да принеси оттуда бутылку съ водкой». Водка мигомъ была принесена. Тогда она приказала лить на голову арестанта. «Водка или лучше сказать спиртъ потекъ по лицу, т. е. по отвратительной язвѣ, и разъѣдалъ ее страшно... «Зажигай!»—крикнула царица, обращаясь къ Пятилѣту. «Истопникъ Степанъ Пятилѣтъ, привыкшій жечь дрова, но не людей, страшился исполнить приказъ старушки; но монархиня собственноручно соизволила толкнуть его руку со свѣчею къ головѣ Деревина, и голова вспыхнула, какъ порохъ!» (стр. 151). Но здѣсь еще не конецъ всѣмъ мукамъ арестанта. Царица выказала царское мужество и жестокость. Когда кѣмъ-то изъ присутствовавшихъ былъ потушенъ огонь, зажженный на несчастномъ, царица пожела осмотрѣть «копчонаго стряпчаго». «Узнать его не было возможности. Волосы сгорѣли, лицо вздулось, посинѣло, почернѣло, мѣстами вовсе выгорѣло, глаза заплыли опухолью; подбородокъ тщательно обоженъ, и только сквозь раздутыя черныя губы слышались стоны». Царица еще болѣе разгнѣвалась, «и ручка монархини, и крѣпкая трость вновь загуляли по ли...; но, нѣтъ, то не было уже лицо: въ громадной язвѣ не было даже и подобія образа человѣческаго» (стр. 151).

Когда бы кончила и, вообще, кончила ли бы царица издѣваться надъ своей жертвой, не добившись результа, трудно сказать; но теперь ее прервалъ и остановилъ своимъ появленіемъ генералъ-прокуроръ Ягужинскій. Онъ отнялъ у царицы ея жертву, а самое ее выпроводилъ изъ каземата, — правда, и то не безъ хитрости: Ягужинскій обѣщалъ царицѣ, что на другой день пришлетъ къ ней Деревина.

Судя по тому звѣрству, съ какимъ преслѣдовала царица этого человѣка за удержаніе ея письма, дѣйствительно можно было подумать, что

письмо содержитъ какую-нибудь государственную тайну, обнаруженіе которой могло обрушить гнѣвъ царя на самое царицу Прасковью, но это только такъ казалось. На самомъ же дѣлѣ, надо думать, письмо касалось только личныхъ интимныхъ отношеній царицы къ Юшкову. Мы говоримъ: «надо думать», такъ какъ содержаніе письма до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ: оно не найдено среди бумагъ, касающихся дѣла Деревина.

Въ описанномъ эпизодѣ выступаетъ типичный и характерный фактъ стараго времени. Царица Прасковья—на видъ чуть не святая, чуть не монахиня—всѣ силы употребляетъ, чтобы сохранить за собой образъ милостивой, благочестивой. Всѣ житейскія интимныя дѣла она творитъ втихомолку и обставляетъ ихъ такой осторожностью, что даже переписку съ любимымъ человѣкомъ ведетъ шифромъ. Какъ тигрица нападаетъ она на похитителя, который можетъ раскрыть ея тайныя любовныя отношенія... Старина любила снаружи—для виду—быть чистой, блестѣть на глазахъ другихъ, какъ брилліантъ, но въ сущности творила гораздо больше пакостей подъ разными покровами, скрывающими ее отъ посторонникъ взоровъ.

Хотя царица Прасковья не играла какой-нибудь политической роли, но она весьма интересна, какъ массовый типъ Петровскаго времени, который «лучше всего,—какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Семевскій въ своемъ предисловіи,—можетъ служить для нагляднаго изображенія общественной жизни въ извѣстный, пережитый обществомъ, моментъ» (стр. 6).

Въ концѣ книги, въ видѣ приложенія, помѣщена: «Переписка царицы Прасковьи» и «Переписка герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны».

Кометы и падающія звѣзды. *С. П. Глазенапа.* 1883 г.

Вотъ какъ авторъ опредѣляетъ цѣль своей книжки: «Мы взбрали задачу изложить *научно*, но въ то же время и *общедоступно* все то, что извѣстно о кометахъ. т. е. *о ихъ* природѣ, *о ихъ* движеніяхъ; далѣе мы изложимъ все, что извѣстно о падающихъ звѣздахъ, и, наконецъ, займемся вопросомъ, который, собственно говоря, и послужилъ поводомъ къ напечатанію настоящей книги: это—вопросъ о возможной и вѣроятной встрѣчѣ земли съ кометою и о послѣдствіяхъ подобной встрѣчи» (стр. 3).

Итакъ, авторъ намѣренъ *научно* и вмѣстѣ съ тѣмъ *общедоступно* познакомить средняго читателя съ міромъ кометъ и падающихъ звѣздъ и затѣмъ разсѣять ложный суевѣрный страхъ насчетъ гибельныхъ послѣдствій столкновенія земли съ кометою.

Научное и вмѣстѣ *общедоступное* изложеніе, по нашему мнѣнію, несоединимы; послѣднее въ особенности должно быть затруднительно (изложить общедоступно) для спеціалиста,—онъ незамѣтно для себя забрасаетъ читателя учеными, непонятными терминами.

Данная книжка служитъ этому прекраснымъ подтвержденіемъ. Здѣсь читатель то и дѣло встрѣчаетъ такія страшныя слова, какъ *радіусъ*

векторъ, перигей, восходящій узелъ, узловое разстояніе, ось параболы, эксцентрицитетъ...

Тутъ, кромѣ страшныхъ словъ, запугивающихъ пониманіе обычнаго читателя, встрѣчаются и цѣлыя фразы такого же свойства. Здѣсь встрѣчается множество математическихъ формулъ съ разными кубами, квадратами и иными математическими премудростями.

Ну-ка, пускай прочтетъ читатель, разсчитывавшій на общедоступное изложеніе, и уразумѣетъ хотя бы слѣдующую фразу: «По закону Кеплера мы должны имѣть: $(5,2)^3 : 1^3 = (4332,6)^2 : (365,3)^2$» (стр. 17).

Здѣсь же онъ встрѣтитъ краткую, сухую и совсѣмъ безъинтересную для него исторію ряда появлявшихся кометъ: имя ученаго, наблюдавшаго комету, время ея появленія въ первый, во второй разъ и т. д.

Спеціальная и весьма полезная цѣль автора—разсѣять страхи насчетъ гибельныхъ послѣдствій столкновенія земли съ какою-нибудь кометою достигается послѣдней (22-ю) главою. Намъ кажется, что авторъ могъ бы безъ всякихъ ученыхъ, запугивающихъ читателя, терминовъ ограничиться лишь одною послѣдней главой, только нѣсколько распространивъ ее.

Знакомя съ кометами, авторъ описываетъ ихъ составныя части: ядро, атмосферу, хвостъ. Послѣдніе иногда бываютъ поразительной величины: по словамъ автора: «хвостъ иногда бываетъ гораздо больше средняго разстоянія земли отъ солнца» (стр. 12). Форма хвоста тоже бываетъ весьма разнообразна; авторъ для наглядности прикладываетъ нѣсколько рисунковъ съ ихъ изображеніями. Любопытно его сообщеніе объ образованіи этихъ хвостовъ:

«Хвосты кометъ, подобно дыму идущаго локомотива, состоятъ изъ вещества, постоянно отдѣляющагося отъ кометы; это вещество разсѣевается въ небесномъ пространствѣ по строго опредѣленнымъ механическимъ законамъ» (стр. 89).

Вещество это настолько разряженное, что мы не замѣтимъ, если земля войдетъ въ хвостъ кометы, что случалось не разъ. Слѣдовательно не разъ земля уже сталкивалась съ кометою, однако до сихъ поръ не было никакихъ гибельныхъ послѣдствій. Оторванныя частицы вещества кометы при соприкосновеніи съ земною атмосферой разгорячались и падали на землю въ видѣ такъ-называемыхъ падающихъ звѣздъ.

Въ заключеніе авторъ такими словами разсѣеваетъ опасенія читателя: «Нѣтъ никакихъ основаній, — говоритъ онъ, — ожидать катастрофы отъ столкновенія земли съ кометою или ея хвостомъ. Мало того: *послѣдствія абсолютно незамѣтны для жизни*» (стр. 171).

Завоеваніе Ахалъ-теке. Очерки послѣдней экспедиціи Скобелева (1880—1881). *А. Маслова.* С.-Пб. 1882. Изданіе Суворина.

Небольшая книжка, привлекающая вниманіе читателей главнымъ образомъ именемъ Скобелева. Впрочемъ, этому герою, всеобщему любимцу,

здѣсь отводится немного мѣста. Видно, что авторъ зналъ Скобелева хорошо и ему казалось, что всѣ такъ же знали и знаютъ генерала, какъ онъ, потому онъ и не беретъ на себя труда познакомить съ нимъ читателя, какъ съ новымъ, неизвѣстнымъ лицомъ. Г. Масловъ отмѣчаетъ только главныя, характерныя черты Скобелева, какъ полководца: напримѣръ, способность предугадывать и предусматривать впередъ; умѣнье опираться на нравственный подъемъ духа солдатъ. Скобелевъ, разсчитывая на извѣстный штурмъ или аттаку, всегда предварительно устраивалъ удачный взрывъ непріятельскаго укрѣпленія и съ повеселѣвшими и бодрыми солдатами принимался увѣренно за важное, опасное дѣло, которое должно было кончить кампанію или дать ей иное болѣе счастливое направленіе. Скобелевъ требовалъ, чтобы солдатики не утомлялись; онъ самъ никогда не зналъ усталости и не хотѣлъ ея знать въ солдатѣ. Онъ признавалъ только мертвыхъ, а не усталыхъ, какъ выражается г. Масловъ. За то этотъ же Скобелевъ умѣлъ и благодарить солдатъ, умѣлъ ихъ награждать, чувствовать и цѣнить солдатскую службу. Ну, и, разумѣется, солдатъ любилъ Скобелева.

Большая часть очерковъ посвящена описанію аттакъ, нападеній, движенію отрядовъ. Война велась съ такими дикими народами, какъ текинцы, потому въ этой кампаніи многое могло удаваться не вслѣдствіе преобладанія силы, а иногда, просто, благодаря ловкости, умѣнью. Самъ Скобелевъ выражался, что «Азію слѣдуетъ бить не только по имуществу и по загривку, но и по воображенію» (стр. 174).

Текинцы, какъ и вообще всѣ дикіе народы, суевѣрны и способны поддаваться сверхъестественному страху, который удалось Скобелеву нагнать на нихъ своими внезапными, храбрыми нападеніями.

Впрочемъ, собственно о характерѣ текинцевъ авторъ говоритъ немного, слова два упоминаетъ о текинскихъ женщинахъ и то больше объ ихъ украшеніяхъ, головныхъ уборахъ. Въ женитьбѣ текинцы слѣдуютъ характерной персидской пословицѣ: «когда женишься, то бери красивую женщину, такъ какъ если она окажется лишенною всѣхъ душевныхъ качествъ, то красота все-таки останется» (стр. 194). Собственно эти немногія строки, посвященныя нравамъ побѣжденныхъ, и составляютъ суть интереса для обычнаго читателя; остальная же, и притомъ большая, часть книги предназначена для людей военныхъ и вообще любителей походовъ. Замѣтимъ кстати, что общая часть книги, предназначенная для обычнаго читателя,—какъ, впрочемъ, и вся книга,—написана очень сухо.

Совѣты русскимъ землевладѣльцамъ изъ 20-ти лѣтней практики агронома *К. Дмитріева*. Тула. 1883 г.

Авторъ, землевладѣлецъ, задался весьма благою цѣлью—подѣлиться своей практической опытностью, накопленною въ теченіе 20 лѣтъ.

Онъ видитъ, какъ со времени паденія крѣпостного права съ каждымъ годомъ ухудшается крестьянское хозяйство даже въ такихъ мѣстностяхъ, какъ самая плодородная полоса въ Россіи—степь, гдѣ черноземъ. Указывая на это обстоятельство, онъ вслѣдъ за г. Кавелинымъ повторяетъ: «Гибель хозяйства крестьянскаго есть также и гибель для большихъ хозяевъ-землевладѣльцевъ, есть гибель для всего государства. Ему—государству—грозитъ полное разореніе, полная гибель. Надо помочь во-время, надо предупредить приближающуюся грозу,—предупредить, пока есть время... Сдѣлать это должны и могутъ землевладѣльцы сосѣдніе съ крестьянами, *но никакъ не правительство*, для котораго,—по словамъ автора,—рѣшительно не по силамъ обезпечить чуть не цѣлую Россію выгонами, зимнимъ кормомъ для скота и образцовыми при каждой деревнѣ хозяйствами, потому что у правительства нѣтъ достаточнаго количества земель для обученія крестьянъ улучшеннымъ способамъ веденія полеваго хозяйства и для отдѣльныхъ запашекъ въ пособіе нуждающимся въ зимнихъ и лѣтнихъ кормахъ» (стр. 7).

Землевладѣльцы же должны улучшеніями и нововведеніями въ своихъ собственныхъ хозяйствахъ убѣдить крестьянина наглядно въ необходимости измѣненія стараго способа веденія хозяйства. По личному 20-лѣтнему опыту автора выходитъ, что все благо и вся суть спасенія крестьянскаго благосостоянія заключаются не въ количествѣ земли, даже не въ введеніи въ почву разныхъ солей, какъ требуетъ г. Шараповъ, а въ весьма простомъ способѣ: гдѣ существуетъ перемѣнное хозяйство, тамъ ввести трехпольное, гдѣ существуетъ трехпольное—ввести четырехпольное.

Послѣдняя форма веденія хозяйства всегда оставляетъ свободный клочокъ земли для корма скота, для его пастбища. А отсутствіе скота вслѣдствіе неимѣнія для него корма и есть главная причина крестьянскихъ бѣдствій.

Хотя авторъ имѣетъ за собою 20-лѣтнюю опытность, хотя все, что онъ ни говоритъ, есть результатъ длинныхъ наблюденій и даже подробнаго изученія хозяйства не только какой-нибудь одной мѣстности, а всего обширнаго нашего отечества, тѣмъ не менѣе никакого луча надежды не засвѣтилось, даже хотя бы ради самообмана, по выслушаніи его совѣтовъ. Впрочемъ, онъ не поставилъ на нихъ точку... Сдѣлайте пока это,—говоритъ онъ,—а тамъ видно, что будетъ... Да и самъ онъ, кажется, мало убѣжденъ, что сказанное имъ поможетъ.

Разумѣется, лучше хоть что-нибудь поправить, чѣмъ стоять сложа руки и въ ужасѣ ждать, какъ разразится гроза и промочитъ до нитки, до кожи, до костей.

Мы не можемъ только никакъ согласиться съ авторомъ, чтобы слѣдовало отстранить правительство отъ участія въ такомъ благомъ и близкомъ ему дѣлѣ, какъ благосостояніе его государства, забота о чемъ есть его прямая и непосредственная задача.

Записки о Восточной Румеліи (южной Болгаріи). *В. В. Яшерова*, бывшаго командира 9-ой харманлійской дружины восточно-румелійской милиціи. Москва. 1883 г.

На Балканскомъ полуостровѣ, какъ извѣстно, послѣ войны за независимость славянъ образовались двѣ Болгаріи: сѣверная Болгарія—Болгарское княжество и южная Болгарія—Восточная Румелія.

Въ послѣдней, гдѣ главнѣйшими городами считаются: Пловдинъ, Сливно, Бургасъ, Татаръ-Базарджикъ, Казанлыкъ и Харманли,—автору пришлось дѣйствовать въ качествѣ командира во время кирджалійскаго возстанія. Послѣднее было въ февралѣ 1880 года. Когда возстаніе было усмирено, авторъ названной брошюры вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ подчиненныхъ былъ арестованъ по приказанію генерала Стрекера. Авторъ подробно разсказываетъ объ арестѣ, о тѣхъ обвиненіяхъ, которыя были возведены на него и его подчиненныхъ,—о томъ, какъ была назначена коммиссія для разслѣдованія его дѣла и какъ коммиссія оправдала его, и генералъ Стрекеръ настоялъ на его удаленіи со службы и т. д. Вся эта исторія имѣетъ личный характеръ, и потому крайне мало интересна читателю. Для него несравненно любопытнѣе первая половина брошюры, гдѣ авторъ знакомитъ съ климатомъ, почвою, богатствомъ Восточной Румелія и нравами ея жителей.

По его словамъ, земля въ южной Болгаріи замѣчательно плодородна; дома баснословно дешевы. Авторъ говоритъ, что «можно пріобрѣсти дома, приносящіе 30—60 полуимперіаловъ годового дохода, за 50—100 полуимперіаловъ» (стр. 19). Вообще Восточная Румелія представляетъ благопріятное поле для всякихъ предпріятій. Авторъ весьма удивляется, отчего русскіе такъ мало пользуются дешевизной тамошней земли и удобствами общественной жизни (тамъ, наприм., печать пользуется полною свободой) (стр. 85), мало селятся въ Восточной Румеліи, между тѣмъ какъ нѣмцы не пропускаютъ удобнаго случая и пріобрѣтаютъ тамъ и земли, и дома.

Для ознакомленія съ этой молодой страной и съѣздить было бы туда недорого. Вся поѣздка, съ жизнью тамъ и обратною дорогой, должна обойтись не больше 200 рублей. Ѣхать можно изъ Одессы черезъ Константинополь, или же черезъ Яссы, Унгены, черезъ Румынію.

Разсказъ автора о семейномъ бытѣ болгаръ весьма любопытенъ. Онъ очень хвалитъ трудолюбіе болгарскихъ женщинъ. Говоритъ, что вся тяжесть труда лежитъ обычно на нихъ. Мужъ тамъ—владыка; онъ «палецъ о палецъ не ударитъ въ домѣ и только больше покуриваетъ свой табакъ или тянетъ кофе въ ближайшемъ дукенѣ» (кофейной) (стр. 27).

Большая Медвѣдица. Романъ въ пяти частяхъ. *В. Крестовскаго* (псевдонимъ). Два тома. Изданіе третье, вновь пересмотрѣнное авторомъ. С.-Пб. Изданіе Суворина. 1883 года.

«Большая Медвѣдица»—одинъ изъ выдающихся романовъ талантливаго В. Крестовскаго. Въ свое время этотъ романъ надѣлалъ много шума. Онъ задѣвалъ самые живые вопросы: крѣпостное право, народное образованіе, дѣятельность женщинъ и т. д. Авторъ смотрѣлъ на жизнь бодро, съ полною вѣрой въ будущее, требовалъ отъ всѣхъ честнаго труда, справедливости,—труда *для всѣхъ* и справедливости *для всѣхъ*,—звалъ молодое поколѣніе на работу, указывалъ путь. Екатерина, въ крестьянской паневѣ, толкующая мальчику объ явившейся кометѣ, вырисовывалась при ночной мглѣ, освѣщенная свѣтомъ деревенскаго фонаря, какъ путеводная звѣзда, служащая отвѣтомъ на вопросъ: «что дѣлать?»—Идти работать, принести свѣтъ просвѣщенія въ темныя, душныя деревенскія избы. Катерина являлась той передовой, новой женщиной, за которою должна была идти молодежь.

Какъ это было давно!... Какъ съ тѣхъ поръ мы много пережили!... И пережили больше неудачъ... Но тѣмъ не менѣе путь Катерины и теперь остается несомнѣнно вѣрнымъ и желаннымъ путемъ. Наша молодежь и теперь идетъ охотно на указанную дорогу, съ тою же жаждой добра, пользы, съ тою же искренностью, какъ шла Катерина, но... безъ прежней вѣры. Молодежь идетъ, отказываясь отъ личнаго счастья, отъ всѣхъ радостей молодой жизни, зарываетъ себя заживо въ какомъ-нибудь мертвомъ захолустьѣ. Жертва приносится не даромъ, хотя результатъ объявится и не скоро. Его увидитъ и почувствуетъ всякій, когда многомилліонное народонаселеніе Россіи «маленькими» трудами такихъ стойкихъ и крѣпкихъ труженицъ вдругъ окажется грамотнымъ.

В. Крестовскій (псевдонимъ) писалъ много, писалъ долго. Въ будущемъ году, какъ говорятъ, минетъ 35 лѣтъ съ начала его литературной дѣятельности... Оглядываясь на протяженіе тридцати пяти лѣтъ, мы замѣчаемъ въ авторѣ, въ его убѣжденіяхъ и стремленіяхъ такую же стойкость, какъ въ его героинѣ романа «Большая Медвѣдица». Онъ всѣ 35 лѣтъ неукоснительно шелъ къ одной цѣли—общаго блага, возставалъ противъ эгоистическихъ личныхъ стремленій, хотѣлъ для всѣхъ свободы и счастья, жизнь находилъ въ этомъ стремленіи, въ трудѣ *для всѣхъ*.

Крестовскій несомнѣнно не только талантливый писатель, успѣвшій занять почетное мѣсто между нашими извѣстными романистами, онъ *честный* писатель,—писатель, который 35 лѣтъ держалъ одно знамя и остался ему вѣренъ и теперь... Приближающееся тридцатипятилѣтіе, навѣрно, дастъ обществу удобный случай выразить Крестовскому (псевдонимъ) свою признательность и уваженіе за его честное служеніе и искреннее пожеланіе еще долго-долго и съ прежней энергіей продолжать свой честный путь.

Караси и щуки. Юмористическіе разсказы. *Н. А. Лейкина.* С.-Пб. 1883 года.

Еще прошлый годъ говорили мы о писаніяхъ г. Лейкина по поводу его книги: «Теплые ребята». Мы замѣтили тогда, что у автора всѣ «эскизы, наброски выходятъ не дурны: каждый изъ нихъ кажется какъ бы началомъ повѣсти, гдѣ намѣчаются довольно типично абрисы дѣйствующихъ лицъ съ ихъ обстановкой, положеніемъ».

Къ несчастью, мы не можемъ того же сказать о данныхъ разсказахъ. Вся книга представляетъ рядъ отдѣльныхъ, скучнѣйшихъ, томительныхъ разговоровъ, не имѣющихъ ни начала, ни конца,—разговоровъ, гдѣ авторъ старается потѣшить публику какими-нибудь забористыми словцами или же искуственнымъ коверканьемъ родного языка вродѣ того, какъ его коверкаютъ нѣмцы или армяне.

Правда, въ данномъ сборникѣ авторъ много разнообразнѣе по выбору мѣстъ и лицъ, чѣмъ въ «Теплыхъ ребятахъ». Здѣсь онъ выводитъ не однихъ купцовъ и мѣщанъ,—здѣсь у него и мужики, и фотографы, и трактирщики, и чиновники, гуляющіе по Литейной, и разныя француженки изъ Риги, Каролины, Амаліи, и опытныя по бульварной части модистки, и совсѣмъ невинныя дѣвочки и т. д. Мѣсто дѣйствія выбирается самое разнообразное; случается, авторъ заводитъ съ собой читателя во Владикавказъ, Рыбинскъ, въ Кимры и т. д. Но вездѣ г. Лейкинъ выступаетъ съ своей неимовѣрной любовью къ словечкамъ, которыя, по его мнѣнію, должны смѣшить,—повсюду выступаетъ передъ читателемъ съ своей стереотипной улыбкой, на которую мы указывали еще въ прошлый разъ, говоря о «Теплыхъ ребятахъ».

Но мы должны сознаться, что читателю совсѣмъ не весело и не смѣшно отъ тѣхъ словечекъ, которыми разсчитываетъ позабавить его заботливый авторъ.

Вотъ одинъ изъ такихъ типичныхъ разговоровъ, долженствующихъ смѣшить.

Разговариваютъ два гробовщика и уже давно немилосердно ругаются.

«— А ты видѣлъ?—подбоченился пиджакъ.

— Само собой видѣлъ. Кабы не видалъ, такъ не говорилъ бы. Гляжу, мишурная кисть густой позолоты на бурнусѣ. Ну, думаю, опускалъ кого-нибудь изъ богатыхъ покойниковъ въ могилу, незамѣтнымъ манеромъ кисть отъ гроба оторвалъ и—женѣ на бурнусъ. Знаемъ мы васъ *улицкихъ клеевъ*!

— Да знаешь ли ты, дерево стоеросовое, что за эту кисть изъ магазина Петрова и Медвѣдева 15 рублевъ мнѣ отдѣльно отъ бурнуса въ счетъ поставили?

— Ничего не обозначаетъ. Пятнадцать рублевъ поставили, а все-таки она сначала на гробѣ покрасовалась, а потомъ къ твоей женѣ на бурнусъ попала. Принесли къ тебѣ кисть на бурнусъ, а ты ее на гробъ, а потомъ опять женѣ на бурнусъ. Зачѣмъ покойника баловать? Опу-

стишь въ могилу — что четыре кисти, что три — все единственно также въ землѣ сгніютъ. А изъ-за политической экономіи отчего не погрѣшить?

— Мы на обухѣ рожь не молотимъ. Это вотъ ты такъ молотишь. Какихъ коней ты подъ трауръ ставишь? Съ какой живодерни?

— Мы съ живодерни не ставимъ. У насъ конь — огонь.

— Не этотъ ли конь-огонь у тебя на углу Разстанной улицы легъ, когда ты на Волково кладбище полковника Аграмантова везъ?

— Тутъ изъ-за гололедицы конь упалъ и себѣ ногу сломалъ. Ничего не подѣлаешь.

— Знаемъ мы эту гололедицу! По полтиннику на конѣ вздумалъ экономить.

— Стану я у полковника полтинники экономить, коли я четыреста рублей за его похороны взялъ!

— Какихъ это четыреста рублей? Маленькихъ?

— Нѣтъ, большихъ...» и т. д.

Въ такомъ духѣ, вѣдь, можно продолжать безъ конца,—только кому интересенъ такой площадной разговоръ, кому смѣшно при его чтеніи, кто позабавится имъ?...

Конечно, авторъ предназначалъ ихъ для замоскворѣцкой публики, для Ножовой линіи... Не думаемъ, чтобъ и для нихъ эти разсказы пришлись по вкусу,—и замоскворѣцкая публика, и публика Ножовой линіи тоже двигается впередъ въ своихъ вкусахъ...

И неужели г. Лейкинъ такъ и размѣняется весь на такія пошлости и не стоющія вниманія мелочи?...

Жаль!...

Записки степняка. Очерки и разсказы *А. Эртеля*. Два тома. С.-Пб. Изданіе О. И. Бакста. 1883 г.

Съ разсказами г. Эртеля читатели, разумѣется, сколько-нибудь да знакомы. Всѣ разсказы, за исключеніемъ перваго и послѣдняго («Мое знакомство съ Батуринымъ» и «Аддіо»), которые прибавлены для округленія «Записокъ степняка»,—помѣщались въ *Вѣстникѣ Европы*.

Но какая разница читать понемногу: въ мѣсяцъ по разсказу, или вдругъ всѣ заразъ: одинъ, два, три... разомъ оба тома! Миражъ и обманъ тутъ разомъ исчезаютъ. Тѣ недостатки, которые при чтеніи «понемножку» не ощущались, при изданіи отдѣльною книгой выступаютъ неминовѣрно подавляющими; то, что при чтеніи «на разстояніи» могло даже казаться пріятнымъ, при поднесеніи въ изобиліи иногда обращается въ убійственно-тоскливое, странно-безцѣльное повтореніе.

Вотъ именно это самое ощущаетъ читатель, принявшись за разсказы г. Эртеля, изданные въ двухъ томахъ подъ названіемъ «Записки степняка». Издать свои разсказы отдѣльною книгой—непростительная ошиб-

ка со стороны г. Эртеля, въ чемъ неминуемо онъ долженъ будетъ и самъ вскорѣ убѣдиться.

Какъ припомнитъ читатель, отличительная особенность г. Эртеля—это любовь къ природѣ. Онъ то и дѣло говоритъ о небѣ, о тучахъ, о «прохладномъ и ясномъ воздухѣ», о «смѣющемся лучѣ, прихотливо перебѣгающемъ по деревьямъ, нагоняя улыбку на угрюмые великаны лѣсовъ» (т. II, стр. 41); о солнцѣ, которое съ «убійственной жгучестью» палитъ землю; о кустахъ сирени, о ржаномъ полѣ, которое «то замирало въ какой-то чуткой дремотѣ и неподвижно нѣжилось въ голубомъ воздухѣ», то и т. д. (т. I, стр. 187); о пѣтухахъ, которые «*будили* свѣжій *крѣпкій* воздухъ» (т. I, стр. 159); о щебетаньи малиновки и т. д. и т. д. Читатель можетъ-быть съ удовольствіемъ встрѣчалъ мѣстами это любовное описаніе природы, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время ея какъ бы не существовало для нашихъ любимыхъ писателей. Природа какъ бы уходила изъ-подъ ихъ наблюденій; они не замѣчали ея. Вотъ что говоритъ насчетъ этого «любованья» природой нашъ лучшій писатель по части бытовой жизни, очутившись весной на Кавказѣ: «О краскахъ, о цвѣтахъ, о линіяхъ мы тамъ, на сѣверѣ, забыли, давно забыли, точно ничего, кромѣ урядниковъ, и нѣтъ на свѣтѣ. А здѣсь вотъ цвѣты! Ахъ, какіе прелестные, и я могу на нихъ смотрѣть! Просто видѣть и любоваться и хранить хорошее впечатлѣніе! Этого давно-давно не случалось со мной, нескончаемо давно. Даже не помню, сколько времени я не видѣлъ ни цвѣтовъ, ни воды, ни неба, хотя ходилъ и между цвѣтами, и подъ небомъ, и у воды. *Гнела какая-то каменная тоска*» (*Отеч. Зап.* 1883 г., іюнь, стр. 543).

Вотъ почему не замѣчаютъ природы, не могутъ любоваться ею наши лучшіе писатели. Г. Эртель, напротивъ, и замѣчаетъ, и любуется. Этого мало: онъ даже прямо совѣтуетъ читателю (вѣдь, вкусы и требованія бываютъ разные) просто безъ всякой мысли смотрѣть на красоты природы, чувствовать, упиваться ими и гнать отъ себя «иныя» мысли. Онъ довольно ясно высказываетъ это въ одномъ изъ своихъ разсказовъ, гдѣ извѣстное состояніе природы вдругъ какъ-то напоминаетъ ему о современной жизни, о злобахъ дня (правда, это случилось съ нимъ, кажется, одинъ разъ). «Намъ, современникамъ,—говоритъ онъ,—приходится *лишь* констатировать и, заручившись *каменнымъ* сердцемъ, *съ одинаковымъ хладнокровіемъ обнять пакость*, возникающую и безъ жалости убитую морозомъ полезность» (т. II, стр. 42). Въ первомъ томѣ онъ гораздо опредѣленнѣе и яснѣе даетъ совѣтъ читателю: «Не отравляйте красоты. *Отрѣшитесь отъ мысли, подко разъѣдающей душу. Раскройте эту душу одной только мирной красотѣ*» (стр. 196).

Вотъ именно этого-то *только* и не могутъ сдѣлать наши лучшіе современные писатели, потому-то они не чувствуютъ ни воды, ни цвѣтовъ, ни воздуха, хотя и ходятъ «между цвѣтами, и подъ небомъ, и у воды».

Но вкусы бываютъ разные, и мы о вкусахъ не споримъ. Мы сказали: весьма возможно, что читатель съ удовольствіемъ, хотя бы для-ради разнообразія, встрѣтитъ описаніе природы въ разсказахъ г. Эртеля, еслибы только не занимали они большой половины вниманія автора, еслибы не поглощали и его самого, и его разсказъ... Обычно каждый разсказъ г. Эртеля и начинается, и оканчивается «любованьемъ» природой. «Любованью», описательной сторонѣ авторъ отдаетъ предпочтеніе передъ самымъ разсказомъ.

Для образчика возьмемъ первый разсказъ изъ II тома: «Криворожье». Беремъ 2-й томъ потому, что тутъ все же хоть одинъ-два отрывка болѣе приближаются къ формѣ разсказа, чѣмъ всѣ помѣщенные въ первомъ томѣ, за исключеніемъ развѣ «Серафимъ Ежиковъ».

«Стояла засуха. Недѣли три, какъ уже не было дождя,—начинается описаніе въ разсказѣ «Криворожье».—Солнце съ убійственной жгучестью палило землю; на знойномъ небѣ цѣлыми днями не показывалось ни одного облачка. Въ раскаленномъ воздухѣ» и т. д. и т. д. Мы уже не будемъ выписывать,— пусть читатель самъ подбираетъ разныя слова насчетъ воздуха. Покончивъ съ солнцемъ и воздухомъ, авторъ останавливаетъ свой взоръ на полѣ, описываетъ рожь; потомъ съ «плавной медлительностью» переводитъ глаза на стадо,—описываетъ стадо, коровъ, овецъ, пастуха... Потомъ такъ же любовно описываетъ пыль, какъ она вьется около его экипажа; потомъ опять возвращается къ жарѣ, къ воздуху, описываетъ попавшуюся деревню, собакъ, встрѣтившіеся кабаки... Затѣмъ вдругъ вспоминаетъ, что онъ ѣдетъ не одинъ,—съ нимъ въ экипажѣ сидитъ нѣкій Семенъ Андреевичъ. И авторъ изъявляетъ желаніе познакомить съ Семеномъ Андреевичемъ своего долготерпѣливаго читателя. Но, какъ истый художникъ-эстетикъ, сперва онъ знакомитъ съ подбородкомъ своего компаніона,—опять описываетъ... Затѣмъ передаетъ монологъ Семена Андреевича, какъ онъ всю дорогу ругалъ нѣмцевъ, восторгался русской народностью, славянскими племенами... Разумѣется, читатель не можетъ не замѣтить, что весь этотъ монологъ произносится единственно для него. Но вотъ наконецъ пріѣхали въ Криворожье — цѣль разсказа. Авторъ и Семенъ Андреевичъ пошли на мельницу... Слѣдуетъ описаніе мельника, мельничихи и повѣствованіе о томъ (впрочемъ, повѣствованіе въ лицахъ), какъ мельникъ надулъ Семена Андреевича. Тутъ же въ лицахъ изображается сцена, какъ въ присутствіи пріѣхавшихъ гостей происходитъ потасовка «за святыя» между мельничихой и ея работницей. И разсказъ опять кончается описаніемъ торжественной тишины полей, озаренныхъ пожаромъ» (т. I, стр. 39).

Только-что вы покончили съ полями, «озаренными пожаромъ», только-что встрѣтили въ заглавіи слѣдующаго разсказа названіе: «Жолтиковъ» и думаете: «ну, вотъ, слава Богу, теперь будетъ рѣчь о людяхъ, теперь ужь больше не будетъ восхищенія воздухомъ, небомъ, водой,—

слава Богу», — какъ вдругъ, къ величайшей тоскѣ читателя, авторъ снова затягиваетъ свою любимую пѣсню, которая уже успѣла несносно надоѣсть и опротивѣть читателю. «Случалось ли вамъ, господа,—начинается названный разсказъ,—быть въ лѣсу въ пору ранней весны?» Читатель въ страхѣ: неужели опять природа, небо, воздухъ?... «Все напоминаетъ еще о суровомъ зимнемъ царствѣ,—продолжаетъ авторъ,—несмотря на ваше смущеніе. — Глазъ проникаетъ далеко въ глубь лѣса. Карявыя деревья»... (т. II, стр. 40). И такъ безъ конца буквально до одуренія терпѣливаго читателя. И дѣйствительно—на диво терпѣливаго, такъ какъ все это описаніе не имѣетъ уже никакого отношенія къ самому разсказу... Наговорившись о красотахъ природы до собственнаго пресыщенія, авторъ наконецъ почувствовалъ, что неловко же въ самомъ дѣлѣ такъ немилосердно злоупотреблять вниманіемъ къ пустопорожнимъ словамъ, потому оговаривается въ концѣ своего «любованья», на этотъ разъ растянувшагося на цѣлыхъ 4 страницы: «Простите, — говоритъ онъ, — и *перейдемте къ дѣлу*» (т. II, стр. 43).

Но такое сознаніе приходитъ къ автору только на второмъ томѣ, и то очень не надолго. Онъ сейчасъ же снова забывается и безъ всякихъ извиненій и на этотъ разъ безъ всякаго милосердія описываетъ ту же степь, то же небо... А что дѣлаетъ онъ съ читателемъ въ первомъ томѣ, просто до ужаса! Вдругъ, ни съ того, ни съ сего, при началѣ разсказа, вздумалъ пересчитывать, что онъ любитъ въ природѣ...

«Люблю необозримую степную гладь, занесенную сугробами, мутное, низкое небо и т. д. и т. д.

«Люблю весеній лепетъ тѣнистой рощи, заботливый гамъ грачей и т. д. и т. д.

«Люблю теплыя, долгія зори и т. д.

«И жаркое лѣто люблю я. Люблю, когда подъ знойнымъ іюльскимъ вѣтеркомъ...» (т. I, стр. 129).

Послѣ этого невольно скажешь: «Боже! зачѣмъ такъ много любитъ авторъ? А ужь если любитъ, къ чему же всѣмъ-то объ этомъ разсказывать? Во-первыхъ, это не скромно, а во-вторыхъ—какое дѣло читателю до того, что авторъ любитъ и зиму, и лѣто, и всѣ времена года?... Къ тому же, вѣдь, вмѣсто обѣщанныхъ «Очерковъ и разсказовъ», отъ этого получаются одни знаки восклицанія... Или вдругъ, изображая тишину, ему приходитъ фантазія (и, надо замѣтить, ужасно неделикатная) пересчитывать *все*, чего нѣтъ, но *что* бы *могло* нарушить тишину. «Не прощебечетъ малиновка,—начинаетъ онъ,—не зальется страстнымъ *треньканьемъ* перепелъ, не разсыпится жаворонокъ серебристыми трелями...» и т. д. и т. д. (т. I, стр. 130). Вѣдь, при подобномъ способѣ описанія можно написать не 2, а цѣлыхъ 20 томовъ, лишь бы только не смущаться навѣваемою на читателя убійственной тоской. Мы увѣрены, что любой любитель природы возненавидитъ послѣ этого навсегда описаніе

ея красотъ, если осилитъ хотя половину перваго тома «Записокъ степняка».

И зачѣмъ было г. Эртелю издавать свои разсказы отдѣльною книгой? При чтеніи ихъ «на разстояніи» природа вовсе не дѣлалась той bête noire, которая заслонила здѣсь и жизнь, и людей, и ту дѣйствительную красоту природы, которой любуется всякій, вырываясь изъ-подъ гнета «каменной тоски».

Въ «Запискахъ степняка» природа является bête noire, которая замѣняетъ для автора нравственный идеалъ. Послѣдній совсѣмъ отсутствуетъ у г. Эртеля, а безъ нравственнаго идеала, какъ вѣрно говоритъ въ своихъ статьяхъ г. Красносельскій (*От. Зап.* май, іюнь), не стоитъ писать, а тѣмъ болѣе издавать свои отрывки отдѣльными книгами.

Все это мы высказываемъ не безъ искренняго сожалѣнія. Г. Эртель—человѣкъ молодой, только-что выступающій на литературное поприще; онъ еще можетъ дать въ будущемъ то, чего не даетъ теперь, такъ какъ отрицать въ немъ извѣстную долю таланта нельзя, — вотъ поэтому-то мы и не можемъ не пожалѣть: къ чему было издавать свои разсказы отдѣльною книгой?

Издавши, онъ далъ возможность подмѣтить, даже не особенно внимательному читателю, пустоту содержанія своихъ разсказовъ,—подмѣтить настолько, что даже эти самыя описанія, которыми такъ упивается авторъ и которыя такъ музыкально звучатъ для уха, оказываются пустымъ звукомъ безъ смысла. Читаете одинъ разсказъ — все воздухъ, небо, жаркій лучъ; читаете другой—опять небо, воздухъ, жаркій лучъ... Вы охотно бы бросили книгу, но вы — рецензентъ и потому читайте!... Чтобы не такъ было скучно, вы стараетесь рисовать воображеніемъ всѣ встрѣчающіяся описанія. И вотъ во время такого упражненія приходите въ полнѣйшій ужасъ: вмѣсто картинъ природы вы видите въ книгѣ одинъ пустой наборъ словъ, нанизанный для-ради красоты слога. Если не вѣрите, продѣлайте надъ собой этотъ опытъ. Ну, вотъ и рисуйте своимъ воображеніемъ: «возвышенность *пламенѣла*» (т. I, стр. 160), «роща задрожала *свѣжею* дрожью» (тамъ же); «*жидко* заблеяли овцы» (тамъ же); «прозрачный, *жидкій* воздухъ». «При малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка *запахъ увяданія* усиливается, тогда всѣмъ кажется, что въ прохладномъ воздухѣ вмѣстѣ съ тихимъ и *ласковымъ* вѣяньемъ вѣтра проносятся какія-то *изумительно тонкія* наркотическія струйки» (т. I, стр. 129). «Въ кустахъ сирени *точно ножницы въ проворныхъ рукахъ артиста парикмахера стрекотала какая-то птичка*» (т. I, стр. 192). Звѣзды сіяютъ «*робко и трепетно*», съ какой-то «*торжественной ясностью*» (т. I, стр. 121). «*Пахло водою и какой-то пріятною затхлостью*» (тамъ же).

Будетъ, довольно... Послѣ приведенныхъ мѣстъ не трудно убѣдиться, что любовь г. Эртеля къ природѣ сводится на любовь къ звукамъ, къ красивому набору словъ.

Нельзя не замѣтить, что г. Эртель сильно подражаетъ не только въ описаніи неба, полей, но даже въ формѣ, во внѣшней сторонѣ своихъ разсказовъ, И. С. Тургеневу. Тургеневъ написалъ «Записки охотника», Эртель — «Записки степняка». Тургеневъ ѣздитъ на охоту, встрѣчаетъ по дорогѣ различные типы,—и степнякъ, соскучившись сидѣть въ одиночествѣ на своемъ хуторѣ, ѣздитъ то къ одному, то къ другому изъ своихъ сосѣдей и по дорогѣ встрѣчаетъ то «пріятную затхлость», то «торжественную ясность» сіянія звѣздъ.

Тургеневъ любитъ природу. Со всѣми деталями воспроизводитъ онъ остановившую его вниманіе картину; онъ дѣлится своимъ наслажденіемъ съ читателемъ, давая и ему возможность испытать нѣчто подобное. Но, несмотря на свое положеніе охотника, для котораго природа имѣетъ исключительный преобладающій интересъ, Тургеневъ никогда ей не отдаетъ предпочтеніе предъ человѣкомъ. Его «Записки охотника» вводятъ читателя въ до тѣхъ поръ неизвѣстный, закрытый для него міръ—жизнь мужика. Каждый разсказъ въ «Запискахъ охотника» знакомитъ съ новымъ типомъ.

У г. Эртеля, какъ мы сказали, природа преобладаетъ надъ человѣкомъ. Человѣкъ если и говоритъ передъ читателемъ, то только затѣмъ, чтобы передъ нимъ отрекомендоваться. Читатель не застаетъ его врасплохъ среди обычныхъ занятій. Авторъ не вводитъ читателя въ его жизнь, а поступаетъ совершенно обратно: онъ беретъ за ручку своего героя и выводитъ на эстраду, пріодѣвши на-показъ и вложивши ему въ уста только одни рекомендательныя рѣчи. Потому разговоръ героевъ г. Эртеля въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ центра и можетъ безконечно тянуться и въ ту, и въ другую сторону, какъ тянется описаніе природы. Потому ни одинъ отрывокъ въ «Запискахъ степняка», за исключеніемъ «Офицерши» и «Желтикова», не представляетъ чего-нибудь цѣннаго, законченнаго, достойнаго хотя бы названія разсказа. Вѣрнѣй было бы назвать содержаніе этихъ двухъ томовъ—фельетонныя корреспонденціи...

Въ большинствѣ случаевъ авторъ придерживается крайне непохвальныхъ привычекъ: наприм., онъ не разъ подслушиваетъ за своими знакомыми (въ разсказахъ: «Липяги», «Иностранецъ Липатка»), саркастически улыбается надъ увлеченіями Лебедкина («Липяги») и т. д. Во всякомъ случаѣ увлеченія Лебедкина искренни; они несравненно жизненнѣе упоеній воздухомъ, гдѣ «затхлый ароматъ увяданія» соединяется съ «крѣпительной свѣжестью воскресающей природы» (т. II, стр. 41).

Читая эти безконечныя упоенія разными затхлостями, намъ не разъ приходило въ голову: а что, еслибъ авторъ выкинулъ многорѣчивыя описанія природы и своихъ ощущеній, его два солидныхъ тома непремѣнно должны бы были похудѣть до тощей брошюры... И едва ли бы отъ такого сокращенія что потерялъ читатель, тѣмъ болѣе, что авторъ и въ своихъ описаніяхъ, и въ ощущеніяхъ нерѣдко повторяется... «Вы чувствуете,—

говоритъ онъ въ своемъ разсказѣ «Жолтиковъ»,—какъ *въ груди* вашей, сладостно стѣсняя дыханіе, *ширится что-то* невыразимо хорошее...» И это «что-то» опять встрѣчаетъ читатель и въ разсказѣ «Аддіо»: «И я чувствую,—говоритъ г. Эртель,—какъ *что-то* странное *ширится* и растетъ во мнѣ и съ тоскующей болью щемитъ сердце» (стр. 280).

Охотно повторяемъ за г. Красносельскимъ: нѣтъ, нѣтъ, безъ нравственнаго идеала писать не слѣдуетъ, какъ бы хороши звуки ни выходили изъ подъ-пера, а тѣмъ болѣе издавать музыку пустыхъ звуковъ отдѣльными книгами... Еще въ журналѣ при нашей современной бѣдности какъ-нибудь сойдетъ и звукъ за дѣло, и мысль,—ну, а цѣлая книга пустыхъ звуковъ не можетъ не разсѣять заблужденія...

Стихотворенія *кн. Д. Н. Цертелева.* С.-Пб. 1883 года.

«Нѣтъ, музы ласково поющей и прекрасной
Не помню надъ собой я пѣсни сладкогласной...

говоритъ Некрасовъ въ своемъ стихотвореніи «Муза», указывая на разницу мотивовъ своей и Пушкинской пѣсни... Предметы пѣснопѣній и самое отношеніе обоихъ поэтовъ къ жизни, какъ извѣстно, были крайне противоположны. Каждый былъ сыномъ своего времени. Поэзія Некрасова смѣнила безмятежную, чудно-музыкальную пѣсню Пушкина и породила себѣ послѣдователей, образовала цѣлую школу. Между послѣдователями выступаютъ и намѣчаются въ настоящее время уже не дюжинные таланты, какъ, напримѣръ, молодой многообѣщающій талантъ Надсона.

Хотя школа Некрасова и сдѣлалась преобладающей, но и теперь еще нѣтъ-нѣтъ, а вдругъ прозвучитъ, раздастся далекій отголосокъ Пушкинской поэзіи. Запоздалымъ кажется онъ, неожиданнымъ, поражаетъ слухъ, какъ соловьиная пѣсня въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Такимъ отголоскомъ Пушкинской поэзіи, его стиха, является книжка кн. Д. Н. Цертелева: «Стихотворенія».

Кромѣ переводныхъ изъ Шиллера, Гёте, Гейне, Уланда, почти всѣ оригинальныя стихотворенія посвящены любви, описанію природы. Авторъ обычно или ждетъ любви, или ею наслаждается, или уже разочаровался, разбилъ свой кумиръ и тоскуетъ въ опустѣломъ храмѣ... Со стороны музыкальности почти всѣ стихи не дурны: въ нихъ слышится мелодія, а порой и гармонія Пушкинскаго стиха.

Весь день съ пылающихъ небесъ
Метало солнце огненныя стрѣлы,
Въ его сіяньи замеръ лѣсъ
И міръ лежалъ недвижный, онѣмѣлый.

* * *

А тучи шли со всѣхъ сторонъ,
Росли, тѣснились мрачною толпою,

Весь лѣсъ казался окруженъ
Ихъ сѣрою ползущею стѣною.

* * *

Сейчасъ, казалось, грянетъ громъ
Какъ дикій звѣрь, застонетъ вихрь могучій;
Крутя, ломая все кругомъ,
Онъ вдаль умчитъ разорванныя тучи и т. д. (стр. 3—4).

Все стихотвореніе до конца музыкально, хотя въ немъ говорится только о грозѣ, что ее ждали и не дождались. Но, касаясь любви, авторъ нерѣдко уносится къ философіи Гартмана, къ норванѣ: все—миражъ, самое лучшее на землѣ — вѣчный покой; жизнь, какъ смотритъ на нее Лермонтовъ, дѣйствительно не больше, какъ шутка.

Забыли мы, увлекшись чудною мечтой,
Что всѣ волшебныя видѣнья,
Какъ призраки кругомъ, встававшіе толпой,
Лишь мысли нашей отраженье:

* * *

Она ясна—и ясно все; взгрустнется вдругъ,
И все, что̀ блещетъ красотою,
Любовью кроткой, нѣгой полно—все вокругъ
Исполнится тоской, враждою... (стр. 8).

Углубляясь въ такія пессимистскія мысли, авторъ жалѣетъ тѣхъ,

... кто видитъ ясно
Стремленьямъ всѣмъ одинъ исходъ,
Кто цѣли дней искалъ напрасно
И ничего отъ нихъ не ждетъ... (стр. 10).

Съ теченіемъ времени этотъ мрачный взглядъ уступаетъ мѣсто болѣе спокойному: авторъ находитъ утѣшеніе въ надеждѣ на жизнь послѣ смерти.

Когда все то, что̀ миновало,
Проходитъ въ памяти моей,
Гляжу я, грустный и усталый,
На сны моихъ минувшихъ дней.

* * *

Въ это время ему шепчутъ тѣни:
Пока неси земное бремя
И не спѣши къ мірамъ инымъ,
Живи!—когда наступитъ время,
Мы за тобою прилетимъ.

* * *

Все то, что̀ здѣсь тебя плѣняло,
Что̀ видѣлъ ты въ неясныхъ снахъ,

Есть только первое начало
Того, что зрѣетъ въ тѣхъ мірахъ... (стр. 70—71).

Естественно, что, успокоившись на такомъ міровоззрѣніи, авторъ мало цѣны придаетъ дѣйствительной окружающей жизни. Она нехороша,—въ ней все ложь.

Коварство, обманъ и развратъ
Отъ имени вѣчнаго Бога—
Безумье и злоба царятъ;

* * *

Во имя небесъ и прощенья
На плахахъ звенятъ топоры;
Во имя любви и смиренья
Трещатъ и пылаютъ костры.

* * *

Отъ имени братской свободы
Жрецы ея цѣпи куютъ,
Какъ стадо, за ними народы
На злѣйшее рабство идутъ...

Онъ все это видитъ, сознаетъ; но бороться считаетъ напраснымъ, потому что найти въ мірѣ то, чего желаешь, нельзя... Это его послѣднее слово.

Но, случается, и онъ поддается обаянію простой жизненной поэзіи Некрасова, —правда, то бываетъ рѣдко,—и рисуетъ картинки, и говоритъ про любовь такъ же просто, какъ говорилъ Некрасовъ. Таково его прекрасное стихотвореніе:

Ты помнишь ли утро, мы ѣхали рядомъ,
Не весело лошади шли,
Молчали мы оба и пристальнымъ взглядомъ
Чего-то искали вдали?... и т. д. (стр. 56).

Треть книги занята стихами на тему индійской поэзіи, поэзіи Египта... Съ внѣшней стороны и они не дурны, зато далеки и чужды намъ по своему содержанію.

Е. Н.

Бисмаркъ, Вагнеръ, Родбертусъ. *Морица Вирта* (**Bismarck, Wagner, Rodbertus, drei deutsche Meister.** *Moritz Wirth.* Leipzig, 1883).

Къ этой любопытной книгѣ присоединенъ очеркъ Макса Шиппеля: «Современная нищета и избытокъ въ населеніи». О послѣднемъ скажемъ нѣсколько словъ въ заключеніе.

Политика, искусство и народное хозяйство,—говоритъ Вирть,—находятся между собою въ тѣсной связи. Бисмаркъ, Рихардъ Вагнеръ и Родбер-

тусъ являются въ этихъ областяхъ величайшими представителями германскаго народнаго генія.

Желѣзный канцлеръ, по мнѣнію Вирта, играетъ въ исторіи нѣмецкой національности такую же роль, какую игралъ Цезарь въ исторіи Рима. Защита предѣловъ Гогенцоллернской имперіи является началомъ дѣятельности князя Бисмарка, подобно тому, какъ защита (наступательная) границъ Римскаго государства составила первую задачу побѣдителя галловъ. Но достанетъ ли у германскаго народа матеріальныхъ и духовныхъ средствъ для того, чтобы сохранить за собою современное положеніе среди европейскихъ народовъ и обезпечить *самобытную* нѣмецкую культуру? Какова будущность европейскихъ народовъ вообще?

Римъ погибъ, благодаря неправильной постановкѣ хозяйственнаго строя. Та же участь можетъ грозить и современному Риму, т. е. Германіи. Необходимо поэтому опредѣлить, каково народно-хозяйственное будущее нѣмецкой имперіи? Естественно, что за отвѣтомъ слѣдуетъ обратиться къ германской экономической наукѣ.

Морицъ Виртъ беретъ сочиненія Рошера, сборникъ Шёнберга и книгу Адольфа Вагнера, чтобы получить этотъ отвѣтъ. Про Шёнберга Шмоллеръ основательно замѣтилъ, что это руководство, въ составленіи котораго принимали участіе многіе выдающіеся ученые, представляетъ собою національную экономію Рау, съ улучшенными подробностями. Между Рау и Рошеромъ нѣтъ принципіальнаго разногласія, и поэтому должно познакомиться со взглядами этого главнѣйшаго изъ живущихъ представителей экономической науки въ Германіи.

Рошеръ съ гордостью заявляетъ (въ Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirthschaft im deutschen Reich, 1882, 1 Heft.), что на его сочиненія съ одинаковымъ удовольствіемъ и основательностью ссылаются и сторонники свободной торговли, и защитники покровительственной системы. Виртъ рѣзко вооружается противъ этой безпринципности въ практическихъ вопросахъ, и вооружается отчасти по недоразумѣнію. Рошеръ правъ, утверждая, что *наука* имѣетъ дѣло съ существующимъ, а не съ тѣмъ, что *должно* быть. Но нѣмецкій экономистъ вздумалъ перенести этотъ же взглядъ и въ область хозяйственной *политики* (искусства), гдѣ, по его мнѣнію, вѣчно господствуетъ относительная истина, и это послѣднее утвержденіе, въ такой постановкѣ, дѣйствительно не выдерживаетъ критики. Если Рошеръ правъ,—замѣчаетъ Морицъ Виртъ,—то нѣмецкая политическая экономія находится еще въ зачаточномъ состояніи, и изъ этого состоянія необходимо какъ можно скорѣе выйти.

Что касается до Адольфа Вагнера, который вмѣстѣ съ Нассе задумалъ новую передѣлку политической экономіи Рау, то Виртъ останавливается передъ этимъ изданіемъ (вышли, какъ извѣстно, только два тома, написанные Вагнеромъ) въ справедливомъ недоумѣніи. Вагнеръ, по указа-

нію Шмоллера, консервативенъ и склоненъ къ государственному соціализму, а Нассе, «политически свободный консерваторъ, въ народно-хозяйственномъ отношеніи совсѣмъ либералъ». Какимъ же образомъ два названные ученые могутъ писать общее сочиненіе, развивать общія идеи, цѣльную систему?

Главные представители нѣмецкой экономической науки не даютъ удовлетворительнаго отвѣта на поставленный Морицомъ Виртомъ вопросъ. Нужно новое ученіе о народномъ хозяйствѣ и пробужденіе бодраго историческаго сознанія. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи могучій толчокъ данъ Родбертусомъ. Но прежде, чѣмъ приступить къ оцѣнкѣ его воззрѣній, Виртъ долго останавливается на значеніи Рихарда Вагнера, который является, по мнѣнію автора, творцомъ истинно-нѣмецкой музыки. Мы пропускаемъ эти страницы книги. Въ нихъ заключается краткій обзоръ историческаго развитія музыки (оперы преимущественно) и горячо защищаются музыкальныя идеи Вагнера. Виртъ заключаетъ главу, посвященную характеристикѣ геніальнаго композитора, новымъ его сближеніемъ съ княземъ Бисмаркомъ. Они, въ различныхъ областяхъ дѣятельности, имѣютъ общую цѣль: защиту нѣмецкой самобытности (des deutschen Wesens) противъ иноземнаго. Искусство для народа, по отношенію къ его практической дѣятельности, является, физіологически говоря, отдыхомъ отъ труда и для новаго труда. Поэтому чрезвычайно важно знать, каково искусство у даннаго народа, соотвѣтствуетъ ли оно наклонностямъ и дарованіямъ народа, ибо въ случаѣ отрицательнаго отвѣта національныя силы не только не получатъ укрѣпленія и развитія, но и будутъ тратиться безплодно. Съ другой стороны, художественный отдѣлъ возможетъ лишь при существованіи правильной постановки національнаго труда. Въ противоположномъ случаѣ искусство оказалось бы утонченнымъ выраженіемъ извѣстной эгоистической фразы: послѣ насъ хоть потопъ.

Никто такъ хорошо не понялъ, по мнѣнію Морица Вирта, всего значенія совершающагося соціальнаго переворота, какъ Родбертусъ (род. въ 1805 г., умеръ въ 1875 г.).

Авторъ книги превозноситъ этого ученаго за употребленіе, въ качествѣ главнаго научнаго пріема, аналогіи. Принимая развитіе органическаго міра съ клѣточки до человѣка, въ смыслѣ дарвиновскаго эволюціонизма, Родбертусъ, вслѣдствіе невозможности пользоваться въ наукѣ объ обществѣ индукціей, замѣняетъ ее аналогіей съ развитіемъ растеній и животныхъ. Но, замѣтимъ мы, аналогія никогда не можетъ быть поставлена, какъ методъ, на одинаковое мѣсто съ индукціей и дедукціей. Она была и останется хорошимъ вспомогательнымъ пріемомъ, пользованіе которымъ должно быть особенно осмотрительно, ибо comparaison n'est pas raison.

Клѣточкою въ исторіи человѣчества является семья. То, что говоритъ Родбертутъ о развитіи семьи, о національной экономіи классической древ-

ности и т. д., заслуживаетъ большаго вниманія. На русскомъ языкѣ существуютъ два выпуска сочиненія Родбертуса: «Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности». Ярославль, 1881 г. (переводъ подъ редакціей проф. Тарасова). Затѣмъ о Родбертусѣ была обстоятельная статья въ *Юридическомъ Вѣстникѣ*, о немъ говоритъ г. Чичеринъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи, и къ этому переводу и статьямъ мы отсылаемъ читателя, незнакомаго съ нѣмецкимъ языкомъ.

Морицъ Виртъ сознается, что Родбертусу не удалось создать новаго ученія о народномъ хозяйствѣ, что онъ лишь намѣтилъ его въ главныхъ чертахъ. Родбертусъ полагаетъ, что наше время служитъ переходомъ къ новой эпохѣ, къ такому государственному строю, когда земля и орудія производства перейдутъ въ руки общества, когда частная собственность получитъ такой же смертельный ударъ, какой получило рабство. Родбертусъ указываетъ на мѣры, посредствомъ которыхъ можно сократить переходное время и облегчить страданія, неразлучно связанныя съ разрушеніемъ стараго и созиданіемъ новаго. Столѣтіе,—говоритъ Родбертусъ,—понадобится для того, чтобы разрѣшить соціальный вопросъ.

Гдѣ же сила, которая можетъ взять на себя руководительство этимъ великимъ историческимъ движеніемъ? Родбертусъ, а за нимъ и Виртъ—видятъ эту силу въ цезаризмѣ. Сходная задача,—говоритъ первый,—была разрѣшена въ Римѣ императорскою диктатурой, отъ Цезаря до Каракаллы, когда званіе римскаго гражданина распространилось на всѣхъ подданныхъ имперіи. Но можно надѣяться на то, что все большее и большее число людей будетъ возставать противъ подобнаго воззванія къ цезаризму. Безконечно лучше,—во всѣхъ отношеніяхъ лучше,—если соціальный вопросъ станетъ получать разрѣшеніе не отъ Каракаллы, а отъ укрѣпившагося чувства справедливости въ людяхъ, отъ развитія личныхъ добродѣтелей и разумныхъ общественныхъ стремленій. Правда, говорятъ, что цезаризмъ не долженъ быть произволомъ, что онъ обязанъ слѣдовать по тому пути, который указываетъ ему новая экономическая наука, что общество, наконецъ, будетъ всѣми силами способствовать великому призванію цезаризма. Но тогда зачѣмъ же нуженъ послѣдній? Цезаризмъ тѣмъ и отличается, что стремится удовлетворить потребностямъ массы вопреки обществу и, главнымъ образомъ, въ собственныхъ интересахъ. Онъ требуетъ поддержки со стороны этой массы въ борьбѣ противъ политической свободы, обѣщая за это улучшеніе экономическаго положенія низшихъ слоевъ населенія.

Само собой разумѣется, что, по мнѣнію Вирта, на долю именно нѣмецкаго народа, именно Гогенцоллернской династіи выпадаетъ честь совершить міровой соціальный переворотъ.

Мы опускаемъ соображенія Вирта о томъ, что міровоззрѣніе Рихарда Вагнера, по скольку оно выразилось въ «Парсивалѣ» и другихъ его произведеніяхъ, должно быть исправлено въ направленіи идей Родбертуса;

но не можемъ не обратить вниманія на вѣрное (хотя, разумѣется, не новое) указаніе на современное положеніе семьи. Семья эта, основная клѣточка общественнаго организма,—какъ любятъ ее называть многіе,—почти не существуетъ въ настоящее время. Теперь дѣти и женщины принимаютъ все большее и большее участіе въ тяжкихъ работахъ на фабрикахъ и заводахъ, и семья становится роскошью, доступной только зажиточнымъ классамъ. Замѣтимъ, что въ этихъ классахъ семья разрушается по другимъ причинамъ. Нормаленъ ли общественный строй, въ которомъ могутъ происходить, почти какъ заурядныя, слѣдующія явленія: въ Ольдгамѣ (Англія), 1 августа нынѣшняго года, женщина выставила на продажу, на рынкѣ, двухъ своихъ дѣтей, сына и дочь. Мальчика купила бездѣтная дама за двадцать копѣекъ (6 пенсовъ), дѣвочку никто не пріобрѣлъ. А несчастная мать говорила: «Мужъ мой умеръ, и я не могу прокормить ее,—возьмите ее хоть за одинъ пенни» *).

Въ очеркѣ Макса Шиппеля, о которомъ мы упомянули въ началѣ замѣтки, заключаются весьма интересныя данныя о развитіи различныхъ отраслей промышленности. Авторъ доказываетъ цифрами, какъ усилилась производительность труда и въ добывающей и въ обрабатывающей промышленности. Въ 1821 году населеніе, занятое въ Англіи земледѣліемъ, равнялось 1.713.289 чел. Черезъ 50 лѣтъ оно сократилось до 1.657.138 чел., количество обрабатываемой земли увеличилось на 20%, а размѣры производства въ еще большемъ отношеніи. Машины представляли собою ручныхъ силъ въ Англіи (съ Ирландіей) въ 1792 году 10 милліоновъ, а въ 1871 году—1.000 милліоновъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ страшно усиливаются промышленные кризисы, и масса рабочихъ остается на нѣкоторое время буквально безъ куска хлѣба. Въ Великобританіи съ 1770 по 1815 годъ былъ 41 хорошій и 5 плохихъ годовъ, съ 1822 по 1860 г.—хорошихъ 20, плохихъ 19, съ 1861 по 1879 г.—хорошихъ 7, плохихъ 12. А между тѣмъ средняя заработная плата во многихъ отрасляхъ производства понижалась. Такъ на ткацкихъ фабрикахъ она съ 14 шиллинговъ (въ недѣлю) въ 1816 году упала до 11 въ промежутокъ времени отъ 1834 до 1844 года. Пятая часть рабочаго населенія современной Англіи живетъ общественною милостыней. Необходимо, чтобы доходъ рабочаго возрасталъ съ возрастаніемъ національной производительности, и государство должно вмѣшаться съ этою цѣлью въ народно-хозяйственныя отношенія. Оно обязано это сдѣлать въ своихъ собственныхъ интересахъ, въ интересахъ цивилизаціи и самихъ владѣющихъ классовъ.

Къ книгѣ Вирта приложенъ портретъ Родбертуса.

---

*) Мы беремъ это извѣстіе изъ *Русскихъ Вѣд.*, № 221.

Вліяніе природы на развитіе собственности. *Людвига Феликса* (**Der Einfluss der Natur auf die Entwicklung des Eigenthums.** *Ludwig Felix.* Leipzig. 1883).

Людвигъ Феликсъ задумалъ написать обширное сочиненіе: «Исторію развитія собственности». За первымъ томомъ должны слѣдовать части, посвященныя вліянію на развитіе собственности, религіи, нравовъ, государственной власти, и т. д.

Значеніе собственности понятно всякому. Нѣкоторые писатели (Lewis H. Morgan: «Ancient Society», 1877) утверждаютъ даже, что началомъ своимъ цивилизація обязана страстному стремленію къ собственности, которое преодолѣло другія страсти. Феликсъ замѣчаетъ: если способность къ труду, прилежаніе, самообладаніе, бережливость, умѣренность являются добродѣтелями въ особенности тѣхъ, кто пріобрѣтаетъ имущество, то благородное благожелательство, поощреніе искусствъ и наукъ, спокойная увѣренность составляютъ отличительные признаки людей, которые обладаютъ уже имуществомъ. Въ интересахъ жизненнаго ритма человѣчества (Rhythmus des Lebens der Menschheit), говоритъ нѣмецкій писатель, необходимо поэтому, чтобы рядомъ съ имущими существовали стремящіеся къ пріобрѣтенію имущества.

Собственность—и, слѣдовательно, понятіе о ней—подвергалась и подвергается историческому развитію. И теперь существуютъ еще племена, лишенныя этого понятія (многіе австралійскіе народцы). Первоначальною собственностію были движимыя вещи, предметы необходимости; земля становится предметомъ собственности значительно позднѣе.

Низкая степень умственнаго развитія такъ-наз. естественныхъ (дикихъ) народовъ (Naturvölker) обусловливала медленное развитіе собственности. Неспособность считать вела къ тому, что стремленіе владѣть предметами было ограниченно. Трудно было настойчиво добиваться двѣнадцати, напримѣръ, вещей, когда дикарь не могъ счесть болѣе пяти и не имѣлъ, слѣдовательно, возможности ясно и отчетливо отличить одиннадцать отъ двѣнадцати. Точно то же происходитъ и вслѣдствіе первоначальной неспособности точно измѣрять время, цѣнить продолжительность труда. Для дикаря счастье заключалось въ сытомъ бездѣйствіи и работа была для него страданіемъ. Поэтому-то латинское laboro значило и работаю, и страдаю. То же обозначалось въ древне-нѣмецкомъ языкѣ словомъ Arbeit, и т. д. Готтентота можетъ побудить къ труду только сильный голодъ. Многіе полинезійцы проводятъ жизнь почти въ безусловной праздности. На островѣ Суматрѣ батасы предаются полному бездѣйствію, заставляя работать женщинъ, и т. п. Если присоединить къ этому свойству отсутствіе нравственнаго развитія, твердыхъ представленій о справедливомъ, непредусмотрительность, то хаотическое состояніе хозяйства дикихъ и полудикихъ народовъ станетъ совершенно понятно. У такихъ народовъ нѣтъ собственности.

Феликсъ дѣлаетъ довольно обстоятельный очеркъ естественныхъ условій различныхъ частей свѣта и приходитъ къ лишенному всякой оригинальности заключенію, что природа, климатъ и т. п. вліяютъ на человѣка вообще и на его хозяйство въ частности. Но природныя особенности человѣка, наслѣдственно передаваемыя, имѣютъ еще большее вліяніе,—говоритъ Феликсъ въ заключеніе слѣдующей главы,—на развитіе собственности. Такъ какъ все мѣняется, все растетъ или умаляется на землѣ, то и *цѣнность* предметовъ собственности, по мнѣнію автора, является относительною, чисто идеальнымъ мѣриломъ.

Книга Феликса свидѣтельствуетъ объ его начитанности, но толку въ ней очень немного.

Статистика новаго времени. *Кольба* (Statistik der Neuzeit. *G. Fr. Kolb.* 1883. I. Lieferung).

Въ первомъ выпускѣ новаго труда Кольба заключаются статистическія данныя о Германіи, Австро-Венгріи и Франціи.

Населеніе Германіи равнялось въ 1880 году (съ Эльзасомъ и Лотарингіей)—45.234.061 (въ 1875 г.—42.727.360). Изъ этого числа протестантовъ 62.89%, католиковъ 36.15%, остальные принадлежатъ къ другимъ вѣроисповѣданіямъ. Въ 1881 году изъ 151.331 рекрутъ не прошли начальной школы только 2.332 (1.54%). Въ Германіи существовало (въ 1880 году) 390 гимназій и 20 университетовъ, изъ которыхъ (въ 1882 г.) въ Берлинскомъ университетѣ было 3.900 студентовъ, въ Лейпцигѣ—3.111, въ Мюнхенѣ—2.017, въ Бреславлѣ—1.532, въ остальныхъ менѣе. Періодическихъ изданій въ 1881 г. выходило въ Германіи 4.398.

Населеніе Австро-Венгріи (1881) опредѣляется въ 37.839.392 ч. По вѣроисповѣданіямъ оно представляетъ большое разнообразіе, не говоря уже о племенномъ составѣ.

Въ десяти австро-венгерскихъ университетахъ въ 1880—81 году находилось 10.201 студ. Народныхъ школъ было 15.479 въ Цислейтаніи и 15.824 въ Транслейтаніи. Повременныхъ изданій въ первой половинѣ имперіи выходило 1.121, во второй—558.

Населеніе Французской республики (послѣ насильственнаго отторженія Эльзаса-Лотарингіи, гдѣ въ 1880 г. было 1.566.670 жителей) пріостановилось въ своемъ развитіи и равнялось (1881) 37.672.048 ч. (громадное большинство католическаго вѣроисповѣданія). Въ 1876 году было 71.547 начальныхъ школъ, въ томъ числѣ 9.352 безплатныхъ. Страна употребляетъ напряженныя усилія, чтобъ исправить въ этомъ отношеніи упущенія и ошибки. Въ 1827 году изъ ста рекрутъ умѣло читать только 42, а въ 1879 году—85. Въ 1880 году цифра начальныхъ школъ поднялась до 73.764, въ томъ числѣ свѣтскихъ 53.800 (учителей—45.153, учительницъ—25.263). Въ 19.964 школахъ духовенства труди-

лось 10.029 учителей и 39.125 учительницъ. Дѣтей въ нихъ было 1.804.653 (въ свѣтскихъ—3.144.938). Повременная печать къ 1881 году имѣла 2.968 изданій (въ томъ числѣ въ одномъ Парижѣ 1.316). Республиканскія изданія расходились ежедневно въ 1.486.015 экземплярахъ, консервативныя и реакціонныя въ 476.705 экз.

Мы приведемъ теперь нѣсколько цифръ другого рода, которыя могутъ привести въ ужасъ каждаго размышляющаго человѣка.

Германская армія, на военномъ положеніи, равняется 1.456.677 солд. и 35.427 офиц. Содержаніе арміи стоило въ 1872 году — 266.784.722 марки (кромѣ того особыя издержки—68.222.110); черезъ десять лѣтъ войско поглотило уже 342.211.631 м. (не считая единовременно затраченныхъ 51.435.733). Расходы на флотъ колебались между 11.373.558 и 39.051.913 марками. Всѣ же расходы имперіи въ 1881—82 году равнялись 593.352.400. Читатель видитъ, какое «*культурное*» значеніе имѣетъ Гогенцоллернская монархія. Тяжкая рука милитаризма давитъ и другія государства, которымъ приходится вооружаться съ головы до ногъ въ виду превратившейся въ казарму Германіи. Франція принуждена расходовать на армію и флотъ болѣе 800.000.000 франковъ. Эта несчастная страна, благодаря развратному произволу второй имперіи, испытала тяжкія потери и горькія униженія. Кольбъ вычисляетъ денежныя потери Франціи въ войну 1870—71 гг., съ ея послѣдствіями, въ 14.456 милліоновъ франковъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что давно уже осуществлена,—и прекращенія ея не предвидится,—самая нелѣпая и возмутительная изъ утопій: масса населенія бѣднѣетъ, голодаетъ, вырождается въ физическомъ, нравственномъ и умственномъ отношеніи, а послѣдніе гроши, добываемые народомъ, расточаются на приготовленіе къ исполинскому истребленію людей, во имя національныхъ интересовъ и государственныхъ основъ. Еслибы только въ теченіе десяти лѣтъ тѣ безумныя суммы, которыя идутъ теперь на дисциплинированье «пушечнаго мяса», были употребляемы на народное образованіе, еслибы милліоны людей, въ цвѣтѣ лѣтъ, вмѣсто того, чтобы маршировать, прицѣливаться и скакать, занялись въ этотъ же промежутокъ времени честнымъ и производительнымъ трудомъ,—Европа испытала бы благотворнѣйшій переворотъ. Но именно предположеніе объ изгнаніи безумія милитаризма и составляетъ въ настоящее время величайшее безуміе.

В. Гольцевъ.

Редакторъ С. Юрьевъ.
Редакторъ-издатель В. Лавровъ.

— Пора не только на то, а...—бегъ не договорилъ.

Результатомъ этого разговора была поѣздка тропхъ гонцовъ разомъ. Между ними былъ и тотъ, что разъ уже ѣздилъ въ Бахчисарай. Случилось это ровно черезъ годъ послѣ отправленія исчезшаго безъ вѣсти. Ожидать гонцовъ зимою не было резона. Прошла зима, наступила весна и экспедиція вернулась.

— Бумагу привезъ?

— Привезъ.

— Гдѣ она?

Гонецъ полѣзъ рукою въ торбу и вытащилъ оттуда какую-то скверную лепешку сѣраго цвѣта. Бумага размокла, превратилась въ тѣсто и опять высохла...

— Отлично!—рѣшилъ бегъ, взявъ лепешку въ руки.

Онъ нѣсколько разъ повернулъ ее со всѣхъ сторонъ.

— Это бумага?

— Бумага. Въ Бахчисараѣ она выглядывала иначе, была похожа на платокъ.

— Но все-таки это бумага?

— Бумага.

Бегъ еще разъ обозрѣлъ лепешку, понюхалъ ее, скривилъ губы, покивалъ головой и положилъ ее на диванъ въ ожиданіи Тимка, который въ это время объѣзжалъ норовистаго жеребца въ степи, за городомъ.

— Есть, есть! — закричалъ бегъ издали, только лишь завидѣлъ Тимка въ воротахъ.

— Что?

— Бумага.

— И хорошо. Пусть Грищь собирается теперь въ путь, — сказалъ Кривоносъ, что сопровождалъ Тимка.

Легко вообразить себѣ гримасу Тимка при видѣ лепешки.

— Что это?—воскликнулъ онъ.

— Бумага.

Взялъ ее въ руки и Кривоносъ и сплюнулъ.

— Видалъ я бумагу, но такую въ жизни никогда. Можетъ ухитришься написать на этой?

Тимко покачалъ головой.

— Это—не то кусокъ глины, не то засохшее тѣсто... А что, нельзя ли расклеить ее?

— Расклеить?... Кто же будетъ расклеивать?

— Отдай ее въ гаремъ. Женамъ твоимъ дѣлать-то нечего, цѣлый день въ саду болтаются, да зубы скалятъ.

— А ты почемъ знаешь?—медленно спросилъ бегъ.

— Почемъ я знаю?... Большая хитрость знать это! Женщины твои такія же, какъ и другія женщины... Или нѣтъ, можетъ-быть?

— Положимъ, такія же.

— Такъ вотъ я, зная о другихъ, знаю, что и твои дѣлаютъ, и думаю, что онѣ могли бы расклеить бумагу. Ты какъ думаешь?

— Пожалуй, — протянулъ бегъ, который и самъ былъ не радъ, что затѣялъ разговоръ о женщинахъ. Подобная тема на Востокѣ считается неприличною.

Не трудно отгадать результаты этого разговора. Лепешка подверглась въ гаремѣ множеству опытовъ и наконецъ вышла удобною для какого угодно употребленія, только не для писанья.

— Пиши,—сказалъ Кривоносъ, принося Тимку бумагу гаремной фабрикаціи.

— Пиши ты самъ.

— Что же дѣлать теперь? Пора ужь отправить это несчастное письмо.

— Пора!... Конечно, пора!... И бегъ—дуракъ, и ты—дуракъ, и я—дуракъ. Никому изъ насъ и въ голову не пришло, что за бумагой не надо было посылать такъ далеко.

— Ну?

— Точно въ Яссахъ нѣтъ бумаги!

— Правда, ей-богу правда! Вотъ что значитъ человѣкъ съ головой: рано ли, поздно ли, а придумаетъ. Жаль только, что мы не додумались до этого немного раньше.

— Я теперь додумался до двухъ вещей, вмѣсто одной.

— А что именно?

— Искать бумагу въ Яссахъ и ѣхать за ней самому.

— Самому?... А если тебя узнаютъ?

— Нужно сдѣлать такъ, чтобъ не узнали.

— Развѣ ты татариномъ переодѣнешься?

— Хоть бы и такъ.

— Тогда дѣло другого рода. А я тогда какъ же?

— А ты переодѣться тоже не можешь?

— Могу-то могу, да носъ куда спрячу?

— Въ Леовѣ, на перевозѣ, у тебя былъ, кажется, тотъ же самый.

— Я его тамъ прикрылъ тюрбаномъ, — ну, и сошло, только на одну минуту,—а въ Яссахъ не могу же я вѣчно прикрывать носъ.

— Тогда оставайся здѣсь.

— А если съ тобой что случится?

— Я не ребенокъ, а ты не нянька моя.

— Отецъ...

— Что тамъ отецъ! — нетерпѣливо перебилъ Тимко.—И отецъ иногда таскается по свѣту.

— Оно такъ... Ну, поѣзжай!

Оставалось переговорить съ Тугай-бегомъ. Тотъ съ своей стороны не дѣлалъ никакихъ препятствій, напротивъ оказалъ даже помощь, выбралъ изъ своихъ конюшенъ нѣсколько лошадей на продажу, выбралъ нѣсколько провожатыхъ,—однимъ словомъ, снарядилъ цѣлую торговую экспедицію, куда Тимко вошелъ въ качествѣ участника. Татарамъ строго было наказано обращаться съ нимъ какъ съ настоящимъ татариномъ, чтобы совершенно скрыть его личность. Отъѣздъ назначенъ былъ скоро. Герой нашъ отправился въ столицу Молдавіи какъ будто за бумагой, а на самомъ дѣлѣ съ цѣлью, которая кромѣ его самого никому не была извѣстна.

Твердо памѣченнаго намѣренія, опредѣленнаго плана у него, конечно, не было. Въ головѣ его роились разные проекты, одинъ другого невѣроятнѣе. Развѣ Тимко не былъ рыцаремъ? Развѣ онъ не имѣлъ права разсчитывать, что невѣроятное свершится въ его пользу? Право это казалось ему тѣмъ болѣе естественнымъ, что онъ былъ самаго лучшаго мнѣнія о себѣ.

Путешествіе чрезъ буджакскія степи совершилось безъ всякихъ приключеній. Татары благополучно прибыли въ Яссы, заняли мѣсто въ гостиницѣ и объявили о продажѣ коней Тугай-бега.

Кони Тугай-бега пользовались большой популярностью благодаря не столько своимъ достоинствамъ, сколько славному имени продавца. Бегъ принадлежалъ къ числу такихъ людей, съ которыми не мѣшаетъ быть любезнымъ. Онъ былъ извѣстенъ своею храбростью, свирѣпостью и кровожадностью. Извѣстіе о продажѣ его лошадей быстро разошлось по Яссамъ, въ особенности въ правящихъ сферахъ. Волошскимъ чиновникамъ представлялся отличный случай снискать благорасположеніе небезъопаснаго сосѣда. Въ гостиницу одинъ за другимъ начали являться купцы въ лицѣ то перкалаба, логофета, то разныхъ бояръ. Приходили они во главѣ многочисленной свиты, важные, въ длинныхъ одеждахъ, въ высокихъ колпакахъ, заглядывали въ конюшни и торговали лошадей. Такъ какъ покупка имѣла чисто политическую цѣль (необходимо было, чтобы бегъ зналъ, кто у него покупаетъ), то каждый долго толковалъ главному конюху, кто онъ такой, какое мѣсто занимаетъ, и т. д.

— Я, видишь ли, не изъ простыхъ, а бояринъ такой-то; Тугай-бега знаю и люблю его, какъ роднаго брата. Я и лошадь покупаю не потому, что она нужна мнѣ, а чтобы хвалиться ею передъ людьми. Пусть только „домнулъ“ выберетъ коней, какіе ему понравятся. Онъ пришлетъ Кутнарскаго.

Господарь, дѣйствительно, прислалъ Кутнарскаго. Тотъ приходилъ два раза: сначала—одинъ, осмотрѣлъ лошадей, прицѣнился и ушелъ; другой разъ—въ сопровожденіи молодого человѣка, съ которымъ, пред-

полагая, что татары не поймутъ, говорилъ по-польски. Бесѣда ихъ сразу весьма заинтересовала Тимка.

„Ваше сіятельство"—говорилъ Кутнарскій. „Его сіятельство" смотрѣлъ такимъ молодцомъ, что въ головѣ Тимка тотчасъ же родились различныя подозрѣнія, а въ сердце заползла змѣя зависти.

— Ваше сіятельство, — говорилъ ему фаворитъ Лупулу, — коней этихъ я выбираю для васъ. Господарю они не годятся, а для васъ...

— Да,—прервалъ молодой князь,—мнѣ пригодятся, только не знаю, право, для чего,—прибавилъ онъ, присматриваясь къ толстымъ ногамъ, некраспымъ головамъ и мохнатой шерсти лошадей.

— Конечно, не для того, чтобы гарцовать передъ домницей,— добродушно пошутилъ Кутнарскій,—теперь ужь это лишнее: вы и такъ покорили ея сердце,—а для ѣзды на долгое разстояніе. Посмотрите, что это за лошади: какая грудь, какой крестецъ! Ноги, правда, толсты, за то сильны. Посмотрите, если вотъ на эту человѣкъ сядетъ въ Яссахъ, то можетъ однимъ духомъ доѣхать до Варшавы.

— Не слѣзая?—усомнился князь.

— Это только такъ говорится,—человѣкъ не выдержалъ бы такой ѣзды; а что касается коня,—о, конь выдержалъ бы!... Ваше сіятельство поблагодарите меня современемъ.

— Я нисколько не сомнѣваюсь, но...

— Понимаю, понимаю! Вы хотите сказать, что не торопитесь... Амуръ не пускаетъ... Пора, князь, пора! Незнакомецъ прожилъ долго и добился хорошаго результата. Сердце домницы побѣждено; съ этой стороны все, слава Богу, обстоитъ благополучно. Остается только одно: уѣхать, прислать сватовъ и назначить день свадьбы. Нельзя же вамъ все оставаться въ качествѣ пажа... Вотъ конь-то и приходится вамъ въ самый разъ.

Кутнарскій снова началъ расхваливать коня. Можетъ-быть конь и въ самомъ дѣлѣ обладалъ такими достоинствами,—насъ это интересуетъ очень мало, настолько же, какъ и Тимка, который при словѣ „пажъ" сразу припомнилъ пажа, видѣннаго имъ во время свадьбы Радзивила,—пажа, что ходилъ позади домны, становился за стуломъ домницы, казался ему мальчикомъ скромнымъ, а на конѣ ѣздилъ какъ настоящій рыцарь. Такъ вотъ онъ, этотъ пажъ, подросъ, возмужалъ, сдѣлался красавцемъ. Когда-то онъ казался дѣвочкой, переряженной въ мужское платье, но теперь—нѣтъ, онъ не дѣвочка, онъ князь. Всего этого было достаточно, чтобы повергнуть Тимка въ великое безпокойство.

Кутнарскій и молодой князь ушли, но безпокойство не оставляло нашего героя,—мало того, возрастало съ каждою минутой, тѣмъ болѣе, что около него никого, съ кѣмъ могъ бы онъ посовѣтоваться, просить помощи. Онъ видѣлъ только передъ собой опасность, грозящую

разбить его воздушный замокъ, дѣтище его грезъ. Какъ отвратить эту опасность, что предпринять? Тимко чувствовалъ себя связаннымъ по рукамъ и по ногамъ. Не скоро удалось ему привести въ порядокъ свои мысли. „Прежде всего,—рѣшилъ онъ,—въ Яссахъ вѣроятно знаютъ что-нибудь объ этомъ“.

Въ гостиницѣ о домницѣ говорили много. Говорили, что за нее сватался то тотъ князь, то этотъ, но всѣ уходили ни съ чѣмъ, потому что она очень красива и богата, а господарь и домна рѣшили выдать ее не иначе, какъ за такого князя, который богаче, могущественнѣй, умнѣй и красивѣй всѣхъ существующихъ князей на бѣломъ свѣтѣ. Такой еще, впрочемъ, не являлся. Что касается пажа, то о немъ мало распространялись. Прежде онъ былъ пажомъ, теперь поступилъ въ придворный штатъ господаря. Князь ли онъ? Можетъ-быть; во всякомъ случаѣ, господарь держалъ его при себѣ изъ милости. Даже имени его достовѣрно не зналъ никто,—разъ называли его такъ, другой иначе. Видно было, что роль его была не изъ значительныхъ, что онъ не возбуждалъ особаго интереса. Тимко почти совсѣмъ успокоился,—нельзя же было серьезно относиться къ подобному сопернику! Къ тому же изъ разговора князя съ Кутнарскимъ было видно, что первый уѣзжаетъ. Туда ему и дорога!... А предсказанія цыганки, кромѣ того? Не можетъ быть, чтобъ она такъ грубо ошибалась...

Все это занимало его во время пребыванія въ Яссахъ. Онъ сидѣлъ въ гостиницѣ и постоянно обдумывалъ различныя комбинаціи. Разъ пришла ему въ голову мысль увидать „ее“, то-есть Розанду. Конечно, для конюха-татарина, какимъ былъ Тимко, подобная вещь была не особенно легка, но чего на свѣтѣ не случается!

„А если встрѣчу?—думалъ Тимко.—Если встрѣчу, то дальше все пойдетъ хорошо. Пойду!“

Онъ вышелъ изъ гостиницы и пошелъ въ городъ. Вдругъ сердце его сжалось какимъ-то тревожнымъ предчувствіемъ.

„А если не встрѣчу?“—пришло ему въ голову.

Съ самаго момента прибытія въ Яссы, то-есть въ теченіе недѣли слишкомъ, встрѣтить домницу ему не пришлось еще ни разу, да и самая встрѣча не была изъ разряда обыкновенныхъ вещей. Тимко остановился, но жребій было уже брошенъ, и онъ повернулъ по направленію къ воротамъ дворца. Еще раньше его поразило какое-то необыкновенное движеніе на улицахъ. Людъ со всѣхъ сторонъ бѣжалъ и наводнялъ дворъ замка. Ускорилъ шагъ и Тимко, вошелъ на дворъ и вотъ что представилось его глазамъ: неподалеку отъ воротъ на камнѣ сидѣлъ бандуристъ, въ которомъ онъ сразу узналъ Саву. Встрѣтить Саву было во всякомъ случаѣ очень пріятно,—отъ него многое можно узнать,—только Тимкѣ не очень выгодно было показаться ему на глаза. А ну, какъ онъ узналъ бы его въ татарской одеждѣ и выдалъ бы его!

Тимко зашелъ сзади и наравнѣ съ прочими сталъ прислушиваться къ интродукціи, которою Сава начиналъ какую-то пѣсню. Интродукція еще не кончилась, какъ народъ началъ тѣсниться, освобождая мѣсто для кого-то, сходящаго съ крыльца въ сопровожденіи большого числа женщинъ.

Найди Тимко на дорогѣ огромное сокровище, онъ не обрадовался бы такъ, какъ теперь. Сколько разъ онъ толкался на улицахъ и еще ни разу не встрѣтилъ доминицы, а теперь задумалъ только — и она сама вышла ему на встрѣчу.

„Хорошій знакъ, хорошій!“ — повторялъ онъ про себя, медленно подвигаясь назадъ и торжествующимъ взоромъ поглядывая на доминицу.

А она еще похорошѣла за послѣднее время. Два года—большой промежутокъ времени для юной дѣвушки. Изъ почки, какой она была, она развернулась въ пышный цвѣтокъ, ослѣпляющій своею красотой.

„Вышла на встрѣчу мнѣ!“ — шепталъ Тимко.

Она вышла послушать бандуриста. Тотъ въ это время взялъ нѣсколько аккордовъ на своемъ инструментѣ и затянулъ пѣсню. Тимко, въ своемъ татарскомъ нарядѣ, полускрытый въ толпѣ, не спускалъ взгляда съ лица Розанды. Она также свободно могла бы видѣть, какъ и онъ ее, но все ея вниманіе было обращено на бандуриста. Одинъ разъ, впрочемъ, глаза Тимка встрѣтились съ ея глазами, встрѣтились на мгновеніе, но въ ея взорѣ было что-то особенное: не то вопросъ, не то недоумѣніе,—точно она хотѣла спросить: „Ты ли это?“

И Тимко почувствовалъ страстное желаніе выдвинуться впередъ и закричать: „Я, Розанда, я!... Для тебя пришелъ, для тебя!“

Но она повернулась въ сторону и онъ удержался, вздохнулъ и подумалъ, что совершилъ бы ужаснѣйшую глупость, еслибы послушался перваго побужденія. Доминица возвратилась во дворецъ, онъ пошелъ въ свою гостинницу, повторяя про себя, что ворожея предсказала правду, что времени тратить нечего.

— Проданы кони?—первымъ словомъ спросилъ онъ у старшаго конюха.

— Всѣ до одного,—отвѣчалъ тотъ.

— Ну, тогда сѣдлать лошадей и—маршъ домой.

— Сегодня?

— Зачѣмъ медлить? До вечера всѣ уѣдемъ нѣсколько миль.

Черезъ полчаса онъ сидѣлъ уже на конѣ. Путешествіе совершалось такъ быстро, что татары едва-едва выдерживали. Тимко вскакивалъ передъ разсвѣтомъ, ложился поздно, отдыхи дѣлалъ самые короткіе и возвратился въ Аккерманъ раньше, чѣмъ можно было предполагать.

— Эге, несло же тебя что-то особенное!...

Такъ встрѣтилъ его Кривоносъ и послѣ первыхъ привѣтственныхъ словъ спросилъ:

— А бумага?

— Забылъ.

— Какъ забылъ?... Вотъ те на! Что-жь мы будемъ дѣлать теперь? Развѣ опять съѣздишь?

— Тутъ не до бумаги. Собирайся,—ѣдемъ въ Чигиринъ.

— Какъ, прямо въ Чигиринъ? Да что ты, узналъ что особенное, встрѣтился съ кѣмъ-нибудь?

— Встрѣтился съ Савой Бандурой.

— Что-жь онъ?

— Да я съ нимъ не говорилъ... Гдѣ бегъ?

Тугай-бегъ, легкій на поминѣ, появился при этомъ вопросѣ.

— Готовься, бегъ, на ляховъ. Собирай войско большое - большое, больше того, что полегло подъ Охматовомъ. Понимаешь?

— *Пекъ-и*, понимаю... А что?

— Я ѣду къ отцу. Отецъ исправитъ свою ошибку.

— Привезъ все для письма?

— Нѣтъ... Впрочемъ, это ничего не значитъ,—писать не нужно.

— Все же нужно прежде переговорить съ Богданомъ,—ему вѣсть послать и отъ него получить.

— Развѣ Гриця послать напередъ? — предложилъ Тимко послѣ краткаго, но дружественнаго совѣщанія.

Рѣшили послать Гриця. Всѣ инструкціи Тимка заключались только въ собраніи свѣдѣній, можно ли ему возвратиться въ Чигиринъ. Бегъ приказывалъ напомнить Богдану о какомъ-то обѣщаніи (какомъ именно, онъ посланному не сказалъ), и притомъ прибавилъ, что, благодаря этому обѣщанію, онъ, бегъ, ночей не досыпаетъ, все думаетъ о немъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I.

Бѣдная мать.

Уплываютъ дни, сплываютъ мѣсяцы, уплываютъ годы... Событія, заставившія насъ оставить Чигиринъ, приводятъ туда же обратно.

Въ городѣ не измѣнилось ничего, прибавилось только одно строеніе—домъ большой, красивый, больше всѣхъ домовъ города, за исключеніемъ за́мка. Постройка началась во время пребыванія Тимка въ чужихъ краяхъ; посреди рабочихъ, столяровъ, каменщиковъ, печниковъ расхаживалъ отецъ нашего героя и торопилъ ихъ, заставлялъ скорѣе работать.

То Богданъ ставилъ домъ для себя.

— Дворецъ, дворецъ... — толковали въ городѣ.—У него есть уже домъ въ Суботовѣ, зачѣмъ ему еще?

Это не былъ дворецъ въ полномъ смыслѣ слова: здѣсь не было ни колоннады, ни штукатурныхъ украшеній снаружи, но за то, если это мнѣніе было несостоятельно, послѣдній вопросъ являлся чрезвычайно резоннымъ: „Да зачѣмъ ротмистру второй домъ? Для сыновей, или для дочери?“ Догадывались, что для Юрка, который давно требовалъ, чтобы позаботились о его будущемъ, но Богданъ, когда его спрашивали о томъ, коротко отрѣзывалъ:

— Для себя.

И не объяснялся дальше рѣшительно ни съ кѣмъ, даже съ женою,—съ женою, которую постройка эта наполнила какою-то странною, необъяснимою тревогой, какъ предчувствіе чего-то зловѣщаго. Надо сказать, что пани Хмельницкая чувствовала себя все хуже и хуже и рѣдко покидала постель. Поддержавали ее лѣкарствами и заговорами; какая-то знахарка почти совсѣмъ поселилась въ Суботовскомъ домѣ, варила зелья, нашептывала и еле-еле поддерживала огонь, готовый угаснуть. Пани Хмельницкая увѣряла, что поздоровѣла бы сразу, еслибъ увидѣла Тимка.

— Только бы посмотрѣть на него...—умоляющимъ голосомъ говорила она мужу, когда тотъ заглядывалъ къ ней.

Послѣднее случалось очень рѣдко, несмотря на то, что больная постоянно призывала его къ себѣ, постоянно распрашивала дѣтей, гдѣ отецъ.

— Въ Чигиринѣ, за постройкой надсматриваетъ, — вѣчно повторяли дѣти.

— Ахъ, эта постройка!...На что она ему!... Меня это тревожитъ: все кажется мнѣ, когда она кончится, меня не будетъ уже на свѣтѣ. Самъ онъ говорилъ, что въ замкѣ живетъ его заклятый врагъ,—зачѣмъ же селиться подъ бокомъ у врага? Въ Суботовѣ мы живемъ въ сторонѣ, — близко, а все-таки въ сторонѣ,—а тамъ поселимся подъ самымъ бокомъ. О, Боже милосердый! Пріѣдетъ Тимко и Тимко тамъ поселится на глазахъ у ляховъ, на глазахъ у жидовъ. О, несчастная я! Этотъ домъ тревожитъ меня. Нѣтъ, не войду я туда живая. А Тимко... гдѣ онъ?

Такъ горевала и жаловалась бѣдная мать. Она знала, что Тимко что-то тамъ натворилъ, что у него вышла какая-то исторія съ Радзивиломъ, что онъ принужденъ былъ тайно бѣжать изъ Яссъ—и только. Все остальное было для нея тайной, загадкой. Спрашивала она мужа, но тотъ отвѣчалъ коротко:

— Не бойся, ничего съ нимъ дурного не случится.

— Гдѣ онъ?

— Гдѣ? Я и самъ радъ былъ бы знать объ этомъ.

— Мнѣ хотѣлось бы увидать его.

— Ни ему, ни тебѣ никакой прибыли отъ этого не будетъ.

— Я бы выздоровѣла, еслибъ онъ сталъ передо мною.

Богданъ обыкновенно или молчаливо пожималъ плечами, или просто выходилъ изъ комнаты. Онъ и самъ не зналъ, что дѣлается съ сыномъ и какая была настоящая причина его побѣга изъ столицы Молдавіи. Полкъ, состоявшій подъ начальствомъ Тимка, возвратился, но никто не зналъ всѣхъ подробностей дѣла. Козаки не сопровождали Тимка къ ясскому двору, а потомъ, когда вождь ихъ исчезъ, они получили приказъ немедленно убираться и выѣхали. Даже подстароста—и тотъ ничего не могъ допытаться и только сердито проворчалъ, что заставитъ Тимка дорого заплатить за то, что онъ бросилъ свой полкъ.

По мнѣнію подстаросты, Хмельницкій самъ долженъ былъ предводительствовать полкомъ, а не довѣрять его „сыну-щенку“. Конечно, угрозы подстаросты вовсе не были страшны, тѣмъ болѣе, что со стороны Раздивила жалобъ никакихъ не воспослѣдовало. Онъ послѣ свадьбы отправился въ Львовъ, отослалъ свои войска краткой дорогой на Русь, а самъ, съ новобрачной женой и малою свитой, поѣхалъ на Варшаву. Казалось, князь совершенно забылъ о проступкѣ Тим-

ка. Съ нимъ поѣхалъ и панъ Краска. Въ Чигиринъ, понятно, не могло дойти никакого вѣрнаго извѣстія. Оставленіе полка не въ бою и не передъ лицомъ непріятеля въ то время не составляло большой вины, не влекло за собою особенно строгаго наказанія. Тимку, по всей вѣроятности, сошло бы съ рукъ и задаромъ, но Богданъ, хорошо знавшій положеніе дѣлъ, представлялъ женѣ дѣло въ иномъ свѣтѣ.

— Не желалъ бы я быть на его мѣстѣ, — говорилъ онъ. — Заварилъ кашу...

Бѣдная женщина, томимая тревогою, все болѣе и болѣе уступала болѣзни. „Хоть бы какую-нибудь вѣсточку отъ сына, хоть бы малѣйшее извѣстіе!“

Такъ прошло два года. Наконецъ, дождалась и она. Вѣсть привезъ самъ мужъ.

Богданъ за послѣднее время совсѣмъ почти оставилъ привычу навѣщать больную жену. Пани Хмельницкая не смѣла приглашать его, да и на что? Помочь онъ ей не могъ ни въ чемъ, а видъ хворой женщины возбуждалъ въ немъ неудовольствіе. Она терпѣливо ожидала его посѣщенія, а посѣщенія становились все рѣже и рѣже...

Однажды, возвратившись изъ Чигирина, онъ прямо прошелъ къ ней и первый произнесъ имя ихъ сына.

— Что?!—воскликнула женщина, приподнявшись на постелѣ.

Большіе, черные, угасшіе глаза ея засверкали блескомъ, исхудалое лицо покрылось яркимъ румянцемъ.

— Что?—повторила она прерывающимся голосомъ.—Тимко?...

— Э, бѣда толковать съ бабами! Наладила одно: Тимко, да Тимко!... Ну, вѣсть отъ Тимка пришла: живъ онъ, здоровъ и сидитъ себѣ спокойно у Тугай-бега.

— Въ неволѣ?

— Что съ тобой?... Тьфу! Желалъ бы я быть въ такой неволѣ... Гоститъ тамъ, охотится, катается въ лодкѣ по лиману, лошадей объѣзжаетъ, ѣстъ, пьетъ и спитъ вволю,—однимъ словомъ, блаженствуетъ.

— Да правда ли это?

— Зачѣмъ же мнѣ говорить тебѣ неправду?

— Можетъ-быть... можетъ-быть тебѣ самому говорилъ кто-нибудь.

— Этотъ „кто-нибудь“—Гриць, который все время жилъ съ Тимкомъ въ Аккерманѣ и котораго ко мнѣ прислалъ самъ Тимко.

— О, Боже мой, благодарю тебя!—Пани Хмельницкая говорила съ большимъ усиліемъ, крѣпко прижавъ руку на груди.—Пришли Гриця ко мнѣ,—пусть онъ мнѣ разскажетъ. Я хочу распроспть у него...

— Да, пщи его теперь!

— Вѣдь онъ пріѣхалъ же?

— Какъ пріѣхалъ, такъ и уѣхалъ. Пріѣзжалъ онъ вовсе не затѣмъ, чтобъ я нянчился съ нимъ.

Пани Хмельницкая съ великимъ горемъ смотрѣла въ глаза мужу.

— Пріѣхалъ съ порученіемъ, а уѣхалъ съ приказомъ. Я приказалъ Тимку выбираться въ Крымъ, въ Бахчисарай.

— Головушка моя бѣдная!—простонала пани Хмельницкая, схватываясь обѣими руками за голову.

— Ну, дальше?—нетерпѣливо крикнулъ мужъ.

— Прямо въ волчье гнѣздо, волкамъ на съѣденіе!...

— Не говори глупостей, баба!

— Охъ, бѣдная я!

— Не жалуйся напрасно.

— Не увижу я его ужь на этомъ свѣтѣ.

Хмельницкій молча повернулся и пошелъ къ дверямъ, но жена съ мольбой протянула за нимъ руки.

— Словечко одно, одно слово!

— Ну?

— Охъ, охъ... зачѣмъ же ты его туда... въ Крымъ-то?

— А что-жь ему тутъ дѣлать? Болтаться безъ дѣла? (Хмельницкому, вѣроятно, пришла въ голову Элена.) Около твоей юпки сидѣть? Пора ему ужь и свѣтъ увидать, какъ и гдѣ люди живутъ. Я написалъ письмо къ хану... Тугай дастъ ему провожатаго... Ханъ приметъ его съ почетомъ, а ханъ—такая особа, около которой и самъ князь Іеремія смирится.

Пани Хмельницкая молча смотрѣла помутившимися глазами.

— Ты должна бы радоваться тому.

— Хоть бы я его издали увидала. Еслибъ онъ, ѣдучи въ Крымъ, заѣхалъ бы сюда хоть на минутку...

— Еще что?... Крюкъ какой дѣлать! Да и изъ-за чего?

— По крайней мѣрѣ посмотрѣть на того, кто видѣлъ Тимка собственными глазами.

— Увидишь, успокойся. Скоро увидишь...

— Кого?

— Ахъ, Боже ты мой! Да Кривоноса, Кривоноса!... Я ему приказывалъ возвратиться. Когда пріѣдетъ, пришлю его къ тебѣ въ Суботово, тогда и распросишь его обо всемъ.

— Когда?

— Скоро, скоро: недѣли черезъ три, черезъ четыре.

— Недѣли три, четыре!—простонала больная и свалилась на подушку.—Кривоносъ... Тимко... Боже мой! Тимко, дитятко ты мое, сынокъ мой милый!

Голосъ ея становился тише. Наконецъ она проговорила слышнѣй:

— Осталась ли *она* вѣрна ему?

Хмельницкій не слыхалъ этихъ словъ,—онъ ушелъ раньше. Слышала ихъ Элена, что ходила за больною матерью. Пани Хмельницкая повторила вновь:

— Вѣрна ли она ему?

— Кто знаетъ!—отвѣтила дѣвушка.— Съ тѣхъ поръ, какъ мы не видали ея, она сильно выросла и изъ дѣвочки стала совсѣмъ взрослою... Кто знаетъ! Я такъ давно не видалась съ ней, не говорила.

— Можетъ-быть слышала что-нибудь?

— Люди толкуютъ...—Элена начала было, но оборвалась.

— Что?

— Толкуютъ о панѣ подстаростѣ.

— Ахъ!—пани Хмельницкая презрительно махнула рукой.—Точно у ней глазъ своихъ нѣтъ!

Она помолчала немного.

— Ну, а все-таки, что-жь толкуютъ-то?

— Его часто видаютъ въ домикѣ пана Михала. Панъ Михалъ тоже часто ходитъ въ гости въ замокъ.

— Все это пустяки. Мало ли чего не бываетъ...

Она видимо хотѣла успокоить себя, но успокоеніе не приходило.

— Хоть бы Тимко поскорѣй пріѣхалъ...

Пани Хмельницкая испугалась своихъ словъ. У Тимка такой горячій нравъ, самъ онъ такой неудержимый, наконецъ это приключеніе въ Яссахъ, о которомъ говорилъ мужъ...

— Такъ подстароста, говоришь ты, часто навѣдывается къ пану Михалу?

— Говорятъ, часто. Горпина была прошлую середу въ городѣ и видѣла, какъ онъ входилъ въ домъ.

— Зачѣмъ же онъ ходитъ?

— Толкуютъ, что свататься хочетъ.

— Ему нужны связи. Элена... отца только знаетъ, а матери нѣтъ. Старикъ пришелся въ степь, осѣлъ въ хуторѣ и по милости Богдана перебрался въ городъ. Ни родни у него, ни близкихъ,—какъ перстъ, одинокій... Не то ляхъ, не то Богъ знаетъ что... Цыганъ можетъ-быть, а то и жидъ. Какая выгода подстаростѣ родниться съ такимъ? Что люди скажутъ, староста?... Нѣтъ, нѣтъ...

Долгая рѣчь сильно утомила ее. Она сложила руки на груди и съ широко открытыми глазами безжизненно вглядывалась въ пространство. Впалыя щеки опять покрылись мертвенною блѣдностью. Еслибы не глаза, ее можно было бы принять за трупъ. Наконецъ она покачала головой, вздохнула и продолжала:

— Старикъ-то, однако, говорятъ, много набралъ денегъ. Не на нихъ ли подстароста зарится?

— Можетъ быть, мама.

— А она что? Съ охотой вышла бы за подстаросту?

— О, нѣтъ, нѣтъ!

— Въ особенности, когда, напримѣръ, есть такой, какъ Тимко.

— Конечно.

— Вѣрна ли она ему? По крайней мѣрѣ въ то время, когда ты ее видѣла?...

— Въ то время она его любила всѣмъ сердцемъ... Помню, какъ она тогда въ вишневомъ саду глазъ не спускала съ Тимка.

— Какъ это было?

— Мы вышли въ садъ рвать вишни, глядь, а тамъ въ поляхъ, далеко-далеко, за рѣкой, показывается Тимко на конѣ. Я увидала его первая и указала пальцемъ: видишь?—а сама гляжу на нее. Она покраснѣла и все глядѣла на него. Посмотритъ куда-нибудь, а потомъ опять въ ту сторону, и такъ до тѣхъ поръ, пока Тимко не скрылся изъ виду.

— А тогда она что же сказала?

— Не сказала ничего, только сдѣлалась печальная-препечальная.

— Ты какъ думаешь: была бы она пара для Тимка?

— Въ самый разъ. Они какъ будто бы созданы одинъ для другого.

Больная усмѣхнулась.

— Отчего отецъ не разрѣшаетъ?—продолжала дѣвушка.—Хочетъ Тимко женить на каштелянкѣ, меня выдать за воеводича; а спрашивается: найдется такой воеводичъ или такая каштелянка?

— Все въ Божьей волѣ,—наставительно сказала мать.—Кто знаетъ, что случится? Я вотъ просила Бога сохранить Тимка, и Онъ услышалъ меня... Можетъ услышитъ и еще. Теперь мнѣ бы узнать о немъ повѣрнѣе, тогда я поздоровѣла бы...

Выздоровленіе, увы, не наступало. Проходили дни, недѣли, а пани Хмельницкая все не оставляла своего ложа. Вотъ прошли долгія четыре недѣли, вотъ прибылъ и Кривоносъ и вошелъ въ комнату больной. Та чуть не умерла отъ радости, но вскорѣ оправилась. Кривоносъ было вздумалъ дать тягу въ сосѣднюю комнату, но былъ возвращенъ назадъ.

— Коего чорта!—пробормоталъ онъ.—Что, я страшный такой, что ли? Воробьи меня, дѣйствительно, боятся, но я вовсе не думалъ, чтобы ваша милость стала на одной линіи съ воробьями.

— Больна я, Данило... Видишь?

— Вижу, ну... Жаль, только...

Онъ постукивалъ пальцами въ лобъ, не находя утѣшительныхъ словъ,—это превышало его способности. На языкѣ у него вертѣлись сотни и тысячи чертей, ругательства, одно другого язвительнѣй, но едва ли они были умѣстны въ присутствіи умирающей женщины. Итакъ, Кривоносъ находился въ довольно жалкомъ положеніи.

— Тимко... Что Тимко?—спросила пани Хмельницкая.

— Тимко? Что ему дѣлается!

— Ты видѣлъ его?

— А то нѣтъ? Вотъ еще, я бы да не видалъ его!

— Давно?

— Дней будетъ... — Онъ началъ считать по пальцамъ:—одинъ, два, три...—насчиталъ до десяти, на одиннадцатомъ сталъ.

— Здоровъ онъ?

— Какъ рыба въ водѣ. Здоровъ.

— Ты долго былъ съ нимъ?

— Долго ли?... Долго и безъотлучно. Съ самой Охматовской битвы мы съ нимъ вмѣстѣ таскались... Впрочемъ, вотъ дуракъ! Нѣтъ, было такъ, что одинъ разъ я его покинулъ, другой разъ онъ меня, а теперь въ третій разъ опять... тутъ я его снова.

— Разскажи мнѣ все ,голубчикъ, Данило, какъ это было.

— Какъ было... гм... Да вотъ, были мы подъ Охматовымъ, провожали князя Радзивила на свадьбу... На дорогѣ я изъ Сороки удралъ, потому... что (Кривоносъ тутъ махнулъ рукой). Въ Яссахъ Тимка угощали, угощали, и-п-п... какъ угощали! Но все-таки въ концѣ мы должны были бѣжать.

— Зачѣмъ?

— Да такъ. Тимку приглянулась младшая дочка господарская, панна такая, что ну! Приглянулась она ему, онъ засмотрѣлся на нее, и когда ему нужно было проталкиваться въ одномъ большомъ собраніи, гдѣ былъ господарь и жена его, и князь и княгиня, боярь цѣлая куча, такъ Тимко, когда началъ проходить, тамъ боярскимъ женамъ и дочкамъ ноги всѣ и поотдавилъ и платья порвалъ. Князь Радзивилъ такъ разгнѣвался, что не дай Боже... Ну, Тимку ждать и не приходилось, чѣмъ этотъ гнѣвъ кончится... Мы и убѣжали... Какъ махнули, такъ и очутились въ Аккерманѣ у Тугай-бега. Тамъ хорошо было, только скука заѣла. Наконецъ вырвались и оттуда, слава Богу.

— Отчего же вы такъ долго не давали о себѣ вѣсточки?

— Тимко собирался было писать, да бумаги не было. Посылали въ Бахчисарай, наконецъ Тимко самъ ѣздилъ въ Яссы, а потомъ мы ужь Гриця сюда прислали.

— Былъ Тимко въ Яссахъ?

— Былъ, только бумаги не привезъ.

— Отчего?

— А оттого, что снова засмотрѣлся на господарскую дочку.

— На господарскую дочку...—медленно повторила пани Хмельницкая, какъ будто бы желая хорошенько запомнить эти слова.

— На младшую сестру княгини Радзивилъ.

— Какое ему до ней дѣло!—вздохнула больная.

— Ворожея ему сказала, что она ему достанется.

— Ворожея сказала,—проговорила больная и вдругъ вся вытянулась, поводя глазами вокругъ.—Ворожея... ска-зала... сказала Тимку,

сыну моему, что го-спо-да-рская дочка е-му... О... охъ!—Она пронзительно вскрикнула.—Е-му, Тимкѣ... сказа-ла...

Послѣднія слова вылетали все тише и тише. На лицѣ больной показался отпечатокъ какого-то яснаго покоя. Пока шевелились только губы, наконецъ и онѣ замолкли. Въ комнатѣ царствовала торжественная тишина. Панна Хмельницкая и двѣ прислужницы въ молчаніи стояли неподалеку отъ ложа. Кривоносъ стоялъ также и готовился подробно разсказать, какъ и что именно сказала ворожея. Ожиданіе длилось бы неизвѣстно сколько, еслибы не топотъ лошадиныхъ копытъ, раздавшійся на дворѣ. Панна Хмельницкая выглянула въ окно.

— Отецъ пріѣхалъ!—крикнула она и выбѣжала изъ комнаты. Вскорѣ въ открытыхъ дверяхъ показалась фигура самого пана Хмельницкаго.

— Ну, вотъ, и дождалась вѣстей отъ Тимка!—началъ онъ, переступая порогъ. Ему отвѣчало только молчаніе. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, остановился, нахмурилъ брови, пристально посмотрѣлъ на жену, потомъ оглянулся вокругъ. Лѣвая рука его какъ-то неестественно сильно дернула длинный усъ, лицо озарилось улыбкой, на краткій, какъ проблескъ молніи, и потомъ приняло выраженіе серьезной, величавой грусти.

— Мама, отецъ пріѣхалъ!—окликнула мать панна Хмельницкая.

— Умерла...—уныло проговорилъ панъ Хмельницкій.

Слова эти, словно ударъ грома, поразили всѣхъ присутствующихъ, за исключеніемъ Кривоноса, который съ жестомъ протеста поднялъ вверхъ руку и заявилъ, что больная только-что говорила.

— Умерла!—повторилъ панъ Хмельницкій.

— Вотъ ты и поди!—пожалъ плечами Кривоносъ.—А вѣдь за минуту до того говорила, глядѣла...

Онъ обернулся на присутствующихъ, точно призывая ихъ въ свидѣтели, но тѣ не обращали на него ни малѣйшаго вниманія. Дочь съ громкимъ рыданіемъ припала къ неостывшему праху матери, за ней потянулись прислужницы, на крикъ начали сбѣгаться всѣ домашніе, пришелъ Юрко. Хмельницкій кивкомъ головы пригласилъ Кривоноса слѣдовать за собою.

— Теперь тебѣ здѣсь дѣлать нечего,—сказалъ онъ ему, когда они вышли на крыльцо.—Собирайся ѣхать назадъ въ Аккерманъ.

— А Тимкѣ сказать, что сдѣлалось съ матерью?... Или утаить лучше, а то вѣдь она въ немъ души не чаяла.

— Узнать рано или поздно онъ все-таки узнаетъ. Скрывать нечего, да по моему мнѣнію даже лучше будетъ, если ты разскажешь ему всю правду. Все одной причиной, привлекающей его въ Суботово, меньше; погорюетъ немного, въ головѣ у него чище будетъ. Въ Бахчисараѣ

же необходимо, чтобъ его голова была свободна отъ разныхъ глупостей. Съ ханомъ говорить теперь не шутка.

— А что нужно сказать хану?

— Только одно: что въ Варшавѣ рѣшили идти на Турка. Пусть же онъ знаетъ объ этомъ и заранѣе обдумаетъ, на чью сторону склониться: на турецкую или польскую. Какъ онъ сдѣлаетъ, такъ и мы. Либо съ туркомъ на ляха, либо съ ляхомъ на турка. Все дѣло въ томъ, чтобы Тимко съумѣлъ увѣрить, что я теперь твердо держусь за него, за хана.

— А если ханъ еще что-нибудь спроситъ?

— Ничего не спроситъ. Онъ сахъ знаетъ, гдѣ раки зимуютъ. Пожалуй, можно ему сказать, что ляхи у козаковъ поперекъ горла стали, въ особенности мнѣ. Охъ!—Хмельницкій вздохнулъ,—въ другихъ мѣстахъ на такого, какъ я, сыпались бы почести, старѣства, отличія, а меня тутъ всякая дрянь, какой-нибудь подстароста наровитъ въ бараній рогъ согнуть.

Онъ прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ по крыльцу и добавилъ:

— Впрочемъ, все это не важно. Нужно только, чтобы ханъ все обдумалъ заранѣе.

— Ну, а насчетъ какого-то обѣщанія, о которомъ упомянулъ Тугай-бегъ?—спросилъ Кривонось.

— Что?... Насчетъ обѣщанія?... Скажи ему такъ: у Богдана умерла, молъ, жена и онъ въ такой горести, что отъ него добиться ничего нельзя. Наконецъ, ты повезешь ему подарки: это будетъ служить доказательствомъ, что другъ его помнитъ о немъ. Обѣщаніе... Мнѣ это обѣщаніе тяжелымъ камнемъ лежитъ на сердцѣ, только не для Тугая.

А во время этого разговора изъ открытыхъ оконъ комнаты покойницы раздавались вопли и рыданія. Что ни минута, кто-нибудь выходилъ оттуда, отирая глаза. Вышелъ Юрко, рыдая и ломая руки.

— О, отецъ, мать наша... угасла, угасла... какъ свѣчка.

— Всѣ мы такъ угаснемъ,—грустно, покачивая головой, промолвилъ панъ Хмельницкій.

ГЛАВА II.

На хуторъ за приданымъ.

Смерть пани Хмельницкой произвела большое впечатлѣніе на весь околодокъ. Кромѣ любви и уваженія, какими повсюду пользовалась покойница, всѣ какъ бы инстинктивно почувствовали, что потеряли въ ней единственную силу, сдерживающую доселѣ неукротимыя стремленія Богдана. Она не мѣшалась ни во что, стояла въ сторонѣ, не принимала ни малѣйшаго участія въ совѣтахъ, переговорахъ, сходкахъ, очень

частыхъ въ тогдашнее время, но, несмотря на то, имѣла сильное вліяніе на мужа, сдерживала его, въ особенности до потери здоровья. Въ присутствіи этой женщины, тихой, ласковой, въ присутствіи этой матери, всею душой отдавшейся дѣтямъ, Богданъ чувствовалъ себя связаннымъ. Какъ часто, движимый гнѣвомъ или другимъ какимъ-нибудь сильнымъ чувствомъ, онъ мысленно обращался къ ней и удерживался отъ неосторожнаго поступка. Благодаря ей, онъ не принималъ непосредственнаго участія въ волненіяхъ, предшествующихъ тому, которое наступило послѣ ея смерти. Вѣсть о ея смерти скоро облетѣла всѣ окрестности Чигирина и вызвала множество разнообразныхъ толковъ.

— Умерла... Пани Хмельницкая умерла. Упокой Господь ея душу!— съ неподдѣльною грустью повторялось во всѣхъ мѣстахъ. Похороны привлекли цѣлую массу народа и совершились съ великолѣпіемъ, какое только возможно въ городкѣ, лежащемъ вдали отъ столицы. Впереди гроба медленно подвигалась шляхта и козачество, за ними необозримою волною плыла толпа простого народа. Священники восточной церкви сопровождали печальную колесницу, покрытую чернымъ сукномъ и запряженную парою лошадей. Колокола уныло перезванивали; на каждыхъ двухстахъ шагахъ процессія останавливалась для совершенія панихиды. Христіане обоихъ вѣроисповѣданій набожно крестились, наклоняли головы и тихо шептали: „со святыми упокой...“

Среди провожающихъ были подстароста и панъ Михалъ. Шли они рядомъ: одинъ—надменный, съ высоко поднятою головой, другой—тихій, согбенный.

Процессія должна была идти мимо домика лысаго шляхтича. Тамъ, у окна, на половину закрытаго цвѣтущими мальвами, стояла и горько плакала панна Элена. Хмельницкій, шедшій прямо за колесницей между дочерью и сыномъ, бросилъ на нее взоръ, но она не замѣтила его, какъ не замѣтила и взгляда подстаросты. Все ея вниманіе сосредоточивалось на гробѣ, глаза ея слѣдили за нимъ, пока тотъ не свернулъ въ боковую улицу, и только тогда остановились на лицѣ старой-престарой женщины, что сидѣла тутъ же.

— Вотъ, бабка, вотъ оно какъ!—сказала Элена, утирая фартукомъ глаза.

— Всѣ люди родятся и умираютъ,—отвѣтила старуха.

— Она могла бы и еще пожить.

— Да, она могла сосчитать развѣ половину только лѣтъ, что прожила я, да и жить бы ей... роскошь, покой...

— О, знаю я этотъ покой!—воскликнула Элена.

— Степнячки, что при жизни „моего“, — упокой его Господи! — сходились къ намъ на хуторъ, наговориться вдосталь не могли о хорошемъ житьѣ въ Суботовѣ.

— Въ хорошемъ недостатка не было, нехватало только одного...

— Чего?—спросила старуха, когда Элена недоговорила своей мысли.

— Ахъ, это долго было бы разсказывать!...

— Затосковала, говорятъ, по старшемъ сынѣ, что теперь гдѣ-то по свѣту шляется. Тоска тоже убивать можетъ, а отъ тоски нѣтъ другого средства, какъ работа. Ей, большой пани, лѣкарства-то и не доставало. Вотъ я, напримѣръ. Умеръ мой Ничипоръ и я бы тосковала, еслибы была паней. А я вотъ работаю и утѣшаюсь, только вотъ эти деньги покоя мнѣ не даютъ. Я и теперь пришла къ твоему отцу: пусть онъ посовѣтуетъ, что мнѣ дѣлать. Вѣдь онѣ твои, ласточка ты моя!

Въ голосѣ старухи слышалась необыкновенная нѣжность.

— Покойникъ мой передъ смертью наказывалъ мнѣ, чтобъ я показала вамъ мѣсто. Мы назначили ихъ тебѣ, покойникъ и я, а ты тамъ... какъ сама захочешь: хочешь деньги оставить въ землѣ, чтобъ не разсѣялись по свѣту,—останутся; не хочешь—возьмешь. Онѣ тебѣ пригодятся. Дѣвушка съ приданымъ выбираетъ себѣ суженаго по душѣ, а не идетъ за немилаго.

Панна Элена, растроганная видомъ похоронъ, слушала старушку, которая была не кто иная, какъ баба Мотря съ хутора, — та самая, что когда-то прижимала къ своей груди крохотнаго ребенка пана Михала. Ребенокъ теперь сталъ дѣвушкой взрослой и прелестной,— охъ, какой прелестной! Благодаря своей красотѣ, она стала предметомъ искательствъ со стороны почти всѣхъ, имѣющихъ право на исканіе расположенія женщины.

Старуха говорила далѣе, но панна Элена почти не слушала ея, оставалась подъ впечатлѣніемъ похоронъ пани Хмельницкой,—похоронъ, потрясшихъ ее до глубины души и вызвавшихъ въ ней что-то похожее на угрызеніе совѣсти. Она вставала, ходила по комнатѣ, вновь садилась,—все напрасно: тревога не покидала ея. Старуха говорила, что пришла въ городъ на одну минутку потолковать съ паномъ Михаломъ о зарытыхъ деньгахъ и возвратиться поскорѣй на хуторъ, оставленный на произволъ судьбы.

— И то счастье, что я тебя дома застала... А отчего ты не пошла на похороны?

Панна Элена смѣшалась.

— Отецъ, что ли, не взялъ?

— Нѣтъ... Такъ, просто... голова у меня съ утра разболѣлась.

— Головка разболѣлась?—съ участіемъ сказала Мотря.—Охъ, ты, сердечко мое! А часто у тебя болитъ она?

— Нѣтъ, не часто. Болитъ иногда.

— Можетъ у тебя на сердцѣ горе какое лежитъ?

— Незнаю,—тихо отвѣтила Элена.

— Свари себѣ зелье какое-нибудь и пей, только не „любистокъ“ (зоря). Того не вари, сохрани Богъ,—и безъ того хлопотъ и несчастія не оберешься... А можетъ-быть оно уже и есть у тебя, а?

— Охъ, бабушка!—вздохнула Элена.

— Измѣнилъ кто?

Элена только махнула рукой.

— Я и ожидала этого. Не даромъ Богъ далъ тебѣ черныя очи и русую косу. Ну, что-жь дѣлать?... Тутъ ничѣмъ не поможешь, развѣ какая-нибудь добрая знахарка отчитаетъ тебя. Да и знахарки есть разныя: какая умѣетъ дѣлать, а какая нѣтъ... Ты и позови къ себѣ знахарку, разскажи ей, какъ и что, а та ужь сама будетъ знать, что дѣлать. Только не медли,—съ такими вещами шутить нельзя, особенно тебѣ, рыбка ты моя золотая! На тебя всѣ глядятъ съ завистью, а завистливый глазъ можетъ и сглазить...

Старуха подперла рукой голову и задумалась.

Снаружи въ избу долеталъ отголосокъ погребальнаго звона, точно отдаленное рыданіе. Мысли бабы Мотри перешли на новую тему.

— Когда я умру, звона такого не будетъ. На моихъ похоронахъ развѣ только вѣтеръ въ бурьянѣ зазвонитъ.

— Бабушка!—остановила ее панна Элена, пораженная необычайно грустнымъ тономъ старухи.

— А что-жь, развѣ нѣтъ? Умру и я, и скоро умру. Нажилась довольно на свѣтѣ! Потому-то и приплелась сюда, чтобы не унести въ могилу тайны мѣста, гдѣ зарыты деньги. Хоть бы отецъ твой пришелъ поскорѣе.

Колокола начали звонить медленнѣе, наконецъ совсѣмъ умолкли.

— Вотъ и землей засыпали,—замѣтила Мотря.

Элена истерически зарыдала и выбѣжала изъ комнаты. Старуха покачала головой.

— Горюетъ, точно по родной матери. Не удивительно,—покойница была добра къ ней.

Она покачала головой и замолчала. Прошло нѣсколько минутъ. Вотъ на улицѣ послышались чьи-то медленные шаги, вотъ кто-то отворилъ калитку, двери скрипнули и на порогѣ показался панъ Михалъ.

— А!—обрадовался онъ.—Гостья нежданная! Ну, здравствуйте, Мотря! А Ничипоръ?

— Э... Ничипоръ... Поминайте, какъ звали... Позапрошлую середу... Послѣ завтра двѣ недѣли будетъ.

— Вѣчный ему покой!

— Я пришла къ вамъ съ приказомъ отъ него. Все деньги эти... Пойдемте за мной, я покажу вамъ мѣсто. Я и такъ разсказала бы вамъ, да это въ стени, а тамъ не найдете.

Панъ Михалъ согласился.

— Такъ собирайтесь же.

— Собраться не трудно, только вотъ что: вы хотите, чтобы деньги оставались на мѣстѣ или думаете, что лучше перенести ихъ куда-нибудь, гдѣ онѣ будутъ въ большей безопасности?

— Въ землѣ имъ лучше, а впрочемъ... дѣлайте, какъ хотите. Онѣ мнѣ ни на что не нужны. Не нынче, такъ завтра и я за Ничипоромъ пойду.

— А много ихъ тамъ?

— Кто ихъ знаетъ! Котелокъ полный, все талеры...

Панъ Михалъ медленно провелъ рукой по лысинѣ.

— Гм... Лучше было бы перенести ихъ, для процентовъ. Тамъ, въ землѣ, онѣ ничего не приносятъ, а тутъ имъ можно найти выгодное помѣщеніе. Мнѣ кажется, лучше перенести.

— Воля ваша. Покойникъ и я давно рѣшили, что деньги не наши, а Оленки, и потому только не трогали, что подбавляли. Теперь кончилось,—подбавки больше не будетъ. Мужъ умеръ, и я умру; пока жива, останусь съ хуторомъ, а послѣ моей смерти и хуторъ себѣ возьмите.

— Благодарю васъ...—началъ было панъ Михалъ, но Мотря перебила его:

— Что тамъ! Не благодарите, а собирайтесь лучше.

— Вотъ тутъ-то и штука! Перетащить не легко будетъ. По степямъ таскаются шайки гайдамаковъ,—долго ли до грѣха! Сразу не только денегъ лишишься, а и собственной головы. Впрочемъ, я подумаю. Вы пока отдохните, ночуйте у насъ,—теперь ужь далеко за полдень,—и завтра утромъ отправляйтесь себѣ на хуторъ. Я васъ или догоню на дорогѣ, или пріѣду на хуторъ въ одно время съ вами.

— И дочку съ собой возьмите. Пусть она хоть немного развлечется, а то такъ плачетъ отъ этихъ похоронъ, что ее одну въ домѣ оставлять негодится.

— Ваша правда,—отвѣтилъ шляхтичъ и крикнулъ:

— Элена, Элена!

Элена показалась на порогѣ съ красными глазами, съ опухшими рѣсницами.

— Что это ты тамъ расплакалась? Случилось то, что должно было случиться. Ты сама знаешь, что покойница хворала ужь давно и давно ожидала смерти. Успокойся, да дай намъ поѣсть,—я голоденъ, да и баба Мотря не должна быть сыта.

Элена, утирая глаза, пошла собирать обѣдъ, а панъ Михалъ началъ разсказывать о похоронномъ обѣдѣ, устроенномъ паномъ Хмельницкимъ. Шляхтичъ обѣдать не пошелъ,—его тянуло домой.

— Это предчувствіе,—объяснила Мотря.—Человѣкъ иногда самъ не знаетъ, отчего тамъ не остается, а туда идетъ. Вы чувствовали, что я пришла.

— Навѣрно такъ. А на обѣдъ собралась вся шляхта, козачество, народу простого безъ числа... Шляхтѣ и старшинамъ накрыли столы, а народу выкатили бочки и вынесли ѣду.

— Въ Суботовѣ?

— Гдѣ тамъ! Того, что дѣлается въ Суботовѣ, видѣть нельзя... Въ новомъ домѣ.

Мотря вопросительно посмотрѣла на него.

— Въ томъ, что ставятъ въ городѣ. Знаете?

— Да, да, да, знаю, знаю. Прошлой осенью, когда мы были въ Чигиринѣ на ярмаркѣ, то видѣли. Срубъ былъ уже готовъ. Теремъ должно быть большой.

— Большой. Не оконченъ только.

Въ это время въ комнату вошла панна Элена и начала, съ помощью работницы, устанавливать пищу на столѣ. Разговоръ продолжался далѣе.

— На что ему тотъ домъ, коли у него такой хорошій въ Суботовѣ?—спросила старуха.

При этомъ вопросѣ щеки Элены вспыхнули яркимъ румянцемъ.

— На что?... Просто пришло въ голову. Люди, у которыхъ денегъ много, часто придумываютъ то то, то другое. Панъ Хмельницкій просто съ жиру бѣсится.

Видно было, что отецъ нашей героини сильно недоволенъ Хмельницкимъ. Узналъ ли онъ о романтической сценѣ, происшедшей между Хмельницкимъ и его дочерью два года тому назадъ?

Элена покончила со столомъ и пригласила отца и гостью за обѣдъ. Тѣ сѣли.

— А ты?—спросила старуха Элену.

— Мнѣ что-то не хочется.

— О, это все отъ дурного глаза. Нужно тебя отъ него обезпечить разъ навсегда. Я вотъ говорила Оленкѣ, — обратилась она къ пану Михалу,—чтобъ она призвала себѣ какую-нибудь ворожею. Отъ дурного глаза иного средства нѣтъ; это хуже, чѣмъ слѣдъ вынуть...

Старуха ѣла и говорила вмѣстѣ съ тѣмъ. Панъ Михалъ слушалъ въ молчаніи. Обѣдъ кончился. Хозяинъ надѣлъ шапку, взялъ палку въ руки, посовѣтовалъ гостьѣ, чтобъ та легла отдохнуть въ саду подъ черешней, и ушелъ.

Остальной день прошелъ въ томъ, что баба Мотря, полежавъ подъ черешней, усѣлась около Элены, возлѣ окошка. Старуха разговаривала съ ней, но та по большей части отдѣлывалась молчаніемъ, изрѣдка отвѣчая короткими словами. Слезы сами навертывались на ея глаза и мѣшали работѣ.

— Да полно тебѣ такъ убиваться!—утѣшала Мотря.—Всему есть своя мѣра.

Элена посмотрѣла ей въ глаза.

— Можетъ ты не о томъ плачешь? Скажи мнѣ, я не врагъ же тебѣ,—можетъ-быть и посовѣтую что-нибудь.

— Что я вамъ скажу, бабушка?

— Что у тебя на сердцѣ. Не покинулъ ли тебя кто-нибудь?

— Кто?

— Почемъ же я знаю! Слышала, толковали что-то насчетъ старшаго сынка пана Хмельницкаго,—степнячки на хуторѣ толковали... Было у васъ что-нибудь?

— Нѣтъ,—тихо отвѣчала Элена.

— То-то онъ уѣхалъ и вѣсти о себѣ никакой не подаетъ. Я тогда и подумала, что между вами было что-то.

— Да ей-богу же ничего!

Мотря еще долго продолжала бы распрашивать, еслибъ ее не прервалъ приходъ пана Михала. Видно было, что онъ находится въ отличномъ расположеніи духа.

— Ну,—воскликнулъ онъ, снимая шапку и ставя палку въ уголъ,—все устроилось самымъ лучшимъ манеромъ. Дѣло въ томъ, чтобы никто изъ насъ и не заикался о деньгахъ. Поѣдемъ мы на хуторъ, по дорогѣ, какъ будто нечаянно, встрѣтимся съ паномъ подстаростой,—тотъ тоже выѣдетъ, какъ будто бы на охоту, съ дюжиной вооруженныхъ людей. Онъ насъ проводитъ туда и оттуда.

— Что же изъ этого выйдетъ?

— То, что гайдамаки не осмѣлятся напасть на насъ и мы безопасно заберемъ и привеземъ съ собой деньги.

— А-а-а! — протяжно сказала баба. — А я здѣсь заболталась съ Оленкой и совсѣмъ забыла о деньгахъ. И отлично. Такъ, вы говорите, о деньгахъ никому не сказывать?

— Да, мы такъ уговорились съ подстаростой.

— Подстароста же знаетъ?

— Онъ знаетъ. Я долженъ былъ сказать ему, когда просилъ о вооруженной помощи.

— Вы бы лучше обратились къ пану Хмельницкому.

— Я предпочелъ пойти къ подстаростѣ. Онъ сразу согласился. Заѣдетъ къ намъ на хуторъ,—нужно его угостить получше.

Послѣднія слова относились къ Эленѣ, которая выслушала ихъ не съ особеннымъ удовольствіемъ.

— Приготовь же все съ вечера, чтобы завтра, чѣмъ свѣтъ, уложить все на телѣгу и ѣхать.

— Такъ я не успѣю придти впередъ васъ,—замѣтила Мотря.

— Садитесь съ нами.

— Лошади какъ бы тяжело не было?

— Э, вытянетъ! На то и кони, чтобъ возили. Для васъ мы припряжемъ третью и кой-какъ доѣдемъ.

— Не для меня только, а для котелка съ талерами. Вамъ не мѣшаетъ осмотрѣть оси.

— Оси у меня крѣпкія, дубовыя,—выдержатъ хоть что. А ты, Элена, забери изъ погреба все: муки, крупы, солонины, ветчины, соль... О винѣ и горѣлкѣ я позаботился самъ. Не мѣшало бы захватить и меду, да взять его сколько нужно — не уложится въ телѣгу, взять мало—не стóитъ, да наконецъ довольно будетъ бочонка вина и баклаги горѣлки. Не забудь перцу, лавроваго листа, мушкатнаго орѣха,—можетъ крупеникъ придется дѣлать.

На другой день, при блѣдномъ свѣтѣ зари, со двора шляхтича выѣхала телѣга, запряженная тройкою лошадей. Панъ Михалъ былъ за кучера, заднія мѣста занимали Мотря и Элена.

Въ городѣ всѣ еще спали. Путники миновали дворъ Хмельницкаго, окруженный плетями и весь заваленный кирпичомъ, глиной, балками и т. п. Ѣхать приходилось тихо и осторожно. Во дворѣ — ни малѣйшаго движенія. Вдругъ изъ-за плетня раздался громкій голосъ:

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!

— Во вѣки вѣковъ, аминь!—отвѣтилъ, слегка вздрогнувшій панъ Михалъ.

То говорилъ Хмельницкій.

— Куда Богъ несетъ такъ рано?

— На хуторъ, по хозяйству... Посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

— Справедливо. Безъ хозяина—домъ спрота. А панна,—въ голосѣ Хмельницкаго послышалась легкая насмѣшка, — надъ чѣмъ хозяйничать будетъ? Не надъ конями же... Надъ курами, можетъ-быть, а можетъ-быть и надъ подстаростою, что вскорѣ нагоитъ васъ въ стени?

Панъ Михалъ нетерпѣливо ударилъ кнутомъ лошадей, наѣхалъ на камень и чуть было не опрокинулъ телѣгу. Хорошее расположеніе духа, съ какимъ онъ покидалъ домъ, сразу исчезло. Откуда этотъ человѣкъ могъ узнать о его вчерашнемъ уговорѣ съ подстаростой? Ему показалось это дурнымъ предзнаменованіемъ. Къ счастію, дорогу ему вскорѣ перешла женщина съ двумя полными ведрами воды. Панъ Михалъ опять развеселился.

Лошади весело бѣжали по гладкой дорогѣ. Становилось все свѣтлѣй и свѣтлѣй. Степь, увлаженная росою, курилась, какъ громадное кадило, кони весело ржали и жаворонки затягивали свои звонкія пѣсенки. Такъ шло до первой корчмы, гдѣ предстоялъ отдыхъ.

Въ корчмѣ засѣдало нѣсколько личностей, не внушавшихъ особаго довѣрія. Они очень внимательно осмотрѣли телѣгу, бросая при этомъ наглые взгляды на Элену и пана Михала, говорили разный вздоръ,

но вдругъ, сразу, умолкли, утихли, какъ то принизились, когда изъ-за корчмы появилась кучка вооруженныхъ всадниковъ, предводительствуемыхъ усатымъ, плечистымъ начальникомъ.

— Тсс...—шепнулъ одинъ изъ оборванцевъ, — подстароста!—Всѣ разбѣжались и совершенно исчезли.

Подстароста остановился передъ корчмой.

— Эй!—крикнулъ онъ,—шинкарь!

Изъ корчмы выскочилъ жидъ и началъ отвѣшивать низкіе поклоны.

— Гости есть?

— Есть,—ясновельможный панъ подстароста,—есть: адвокатъ изъ Чигирина... Да вотъ онъ и самъ, — указалъ жидъ на пана Михала, выходящаго въ это время изъ корчмы.

— А-а, панъ Михалъ! Добраго здоровья!—проговорилъ подстароста, не слѣзая съ лошади.

— Низко кланяюсь вашей милости,—отвѣтилъ панъ Михалъ.

— Что привело васъ въ жидовскую корчму?

— Хозяйство свое степное навѣстить ѣду.

— У васъ хуторъ въ степи, да?

— Хуторъ, садикъ, насѣка, кусокъ земли и прочее.

— Въ какой же это сторонѣ?

— Не далеко отъ Макаровой могилы.

— Я не бывалъ тамъ никогда. Далеко это отсюда?

— Если ѣхать не торопясь, то завтра къ обѣду можно поспѣть.

— Гм... Возьмите-ка меня въ товарищи, или... О-о!—вскричалъ подстароста, точно въ первый разъ увидалъ Элену, — и панна тоже ѣдетъ! Въ такомъ случаѣ я навязываюсь къ вамъ не только въ качествѣ товарища, но и гостя.

— Вы мнѣ дѣлаете величайшую честь,—отвѣтилъ панъ Михалъ.— Только я долженъ предупредить васъ, что гостепріимство будетъ скудное, хотя и чистосердечное. Хата въ степи... извѣстно всѣмъ, что такое значитъ.

— Какъ они брешутъ одинъ съ другимъ, — вполголоса сказала Мотря Эленѣ.—Если кто не знаетъ, что они уговорились, то, пожалуй, и повѣрятъ, что съѣхались нечаянно.

Подстароста слѣзъ съ лошади и приказалъ вынести ведро меда изъ корчмы. Наконецъ, встрѣча была достойнымъ образомъ вспрыснута, панъ Михалъ запрягъ лошадей и двинулся дальше, подъ хорошимъ прикрытіемъ.

ГЛАВА III.

Богатая невѣста.

Нечего и говорить, что поѣздка за деньгами удалась совершенно. Все шло какъ по маслу, благодаря помощи подстароста. Панъ Михалъ не смогъ бы самъ вытащить котелокъ и принужденъ былъ бы выбирать талеры горстями; подстароста, обладавшій медвѣжьей силой. ухватился за уши котелка,—правда, крякнулъ, но все-таки вытащилъ. Происходило это на восходѣ солнца, въ присутствіи бабы Мотри и Элены, съ величайшимъ любопытствомъ наблюдавшей за откапываніемъ сокровища. Она столько наслышалась о немъ! Теперь сокровище это, ея приданое, панъ Михалъ откопалъ, подстароста вытащилъ и поставилъ котелокъ на возъ. Всѣ не спѣша пошли къ хутору и раздѣлились по дорогѣ. Мужчины съ телѣгой пошли по одной дорогѣ, женщины по другой, степью, мимо могилы, гдѣ Элена когда-то такъ была напугана. Теперь она вспомнила объ этомъ и разсказала старухѣ.

— Да, это онъ, Сава, иногда приходитъ на могилу своего отца. Каждый годъ бываетъ. Вотъ теперь что-то его давно не видно.

— Тише!—шепнула Элена.

— Что ты?

— Слышите, бабушка?

Старуха напрягла слухъ.

— Нѣтъ, милая, ничего не слышу.

— На могилѣ!...

— Ничего.

Притупившійся слухъ не могъ уловить неясныхъ звуковъ, идущихъ со стороны могилы.

— Слышно, совсѣмъ слышно,—увѣряла Элена.

— Я стара стала, у тебя слухъ лучше. Подойдемъ ближе.

Онѣ прошли шаговъ двѣсти и тутъ старуха согласилась, что дѣйствительно слышитъ что-то. Звуки бандуры раздавались совершенно явственно.

На могилѣ сидѣлъ Сава и небрежно перебиралъ струны своего инструмента, извлекая цѣлый рядъ нестройныхъ звуковъ. Женщины нѣкоторое время слушали въ молчаніи, наконецъ Мотря окликнула бандуриста по имени. Сава вскочилъ на ноги, какъ будто внезапно пробужденный отъ сна.

— Сыграй намъ что-нибудь... Послушаю и я, старая, послушаетъ и молодая панна, что стоитъ тутъ со мной и ждетъ.

— Оленка?

— Она самая.

Элена потянула Мотрю за платье, чтобы та не говорила ея имени, но поздно.

— О, пусть ждетъ: если ждетъ, то дождется когда-нибудь!—раздалось съ могилы.

— Чего?... Твоей пѣсни?

— Счастья своего... Старикъ гонитъ его отъ нея прочь, она же ждать не хочетъ. А дождалась бы, еслибъ ждать умѣла.

Онъ взялъ нѣсколько аккордовъ и затянулъ извѣстную пѣсню, совершенно измѣняя ея смыслъ:

Ой подъ вишнею, ой подъ черешнею
Стоитъ старый съ молодою, словно съ ягодою.
Не проспалася, *не* молилася:
Пусти меня, старый дѣдъ, погулять пойду.
Не проспалася, не молилася...

— Пойдемъ отсюда,—шепнула Элена, схватывая Мотрю за рукавъ.

Мотря не сопротивлялась и только, отойдя отъ могилы на приличное разстояніе, спросила:

— Что ты такъ спѣшишь? Я стара,—видишь, не поспѣваю за тобой.

Элена пошла тише. Въ молчаливой задумчивости шагала она около старухи, которая, проводивъ ее до начала оврага, гдѣ лежалъ хуторъ пана Михала, пожелала ей доброй ночи.

— Развѣ вы не къ намъ, бабушка?

— Нѣтъ, нѣтъ! Пойду къ себѣ въ хату. Вы тамъ пировать будете, а мнѣ не до пировъ. Могила моего Ничипора еще травой не поросла.

— Вы хоть поужинали бы съ нами.

— Поужинаю у себя. Прощай, пташка моя!... Вотъ теперь мнѣ и легче сдѣлалось, когда я отъ денегъ отдѣлалась, теперь ужь Ничипоръ мнѣ сниться не будетъ. Прощай, милая!

Мотря повернула вправо, Элена бѣгомъ пустилась къ отцовскому хутору.

Тамъ было свѣтло и на дворѣ и въ домѣ. На дворѣ козаки разложили огонь и жарили четвертушку барана; въ комнатѣ, возлѣ ярко пылающей печи, работница хлопотала надъ горшками и сковородками.

Элена немедленно приступила къ исполненію своихъ хозяйскихъ обязанностей и тоже приняла участіе въ изготовленіи пищи.

Вскорѣ на дворъ въѣхала телѣга, сопровождаемая паномъ Михаломъ и подстаростою. Въ телѣгѣ было видно только одно сѣно,—никто бы и не догадался о присутствіи тамъ денегъ. Панъ Михалъ отпрягъ лошадей и помѣстился около телѣги. Подстароста вошелъ въ домъ.

— Эге!—крикнулъ онъ, переступая порогъ,—панна готовитъ намъ роскошное угощеніе. А нельзя ли поужинать на дворѣ?

— Отчего нѣтъ.

— Я помогу вамъ вынести столъ совсѣмъ накрытый, какъ онъ есть.

— Не пройдетъ въ дверь.

— Пройдетъ, вотъ сами увидите.

При помощи полѣна подстароста измѣрилъ ширину стола и раствора двери. Оказалось, что Элена права: между столами и дверью разница была болѣе чѣмъ на четверть.

— Какой у васъ вѣрный взглядъ!—замѣтилъ подстароста.—Я, кажется, тоже не могу пожаловаться на это, но готовъ былъ бы поклясться, что столъ пройдетъ свободно.

— Вы черезчуръ опрометливо поступили бы со своей клятвой, — отвѣтила Элена, собирая со стола тарелки.

— Что тамъ! Такая клятва...

— Клятва, какъ и всякая другая.

— Помилуйте, по отношенію къ столу? Что это можетъ обозначать?

— То, что вы черезчуръ поспѣшно даете клятвы.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Клятва моя—это стѣна.

— Бываютъ стѣны, что падаютъ отъ малѣйшаго вѣтра.

Подстароста увидалъ свою ошибку: Элена теперь была уже не тою робкою дѣвочкой, краснѣющею отъ каждаго слова. Ему болѣе ничего не оставалось, какъ выйти на дворъ. Тамъ онъ усѣлся около пана Михала, разставилъ ноги, уперся локтями въ колѣна и опустилъ голову на руки. Въ такой изящной позѣ онъ дождался ужина, гдѣ блистательно доказалъ, что аппетитъ его значительно превосходитъ его діалектическія способности. Въ ротъ онъ запихивалъ такіе куски, которыхъ пану Михалу хватило бы на шесть, и не особенно заботился разжевывать ихъ. Все это нисколько не мѣшало ему разсказывать эпизоды изъ своихъ заграничныхъ приключеній.

Элена подавала кушанья, любезно упрашивала гостя пить и ѣсть, но не обращала ровно никакого вниманія на разсказы пана Даніэля. Увы, они не занимали ея, какъ прежде.

На слѣдующее утро подстароста со своими козаками охотился въ окрестностяхъ хутора. Панъ Михалъ не принималъ никакого участія въ истребленіи зайцевъ, лисицъ и волковъ. Вечеръ прошелъ, какъ и предыдущій. Подстароста вновь началъ свои заграничные разсказы. Третій день назначался для возвращенія въ городъ. Охотничья дружина экскортировала телѣгу, на которой панъ Михалъ везъ свою дочь и котелокъ съ битыми талерами, ея приданымъ.

Впрочемъ, приданое не придавало ей лишняго блеска,—она и безъ того была прелестна. Только одинъ подстароста думалъ иначе и совершенно измѣнилъ свое обычное обращеніе. Солидный панъ Чаплицкій сдѣлался теперь совершенно неузнаваемъ. Козаки находили, что

онъ слегка рехнулся, и были правы. Подстароста велъ себя какъ самый молодой человѣкъ: то пришпоритъ коня и заставитъ его встать на дыбы, то пуститъ во всю прыть по степи, то сразу остановитъ. Конь скакалъ, прыгалъ и наконецъ такъ измучился, что панъ Даніэль долженъ былъ пересѣсть на другого.

Элена съ презрительной улыбкой смотрѣла на эволюціи подстаросты. Она отлично понимала, въ чемъ состоитъ суть дѣла: не даромъ она сидѣла на котелкѣ съ талерами.

И припомнились ей другія рыцарскія упражненія... Точно живой всталъ передъ нею образъ красиваго юноши на быстроногомъ сивомъ скакунѣ. Элена сравнила того съ подстаростой. Каковъ былъ тотъ и каковъ этотъ!

Вдругъ ей пришли въ голову слова, сказанныя вчера Савою. Сава говорилъ о счастьѣ, котораго она дождалась бы, еслибъ умѣла ждать.

„Что это за счастье? — спрашивала она себя.—Какое счастье? А потомъ эта пѣсня... Зачѣмъ Сава переиначилъ послѣднюю строфу: Не просилася, не молилася...“

Элена знала эту пѣсню. Тамъ говорится, что молодая не хочетъ старика, несмотря на то, что онъ обѣщаетъ ей „и прудъ, и мельницу, и вишневый садъ“.

Откуда Савѣ пришло въ голову измѣнить пѣсню такимъ образомъ? Свиданіе ихъ на могилѣ исключало всякую возможность предположить здѣсь что-нибудь предиамѣренное: ни Сава не могъ знать, что Элена придетъ къ могилѣ, ни она, что застанетъ его тамъ. Кромѣ того, ему должны были быть извѣстны вещи, покрытыя самой глубокой таинственностью. Единственно, что можно было сказать—это, что для Савы не существуетъ никакихъ тайнъ. Элена только такимъ образомъ могла разрѣшить мучащую ея загадку.

Полевая тропинка привела нашихъ путниковъ на торную дорогу. Привалъ рѣшили сдѣлать около ближайшей корчмы. Панъ Даніэль взялъ на себя роль распорядителя и дѣйствовалъ съ большимъ успѣхомъ. Была пятница; евреи, по поводу приближающагося шабаша, наготовили цѣлыя горы различныхъ яствъ. Догадливый панъ Чаплицкій забралъ всѣ запасы, выгналъ хозяевъ изъ корчмы и отдалъ ее всю въ полное распоряженіе Элены.

— Вы будете какъ королева въ этой жидовской хижинѣ,—любезно сказалъ панъ Даніэль.

Онъ разставилъ кругомъ стражу, чтобъ она не пропускала постороннихъ, и пригласилъ гостей на ужинъ, состоящій на половину изъ жидовскихъ кушаній, на половину изъ вчерашней добычи.

Что героиня наша не спала, какъ королева, будетъ понятно всякому, кто знаетъ, что такое жидовскія перины. Элена предпочитала бы спать подъ открытымъ небомъ, но подъ открытымъ небомъ мѣста

для ней не было, развѣ гдѣ-нибудь въ степи, подальше отъ жидовскаго семейства, справляющаго шабашъ въ камышахъ на-тощакъ, подальше отъ козаковъ, подальше отъ подстаросты, который послѣ ужина отвелъ пана Михаила на сторону и долго, расхаживая съ нимъ взадъ и впередъ, велъ какую-то бесѣду. Отголоски этой бесѣды доходили до ушей Элены. Хотя она не могла услыхать отдѣльныхъ словъ, но была увѣрена, что рѣчь шла о ней. Не трудно было додуматься до этого: не даромъ панъ подстароста ухаживалъ за нею цѣлый день, не даромъ такъ мучилъ своего коня. Едва ли воспламенили бы его прекрасные глаза, еслибы въ дали не виднѣлся котелокъ съ талерами. Такъ думала Элена на жидовской перинѣ и еле-еле задремала передъ самымъ утромъ, когда надо было собираться въ дорогу.

Панъ Чаплицкій испыталъ новую метаморфозу. То не былъ уже неистовый влюбленный,—нѣтъ, теперь онъ ѣхалъ важно и, что особенно удивительно,—во всей его фигурѣ проглядывало плохо скрываемое торжество.

Вчерашнія упражненія забавляли Элену, теперешнее безпокоило ее. Она безпокоилась бы и еще сильнѣй, еслибъ ея вниманіе не было отвлечено талерами. Вчера еще можно было сидѣть на нихъ,—они были прикрыты толстымъ слоемъ сѣна,—но лошади съѣли почти все сѣно, и талеры прикрывались только однимъ ковромъ. Понятно, что Элена страстно желала какъ возможно скорѣй добраться до дому, Наконецъ она не выдержала и почти со слезами вскрикнула:

— О, Боже мой, Боже! Отецъ, да доѣдемъ ли мы когда-нибудь?

— Доѣдемъ скоро, черезъ часъ, черезъ два.

— Такъ нескоро!

— Чего ты такъ спѣшишь?

— Какъ же не спѣшить? Тамъ одна Килина... Кто знаетъ, что можетъ случиться?

— Не будь же ребенкомъ,—наставительно замѣтилъ было панъ Михалъ, но тотчасъ же сообразилъ, что дѣвушка имѣла вѣроятно какую-нибудь особую причину желать поскорѣе вернуться домой. Не предчувствіе ли говоритъ въ ней? Дѣйствительно, не случилось ли тамъ чего: пожаръ, воры?... И панъ Михалъ началъ погонять лошадей. Наконецъ, пылкія желанія Элены осуществились. Телѣга въѣхала въ предмѣстье города; козачій отрядъ повернулъ направо, въ замокъ; подстароста остался одинъ. Ѣхать нужно было тихо, благодаря разбросанному по всей улицѣ строительному матеріалу, приготовленному для новаго дома пана Хмельницкаго, мимо котораго приходилось ѣхать нашимъ путникамъ. Ихъ въ особенности поразила одна вещь. Это были ворота, поставленныя во время ихъ отсутствія,—ворота высокія и широкія, вдѣланныя въ раму изъ двухъ толстыхъ вертикальныхъ дубовыхъ столбовъ, соединенныхъ поперечиной на верху. На поперечинѣ

висѣла веревка. Ворота, раскрытыя настежь, не представляли ничего особеннаго, только одна веревка (вѣроятно, посредствомъ ея втаскивали поперечину вверхъ и не успѣли еще снять) обращала на себя вниманіе. Подстароста при видѣ всего этого кашлянулъ и замѣтилъ:

— Висѣлица.

— Да, дѣйствительно, похоже на то,—отвѣтилъ панъ Михалъ.

Элена почувствовала, какъ по тѣлу ея пробѣжала дрожь безъ всякой видимой причины. Какое-то тяжелое, щемящее чувство сжало ея сердце и оставило только тогда, когда новый домъ остался позади. Только здѣсь Элена могла вздохнуть, какъ вздыхаетъ человѣкъ послѣ миновавшей опасности.

На рынкѣ подстароста сталъ прощаться. Онъ обнажилъ голову и наклонился въ сторону Элены съ такою рѣчью:

— Ну, панна, я вѣрно сослужилъ вамъ мою службу и ухожу теперь, поручая себя вашему любезному вниманію и на будущее время. Будьте увѣрены въ моей безпредѣльнѣйшей и почтительнѣйшей преданности,—и вы не ошибетесь,—а затѣмъ до свиданія.

И подстароста, очень довольный своимъ краснорѣчіемъ, пришпорилъ коня и умчался въ облакахъ пыли. Телѣга двинулась далѣе.

Элена долго крѣпилась, чтобы не расхохотаться, но въ присутствіи подстаросты это было бы невѣжливо. Теперь, когда онъ удалился, смѣяться можно было безпрепятственно. Она и смѣялась во всю остальную дорогу. Смѣясь вылѣзла изъ телѣги, смѣясь вошла въ домъ, такъ что панъ Михалъ замѣтилъ, что на нее „нашло“. Какъ нашло, такъ и сошло. Элена истощила весь запасъ смѣха, и хотя это случилось не въ пятницу, въ ту, о которой говоритъ пословица: „кто смѣется въ пятницу, тотъ заплачетъ въ воскресенье“, — воскресенье не весело прошло для Элены.

Горе пришло съ той стороны, откуда она ожидала меньше всего— со стороны отца. Шляхтичъ любилъ и баловалъ ее; казалось, цѣлью всей жизни его было удалять отъ нея малѣйшія непріятности, и все-таки на этотъ разъ горе причинилъ ей онъ.

— Ты смѣялась надъ подстаростой?—спросилъ панъ Михалъ.

— Ахъ, отецъ, развѣ этого дѣлать нельзя?

— Прежде всего смѣяться надъ людьми негодится; а во-вторыхъ, ты не знаешь, что...

Панъ Михалъ остановился и съ неизъяснимой нѣжностью посмотрѣлъ на дочь.

— Что подстароста, дитя мое...

— Ну?—начиная тревожиться, спросила Элена.

— Свататься за тебя пришлетъ.

— Подстароста?

— Подстароста.

— Это безчестно!—коротко, какъ ножомъ, отрѣзала Элена. Голосъ ея былъ холоденъ, но рѣшителенъ. Пана Михала это смутило сразу. Онъ почувствовалъ, что имѣетъ дѣло съ натурой твердой, съ которой нужно обращаться осторожно и умѣючи. На его счастье онъ былъ юристъ, зналъ хорошо людей и людскія слабости. Онъ помолчалъ минуту.

— Я не понимаю, что тутъ безчестнаго.

— То, что сваты придутъ не ко мнѣ, а къ моимъ талерамъ.

— Допустимъ на время, что такъ. Дальше?

— Если дѣло идетъ о талерахъ, то пусть поищутъ ихъ въ другомъ мѣстѣ.

— Онъ и искалъ бы ихъ въ другомъ мѣстѣ, еслибы для него, кромѣ талеровъ, не составляло бы важности соединить свою жизнь съ твоею.

— А взялъ ли бы онъ меня безъ приданаго?

— Можетъ быть и нѣтъ... Не знаю. Я знаю только то, и знаю вѣрно, что еслибъ ему дать на выборъ тебя или Элену Хмельницкую, онъ выбралъ бы тебя.

— Что изъ этого слѣдуетъ?

— То, что онъ пришлетъ къ тебѣ сватовъ.

— О, бѣдная я,—что я съ ними буду дѣлать?

— Что?—Примешь ихъ любезно и прилично,—отвѣтилъ панъ Михалъ тономъ, недопускающимъ возраженія.

— Ахъ, да онъ мнѣ не любъ!

— Дитя моя, выбирая по любви, ты можешь наткнуться на какого-нибудь вертопраха, что̀ и твое приданое растратитъ, и тебя погубитъ. А этотъ человѣкъ солидный, съ положеніемъ въ обществѣ, уважаемый, шляхтичъ; съ тобою положеніе его еще улучшится, за что онъ будетъ всегда уважать тебя. Въ его рукахъ деньги удесетерятся, а ты съ нимъ будешь первою женщиной въ Чигиринскомъ староствѣ.

Слезы все болѣе и болѣе набѣгали на глаза Элены, наконецъ градомъ покатились изъ глазъ.

— Я все знаю, несмотря на то, что ничего не говорилъ. Ты все Тимка вспоминаешь. Я ничего не имѣлъ противъ этого въ то время и съ радостью благословилъ бы васъ, еслибы панъ ротмистръ не ставилъ препятствій.

Щеки Элены загорѣлись яркой краской.

— Не ставилъ препятствій... почему? — Ты не показалась достаточно достойной невѣстой пану Хмельницкому. Ты... не достойна, а онъ достоинъ! Милосердый Боже! (Панъ Михалъ хотѣлъ было распространиться о своемъ достоинствѣ, но удержался.) Но это еще ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что я услыхалъ изъ эго устъ. Встрѣчаетъ онъ меня въ городѣ и ни съ того, ни съ сего начинаетъ распрашивать о тебѣ: что, какъ, нѣтъ ли у меня кого-нибудь въ виду для тебя. Ну, когда

я ему отвѣтилъ на его вопросы, онъ мнѣ говоритъ: „Слушайте, не выдавайте вашу дочь ни за кого, даже хотя за нее посватается воеводичъ какой-нибудь, королевичъ даже!“ А я у него спрашиваю: „Не для Тимка ли мнѣ ее беречь?“—„Нѣтъ,—говоритъ,—Тимку ее и понюхать не придется!“ Видишь, дитя мое, каковы эти люди! Что ему за дѣло до насъ? Какъ онъ смѣетъ распоряжаться мною? Выходитъ, значитъ, что еслибъ я выдалъ тебя за какого-нибудь иного, то Хмельницкій изъ мести надѣлалъ бы ему разныхъ непріятностей... Только подстаростѣ сдѣлать ничего не можетъ, — ни подстаростѣ, ни тебѣ. Его мстительная рука не достанетъ туда, въ замокъ.

Во время отцовской рѣчи Элена дрожала всѣмъ тѣломъ и еле сдерживала рыданія.

— Слушай еще,—я еще тебѣ скажу что-то, — продолжалъ панъ Михалъ, когда дѣвушка нѣсколько успокоилась. — Ты любишь своего отца?

— Батюшка!—крикнула Элена и бросилась къ нему на грудь.

Панъ Михалъ заключилъ ее въ объятія и шепнулъ ей на ухо:

— Въ рукахъ подстаросты моя судьба, мое спокойствіе и моя честь. Отъ него зависитъ предать меня или нѣтъ суду по страшному обвиненію, благодаря которому я долженъ былъ покинуть отеческій порогъ. Теперь все дѣло въ твоихъ рукахъ. Ты выйдешь за подстаросту и дѣло канетъ, какъ камень на дно моря... Что ты скажешь на это?

ГЛАВА IV.

Сваты.

„Что ты скажешь на это?“

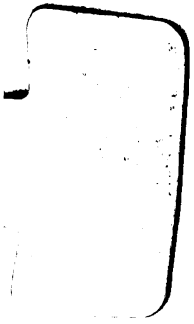
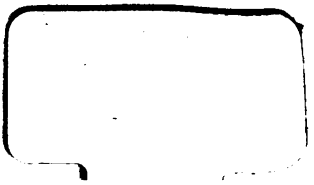
Иногда достаточно одного слова, чтобы нарушить внутреннее равновѣсіе человѣка, возбудить въ немъ цѣлую бурю мучительныхъ ощущеній. Нѣчто подобное случилось и съ нашей героиней, когда отецъ сообщилъ ей о намѣреніяхъ подстаросты. Элена остолбенѣла и долго безмолвно смотрѣла на отца, долго не могла прійти въ себя.

— Какое же это, отецъ, преступленіе?... — дрожащимъ голосомъ спросила она наконецъ.

— Не спрашивай меня, дитя, не воскрешай прошедшаго, которое я хотѣлъ бы позабыть и почти было забылъ. Знаешь, кто мнѣ напомнилъ его?

— Какъ я могу знать это?

— Подстароста... Да, на ночлегѣ ночью.

— Откуда онъ узналъ все это?

— Еще при прошломъ подстаростѣ пришли сюда бумаги, касающіяся меня, но я сидѣлъ въ то время на хуторѣ, — ну, и сошло съ